

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в тридцати трех томах

ТОМ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

1972

«Группа ЛЮДЕНЫ», 2017

Концепция издания — Светлана Бондаренко и Александр Воронин

Составители: Светлана Бондаренко, Виктор Курильский, Юрий Флейшман

Редакционная коллегия: С. Бондаренко, В. Борисов, А. Горбов, В. Дьяконов, А. Заршиков, В. Казаков, А. Кузнецова, И. Кузнецова, В. Курильский, Р. Муринский, П. Поляков, Л. Рудман, Ю. Флейшман, И. Юдин

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с правообладателями.

- © Стругацкий А., Стругацкий Б., текст, 1972, 2017
- © Бондаренко С., Воронин А., концепция, 2017
- © Бондаренко С., Курильский В., Флейшман Ю., составление, 2017
- © Бондаренко С., Казаков В., варианты произведений, 2017
- © Курильский В., Рудман Л., комментарии, примечания, 2017
- © Флейшман Ю., библиография, 2017
- © Курильский В., указатели, 2017
- © Рудман Л., подготовка форматов FB2, EPUB и MOBI, 2017
- © Рудман Л., подготовка форматов RTF и PDF, 2017

I. Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Понедельник начинается в субботу

По улице небольшого северного городка катит запыленный «Икарус». По сторонам улицы тянутся сначала старинные крепкие заборы, мощные срубы из гигантских почерневших бревен, с резными наличниками на окнах, с деревянными петушками на крышах. Потом появляются новостройки — трехэтажные шлакоблочные дома с открытыми сквериками. «Икарус» разворачивается на площади и останавливается у крытого павильона. Из обеих дверей начинают выходить пассажиры — с чемоданами, с узлами, с мешками, с рюкзаками и с ружьями в чехлах. Одним из последних спускается по ступенькам, цепляясь за все вокруг двумя чемоданами, молодой человек лет двадцати пяти, современного вида: бородка без усов, модная прическа-канадка, очки в мощной оправе, обтягивающие джинсы, поролоновая курточка с многочисленными «молниями».

Поставив чемоданы на землю, он в некоторой растерянности озирается, но к нему сразу же подходит встречающий — тоже молодой человек, может быть, чуть постарше, атлетического сложения, смуглый, горбоносый, в очень обыкновенном летнем костюме, при галстуке. Следуют рукопожатия, взаимные представления, деликатная борьба за право нести оба или хотя бы один чемодан.

Уже вечер. От низкого солнца тянутся по земле длинные тени. Молодые люди, оживленно беседуя, сворачивают с площади на неширокую, старинного облика улочку, где номера домов основательно проржавели, висят на воротах, мостовая заросла травой, а справа и слева тянутся могучие заборы, поставленные, наверное, еще в те времена, когда в этих местах шастали шведские и норвежские пираты. Называется эта улочка неожиданно изящно: «ул. Лукоморье».

— Вы уж простите, что так получилось, Саша, — говорит молодой человек в летнем костюме. — Но вам только эту ночь и придется здесь провести. А завтра прямо с утра...

— Да ничего, не страшно, — с некоторым унынием откликается приезжий Саша. — Перебьюсь как-нибудь. Клопов там нет?

— Что вы! Это же музей!..

Они останавливаются перед совсем уже феноменальными, как в паровозном депо, воротами на ржавых пудовых петлях. Пока молодой человек в летнем костюме возится с запором низенькой калитки, Саша читает вывески на воротах. На левой воротине строго блестит толстым стеклом солидная синяя вывеска: «НИИЧАВО АН СССР. ИЗБА НА КУРИНЫХ НОГАХ. ПАМЯТНИК СОЛОВЕЦКОЙ СТАРИНЫ». На правой воротине висит ржавая жестяная табличка «ул. Лукоморье, д. № 13, Н. К. Горыныч», а под нею красуется кусок фанеры с надписью чернилами вкривь и вкось: «КОТ НЕ РАБОТАЕТ. Администрация».

— Это что у вас тут за КОТ? — спрашивает Саша. — Комитет оборонной техники? Молодой человек в костюме смеется.

— Сами увидите, — говорит он. — У нас тут интересно. Прошу.

Они протискиваются в низенькую калитку и оказываются на обширном дворе, в глубине которого стоит дом из толстых бревен, а перед домом — приземистый необъятный дуб с густой кроной, совершенно заслоняющей крышу. От ворот к дому, огибая дуб, идет дорожка, выложенная каменными плитами, справа от дорожки огород, а слева, посередине лужайки, черный от древности и покрытый мхом колодезный сруб. На краю сруба восседает боком, свесив одну лапу и хвост, гигантский черно-серый разводами кот.

— Здравствуйте, Василий, — вежливо произносит, обращаясь к нему, молодой человек в костюме. — Это Василий, Саша. Будьте знакомы.

Саша неловко кланяется коту. Кот вежливо-холодно разевает зубастую пасть, издает неопределенный сиплый звук, а потом отворачивается и смотрит в сторону дома.

— А вот и хозяйка, — продолжает молодой человек в костюме. — По здорову ли, баушка Наина свет Киевна?

Хозяйке, наверное, за сто. Она неторопливо идет по дорожке к молодым людям, опираясь на суковатую клюку, волоча ноги в валенках с галошами. Лицо у нее темное, из сплошной массы морщин выдается вперед и вниз нос, кривой и острый, как ятаган, а глаза бледные и тусклые, словно бы закрытые бельмами.

— Здорова, здорова, внучек, Эдик Почкин, что мне сделается? — произносит она неожиданно звучным басом. — Это, значит, и будет новый программист? Здравствуй, батюшка, добро пожаловать.

Саша снова кланяется. Вид у него ошарашенный: старуха слишком уж колоритна. Голова ее поверх черного пухового платка повязана веселенькой косынкой с изображениями Атомиума и с разноязыкими надписями «Брюссель». На подбородке и под носом торчит редкая седая щетина.

— Позвольте вам, Наина Киевна, представить... — начинает Эдик, но старуха тут же прерывает его.

— А не надо представлять, — басит она, пристально разглядывая Сашу. — Сама вижу. Привалов Александр Иванович, одна тысяча девятьсот сорок шестой, мужской, русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет, а будет тебе, алмазный, дальняя дорога и интерес в казенном доме, а бояться тебе, брильянтовый, надо человека рыжего, недоброго, а позолоти ручку, яхонтовый...

— Гм! — громко произносит Эдик, и бабка сразу замолкает.

Воцаряется неловкое молчание, и вдруг кто-то негромко, но явственно хихикает. Саша оглядывается. Кот по-прежнему восседает на срубе и равнодушно смотрит в сторону.

— Можно звать просто Сашей, — выдавливает из себя новый программист.

— И где же я его положу? — осведомляется старуха.

— В запаснике, конечно, — говорит Эдик. — Пойдемте, Саша...

Они идут по дорожке к дому, старуха семенит рядом.

— А отвечать кто будет, ежели что? — вопрошает она.

— Ну ведь обо всем же договорились, — терпеливо поясняет Эдик. — Вам же звонили. Вам директор звонил?

— Звонить-то звонил, — бубнит бабка. — А ежели он что-нибудь стибрит?

— Наина Киевна! — с раскатами провинциального трагика восклицает Эдик и поспешно подталкивает Сашу на крыльцо. — Вы проходите, Саша, проходите, устраивайтесь...

Саша машинально вступает в прихожую. Света здесь мало, виден только белый телефон на стене и какая-то дверь. Саша толкает эту дверь, видит ручку на цепочке и отшатывается, машинально сказавши: «Виноват». За спиной у него Эдик напряженным шепотом втолковывает старухе:

— Это наш новый заведующий вычислительным центром! Ученый!

— Ученый... — брызжит бабка. — Я тоже ученая! Всяких ученых видала...

— Наина Киевна!.. Саша, не туда, сюда, пожалуйста, направо...

Они входят в запасник. Это большая комната с одним окном, завешенным ситцевой занавесочкой. У окна — массивный стол и две дубовые скамьи, на бревенчатой стене — вешалка с какой-то рухлядью: ватники, вылезшие шубы, драные кепки и ушанки; в углу большое мутное зеркало в облезлой раме, а у стены справа — очень современный низкий диван, совершенно новенький.

— О, смотрите-ка! — восклицает Эдик. — Диван поставили! Это хорошо...

Он с размаху садится на диван, несколько раз подпрыгивает, и вдруг выражение удовольствия на его лице сменяется удивлением, а удивление — тревогой.

— Как это так? — бормочет он. — Позвольте...

Он ощупывает ладонями обивку, вскакивает, становится на колени, запускает руку под диван и что-то там с натугой поворачивает. Раздается странный звук, словно затормозили пленку в магнитофоне. Эдик неторопливо поднимается, отряхивая руки. На лице у него озабоченность. И тут в комнату вваливается старуха со стопкой постельного белья.

— А ежели он тут у меня, скажем, молиться зачнет? — воинственно вопрошает она прямо с порога.

— Да нет, не начнет, — рассеянно говорит Эдик. — Он же неверующий. Слушайте, Наина Киевна, откуда здесь это? — Он показывает на диван. — Давно привезли?

— Опять же вот диван! — сейчас же подхватывает старуха. — Как завалится он на этот диван...

— Это не диван, — говорит Эдик. — Между прочим, Саша, вы действительно воздержитесь от этого дивана... Позвольте, — говорит он, озираясь. — Здесь же была раскладушка...

Ночь. В окно сквозь ветви дуба глядит огромная сплюснутая луна. Вдали лают собаки, из-за стены доносится молодецкий храп. Затем где-то в доме бьют часы — полночь.

Саша, укрывшись простыней, лежит на раскладушке, листает толстую книгу, зевает. На полу — раскрытый чемодан, в нем книги вперемешку с носками и галстуками. Когда часы начинают бить, Саша поднимает голову и считает удары, потом сует книгу под раскладушку, приподнимается и тянет руку к выключателю. Раскладушка угрожающе трещит. Саша гасит свет, энергично поворачивается на другой бок, и в то же мгновение раскладушка с лязгом разваливается.

Тишина. Потом храп за стеной возобновляется, Саша, чертыхаясь вполголоса, выбирается из простыни и пытается поднять раскладушку. В руках у него разрозненные детали. И снова, как давеча, слышится явственное хихиканье. Саша резко оборачивается и успевает заметить на фоне окна огромную кошачью голову — наставленные уши, торчащие усы и блеснувшие глаза. И снова в окне только луна да ветви дуба.

— Тьфу-тьфу-тьфу, — произносит Саша через левое плечо.

Он подбирает с пола тощий матрас, подушку, простыни и в нерешительности оглядывает комнату.

Диван.

Несколько секунд Саша еще медлит, а затем твердыми шагами направляется к дивану. Расстилает постель, несколько раз с силой нажимает на диван, словно пробуя его на прочность, и укладывается. Глаза его закрываются, на физиономии появляется блаженная улыбка. И в то же мгновение вновь возникает звук заторможенной магнитофонной пленки, переходящий в обстоятельное откашливание.

— Ну-с, так... — произносит хорошо поставленный мужской голос. — В некотором было царстве, в некотором государстве был-жил царь по имени... мнэ-э-э... Ну, в конце концов, неважно. Скажем, мнэ-э-э... Полуэкт...

Саша некоторое время слушает с открытыми глазами, потом осторожно встает, пригнувшись, подкрадывается к окну и выглядывает. Спиной к дубу, ярко освещенный луной, стоит на задних лапах кот Василий. В зубах у него зажат цветок кувшинки.

— Мнэ-э-э... — тянет он, задумчиво подняв глаза к небу. — У него было три сына-царевича. Первый... мнэ... Третий был дурак, а вот первый?

Кот трясет головой, потом закладывает передние лапы за спину и, слегка сутулясь, плавным шагом направляется прочь от дуба.

— Хорошо, — цедит он сквозь зубы. — Бывали-живали царь да царица... У царя, у царицы был один сын... Мнэ-э... Дурак, естественно...

Кот с досадой выплевывает цветок и, топорща усы, потирает лоб когтистой лапой.

— Пр-роклый склероз, — говорит он. — Но ведь кое-что помню! «Ха-ха-ха! Будет чем полакомиться: конь — на обед, молодец — на ужин...» А дальше? — Кот делает фехтовальные движения. — Три головы долой, Иван вынимает три сердца и... и... — Плечи его поникают.

Он глубоко вздыхает и поворачивает обратно к дубу. В лапах у него вдруг оказываются массивные гусли.

— Кря-кря, мои деточки, — поет он, пощипывая струны. — Кря-кря, голубяточки! Я... мнэ-э-э... Я слезой вас отпаивала... Вернее, выпаивала... — Некоторое время он марширует молча, стуча по струнам, потом немзыкально кричит: — Сладок кус не доедала! — Прислоняет гусли к дубу и чешет задней лапой за ухом. — Труд, труд и труд! — провозглашает он. — Только труд! — Он снова закладывает лапы за спину и идет в сторону от дуба, бормоча: — Дошло до меня, о великий царь, что в славном городе Багдаде жил-был портной по имени... — Тут он встает на четвереньки, выгибает спину и злобно шипит, стуча лапой по лбу. — Вот с этими именами у меня особенно отвратительно! Абу... Али... н-ну, хорошо, скажем, Полуэкт...

Голос его прерывается протяжным пронзительным скрипом и отдаленным рокочущим «Ко-о, ко-о, ко-о...». Изба вдруг начинает раскачиваться, как лодка на волнах, двор за окном сдвигается в сторону, а из-под окна вылезает и вонзается когтями в землю исполинская куриная нога — проводит в траве глубокие борозды и снова скрывается. «Ко-о, ко-о, ко-о» переходит в звук тормозящейся магнитофонной пленки и затем в пронзительный телефонный звонок.

Саша сидит на полу рядом с диваном, запутавшись в простыне, и очумело вертит головой. Телефон в прихожей звенит непрерывно.

Саша наконец вскакивает, выбегает в прихожую и хватается трубку.

— Алло! — хриплым со сна голосом говорит он.

— Такси вызывали? — гнусаво осведомляется трубка.

— Какое такси?

— Это два-семнадцать-шестнадцать?

— Н-не знаю...

— Такси вызывали?

— Нет... Не знаю... Откуда мне знать?

В телефоне гудки отбоя. Саша вешает трубку, некоторое время с сомнением смотрит на телефон, потом возвращается в комнату и... остолбеневаает на пороге.

Диван исчез.

На полу, там, где стоял диван, валяется постель. И больше ничего.

Саша оторопело смотрит, потом осторожно подходит, нагибается и ощупывает, похлопывая ладонью, то место, где стоял диван.

— По-моему, я на нем спал, — говорит он вслух. — Даже приснилось что-то...

Он подходит к окну, раздвигает занавески и выглядывает. Двор залит лунным светом и пуст. Тишина, храп за стеной, в отдалении лают собаки. Саша стоит у окна, растерянно теребя бороду.

Резкий стук в наружную дверь заставляет его обернуться. Он снова выходит в прихожую, осторожно отодвигает засов.

На крыльце перед ним стоит невысокий изящный человек в светлом коротком плаще и в огромном черном берете. Узкое длинное лицо, усы стрелками, выпуклые пристальные глаза.

— Прошу прощения, Александр Иванович, — с достоинством произносит он, коснувшись берета двумя пальцами. — Я отниму у вас не больше двух минут.

— Да-да... прошу... — растерянно говорит Саша, пропуская незнакомца в прихожую.

Незнакомец делает движение пройти в комнату, но Саша поспешно заступает ему дорогу.

— Извините, — лепечет он. — Может быть, здесь... А то у меня там, знаете, беспорядок... даже сесть толком негде...

— Как негде? — Незнакомец резко поднимает брови. — А диван?

Некоторое время они молча смотрят друг другу в глаза.

— М-м-м... Что — диван? — шепотом спрашивает Саша.

Незнакомец все смотрит на него, то высоко задирая, то низко опуская брови.

— Ах вот как... — медленно произносит он наконец. — Понимаю. Жаль. Что ж, еще раз прошу прощения.

Он снова прикладывает два пальца к берету и решительно направляется прямо к дверям уборной.

— Куда вы? — бормочет Саша. — Вам не туда... Вам...

— Ах, это безразлично, — говорит незнакомец, не оборачиваясь, и скрывается за дверь.

Саша машинально зажигает ему свет. Стоит несколько секунд с обалделым видом, потом резко распахивает дверь. В уборной никого нет. Мерно покачивается фаянсовая ручка.

Саша, пятясь задом, возвращается в свою комнату.

— Стаканá нет? — раздается за его спиной хриплый голос.

Саша оборачивается.

Верхом на скамье под зеркалом сидит какой-то тип в кепке, сдвинутой на правый глаз. Щетина. К нижней губе прилип окурок.

— Стаканá, говорю, нет? — повторяет тип.

Саша молча трясет головой.

— Значит, с горлá будем, — оживляется тип. — Ну, давай.

Саша подходит к нему и останавливается, выпятив челюсть.

— А собственно, кто вы такой? — спрашивает он. — Что вам здесь надо?

Тип обращает взор на то место, где раньше стоял диван.

— Чего мне здесь надо, того уже здесь нету, — произносит он с сожалением. — Опоздал, понял? Надо понимать, Витек перехватил. Так шефу и доложим. — Он снова обращает глаза на Сашу. — Этого, значит, не держишь, — говорит он, щелкая себя по шее. — И красного тоже нет? Жаль. Обидел ты меня, друг. — Он глубоко запускает руку в зеркало и, оживившись, извлекает оттуда водочную бутылку. Встряхивает ее, смотрит на свет. Бутылка пуста. — А кто это там приходил? — спрашивает он, ставя бутылку на стол.

— Не знаю, — отвечает Саша, следя за его действиями, как зачарованный. — В берете какой-то...

Тип понимающе кивает.

— Кристобаль Хозевич, значит. — Он снова запускает руку в зеркало. — Тоже, значит, опоздал. Во Витек дает... — Он сосредоточенно шарит в «зазеркалье» и бормочет: — Всех сделал. Шефа моего сделал, Кристобаля Хозевича — и того сделал... — Лицо его вновь озаряется, и на свет появляется еще одна бутылка, опять пустая. Тип ставит ее рядом с первой и несколько секунд любуется ими. — Это же надо — сколько старуха пьет! Как ни придешь, меньше чем две пустышки не бывает... А одеколону у тебя тоже нет? — спрашивает он без всякой надежды, вытягивая из кармана авоську.

— Нет, — говорит Саша, наблюдая, как тип деловито укладывает бутылки в авоську. — А что здесь вообще происходит? Где диван? Куда это я вообще попал? На чем я теперь спать буду, черт подери?

Тип вдруг вскакивает, сдергивает с головы кепочку и прячет руку с авоськой за спину. Лицо его принимает испуганно-почтительное выражение.

— Пардон, — говорит он кому-то, глядя поверх Сашиного плеча.

Саша оглядывается. У дверей, куда смотрит тип, никого нет.

— Пардон, — повторяет тип, пятясь. — Айн минут, мерси, гуд бай.

Спина его упирается в зеркало, но он продолжает пятиться и вдруг проваливается в «азеркалье», мелькнув в воздухе стоптанными сандалиями.

Саша медленно подходит к зеркалу, осторожно заглядывает в него. Отшатывается: своего отражения он в зеркале не видит. Видит стол, дверь, постель на полу — все что угодно, кроме себя. Он осторожно тянет руку к тусклой поверхности, упирается в твердое, и отражение сейчас же возникает. Мотнув головой, Саша изнеможенно опускается на скамью и сейчас же с криком вскакивает, держась рукой за трусы.

На скамье лежит, покачиваясь, блестящий цилиндрик величиной с указательный палец.

Саша берет его и принимается оглядывать со всех сторон. Цилиндрик тихо потрескивает. Саша стучит по нему ногтем, и из цилиндрика вылетает сноп искр, комната наполняется невнятным шумом, слышны какие-то разговоры, музыка, смех, кашель, шарканье ног, смутная тень на мгновение заслоняет свет лампочки, громко скрипят половицы, а по столу пробегает огромная белая крыса. И все снова стихает.

Саша, закусив губу, осторожно поворачивает цилиндрик, чтобы посмотреть на него с торца, и в то же мгновение комната перед его глазами стремительно поворачивается, тьма, грохот, летят искры, и Саша вдруг оказывается сидящим в очень неудобной позе в противоположном углу комнаты под вешалкой. Вешалка, секунду помедлив, с шумом обрушивается на него.

Раскачивается лампочка на длинном шнуре, на потолке явственно темнеют следы босых ног. Саша, заваленный тряпьем, смотрит сначала на эти следы, потом на свои голые пятки. Пятки вымазаны мелом. Саша рассеянно потряхивает их, глядя на цилиндрик. Цилиндрик стоит посреди комнаты, касаясь пола краем торца, в положении, исключающем всякую возможность равновесия. Он раскачивается и тихо потрескивает.

Тогда Саша выбирается из-под тряпья, выбирает наугад какую-то ушанку и осторожно накрывает ею цилиндрик. Руки у него трясутся.

— В-вот это в-вы н-напрасно, — раздается голос.

— Что — напрасно? — раздраженно спрашивает Саша, не оборачиваясь.

— Я г-говорю про умклайдет. Вы н-напрасно накрыли его шапкой.

— А что мне еще с ним делать? — спрашивает Саша и наконец оборачивается.

В комнате никого нет.

— Это ведь, к-как говорится, в-волшебная палочка, — поясняет голос. — Она т-требует чрезвычайно осторожного об-обращения.

— Поэтому я и накрыл, — говорит Саша. — Да вы заходите, товарищ, а то так очень неудобно разговаривать.

— Б-благодарю вас.

Около дверей, как раз там, куда глядел тип в кепочке, неторопливо конденсируется из воздуха величественный человек преклонных лет в роскошном бухарском халате и комнатных туфлях. Он огромного роста, благородное чрево распирает шнур с кистями, великолепные седины, саваофова борода волной, огромные ладони привычно засунуты за шнур. Голос у него рокочущий, глубокий, он заметно заикается. Светлые глаза смотрят приветливо и благожелательно.

— Вы знаете, дружок, я, наверное, должен извиниться, — говорит он. — Я тут у вас уже полчаса торчу, надеялся — обойдется как-нибудь... Этот диван, черт его подери, так я и знал, что вокруг него начнется скандал. Халат накинул — и сюда.

— Насчет дивана вы опоздали, — с сожалением говорит Саша. — Украл его уже.

Человек в халате величественно отмахивается.

— Да он мне и ни к чему. Я, знаете ли, опасался, что они здесь все передерутся и в суматохе вас, так сказать, затопчут... Уж очень, знаете ли, страсти накалились. Вот видите, Корнеев умклайдет здесь потерял... волшебную свою палочку... а это, дружок, не шутка.

Оба одновременно поднимают глаза и смотрят на отпечатки на потолке.

— Курс управления умклайдетом занимает, знаете ли, восемь семестров, — продолжает гость, — и требует основательного знания квантовой алхимии. Вот вы, дружок, программист, умклайдет электронного уровня вы бы освоили без особого труда, но квантовый умклайдет... гиперполя... трансгрессивные воплощения... обобщенный закон Ломоносова–Лавуазье... — Он сочувственно разводит руки.

— Да о чем речь! — восклицает Саша. — Я и не претендую! — Он спохватывается. — Может, вы присядете?

— Благодарю вас, мне так удобнее... Но вся эта премудрость в ваших руках. Поработаете у нас годик-другой... — Он прерывает самого себя. — Вы знаете, Александр Иванович, я бы все-таки просил вашего разрешения убрать эту шапку. Мех, знаете ли, практически непрозрачен для гиперполя...

Саша поднимает руку.

— Ради бога! Все, что вам угодно. Убирайте шапку, убирайте даже этот самый... кум... ум... эту самую волшебную палочку! — Он останавливается.

Шапки нет. Цилиндрик стоит в луже жидкости, похожей на ртуть. Жидкость быстро испаряется.

— Так будет лучше, уверяю вас, — объявляет незнакомец в халате. — А то, знаете ли, могло так бабахнуть... А вот забрать умклайдет я не могу. Не мой. Условности, черт бы их подрал. И вы его лучше больше не трогайте. Бог с ним, пусть так стоит.

Саша в полной готовности отчаянно машет руками.

— Да, я ведь еще не представился, — продолжает незнакомец. — Киврин Федор Симеонович. Заведую у нас отделом Линейного Счастья.

Саша застывает в почтительном изумлении.

— Федор Симеонович? — бормочет он в восхищении и растерянности. — Ну еще бы!.. Я вот только позавчера вашу статью... В «Успехах физических наук»... Ну, знаете, эту... о квантовых основах психологии...

— Знаю, знаю, — благодушно говорит Федор Симеонович. — И как вам эта статейка?

Саша не в силах говорить и всем своим видом демонстрирует крайнюю степень почтительного восторга.

— Да... гм... Пожалуй, — басит Федор Симеонович не без некоторого самодовольства. — Недурственная получилась работка. У нас, знаете ли, в институте, Александр Иванович, очень неплохо можно работать. Отличный коллектив подобрался, должен вам сказать. За немногими исключениями. Вот, скажем, даже Хома Брут... вот этот, в кепочке, с бутылками... Ведь на самом деле механик, золотые руки, потомственный добрый колдун... Правда, привержен... — Федор Симеонович щелкает себя по бороде. — Дурное влияние, черт бы его побрал... Ну, это вы все узнаете. Мы вас тут с распростертыми объятьями... А то ведь чепуха получается. Машину поставили новейшую, «Алдан-12», а наладить никак не можем, кадров нет. В институте у нас в основном уклон, знаете ли, гуманитарно-физический. Чародейство и волшебство главным образом, а новые методы требуют математики! Я вот все линейным счастьем занимаюсь, а с вашей машиной, глядишь, и за нелинейное возьмемся...

Саша чешет затылок.

— Я, знаете, насчет чародейства и волшебства не очень... Был у нас спецкурс, но я тогда болел, что ли... Вообще я это как-то в переносном смысле понимал... как иносказание...

Федор Симеонович добродушно хохочет.

— Ничего, разберетесь, разберетесь. Любой ученый, знаете ли, в известном смысле маг и волшебник, так что у нас и в переносном смысле бывает, и в прямом. Вы — молодец, что приехали. Вам у нас понравится. Вы, я вижу, человек деловой, энергичный, работать любите...

Саша стесняется.

— Да, конечно... — говорит он. — Но сейчас что об этом? Там видно будет... — Он озирается, ища, как бы переменить тему разговора. — Вот диван пропал, — говорит он. — Вы мне не скажете, Федор Симеонович, что все это означает? Диван... суета какая-то...

— Ну, видите ли, это не совсем диван, — говорит Федор Симеонович. — Я бы сказал, это совсем не диван... Однако ведь спать пора, Александр Иванович. Заговорил я здесь вас, а ведь вам спать хочется...

— Ну что вы! — восклицает Саша. — Наоборот! У меня к вам еще тысяча вопросов!

— Нет, нет, дружок. Вы же устали, утомлены с дороги...

— Нисколько!

— Александр Иванович, — внушительно произносит Киврин. — Но ведь вы действительно утомлены! И вы действительно хотите отдохнуть.

И тут глаза у Саши начинают слипаться. Он согласно кивает головой, вяло бормочет: «Да, действительно, вы уж меня простите, Федор Симеонович...», кое-как добирается до неведомо откуда появившейся застеленной раскладушки, ложится, подкладывает ладонь под щеку и, блаженно улыбаясь, засыпает.

Федор Симеонович, оглаживая бороду, некоторое время ласково смотрит на него, потом достает из воздуха большое яблоко, кладет рядом с Сашей и исчезает.

Становится темно и тихо.

Сильный грохот. Саша открывает глаза и поднимает голову.

Комната полна утренним солнцем.

Дивана по-прежнему нет, а посередине комнаты сидит на корточках здоровенный детина лет двадцати пяти, в тренировочных брюках и пестрой гавайке навывпуск. Он сидит над волшебной палочкой, плавно помахивая над нею огромными костистыми лапами.

— В чем дело? — спрашивает Саша хриплым со сна голосом.

Детина мельком взглядывает на него и снова отворачивается. У него широкое курносое лицо, могучая челюсть, низкий лоб под волосами ежиком.

— Не слышу ответа! — зло говорит Саша, приподнимаясь.

— Тихо, ты, смертный, — откликается детина.

Он прекращает свои пассы, берет умклайдет и выпрямляется во весь рост. Рост у него — под лампочку. И весь он кряжистый, широкий, узловатый.

— Эй, друг, — говорит Саша, — а ну-ка положи эту штуку на место и очисти помещение!

Детина молча смотрит на него, выпячивая челюсть. Тогда Саша откидывает простыню и делает движение, чтобы вскочить. Раскладушка от толчка разваливается, и Саша опять оказывается на полу.

Детина гогочет.

— А ну, положи умклайдет! — рявкает Саша, поднимаясь.

— Что ты орешь, как больной слон? — осведомляется детина. — Твой он, что ли?

— А может, твой?

— Ну, мой!

Сашу осеняет.

— Ах ты, скотина! — говорит он. — Так это ты диван спер?

— Не суйся, братец, не в свои дела, — предлагает детина, запихивая умклайдет в задний карман брюк. — Целее будешь.

— А ну, верни диван! Мне отвечать за него, понял?

— А пошел ты к черту, — говорит детина, озираясь.

Саша, подскочив, хватает детину за гавайку. Детина сейчас же хватается Сашу за майку на груди. Видно, что оба не дураки подраться.

Но тут дверь распахивается и на пороге появляется грузный рослый мужчина в лоснящемся костюме. Лицо у него надутое, бульдожье, движения властные, хозяйские, уверенные, под мышкой — папка на «молнии».

— Корнеев! — говорит он прямо с порога. — Где диван?

Детина и Саша сразу отпускают друг друга.

— Какой еще диван? — вызывающе осведомляется детина.

— Вы мне это прекратите, Корнеев! — объявляет мужчина с папкой. — Сами знаете, какой диван.

Он проходит в комнату, а за ним входят: Эдик Почкин, очень серьезный и сосредоточенный; плешивый и бородатый, странного вида человек в золотом пенсне и смазных сапогах; Хома Брут в своей кепочке, сдвинутой на правый глаз. Саша кидается одеваться. Пока он одевается, в комнате развивается скандалчик.

— Не знаю я никакого дивана, — заявляет Корнеев.

— Я вам объяснял, Модест Матвеевич, — говорит Эдик человеку с папкой. — Это не есть диван, это есть прибор...

— Для меня это диван, — прерывает его Модест Матвеевич, достает записную книжку и заглядывает в нее. — Диван мягкий полуторный, инвентарный номер одиннадцать — двадцать три. Диван должен стоять. Если его будут все время таскать, то считайте: обшивка порвана, пружины поломаны.

— Там нет никаких пружин, — терпеливо объясняет Эдик. — Это прибор. С ним работают.

— Этого я не знаю, — заявляет Модест Матвеевич, пряча книжку. — Я не знаю, что это у вас за работа с диваном. У меня вот дома тоже есть диван, и я знаю, как на нем работают.

— Мы это тоже знаем, как вы работаете, — угрюмо говорит Корнеев.

— Вы это прекратите, — немедленно требует Модест Матвеевич, поворачиваясь к нему. — Вы здесь не в пивной, вы здесь в учреждении!

— Терминологические споры, товарищи, — восклицает вдруг высоким голосом плешивый, — могут завести нас только в метафизический тупик! Терминологические споры мы должны, товарищи, решительно отмести как несоответствующие и уводящие. А нам, товарищи, требуются какие споры? Нам, товарищи, требуются споры, с одной стороны, соответствующие, а с другой — наводящие. Нам требуются принципиальные споры, товарищи!

— Вы мне это прекратите, товарищ профессор Выбегалло! — решительно прерывает его Модест Матвеевич. — Нам тут не требуется никаких споров. Нам тут требуется диван, и немедленно.

— Правильно! — подхватывает профессор Выбегалло. — Мы решительно отмечаем все и всяческие споры, и мы требуем, общественность требует, наука требует, товарищ Корнеев, чтобы диван был немедленно ей возвращен. В распоряжение моего отдела.

Все четверо начинают говорить разом.

Эдик. Модест Матвеевич, это не диван! Это транслятор универсальных превращений! Ему не в музей место, его здесь вы по ошибке поместили, мы на него заявку еще два года назад написали!..

Корнеев (*Выбегалле*). Ну да, конечно, в ваш отдел. Чтоб вы на нем спали после обеда и кроссворды решали! Вы же с ним обращаться не умеете, опять все на Брута свалите вашего, а он его пропьет по частям!..

Модест Матвеевич. Вы мне это прекратите, товарищи! Диван есть диван, и кто на нем будет спать или там работать, это решает администрация! Я лишнюю графу в отчетности из-за ваших капризов вводить не намерен! Мы еще назначим комиссию и посмотрим, может быть, вы его повредили, пока таскали, товарищ Корнеев!..

Выбегалло. Я ваши происки, товарищ Корнеев, отмечаю решительно, раскаленной метлой! Я такую форму научной дискуссии не приемлю! Принципиальности у вас не хватает, товарищ Корнеев! Чувства ответственности! Нет у вас гордости за свой институт, за нашу науку!..

Пока продолжается этот гомон, Саша оделся и, широко раскрыв глаза и приоткрыв рот, слушает, застегивая верхнюю пуговицу на рубашке.

Хома Брут тоже не вмешивается. Он прислонился к притолоке, достал из-за уха сигаретку, раскурил ее от указательного пальца и через дымок подмигивает Саше, ухмыляется и кивает в сторону спорящих, как бы говоря: «Во дают!»

Тут Модест Матвеевич замечает развалившуюся раскладушку. Все замолкают. В наступившей тишине Модест Матвеевич озирает по очереди всех присутствующих. Взгляд его останавливается на Саше. Саша, не дожидаясь вопросов, виновато произносит:

— Она сама развалилась... Я встал, а она — раз!..

— Почему вы здесь спите? — грозно осведомляется Модест Матвеевич.

— Это наш новый заведующий вычислительным центром, — вступается Эдик. — Привалов Александр Иванович.

— Почему вы здесь спите, Привалов? — вопрошает Модест Матвеевич. — Почему не в общежитии?

— Ему комнату не успели отремонтировать, — поспешно говорит Эдик.

— Неубедительно.

— Что же ему — на улице спать? — злобно спрашивает Корнеев.

— Вы это прекратите, — говорит Модест Матвеевич. — Есть общежитие, есть гостиница, а здесь музей. Госучреждение. Если все будут спать в музеях... Вы откуда, Привалов?

— Из Ленинграда, — мрачно отвечает Саша.

— Вот если я приеду к вам в Ленинград и пойду спать в Эрмитаж?

Саша пожимает плечами:

— Пожалуйста!

Эдик обнимает Сашу за талию.

— Модест Матвеевич, это не повторится. Сегодня он будет спать в общежитии. А что касается раскладушки... — Он щелкает пальцами. Раскладушка тут же самовосстанавливается.

— Вот это другое дело, — великодушно говорит Модест Матвеевич. — Вот всегда бы так и действовали, Почкин. Ограду бы починили... Лифт у нас некондиционный...

Корнеев берется руками за голову и стонет сквозь стиснутые зубы.

— По-моему, эти стоны со стороны товарища Корнеева являются выпадом, — визгливо и мстительно вмешивается Выбегалло.

Модест Матвеевич поворачивается к Корнееву.

— Я еще раз повторяю, Корнеев, — строго говорит он. — Немедленно верните диван.

Корнеев приходит в неопишемую ярость. Лицо его темнеет, и сейчас же заметно темнеет в комнате. Огромная туча наползает на солнце. Свирепый порыв ветра сотрясает дуб. Где-то звенят вылетевшие стекла. У стола подгибаются ножки, проседает только что восстановленная раскладушка. В тусклом зеркале вспыхивают и гаснут зловещие огни.

Выбегалло отшатывается, испуганно заслоняясь от Корнеева ладонью. Хома Брут стремительно уменьшается до размеров таракана и прячется в щель. Эдик встревоженно и предостерегающе протягивает к Корнееву руку, шепча одними губами: «Витя, Витя, успокойся...»

И только Модест Матвеевич остается непоколебим. Он с достоинством перекладывает папку под другую мышку и веско произносит:

— Неубедительно, Корнеев. Вы это прекратите.

И все прекращается. Корнеев в полном отчаянии машет рукой, в воздухе конденсируется диван и плавно опускается на свое прежнее место.

Модест Матвеевич неторопливо подходит к нему, ощупывает, заглядывает в книжку и проверяет инвентарный номер. Затем объявляет:

— В таком вот аксепте. И попрошу.

Затем он поворачивается ко всем спиной и громко провозглашает:

— Товарищ Горыныч!

— Иду, батюшка, иду! — доносится из прихожей испуганный голос.

Модест Матвеевич удаляется в прихожую, и тут Выбегалло приходит в себя и устремляется за ним с криком:

— Модест Матвеевич! Вы забываете, что у меня эксперимент международного звучания! Я без этого дивана как без рук! Модель идеального человека тоже без этого дивана будет как без рук!..

Дверь за ним захлопывается. Из щели выползает Хома Брут и снова начинает увеличиваться в размерах. Еще не достигнув нормального роста, он осведомляется:

— Политурки, значит, тоже нет? Или хотя бы антифриза...

— Бр-р-рысь, пр-р-ропойца! — рычит Корнеев, и объятый ужасом Хома Брут, снова уменьшившись, ныряет в щель под дверь.

Корнеев садится на диван и, наклонивши голову, вцепляется себе в волосы костистыми пальцами.

— Дубы! — говорит он с отчаянием. — Пни стоеросовые! К черту их всех! Сегодня же ночью опять уволеку!

— Ну, Витя, — укоризненно говорит Эдик. — Ну что ты, право... Будет ученый совет, выступит Федор Симеонович, выступит Хунта...

— Хунте самому диван нужен, — глухо возражает Корнеев, терзая себя за волосы.

— Ну, знаешь! С Кристобалем Хозевичем всегда можно договориться. Это тебе не Выбегалло...

При последних словах Корнеев вдруг вскакивает, щелкает пальцами, и перед ним возникает из ничего плешивый профессор Выбегалло, вернее, фигура, чрезвычайно на Выбегаллу похожая, но с большими белыми буквами поперек груди: «Выбегалло 92/К». Корнеев со сдавленным рычанием хватается фигуру за бороденку и яростно трясет в разные стороны. Фигура тупо ухмыляется.

— Витя, опомнись! — укоризненно говорит Эдик.

Корнеев с размаху бьет фигуру кулаком под ребра, отшибает кулак и, размахивая ушибленной рукой, принимается скакать по комнате.

— Тьфу на тебя! — орет он фигуре.

Фигура послушно исчезает, а Корнеев, дую на кулак, отходит к окну и скорбно прислоняется к оконнице.

Эдик, глядя ему в спину, качает головой.

— Слушайте, Эдик, — тихонько говорит Саша, — в чем все-таки дело? Почему из-за паршивого дивана такой шум? Он же жесткий...

— Это не диван, — отвечает Эдик. — Это такой преобразователь. Он, например, может превращать реальные вещи в сказочные. Вот, например... Ну, что бы... — Эдик озирается, берет с вешалки драный треух, бросает на диван, а сам запускает руку в спинку и что-то там проворачивает со звуком заторможенной магнитофонной пленки. — Вот видите, была обыкновенная шапка. А теперь смотрите...

Он берет шапку и нахлобучивает себе на голову.

И сейчас же исчезает.

— Шапка-невидимка, понимаете? — раздается его голос.

Он снова появляется и вешает шапку на место.

— А ты на нем, балда, спать расположился, — подает от окна голос Корнеев. — Скажи еще спасибо, что я его из-под тебя уволок, а то проснулся бы ты, сердяга, каким-нибудь мальчиком-с-пальчик в сапогах... Возись потом с тобой.

— Да, это моя вина, — сказал Эдик. — Надо мне было вам все это растолковать как следует.

Корнеев, словно что-то вспомнив, вдруг возвращается к ним.

— Так ты, значит, у нас заведующим вычислительным центром будешь? — говорит он, оглядывая оценивающе Сашу с головы до ног.

— Да, — отвечает Саша небрежно. — Попытаюсь.

— Ты машину-то знаешь нашу, «Алдан-12»...

— Приходилось, — говорит Саша.

— Так какого же дьявола она у тебя не работает? — произносит Корнеев, агрессивно глядя на Сашу. — Что ты тут тары-бары растабарываешь, когда мне машина вот так нужна? Если они мне, зануды, дивана не дают, так, может, хоть модель математическую рассчитаю, и тогда плевал я на этот диван... Ну что ты стоишь? Что ты здесь стоишь?

— Подожди, — говорит Саша, несколько ошеломленный. — А чего тебе надо, какая модель?

Корнеев делает движение, как будто собирается бежать за чем-то, затем передумывает, выхватывает из воздуха стопку бумаги, авторучку, бросает все на стол и с ходу принимается писать, приговаривая:

— Смотри сюда. Линейное уравнение Киврина, понял? Граничные условия такие... Нет, здесь в квадрате, так?

Саша тоже сгибается над столом. Эдик глядит Корнееву через плечо.

— Оператор Гамильтона... — продолжает Корнеев. — Теперь все это трансгрессируем по произвольному объему. По произвольному, понял? Здесь тогда получается ноль, а здесь произвольная функция. Теперь берем тензор воспитания... Ну чего ты смотришь, как баран? Не понимаешь? Ну, как он у вас называется...

Голос его заглушает конкретная музыка, а над столом взлетают фонтаны цифр и математических символов. Саша тоже приходит в азарт, стучит пальцем по написанному, выхватывает у Корнеева ручку и пишет сам.

Появляется кот Василий, обходит вокруг стола, заложив лапы за спину, пожимает плечами и скрывается.

Эдик некоторое время слушает, потом достает из нагрудного кармана умклайдет, поднимает его над головой и резко взмахивает им, словно стряхивает термометр.

Вспышка, тьма, и все трое уже стоят перед трехэтажным, современного вида зданием из стекла и бетона, но без дверей. Есть бетонный козырек над подъездом, есть несколько широких ступенек, но ступени эти ведут в глухой простенок между гигантскими черными окнами. Возле правого окна над громадной плевательницей в виде жабы с отверстой пастью висит строгая вывеска: «Научно-Исследовательский Институт ЧАродейства и ВОлшебства».

Корнеев и Саша все продолжают спорить, Саша только на мгновение замолкает, озадаченно оглядываясь по сторонам, и тотчас рядом с ними возникают его чемоданы. Он снова бросается в спор.

Эдик берет чемоданы, поднимается по ступенькам и пихает в простенок ногой. Появляется стеклянная дверь. Смутно видимый сквозь стекло устрашающего вида вахтер-ифрит, в огромном тюрбане и с кривым мечом на плече, распахивает перед ними двери.

И полетели дни и ночи, заполненные работой.

Саша за пультом «Алдана-12» сосредоточенно следит за вспыхивающими и гаснущими рядами цифр на контрольном табло, нажимает кнопки; бешено несется за стеклом магнитная лента, стрекочет печатающее устройство. Саша просматривает таблограмму, отрывает кусок рулона, проглядывает ряды цифр, с досадой рвет бумагу, отшвыривает ее в сторону и снова возвращается к пульту. Над пультом возникает полупрозрачное лицо Федора Симеоновича. Великий маг сочувственно наблюдает за Сашей, затем кладет тихонько ему под руку банан и исчезает. Саша, не прекращая работы, рассеянно берет банан и ест.

Комната в общежитии. За окном дождь, мечутся тени голых ветвей. Саша, обхватив голову руками, читает толстенный том, потом берет его двумя руками, ставит на стол ребром и опирается на него подбородком. Глаза у него пустые и обращенные внутрь. Название книги: «Уравнения математической магии».

Лаборатория Корнеева. Саша и Виктор сидят за столом, уставленным разнообразной электроникой. Перед ними беспорядочные груды исчерченной исписанной бумаги, и весь пол вокруг стола усыпан исписанной бумагой. Ребята продолжают чертить и писать и исписанные листки бросают на пол. Входит фигура, как две капли воды похожая на Корнеева, с тупым выражением на физиономии и с белыми буквами на груди: «Корнеев 186/К». Фигура ставит на стол две бутылки кефира и исчезает. Корнеев пытается что-то втолковать Саше, показывает пальцами, но Саша не понимает. Тогда Корнеев хватается за бутылку, подбрасывает ее в воздух, она повисает над столом, а он снова принимается показывать руками, и, следуя его движениям, бутылка начинает изгибаться, пересекая самое себя, расплющивается, и в разных точках образовавшейся абстрактной модели вспыхивают латинские буквы А, В, С и т. д. Саша радостно тычет пальцем в одну из точек, хлопает себя по лбу и снова принимается писать.

Снова перед пультом машины. Крестобаль Хозевич Хунта напяливает на голову никелированный колпак, из которого выходит пучок проводов, соединенных с печатающим устройством. Саша смотрит на этот колпак с сомнением, качает головой и принимается нажимать кнопки и клавиши. На табло вспыхивают и гаснут цифры, из печатающего устройства ползет лента. На ленте текст: «ПЕРВЫЙ ОТВЕТ: ДА, ВОЗМОЖНО. ВТОРОЙ ОТВЕТ: НЕТ. ТРЕТИЙ ОТВЕТ: НЕ ЗАСОРИТЕ МНЕ ПАМЯТЬ. ЧЕТВЕРТЫЙ ОТВЕТ: ПРИ УСЛОВИИ, ЕСЛИ ХР ХР ХР ХР...» Саша поспешно нажимает кнопку, лента останавливается. Хунта недовольно поворачивается к Саше, Саша разевает рот: у Хунты вместо глаз окошечки, как на табло, и в них, как на табло, вспыхивают и гаснут неоновые четверки, семерки и прочие нули.

Улица перед институтом, осень, ветер несет желтые листья, по лужам бежит рябь.

Саша отрывает таблограмму и, рассматривая ее на ходу, бежит по коридору. Врывается в лабораторию Федора Симеоновича, вручает ему таблограмму. Федор Симеонович поворачивается к стенду, где под стеклянным колпаком — обугленные останки сгоревшей книги. Великий маг, глядя в строчки цифр, принимается набирать код на клавишном устройстве, нажимает на кнопку «Пуск», и обугленная книга начинает дымиться, вспыхивает ярким пламенем, из которого появляется та же книга, но целая и невредимая. Федор Симеонович хлопает в ладоши, потирает руки, Саша тоже хлопает в ладоши и потирает руки.

Саша у себя в кабинетике просматривает заказы и распределяет машинное время. Перед его столом очередь человек в пять — все знакомые лица, только тупые и какие-то окаменевшие, у каждого на груди надпись: «Выбегалло 11», «Хунта 1244», «Киврин 67», «Корнеев 421»... В хвосте стоит обыкновенный живой человек с толстым портфелем, бледный и напуганный. Саша кончает просматривать листок с заданием и возвращает его «Выбегалле 11».

— Я тысячу раз просил на машинке печатать, — строго говорит он. — Почерк же, как курица лапой. Перепечатать!

Тут он замечает человека с портфелем.

— А! — говорит он. — Проходите, проходите, присаживайтесь, пожалуйста... Вы ведь с рязбозавода? Мне звонили... Да идите же сюда!

Человек с портфелем, виновато кивая и озираясь, приближается к столу и присаживается на краешек стула.

— Неудобно как-то, — бормочет он, опасливо косясь на очередь. — Вот ведь товарищи ждут, раньше меня пришли...

— Ничего, ничего, это не товарищи... — Саша протягивает руку за пачкой бумаг, которую человек достал из портфеля.

— Ну, граждане...

— И не граждане... — Саша начинает просматривать бумаги. — Это называется дубль, — объясняет он, не поднимая глаз. — Времени сотрудникам не хватает, в очереди им стоять некогда, вот они и посылают свои копии... Кого сюда, кого за получкой... кого в магазин... кого на свидание... Я что-то тут не понимаю: к какому же вам числу это нужно? А, понятно...

Человек с портфелем опасливо оглядывается на очередь.

— Дубли... То-то же я смотрю — не мигают оне... а вот этот, с бородой, он, по моему, и не дышит даже...

Общежитие. Эдик учит Сашу проходить сквозь стены. Сначала проходит сам, возвращается, что-то втолковывает Саше, показывает, что надо выгибать грудь и тянуть носки. Саша закрывает глаза, шагает в стену и отшибает лоб. Эдик снова втолковывает ему, что нужно прогибаться, прогибаться! Саша повторяет попытку, прогибаясь. Верхняя часть его тела проходит, нижняя остается. Саша судорожно сучит ногами. Тут же стоит Корнеев со стаканом чаю, гогочет. Потом они вдвоем с Эдиком пробуют вытащить Сашу. Пробуют так и эдак. Лица у них становятся серьезными.

Разобранная стена. Саша сердито отряхивается. Корнеев и Эдик, насупленные, закладывают кирпичами пролом.

Саша работает у пульта машины — очень усталый, озабоченный, встрепанный. За окном крупными хлопьями падает густой снег.

Входит дубль Эдика — «Почкин 107».

— Чего тебе? — раздраженно спрашивает Саша, не отрываясь от работы.

— Хозяин... просит... явиться... на доклад... Выбегаллы... — монотонно бубнит дубль.

— Не могу, не могу, занят, — нетерпеливо отвечает Саша. — Пошел вон.

Дубль исчезает, но в дверях сейчас же появляется хорошенькая девица, ведьма Стеллочка.

— Саша, — говорит она, — чего же ты? Пойдем!

Саша смотрит на нее, мотает головой.

— Стеллочка, не могу, — говорит он. — Честное слово, не могу.

— Но ты же обещал! Пойдем, говорят, будет что-то феноменальное...

Саша опять трясет головой.

— Нет-нет, не могу. Не проси.

Он включает печатающее устройство. Стеллочка, надув губки, удаляется. В дверь левым плечом вперед вдвигается Хома Брут, руки в карманы, кепочка на глаз.

— Слышь, Саш, — сипит он, — а ты чего тут торчишь? Все, понимаешь, бегут, а он тут торчит, как приклеенный...

— Отстань, отстань! — говорит Саша со злостью.

— Во дает! — удивляется Хома. — Зря. Мы там с шефом такую штуку сейчас отколем — закачаесть! Весь институт на воздух пустим...

Саша поворачивается к нему.

— Вместе со своим шефом, — говорит он громким шепотом, — иди, иди и иди. Понятно? Занят я! — орет он. — Некогда мне вашей чепухой заниматься!

Хома обиженно пожимает плечами и тут замечает на полочке склянку с ярлыком. Видно только слово «спирт». Лицо Хома немедленно проясняется. Покосившись на Сашу, который снова погрузился в работу, он вороватым движением хватает склянку, свинчивает колпачок и опрокидывает содержимое в рот.

Лицо его чудовищно искажается, из ушей вырываются струи дыма. (Саша рассеянно отгоняет дым ладонью.) Глаза съезжаются и разъезжаются.

Он смотрит на ярлык. «Нашатырный спирт».

Хома укоризненно качает головой, завинчивает колпачок, ставит склянку на место и вытирает губы.

Из стены выходит озабоченный Эдик Почкин.

— Ну что же ты, Саша? — говорит он. — Я же тебя звал.

— Да что там у вас происходит? — раздраженно спрашивает Саша. — Занят я. Не нужен мне ваш Выбегалло, и я, надеюсь, ему не нужен...

— Сейчас там каждый порядочный маг нужен, — говорит Эдик. — Это серьезно, Саша.

Звонит телефон. Саша срывает трубку. Голос Корнеева хрипит:

— Сашка? Ты что там отсиживаешься, хомяк? Трусишь?

Саша поражен.

— Да что вы, в самом деле, ребята, — лепечет он. — Ну пожалуйста, ну пошли...

Он бросает трубку и вслед за Эдиком устремляется в стену.

По занесенной снегом дороге Саша и Эдик спешат к огромному приземистому зданию, похожему на ангар. За ними по пятам, засунув руки глубоко в карманы, семенит Хома Брут.

Перед распахнутыми воротами ангара оживление: только что подъехавший автобус извергает из недр своих кучу корреспондентов с фото- и киноаппаратами наголо; спецмашина телевидения, от нее внутрь ангара уже тянутся кабели, глава телегруппы в роскошной шубе нараспашку отдает распоряжения, его люди с натугой катят по снегу тележки с телекамерами; толпа сотрудников института собралась перед огромным плакатом ярмарочного вида.

Надпись на плакате: «Внимание! Внимание! Сегодня! Впервые в истории науки! Грандиозный эксперимент профессора Выбегалло! Демонстрация совершенной модели идеального человека! Доклад профессора Выбегалло А. А. Начало в 18.00. Просьба места для прессы не занимать».

Саша входит в ангар — огромное помещение на дырчатых железных фермах. Здесь уже светят юпитеры, вспыхивают блицы фотокорреспондентов. В глубине ангара на дощатом помосте возвышается знакомый диван-транслятор. От него в разные стороны бегут пучки проводов и кабелей. На диване лежит гигантское яйцо, испещренное темными пятнами. По сторонам помоста стоят генераторные башни с металлическими шарами наверху, между шарами время от времени проскакивают молнии, и тогда звучат раскаты грома.

Почти сразу же Саша натывается на группу ожесточенно спорящих людей. Здесь Федор Симеонович Киврин, Кристоаль Хунта, Модест Матвеевич с неизменной папкой и профессор Выбегалло — в валенках, подшитых кожей, в извозчицком тулупе и в роскошной пыжиковой шапке.

— Достаточно того, — говорит Хунта, обращаясь к Выбегалле, — что ваш, простите, родильный дом находится рядом с моими лабораториями. Вы уже устроили один взрыв, и в результате я в течение двадцати минут был вынужден ждать, пока у меня в кабинете вставят вылетевшие стекла...

— Это, дорогой, мое дело, чем я у себя занимаюсь, — огрызается Выбегалло фальцетом. — Я до ваших лабораторий не касаюсь, хотя у вас там в последнее время бесперечь текет живая вода, я себе в ей все валенки промочил...

— Г-голубчик, — рокошет Федор Симеонович. — Амвросий Амбрузович! Н-надо же принять во внимание возможные осложнения... Ведь никто же не работает на территории института, скажем, с огнедышащим драконом...

— У меня не дракон! У меня идеальный счастливый человек! Исполин духа! Как-то странно вы рассуждаете, товарищ Киврин! Странные у вас аналогии! Чужие! Модель идеального человека и какой-то внеклассовый огнедышащий дракон!

— Г-голубчик, да дело же не в том, что он внеклассовый, а в том, что он пожар может устроить!

— Вот опять! Идеальный человек может устроить пожар! Не подумали вы, товарищ Федор Симеонович!

— Я г-говорю о драконе...

— А я говорю о вашей неправильной установке! Вы стираете, Федор Симеонович, вы всячески замазываете! Мы, конечно, стираем противоречия... между умственным и физическим... между мужчиной и женщиной... Но замазывать пропасть мы вам не позволим!

— К-какую пропасть? Что за чертовщина? Крестобаль, в конце концов, вы же ему только что объяснили! Я говорю, профессор, что ваш эксперимент опасен! Понимаете? Институт можно повредить, понимаете?

— Я-то все понимаю, — визжит Выбегалло. — Я-то не позволю идеальному человеку вылупляться среди чистого поля на ветру! И Модест Матвеевич вот тоже понимает! Там мы имеем что? — Он указывает в пространство. — Природу! Стихии! Снег вон идет. Значит, считайте: обшивка сгниет, пружины лопнут. А кому отвечать? Модесту Матвеевичу!

— Это убедительно, — говорит Модест Матвеевич раздумчиво.

— Да он весь ангар вам разворотит, — говорит Федор Симеонович. — Этот эксперимент надо проводить не ближе пяти километров от города! А лучше — дальше...

— Ах, вам лучше, чтобы дальше? — зловеще вопрошает Выбегалло. — Понятно. Тогда уж, может быть, не на пять километров, Федор Симеонович, а прямо уж на пять тысяч километров? Подальше где-нибудь, на Аляске, например! Так прямо и скажите! А мы запишем!

Воцаряется молчание, и слышно, как грозно сопит Федор Симеонович, потерявший дар слова.

— За такие слова, — цедит сквозь зубы Хунта, — лет триста назад я отряхнул бы вам пыль с ушей и провертел бы в вас дыру для вентиляции...

— Ничего, ничего, — отвечает Выбегалло, — это вам не Португалия. Критики не любите...

— А ведь вы пошляк, Выбегалло, — неожиданно спокойным голосом объявляет Федор Симеонович. — Вас, оказывается, гнать надо.

— Критики, критики не любите, — отдуваясь, твердит Выбегалло. — Самокритики не любите...

— Значит, так, — вмешивается Модест Матвеевич. — Как представитель администрации и хозяйственных отделов, я в науке разбираться не обязан. Поскольку товарищ директор находится в отъезде, я могу сказать только одно: обшивка должна остаться целой, и пружины в порядке. В таком вот аксепте. Доступно, товарищи ученые?

С этими словами, переложив папку под другую мышку, он торопливо удаляется.

— Критики не любите! — в последний раз торжествующе восклицает Выбегалло и тоже удаляется.

Хунта и Киврин безнадежно глядят друг на друга.

— А что, если я превращу его в мокрицу? — кровожадно говорит Хунта.

— Лучше уж в стул, — говорит Федор Симеонович.

— Можно и в стул, — говорит Хунта. — Я охотно буду на нем сидеть.

Федор Симеонович спохватывается.

— Г-голубчик, о чем это мы с тобой говорим? Это же негуманно... — Взгляд его падает на Хому. — Минуточку, дружок! Подите-ка сюда, подите!

Хома, сдернув кепочку, неуверенно приближается, искательно улыбаясь.

— Скажите-ка, дружок, — спрашивает Федор Симеонович. — Какие там у вас с Выбегаллой задействованы мощности?

Хома пытается уменьшиться в размерах, но Хунта ловко хватает его за ухо и распрямляет.

— Отвечайте, Брут! — гремит он.

— Да я-то что? — ноющим голосом говорит Хома. — Как мне приказали, так я и сделал. Мне говорят на десять тысяч сил, я и дал десять тысяч!

— Каких сил?! — восклицает Федор Симеонович, раздувая бороду.

— Ма... магических, — мямлит Хома.

— Десять тысяч магических сил?! — Ошеломленный Хунта отпускает Хому, и тот мгновенно улетучивается. — Теодор, я принимаю решительные меры.

Он взмахивает умклайдетом, длинным и блестящим, как шпага.

И сейчас же в отверстия ворот ангара с ревом вкатываются гигантские МАЗы, груженные мешками с песком, козлами с колючей проволокой, пирамидальными надолбами, бетонными цилиндрами дотов. Целая армия мохнатых домовых облепляет грузовики, со страшной быстротой разгружает их и начинает возводить вокруг помоста с яйцом кольцо долговременных укреплений.

— Десять тысяч магосил! — бормочет Федор Симеонович, ошеломленно качая головой. — Однако ж, друзья мои! Это же нельзя просто так... Это ж рассчитать надо было!.. Это же в уме не сосчитаешь!

Оба они поворачиваются и смотрят на Сашу. У Саши несчастное лицо, но он еще ничего не понимает и пытается хорохориться.

— А в чем, собственно, дело? — бормочет он, озираясь в поисках поддержки. — Ну, рассчитал я ему... заявка была... модель идеального человека... Почему я должен был отказывать?

— А потому, голубчик, — внушительно говорит ему Федор Симеонович, — что вы спрограммировали суперэгоцентриста. Если нам не удастся остановить его, этот ваш идеальный человек сожрет и загребет все материальные ценности, до которых сможет дотянуться, а потом свернет пространство и остановит время. Это же гений-потребитель, понимаете? По-тре-би-тель!

— Выбегалло — демагог, — добавляет Хунта. — Бездарь. Сам он ничего не умеет. И выезжает он на таких безответных дурачках, как вы и этот алкоголик — золотые руки.

Под сводами ангара вспыхивают яркие лампы. Хома Брут с переносной кафедрой на спине поднимается на помост и устанавливает ее рядом с диваном. На кафедру взгромождается профессор Выбегалло.

Корреспонденты бешено строчат в записных книжках, щелкают фотоаппаратами, жужжат кинокамерами. Ассистенты Выбегаллы в белых халатах устанавливают вокруг дивана мешки с хлебом и ведра с молоком. Один из них приносит магнитофон.

Выбегалло залпом выпивает стакан воды и начинает:

— Главное — что? Главное, чтобы человек был счастлив. А что есть человек, философски говоря? Человек, товарищи, есть хомо сапиенс, который может и хочет. Может, ета, все, что хочет, а хочет, соответственно, все, что может. В моих трудах так и написано. (*Корреспондентам.*) Вы, товарищи, все пока пишете, а потом я сам посмотрю, какие надо цитаты вставлю, кавычки, то-сё... Продолжаю. Ежели он, то есть человек, может все, что хочет, и хочет все, что может, то он и есть, как говорится, счастлив. Так мы его и определим. Что мы здесь, товарищи, перед собой имеем?..

Пока Выбегалло говорит, с гигантским яйцом происходят изменения. Оно покрывается трещинами, сквозь которые пробиваются струйки пара.

— Мы имеем модель. То есть мы пока имеем яйцо, а модель у его внутри. Имеется метафизический переход от несчастья к счастью, и это нас не может удивлять, потому что счастливыми не рождаются, а счастливыми, ета, становятся в дальнейшем. Вот сейчас оно рождается или, говоря по-научному, вылупляется...

Яйцо разваливается. Среди обломков скорлупы на диване садится удивительно похожий на Выбегаллу человек в полосатой пижаме. Поперек груди белая надпись: «Выбегалло-второй Счастливый». Человек, ни на кого не глядя, хватая ближайшую буханку хлеба и принимается с урчанием пожирать ее.

— Видали? Видали? — радостно кричит Выбегалло. — Оно хочет, и потому оно пока несчастно. Но оно у нас может, и через это «может» совершается диалектический скачок. Во! Во! Смотрите! Видали, как оно может?.. Ух ты мой милый, ух ты мой радостный... Во! Во как оно может!.. Вы там, товарищи в прессе, свои фотоаппаратики отложите, а возьмите вы киноаппаратики, потому как мы здесь имеем процесс... здесь у нас все в движении! Покой у нас, как и полагается быть, относителен, движение у нас абсолютно. Но это еще не все. Потребности у нас пойдут как вширь, так, соответственно, и вглубь. Тут говорят, что товарищ профессор Выбегалло, мол, против духовного мира. Это, товарищи, клеветнический ярлык! Нам, товарищи, давно пора забыть такие манеры в научной дискуссии! Все мы знаем, что материальное идет впереди, а духовное идет позади, или, как говорится, голодной куме все хлеб на уме...

Модель жрет. Мешки с хлебом пустеют один за другим. В широкую пасть опрокидываются ведра молока. Модель заметно раздуло, полосатая пижама ей уже тесна.

— Но не будем отвлекаться от главного, от практики. Пока оно удовлетворяет свои матпотребности, переходим к следующей ступени эксперимента. Поясняю для прессы. Когда временное удовлетворение матпотребностей произошло, можно переходить к удовлетворению духпотребностей. То есть: посмотреть кино, телевизор, послушать народную музыку или попеть самому и даже почитать какую-нибудь книгу, скажем, «Крокодил» или там газету, не говоря уж об том, чтобы решить кроссворд. Мы, товарищи, не забываем, что удовлетворение матпотребностей особенных талантов не требует, они всегда есть. А вот духовные способности надобно воспитать, и мы их сейчас у него воспитаем.

Профессор Выбегалло дает сигнал ассистентам.

Угрюмые ассистенты разворачивают на помосте магнитофон, радиоприемник, кинопроектор и небольшую переносную библиотеку.

— Принудительное внушение культурных навыков! — провозглашает Выбегалло.

Магнитофон сладко поет: «Мы с милым расставались, клялись в любви своей...» Радиоприемник свистит и улюлюкает. Кинопроектор показывает на стене ангара мультфильм «Волк и семеро козлят».

Два ассистента с журналами в руках становятся перед моделью и наперебой читают вслух, а Хома Брут, примостившись тут же, бьет по струнам гитары и с чувством исполняет что-то залихватское.

Модель никак не реагирует. Проглотив последнюю буханку и опорожнив последнее ведро, она сидит на диване и шарит в неопрятной бороде. Извлекает из бороды длинную щепку, запускает ее между зубов, отрывается.

Затем выплевывает щепку и оценивающим взглядом обводит толпу.

Толпа пятится.

Саша мужественно заслоняет собой Стеллочку.

Пятятся чтецы с журналами. Хома Брут соскакивает с помоста и приседает на корточки.

Шум стихает. В наступившей тишине Выбегалло заканчивает свою речь:

— И вот он, товарищи, перед нами! Образец потребления материальных и духовных ценностей, счастливый рыцарь без страха и упрека.

Упырь внимательно смотрит на него. Он уже огромен, пижамная пара свисает с него ключьями.

Встретив внимательный взгляд, Выбегалло нервно поправляет пенсне и произносит:

— Собственно, я закончил. Может быть, есть какие-нибудь вопросы?

Ему отвечает спокойный голос Хунты:

— Спасайтесь, старый дурак.

Но Выбегалло еще не понимает.

— Есть предложение, — начинает он, — эту реплику из зала решительно отмести...

Упырь не дает ему закончить. Он вытягивает неимоверно длинную руку и хватает Выбегаллу за тулуп. Выбегалло замолкает и покорно вылезает из тулупа. Упырь хозяйски встряхивает тулуп, оглядывает его и кладет рядом с собой у дивана.

Выбегалло, ссыпавшись с помоста, ныряет в толпу. Толпа продолжает пятиться, а упырь тем временем неторопливо подтягивает к себе поближе радиоприемник, магнитофон, кинопроектор.

— Это, значить, все будет мое, — рокошущим голосом объявляет он. Он снова оглядывает толпу. Взгляд у него нехороший, оценивающий какой-то. При этом он непрерывно облизывается.

С головы Саши вдруг срывается финская шапочка и улетает на помост. Упырь напяливает ее себе на плешь.

Стеллочка взвизгивает: с ее руки срываются часики. Упырь ловит их на лету.

— Всем в укрытие! — гремит усиленный мегафоном голос Хунты.

Все бросаются в проходы между проволочными ограждениями, а по очистившемуся пространству ангара ползут, скачут по-лягушачьи, летят птичками полушубки, манто, дубленки, часы, портсигары, кошельки, брюки, валенки, ботинки — и все на помост, все на помост.

Упырь мечется по помосту, подхватывает, жадно оглядывает, примеряет, запикивает в мешки из-под хлеба, злобно озирается, скалит клыки и взрыкивает.

— Мне! — хрипит он. — И это мне! И это! Мое!

За валом из мешков паника. Мечутся полуодетые, возмущенные и испуганные люди.

Толпа ограбленных терзает Выбегаллу. Особенно неистовствует Хома Брут в одной длинной рубахе до колен. Выбегалло отдувается и кричит фальцетом:

— Критики! Критики не любите!

Начальник группы телевизионщиков в подтяжках и трусах надрывается в телефонную трубку:

— Милиция! Милиция? Немедленно выезжайте! Массовое ограбление! Банда гангстеров! Главарь шайки — некий Выбегалло из НИИЧАВО!

Тем временем упырь на помосте подтащил к себе телевизионную камеру, груды фото- и киноаппаратов и жадно озирается, ища, чем бы еще завладеть. Его со всех сторон окружает кольцо проволочных ограждений и глухой вал из мешков. Мрачно смотрят амбразуры дотов.

— Машину! — капризно басит упырь. — Машину желаю!

И стена из мешков напротив вдруг разваливается, в пролом задом вкатывает огромный МАЗ, подкатывает к помосту и останавливается.

Упырь прыгает в ковш, жадно ощупывает кабину, ревет:

— Еще!

В пролом один за другим катят: автобус, на котором приехали корреспонденты, какой-то газик — из него на ходу выскакивает испуганный шофер, запутывается в проволоке, орет ужасным голосом; два «Москвича»; «Жигули»; старая «Волга», новая «Волга», кадиллак...

— По-моему, пора, — говорит Федор Симеонович Хунте, который не отрываясь наблюдает за упырем в стереотрубу.

— Начнем со снотворного, — говорит Хунта. — Давайте! — командует он кому-то через плечо.

Из-за вала высовываются несколько сотрудников и направляют на упыря брандспойт, присоединенный к серебристой цистерне с надписью «Пиво». Пенная струя ударяет прямо в распахнутую клыкастую пасть.

Упырь приходит в дикий восторг. Сначала он жадно глотает, посыпая струю сверху солью из солонки, потом прыгает под струей как под душем Шарко, гогоча и шлепая себя под мышками, потом принимается торопливо наполнять ведра из-под молока — терпения у него не хватает: он протягивает руку на все двадцать метров, хватая брандспойт (сотрудники — врассыпную), тянет к себе, за брандспойтом тянется кишка, а за кишкой, разворотив мешочную стену, во владения упыря втягивается цистерна.

— Ну, с меня хватит! — объявляет Федор Симеонович.

Он засучивает рукава и порывается в пролом, но тут на нем повисают все, кто находится поблизости. Федор Симеонович в небывалом гневе. Из глаз его скачут шаровые молнии, он кричит:

— Дайте его мне! Сколько же можно терпеть!

— Пускайте Голема! — громовым голосом командует Хунта.

Слышится могучее шипение и свист.

Все приседают и втягивают головы в плечи.

Перемахнув через вал, на середину ангара ловко выскакивает Голем — не глиняный Голем из сказок, а современный робот из фантастических романов, весь из металла и пластика, гибкий, шестирукий, жутко светятся четыре пары глаз, из головы выдвигаются и прячутся телескопические рога антенн.

Упырь поворачивается к противнику, садится на ближайший мешок и длинными руками старается прикрыть свое богатство, как хохлушка цыплят.

— Не дам! — рычит он. — Катись отседова!

Робот с пневматическим шипением и свистом приближается.

Тогда упырь вскакивает, выламывает доску из помоста и кидается на врага.

— И-иэх-х!!

Робот легко уклоняется от молодецкого удара и средней правой наносит упырю короткий удар в лоб.

Упырь спиной вперед, размахивая руками, летит и врезается в помост.

Над валом ликование. Свист, аплодисменты.

Упырь вскакивает, выворачивает из бетонного пола железный швеллер, летит на робота, вращаясь вокруг собственной оси, как метатель молота.

И снова робот легко уклоняется и встречает упыря могучей оплеухой.

Новый взрыв ликования на валу.

Упырь лежит под грузовиком, на физиономии у него набухают два здоровенных фингала.

Робот, деловито наматывая на четыре руки толстый трос, приближается к нему.

На морде упыря ужас вдруг сменяется вожделием.

— Хочу! — хрипит он. — Желаю!!

Робот приостанавливается. Упырь выбирается из-под грузовика и, непрерывно облизываясь, бормочет:

— Это будет мое! Это мне! Ух ты мой милый! Ух ты мой радостный!..

Руки робота разом опускаются, трос падает на пол, глаза меркнут.

— Давай, давай! — говорит ему упырь и толкает в сторону помоста. — Давай, дело делай. Нечего тебе тут стоять...

И робот покорно принимается всеми шестью своими руками укладывать и упаковывать награбленное барахло.

Упырь радостно хохочет, разевая пасть на весь ангар.

— Ну, все, ребята, — говорит за валом Витька Корнеев. — Теперь наша очередь.

Саша с Эдиком Почкиным подтаскивают плетеную корзину, набитую стружками, из которых торчит горло четвертной бутылки, залитое сургучом. Торопливо горстями выбрасывают стружки.

Корнеев легко, одной рукой извлекает бутылку, читает ярлык:

— «Джинн Злойдух ибн Джафар. Выдержка с 1015 года до нашей эры. Опасно! Не взбалтывать!»

Виктор старательно трясет бутылку, поворачивает ее горлышком вниз и снова трясет. За стеклом возникает на мгновение, расплывается и снова исчезает жуткое искаженное рыло с кривым клыком и черной повязкой через глаз.

Вой милицейской сирены. К воротам ангара подкатывает милицейская «Волга» со световой вертушкой на крыше, из нее высыпаются оперативные работники. Все они кидаются рассматривать в лупу и фотографировать следы на снегу, а юный сержант милиции, подтягивая на ходу перчатки, устремляется в ангар.

Все замирают.

Сержант проходит через пролом в стене и, звеня подковками по бетонному полу, печатая шаг, направляется к упырю.

Упырь озадаченно смотрит на него. Потом облизывается, приседает, свесив длинные руки, и мелкими шажками движется навстречу.

Сержант, не останавливаясь, достает свисток, и длиннейшая трель оглашает ангар.

Робот за спиной упыря поднимает все шесть рук и опускает голову.

Упырь распахивает гигантскую клыкастую пасть, и в этот момент...

— Ложи-и-ись! — орет Корнеев на весь ангар.

Падает ничком сержант.

Падают ничком все за стеной.

Корнеев, занося назад правую руку с бутылкой, разбегается и, как гранату, швыряет бутылку прямо в разверстую пасть.

Раздается звон битого стекла. Дикая хохочущий вой.

В воздухе появляется давешняя клыкастая морда с повязкой через глаз, затем все заволакивается клубами огненного дыма, словно вспыхнула бочка с нефтью.

Громовые удары, рычание, хохот... Отчаянный вопль: «Не отдам, не отдам, милиция!...»

Дым и огонь скатываются в клубок, и клубок этот катится по ангару.

Рушатся мешки с песком. Рвется в клочья колючая проволока. Валятся столбы генератора Ван де Граафа, летят в воздух доски постамента, огромные подбитые кожей валенки, колеса автомашин, крутятся, переворачиваясь в воздухе, цистерна с надписью «Пиво»...

Сержант милиции с трудом поднимается на ноги, заслоняясь рукой, пытается приблизиться к огненному клубку и пронзительно свистит.

В то же мгновение клубок с грохотом и треском лопается, выбросив в разные стороны струи огня.

Тишина. Там, где был постамент и горой высилось награбленное, ничего нет. Только неглубокая воронка, из которой под своды ангара нехотя поднимается жиденькая струйка дыма.

Закопченный и основательно ободранный сержант приближается к воронке, заглядывает, наклоняется, поднимает огромную вставную челюсть и довольно долго рассматривает ее со всех сторон.

По всему ангару зашевелились, поднимаясь, люди. Тоже закопченные и оборванные, словно побывавшие под бомбежкой.

Сержант берет челюсть под мышку, извлекает из планшета блокнот и провозглашает:

— Потерпевших и свидетелей прошу записываться.

В лаборатории Витьки Корнеева ребята умываются и приводят себя в порядок. У Корнеева забинтована голова, Эдик пришивает пуговицу к куртке, Саша стоит столбом, а Стеллочка старательно чистит его щеткой. В углу пригорюнившись сидит Хома Брут в больших, не по росту, штанах.

— Выбегаллу-то в милицию забрали, — говорит, похохатывая, Корнеев. — Массовое ограбление под видом научного эксперимента... Модест помчался выручать. Потеха!

— Этому гаду голову оторвать мало, — плачущим голосом говорит Хома. — Такую гитару мне загубил...

— Гитара — бог с ней, — замечает Эдик. — Диван погиб.

— Ничего, ребята! — говорит Корнеев, подмигивая. — Без гитары мы проживем, а что касается дивана — как-нибудь с диваном уладится.

— Самим нам такой транслятор не смастерить, — говорит Эдик грустно.

Корнеев театральным жестом распахивает дверь в соседнее помещение, и все видят на центральном стенде знаменитый диван во всей его красе, правда, слегка подзакопченный.

Всеобщее изумление.

— Главное — что? — объявляет Корнеев. — Главное — вовремя схватить и рвануть когти.

— Ну, братва, — восхищенно восклицает Хома, — по этому поводу надо выпить. Я сбегая, а?

— Сядь, Хомилло! — властно гремит Корнеев, и Хома покорно опускается на стул. — Мы здесь посоветовались с народом, и есть мнение, что пора и можно уже теперь сделать из тебя настоящего человека.

И снова полетели дни и ночи.

После долгих усилий из Хома Брута сделали настоящего человека. Вот решающая стадия эксперимента. Хома Брут, побритый и в приличном костюме, с нормальным цветом носа, поставлен перед полкой, на которой выстроены несколько бутылок с водкой. Эдик вручает ему мелкокалиберный пистолет. Корнеев настраивает сложную аппаратуру из витых стеклянных трубок.

— Давай! — командует Эдик.

Хома силится поднять пистолет — не может, лицо его искажается, по лбу струится холодный пот. Эдик кивает Корнееву. Тот поворачивает какой-то верньер.

— Давай, давай, Хома! — приказывает Эдик. — Это враг! Это лично профессор Выбегалло! Гитару свою вспомни!

Хома, закрыв глаза левой рукой, вытягивает правую с пистолетом. Корнеев наводит стеклянный агрегат прямо Хоме в затылок.

— Глядеть! — командует Эдик.

Хома гордо вскидывает голову и закладывает левую руку за спину. Гремят выстрелы. Бутылки одна за другой разлетаются вдребезги. Гремит туш.

Саша и Стеллочка подносят Хоме новую гитару. На глазах у Хома слезы, он судорожно принимает и вдруг чихает и мотает головой.

Федор Симеонович проводит серию экспериментов по омоложению. К «Алдану-12» с помощью множества проводов и датчиков присоединена Наина Киевна. Она сидит в кресле, скрючившись, положив руки и подбородок на свою клюку. Саша закладывает в программное устройство пачку перфокарт, Федор Симеонович сидит перед экранами контрольной аппаратуры, на которых имеют место рентгеновские изображения черепа, грудной клетки и прочих деталей организма Наины Киевны. «Пуск!» — командует Федор Симеонович. Саша нажимает кнопку. Наина Киевна превращается в приятную женщину средних лет. Клюка в ее руках дает молодые побеги, на которых распускаются цветочки.

Наина Киевна восторженно и изумленно ощупывает себя, затем встает и, игриво покачивая бедрами, приближается к Федору Симеоновичу. Тот отмахивается от нее и пятится в дверь. Наина устремляется за ним. Саша, поджав губы, рассматривает кусок ленты с длинными рядами цифр, чешет в затылке.

Саша продолжает совершенствоваться в магическом искусстве. На столе перед ним основательно потрепанный том «Уравнений математической магии», распухший от многочисленных закладок, счетная машина «мерседес», стопка бумаги. В руке — умклайдет, деревянный, для начинающих, похожий на жезл регулировщика. Эдик сидит перед ним с видом экзаменатора, сцепив руки на колене, крутя большими пальцами. Саша, поминутно заглядывая в учебник, производит какие-то вычисления на «мерседесе», рвет из бороды волосок и взмахивает умклайдетом. На столе перед ним появляется блюдце с грушей. Эдик, презрительно усмехаясь, берет грушу и бросает ее на пол. Груша разбивается на мелкие осколки. Саша озадаченно рассматривает умклайдет. Эдик показывает, как надо взмахивать. Саша повторяет его движение. На столе появляется второе блюдечко с грушей. Саша пытается взять грушу и поднимает ее вместе с блюдечком, к которому она приросла. Саша со зверским лицом отрывает кусок груши и пробует. Морщится и выплевывает. «Ешь!» — грозно приказывает Эдик. Саша ест. По лицу его текут слезы.

А между тем Витька Корнеев разрабатывал в страшной тайне свою методику изъятия излишков времени у населения. Ночь, в окно Витькиной лаборатории всю светит луна. Она озаряет опутанный проводами диван, в спинку которого встроены два экрана. Над каждым экраном — циферблат, и еще один циферблат — между экранами. Витька, хмурый, обросший щетиной, заканчивает какие-то вычисления, берет листок с числами и садится перед диваном на табуретку. Включает экраны. На правом экране — прокуренная комната: Выбегалло, молодая Наина Киевна и Модест Матвеевич дуются в преферанс. На левом экране — Хома Брут, трезвый и бритый, в белом халате, собирает какой-то прибор: работа у него явно сложная, идет медленно. Стрелки на всех трех циферблатах показывают одно и то же время, секундные движутся с одной и той же скоростью. Витька набирает несколько цифр на миниатюрной клавиатуре, берется за верньер, встроенный в подлокотник дивана, и начинает медленно вращать. Раздается длинный звук тормозящейся магнитофонной ленты. Картины на экранах и на циферблатах плавно меняются. Движения преферансистов становятся все более замедленными, и одновременно замедляется движение секундной стрелки на их циферблате. Хома же Брут, напротив, начинает двигаться все быстрее, и все быстрее бежит его секундная стрелка: собираемый прибор растет на глазах. Только на среднем циферблате стрелка продолжает отсчитывать истинное время. На правом экране игроки почти застыли в неподвижности, а на левом экране Хома Брут в бешеном темпе заканчивает работу, суетливо отряхивает руки и летит к двери. Витька поворачивает верньер в обратную сторону до щелчка. Все циферблаты приходят в соответствие с центральным, движения игроков становятся нормальными. Виктор выключает прибор, экраны гаснут, и в ту же минуту входит Хома. «Ну, я все закончил, — говорит он. Смотрит на часы. — Обалдеть можно, за десять минут управился, а думал, до утра не кончу!» — «Я тебе всегда говорил, что водка — яд», — угромо говорит Витька.

Саша Привалов в своей вычислительной лаборатории снимает трубку телефона и набирает номер. Лицо у него унылое. В лаборатории дым стоит коромыслом: с машины сняты все кожухи, в потрохах ее копаются люди в халатах, возглавляемые Хомой Брутом.

— Стеллочку можно? — говорит Саша в трубку.

На другом конце провода Федор Симеонович передает трубку Стеллочке. Стеллочка держит в одной руке реторту. Она сотрудница отдела Линейного Счастья. Здесь работают

на оптимизм. Лаборатория похожа на роскошный цветник. Из зарослей цветов торчат грандиозные стеклянные трубчатые установки, в которых мерцает жидкий огонь.

— Алё! — говорит Стеллочка.

— Ну как ты там? — со вздохом осведомляется Саша.

— Я хорошо, — отвечает Стеллочка, косясь на Федора Симеоновича. — А ты?

— Пошли сегодня в кино, — предлагает Саша.

— В кино? Ты же работать грозился всю ночь.

Саша уныло оглядывает свою разгромленную лабораторию.

— У меня машина полетела, — говорит он жалобно. — Чинят. Долго будут чинить.

Так пошли?

— Не знаю, — нерешительно говорит Стеллочка. — У нас сегодня...

— С-сходите, с-сходите, Стеллочка, — басит добродушно Федор Симеонович. —

П-посмотрите что-нибудь т-такое... Потом р-расскажете...

— Что у тебя сегодня? — спрашивает Саша нетерпеливо.

— В шесть часов, — говорит Стеллочка.

— Где? — спрашивает Саша.

— Где обычно.

Саша, слегка повеселев, вешает трубку. Подходит Хома с тестером.

— Ты бы сдвинулся куда, Сашка, — говорит он. — Мешаешь...

Саша пятится, роняет прислоненные к стене кожухи и спотыкается об инженера, сидящего на корточках.

— Вы бы шли пока отсюда, Александр Иванович, — говорит тот недовольно. —

Только мешаетесь...

— Иди, иди, — говорит Хома. — Там получку дают.

— Получку так получку, — со вздохом говорит Саша. — Но к завтрашнему-то дню вы управитесь?

Ему никто не отвечает. Он опять вздыхает и выходит.

Он идет по длинным коридорам. Все заняты, все спешат. Саша спускается в бухгалтерию, расписывает очередь, состоящую сплошь из дублей, и нагибается к окошечку кассира.

— А, Александр Иванович? Что это вы сегодня лично? Вот здесь, пожалуйста...

Саша расписывается в ведомости.

— А что, профессор Выбегалло в отъезде? — спрашивает кассир, отсчитывая деньги.

Саша пожимает плечами.

— Вы его не видели? — спрашивает кассир.

— Слава богу, нет, — говорит Саша.

— Вы знаете... — говорит кассир, отсчитывая деньги. — Раз, два, три, четыре, пять... Уже два часа выдаю, а его все нет. Обычно окошечко открываю, а он уж тут как тут, самый первый...

— Проспал, наверное, — равнодушно говорит Саша. — Прибежит еще.

— Проспал? — Кассир с сомнением качает головой. — Чтобы профессор Выбегалло проспал в день полочки?

— Может быть, заболел? — Саша заинтересовался.

— Дубля бы непременно прислал, что вы!

— Действительно, странно, — говорит Саша.

Он выходит в коридор и останавливает какого-то сотрудника.

— Выбегаллу не видел?

— Бог спас, — бросает сотрудник и устремляется дальше.

Саша останавливает другого сотрудника.

— Выбегаллу не видел?

— А что это такое?... А, Выбегаллу? Что ты, конечно, нет!

Саша в задумчивости бредет по коридору. Все, кого он останавливает, отвечают ему:

— Выбегалло? Оно где-то здесь болталло... Но вот когда — не помню. Давно.

— Один раз видел. Хватит с меня.

— А зачем он тебе? Делать нечего?

Саша проходит мимо дверей, на которых висит табличка: «Заведующий отделом Разнообразных приложений тов. проф. Выбегалло А. А.». На ходу на всякий случай дергает ручку. Дверь заперта. Саша проходит дальше и заглядывает в лабораторию отдела Разнообразных приложений.

Атмосфера здесь не самая деловая. Все курят. Двое играют в крестики и нолики. Кто-то читает Сименону, поглощая бутерброды. Кто-то вытаскивает красивый мундштучок. Играет магнитофон.

— Выбегаллу не видели? — спрашивает Саша.

Все взоры обращаются на него. Затем все вопросительно переглядываются.

— А зачем он тебе? — спрашивает тот, что читал Сименону. — Что тебе — плохо без него?

— Серьезно, ребята, где Выбегалло? — спрашивает Саша.

— Был здесь как-то... — нерешительно говорит тот, что читал Сименону. — Дня три, наверное, назад.

— Раньше, — авторитетно отзывается сотрудник с мундштучком. — Это было еще до того, как ты на бюллетень уходил... Он еще спросил, что такое постельная принадлежность из пяти букв.

— А что это такое? — заинтересованно спрашивает один из игроков в крестики и нолики.

Со всех сторон сыплются предложения: диван, тумба, одеял. Начинается спор. Саша проходит в дверь, на которой написано: «Группа самонадевающейся обуви». Здесь работают. Один сотрудник сидит в носках в специальном кресле, выставив наготове ноги, а другой регулирует чудовищный мокроступ, заводя его специальным ключиком, как заводную игрушку. Затем он пускает мокроступ по полу. Мокроступ с жужжанием, мигая маленькими фарами, подъезжает к сидящему и надевается на подставленную ногу. Жужжание переходит в визг, сидящий с воплями принимается стаскивать мокроступ. Когда ему удастся извлечь ногу, оказывается, что носок в лохмотьях.

Саша осторожно прикрывает дверь и снова выходит в коридор. В коридоре Модест Матвеевич с неизменной папкой под мышкой дает указание двум лешим в комбинезонах и с ломами. Выслушав указания, лешие подходят к стене и принимаются долбить ее.

Саша проходит в кабинет Эдика. Эдик занят — рассматривает что-то в бинокулярный микроскоп, рядом с ним из регистрирующего прибора ползет лента самописца. Саша садится рядом с ним на стол и говорит:

— Выбегалло пропал.

— Это хорошо... — рассеянно говорит Эдик, но тут же спохватывается. — То есть, позволь... В каком смысле пропал?

— В буквальном. Нет его нигде. И давно.

Эдик хмурится.

— В бухгалтерии спроси, — говорит он. — Сегодня получка...

— Спрашивал.

— Подожди, подожди, — испуганно говорит Эдик. — Он и за деньгами не пришел?

Саша мотает головой. Эдик тихонько свистит, затем решительно берет телефонную трубку.

— Алло-оу? — откликается томный женский голос.

— Извините, пожалуйста, — говорит Эдик. — Профессора Выбегалло можно к телефону?

— Кого?

— Это квартира профессора Выбегалло?

— Да-а... кажется. Толик, твой папа профессор?

В трубке вдруг раздается мужской голос:

— В чем дело?

— Профессор Выбегалло дома? — спрашивает Эдик.

— Слава богу, нет.

— Вы не скажете, где он?

— Ушел покупать «Огонек».

— Давно?

— Недели две.

Эдик ошеломленно смотрит на трубку, затем осторожно кладет ее.

— Плохо дело, — говорит он. — Неужто пропал?

Они радостно смотрят друг на друга. Потом Эдик снова спохватывается.

— Нет, Саша, так нельзя, — решительно говорит он. — Надо искать. Сейчас я Модесту позвоню.

— А он тут, в коридоре...

Они выходят в коридор. Пролом уже сделан. Модест Матвеевич примеряется к нему. Рука с папкой не проходит. Модест Матвеевич дает лешим новые указания. Грохочут ломы, гремит осыпающийся кирпич. Саша и Эдик объясняют Модесту Матвеевичу ситуацию. Тот слушает со строгим выражением лица, приложив к уху руку.

Выслушав, он перекладывает папку под другую мышку и говорит:

— Вы полагаете, иностранная разведка?

— Вряд ли, — отвечает Эдик. — Это было бы слишком хорошо.

— Возможно, пьяный где-нибудь лежит, — раздумчиво говорит Модест Матвеевич. — Бывали прен-цен-денты... И в кабинете нет?

— Кабинет заперт.

— Есть предложение, — провозглашает Модест Матвеевич. — Создать временную комиссию по расследованию дела об исчезновении товарища профессора Выбегаллы в составе: председатель — Камноедов М. М., то есть я, члены комиссии — Почкин и Привалов, то есть вы двое. Доступно?

Он делает поворот кругом и гордо проходит сквозь пролом в стене. Эдик и Саша тоже проходят сквозь стену справа и слева от пролома. Лешие принимаются заделывать пролом.

Около кабинета Выбегаллы Модест Матвеевич извлекает из кармана связку ключей, выбирает нужный и открывает дверь.

Все трое входят и останавливаются на пороге. Страшная картина встает перед их глазами. Профессор Выбегалло неподвижно сидит за своим столом, склонившись над журналом «Огонек». В руке его карандаш. Он похож на покойника.

Модест Матвеевич снимает шляпу.

— Мир тебе, дорогой товарищ, — произносит он торжественно. — Ты погиб на посту.

Эдик бросается вперед и берет профессора за руку. Рука у профессора окоченелая, как палка.

— По-моему, он жив, — неуверенно говорит Эдик. — Рука теплая.

— Как так — жив? — спрашивает Модест Матвеевич и надевает шляпу. — Значит, спит?

Эдик вглядывается в лицо профессора.

— Да нет, — говорит он. — Глаза открыты.

— Это еще ничего не значит, — уверенно возражает Модест Матвеевич. — Нынче многие по конторам наладились спать с открытыми глазами.

Между тем кабинет наполняется любопытными. Ходят, смотрят, недоумевают. Кто-то отмечает толстый слой пыли на столе. Кто-то замечает паутину, растянутую между

плечами профессора и стеной. Саша заглядывает в журнал. «Огонек» раскрыт на кроссворде. Рядом лежат разрозненные тома энциклопедии. На них тоже пыль.

Все вдруг расступаются. В кабинет стремительно входят Федор Симеонович и Кристоаль Хозевич. При почтительном молчании присутствующих они приступают к делу: Федор Симеонович ощупывает Выбегаллу, а Кристоаль Хозевич словно бы ощупывает вокруг Выбегаллы воздух.

Киврин. Ан-набиоз...

Хунта. Похоже... Анабиоз во внешнем поле.

Киврин. Д-да, внутреннего поля не ощущается... Т-ты знаешь, Кристо, это пох-хоже на остановку... А какое там у тебя поле?

Хунта. Похоже на темпоральное. Но очень мощное. Источник примерно там...

Раскинув руки крестом, он медленно поворачивается и замирает. На лице его смущение.

— Странно... — говорит он. — В моем отделе... Двести вторая комната...

Саша с Эдиком быстро переглядываются. Эдик кивает, и Саша, выбравшись из толпы, выскакивает за дверь.

Он со всех ног мчится по коридорам и по лестницам и, запыхавшись, останавливается перед дверью, на которой обозначен номер 202 и красуется табличка: «Лаборатория Корнеева В. П.». Он дергает ручку. Дверь заперта. Он стучит. Никто не отзывается. Тогда он выгибает грудь колесом, вытягивает носочки и шагает сквозь дверь.

В лаборатории Корнеева царит полумрак. Ярко светится большой экран, на котором видны оцепенелый Выбегалло, Киврин, Хунта и прочие. Киврин и Хунта, настороженно выпрямившись, пристально глядят с экрана прямо на Сашу. В отсветах экрана Саша различает Витьку Корнеева. Витька почти не виден. С невероятной скоростью он двигается в сплошном сплетении проводов, перегонных кубов и прочей аппаратуры.

— Витька! — испуганно кричит Саша.

Мгновение, и Корнеев оказывается возле экрана. Что-то щелкает.

Профессор Выбегалло оживает на экране. Он подносит карандаш ко рту, кусает его и задумчиво говорит:

— Прогулочное судно из четырех букв... Лодка! Л... О... Т...

И тут он замечает вокруг себя людей, остолбенело глядящих на него.

— В чем дело, товарищи? — раздраженно осведомляется он. — Вы же видите — я занят! Модест Матвеевич, я прошу это немедленно прекратить!

Витька выключает экран, и сейчас же загорается свет. Вид у Витьки ужасен: он небрит, осунулся, двухнедельная щетина покрывает его щеки.

— Засекли все-таки... — бормочет он хрипло.

— Что все это значит, Виктор? — спрашивает Саша.

— Мне бы еще часов пятнадцать, — бормочет Витька. Он берет большой стеклянный сосуд с прозрачной жидкостью и смотрит его на свет. — Видал?

— Ничего не понимаю, — говорит Саша. — Что ты с Выбегаллой сделал? Что ты с собой сделал?

— Я живую воду сделал, балда! — хрипит Корнеев. — Смотри!

Он ставит сосуд на стол, хватая из ведра со льдом замороженную камбалу и кидает в живую воду. Камбала переворачивается вверх брюхом и вдруг оживает, переворачивается и ложится на дно, шевеля плавниками.

— Колоссально! — восклицает Саша, загораясь.

— Мне бы еще часиков пятнадцать... ну, десять! — бормочет Корнеев. — Скорость реакции очень маленькая, понимаешь? Мне бы реакцию ускорить!

Саша опомнился.

— Подожди, — говорит он, — а Выбегалло-то здесь при чем? Что ты с ним сделал?

— Да ничего я с ним не сделал, — нетерпеливо говорит Корнеев. — Две недели времени у него отобрал, у тунеядца. Зачем ему время? Все равно же кроссворды дурацкие

решает да в преферанс дуется... Да это вздор! Ты мне лучше вот что... ты мне лучше подсчитай вот такую штуку...

Он наклоняется над столом и принимается быстро писать.

Между тем в кабинете Выбегаллы назревает очередной скандалчик.

— Вы мне это прекратите, товарищ профессор Выбегалло! — орет Модест Матвеевич. — Вы мне объясните, почему вы нарушаете трудовое законодательство?

— Никогда! — вопит Выбегалло. — Основы трудового законодательства я всосал с молоком матери! А что касается кроссвордов, то это есть гимнастика ума! Великий Эйнштейн, если хотите знать, решал кроссворды! И великий Ломоносов решал кроссворды! И этот... как его... великий этот...

— Вы это прекратите! — перебивает Модест Матвеевич. — Работой временной комиссии установлено, что вы четырнадцать суток провели в данном кабинете, следовательно, четырнадцать ночей ночевали здесь, следовательно, четырнадцать раз нарушали трудовое законодательство, а также категорическую инструкцию о непробывании!

Выбегалло вытаращивает глаза.

— То есть как это — четырнадцать суток? Это какое же нынче число?

— К вашему сведению, сегодня девятнадцатое!

Выбегалло медленно поднимается.

— Так позвольте же! — произносит он. — Это, значить, получку дают! Как же вы можете меня от этого отвлекать? Позвольте, позвольте, товарищи! — Он устремляется было от стола, но паутина не пускает его. — Да позвольте же! — в полный голос вопит Выбегалло, рвет паутину и, распахивая присутствующих, пулей вылетает в коридор.

— В таком вот аксепте, — говорит Модест Матвеевич, строго озирая присутствующих. — Трудовое законодательство — это вам не формулы, понимаете, и не кривые. Его соблюдать надо. — Он делает движение, чтобы уйти, но любопытство пересиливает, и он наклоняется над кроссвордом. — Прогулочное судно из четырех букв... Лодка! Л... О... Т... Гм!

В лаборатории Корнеева Саша и Витька, упершись друг в друга головами, что-то чертят и пишут. Пол уже забросан исчерканными листками бумаги. Сосуд с камбалой стоит на диване. Камбала чувствует себя хорошо.

— Конечно, если в нашем озере всю воду превратить в живую... — бормочет Саша.

— Да не в нашей луже, балда, — огрызается Корнеев.

— Ну, я понимаю, из озера вытекает ручеек, ручеек впадает в речку...

— Да при чем здесь речка, кретин! Всю воду, понимаешь? Всю воду на Земле можно превратить в живую. Всю!

— Вот этого я не понимаю, — говорит Саша. — Энергии же не хватает.

— Да как же не хватает? — плачущим голосом восклицает Корнеев. — Ну что ты за дубина? Я же тебе показываю...

Задвижка на двери сама собой отодвигается, и дверь распахивается. На пороге — Киврин, Хунта, Эдик Почкин, Стеллочка и прочие другие.

— Что же это вы, г-голубчик, затеяли? — укоризненно осведомляется у Корнеева Федор Симеонович.

— В уголовщину ударились, Корнеев? — неприятным голосом произносит Хунта.

Корнеев стоит, набычившись.

— Почему это — в уголовщину? Ничего такого в уголовном кодексе нет. Если у человека не хватает времени для работы, а ослы гоняют в это время в домино и в карты... Может же человек...

— Н-нет, голубчик! — строго говорит Федор Симеонович. — Н-не может. Человек — не может.

— Федор Симеонович! — восклицает Саша, выскакивая вперед. — Кристоаль Хозевич! Он же живую воду сделал!

— Живая вода — это прекрасно, — говорит Хунта. — Однако даже такая блестящая цель не может оправдать таких позорных средств. Вы, Корнеев, кажется, взяли на себя права и обязанности Господа Бога — решать, кому время нужно, а кому оно не нужно. А ведь вы не Господь Бог! Вы всего лишь маг и волшебник. Способный маг и волшебник, но не более того.

Корнеев открывает было рот, чтобы начать спор, но Федор Симеонович останавливает его властным движением руки.

— Н-нет, голубчик, — говорит он. — И вы сами знаете, что нет. Живая вода, наука, открытия — все это прекрасно. Но не за чужой счет, голубчик. Не к-кажется ли вам, что усматривается некоторая параллель между вашими действиями и действиями некоего профессора, специалиста по разнообразным приложениям? Н-нет уж, вы не морщитесь, голубчик. А к-как же? Тот ворует чужой труд, а вы воруете ч-чужое время. Н-не годится, и н-не верю я, что вы об этом не думали. — Он подходит к дивану, ласково гладит обшивку. — Вот и диван вы украли... д-деградируете, Витя, деградируете...

— Вы не младенец, Корнеев, — говорит Хунта. — Могли бы, кажется, понять, что задача не в том, чтобы перераспределить время — у одних отобрать, а другим отдать. Задача в том, чтобы ни у кого на Земле — понимаете? — ни у кого! — не было лишнего времени. Чтобы все жили полной жизнью, чтобы все жили увлеченно и в увлечении этом видели свое счастье!

Часть стены обрушивается. Пролом имеет вид фигуры Модеста Матвеевича. Входит Модест Матвеевич и хозяйственно озирается.

— Так! — произносит он. — Я вижу здесь диван, инвентарный номер одиннадцать — двадцать три, каковой диван числится у нас списанным.

Камбала в сосуде медленно переворачивается вверх брюхом и всплывает.

Вечереет. За окном закат. Витька, Эдик и Саша, теперь уже втроем, работают за столом в корнеевской лаборатории. Трещит «мерседес», летят на пол исписанные листки бумаги. Из-под знаменитого дивана торчат ноги Хомы Брута. Потом он вылезает из-под дивана, озабоченно оглядывает его со всех сторон, стучит по нему ногой, как шофер по скату.

— Порядок, — говорит он. — Принимайте.

Саша вздрагивает, смотрит на него, смотрит в окно, смотрит на часы, с досадой бьет кулаком по столу.

По берегу озера, держась за руки, медленно идут парень и девушка. Останавливаются, целуются, поворачивают обратно.

По шоссе проходит машина. Фары ее озаряют спины молодых людей. У парня белая надпись «Привалов 12», у девушки — «Стелла 56»...

НЕТ-НЕТ, — говорит за кадром голос Саши. — ЭТО ПРОСТО ШУТКА...

Парень счищает надпись у девушки со спины.

...ЭТО, КОНЕЧНО, ШУТКА. ТАК ВООБЩЕ НЕ БЫВАЕТ, ДАЖЕ У НАС В ИНСТИТУТЕ.

Девушка счищает надпись со спины парня.

...НО ЗАТО ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ, ЧТО ВЫ ЗДЕСЬ ВИДЕЛИ, ЭТО ПРАВДА, ЧИСТЕЙШАЯ ПРАВДА... И ТО ЛИ ЕЩЕ БУДЕТ!

Из архива

Аркадий Стругацкий Сделка с дьяволом

В океанских глубинах идет вековая война — киты против гигантских головоногих моллюсков. Ожесточенно сражаются красавцы-киты с отвратительными десятиногими чудовищами. Но природа любит равновесие, ни той, ни другой стороне не удастся взять верх.

Вспенивая воду, угрюмо движется по бескрайнему океану громадный военный корабль, ошестиненный самыми современными средствами истребления. На мостике — надутый спесью адмирал в орденах и нашивках.

И вдруг на поверхность из глубин вылетают сцепившиеся в смертельной схватке кашалот и кальмар. Кальмару приходится туго. Он отрывается от противника и пытается удрать. Кашалот преследует его.

Адмирал некоторое время следит за сражающимися, затем отдает приказ. Орудия корабля дают залп. Снаряды попадают в кашалота, тот тонет. Орудия нацеливаются на кальмара, но тот подплывает к кораблю и произносит такую речь:

— Очень вам благодарен. Предлагаю заключить союз против этих зубастых мерзавцев. Вы поможете нам истребить их, а мы поможем вам в борьбе с вашими врагами по ту сторону океана. Вы только вооружите нас, а уж мы зададим трепку вашим врагам.

Так адмирал заключил сделку с мягкотелыми моллюсками. Корабль истребляет китов всеми доступными средствами. Кальмары получили от адмирала торпеды и тоже убивают китов.

Гибнет последний кит. Кальмары торжествуют. Адмирал, по-прежнему важный и надутый, величественно озирает океанские просторы, вокруг, на сколько видит глаз, распластались на волнах гигантские головоногие, вооруженные торпедами.

— А теперь, — командует адмирал, — вперед! На врага! Зададим им грандиозную трепку, мои храбрые кальмары! Вперед!

И тогда происходит то, что должно было произойти. Кальмары насмешливо гогочут, а тот, что вступил с адмиралом в переговоры, пускает в корабль торпеду.

Взрыв. Корабль тонет. Барахтается в волнах растерянный и перепуганный адмирал, истошно кричит, проклиная коварство союзников.

Гигантский кальмар охватывает его щупальцами и увлекает в глубину.

— Ничего не поделаешь, — говорит он. — Китов мы уничтожили, придется теперь питаться человечинкой.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Чародеи

1-я серия

Ясное звездное утро в приполярном городе Соловце. Сильный мороз, пронзительно скрипит снег под ногами прохожих.

Стеклоанный подъезд современного многоэтажного здания, озаренный голубым светом разрядных трубок. В сугробы по сторонам подъезда воткнуты несколько пар лыж, десяток новеньких швабр, оснащенных велосипедными седлами, и три подержанные метлы с седлами кавалерийскими.

К подъезду приближается пожилая почтальонша с сумкой на боку. Навстречу ей по бетонным ступеням сбегает девица в лыжном костюме, в пластмассовом шлеме и мотоциклетных очках. Напевая что-то модное про геологов, она выдергивает из сугроба одну из швабр, перебрасывает ногу через седло и, гикнув, уносится наискосок через улицу в черное звездное небо.

— Тьфу, оглашенная... — беззлобно произносит почтальонша и неспешно поднимается по ступеням.

Сбоку от входа сияет серебром на сизом мраморе вывеска: «НИИЧАВО АН СССР. Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства». А над входом красуется плакат: «Встретим наступающий Новый год новыми показателями!»

Почтальонша входит в обширный пустой вестибюль и сворачивает к барьерчику, за которым восседает, изучая сквозь очки газету «Соловецкие известия», могучая старуха-вахтерша в кителе с позументами.

— По здорову ли живешь, Маврикиевна? — с некоторой льстивостью в голосе произносит почтальонша.

Вахтерша опускает газету и смотрит на почтальоншу поверх очков.

— Здоровá, здоровá, Клавдя, — с достоинством отвечает она. — С чем пожаловала?

— Да телеграмма вашему... самому... — говорит Клавдя, ставит сумку на барьер, извлекает из нее телеграмму и разносную книгу. — Получайте, не скучайте да распишитесь вот здесь...

Вахтерша расписывается, берет телеграмму, а затем, вложивши в рот два пальца, издает пронзительный свист.

Через вестибюль мчится стремглав и подбегает к ней маленький лохматый гном. Вахтерша протягивает ему телеграмму и строго говорит:

— Снеси директору, дядьке Беломору, да живо, одна нога здесь, а другая чтоб там...

Гном, зажав телеграмму в зубах, мчится прочь. Вахтерша кричит ему вслед:

— Да постучаться не забудь, не то озлитесь, мышью тебя обратит. Слышь?

Почтальонша покачивает головой, произносит со вздохом:

— И все-то у вас не как у людей, все-то у вас по-своему...

— А мы привыкли... — отзывается рассеяннo вахтерша и снова берется за газету. — Ты лучше погляди, Клавдя, что про сегодня напечатано... Опять мой племянник на автобазе дел натворил...

Кабинет директора НИИЧАВО Трудослава Ингваревича Беломора. Горит только настольная лампа с глухим абажуром, и в круге ее света видны лишь бумаги и мощные руки директора, неторопливо разворачивающие телеграмму. Впрочем, можно различить еще и пышную седую шевелюру, огромную седую бороду, и поблескивают черные очки, закрывающие половину лица под широким шишковатым лбом.

Развернув телеграмму, руки замирают.

— Так, — произносит густой бас. — Этого еще не хватало...

В полумраке видно, как директор склоняется вперед и вбок. Щелкает переключатель, и густой бас гудит в микрофон:

— Зинаида Павловна, всех заместителей ко мне!

— Слушаюсь, Трудослав Ингваревич, — отзывается испуганный женский голос.

— Незамедлительно.

— Слушаюсь...

Тем временем из-за мощной руки директора в освещенный круг выбирается крошечный белый мышонок, останавливается и принимается обнюхивать бумаги. Рука берет его за хвост и поднимает.

— Паршивец этакий, — гудит бас. — Когда я научу тебя стучаться?

Мышонок помалкивает и только дрожит.

— Брысь!

Рука швыряет мышонка через стол в темноту. Слышится мягкий удар, топот ног, затем на секунду в дальнем углу кабинета приоткрывается дверь. В полосе света из приемной мелькает фигурка мохнатого гнома, после чего дверь захлопывается вновь.

Кабинет директора НИИЧАВО. На этот раз он ярко освещен, и можно убедиться, что это обычный кабинет крупного администратора со всеми приличествующими причиндалами: добротный ковер на полу, солидный сейф с никелированными рукоятками, разноцветные телефонные аппараты, селектор, глубокие кресла для важных посетителей, стулья для менее важных, большой телевизор в углу и прочее.

Беломор в строгом черном костюме сидит за столом, сцепленные руки его покоятся на развернутой телеграмме, ослепительно блистают твердые манжеты. Перед столом в креслах располагаются его заместители: зам. по науке Федор Симеонович Киврин — пожилой благодушный мужчина с холеной раздвоенной бородкой, в белом халате и белой докторской шапочке; зам. по АХЧ Модест Матвеевич Камноедов — приземистый полный человек в очках, с бульдожьей физиономией и совершенно без шеи, в обтягивающем, вытертом до лоска черном костюме; и зам. по общим вопросам Амвросий Амбруазович Выбегалло — моложавый старец, гладко выбритый, с лихо закрученными усами, сивые волосы начесаны на уши, на носу — чеховское пенсне с ленточкой; габардиновая толстовка, габардиновые же галифе и хромовые сапоги.

Непонятно, на кого из них глядит Беломор сквозь непроницаемые черные стекла. Слегка нагнув голову, он произносит:

— Я пригласил вас, товарищи, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

— Как ревизор? — испуганно квакает Модест Матвеевич.

— Как ревизор? — удивленно спрашивает Федор Симеонович.

— Что значит — ревизор? — осведомляется Выбегалло.

— А вот. — Беломор берет телеграмму, разворачивает и читает: — «СОЛОВЕЦ МАГИЯ ДИРЕКТОРУ. К ВАМ ЕДЕТ АКАДЕМИК ПОЛУЭКТ ХОТТАБОВИЧ ЯНУС. ВОЗМОЖНО ИНКОГНИТО. ВСТРЕЧАЙТЕ ТРИДЦАТОГО ПОЕЗД 16 ВАГОН 13. ОБЕСПЕЧЬТЕ ПОГОДУ. АКАДЕМСНАБ». Вот так, товарищи.

Беломор кладет телеграмму перед собой. Все переглядываются, затем Модест Матвеевич, прокашлявшись, говорит:

— Это завтра, значит.

— Да, надо подумать, — глубокомысленно замечает Выбегалло.

— Черт их носит, да еще под праздники, — расстроено говорит Федор Симеонович.

— Послушай, Трудослав, кто он такой, этот Янус, ты не знаешь?

— Знаю. Крупный специалист по белой и пестрой магии.

— Значит?

— Видимо, это визит в связи с волшебной палочкой. Как она там?

— Светлана и Корнеев утверждают, что палочка заработает ровно в полночь...

— Завтра?

— Да, конечно, завтра.

— Я вот хотел бы задать вопрос, — подает голос Модест Матвеевич. — Я насчет этого... ин-ког-ни-то. Это я знаю, читал. Гоголя сочинение, и в кино отражено. Но вот как это... ин-ког-ни-то с академиком может случиться? Ведь академик — он академик и есть. Как это тут понять?

— А так это нужно понять, — злобно отвечает Беломор, — что академик Янус — известный шалунишка, и потому совершенно неизвестно, в каком обличье он сюда заявится.

— Ну компрээнэ, Модест Матвеевич? — подхватывает Выбегалло. — Возможно, он придет к нам в обличье собственном, а может быть, и под видом совсем другого

человека. Молодого, например. Или вообще в виде дамы. Или даже в виде... э... вообще неодушевленного предмета...

— Ага... — Модест Матвеевич озабоченно снимает очки и принимается протирать стекла. — Ну что ж... Насчет обличья нам все едино, а мы со своей стороны в грязь не ударим... — Возвращает очки на место и принимается загибать пальцы. — Соответствующее товарищеское застолье — раз. Гостиница, само собой, — два. Кстати, концерт новогодний, самодеятельность ему покажем...

— Правильно! — подхватывает Выбегалло. — Самодеятельность у нас на высоте! Почти стопроцентный охват, шутка ли? Такой самодеятельности и в Москве...

— И застолье! — перебивает его Модест Матвеевич. — Осетрина! И икра!

— И икра! — восторженно кричит Выбегалло. — Чего еще надо?..

— Гм! — громко прокашливается Федор Симеонович.

Выбегалло и Модест Матвеевич испуганно затихают, взглядывают на Беломора и заметно уменьшаются в размерах, ибо отчетливо видно, каким яростным огнем пылают глаза директора за черными стеклами, как дымится и шевелится его седая шевелюра, как вылетают из ушей короткие разноцветные искры.

Несколько секунд длится молчание. Беломор успокаивается.

— Теперь так, — сдержанным басом произносит он. — Если академик прибудет в собственном обличье, пусть его проводят прямо ко мне, сюда. Ну а если ему вздумается пошалить...

— Ясно, Трудослав Ингваревич! — взвизгивает от восторга Выбегалло.

— И виду не подадим! — подтверждает Модест Матвеевич.

— Кстати, — подает голос Федор Симеонович, — а кто будет его встречать?

— Я, например, — откликается Выбегалло. — Я с удовольствием встречу... если не будет возражений, конечно...

— Одному как-то несолидно... — замечает Модест Матвеевич.

— Почему же это — одному? При мне будет еще товарищ из прессы... Он, кстати, зафиксирует...

— Ты не сходишь, Федор? — обращается Беломор к заму по науке.

Федор Симеонович отрицательно качает головой:

— Мне бы не хотелось... Очень много работы, а это возни часа на два.

Видно, как Выбегаллу осеняет некая не совсем честная идея. Стрельнув глазами по сторонам, он откидывается на спинку кресла и словно бы в изнеможенье произносит стонущим голосом:

— Ах, вот если бы Светлану Григорьевну попросить!..

— Удачная мысль, — кивает Беломор. — Пусть так и будет: на встречу пойдут товарищи Выбегалло, этот... журналист и Светлана. Женщина, да еще заведующая лабораторией...

— Правда, она собиралась завтра в Москву... — словно бы только что вспомнив об этом, спохватывается Выбегалло.

— Ничего, поедет послезавтра... В конце концов, интересы работы дороже... У меня всё, товарищи. Вы свободны.

Этим же утром в Москве. Метет свирепая вьюга по Ленинскому проспекту. Перед универмагом «Москва» выбираются из залепленных снегом троллейбусов люди, прикрываются от злого ветра, сгибаются, поворачиваются к ветру спиной, и все спешат, спешат, спешат укрыться в просторных теплых помещениях прославленного магазина.

Кабинет в квартире академика Полуэкта Хоттабовича Януса. Стены заставлены стеллажами, стеллажи забиты книгами и папками. У письменного стола, заваленного бумагами, во вращающемся кресле сидит боком к столу сам академик, благообразный старик в толстом парчовом халате. Левая нога его, закутанная в шаль, вытянута и покоится на подставленном стуле.

Академик говорит по телефону:

— Ну что же я могу поделать, голубчик? Я же трижды сказал уже вам: подагра разыгралась, я ступить на ногу не в состоянии! Вот состаритесь, сами поймете...

— Ну как же так, Полуэкт Хоттабович! — рыдает в трубку мужской голос. — Вас же там ждут... Вы же лучший специалист...

Академик оглядывается на окно. За окном метет вьюга.

— Послушайте, молодой человек, — сердито говорит он, — вы посмотрите, что на дворе делается! Я и до вокзала не доберусь, не то что до этого Соловца!

— Мы уже телеграмму им дали о вашем приезде! — рыдает в трубке мужчина.

— Так дайте еще одну! — яростно кричит академик. — Что я не приеду! И довольно! И не приставайте больше ко мне!

Он с треском бросает трубку.

— Телеграмму они, видите ли, дали... — ворчит он.

Одна из лабораторий НИИЧАВО: обширная комната, уставленная причудливыми приборами. На единственном пустом столе сидит, подложив под себя ладони и болтая ногами, хорошенькая молодая женщина в белом халатике, туго перетянутом в талии. Это заведующая лабораторией Линейного Счастья Светлана Григорьевна Почкина, талантливая ведьма, классный специалист. Она сидит на столе и болтает ногами, а к ней жмутся и льнут две явно влюбленные в нее лаборантки (одна в очках) и умильно морщат носики, а тут же рядом на стуле развалился начальник мастерской волшебной древесины Виктор Корнеев, долговязый, патлатый, с выражением пренебрежительного снисхождения на физиономии, в черном рабочем халате поверх джинсового костюма.

— И вы его очень любите, Светлана Григорьевна? — жадно спрашивает лаборантка в очках.

— Ужасно, Верочка, — серьезно отвечает Светлана.

— Так вы же тогда не вернетесь! — обиженно говорит лаборантка в очках.

— Как можно, Катенька, обязательно вернусь... И его привезу.

— Все забываю, — снисходительно произносит Корнеев. — Кто он у тебя?

— Инженер-программист...

— А он красивый? — жадно спрашивает Верочка.

— Да нет, так себе...

— А как его зовут? — осведомляется Катенька.

— Саша.

— Инженер-программист — это хорошо, — раздумчиво говорит Корнеев. — Это очень даже неплохо. У нас машина третий месяц простаивает.

— А он согласится? — спрашивает озабоченно Верочка.

— А кто его будет спрашивать? — пренебрежительно бросает Корнеев. — Слушай, Света, когда у тебя поезд?

— В четыре с чем-то... Проводишь?

— Само собой...

Дверь раскрывается, и в лабораторию, приятно улыбаясь, вступает до невозможности элегантный молодой человек, обвешанный фотоаппаратами, с записной книжкой и паркеровской авторучкой в руке.

— Простите, — произносит он, — профессора Выбегаллы здесь нет?

— Нет, — довольно нелюбезно отзывается Корнеев. — А вы кто такой?

— Позвольте представиться! — Незнакомец слегка кланяется. — Научный журналист Гэ Проницательный.

— Как? — в один голос переспрашивают Верочка и Катенька.

— Проницательный. Гэ.

— Какое «гэ»? — спрашивает Корнеев.

— «Гэ» значит «глаз». Настоящая фамилия у меня Похлебкин, а Гэ Проницательный есть псевдоним. Гэ Проницательный, то есть Проницательный Глаз...

— Постойте, постойте! — восклицает Светлана. — Вспомнила! — Она спрыгивает со стола и подходит к Г. Проницательному, с любопытством его разглядывая. — Это не у вас ли в какой-то статье была фраза: «Оорт первый взглянул на звездное небо и обнаружил, что галактика вращается»?

Корнеев ржет. Проницательный с достоинством оправляет на себе ремешки фотоаппаратов и заявляет:

— Лично для меня астрономия — пройденный этап. Сейчас меня интересуют чудеса. В частности, я прибыл сюда, чтобы собрать материал о профессоре Выбегалле. Наш журнал интересуется, в частности, его грандиозным проектом самонадевающейся обуви и его идеями о нерастворимом сахаре и о самовыкапывающемся и самонадевающимся на рыболовный крючок дождевом черве...

— Ужас какой! — простодушно восклицает Катенька.

— Да нет, почему же... — пожимает плечами Светлана. — Каждому свое...

Г. Проницательный с негодованием раскрывает было рот, чтобы дать отпор, но тут дверь снова распаивается, и в лабораторию, треснувшись черепом о косяк, полувходит-полуползает зверски пьяный помощник Корнеева мастер Хома Брут в рабочем комбинезоне при ярчайшем галстуке и в сверкающих штиблетах.

— Привет честной компании! — хрипло взрывает он и устремляется к Светлане. — Светочка! Бла-адетельница! Пожалуйте ручку! Л-лобзнуть!

Он надолго припадает к Светланиной руке, а Светлана, укоризненно глядя на Корнеева, качает головой.

— Кто это? — с ужасом осведомляется Г. Проницательный.

— Это самонадевающийся на крючок и самовыкапывающийся столяр Хома Брут, — сердито отвечает Корнеев, стараясь не встречаться со Светланой глазами. — Опять какой-то дряни налился...

— Ты телеграмму-то дал, Хомушка? — спрашивает Светлана.

— Дал, благодетельница... — Брут роется в карманах, достает бумажку. — Вот квитанция... Все как есть сделал... Встретит тебя твой жених честь по чести... и дай вам бог... А адресок я у себя оставлю. Я тебя еще послезавтра с Новым годом... поздравлю...

— Всё! — яростно кричит Корнеев и вскакивает со стула. — На реморализацию! Завтра же!

Лицо Брута перекашивается от ужаса.

— Товарищ Корнеев!.. Витя!..

— Завтра же! Сам отведу!

Брут протягивает руки к Светлане:

— Светочка!.. В последний раз!..

Светлана скорбно качает головой:

— Надо, Хома... Надо, милый... Сам видишь...

— Э-эх!.. — Брут в отчаянии машет рукой. — Пропадай всё...

В третий раз распаивается дверь, и в лабораторию вдвигаются торчащие усы и чеховское пенсне профессора Выбегаллы.

— Тэк-с... — произносит Выбегалло. — Вы, оказывается, здесь, товарищ Проницательный... А это что такое? Товарищ Брут опять пропитал себя алкоголем? Очень хорошо... да еще перед лицом прессы...

— Не на твои пил!.. — заявляет Брут.

— Иди уж... луноход... — шипит Корнеев и выволакивает упирающегося Брута из лаборатории.

Выбегалло вздыхает.

— Вы видите, товарищ Проницательный, — начинает он, — что не во всех еще звеньях нашего отлично в целом слаженного аппарата царит тишь да гладь...

Г. Проницательный, торопливо распахнув записную книжку, принимается рьяно записывать. Выбегалло замолкает и с сомнением смотрит на него.

— Впрочем, это не для прессы, — объявляет он. — Подобные явления пресса может игнорировать, ибо наш здоровый в целом коллектив...

— Вам что-нибудь нужно у меня в лаборатории, Амвросий Амбруазович? — устало прерывает его Светлана. — А то я уезжаю сегодня, и дел еще по горло...

Выбегалло приятно осклабляется.

— Беру на себя смелость поправить вас, Светлана Григорьевна, — возражает он. — Сегодня вы никуда не уезжаете.

— Как так? — удивленно спрашивает Светлана. — Именно сегодня и именно я уезжаю в Москву...

— К жениху, надо понимать?

— Именно к жениху.

— Нет, Светлана Григорьевна, — со скорбным выражением на физиономии произносит Выбегалло. — Никуда вы не уезжаете. Завтра мы с вами встречаем ревизора-академика. Распоряжение директора Беломора.

Светлана, напряженно сдвинув брови, смотрит на него. До нее еще не доходит.

— Позвольте... — говорит она. — Меня же ждут... Я телеграмму дала... вот квитанция...

Выбегалло разводит руками и слегка наклоняется вперед, прикрыв глаза. Светлана смотрит на Верочку и Катеньку. Те испуганно глядят на нее.

— Ну, это мы еще посмотрим, — твердо произносит она и быстро идет к двери мимо посторонившегося Выбегаллы.

Выбегалло смотрит ей вслед, непроизвольно облизываясь.

— Какая женщина! — громко шепчет он с восхищением. — Ах, какая женщина!

— Да... — неопределенно отзывается Г. Проницательный.

Метет и метет вьюга по всей Москве, и не забывает даже маленький переулок, зажатый между рядами старых московских особняков, гонит по нему неистовые снежные смерчи, наметает сугробы вокруг застывших легковушек, стучит мириадами сухих снежинок в вывеску: «МЛП. Вычислительный центр ГИПРОПИПа».

Машинный зал вычислительного центра. Тускло отсвечивают лакированные поверхности громоздких шкафов, мигают индикаторные лампочки, бешено крутятся бобины с магнитными лентами.

У пульта сидит грузный небритый человек в белом халате, грызет колпачок авторучки и просматривает мутные тексты на папиросной бумаге, схваченные скоросшивателем.

К нему почтительно приближается молодой человек приятной наружности, в очках, с короткой стрижкой, в халате, накинутом поверх вязаного свитера. Остановившись возле грузного мужчины, он деликатно кашляет, затем произносит:

— Разрешите, Николай Иванович?

Грузно-небритый Николай Иванович поднимает голову, тупо глядит на молодого человека и говорит:

— Привалов? Что тебе, Саша?

Это действительно Привалов, и зовут его действительно Саша, он — инженер-программист и один из героев нашего фильма.

— Разрешите мне идти? — неискренне улыбаясь, спрашивает он.

На небритой физиономии Николая Ивановича изображается огромное изумление.

— Идти? Куда?

— Я говорил вам, Николай Иванович, — с судорожной улыбкой объясняет Саша. — Ко мне невеста завтра приезжает... а я только вчера на новую квартиру переехал... у меня

там черт ногу сломит. И еще я просил разрешения до января не выходить... Помните, я заявление подавал?

— Заявление... — тупо повторяет Николай Иванович. — Невеста приезжает... — И вдруг лицо его озаряется радостью понимания. Брови его задираются на лоб, рот растягивается в ухмылке. — Постой, постой, это что же выходит — ты женишься?

— Совершенно верно, Николай Иванович.

— А хороша ли она?

— Хороша, — с чувством отвечает Саша.

— А как ее зовут?

— Светка... Светлана...

— Светлана... А кто она у тебя?

— Ведьма, Николай Иванович!

— Ведьма... Это хорошо. Это здорово. Ну что же, как говорится, в добрый час. А?

— Совершенно верно, Николай Иванович. Так я могу идти?

— Иди, иди, конечно, иди.

— До свидания, с наступающим вас, Николай Иванович!

Освобождаясь на ходу от халата, Саша почти бегом устремляется к выходу.

А Николай Иванович мечтательно произносит, глядя в пространство:

— Ведьма Светлана... и хороша...

И снова ярко освещенный кабинет директора НИИЧАВО грозного Беломора. Беломор, вздыбив широкие плечи, восседает за своим столом, перед ним, упершись в стол кулачками, стоит взъерошенная Светлана, и между ними имеет место бешеная ссора.

— Я не обязана, в конце концов, встречать странствующих администраторов! — звонко кричит Светлана.

— Вы обязаны выполнять мои распоряжения! — рыкающим басом гремит директор.

— Мне необходимо в Москву!

— Светлана!

— Меня ждет жених!

— Светлана Григорьевна!

— Плевать я хотела на ваших ревизоров!

— Товарищ Почкина!

— И, если уж на то пошло, я обойдусь и без вашего разрешения, Трудослав Ингваревич!

— А я вам запрещаю!

— А я поеду!

— А я вам выговор объявлю!

— И очень жаль, а я все равно поеду!

— А я вас уволю!

— И пожалуйста, а я все равно поеду!

— Не поедете!

— Поеду!

— Молча-а-ать!

Беломор выходит из себя. Покинув свой образ за столом, он растет над Светланой, огромный, темный, страшный. В кабинете быстро темнеет. Светлана пятится, выставив перед собой руки, но продолжает упрямо твердить:

— Все равно поеду... поеду... поеду!

— Никуда ты не поедешь, девчонка! — рывкает Беломор.

Тьму, сгустившуюся в кабинете, озаряет ослепительная сиреневая молния, громовой удар потрясает воздух. И гремит тяжелый густой бас Беломора, произносящий страшное заклинание:

— Кими-но кокоро-кара напу-о торитэ фую-о ирэру дзо! Ай тэйк саммер фром зай харт энд пут уинтер онту ит! Изымаю лето из сердца твоего и вкладываю в него зиму!

Тишина. Тьма медленно рассеивается. Беломор, угрюмый и нахохлившийся, восседает за своим столом, положив перед собой сцепленные руки. Слепо поблескивают огромные черные стекла его очков. А Светлана сидит у стола в глубоком кресле «для важных» и с растерянной улыбкой трет себе лоб.

— Извините, Трудослав Ингваревич, у меня что-то голова... — неуверенно произносит она.

— Ничего, ничего... — угрюмо откликается Беломор.

— О чем бишь мы... Ах да! Кажется, я погорячилась, Трудослав Ингваревич...

— Я тоже погорячился...

— Разумеется, если это так важно, я встречу этого... как его... товарища Януса. Кстати, такое знакомство может быть и бесполезно, как вы полагаете?

— Полагаю, что так.

— Но вы тоже хороши, Трудослав Ингваревич... — Светлана, лукаво ухмыляясь, грозит пальчиком. — Так кричать на молодую женщину...

— Гм...

— Собственно, из-за этого я и вспылила... Не думаете же вы, что он мне так уж нужен... этот мой жених? Свет клином на нем не сошелся, и вообще интересы работы дороже, не так ли?

— Несомненно, несомненно...

Светлана встает и протягивает через стол руку:

— Мир, Трудослав Ингваревич?

— Мир, мир, конечно...

Светлана танцующей походочкой идет к двери. Беломор, нещадно теребя бороду, озабоченно и встревоженно глядит ей вслед.

— Ч-черт... — бормочет он. — Кажется, я перебрал... Проклятая вспыльчивость... Ну и она тоже хороша...

Танцующей походочкой Светлана выходит в приемную и направляется к выходу. Секретарша директора, пожилая благообразная дама, выбирается из-за своей машинки и спешит к ней.

— Ну что, Светланочка? — встревоженно спрашивает она вполголоса. — Грозен был?

Светлана, приостановившись, окидывает ее ледяным взглядом.

— А вот это, милая, вас совершенно не касается... — произносит она и выходит.

Секретарша остается как громом пораженная, с отвисшей челюстью.

Светлана идет по сводчатому коридору, равнодушно-любезно отвечая на приветствия сотрудников. Кое-кто оборачивается и с недоумением смотрит ей вслед, но в общем ее новое состояние — «с зимой в сердце» — пока особого внимания не привлекает.

Вдруг навстречу ей выходят долговязый Корнеев и коротышка Хома Брут. Видно, что Корнеев мрачен, а Брут уже несколько протрезвел. Завидев Светлану, оба бросаются к ней.

— Ну, как? — жадно спрашивает Корнеев.

— Отпустил он тебя, Светланочка? — тревожно спрашивает Брут.

Несколько секунд Светлана холодно разглядывает их. Затем говорит:

— Как вам известно, товарищ Корнеев, завтра к нам в институт прибывает с ревизией товарищ из центра, академик Янус. Не исключено, что экскурс по институту он начнет с моей лаборатории, поэтому потрудитесь завтра часам к шести вечера привести в порядок вверенную вам мастерскую...

— Подожди, подожди... — бормочет ошеломленный Корнеев.

— Вам ясно, товарищ Корнеев? И приготовьтесь дать академику необходимые пояснения. И приведите себя в порядок, пожалуйста. Причешитесь, побрейтесь и вообще... Вы в последнее время распустились. И еще запомните: я для вас Светлана Григорьевна, а если это кажется вам длинно, то называйте меня товарищ Почкина...

— Поня-а-атно... — протягивает покрасневший как рак Корнеев. — Ладно, товарищ Светлана Григорьевна Почкина.

— А теперь о вас, товарищ Брут, — поворачивается Светлана к Бруту. — Если я вас хоть еще раз увижу пьяным, нам придется расстаться...

— Брута я вам не отдам, — цедит сквозь зубы Корнеев.

— Тогда поспешите с реморализацией. Не откладывайте до завтра. Во всяком случае, я не желаю присутствовать при встрече академика с пьяницей в моей лаборатории...

— Все сделаем, все сделаем, благодетельница... — бормочет испуганный и сбитый с толку Брут. — Но как же с Беломором... отпустил он тебя... вас то есть... к жениху-то?

— К жениху? — с видом крайнего изумления произносит Светлана, и в ту же секунду надменно-презрительное выражение на лице ее сменяется лукаво-приветливой улыбкой.

К ним в сопровождении неизменного Г. Проницательного приближается профессор Выбегалло.

— Ну, каковы успехи? — осведомляется он осторожно.

— Можете радоваться, старичок, — с чарующими интонациями в голосе отвечает Светлана. — Я никуда не еду.

Выбегалло ошеломлен.

— Видимо, мне суждено встретить этот Новый год в вашем обществе, противный, — продолжает Светлана.

Выбегалло сияет.

— И я готова держать пари на что угодно, что это ваша работа, — заключает Светлана. — Ну что ж, возможно, это будет и не так уж плохо... смотря как вы будете себя вести!

Выбегалло, сияя, как начищенный самовар, подхватывает ее под руку и уводит по коридору. Г. Проницательный, изображая на своей физиономии восторг и упоение, бредет за ними.

Корнеев и Брут, оставшись одни, беспомощно смотрят друг на друга.

Корнеев стучит себя пальцем по лбу.

Брут энергично и отрицательно машет головой, затем стучит себя ладонью по левой стороне груди.

Оба задумываются. И вдруг оба почти в один голос произносят:

— Заколдована!

— Вот что, Хома, — деловито говорит Корнеев, — адрес у тебя есть?

— Чей? Ее?

— Не ее, дубина! Этого... как его... жениха!

— Есть.

— Бегом на почту, дай телеграмму, чтобы срочно приезжал. Без него Светка пропадет. Знаю я это колдовство...

— Сделаю, — с готовностью говорит Брут. — А ты?

— А я, — отвечает Корнеев, — буду говорить с Амперяном. Вернешься — пойдем на реморализацию.

— Витя! — в отчаянии стонет Брут.

— Надо, Хома. Надо!

Саша весело прибирается в своей новой квартире — стандартной однокомнатной квартирке стандартного московского девятиэтажника. Собственно, прибираться особенно

ничего: вещей у молодого инженера прискорбно мало, и потому как комната, так и кухня выглядят девственно пусто. В комнате имеет место раскладушка, застланная байковым одеялом, поверх которого небрежно брошен выдавший виды спальный мешок; посередине возвышается одинокая табуретка, на ней красуется пузатая бутылка из-под иноземного коньяка, а в узкое горлышко бутылки воткнута пышная роза. К бутылке прислонена развернутая телеграмма: «ВСТРЕЧАЙ ТРИДЦАТОГО ПОЕЗД 15 ВАГОН 13 ЛЮБЛЮ СВЕТА». И еще в комнате имеет место потрепанный чемодан в углу да громоздятся на подоконнике книги. За окном метет метель.

Саша в нерешительности стоит со второй раскладушкой в руках. Оглядывает комнату, затем решительно направляется на кухню. Кухня обставлена побогаче: здесь есть новенький белый столик и при нем две белые табуреточки, есть и новенький холодильник, на столике расставлены в полной готовности тарелки и рюмки, а на подоконнике выстроились бутылки с вином и минеральной водой.

Повертевшись с раскладушкой на кухне, Саша возвращается в комнату и застывает в прежней нерешительной позе над бутылкой с цветком. Берет телеграмму, с нежной улыбкой перечитывает текст и решительно расставляет раскладушку у противоположной стены. И в эту минуту раздается продолжительный звонок в дверь.

Саша выходит в переднюю, открывает. За дверью стоит деловитый молодой человек, обсыпанный снегом.

— Телеграмма, — произносит он. — Распишитесь.

Саша берет телеграмму, прижимает квитанцию к дверному косяку и, не взглянув на огрызок карандаша, который протягивает ему молодой человек, привычным движением извлекает из кармана куртки цанговый карандаш. Расписывается, возвращает квитанцию.

— Спасибо.

Молодой человек уходит. Саша запирает за ним дверь и, на ходу разворачивая телеграмму, возвращается в комнату. Недоумение и ужас изображаются на лице его. Текст телеграммы гласит: «ПРИЕХАТЬ НЕ МОГУ ЗАКОЛДОВАНА СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙ ВЫРУЧАЙ ВРИО СВЕТЛАНЫ ХОМА БРУТ».

Несколько секунд Саша стоит неподвижно, растерянно потирая лоб. Затем срывается с места и принимается суматошно действовать. Стаскивает с себя домашние штаны, кидается к чемодану и откидывает крышку, затем мчится в переднюю и лезет в стенной шкаф, извлекает старенький рюкзак, срывает с вешалки ушастую меховую шапку и с размаху напяливает ее на голову, срывает дубленку, вдевает одну руку в рукав и бежит обратно к раскрытому чемодану... Лицо его при этом выражает отчаяние, он горячно бормочет:

— Ярославский вокзал... только бы билеты были... дьявольщина, дьявольщина... заколдована... Светочка моя, Светик... да куда же у них там местком смотрит... успеть бы только... билеты бы только были...

Он зарывается в чемодан, как фокстерьер, рубашки, майки, трусы, галстуки летят из-под него фонтаном, и в эту минуту снова раздается продолжительный звонок в дверь.

Во всей своей непрезентабельности — без штанов, в дубленке на одну руку и в шапке набекрень — Саша выскакивает в переднюю и распахивает дверь. На пороге стоит угрюмый, обсыпанный снегом гражданин.

— Гражданин Привалов? — нелюбезно осведомляется он.

— Да, это я... — растерянно отвечает Саша. — Что? Еще телеграмма?

— Какая там телеграмма... Билет получите.

Саша вытаращивает глаза.

— Какой билет?

— До Соловца... Сегодня, поезд шестнадцатый... Что? Опять не вам?

— Мне! Мне! — вопит Саша, хватая угрюмого гражданина за рукав и втаскивает в переднюю. — Мне, конечно, мне!

— Ну и слава богу... — ворчит гражданин, заметно светлея. — А то таскаюсь по всему городу, как собака... Адрес указали академика какого-то... а меня там так шуганули...

— Сюда, пожалуйста, сюда... — бормочет Саша, втаскивая гражданина на кухню и усаживая за столик. — Мне билет, мне, не беспокойтесь...

Гражданин локтем отодвигает тарелки и рюмки и извлекает из кармана конверт с билетом.

— С обеда с этим заказом маюсь... — бубнит он. — Ну, вот вам ваш билет... Поезд шестнадцатый, вагон, значит, тринадцатый и место тоже тринадцатое... И с вас тринадцать рублей тринадцать копеек...

— Сию минуту, сию минуту... — Саша суетливо роется в карманах куртки, затем протягивает деньги. — Вот, пожалуйста, пятнадцать... Сдачи не надо...

Гражданин изображает смущение:

— Ну что вы...

— Нет-нет! — решительно говорит Саша. — Никаких сдач!

Гражданин благодарит и удаляется. Слышно, как хлопает входная дверь. Саша рассматривает конверт. На конверте надпись «АКАДЕМИКУ ЯНУСУ» перечеркнута жирной красной чертой, и под нею тем же красным фломастером жирно начертано: «МЛ. Н. С. ПРИВАЛОВУ».

— Довольно странно, — громко произносит Саша, — но, в конце концов, наплевать...

По сводчатому коридору НИИЧАВО, медленно, но твердо ступая, идут Корнеев и Брут. Лица их мрачны и исполнены какой-то отчаянной решимости. Звучит тихая грозная музыка.

Они останавливаются перед дверью. На двери табличка с надписью: «ЛАБОРАТОРИЯ РЕМОРАЛИЗАЦИИ». Хома Брут коротко судорожно вздыхает. Корнеев решительно берется за ручку двери, медлит секунду, затем распахивает дверь.

Просторное, очень светлое и почти пустое помещение. Посередине простой конторский стол, перед столом два простых деревянных табурета. За столом сидит черноволосый молодой человек в белом докторском халате — Эдик Амперян, руководитель лаборатории и приятель Корнеева.

— Явились? — приветливо произносит он. — Вот и славно. Давно пора.

Он нажимает кнопку на столе, и за его спиной возникают двое здоровенных молодцов с каменно-равнодушными физиономиями, в красных резиновых фартуках поверх тренировочных костюмов.

— Ну, Хома... — дрогнувшим голосом говорит Корнеев.

— Ну, Витя... — сипло откликается Брут.

— Ни пуха ни пера...

— Не поминай лихом...

Они коротко обнимаются, затем Брут мужественно отталкивает своего друга и начальника.

— Куда идти? — тем же сиплым голосом осведомляется он.

Санитары в красных фартуках подходят к нему с обеих сторон, крепко берут за локти и ведут к стене справа. В стене бесшумно раздвигаются створки лифта. Брута вводят в кабину.

Створки задвигаются. Один из санитаров нажимает кнопку в стене. Слышится жужжание, светлый зайчик бежит по табло, отмечая этажи: 2...3...4...

На пятом этаже кабина останавливается, снова раздвигаются бесшумные створки, и Брута выводят.

Мрачный бункер с низким потолком и голыми цементными стенами. Вдоль стены слева — ряд стульев. На одном из стульев сидит, запрокинув одутловатое небритое лицо и

закрыв глаза, пожилой мужчина, держится рукой за сердце, мучительно морщится и постанывает. Возле него возвышается в позе терпеливого ожидания равнодушный санитар в красном фартуке, с пузырьком какого-то лекарства и чайной ложечкой наготове.

Прямо напротив лифта имеет место устрашающего вида дверь, обитая клепаным железом. На двери табличка с надписью: «ПЬЯНОЛЕЧЕБНИЦА», а над нею — черно-красный плакат: «ПЬЯНСТВУ — БОЙ!»

Брут, дрожа от ужаса, озирается и вдруг замирает, прислушиваясь. Из-за страшной двери доносится яростный грохот пулеметной очереди. Отчаянный вскрик. Новая очередь. Звон и дребезг разбиваемого стекла. Секунда полной тишины. А затем дикий вопль:

— Баста! Не могу больше! Родимые! Да что же это? Не могу! Не могу! Что хотите сделайте — не могу!

Брут весь сжимается и пытается отступить, но санитары крепко держат его за локти.

Тут железная дверь распаивается, и пара санитаров, слегка встрепанных и заметно вспотевших, почти бегом выносят в бункер обвисшего у них на руках тощего алкоголика в потертом костюмчике. Морщинистая физиономия алкоголика лоснится от пота, мутные глаза вытаращены, пиджак расстегнут, из-под расстегнутой до пупа грязной сорочки виднеется лоснящаяся от пота голая ребристая грудь. Санитары осторожно усаживают алкоголика на стул, он мотает растрепанной головой и вдруг восклицает:

— Не могу! Пускай лучше сам пропаду! Варвары!

— Следующий! — раздается из-за раскрытой железной двери спокойный голос.

Брут упирается, но здоровяки-санитары без труда трогают его с места. Тогда он плотно зажмуривает глаза и покоряется судьбе.

Так, с зажмуренными глазами, он входит через страшную дверь, делает еще десяток шагов и останавливается, наткнувшись на что-то грудью. Спокойный голос произносит:

— Откройте глаза. Ничего страшного.

Он открывает глаза.

Он стоит перед стойкой, на которой укреплен пулемет Максима. Чьи-то руки ловкими и привычными движениями заправляют пулемет снаряженной лентой. Впереди же, там, куда направлен ствол пулемета...

Брут зажмуривается, трясет головой и снова широко открывает глаза.

Там, у издырявленной пулями цементной стены, выстроилась рядком на полке дюжина великолепных бутылок: водка, коньяк, портвейн и снова водка, и снова коньяк и портвейн... великолепные, желанные, только что с прилавка магазина.

Ловкие руки с металлическим щелчком опускают крышку над заправленной лентой, и спокойный голос произносит:

— Приступайте. Ваша задача — поразить всех этих чудовищ.

Брут берется за рукоятки, целится сквозь прорезь в щите. Ведет ствол справа налево, затем слева направо. В прорези проплывают одна за другой бутылки водки, коньяка, портвейна...

Он отпускает рукоятки, вытирает со лба пот:

— Не могу... Рука не поднимается...

— Но вы должны! — повелительно произносит голос. — Это ваша задача! Перебить их всех! Всех! Всех!

Брут снова берется за рукоятки, зажмуривается, дает очередь. Пули выбивают фонтанчики цементной пыли высоко над бутылками.

— Прицел ниже, пожалуйста, — произносит голос. — И не жмурьтесь. Цельтесь!

Тра-та-та-та-та! Разлетается вдребезги бутылка портвейна.

— Так! — звучит голос. — Неплохо для начала! Продолжайте!

Тра-та-та-та! Разлетается еще одна бутылка портвейна.

— Что же вы... — укоризненно говорит голос. — Портвейн — это, конечно, тоже ничего... Но водка! Бейте по водке!

Брут роняет голову на кулаки, сжимающие рукоятки.

— Не могу... — с рыданием в голосе шепчет он.

— Возьмите себя в руки! Перед вами ваш злейший враг! Огонь! Огонь!

Тра-та-та-та-та-та! С дребезгом разлетаются бутылки, расплескивая по стене и по полу проклятую жидкость.

По сводчатому коридору перед дверью с табличкой «ЛАБОРАТОРИЯ РЕМОРАЛИЗАЦИИ» расхаживает взад и вперед угрюмый озабоченный Корнеев, то и дело поглядывая на часы.

Дверь тихо раскрывается, в коридор на подкашивающихся ногах выбирается Хома Брут и падает на руки подбежавшего Корнеева.

— Ну что? Как? — спрашивает Корнеев.

— Ох, Витя, трудно... — бормочет Брут. — Пить в одиночку — это ничего, с нашим удовольствием... но бить!

— Так тебя не вылечили? — с ужасом спрашивает Корнеев.

— Еще два сеанса. Следующий — в Новый год, вместо застолья.

Перрон Ярославского вокзала. Вьюга гонит неисчислимые толпы снежинок сквозь столбы света мощных фонарей. Саша Привалов в дубленке, шапке-ушанке, лыжных брюках и пьексах, лавируя между отъезжающими и провожающими, движется вдоль состава. Вагон пятнадцатый, вагон четырнадцатый... На вагонах белые таблички: МОСКВА–АРХАНГЕЛЬСК. Саша останавливается у дверей тринадцатого вагона.

Огромного роста проводник с совершенно моржовой физиономией величественно проверяет билет у закутанной до глаз старушки с баульчиком. Величественный кивок, старушка получает из огромной красной лапы свой билет и карабкается по ступенькам. Красная лапа тянется к Саше.

Проводник берет у Саши билет, величественно опускает на него взгляд, и вдруг глаза его выкатываются, отваливается и начинает дрожать мелкой дрожью гладко выбритая челюсть. Затем трясущаяся лапа возвращает Саше билет, и физиономия расплывается в слащавую улыбочку.

— Понятно-с... — рокошет почти нежно сдерживаемый бас. — До Соловца-с... Как же-с, как же-с... Пожалуйте-с...

Красная лапа осторожно, но решительно изымает из Сашиной руки его тощий рюкзачок. Ошеломленный Саша не сопротивляется. Он поднимается в тамбур. Проводник, деликатно тесня его в спину, следует за ним. Они идут по коридору мимо пассажиров, стоящих у окон.

— Сюда пожалуйста-с... — рокошет проводник. — Это купе-с...

Он отодвигает дверь купе. Там уже сидят трое: Толстяк в очках, Юноша в пестром свитере и Дамочка в меховой шубке.

— Граждане! — строгим голосом произносит проводник. — Прошу освободить купе!

Все вытаращивают на него глаза.

— Это то есть как? — изумленно вопрошает Толстяк.

— В чем дело? — грозно осведомляется Юноша.

— Вот еще новости! — восклицает Дамочка.

— Погодите, погодите!.. — растерянно протестует Саша.

Но проводник, понизив голос до шипения, говорит:

— Этот товарищ едет в Соловец!

Пауза. Затем Толстяк и Дамочка быстро поднимаются.

— Ясненько... — бормочет Толстяк и хватает свой чемодан.

— Так бы и сказали... — подхватывает Дамочка и берется за свой саквояж.

— Но я все-таки... — начинает было Юноша, однако проводник прерывает его.

— Этот — товарищ — едет — в Соловец! — разделяя слова, произносит он, глядя Юноше прямо в глаза.

Юноша неохотно поднимается и начинает собираться. Толстяк, приятно ослабившись, протискивается мимо Саши в коридор.

— Тысяча извинений! — говорит он.

За ним следует Дамочка.

— Вы же понимаете, мы не знали... — с томностью в голосе оправдывается она, а затем, повернувшись к проводнику, добавляет: — Но я все равно рассчитываю на нижнее место!

— Это уж непременно-с... — отзывается проводник, наклоня моржовую физиономию.

Юноша задерживается в дверях.

— Я все же хотел бы... — начинает было он, но рука Толстяка берет его крепко за шиворот и выволакивает вон.

Проводник, встав на цыпочки, осторожно, словно хрустальную вазу, водружает Сашин рюкзак в багажную нишу над дверью. Закончив эту операцию, он вновь поворачивается к Саше и сладенько рокочет:

— Ну и вот-с, располагайтесь... А я, как тронемся, вам чайку, чтобы не скучно-с...

— Послушайте, — сердито говорит Саша, — зачем вы это сделали? Они бы мне не помешали... и вообще...

— Положено-с! — тихо и веско произносит проводник.

Несколько секунд они глядят друг на друга. Физиономия проводника делается совершенно уже моржовой, из-под вислых усов показываются чудовищные клыки, и Саша, зажмурившись, трясет головой, чтобы избавиться от наваждения. Когда же он вновь открывает глаза, проводника уже нет, только мягко и бесшумно закрывается за ним дверь купе.

Саша оглядывает пустое купе, вздыхает и садится. Отдергивает шторку на окне. За окном мчатся снежные тучи в свете фонарей и движутся тени людей на перроне.

Конец рабочего дня. В ярко освещенном директорском кабинете сидят друг против друга, утопая в глубоких креслах, великие маги Трудослав Ингваревич Беломор и Федор Симеонович Киврин.

— Тем-то они и полезны, все эти Выбегаллы и Камноедовы, — басит Беломор, — что они с охотой и удовольствием берут на себя декоративную сторону нашей работы и освобождают нам руки и головы для настоящего дела...

Киврин согласно кивает, вынимает из воздуха две спелые антоновки, бросает одну Беломору, другую смачно закусывает сам.

— Ты прав, конечно, Трудослав, — говорит он. — Мало того, я бы сказал... Тьфу, ч-черт... Опять себе червивое сотворил... У тебя как, хорошее? Ага... О чем это я? Слушай, а все равно жаль, что этот ревизор прется... Я так рассчитывал поработать в новогоднюю ночь, ты же знаешь, какие чудесные магические условия бывают в это время... а теперь при ревизоре ничего, наверное, не получится... Как ты думаешь, Трудослав?

Беломор рассеянно кивает, сочно хрустя яблоком.

— Вообще Янус всегда был настоящим ученым, — замечает он, — но с тех пор столько воды утекло...

Стук в дверь.

— Войдите, — басит Беломор.

В дверь кабинета робко втискивается секретарша.

— Простите, Трудослав Ингваревич, мне можно идти?

— Да, идите, Зинаида Павловна. До завтра.

Зинаида Павловна, однако, мнетя в дверях. Беломор с хмурым удивлением воззрется на нее:

— В чем дело, Зинаида Павловна? Что-нибудь еще?

Зинаида Павловна делает глотательное движение, на лице ее появляется жалкая улыбочка.

— Простите, Трудослав Ингваревич... Я, возможно, не в свое дело... вне моей компетенции... но меня беспокоит...

— Что такое? О чем вы?

Бас Беломора столь грозен, что секретарша окончательно теряется. Теряется, но не отступает.

— Я насчет Светы... Светланы Григорьевны... ну, Почкиной...

— Слушаю вас...

— Она давеча вышла от вас... странная какая-то... Вот я и подумала, не случилось ли чего...

Под непроницаемым взглядом черных стекол Зинаида Павловна говорит все тише и тише и наконец замолкает на полуслове.

— А что такое со Светланой? — с любопытством осведомляется Киврин.

— Ничего, все в порядке! — рявкает Беломор. — Можете идти, Зинаида Павловна!

— Д-до свидания, Трудослав Ингваревич...

— До свидания.

— До свидания, Федор Симеонович...

— До свидания, Зинаида Павловна...

Зинаида Павловна исчезает, прикрыв за собой дверь. Киврин подозрительно смотрит на Беломора.

— В чем дело, Трудослав?

— Так... Ничего... — Беломор встает и принимается расхаживать по кабинету, засунув большие пальцы под мышки и дудя себе под нос какой-то классический мотив.

— Трудослав!

Беломор останавливается и круто поворачивается к нему.

— Девчонка распоясалась совершенно и нагрубила мне, — говорит он раздраженно.

— Ну, я и... гм... приструнил ее...

— Приструнил так, что она вышла от тебя какая-то странная?

Беломор возвращается в кресло:

— Ну, признаюсь... ну, погорячился...

— Трудослав, ты заколдовал бедняжку!

— Но она сама виновата! Она меня довела! Должна же быть дисциплина, в конце концов!

— Трудослав, немедленно расколдуй девочку!

Пауза. Беломор, глядя в сторону, яростно терзает бороду.

— Пока не могу... — бормочет он виновато.

— Не можешь? — На лице Киврина появляется испуганное выражение. — Как так — не можешь?

— Ну, как... Сам знаешь, как это бывает.

Пауза.

— Вечно ты лупишь сослепу как ни попадя... — свирепо бормочет Киврин. — Что же теперь делать?

— Не беспокойся, — произносит Беломор с достоинством. — Я все тщательно продумаю, кое-что просчитаю, и все будет в порядке...

— Ой, Трудослав! — Киврин грозит Беломору пальцем.

— Не беспокойся, говорю тебе, — повторяет Беломор. Он притворно зевает, глядит на часы. — Засиделись мы с тобой, однако. Пора и по домам.

— По домам так по домам, — недовольным голосом соглашается Киврин. — Пошли.

Не сходя с мест, они медленно растаивают в воздухе. Свет в кабинете меркнет, наступает тьма.

Вечер. Просто и неприхотливо обставленная комната в крошечной квартирке Светланы. Посередине накрыт белоснежной скатертью круглый стол, у одной стены — узкая девичья кровать под белоснежным покрывалом, у другой — старенькое трюмо на подставке под белоснежной салфеткой.

За столом в свободных позах располагаются Светлана и Выбегалло. У Светланы вид томный и слегка разочарованный, Выбегалло же сияет.

— Как видите, Амвросий Амбруазович, — томно говорит Светлана, — живу я просто и незамысловато, у меня нет ничего, кроме самого необходимого...

— Такой брильянт, как вы, — пылко произносит Выбегалло, — достоин лучшей оправы!

— Вы полагаете?

— Не сомневаюсь. И как мечтал бы я, антр ну, приложить все свои усилия, чтобы эту оправу сменить!

Светлана смеется русалочьим смехом:

— Старый шалун! Нет, серьезно, мне даже как-то грустно сегодня, что всю жизнь придется мне прожить между этой солдатской койкой и этим ободраным зеркалом!

— Очаровательница! — блеет Выбегалло. — Вам стоит только пожелать!

Он хватает ее руку и пытается поцеловать, но она вырывается и звонко щелкает его ладонью по плещи.

— Не спешите! Как вы не понимаете, гадкий старикашка, что компрометируете меня? Девочки! — кричит она весело. — Как там наш кофе?

— Сию минуту, Светлана Григорьевна! — доносится из кухни голосок Верочки.

— Но меня удручает не только это, — продолжает Светлана.

— Я весь внимание! — с энтузиазмом говорит Выбегалло.

— Во-первых, мне надоела моя лаборатория... Линейное Счастье, подумаешь! Дистилляторы Детского Смеха, злободобители, сплавы ума и доброты... Трудисься как вол, а результат? Всё те же сто шестьдесят в месяц!..

— Полагаю, это не так трудно поправить, — с достоинством замечает Выбегалло.

— Но есть еще и во-вторых! — хитренько взглянув на него, продолжает Светлана. — Мне вдруг осточертел этот противный Соловец!

Выбегалло заметно мрачнеет.

— Это уже труднее... — бормочет он.

— Не ска-жи-те! — произносит Светлана. — Вот завтра мы посмотрим...

— Вы имеете в виду этого академика? — взъерошивается Выбегалло. — Не понимаю, — раздраженно говорит он. — Чего уж проще, поезжайте к своему этому жениху, вот вам и Москва!

Светлана капризно надувает губы:

— Еще чего — к жениху! Однокомнатная квартира, раскладушки, папка с диссертацией на подоконнике и сто двадцать до лучших времен...

Она обрывает себя и смотрит, подняв брови, поверх головы Выбегаллы. Там в дверях застыла с подносиком в руках, с выражением ужаса на юном личике Верочка.

— Несите, несите, милочка, что же вы стали? — после паузы говорит Светлана.

Верочка подходит к столу, ставит подносик и молча расставляет чашки. Тут же входят Катенька с вазой, наполненной печеньем, и Г. Проницательный с сахарницей.

— А вот и кофе! — спохватывается Выбегалло. — Интересно, однако, чем это пресса так долго занималась на кухне с нашими очаровательными лаборантками?

Час спустя. Выбегалло и Г. Проницательный удалились. На столе чашки с недопитым кофе, наполовину опустевшая ваза с печеньем. Верочка и Катенька, потупившись, сидят за столом. Светлана стоит перед трюмо, рассматривая себя.

— По-моему, было очень мило, вы не находите, девочки? — рассеянно произносит она.

— Да, Светлана Григорьевна, — едва слышно откликаются они.

— И этот... журналист... тоже очень мил. По-моему, он увлекся тобой серьезно, Вера...

Верочка молчит.

— Я, кажется, тебя спрашиваю, Вера!

— Не знаю, Светлана Григорьевна...

— Смотри, не упusti своего счастья... Как-никак пресса, столичная штучка...

Верочка и Катенька робко хихикают. Светлана садится перед трюмо, распускает волосы.

— Ну, ладно, — произносит она. — Держитесь за меня, девочки, и вы не пожалеете... Катя, душечка, убери со стола, пожалуйста, а ты, Верочка, причеши меня на ночь... Ох, как же я устала!

Поезд стремительно мчится сквозь зимнюю вьюжную ночь.

Саша в куртке, наброшенной поверх расстегнутой рубашки, и в лыжных брюках сидит на разостланной постели и дремлет, облокотившись на столик и подперев кулаком щеку. У локтя его дребезжат три пустых стакана в подстаканниках. В пустом купе полутемно, светится лишь слабый плафончик в потолке. Ритмично стучат колеса, проносятся за темным окном снежные вихри.

Раздается мягкий стук.

Саша приоткрывает глаза, поворачивает голову. На полу возле двери лежит в проходе между полками его тощий рюкзачок. Саша медленно поднимает глаза и застывает с раскрытым ртом.

На краю багажной ниши, свесив ножки на дверь, сидит маленький Лохматый Человечек. На голове его красуется большая железнодорожная фуражка, у него сморщенное небритое лицо и серые волосатые уши. И он тоже растерянно и смущенно смотрит на Сашу.

— Простите... — произносит он скрипучим голоском. — Я здесь того... нечаянно уронил...

Он заглядывает вниз между раздвинутыми коленями. Саша тоже невольно опускает взгляд на рюкзак и снова поднимает глаза.

— Э... — говорит он. — А вы, собственно, кто такой?

— Я? Я, видите ли, вагонный, — отвечает Человечек.

— Кто-кто?

— Вагонный. Ну, как бы это вам сказать... Про домовых вы слышали?

— Д-да...

— Про леших, про водяных?

— Слыхал...

— Ну и вот. А я — вагонный. Я вожусь в вагоне, как домовые — в домах, лешие — в лесах, водяные — в реках...

— П-понятно...

Вагонный принимается ерзать на краю ниши, опасливо заглядывая вниз.

— Вам, может быть, помочь? — спрашивает Саша, приподнимаясь.

— Нет, спасибо... Я лучше сам...

Вагонный выдвигается на самый край ниши и ныряет головой вниз, так что с него сваливается фуражка. Но он не падает, а повисает в воздухе и начинает медленно опускаться, судорожно растопырив руки и ноги. Приземлившись в проходе на

четвереньки, он первым делом подбирает фуражку, выпрямляется и вновь нахлобучивает ее на голову.

— Вот и все, — произносит он запыхавшимся голосом, но удовлетворенно. — Разрешите присесть?

— Пожалуйста...

Вагонный садится.

— Благодарствуйте. А позвольте узнать, молодой человек, по какому делу вы в Соловец?

— Да понимаете... — расстроенно говорит Саша. — Невесту у меня там заколдовали, Светку... Светлану то есть...

Вагонный всплескивает лапками:

— Уж не Светлану ли Григорьевну? Не Почкину ли?

— Ее, ее... Вы ее знаете?

— Как не знать... я там многих знаю... — произносит Вагонный. — И кто же это ее, интересно?

— Понятия не имею. Понимаете, мы договорились, что она приедет. Я уже приготовился к встрече, то-се... и вдруг — вот!

Саша достает из кармана смятую телеграмму и протягивает ее Вагонному. Тот читает, шевеля серыми губами.

— Ясненько, — говорит он наконец и возвращает телеграмму Саше. — Хому Брута этого я тоже знаю...

— Он тоже... э... колдун?

— Ну, какой же он колдун? — рассеянно, думая явно о другом, говорит Вагонный. — Всего его колдовства только и хватает, что превращать воду в вино на всю зарплату...

Пауза. Саша не без почтительности разглядывает Вагонного. Затем, решившись, спрашивает пониженным голосом:

— Простите, не можете ли вы мне объяснить?

— Все, чем могу... — немедленно отзывается Вагонный.

— Вот еду я туда в белый свет, как в копеечку... Не знаю даже, с чего там начинать, к кому обратиться... разве что Брута этого разыскать для начала... Но все-таки: что это такое означает — быть заколдованным?

— Ну, это просто, — с готовностью отвечает Вагонный. — Это либо когда тебя превращают в какой-нибудь предмет или в козу, например...

— Да что вы говорите!

— Либо делают старухой или там уродом без рук, без ног...

— О господи!

— А вот самое скверное, это когда обличье тебе оставят, а вот душу, сердце, мозг исковеркают... Тут уж, молодой человек, хошь стой, хошь падай...

— Боже мой, боже мой...

— Но это все известно и никому не интересно, это вы в любом руководстве прочтете... Здесь есть иная странность, молодой человек!

— Какая ж? — жадно спрашивает Саша.

— А вот какая. Светлана Григорьевна — сама ведьма ой какого высокого класса... да и душа у нее чистая, твердая, сломать можно, а согнуть нельзя...

— Ну?

— Да... Так вот, ее абы кто не заколдует, слабак какой-нито. Ежели ее заколдовали, тут бо-ольшие мощности понадобились. Вы меня понимаете?

Саша медленно кивает, глаза его расширены предчувствием всевозможных несчастий.

— Понимаю... — шепчет он. — Большие мощности...

— Такие, может, большие, что им и самим с собой уже не справиться...

— Понимаю... Не справиться... Значит, все пропало.

Вагонный секунду пристально глядит на него, затем протягивает лапку и хлопает Сашу по колену:

— Да вы не отчаивайтесь так. Совсем еще не все пропало. На самое злое колдовство есть средство.

— Ка... какое?

— Любовь, молодой человек! — необыкновенно звонко и убедительно произносит Вагонный.

— Любовь? — растерянно переспрашивает Саша.

— Ага, любовь! Вы, простите, ведь Светлану Григорьевну любите?

— Люблю...

— Очень любите?

— Очень люблю! — кричит Саша. — Пусть ее хоть в козу, хоть в калеку, хоть в безумную!.. Все равно люблю!

— Ну и вот!

— Что — вот?

— Значит, расколдуете!

— Но как?

— Молодой человек, этого я вам сказать не могу. По всему видать, дело предстоит нешуточное. Трудов предстоит много. Но если вы любите...

Саша хватается Вагонного за лапку, немилосердно трясет:

— Вы уверены?

— Ой! — вскрикивает Вагонный, и Саша отпускает его лапку.

— Извините... Но вы действительно уверены?

— Ну конечно, уверен... А теперь, молодой человек, я вас оставляю. Ложитесь спать, набирайтесь сил...

— Да какой там сон, помилуйте! — вопит Саша. — Да мне теперь вовек не уснуть!

— Молодой человек, — укоризненно-ласково произносит Вагонный, — но вам действительно нужен сон, и вы действительно хотите спать!

Он пристально глядит на Сашу, и тот вдруг широко, с прискуливанием зевает.

— Вы действительно очень хотите спать... — вкрадчиво произносит Вагонный.

— Да... пожалуй... — бормочет Саша.

Он снова зевает, глаза его слипаются.

— Спи... — свистящим шепотом произносит Вагонный. — И запомните еще одно: ничему там не удивляйтесь, там у них кругом чародейство и волшебство...

Саша валится на бок, закрывает глаза и бормочет, еле шевеля губами:

— Да, да... не буду удивляться... кругом чародейство и волшебство... люблю...

Светка... я иду к тебе...

Он засыпает. Вагонный сползает с полки, не без труда протискивается сквозь запертую дверь и исчезает. А за темным окном вагона несутся и несутся снежные вихри.

Глубокая ночь с 29 на 30 декабря.

Кабинет Беломора, озаренный жутковатым сиреневым светом. Невидимые часы тяжело и размеренно бьют три раза. Из непроглядной тени за сейфом выходит давешний Вагонный, швыряет не глядя в черноту за окном железнодорожную фуражку и вскарабкивается в кресло у стола. Садится и сидит неподвижно, положив мохнатые лапки на тощие волосатые колени, а затем с длинным звонким гулом лопнувшей басовой струны превращается в огромного могучего Беломора.

Беломор мрачен. Рассеянно перебирая пальцами свою седую бороду, он некоторое время сидит, угрюмо набычившись и глядя перед собой черными стеклами своих невероятных очков.

— Так... — произносит он басом. — Любопытная складывается ситуация. Едет к нам не ревизор, а испуганный, возмущенный и влюбленный мальчишка...

Беломор поднимается и шагает через весь кабинет в угол, где раньше стоял телевизор. Теперь телевизора нет: вместо него имеет место большое круглое зеркало, словно бы висящее в воздухе. Беломор останавливается перед зеркалом и вглядывается в собственное отражение.

— Вопрос первый, — говорит он. — Сообщать ли по институту, что никакого ревизора не будет?

Отражение отрицательно качает головой.

— Ни в коем случае, — отвечает оно тем же гулким басом. — Нас с тобой всегда интересовали человеческие слабости, и посмотреть, как эти кое-каеры — Выбегалло и Модест — будут выдрючиваться перед мальчишкой, будет весьма забавно и поучительно. Переходи ко второму вопросу — главному.

— Хорошо. — Видно, что Беломору крайне неприятна предстоящая процедура и он старается пересилить себя. — Что Светлана... она спит?

— Да.

— Давай ее сюда.

Отражение Беломора в зеркале тает, и на его месте возникает изображение Светланы в ночной сорочке, с распущенными волосами и с закрытыми глазами. На прелестном личике — счастливая улыбка спящего ребенка.

Беломор прокашливается.

— Светлана! — басистым шепотом окликает он. — Ты меня слышишь, Светлана?

— Слышу... — тоненьким мелодичным голоском откликается она.

— Назови мне три самых заветных желания, Светлана. Три самых заветных желания.

Улыбка Светланы становится мечтательной, она проводит по губам кончиком языка и внятно произносит:

— Докторская степень... Белый спальный гарнитур... Московская прописка...

Беломор, впившись в нее глазами, схватывает свою бороду в кулак.

— А любовь? — тихо спрашивает он. — А друзья? А работа?

Вместо ответа Светлана, не раскрывая глаз, заливисто хохочет.

— Любовь!.. — прорывается у нее сквозь смех. — Ой, не могу! Любовь!.. Скажете тоже!..

— Убрать! — рявкает Беломор.

Изображение Светланы исчезает. Снова в зеркале отражение Беломора.

— Да, здорово мы ее... — бормочет Беломор.

— Прав Федя Киврин: вечно мы лупим сослепу как ни попадя... — горестно соглашается отражение.

— Ясно, что теперь у нас одна надежда...

— Испуганный, возмущенный, влюбленный мальчишка...

Отражение меркнет, исчезает и зеркало, на его месте возникает телевизор.

Лаборатория Линейного Счастья. Светлана сидит за своим столом и отчитывает Верочку. На Верочке короткое пестрое платье, Верочка тискает в руках свой белый халат и тихо плачет.

— ...Раз и навсегда запомните, Вера, — «стальным» голосом говорит Светлана. — Я не потерплю в своем отделе таких... вызывающих одеяний. У меня в отделе не пляж...

В стороне, прислонившись плечом к стене, стоит и хмуро слушает угрюмый Корнеев. Из-за стеклянных зарослей причудливых приборов выглядывает испуганный толстенький мужчина в летах — Магнус Феофанович Редькин, тоже сотрудник и подчиненный Светланы.

— А если вы не хотите служить, — продолжает Светлана, — то так и скажите... Пожалуйста, я никого не держу...

Дверь открывается, и в лабораторию вдвигается Федор Симеонович Киврин в белом халате и белой докторской шапочке.

— Разрешите, Светочка? — осведомляется он.

Светлана вскакивает, обходит стол и идет к Киврину, протягивая руки.

— Пожалуйста, заходите, дорогой Федор Симеонович! — воркующим голосом говорит она. — Заходите и садитесь, вы всегда у нас желанный гость, хотя и редкий...

Федор Симеонович усаживается у стола. Светлана шипит Верочке:

— Перестаньте реветь, стыдно! Немедленно ступайте домой и переоденьтесь! И чтобы я впредь вас в таком виде...

Не окончив фразы, она поворачивается к Киврину:

— Надеюсь, мы не очень обеспокоили вас нашей просьбой...

Верочка опрометью бежит к двери и исчезает. Киврин встревоженно глядит ей вслед:

— По-моему, эта девочка чем-то расстроена...

— Пустяки! — решительно говорит Светлана. — Переходный возраст, слабые нервы... Так вот, Федор Симеонович, дело вот в чем. Как вам известно, сегодня ожидается приезд ревизора из Москвы, и нам, как и другим отделам института, хотелось бы показать товар лицом. Вот мы и попросили вас зайти к нам... хотим доложить в вашем лице руководству, чем мы намерены порадовать московского гостя...

— Собственно, руководство вполне доверяет вам, Светочка...

— Нет, нет, нет! Я бы не хотела, чтобы впоследствии вышли бы какие-либо недоразумения... Мы не отнимем у вас много времени, добрейший Федор Симеонович!

— Да нет, Светочка, разве я против... Пожалуйста, пожалуйста!

— Корнеев! — переходя на «стальной» голос, произносит Светлана. — Доложите о состоянии работы с волшебной палочкой!

Корнеев нехотя отделяется от стены и цедит сквозь зубы:

— А чего докладывать-то?

— Как это — чего? В каком она состоянии, когда вступит в строй...

— Ну, готова она... Три дня уже как готова... А в строй вступит... то есть действовать начнет в ночь с сегодня на завтра... ровно в полночь. Вот и весь мой доклад.

— У вас есть вопросы, Федор Симеонович? — осведомляется Светлана.

— Д-да нет как будто... — неуверенно отвечает Киврин.

— Смотрите же, Корнеев, под вашу ответственность! — говорит Светлана.

— Ответим как-нибудь... — бурчит Корнеев.

— Кстати, Федор Симеонович, — словно бы вспомнив что-то, говорит Светлана, — а что, если я нынче вечером свожу ревизора в мастерскую? Предварительно, так сказать... Вы не возражаете?

— Н-нет, почему же...

— Вы слышали, Корнеев? Заместитель директора по науке предлагает нам принять нынче вечером ревизора в вашей мастерской!

— Да нет, я не то чтобы предлагаю... — растерянно говорит Киврин. — Я просто... Ну, если вам угодно, то и принимайте...

— Ясно, — мрачно произносит Корнеев.

— Можете идти, — величественно говорит ему Светлана.

Корнеев выходит.

— Далее, — провозглашает Светлана, — наши брюки-невидимки.

— Ну-ка, ну-ка! — оживает Киврин.

— Товарищ Редькин, где вы? — кричит Светлана. — Подите сюда!

Толстенький Редькин, стеснительно-испуганно улыбаясь, выходит из-за стола с аппаратурой и останавливается перед Кивриным. На нем кургузый серый пиджачок, крахмальная манишка с галстучком-бабочкой и широкие отглаженные брюки из благородного материала.

— Здравствуйте, Федор Симеонович... — стеснительно здоровается Редькин.

— Здравствуйте, здравствуйте, Магнус... — отзывается Киврин и, наклонившись, ошупывает на Редькине брюки. — Это и есть знаменитые брюки-невидимки Редькина?

— Так точно, Федор Симеонович... — стесненно говорит Редькин. — Только напрасно Светлана Григорьевна... Они еще не отлажены...

— Меньше слов, больше дела! — прерывает его Светлана. — Демонстрируйте, Редькин!

— Ей-богу, не стоило бы... — стесненно бормочет Редькин, шаря пальцами у пояса брюк.

Раздается звонкий щелчок. Редькин исчезает. Остаются видимыми — и отлично видимыми — одни только его роскошные брюки.

— М-да... — произносит Федор Симеонович.

— Редькин, назад! — командует сердито Светлана.

— Сейчас, сейчас... — стеснительно бормочет невидимый Редькин. — Я же говорю — рано... Не отлажено еще...

Звонкий щелчок. Редькин возникает во всей своей красе. Лицо у него багровое.

— Еще раз! — командует Светлана.

Снова звонкий щелчок. На этот раз исчезают чудо-брюки, оставив открытыми бледные волосатые ноги Редькина.

— Редькин! — яростно кричит Светлана. — Это непристойно!

— М-да... — произносит Киврин, покачивая головой. — Действительно, рановато это демонстрировать...

Красный как рак, со слезами на глазах, Редькин поспешно удаляется за столы с приборами.

— Вот так всегда, — жалуется Светлана. — Меня то и дело подводят. А уж казалось бы...

— Светлана Григорьевна! — доносится из-за стеклянных зарослей стонущий голос Редькина.

— Молчите, Редькин! Ни на кого положиться нельзя! Чуть отвернешься — и вот пожалуйста! Второй месяц эти несчастные штаны свои не может отладить, а еще магистр называется...

Киврин пристально смотрит на нее, и она замолкает.

— Ясно, — произносит он после паузы. — Что у вас еще, Света?

— Вы меня простите, Федор Симеонович... — томно говорит она, прижав ладонь ко лбу. — Мечешься, напрягаешься, а тут еще ревизия эта... Что у меня еще? Ах да! Эликсир радости, Федор Симеонович, новый вариант, тройной очистки! Это уж моя работа, Федор Симеонович, моя лично!

— Да вы не волнуйтесь так, Светочка, — мягко произносит Киврин.

— Ну как же не волноваться, Федор Симеонович, когда... Вера! Вера! — кричит она. — Пробу эликсира радости Федору Симеоновичу! Да живее, не копайтесь там!

— Веры нет, Светлана Григорьевна, — отзывается робко-испуганный голосок Катеньки.

— Как так — нет? А где она? Ах да! Ну, кто там есть? Пробу моего эликсира! Заместитель директора ждет!

— Не надо так волноваться! — встревоженно говорит Киврин, поднимаясь и протягивая к Светлане руки. — Успокойтесь!..

— Сию минуту, Светлана Григорьевна! — плачущим голосом кричит Катенька.

И вот она выбегает из-за дальнего стола с причудливым перегонным кубом, бежит со всех ног к Светлане, держа обеими руками мензурку с розовой жидкостью... поскользывается и падает. Мензурка разбивается вдребезги. Отлетают и разбиваются Катенькины очки.

Пауза. Катенька с выражением отчаяния и ужаса на ослепшем личике приподнимается и садится, опираясь руками в пол.

— Дура, — холодно и отчетливо произносит Светлана. — Девчонка. Дрянь безрукая, безногая, безглазая...

— Света! — громко шепчет побледневший Киврин. — Светлана Григорьевна! Опомнитесь!

— Ничего, Федор Симеонович, — кривовато улыбаясь, говорит Светлана, следя, как выскочивший из своего убежища Редькин, уже совершенно приличный и все-таки жалкий и растерянный, помогает Катеньке подняться на ноги. — Ничего. Это им только на пользу.

Дверь распахивается. На пороге с букетом цветов возникает Выбегалло. Пенсне его сияет. Из-за плеча его выглядывает сияющая физиономия Г. Проницательного.

— Очаровательница! — блеющим голосом восклицает Выбегалло и старомодно-изящным жестом бросает букет на стол перед Светланой. Затем он замечает Киврина. — Я зашел только напомнить вам, Светлана Григорьевна, что сегодня в половине пятого мы встречаем на станции нашего московского гостя. Вы не забыли?

Мрачный и насупленный Корнеев шагает по сводчатому коридору института, едва отвечая на приветствия встречных сотрудников. Останавливается перед дверью, на которой красуется табличка с надписью: «МАСТЕРСКАЯ ВОЛШЕБНОЙ ДРЕВЕСИНЫ». Толкает дверь ногой, входит.

На первый взгляд это обычная столярная мастерская: несколько верстаков, полки с инструментами по стенам, штабели досок, груды стружек на полу. Но в одном углу возвышается тяжелый приземистый сейф, а в другом свешивается с потолка на цепях громадное почерневшее бревно. При ближайшем рассмотрении можно различить на бревне глубоко врезанную надпись: «ЛЮСЯ + ГЕНА = ЛЮБОВЬ», и еще под бревном установлен низенький столик, на котором цветным мелком вычерчена правильная окружность диаметром в три дециметра.

Прикрыв за собой дверь, Корнеев сумрачным взором обводит свое хозяйство, и вдруг брови его лезут на лоб: на одном из верстаков, свернувшись калачиком, сладко спит Хома Брут.

Корнеев подходит к нему, грубо трясет за плечо. Брут раскрывает глаза и садится.

— А? — произносит он.

Корнеев обнюхивает его.

— Не-е, — говорит Брут. — Ни капли.

Корнеев замечает бутылку, хватает ее.

— Не-е, — говорит Брут. — Это скипидар. Для пропитки.

Корнеев ставит бутылку на место.

— Ты чего здесь валяешься? — осведомляется он.

— А я спозаранку пришел... — сладко позевывая, отвечает Брут. — Зинаида Павловна решетку попросила сделать. Для ванной. Вот я и сделал. А потом задрях.

— Это кто же такая — Зинаида эта самая?

— А секретарша директора... — Брут соскакивает с верстака и достает решетку. — Ничего решеточка, а?

— Ничего, — безо всякого интереса соглашается Корнеев. — Ты вот что, Хома... Нынче вечером Светлана какого-то хмыря-ревизора сюда приведет, так ты здесь прибери все хорошенько... Развел свинарник...

Брут спрашивает, понизив голос:

— Ты ее видел?

— Видел, — хмуро отвечает Корнеев.

— Ну и как?

Корнеев безнадежно машет рукой:

— Заколдована, это точно. Что я — заколдованных не видел? Смотреть жалко. И страшно.

Дверь распахивается, в мастерскую входит Эдик Амперян в докторском халате:

— Здорово, столяры-плотники! Как дела? Что нового?

— Здоров, — буркает в ответ Корнеев.

— Здравствуйте, Эдик, — подобострастно приветствует Брут.

Эдик подходит к нему, внимательно разглядывает, ощупывает лицо быстрыми ловкими пальцами.

— Тянуло? — осведомляется он.

— Не-е.

— А сейчас тянет?

— Не-е. — Брут глотает слюну. — Ни вот настолечко.

— Проверим.

Эдик отгребает ногой с пола стружки, достает из кармана мел и вычерчивает на очищенном участке круг диаметром в метр.

— Становись сюда.

Брут, заметно оробев, вступает в круг.

— Не трясись, — строго говорит Эдик. — А ты, Витя, отойди в сторонку.

Виктор Корнеев отступает и садится на верстак. Эдик, нашептывая заклинания и производя руками замысловатые пассы, несколько раз обходит вокруг Брута. Затем отступает на несколько шагов и выкрикивает страшным голосом:

— СИРАФУ! СИРАФУ! СИРАФУ!

В ту же секунду на середине мастерской появляется странная фигура: необыкновенно гибкий молодой человек, изумрудно-зеленый, светящийся и голый.

Покрутив змеиной головкой, он замечает Брута, балетными шажками подбегает к нему и, остановившись у границы круга, осведомляется ласковым шипящим голосом:

— Ты меня звал, Хома? Пора, пора, Хомыш! А я уж испугался, что ты меня забыл, Хомячок!

Брут безмолвствует, напряженно глядя перед собой и мимо зеленого юноши.

— Ну, что же ты? Выходи из этого дурацкого круга! Давай веселиться! Давай петь! Ведь мы столько времени не знали с тобой!

Брут продолжает молчать, но видно, как на щеках его играют желваки, а руки изо всех сил сжаты в кулаки.

— Ты же все равно выйдешь, Хома! — продолжает зеленый юноша. — Спешу ко мне на свиданье! Мы сладко обнимем друг друга!

Брут молчит. По лицу его стекает пот. Зеленый юноша принимается с необыкновенным проворством бегать вокруг него, но при этом ни разу не заступает через меловую черту. Затем он вновь останавливается.

— Решайся же, — вкрадчивым голосом произносит он. — Иначе я покину тебя, и мы больше никогда не увидим друг друга! И ты останешься один, совсем-совсем один! Без радости, без ласки, без утешения!

Брут тяжело дышит, глаза его полузакрыты, он уже покачивается на месте. Еще немного — и он сделает шаг из круга. И тогда Эдик поднимает руки над головой и яростно восклицает:

— Бумс валера!

И зеленый юноша рассыпается мириадами ярких зеленых искр.

— Осторожно! — кричит Корнеев. — Здесь же стружка кругом!

— Ничего, — бросает Эдик. — Он холодный. Ну что ж... — Он подходит к шатающемуся Бруту, берет его за руку и выводит из круга. — Молодец, сопротивляемость хорошая...

— Кто это был? — спрашивает Корнеев.

— Ты не узнал? — удивляется Эдик.

— Нет.

— А ты? — обращается Эдик к Бруту.

— Узнал, конечно... — хрипло отвечает тот.

— Это был, конечно, сам Зэээ, — говорит Эдик Корнееву.

— Кто?

— Зэээ. Зеленый Змий.

— Ух, гад! — грозно рычит Брут. — Был бы у меня пулемет, я бы его своими руками...

— Не ври, — останавливает его Эдик. — Тебе еще много придется пострелять, пока у тебя на него рука поднимется...

— И вообще, — говорит Корнеев, — займись делом, прибери мастерскую...

— Сей секунд, — отзывается Брут. — Решеточку только отнесу Зинаиде Павловне и займусь. Можно?

— Валяй, — разрешает Виктор.

С ванной решеткой под мышкой Брут вприскок несется по коридору и останавливается перед дверью с надписью «ДИРЕКЦИЯ». Приоткрывает дверь, просовывает голову в приемную:

— Можно?

В приемной пусто. Брут робко входит, на цыпочках крадется к столу Зинаиды Павловны и осторожно кладет решетку на пол рядом с ее стулом. И тут замечает, что дверь в кабинет директора приоткрыта. Оттуда доносится глухой бас Беломора:

— ...должен сказать тебе, Федор, что Светлана обречена. Вернее, почти обречена. И виноват во всем, конечно, я...

— погоди, Трудослав... — слышится встревоженный голос Киврина.

— Не надо утешений, не надо соболезнований, Федор. Я сломал эту чудесную девочку, и я готов нести за это всю ответственность...

Замирая от страха, тревоги и любопытства, Брут подкрадывается к приоткрытой двери и заглядывает в кабинет.

Там Киврин сидит очень прямо в кресле у стола, а Беломор, мрачный и угрюмый, расхаживает по ковру, заложив руки за спину.

— Да будет тебе известно, Федор, — продолжает он, — что в припадке бессмысленной ярости я наложил на нее Проклятье Зимнего Сердца...

— Ох!.. — вырывается у Киврина.

— Мало того, когда я накладывал проклятье, я вложил в заклинание всю свою мощь...

Киврин сгибается и закрывает лицо ладонями.

— И теперь я бессилён, Федор, — мрачно заключает Беломор. — Я считал и пересчитывал, я перебрал все известные нам способы рассеяния злых чар... Напрасно. Ни я, ни кто-либо другой ничего не может сделать.

Киврин поднимает голову:

— Но ведь есть же... любовь!

— Да. Это единственный шанс. Сегодня сюда прибывает мальчишка, который любит Светлану всем сердцем. — На лице Беломора появляется грустная усмешка. — Это единственный шанс.

— Но время, время! — панически восклицает Киврин.

— Именно. Если он не поцелует Светлану до новогодней полуночи, она останется с зимою в сердце на всю жизнь. А сегодня уже тридцатое.

Киврин, шевеля губами, считает по пальцам.

— Не трудись, — мрачно говорит Беломор. — В его распоряжении будет чуть больше тридцати часов.

— Но ведь когда он встретится со Светланой и увидит ее такой, какая она сейчас...

— Именно этого я и боюсь. Но сделать ничего нельзя. Будем надеяться на лучшее. На цыпочках, задом пятится Брут от директорской двери.

Мастерская волшебной древесины. Корнеев и Эдик сидят рядом на верстаке и разговаривают.

— Тут мы и поняли, что она заколдована, — говорит Корнеев.

— Да, симптомы очевидны, — глубокомысленно соглашается Эдик.

— Но вот кем?

— Главное не это. Главное — какова была мощность магополя? Какова глубина психосдвига? Имеет ли место релаксация? А если стабилизация?

— Ну, я в этом не понимаю. Это по твоей части.

— Да, это по моей части...

Дверь распахивается, и в мастерскую врывается Брут. Глаза его вытаращены, волосы стоят дыбом.

— Ребята! — кричит он задыхающимся голосом. — Витя! Эдик! Я все узнал!

Поезд мчится в снежных полях под черно-синим звездным небом. Мелькают освещенные окна вагонов.

В своем пустом купе тихо спит Саша, закинув руки за голову. Подрагивая в такт стуку колес, ползают по столику среди дребезжащих подстаканников Сашины очки.

Дверь купе отодвигается, входит моржоволицый проводник. Трясет Сашу за плечо:

— Извольте встать-с... Соловец через четверть часа-с...

Саша садится, нашаривает и надевает очки, смотрит в черное окно.

— Сколько времени? — сиплым со сна голосом спрашивает он.

— Четверть пятого-с...

— Утра?

— Зачем же-с? Дня-с! Четверть пятого пополудни-с...

Они стоят в промерзшем тамбуре перед покрытым инеем стеклом выходной двери. Саша дрожит от озноба, уши шапки опущены, воротник дубленки поднят, рюкзак висит на плече, руки глубоко засунуты в рукава.

Поезд замедляет ход и останавливается. Проводник торопливо отмыкает и распахивает дверь.

— Соловец... — произносит он значительно, осклабясь под моржовыми усами. — Прошу-с!

— До свидания, — говорит Саша и, не вынимая рук из рукавов, сходит на покрытую снегом платформу. — Спасибо...

— Счастливо пребывать-с! — отзывается проводник.

Поезд трогается, набирает скорость и уносится вдаль. Саша озирается.

Кругом бело под звездным небом и не видно ни одной станционной постройки, но над платформой светится вывеска: «СОЛОВЕЦ. АРХАНГЕЛЬСКАЯ Ж. Д.».

— И что же дальше? — вслух произносит Саша.

В этот момент на другом конце платформы появляются три фигуры. Саша вглядывается...

— Светка! — изумленно шепчет он.

Трое на другом конце платформы — это, разумеется, Выбегалло, Светлана и Г. Проницательный, облаченные в меховые шубы, меховые шапки и меховые унты.

Светлана, разглядывая издали одинокую Сашину фигуру, изумленно и разочарованно произносит:

— Какой же это академик, товарищи? Это же Саша Привалов! Никакой он не академик, а младший научный сотрудник...

Выбегалло снисходительно ухмыляется:

— Не беспокойтесь, очаровательница. Все в порядке. Разве вам не сказали, что академик может прибыть инкогнито? Вот он и принял обличье этого вашего... как его... А теперь тихо, он направляется к нам! Помните, ни в коем случае не подавать вида! Просто мы вышли на прогулку и случайно оказались здесь... И вы, товарищ Проницательный, воздержитесь пока от фотографирования и фиксирования...

А Саша уже действительно со всех ног устремляется к ним. Подбежав, он протягивает к Светлане руки и радостно вопит:

— Светка! Светочка! Господи, как я рад!

— Высокий класс! — восхищенно шепчет Выбегалло.

Светлана, уклоняясь от объятий, отступает на шаг и смущенно произносит:

— Простите, гражданин... то есть товарищ... Я, кажется, не имею чести...

Руки Саши безвольно опускаются, в ушах его скрипуче отдается голос Вагонного: «...самое скверное, это когда обличье тебе оставят, а вот душу, сердце, мозг исковеркают...»

— Да-да, извините... — бормочет он. — Кажется, обознался я...

— Бывает, — добродушно ухмыляется Выбегалло.

— А вы, простите, не Хома Брут? — обращается к нему с надеждой Саша.

— Хома Брут? — с возмущением отзывается Выбегалло. — С какой это стати? Смешно даже... — Впрочем, он тут же спохватывается. — Позвольте представиться. Амвросий Амбрузович Выбегалло, заместитель директора института по общим вопросам. Тут у нас институт такой есть, НИИЧАВО называется... Гм... А вот эта очаровательная женщина заведует в этом институте лабораторией. И вы совершенно правильно... гм... угадали ее имя. Ее зовут Светлана Григорьевна...

Саша не сводит глаз с прекрасного Светланиного лица, а она кокетливо ему улыбается.

— Ну-с, а это, — продолжает Выбегалло, делая жест в сторону журналиста, — это представитель научной прессы Г. Проницательный...

Г. Проницательный кланяется.

— Гэ? — машинально переспрашивает Саша.

— Совершенно верно, Гэ.

— Странное имя...

— Собственно, это не совсем имя... — робко начинает и тут же замолкает Г. Проницательный.

Воцаряется молчание.

— А собственно, почему мы здесь стоим? — спохватывается Выбегалло. — Вам, вероятно, нужен отдых с дороги... Простите, кстати, с кем мы имеем честь?

— Александр Привалов я, — безнадежным тоном, не сводя глаз со Светланы, говорит Саша. — Александр Иванович. Можно просто Сашей... Младший научный сотрудник, инженер-программист...

Личико Светланы остается безмятежным.

— Вот и чудесно! — восклицает Выбегалло. — Вот и познакомились. Так я что хочу сказать, Александр Иванович? Вы у нас в Соловце в некотором роде гость, так уж позвольте нам принять на себя всю полноту заботы о вас, хе-хе-хе...

— Спасибо, — говорит Саша. — А то я действительно никого здесь не знаю и был бы очень благодарен вам...

— О чем разговор! Мы, знаете ли, патриоты нашего института и вообще Соловца... и обязанностью своей как патриотов почитаем заботиться, чтобы приезжающим и всем благородным людям никаких притеснений... то есть, я хочу сказать, никаких неудобств. А для начала позвольте препроводить вас в гостиницу.

— Спасибо, — снова говорит Саша. Он все не сводит глаз со Светланы. — Это не очень далеко?

— Ну что вы! Гостиница наша — вот она!

Саша непроизвольно вздрагивает и оглядывается.

Нет ни засыпанного снегом перрона, ни вывески с названием станции, ни железнодорожных путей. Они стоят на широкой, ярко освещенной улице, и прямо перед ними, словно бы втиснувшись между двумя трехэтажными домами современного вида, красуется грузная стариннейшая изба, сложенная из черных необхватных бревен. Широкие деревянные ступени ведут на крытое крыльцо с перилами на резных балясинах, по сторонам крыльца располагаются два крошечных оконца с крестовидными переплетами, конек остроугольной крыши маячит на высоте третьего этажа домов-соседей. Над крыльцом имеет место огромная вывеска: «ГОСТИНИЦА–МУЗЕЙ “ИЗБА НА КУРЬИХ НОГАХ”. ПАМЯТНИК СОЛОВЕЦКОЙ СТАРИНЫ», а под правым оконцем к бревнам прибиты железными клиньями метровая овальная бляха из жести, на которой выбито: «НАУЧНО–ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЧАРОДЕЙСТВА И ВОЛШЕБСТВА. ИНВ. № 1157».

— Пр-рошу! — лязгающим голосом произносит Выбегалло.

И они все поднимаются по ступенькам на крыльцо, проходят через просторные сени, освещенные лампами дневного света, и вваливаются в большую комнату весьма деревенского вида. Стену слева занимает громадная русская печь с лежанкой, на лежанке помещается обычная гостиничная постель: матрас, мохнатое одеяло с пододеяльником, подушка в накрахмаленной наволочке. У стены справа стоит продолговатый стол, накрытый груботканой скатертью, возле стола — скамья и табуретка. Оконце задернуто ситцевой занавеской. Под дощатым потолком сияет многосвечовая лампа с тарелочным абажуром. Все выскоблено и вычищено до блеска.

— Вот-с! — с видимой гордостью произносит Выбегалло. — Здесь и располагайтесь. Простота и, как видите, чистота. Это вот печка. Это стол. Скатерть здесь у нас — самобранка. Меню скромное, но питательное. Ежели пожелаете с морозца... — Он щелкает себя по кадыку. — Большое разнообразие. Даже спирт трех сортов: медицинский, сухой и крепленый... — Метнув взгляд в сторону безмятежно улыбающейся Светланы, он понижает голос: — Ванна и удобства, к сожалению, в соседнем доме, но вход туда прямо из сеней...

Пока он говорит, Саша кладет рюкзак на скамью, стаскивает с головы шапку и слушает, поглаживая ладонью волосы.

— Что же касается оформления и прочего бюрократизма, — говорит Выбегалло, — то об этом не беспокойтесь. Дайте только мне ваш паспорт, и мы все сделаем... А сейчас мы вас оставим. Располагайтесь, подкрепитесь, отдохните...

— Вы уже уходите? — горестно спрашивает Саша, глядя на Светлану и доставая из бокового кармана паспорт.

— Но мы же скоро увидимся, — кокетливо улыбаясь, произносит Светлана.

— Да, да! — восклицает Выбегалло, пряча Сашин паспорт в карман. — Мы ведь должны вам показать... по законам гостеприимства просто обязаны...

— Вы меня очень обяжете, — томно говорит Светлана, потупившись, — если заглянете к нам в институт между шестью и семью, я бы показала вам свою лабораторию, мастерскую...

— Конечно! — радостно кричит Саша, всплескивая руками. — Непременно!

— В шесть часов вас устроит?

— Очень, очень!

— Тогда вот товарищ Г. Проницательный зайдет за вами ровно в шесть, — говорит Выбегалло. — А пока мы с вами расстаемся... Пойдемте, товарищи, дадим товарищу акаде... научному сотруднику отдохнуть.

Приобняв Светлану и Г. Проницательного за талии, он увлекает их к выходу. В дверях Светлана оборачивается и посылает Саше воздушный поцелуй.

Они сходят с крыльца и движутся по тротуару, но у первого же фонаря Выбегалло останавливается, достает Сашин паспорт и раскрывает его.

— Действительно! — восхищенно произносит он. — Привалов Александр Иванович! Вот это класс! Бесподобно! Что значит — столица, а? У нас так не умеют...

— Честное слово, — говорит Светлана. — Он как две капли воды похож на Сашку...

— Возможно, чисто внешнее сходство, — глубокомысленно возражает Г. Проницательный.

— Мне ли не знать Сашу Привалова! — говорит Светлана. — Это же и есть мой жених...

— То-то вы с ним так кокетничали, — недовольно ворчит Выбегалло. — И он тоже явно на вас глаз положил. Так на вас и бросился там, на платформе. Как дикий зверь.

— Вы, кажется, ревнуете, мой старичок?

— А как же, моя прелестница? Вы возбудили во мне такие надежды, и вдруг... Впрочем, это не для прессы. Пойдемте, товарищи. Не знаю, как вы, а я зверски проголодался... И надо еще доложить директору, что академик Янус прибыл инкогнито.

Оставшись один, Саша раздевается, вешает шапку и дубленку на вешалку у двери, садится на скамью и задумывается.

— Нет, — произносит он вслух. — Это же просто невыносимо. Она меня не узнаёт! Она! Меня! Не узнаёт! Чертовщина какая-то... так ведь и вправду чертовщина...

Он кладет руку на стол и рассеянно барабанит по скатерти пальцами.

— Что вам угодно, гражданин? — осведомляется неприязненный женский Голос.

Саша вздрагивает и озирается. В комнате никого нет.

— Так что вам угодно? — повторяет Голос.

— Это вы мне? — растерянно спрашивает Саша.

— Конечно вам, а то кому же? Что будете заказывать?

— Не понял...

— Я вас, кажется, русским языком спрашиваю: что будете заказывать?

— То есть в каком смысле?

— В обыкновенном! Стучат, требуют, а чего — и сами не знают. А потом жалуются: то им не нравится, это им нехорошо... Ну, что будете есть?

— А! — спохватывается Саша. — Понял, простите... Ведь вы... э... скатерть-самобранка?

— Да, да, самобранка я! Давайте сделайте заказ скорее, раз позвали!

— Сию минуту... Простите, я не сразу сообразил... Значит, так. Яичницу с ветчиной...

— Ветчина кончилась.

— Тогда просто яичницу из двух... нет, из трех яиц.

— Из двух или из трех? Точнее!

— Из трех.

— Яиц только два осталось.

— Хорошо, хорошо, из двух.

— Так. Дальше.

— Чаю с лимоном.

— Вы что, гражданин, белены объелись? Какие вам зимой лимоны?

— Тогда просто с сахаром.

— Чай с сахаром. Дальше.

— Бутерброд с сыром.

— Сыра нет.

— А что есть?

— Портвейн есть. Солнцедар. Спирт питьевой.

— Нет-нет, этого пока не надо... Тогда все.

— Все?!

— Все.

— Яичница, чай с сахаром... и все?

— А что еще?

— Тоже мне — клиент!..

Воцаряется молчание.

— Алло! — говорит Саша.

Молчание.

— Послушайте, вы еще... э... здесь?

Молчание. Саша пристально смотрит на скатерть. На скатерти никаких изменений.

Саша со вздохом встает из-за стола, развязывает рюкзак, извлекает полотенце и мыльницу и, то и дело оглядываясь на стол, бредет к двери.

2-я серия

НИИЧАВО, кабинет директора. Беломор, мрачный и насупленный, сидит за своим столом. В креслах у стола сидят Выбегалло и Камноедов. Выбегалло докладывает директору о встрече «академика».

— Ну-с, как вы совершенно правильно и предположили, Трудослав Ингваревич, прибыл товарищ Янус в обличье молодого человека, некоего Александра Ивановича Привалова... между прочим, бывшего жениха нашей Светланы Григорьевны...

— Почему же это — бывшего? — угрюмо осведомляется Беломор.

— Она теперь о нем и слышать не желает, Трудослав Ингваревич. Да и то сказать, разве такой женщине мальчишка какой-то нужен? Ей солидная партия нужна, с положением, материально обеспеченная...

— Понятно. Продолжайте.

— Ну-с, поселили мы его в нашей «Избе», виду, конечно, не подаем, все честь по чести... я у него паспорт на оформление взял... Кстати... — Выбегалло достает Сашин паспорт и протягивает Камноедову. — Это уже по вашей части, Модест Матвеевич, оформите, как там положено...

Камноедов берет и раскрывает паспорт.

— Посмотрите, посмотрите, — говорит Выбегалло. — Совершенно как настоящий. Даже с пропиской... Далее, Трудослав Ингваревич, договорились мы с ним...

— У меня вопрос, — прерывает его Камноедов. — Как же я его оформлять и прописывать буду? Он же на самом деле не Привалов!

— Разумеется, не Привалов. Оформляйте как академика. Полуэкт Хоттабович Янус... Правильно, Трудослав Ингваревич?

— Но паспорт-то у него на Привалова! Нас в милиции не поймут тогда!

— Ну, тогда оформляйте как Привалова. Правильно, Трудослав Ингваревич?

— А меня тогда спросят, с какой стати я прописываю постороннее лицо в институтской гостинице...

— А тогда вообще не будем оформлять... Правильно, Трудослав Ингваревич?

— А вот на это я не имею права.

— А мы предложим вам в порядке исключения... Правильно, Трудослав Ингваревич?

За чудовищными черными стеклами очков Беломора вдруг вспыхивают две ослепительные молнии.

— Да подите вы к черту со своими грошовыми заботами! — ревет он. — Вон! Убирайтесь!

Толкая и опрокидывая друг друга, перепуганные насмерть замы со всех ног устремляются к двери.

Гостиница. Саша, свежееумытый и расчесанный, переодевшийся в шикарный белый свитер с синим оленем на груди, сердито прохаживается по комнате, заложив руки за спину.

Он останавливается у стола и смотрит на скатерть. На скатерти по-прежнему ничего нет. Он смотрит на часы. Стрелки показывают без десяти шесть.

— Чародейство... — с огромным сарказмом произносит Саша. — Волшебство!

Он снова принимается расхаживать по комнате, и тут на стол с лязгом падает сковорода со скверно зажаренной яичницей, брякается оловянная тарелка с куском хлеба и, расплескиваясь, небрежно опускается стакан жидкого чая.

— Наконец-то... — ворчит Саша, подходя к столу и усаживаясь.

— Что же мне — разорваться из-за вас? — огрызается Голос.

— Целый час дожидался...

— Бывает и подольше ждут, и не нервничают...

Саша недоверчиво рассматривает яичницу, морщится, с видимым усилием разламывает кусок хлеба и принимается за еду.

Раздается осторожный стук в дверь.

— Войдите!.. — давясь, произносит невнятно Саша.

Входит Г. Проницательный — румяный с мороза, в расстегнутой шубе, с шапкой в руке.

— Разрешите? — искательно улыбаясь, говорит он.

— Входите, входите... Садитесь, пожалуйста...

Г. Проницательный осторожно присаживается на табурет. Прокашлявшись, говорит:

— Извините, помешал вам кушать...

— А, какая это еда!.. — Саша с отвращением отодвигает сковородку, залпом выпивает остывший чай и поднимается. — Ну что, пошли?

Г. Проницательный с готовностью вскакивает.

— Если вы готовы...

— С вас сорок семь копеек, — холодно произносит Голос.

Саша роется в кармане, достает полтинник и бросает на стол. Полтинник исчезает.

Пауза.

— Сдачу давайте! — резко говорит Саша. — Три копейки!

Снова пауза. Затем на скатерть падает копейка. Немного погодя — вторая. Снова пауза.

— Третью давайте!

На скатерть падает третья копейка. Саша забирает медяки и сует в карман.

— Копеечная душа... — шипит Голос.

— А вы, простите, лахудра! — ревет Саша.

Г. Проницательный с отсутствующим видом глядит в потолок. Покосившись на него, Саша надевает куртку, влезает в дубленку и нахлобучивает шапку.

— Пошли, — говорит он.

Г. Проницательный с готовностью распахивает перед ним дверь. Выходя, Саша оглядывается. Грязная посуда со стола не исчезла.

Саша и Г. Проницательный идут по ярко освещенной улице Соловца. В городе чувствуется предновогодняя суета: то и дело встречаются прохожие с елками, с набитыми авоськами, с дорогими детским сердцам большими коробками, полными елочных украшений. Весело скрипит снег под ногами.

— Позвольте обратиться к вам с просьбой, — произносит Г. Проницательный.

— Да, пожалуйста... — рассеянно отзывается Саша.

— Не уделите ли вы мне — когда вам будет угодно, разумеется, — часок вашего драгоценного времени?

— На какой предмет?

— Интервью... — застенчиво произносит Г. Проницательный.

— Интервью? — Саша даже приостанавливается от удивления. — А кто я такой, чтобы у меня брать интервью?

— Я понимаю, понимаю... — шепчет Г. Проницательный. — Ваше инкогнито будет сохранено...

— Инкогнито? Мое?

— Да, да! Интервью будет опубликовано после, когда вы вернетесь в Москву... и только с вашего разрешения...

— Погодите, — говорит Саша сердито. — Почему интервью? Почему именно у меня?

— Не откажите! — умоляюще стонет Г. Проницательный. — Вам это всего часок потерять, а для меня... представляете? Интервью с академиком! С лауреатом! С заслуженным деятелем!

Саша снова приостанавливается.

— С академиком... — медленно произносит он. — Ага... Вот, значит, как...

— Вы согласны?

— Да! — решительно говорит Саша. — Согласен! Пойдемте...

Он двигается вперед столь быстро и решительно, что Г. Проницательный вынужден чуть ли не бегом нагонять его.

Мастерская волшебной древесины. Видно, что Хома Брут потрудился на славу: пол чисто выметен, инструменты аккуратно разложены по полкам, все, что может блестеть, блестит. Посередине мастерской стоит чисто выбритый и приглаженный, но по-прежнему угрюмый Корнеев и дает пояснения, а возле него собрались псевдоакадемик Александр Привалов (он на время забыл о своих тревогах и слушает с жадным интересом), зав. лабораторией Светлана Почкина (она безмятежно улыбается и кокетливо поглядывает на Сашу, при этом опираясь на руку Выбегаллы), зам. по общим вопросам Выбегалло (глядит вокруг себя с таким видом, будто это именно ОН дает пояснения и это именно ЕГО все слушают), зам. по АХЧ Камноедов (слушает с недоверчивым видом и на всякий случай саркастически усмехается) и научный журналист Г. Проницательный (бешено пишет в блокноте паркеровской ручкой). Еще присутствует Хома Брут, столяр — золотые руки, но он жмется в уголок и вообще старается, чтобы его никто не заметил.

Корнеев говорит монотонно:

— ...Такова вкратце многовековая история усилий по созданию волшебной древесины или, что то же самое, волшебных изделий из дерева. Как явствует из сказанного, борьба в основном шла за портативность и увеличение радиуса действия. Первый успех наметился в двадцатых годах, когда было создано так называемое волшебное бревно... Прошу проследовать за мной...

Он направляется в угол, где висит на цепях над столиком почерневшее от времени бревно. Слушатели тянутся следом за ним.

— Вы видите перед собой, — продолжает монотонно Корнеев, — действующее волшебное бревно. Манипулировать им довольно сложно, а радиус его действия ограничен вот этим кружком на столике...

— Замечательно интересно! — восторженно шепчет Г. Проницательный, бешено работая авторучкой.

— Да, здорово... — замороженно говорит Саша. — А нельзя ли продемонстрировать?

— Можно, конечно... — неохотно отзывается Корнеев и протягивает было руку к бревну, но тут вдруг его оттесняет Выбегалло.

— Нет ничего проще! — восклицает он с энтузиазмом. — Товарищ Проницательный, я сейчас буду демонстрировать, а вы зафиксируйте этот момент!

Проницательный хлопотливо хватается за фотоаппарат, направляет его на Выбегаллу и при этом роняет блокнот и авторучку. Выбегалло становится в позу, берется за комель бревна и принимается с натугой раскачивать эту грузную громадину.

— Айн! — произносит он. — Цвай!.. Драй!

Раскачавшееся бревно ударяет Г. Проницательного в грудь, и он с воплем опрокидывается на спину. А на столике в очерченном кружке появляется тарелка с жареной рыбой. От тарелки поднимается пар. Все принохиваются, и Саша глотает слюнку.

— Это жареная рыба, — уверенно произносит Камноедов. — Караси.

— М-да... — говорит Саша. — Запах какой — умереть можно...

— А что же! — с энтузиазмом восклицает Выбегалло. — Почему бы и нет? Позвольте мне, Полуэкт... э-э... Александр Иванович, от лица нашей общественности...

Он хватается тарелку и делает движение, чтобы поднести ее Саше. В руках у него ничего нет. Саша смотрит на руки Выбегаллы, затем поднимает взгляд на его лицо.

Выбегалло негодуя поворачивается к Корнееву:

— Что за неуместные шутки, товарищ Корнеев?

— Да вам же сказано было, — утомленно отвечает Корнеев, — что радиус действия волшебного бревна ограничен этим вот кружком на столе...

Светлана серебристо хохочет, остальные неуверенно подхватывают ее смех.

— Ну-с, — говорит Корнеев, — это волшебное бревно. История, так сказать...

— Товарищ Корнеев, — перебивает его Камноедов, — есть один вопрос.

— Ну?

— Вот тут у вас на бревне вырезано: «Люся плюс Гена равно любовь».

— Ну?

— Кто они такие — эти Люся и Гена?

— А я почему знаю?

— Вношу предложение, — внушительно говорит Камноедов. — Выяснить, кто были эти личности, и строго с них взыскать за порчу древесных насаждений.

— Правильно! — с энтузиазмом восклицает Выбегалло.

— То есть как это — взыскать? — удивляется Корнеев. — Бревно в двадцатых годах было срублено... Их, наверное, уже и в живых нет...

— Взыскать посмертно! — восклицает Выбегалло. — Зафиксируйте, товарищ Проницательный... Товарищ Проницательный! Вы где?

— Здесь я... — жалобно откликается Г. Проницательный, вылезая из-под столика с блокнотом и разбитой авторучкой в руке.

— Зафиксируйте предложение взыскать посмертно с Люси и... как его... Гены...

— Так я продолжаю, — нетерпеливо говорит Корнеев. — Волшебное бревно — это уже история. Затем была сконструирована волшебная дубина. С мощностью у нее было лучше, но радиуса действия не было вовсе. Пришлось сдать ее в котельную... И вот наконец... Прошу проследовать за мной.

Он направляется в другой угол, где возвышается тяжелый приземистый сейф. Слушатели тянутся следом за ним.

Г. Проницательный удерживает Сашу за рукав, бормочет жалобно и просительно:

— Простите великодушно... Вы мне не можете?

— А в чем дело? — осведомляется Саша.

— Ручку я свою раздавил... Как ударило меня бревном, так я упал... и прямо на ручку... она так и хрустнула... А теперь вот фиксировать нечем... У вас не найдется?..

— Ручки у меня нет, — говорит с сожалением Саша. — Вы у кого-нибудь другого...

— Ну их... — бормочет Г. Проницательный. — Боюсь я их...

Саша достает из кармана куртки свой цанговый карандаш:

— Так, может, это подойдет?

Г. Проницательный обрадованно хватается карандаш:

— Спасибо! Спасибо, товарищ академик! Я вам сразу верну... когда все кончится...

Он устремляется к остальным, собравшимся у сейфа. Саша тоже присоединяется к ним, и Светлана, чарующе улыбнувшись ему, бросает:

— Продолжайте, Корнеев!

Корнеев распаивает сейф. Там на деревянной подставке покоится предмет, как две капли воды похожий на Сашин цанговый карандаш.

— Перед вами, — принимается монотонно бубнить Корнеев, — первый образец так называемой волшебной палочки. Ее отличает при большой мощности на квантово-молекулярном уровне практически неограниченное поле действия, а также современная форма...

— Как интересно! — восторженно бормочет Г. Проницательный, бешено работая Сашиним карандашом.

— В настоящее время, — продолжает Корнеев, — волшебная палочка пребывает в так называемом латентном состоянии, в рабочее же или, как мы говорим, в активное состояние она перейдет ровно в полночь с сегодня на завтра. Все.

— У кого есть вопросы, товарищи? — ослепительно улыбаясь, осведомляется Светлана.

— Значит, палочка только в полночь начнет работать? — спрашивает Камноедов.

— Да, — говорит Корнеев.

— Желательно было бы посмотреть на нее поближе... в руках подержать...

— Это нежелательно, — говорит Корнеев.

— А почему, собственно? — вскидывается Выбегалло. — Научная общественность желает посмотреть палочку поближе...

— Дайте, Корнеев, — приказывает Светлана. — Я разрешаю.

При этом она, как бы случайно, прижимается плечом к Саше.

Корнеев неохотно берет палочку и вручает ее Камноедову.

Саша, не глядя на Светлану, шепчет ей:

— Мне надо поговорить с тобой...

— О, мы уже на ты? — улыбаясь, но тоже не глядя на него и тоже шепотом откликается Светлана.

— Простите... с вами... и наедине...

— Это обязательно?

— Обязательно... и сегодня же...

— Вы торопитесь... Хорошо... В половине двенадцатого у меня... Это дом напротив вашей гостиницы... второй этаж, квартира три...

— Спасибо...

Камноедов, рассмотрев опасливо и почтительно палочку, передает ее Выбегалле. Тот со снисходительной улыбкой передает палочку Г. Проницательному. Г. Проницательный, руки которого заняты карандашом и блокнотом, неловко берет палочку...

...и роняет и ее, и карандаш, и блокнот.

— О, дырявые руки! — злобно восклицает Корнеев и быстро наклоняется, чтобы подобрать палочку.

Наклоняется и Г. Проницательный, они сталкиваются с треском головами и отшатываются друг от друга. Выбегалло хохочет.

— О, чтоб тебя... — произносит Корнеев, подбирая карандаш.

— Виноват... — бормочет Г. Проницательный, подбирая палочку.

Корнеев кладет карандаш в сейф и с лязгом захлопывает крышку.

— Если вопросов нет, — рычит он, ни на кого не глядя, — у меня все.

— Как, товарищи? — вся сияя, спрашивает Светлана. — Есть еще вопросы?

Вопросов больше нет.

— В таком случае, — говорит Светлана, — позвольте пригласить вас в лабораторию. Я хочу угостить вас своим эликсиром радости.

Она берет под руки Выбегалло и Сашу и ведет их к выходу. В дверях их нагоняет Г. Проницательный и сует Саше «карандаш».

— Спасибо большое... — бормочет он. — Только, простите... он у вас почему-то не пишет... То есть сначала писал, а потом...

Саша пожимает плечами и сует «карандаш» в карман куртки.

По ярко освещенной улице возвращается в гостиницу-музей Саша Привалов, веселый, в расстегнутой дубленке и шапке набекрень, насвистывая что-то легкомысленное.

Подойдя к крыльцу, он останавливается. На верхней ступеньке сидят, нахохлившись, закутанные в шубы Корнеев и Брут. Увидев Сашу, оба поднимаются.

— А мы вас дожидаемся, — угрюмо объявляет Корнеев.

— Очень рад! — весело отзывается Саша. — Мы с вами сейчас чайку... да и поесть не мешает...

— Не мешает, не мешает... — льстиво соглашается Брут. — С морозца... да горяченького... да под...

— Молчи, Брут! — прикрикивает Корнеев.

Они входят в горницу.

— Раздевайтесь, товарищи! — весело приглашает Саша. Затем он бросает взгляд на стол, и физиономия его вытягивается. — М-да, — говорит он разочарованно. — С чайком я, кажется, поторопился.

На скатерти по-прежнему красуется грязная посуда.

— А что такое? — спрашивает Корнеев. Он тоже смотрит на стол, и челюсть его выпячивается свирепо. — Ах вон оно что... Ну, погоди, старая карга!

Не раздеваясь, он с размаху бьет кулаком по скатерти.

— Чего шумите, гражданин? — сейчас же произносит сварливый женский Голос.

— Ты что это себе позволяешь, дрянь ты этакая? — рычит Корнеев. — А ну, приberi, живо!

— Сейчас, сейчас, сию минутку... — испуганно шепчет Голос, и грязная посуда мгновенно исчезает, а скатерть переворачивается чистой стороной. — Чего прикажете?

— Если ты, старая, еще раз позволишь себе такое... — гремит Корнеев, раздеваясь.

— Виновата, виновата, зазевалась...

— То-то, зазевалась... Давай горячий самовар и все, что к нему полагается! И чтобы быстро! Одна нога... или что там у тебя... здесь, а другая — там!

— Сию минутку...

Они еще не успевают усесться за стол, как на скатерти с молниеносной быстротой появляются: кипящий самовар с пузатым заварочным чайником на конфорке, россыпь пузатых же чашек на блюдцах, полная с верхом сливочница, вазочки с вареньем, корзина дымящейся сдобы, сахарница и обложенная льдом масленка.

— Вот так! — удовлетворенно говорит Корнеев и принимается с привычной сноровкой разливать чай.

— Ловко... — произносит Саша, качая головой. — Меня она так третировала...

— Потачку ей давали, вот и третировала... А у нас разговор короткий: чуть что не так — в нафталин и под стекло, на вечное хранение... Ладно, черт с ней, есть дела поважнее. Вам как — чай разговору не помеха?

Некоторое время спустя. Саша сидит над остывшим чаем, подперев щеку кулаком. Вид у него уже не такой веселый. Брут, жалостливо на него поглядывая, тянет чай из блюдца, то и дело утираясь большим клетчатый платком. Корнеев намазывает маслом ломоть сдобы.

— Вот так, милый Саша, обстоят твои дела, — говорит он. — Конечно, разбирать сейчас, кто прав, кто виноват, — бессмысленно. Надежда, как видишь, только на тебя...

— Дело-то ведь не такое и великое! — проникновенно произносит Брут. — Один всего поцелуйчик в алые губки, только и всего!

— Молчал бы уж... — покосившись на него, ворчит Корнеев. — Поцелуйчик... только и всего... знаток...

— Да я что... Я так... В том смысле, что если человек любит...

— Замолчи, Хома! — уже с сердцем говорит Корнеев.

— Хома в какой-то степени прав, — раздумчиво произносит Саша. — Действительно, один поцелуй... Один поцелуй и на пари выиграть можно... И все же не просто это, очень не просто.

Брут хочет что-то сказать, но, взглянув на Корнеева, с удвоенной страстью припадает к блюду.

— Для нее это — единственное спасение... — тихо напоминает Корнеев.

— Знаю. Понимаю. Хочу. Смогу. Сделаю, — решительно говорит Саша.

— Когда?

— Сегодня. Сейчас.

Комната в квартире Светланы. Со вчерашнего дня в ней произошли некоторые перемены: место узкой девичьей кровати заняла роскошная тахта, тяжелый красно-золотой ковер распластался по стене над нею, и навис над изголовьем изящный двухламповый торшер.

Светлана в длинном вечернем платье и бальных туфельках лежит, скрестив ноги, на тахте и подправляет ногти пилочкой, при этом разглагольствуя. Запуганные и пришибленные Верочка и Катенька накрывают на стол — коньяк, пузатые рюмочки, сыр, лимон, икра...

— Тактика, мои дорогие, тактика! — вещает Светлана. — Учитесь, малышки, пока я жива! Обратите внимание, на какое время я его пригласила. Половина двенадцатого! Ровно за тридцать минут до церемонии приема волшебной палочки. Представляете себе? Уютный тет-а-тет, нежные взгляды, рюмка коньяку, и все бы, казалось, на мази... как вдруг в самый ответственный момент я отстраняюсь. «Простите, милый, мы с вами заболтались, а ведь нам нужно немедленно идти в мастерскую. Обидно, но ничего не поделаешь...» Вы понимаете меня?

— Понимаем, Светлана Григорьевна... — тоненькими голосками хором отзываются девушки.

— Надеюсь, что понимаете... — Светлана приподнимает голову и заглядывает на стол. — Ничего вы не понимаете, неумехи. Поставьте бутылку ближе к середине... Тарелки подальше друг от друга... Так... Господи, ну кто же так сыр нарезает?

— Простите... — шепчет Верочка.

— Ладно, сойдет... — Светлана снова опускает голову на подушку. — Все равно, мужчины в этом мало разбираются. Спасибо, мои крошки, можете идти по домам. Завтра в лабораторию можете явиться часа на два позже... Ступайте.

— Спасибо, Светлана Григорьевна... — хором лепечут Верочка и Катенька. — До свидания, Светлана Григорьевна...

Они выходят. Когда наружная дверь захлопывается за ними, Светлана легко вскакивает, выбегает в прихожую и сейчас же возвращается с новехонькой метлой, оснащенной двумя велосипедными седлами.

— И я прокачу его, — произносит она вслух, мечтательно улыбаясь. — Как я прокачу его! Над всем Соловцом! «Вы не боитесь высоты, товарищ академик? Если боитесь, держитесь крепче за мою талию!..»

Там же некоторое время спустя. Светлана, поджав ноги, сидит на тахте, а у стола сидит Саша Привалов и не сводит с нее глаз.

— Как видите, — говорит Светлана, — живу я просто и незамысловато, у меня нет ничего, кроме самого необходимого...

— Нет, по-моему, у тебя... у вас здесь очень мило... — отзывается Саша.

— Пожалуй... по соловецким стандартам... — неохотно соглашается Светлана. — Однако что же вы не пьете? Налейте коньяку... и мне, кстати, тоже... и садитесь поближе...

Саша торопливо расплескивает по рюмкам коньяк, поднимается и садится на край тахты.

— Можно?

— Вам можно... Ну а теперь, когда я выполнила, кажется, все, что требуется от хозяйки, приступим к разговору. Так о чем вы хотели говорить со мной, московский греховодник?

— Света! — нежно произносит Саша.

— Как вы это выговариваете... «Све-е-ета...» Совсем как...

— Кто?

— Один человек. Был у меня такой знакомый...

— Ты его помнишь? — радостно кричит Саша.

— Разумеется... Почему бы и нет?

Саша хватается за плечи и тянется губами к ее лицу.

— Света... Света... — бормочет он.

Светлана, смеясь, отстраняется:

— Нет-нет, товарищ академик, не так стремительно!

— Да какой я академик? — иступленно кричит Саша. — Почему академик? Неужели ты и вправду не узнаешь меня, Светка?

Светлана перестает улыбаться и выпрямляется:

— Постойте... постой... Значит, вы... ты... и в самом деле Саша Привалов?

— Ну да, ну конечно! Узнала?

— Ничего не понимаю... А где же академик?

— Какой академик? Нет здесь никакого академика!

— Ты... не академик?

Саша истоиво колотит себя кулаком в грудь:

— Не академик я! Это я, твой Саша Привалов, инженер-программист, младший научный сотрудник! Ну, узнала?

Светлана вскакивает. Лицо ее искажается гневом.

— Так вот оно что... — шипит она. — Значит, это действительно ты! Самозванец!..

— Светочка!..

— Имперсонатор!

— Погоди, Света...

— Шпион!

— Да погоди же ты!..

— Вон отсюда! Прочь! Чтобы духа твоего здесь не было, дрянной мальчишка!

Она наступает на него, а он растерянно пятится, бормоча:

— Да дай ты мне слово сказать... Дай объяснить...

— Убирайся, пока я не обратила тебя в червяка!

Саша, отступая перед нею, раскрывает спиной дверь в прихожую и с грохотом вываливается из комнаты.

— Вон! — вопит Светлана.

С громом захлопывается входная дверь. Светлана остается одна. Она стоит посередине комнаты, прекрасное лицо ее пылает гневом, кулачки сжимаются и разжимаются.

— Позор!.. — шипит она. — Срам какой!.. Всех обвел... Ну, эти тоже хороши... великие маги!.. Вот я вам сейчас раскрою глаза, то-то вы все попляшете...

И тут некая мысль осеняет ее.

— А зачем это, собственно, — раскрывать им глаза? Особенно этому милому идиоту Выбегалле? Пусть все идет как идет...

Мастерская волшебной древесины. Корнеев нервно расхаживает между верстаками. Брут, прячась в углу с волшебным бревном, испуганно на него поглядывает. Мастерская озарена мерцающим красноватым светом, по стенам мечутся огромные уродливые тени летучих мышей.

Внезапно посередине мастерской возникают Беломор и Киврин. Корнеев останавливается, медленно идет к ним. Беломор угрюмо озирается.

— А это кто там? — брюзгливо осведомляется он, указывая в угол на Брута. — Брут, кажется?

Брут выступает на свет, подобострастно кланяется.

— Я же сказал, — брюзгливо говорит Беломор, — чтобы никаких посторонних... никаких Выбегалл и Проницательных...

— Это мой помощник, Трудослав Ингваревич, — мрачно произносит Корнеев.

— Алкоголик он, а не помощник... — говорит Беломор. — А где заведующая лабораторией? Кажется, нынешнее событие имеет к ней некоторое отношение...

С пронзительным свистом сквозь плотно зашторенное окно мастерской влетает на метле Светлана. Она сидит в седле боком, по-дамски, и подол вечернего платья летит за нею, как язык лилового пламени.

С необыкновенной ловкостью и изяществом Светлана соскакивает на ходу перед Беломором и Кивриным и делает перед ними глубокий книксен. Метла без всадницы взмывает к потолку и исчезает среди теней.

— Ну что ж... — произносит, смягчаясь, Беломор. — Теперь, кажется, все в сборе... Да, а где наш академик? Где наш ревизор?

Светлана с очаровательной наивностью отвечает:

— Не знаю, Трудослав Ингваревич. Возможно, отдыхает у себя в гостинице...

— Внимание! — страшным шепотом произносит Корнеев.

И сейчас же где-то в недрах института начинают бить часы.

— ...Три... — шепчет Корнеев. — Четыре... Пять...

Каменно-неподвижные лица Беломора и Киврина.

— Шесть... Семь... Восемь...

Надменное и прекрасное лицо Светланы.

— Девять... Десять... Одиннадцать...

Брут, не выдержав напряжения, лезет под столик.

— Двенадцать! — кричит Корнеев. — Свершилось!

Пауза. Затем Киврин говорит:

— Ну что же, Витя... Показывайте!

Корнеев идет к сейфу, распахивает дверцу и осторожно извлекает палочку-карандаш. Все следят за его движениями, а он, вернувшись на середину мастерской, нарочито безразличным голосом произносит в пространство:

— Надо бы опробовать... Говорите, чего пожелать.

Беломор поворачивается к Светлане:

— Ваше слово, товарищ Почкина.

Светлана, улыбаясь, пожимает плечами. По лицу ее видно, что у нее есть что пожелать, но пока она воздерживается.

— Если мне будет позволено... — скромно говорит Киврин. — И раз Светлана не выражает желаний... Короче, я бы предложил обновить волшебную палочку на самом прекрасном, что создано природой и человеком!

— Правильно! — восторженно подхватывает Брут. — Самое время обмыть это дело! Все смотрят на него укоризненно.

— Алкоголик! — брезгливо басит Беломор.

Брут увядает и стушевывается.

— Самое прекрасное, что создано природой и человеком, — веско говорит Корнеев, — это время!

— Нет, — качает головой Киврин. — Самое прекрасное — это ощущение счастья...

— Эйфория... Ерунда, Федор, — возражает Беломор. — Самое прекрасное — это прекрасная женщина, но она у нас уже есть!

— Цветы, — ослепительно улыбаясь, говорит Светлана. — Пусть это будет букет чайных роз!

— Желание дамы, — говорит Киврин. — Давайте розы, Витя.

— Розы так розы... — бурчит Корнеев. — Хотя по мне что розы, что крапива — один черт...

Он поднимает палочку-карандаш. Лицо его выражает волнение и торжество.

— Айн! Цвай! Драй! — что есть силы кричит он и взмахивает карандашом.

Ничего не происходит.

— Айн! Цвай! Драй! — повторяет Корнеев и снова взмахивает карандашом.

И снова ничего не происходит. Корнеев растерянно оглядывается. Беломор в упор смотрит на него. Киврин, напротив, отворачивается.

— Не понимаю... — бормочет Корнеев.

— Разберитесь, Светлана, — брезгливо бросает Беломор. — Пойдем, Федор...

Беломор и Киврин растворяются в воздухе.

— Так что все это значит, Корнеев? — зловеще-спокойно спрашивает Светлана.

Гостиница. Саша в сорочке и лыжных брюках, засунув ладони под мышки и опустив голову, расхаживает по горнице. Лицо у него осунувшееся, под глазами круги.

Сашина куртка брошена на скамью, свитер валяется на полу. Саша на ходу подбирает его и бросает на табурет. Останавливается, думает. На лице появляется выражение ожесточенной решимости. Он достает из рюкзака тетрадь, вырывает страницу и садится к столу. Роется в кармане куртки, достает карандаш.

— Так все и напишу, как оно есть... — бормочет он вслух, — а там видно будет...

Он возводит глаза к потолку в поисках вдохновенья, затем наклоняет голову и начинает писать.

Карандаш не оставляет на бумаге никаких следов.

Саша с удивлением и недовольством смотрит на карандаш и машинально встряхивает его, как встряхивают забарахлившую авторучку...

...Раздается тяжелый грохот, все вокруг кружится с невероятной быстротой, слышится стеклянный дребезг и раздражающий деревянный скрип...

...Тишина. Саша в разодранной сорочке лежит, зажмурившись, посередине горницы. Осторожно раскрывает глаза, озирается, садится. Стол опрокинут, скамья и табуретка — тоже, вещи разбросаны. Саша поднимает голову. Лампа качается, а рядом с нею на девственно-чистом потолке отчетливо выделяются черные следы двух рубчатых подметок. Саша оглядывает подметки пьексов у себя на ногах. Подметки измазаны мелом. Саша снова поднимает глаза и смотрит на следы на потолке, затем снова смотрит на подметки.

— Вот это да... — произносит он вслух. — Это я вам скажу... А впрочем, не будем забывать: ничему не надо удивляться, тут у них кругом чародейство и волшебство...

Он не без труда приподнимается, становится на четвереньки и замирает. Прямо перед носом у него, на дощатом полу, в положении, исключаящем всякое представление о равновесии, стоит на кончике и тихонько покачивается цанговый карандаш. Точнее, конечно, волшебная палочка.

Мастерская волшебной древесины. Поздняя ночь... точнее, раннее утро тридцать первого декабря. Корнеев и Брут, усталые, унылые и растерянные, сидят на верстаке среди разбросанных пергаментных свитков, современных чертежей и средневековых фолиантов.

— Кончено... — бормочет Корнеев. — Все кончено. Пять лет работы коту под хвост. Какая проклятая неудача!

— Теперь нас Светланочка живьем съест, если ее жених не поцелует... — жалобно говорит Брут.

— Но в чем же, в чем неудача? — Корнеев бьет себя по лбу, ерошит волосы. — Кажется, все учли, все по правилам сделали... Формулы Рудольфа... Заклинания Бецалеля... Процесс Джян бен Джяна... В чем же дело?

— И я со своей стороны... — Брут жалобно засматривает Корнееву в лицо. — Ни на микрон не отступал...

Корнеев соскакивает с верстака, бросается к сейфу и возвращается с «палочкой». Повертев ее в пальцах, с отвращением швыряет на верстак и снова мрачно задумывается.

— Рудольф... Бецалель... Джян бен Джян... — бормочет он.

Брут берет «палочку» и рассеянно рисует на полях фолианта чертика с рожками. Корнеев взглядывает.

— Не порти книгу! — рявкает он.

Брут бросает «палочку», словно она обожгла ему руку.

— Если попробовать обращенную формулу... — мучительно бормочет Корнеев. — Нет, ерунда, не то...

Он берет «палочку» снова и вдруг замирает. Глаза его выкатываются из орбит. Брут, взглянув на него, опасливо отодвигается.

— Ты что, Витя? — тоненьким голосом спрашивает он.

Корнеев бешеными движениями наносит «палочкой» черные штрихи рядом с нарисованным чертиком.

— Она... рисует!.. — хрипит он.

— Кто? — Брут смотрит на рисунок, и глаза его тоже вылезают из орбит. — Витя! — шепотом кричит он.

Корнеев уже взял себя в руки.

— Так, — произносит он. — Это, значит, не палочка, а обыкновенный карандаш... А мы-то, идиоты... Да, но где же тогда палочка?

— Спер кто-нибудь? — жадно спрашивает Брут. — Подменил? Выбегалло?

— Постой-постой... — бормочет Корнеев. Он прижимает ладони ко лбу, невысказанно морщит физиономию, вспоминая. — Как же это могло случиться?

И он вспоминает: Выбегалло со снисходительной улыбкой передает палочку Проницательному, тот неловко берет ее, а руки у него заняты карандашом и блокнотом, и он роняет и палочку, и карандаш, и блокнот...

— Дырявые руки! — вопит Корнеев. — Все понятно! Живее, Хома! Пока он бед не натворил! Где он живет?

— Кто?

— Да этот... как его... Журналист! Гэ Проницательный!

— Проница... Этот-то?

— Да! Этот-то!

— Он... у этого...

Корнеев бьет Брута по затылку.

— У Выбегаллы он! У Выбегаллы! — торопливо кричит Брут.

Гостиница. Волшебная палочка по-прежнему стоит на дощатом полу на кончике и тихонько покачивается. Саша, не сводя с нее глаз, приводит горницу в порядок —

поднимает стол, скамью и табурет, настилает скатерть, подбирает свитер и куртку. Затем осторожно приближается к палочке и опускается перед нею на корточки.

— Что это с тобой? — спрашивает он. — Всегда был такой хороший, послушный карандаш, и вдруг...

Он медленно протягивает руку и касается палочки. Палочка испускает сноп искр, и в ту же секунду раздается пронзительное мемеканье. Саша поднимает голову. На лежанке печи стоит и глядит на него бесовскими желтыми глазами белый козел.

— Эт-то что? — тупо произносит Саша.

Козел, налюбовавшись Сашей, принимается жевать край подушки.

— Кызь оттуда, ты! — вопит Саша и взмахивает рукой.

Козел, мемекнув, соскакивает с лежанки и, стуча копытцами, отбегает в угол.

— Так, — произносит Саша. — Теперь имеем еще и козла. Послушай, ты волшебный?

Козел безмолвствует. Он неторопливо приближается к вешалке и принимается жевать полу дубленки.

— Пшел! — вопит Саша, бросаясь к нему.

Козел опрометью скачет через горницу, сшибив по дороге палочку. Палочка, взметая снопы искр, катится по полу, и из-под нее во все стороны скачут большие и маленькие лягушки. Саша от неожиданности пятится к столу, вскрикивает и оборачивается: на столе сидят два упитанных кролика.

— Брысь, вы! — хрипит Саша, ударяя ладонью по скатерти.

Кролики соскакивают со стола. Заспанный женский голос осведомляется:

— Чего-нибудь угодно?

Саша, обтирая дрожащей ладонью испарину со лба, не отвечает. Он озирается вокруг дикими глазами. На лежанке стоит и жует край подушки козел, по полу прыгают лягушки, у порога усиленно принохиваются к половику два кролика.

— Угодно чего, я спрашиваю? — повторяет, подавляя зевоту, Голос.

— Что все это значит? — говорит Саша.

— Где?

— Да вот... козел этот... лягушки... карандаш мой взбесился...

— Да это не карандаш... — лениво говорит Голос. — Не видите, что ли... Это же обыкновенная волшебная палочка.

Саша замирает на секунду. Затем, не спуская глаз с палочки, лежащей посередине горницы, словно сомнамбула, делает к ней шаг, другой, третий...

— Так будете что заказывать? — спрашивает Голос. — А то я спать пойду...

Саша не отвечает. Он нагибается, тянет к палочке руку.

— Не будете?

Пальцы Саши осторожно ложатся на палочку.

Гостиная в квартире Выбегаллы. Мягкий розовый свет озаряет пышную тахту и покойные кресла по сторонам низкого овального столика, громадный телевизор, вмонтированный в стенку, застекленные полки которой уставлены хрусталем и фарфором, ковер над тахтой, на котором висят скрещенные турецкие ятаганы, большое, в рост человека, зеркало посередине свободной стены.

Выбегалло, вытянув скрещенные ноги, сладко храпит в одном из кресел. На нем огромных размеров парчовый халат, и во сне он сжимает обеими руками, поставив ребром на колени, огромный фотопортрет улыбающейся Светланы в золотой раме. На низком столике у его локтя стоит бутылка заморского вина и плутократического вида хрустальный бокал.

Таким он и отражается в большом прямоугольном зеркале, и вдруг отражение меркнет, затмевается двумя неясными человеческими фигурами, а затем из зеркала в гостиную осторожно выбираются двое в черном с лицами в черных масках.

— Тс-с-с...

— Тихо!

Разумеется, это Корнеев и Брут. Влезши в гостиную, они останавливаются и осматриваются. Выбегалло всхрапывает с нечеловеческой силой, и они моментально приседают.

— Эх его разбирает... — шепчет Брут.

— Тише ты!..

Переждав несколько секунд, они крадучись выходят из гостиной в темный коридор.

— Ну? — шепчет Корнеев.

— Сейчас, сейчас, Витя, дай принюхаться...

Слышно, как Брут шумно втягивает ноздрями воздух, фыркает и принимается часто-часто, как кролик, принюхиваться.

— Отсюда тянет... — шепчет он наконец.

С протяжным негромким скрипом отворяется дверь. Вспыхивает потайной фонарик и освещает Г. Проницательного, раскинувшегося в постели. Затем луч фонарика соскальзывает в сторону и упирается в пиджак Г. Проницательного, висящий на спинке стула.

— Ищи! — шепотом приказывает Корнеев.

Брут возится с пиджаком, затем виновато сообщает:

— Нету, Витя...

— Как так — нету? Ищи, должна быть!

Брут, повозившись еще немного, повторяет:

— Нету!

Луч фонарика обшаривает стол, пол, углы, затем гаснет.

— Будить придется, — шепчет Корнеев.

— Не заорал бы со сна...

— Зажми ему рот!

Брут зажимает Г. Проницательному рот ладонью, а Корнеев трясет за плечо.

— Эй, Гэ! — шепчет он. — А ну, проснись!

Г. Проницательный широко раскрывает глаза и мычит.

— Тихо! — угрожающе шипит Корнеев.

Г. Проницательный перестает мычать.

— Где твой карандаш? — страшным шепотом спрашивает Корнеев.

Г. Проницательный молчит.

— Где твой карандаш? Отвечай, тебя спрашивают!

Г. Проницательный молчит, только моргает.

— Если ты сию секунду не ответишь... — угрожающе начинает Корнеев.

— Витя, — шепчет Брут, — можно ему рот-то освободить?

— А, дьявол... Убери руку!

Брут убирает руку со рта Г. Проницательного.

— Ну? — говорит Корнеев.

— Карандаша у меня нет, — хладнокровно отзывается Г. Проницательный и облизывается. — Я не признаю карандашей. Как журналист я всегда пользуюсь авторучкой. У меня, да будет вам...

— Как это — нет у тебя карандаша? — грозно шипит Корнеев.

— А в мастерской, в мастерской-то чем писали? — шепчет Брут.

— В мастерской... — Г. Проницательный задумывается. — Ах, в мастерской!.. Да, действительно, когда я раздавил свою авторучку, весьма неудачно на нее упав, я попросил карандаш у академика...

— Где он?

— Понятия не имею. Скорее всего, в гостинице...

— Дьявол! Карандаш его где?

— Но я ему вернул! Видите ли, он сначала работал, а потом почему-то перестал, и я вернул...

— Брут! — рычит Корнеев. — Живо! В гостиницу!

И они оба бесшумно исчезают во мраке.

— Надо же, какая пакость приснилась... — бормочет Г. Проницательный и переворачивается на бок.

Погруженная в темноту комната в квартире Светланы. Светлана мирно спит сном праведника на своей роскошной тахте, как вдруг глухой и грозный гул и грохот, как при землетрясении, будит ее. Она приподнимается, прислушивается секунду, затем отбрасывает одеяло, вскакивает и подбегает к окну.

Жуткое зрелище представляется глазам ее. Прямо перед ее домом, посередине улицы, тяжело и со скрипом раскачиваясь, бухая в обледеневшую мостовую громадными тумбообразными курьими ногами, лихо выбрасывая в ночное небо из трубы клубы дыма пополам с искрами, пляшет гостиница-музей «Изба на курьих ногах». Зияет чернотой пространство между модерновыми трехэтажниками, которое она прежде занимала на противоположной стороне улицы, и смешно и страшно трясутся на одной из ее стен ванна и унитаз. А на перекошенной вывеске над трясущимся крыльцом теперь значится: «ЫНИРАТС ЙОКЦЕВОЛОС КИНТЯМАП. «ХАГОН ХИЬРУК АН АБЗИ» ЙЕЗУМ-АЦИНИТСОГ»...

— Да что же это он там делает, этот поганец? — в ярости вскрикивает Светлана.

Она подхватывает халатик и, надевая его на ходу, босиком выбегает из квартиры.

В тот момент, когда она появляется на пороге подъезда, окна избы озаряются ярким фиолетовым пламенем и извергают на уличный простор галдящие стаи ворон.

Светлана подбегает к избе. Крыльцо пляшет над ее головой, она подпрыгивает, хватается за нижнюю ступеньку и, подтянувшись на руках, вскарабкивается наверх. Некоторое время она стоит там, как капитан на мостике в штормовую погоду, — развеваются на ветру волосы, развеваются полы халатика, босые крепкие ноги прочно впаяны в доски крыльца, руки вцепились в резные перила. Затем, улучив момент, она вскакивает в темные сени, нашаривает дверь в горницу и рывком распаивает ее.

Горница озарена ярким сиреневым светом и являет собой зрелище невообразимой мешанины одушевленных и неодушевленных предметов. Огромный полосатый матрас соседствует здесь со вставшим на дыбы точильным станком, обломок телеграфного столба, увенчанный фарфоровыми изоляторами, торчит сквозь прутья железной ржавой койки, сорокалитровые молочные бидоны валяются на грудах солдатских одеял, поблескивают клавиши старинной пишущей машинки, тускло светятся позеленевшие медные блюда, и все это пересыпано утилем более мелким, и по всему этому, и среди всего этого, и подо всем этим юрко носятся стайки мышей, скользят разнокалиберные гады, топчутся овцы, козы и даже одна корова, и все это скрипит, звенит пружинами, лязгает, пищит, шипит, мекает, блеет, мычит, а посередине, взгромоздившись с ногами на стол с многострадальной скатертью-самобранкой, стоит Саша Привалов.

На мокром от пота лице Саши застыло вдохновенно-страдальческое выражение, какое бывает у дирижеров в самые ответственные минуты, да и стоит он в позе дирижера — слегка ссутулившись, подняв над головой обе руки, и в правой руке блестит волшебная палочка. Правда, изба раскачивается, и Саше приходится то и дело крениться то взад, то вперед, то влево, то вправо, но это обстоятельство, пожалуй, придает ему только еще большее сходство с дирижером.

— Ну, еще, еще, еще немножечко... — хрипит Саша. — Ну, давай же... Айн! Цвай! Драй!

Он резко взмахивает палочкой. Корова и одна из овец исчезают, а на их месте возникает гроздкий обшарпанный комод.

— Не то! — срывающимся голосом кричит Саша. — Опять не то! Ну-ка, повторим!..

Он снова поднимает палочку, и в этот момент Светлана произносит голосом, полным сдерживаемой ярости:

— Что это вы здесь себе позволяете, Привалов?

И мгновенно все стихает. Прекращается качка, изба с треском и грохотом оседает и застывает в неподвижности. И застывает Саша с приоткрытым ртом, уставясь изумленно-восторженными глазами на Светлану, которая стоит на пороге горницы, прямая, прекрасная, с выражением гнева и презрения на прекрасном лице.

— Светочка! — шепчет он, идиотски-умиленно улыбаясь. — Все-таки получилось у меня... Я все-таки сумел... Светочка!

— Чем вы здесь занимаетесь, Привалов? Откуда у вас волшебная палочка? Где вы ее взяли?

— Палочка? Не знаю... Светочка, ты все-таки пришла!

— Я для вас не Светочка, а Светлана Григорьевна! Как у вас очутилась палочка? Дайте ее сюда, немедленно!

— По... пожалуйста...

Саша, не спуская со Светланы глаз, делает шаг со стола, проваливается в груды живого и неживого мусора и падает. Пока он барахтается, пытаясь подняться, Светлана продолжает гадливо-презрительным тоном:

— Так откуда у вас волшебная палочка, Привалов? Украл? Докатались? Сначала выдали себя за академика, затем высмотрели кусочек полакомее и ухватили, да? Отвечайте же, когда вас спрашивают!

Саше наконец удается подняться на ноги.

— Постой, Света... то есть, Светлана Григорьевна, погодите! Я ничего не крал! Я сам не знаю, как она ко мне...

— Дайте ее сюда!

Саша делает движение — протянуть Светлане палочку, но вдруг останавливается.

— Давайте же, олух царя небесного! — раздраженно кричит Светлана.

Но Саша прячет руки за спину и мотает головой.

— Нет, — тихо говорит он. — Я не отдам тебе... вам волшебную палочку.

— То есть как это — не отдадите? — с огромным изумлением произносит Светлана.

— Так... Не отдам я вам волшебную палочку, Светлана Григорьевна. Не отдам.

— Интере-есно! Самозванец, вор, вам бы спасибо сказать, что я милицию не вызываю...

— Не вор он, Светлана Григорьевна, — раздается мрачный голос Корнеева.

Светлана оборачивается. За ее спиной в сенях стоят Корнеев и Брут, оба в черных обтягивающих трико и в черных масках.

— Эт-то еще что такое? — с грозным возмущением осведомляется Светлана. — Это что еще за маскарад?

— Простите... — Корнеев и Брут торопливо снимают маски. — Это так... были обстоятельства... Но только зря вы Привалова обвиняете. Никакой он не вор. Я вам сейчас все объясню...

— Послушайте, Корнеев, — холодно говорит Светлана, — объяснение своему ротозейству, как волшебная палочка попала в руки к постороннему лицу, вы изложите письменно, в объяснительной записке... А сейчас не мешало бы вам озаботиться тем, чтобы вернуть казенное имущество...

Корнеев поворачивается к Саше.

— Верните палочку, Саша, — говорит он.

Саша очень энергично мотает головой.

— Ни за что, — твердо отвечает он.

— Бросьте, Саша, это не шутки...

— Вите же попадет за нее... — проникновенно добавляет Брут.

— Сожалею, — отвечает Саша. — Не могу.

— Бросьте дурака валять! — уже сердито говорит Корнеев и делает шаг к Саше. — Давайте ее сюда!

— Лучше по-доброму отдавайте, а то худо будет! — визгливо кричит Брут и тоже шагает вперед.

— Назад... — тихо говорит Саша. — Назад! — диким голосом кричит он и заносит палочку над головой. — Ну? Айн! Цвай!..

Все, даже Светлана, отступают. Корнеев заслоняет лицо рукой, а Брут стремительно ретируется в сени.

— То-то... — тяжело говорит Саша. — И не лезьте впредь... и не пробуйте...

— Каков нахал! — произносит Светлана. — Знаете, Привалов, этого я даже от вас не ожидала!

— А что? — с надрывом говорит Саша. — А что вы от меня ожидали? Почему — даже от меня? Чем я стал плох для вас?

— Одну минуточку, — вмешивается Корнеев. — Давайте поговорим спокойно. Вы позволите, Светлана Григорьевна?

Светлана пожимает плечами:

— Ну что ж... Давайте, пожалуй... Только уберите сначала весь этот свинарник...

Корнеев, насупившись и бормоча заклинания, производит несколько пассов обеими руками.

Миг — и весь живой и неживой хлам, заполнявший помещение, исчезает без следа. Горница снова сияет чистотой и опрятностью, и только на потолке возле лампы остаются рубчатые следы Сашиной обуви.

Светлана, не говоря ни слова, проходит к столу и садится на табурет. Брут остается на пороге, Корнеев прислоняется к стене позади Светланы, а Саша остается стоять посередине горницы.

— Поймите, Саша, — говорит Корнеев, — искусство управлять волшебной палочкой — очень сложное искусство. Для этого надо очень много знать...

— А вот и неправда, — возражает Саша, бледно улыбаясь. — Я уже освоил... Правда, много всякого натворил, но добился, чего хотел...

— Чего это? — с удивлением осведомляется Корнеев.

— Я пожелал, чтобы Света... Светлана Григорьевна... чтобы она явилась ко мне, она и явилась!

— Дурак, — презрительно произносит Светлана.

— Ну хорошо, ну ладно... — нетерпеливо говорит Корнеев. — Это была случайность, совпадение, но пусть по-вашему... Поймите, Саша, неосторожное обращение с палочкой весь город на воздух может поднять...

— Я вас понял, — с неожиданной твердостью прерывает его Саша. — Хорошо. Вы требуете, чтобы я вернул вам палочку? Ладно. Я вам ее верну. Но при одном условии.

— Каком же?

— Я верну вам палочку в обмен на поцелуй! — твердо говорит Саша.

— Что-о-о? — Светлана даже приподнимается.

Корнеев и Брут затаив дыхание смотрят на нее.

— То, что вы слышали, — говорит Саша. — Вы мне разрешаете поцеловать себя, и я возвращаю вам волшебную палочку. Что, это слишком дорого для вас?

Светлана садится. Странная смутная усмешка играет на ее лице.

— Разрешить поцеловать себя... — медленно и как бы мечтательно произносит она. — Что ж... В свое время, Саша, мы были с вами достаточно близки... и вы всегда импонировали мне как мужчина... и даже теперь, должна признаться...

Саша медленно и почему-то на цыпочках приближается к ней. Но она поднимает руку и останавливает его.

— Нет, — громко и ясно говорит она. — Я не могу этого разрешить. Это может очень огорчить Амвросия Амбруазовича.

— Кого? — тупо спрашивает Саша.

— Выбегаллу? — с огромным изумлением спрашивает Корнеев.

— Да, — с достоинством отвечает Светлана. — Амвросия Амбруазовича. У нас с ним в отношении друг друга самые серьезные намерения. Может быть, кто-нибудь имеет что-нибудь против?

Все ошеломленно молчат.

— Да ведь всего-то один поцелуйчик! — в отчаянии шепчет Брут. — Один-разъединственный...

— Никто же не узнает! — кричит Корнеев.

— Знаете, Корнеев, — величественно произносит Светлана и поднимается, — на вашу скромность я еще могу надеяться... Но этот ваш алкоголик — он же после первой рюмки растреплется на весь Соловец.

— Да я отвернусь! — пищит Брут.

— Светлана Григорьевна! — стонет Корнеев, прижимая руки к груди. — Вспомните! Дело идет о волшебной палочке! Ведь этот профан Привалов нам ее задаром не отдаст! Ведь не отдашь? — обращается он к Саше.

— Не отдам, — твердо отвечает Саша. — И не надейся.

— Вот видите! А он черт знает что натворить с нею может...

— А какое мне, собственно, дело? — высокомерно говорит Светлана. — Вы проявили разгильдяйство, вот сами и выкручивайтесь. А я не собираюсь ронять свою женскую честь и достоинство того только ради, чтобы выручить нерадивого сотрудника... Разбирайтесь сами, а меня оставьте в покое. И помните, Корнеев, сегодня к полудню я жду от вас объяснительную записку.

Она поворачивается и величественно выплывает из горницы. Корнеев, Саша и Брут беспомощно глядят друг на друга. Затем, словно по уговору, садятся рядом на скамью и некоторое время молчат.

— М-да... — произносит Корнеев.

— Дела-а... — со вздохом откликается Брут.

— Черт бы вас всех побрал, товарищи чародеи и волшебники, — с тихим отчаянием говорит Саша.

— Так не отдашь палочку? — говорит Корнеев.

— Не отдам.

— Ему же попадет, — говорит Брут.

— Пускай. Все равно не отдам. Я вам покажу, как чужих невест заколдовывать... со всякими там Выбегаллами сводить... Вы у меня все еще попляшете... с Беломорканалом вашим...

— С Беломором... — уныло поправляет Корнеев.

— А по мне, хоть с Волгодоном...

Пауза.

— Ладно, — мрачно говорит Корнеев. — Ты, конечно, прав... Я в любовях этих самых мало что понимаю, но вижу, чего это тебе стоит. Но только учти, что мы-то не виноваты... Не хочешь палку отдать — не надо, пусть пока у тебя побудет. Но только ради всего святого, не размахивай ею как попало... Здесь все-таки не атомный полигон, здесь город... женщины, старики, дети... Спрячь ее хотя бы в нагрудный карман и на пуговицу застегни, а?

Саша смотрит на волшебную палочку. Затем не глядя молча протягивает ее Корнееву.

Корнеев, помедлив немного, осторожно берет ее из Сашиных пальцев и смотрит на Брута. Брут энергично несколько раз кивает, показывает глазами на Сашу и поднимает большой палец.

— Вот и ладно, — говорит Корнеев. — Вот и хорошо... И ты не кручинься, Саша. Рано еще кручиниться. Время еще есть... И кроме того...

Его прерывает разъяренный хор автомобильных сигналов. Секунду Корнеев и Брут слушают, затем оба одновременно бросаются к окну.

— Мать честная! — восклицает Брут.

Гостиница-музей, выдвинувшись из промежутка между трехэтажниками, перегородила проезжую часть улицы, и сейчас по обе ее стороны сгрудились громадные скопления разнокалиберных машин. И все эти машины отчаянно сигналият, требуя освободить проезд.

Корнеев выскакивает на крыльцо как раз в тот момент, когда к крыльцу подкатывает желто-синяя машина ГАИ. Дверца распаивается, молодеватый милиционер выскакивает на нижнюю ступеньку и, козырнув небрежно, строго осведомляется:

— В чем дело, гражданин? Почему препятствуете движению?

— Виноват, товарищ лейтенант! Одну минутку! — молодевато отвечает Корнеев.

Он взмахивает волшебной палочкой, и изба на курьих ногах со скрипом и скрежетом трогается с места. Милиционер едва успевает ухватиться за перила, но стойко удерживается на ногах и с видом строгим и неприступным остается на нижней ступеньке до тех пор, пока изба не вдвигается благополучно на свое прежнее место.

Хор раздраженных сигналов смолкает, и движение на улице возобновляется.

Милиционер поднимается на крыльцо.

— Ваши права, гражданин, — хмуро произносит он.

— Какие права? — озадаченно спрашивает Корнеев.

— Права на вождение избы, инвентарный номер одиннадцать пятьдесят семь.

— Видите ли, товарищ лейтенант... — проникновенным голосом говорит Корнеев.

— Нет прав?

— Нет, товарищ лейтенант. Изба эта, видите ли...

— Вижу. Сам знаю. Данная изба на курьих ногах стоит на приколе с одна тысяча шестьсот тридцать второго года. Почему же нарушаете, гражданин?

— Виноват, товарищ лейтенант!

— Виноват... Вот все вы, институтские, такие. Посмотришь — прекрасный народ, грамотные, образованные, непьющие... А хлопот с вами не оберешься! Давно ли одна ваша дамочка верхом на помеле прямо в окно горисполкома врезалась... Или вот этот ваш... профессор... забыл, как его... почтенный пожилой человек, лекции у нас по белой магии читал... а в прошлое воскресенье на рынок явился и свиную голову в мясном ряду оживил! На что это похоже? С продавщицей родимчик сделался...

— Больше не повторится, товарищ лейтенант!

— Ладно уж, бог с вами, ради праздника...

Лейтенант сходит с крыльца, оглядывается на вывеску, произносит с отвращением:

— Вывеску хоть приведите в порядок, срам смотреть...

Корнеев соскакивает с крыльца, тоже глядит:

— Ч-черт!..

«ЫНИРАТС ЙОКЦЕВОЛОС КИНТЯМАП...» Он взмахивает палочкой, и вывеска принимает нормальный вид.

— То-то же... — строго говорит милиционер, садится в свою машину и трогается.

Корнеев нежно машет ему вслед рукой, в которой зажата волшебная палочка. И строгая машина ГАИ мгновенно расцветивается пестрыми причиндалами свадебного кортежа — разноцветными лентами, воздушными шариками, букетами бумажных цветов. Такой она и уносится вдоль по улице.

Когда Корнеев возвращается в горницу, Саша сидит за столом, уперев локти в скатерть и положив лоб на ладони, а Брут стоит рядом с ним и, печально вздыхая, гладит по плечу.

— Ну-с, так, — бодро говорит Корнеев. — Попробуем взяться за дело с другой стороны. Пойдем прямо к Беломору. — Он смотрит на часы. — Ого, уже восьмой час!..

Пошли домой, Брут, нам надо переодеться... а ты, Саша, будь в институтском вестибюле ровно в девять. Договорились?

Сводчатый коридор НИИЧАВО. Армия гномов и домовых обоего пола под руководством сотрудников в белых халатах весело суетится, украшая стены разноцветными лентами, гирляндами из еловых веток и красочными плакатами: «ВСЕ НА НОВОГОДНИЙ БАЛ!», «ТОВАРИЩИ МАГИ И ВОЛШЕБНИКИ! В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ ХОРОШЕНЬКО УДАРЫТЕ ПО СКУКЕ И НЕДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТИ!», «УМЕРЕННО ПОДНИМЕМ БОКАЛЫ ЗА НОВОЕ СЧАСТЬЕ!».

И сквозь эту веселую суету шагают мрачной шеренгой, заложив руки за спину и выпятив челюсти, Корнеев, Саша Привалов и Хома Брут.

Так шеренгой они вступают в приемную.

— Директор у себя? — лязгающим голосом спрашивает Корнеев ошарашенную Зинаиду Павловну.

— Да... — растерянно отвечает она и поднимается из-за машинки. — Но он...

Корнеев, не обращая больше на нее внимания, распахивает дверь с надписью «ДИРЕКТОР».

— Пр-роходите! — произносит он.

Саша первым смело входит в кабинет, Брут трусит и пятится было, но Корнеев берет его за шиворот, вводит в кабинет и закрывает за собой дверь.

Тяжелым взглядом встречает их из-за своего стола грозный Беломор.

— В чем дело? — низким басом осведомляется он. — Почему мне мешают заниматься?

Саша подходит к столу вплотную.

— Верните мне мою невесту, Трудослав Ингваревич, — тихо говорит он.

Несколько секунд Беломор глядит на него, оглаживая бороду, затем опускает глаза.

— Не могу, — глухо отвечает он.

— Тогда что же мне делать?

— Не знаю.

— Тогда наложите и на меня Проклятье Зимнего Сердца!

— Не хочу.

Саша опускает голову. Беломор с тяжким вздохом поднимается, выходит из-за стола и принимается ходить по кабинету.

— Мощности, приложенные к Светлане Григорьевне, столь велики, — говорит он, — что они не в состоянии справиться сами с собой. Снять чары можно только поцелуем любви, а это уже вне моей компетенции...

— Но она не дается! — в отчаянии кричит Саша.

— Так и должно быть. Сила взаимного отталкивания между зимним сердцем и любовью обратно пропорциональна кубу расстояния между ними. Я признаю свою вину, и это единственное, что я могу сделать.

— Много мне толку от этого!.. — вырывается у Саши.

— Да уж, — бормочет с тоской Брут. — Оно вестимо: один мудрец может такого накрутить, что и тысяче дураков не под силу...

Видно, что Беломор начинает закипать, но сдерживает себя.

— Ну а вы что скажете, Корнеев? — спрашивает он.

— А что я могу сказать? — угрюмо отзывается Корнеев, глядя в сторону.

Беломор останавливается перед ним.

— А что ваша волшебная палочка? — вкрадчиво осведомляется он.

— А что — волшебная палочка? — еще угрюмее отзывается Корнеев, совсем уже отвернувшись.

— Действует?

— Действует...

— Ну и?..

Пауза. Саша и Брут в недоумении и тревоге переглядываются. Беломор, не отрываясь, смотрит на Корнеева.

— Трудослав Ингваревич! — горячо говорит вдруг Корнеев. — Я над этой палочкой пять лет работал, ночей недосыпал, куска недоедал... сил сколько угробил, половину молодости!..

Он замолкает.

— Ладно, товарищи, идите, — со вздохом произносит Беломор и возвращается за свой стол. — До Нового года еще целых четырнадцать часов.

Корнеев первым поворачивается и, понурившись, бредет к двери. Саша и Брут, недоумевающие и несчастные, плетутся следом за ним.

Лаборатория Линейного Счастья. Светлана сидит на столе, а перед нею в кресле, нависая пылающим носом над ее прекрасными коленями, млеет Выбегалло.

— ...Вы себе представить не можете, какой он смешной, этот академик! — воркующим голоском повествует Светлана. — Вообразите, появился вчера вечером ко мне домой и принялся выдавать такие авансы, такие авансы!..

— Вы разрываете мне сердце, прелестница! — стонет Выбегалло.

— Нет, вы подумайте: и хорошая должность в Москве, и квартира, и заграничные командировки... Париж, Милан, Токио...

— Он вас обманывает! Он женат! У него правнуки!

— Ну, положим, это меня не остановило бы...

— Значит, что-то вас все-таки остановило, бессердечная?

— Да! — Светлана дает легкий щелчок по носу Выбегалло. — Представьте себе! Меня остановила мысль об одном негодном старикашке!

Выбегалло соскальзывает с кресла и падает на колени.

— Да, да, да! Я всю ночь думала и решила, что буду принадлежать этому негодному старикашке...

— Очаровательница! — дико вопит Выбегалло и пытается обнять ноги Светланы, но она проворно соскакивает со стола, отбегает в сторону и грозит ему пальцем.

— Да! Я согласна быть вашей женой, но при одном условии...

— Готов! Заранее готов на все!

— Во-первых, если вы не будете шалить...

Выбегалло поспешно поднимается на ноги.

— Во-вторых, квартира... ну, ваша квартира на первый случай сойдет... а вот машина с гаражом...

— Есть, очаровательница! Есть и машина, и аэросани, и летающее блюдце!..

— Это все на мое имя и еще до брака...

— Гм...

— Вы не согласны?

— Нет, отчего же... Конечно же... Обязательно!

— Далее. Мне должность заместителя директора по науке... Это в течение, скажем, полугода после брака...

— Любимица богов, а как же Киврин Федор Симеонович?

— Фи, Киврин! Он стар, пусть убирается на пенсию...

— Гм... Ну, пусть...

— И наконец, в перспективе... годика через два — ваш и мой перевод в Москву.

Выбегалло молча кланяется.

— Договорились? — ослепительно улыбаясь, спрашивает Светлана.

— Договорились, — сипло отвечает Выбегалло. — Позвольте ручку, мое сокровище!

— Нет-нет, не спешите, мой друг. Сначала подпишите вот это.

Светлана достает из стола лист плотной бумаги.

— Что это? — спрашивает Выбегалло.

— Обязательство. Подпишите и скрепите кровью.

Выбегалло пробегает обязательство глазами.

— Хм... «нижеподписавшийся...» хм... так... «машину...» так... «заместителем директора...» так... хм... «в Москву в течение двух лет...» так... так... хм... Все понятно.

Он берет авторучку и размашисто подписывается. Светлана с улыбкой протягивает ему ланцет. Выбегалло, страшно сморщившись, надкалывает указательный палец, выдавливает каплю крови и прикладывает палец к обязательству.

— Вот теперь, дорогой, — произносит Светлана, складывая бумагу и пряча ее в разрез платья, — теперь я разрешаю вам припасть к моей руке.

Она протягивает руку. Выбегалло, пав на одно колено, надолго присасывается к ее ладони.

— Очаровательница! — слабым голосом блеет он. — А когда же мы...

— Поскольку мой старичок вел себя хорошо и не упрявился, — говорит Светлана, — мы объявим о нашей помолвке сегодня же на новогоднем вечере.

Выбегалло со сладостным стоном вновь припадает к ее руке.

Мастерская волшебной древесины. Саша и Брут понуро сидят на верстаке и следят глазами за Корнеевым, который ходит по мастерской взад и вперед.

— Так что же теперь делать? — уныло спрашивает Саша.

— А я почему знаю? — огрызается Корнеев.

— Чего это Беломор насчет волшебной палочки с тобой? — спрашивает Брут.

— Отстань!

Саша и Брут переглядываются и тяжело вздыхают. Корнеев, походив еще немного, словно бы на что-то решается. Он останавливается перед друзьями и, нагнув голову, угрюмо произносит:

— Насчет волшебной палочки. Тут вот какое дело...

В ту же секунду дверь распахивается, и в мастерскую входит Эдик Амперян.

— Привет, столяры-плотники! — бодро здоровается он.

— Здравствуйте, — уныло откликается Саша.

— Здравствуйте, Эдик, — уныло здоровается Брут.

Корнеев только коротко кивает.

— Почему такая тоска? — осведомляется Эдик, подходя.

— А чему радоваться-то? — хмуро отзывается Корнеев.

— Жених? — спрашивает Эдик, повернувшись к Саше.

— Ага... — говорит Саша и протягивает руку. — Сашей зовут.

— А меня — Эдиком. Ну-с, так что у вас тут?

Корнеев безнадежно машет рукой.

— Ничего со Светланой не получается... — говорит он.

— Не дается она целоваться, — поясняет Брут.

— М-да... — Эдик чешет в затылке. — А у Беломора были?

— Были, — отвечает Корнеев.

— И?

— Пустой номер.

— Угу... Что ж, так оно и должно было быть... Мощности чудовищные... Легче скелет оживить...

— Без тебя знаем... — бурчит Корнеев.

— И главное, — проникновенно произносит Брут, — всего-то один поцелуйчик! Одну-разъединственную безешку вlepить! На секундочку бы она у нас зазевалась, а Сашенька бы подлетел, чмок — и готово!

— На секундочку... — задумчиво говорит Эдик. — А ведь это идея, ребята!

Все жадно смотрят на него.

— Идея?

— Какая идея?

— Что за идея, Эдик?

— Реморализация! — веско произносит Эдик.

— А! — разочарованно машет рукой Корнеев.

— Да, это не того... — разочарованно говорит Брут.

— Ремолари... Что это такое? — спрашивает Саша.

— Реморализация, Саша, — неторопливо объясняет Эдик, — есть не что иное, как магический процесс повышения — или понижения — уровня энтропии социальной психики личности. Или, если говорить упрощенно, для профанов, превращение человека невоспитанного в воспитанного и наоборот... Именно управлением такими процессами и занимается лаборатория, которую я имею честь возглавлять...

— Эдик, Эдик!.. — морщась, бормочет Корнеев.

— Кое-чего нам удалось добиться, — не обращая на него внимания, продолжает Эдик. — Так, мы уже довольно успешно справляемся с различными случаями алкоголизма...

— Гхм... — прокашливается Брут.

— ...Нам удалось вернуть в лоно семьи одного нашего сотрудника, филателиста-тиффоци, так что он теперь не выносит вида почтовых марок... Мы сумели значительно снизить грубость присутствующего здесь Корнеева...

— Да иди ты к черту! — раздраженно говорит Корнеев.

— ...а также достигли успехов в некоторых иных клинических казусах. Далее. Что представляет собой феномен так называемого зимнего сердца? По сути, это максимально возможный уровень энтропии социальной психики индивидуума, иными словами — такое состояние сознания, когда комплекс эгоизма, стяжательства и потребительства почти полностью вытеснил все остальные чувства и порывы, свойственные человеческому существу...

— Опомнись, Эдик! — стонет Корнеев. — Ты же сам знаешь, какие у Беломора мощности! Что ты сможешь сделать своим несчастным аппаратиком?

— А! — торжествующе произносит Эдик, подняв указательный палец. — Действительно, что мы можем сделать? Разумеется, полностью снять чары нам не под силу. Кишка тонка, как выразился бы присутствующий здесь Брут. Но надавить на уровень энтропии и придержать его на минимуме в течение трех, а то и целых пяти секунд...

— Ч-черт! — восклицает Корнеев. — А ведь и верно... Ну, молодчина, ну, молоток!..

Брут в восторге переворачивается через голову.

— Погодите, погодите... — морщась, говорит Эдик. — Не надо преждевременных восторгов... Как, Саша, пяти секунд вам хватит?

Саша со слезами на глазах соскакивает с верстака, подбегает к Эдику и с чувством жмет его руку.

— Мне и одной будет достаточно!.. — прерывающимся шепотом произносит он.

— Чмок — и Вася-кот! — вопит Брут.

— Ну и хорошо, — говорит Эдик. — Ступайте сейчас к Светлане, а я сбегаю за аппаратом...

Лаборатория Линейного Счастья. Светлана, прекрасная и величественная, сидит за своим столом. По сторонам ее, сияя робкими улыбками, стоят Верочка и Катенька в платьях с отчетливо выраженными миди-подолами. Напротив в кресле полулежит, задрав ногу на ногу, благодный Выбегалло, за спиной его приятно осклабляется Г. Проницательный. Тут же в другом кресле сидит Камнедов со своим своеобразным

надутым видом, а в стороне у столов со стеклянными зарослями маячит незадачливый конструктор брюк-невидимок Редькин.

— Официально о своем обручении мы объявим сегодня на вечере, — говорит томно Светлана. — Но своих мы решили оповестить прямо сейчас. Можете нас поздравить.

Верочка и Катенька робко целуют Светлану в обе щеки. Г. Проницательный, Камноедов и Редькин усердно пожимают Выбегалле руку.

— Ну-с, а к вам, Модест Матвеевич, — говорит Выбегалло, — как к руководителю административно-хозяйственной части, у нас со Светланой Григорьевной покорнейшая просьба...

— Пожалуйста, излагайте вашу просьбу, Амвросий Амбруазович, — важно произносит Камноедов. — Все, чем могу...

— Недурно было бы, если бы вы походатайствовали перед директором... вы понимаете?

— Гм... Признаться, нет...

— Ну как же, Модест Матвеевич, — обворожительно улыбаясь, говорит Светлана. — По случаю такого торжества... вы понимаете?

— Гм... Как-то не улавливаю...

— Экий вы, Модест Матвеевич... — с досадой говорит Выбегалло. — Да вы просто не желаете понять...

— Гм... Ей-богу, Амвросий Амбруазович...

— Да ну же, Модест Матвеевич! — капризно и с оттенком нетерпения говорит Светлана. — Ведь у нас такой праздник... такое, можно сказать, торжество...

— Памятный подарок! — выпаливает Выбегалло. — От руководства!

— Какой-нибудь пустячок! — говорит Светлана.

— Безделушку! — говорит Выбегалло.

— Желательно, конечно, из драгоценного металла...

— Честь дорога, Модест Матвеевич!..

Камноедов, раскрыв рот, прыгает глазами от одного к другой и обратно, затем солидно прокашливается.

— Сочетание, — начинает он значительным голосом, — и притом есть прен-ценденты...

И в это время входят Корнеев, Саша и Брут.

— А-а-а! — восклицает Выбегалло, поднимается и с распростертыми объятями направляется к Саше. — Наш дорогой гость из столицы! Добро пожаловать, добро пожаловать... А у нас, знаете ли, маленькое торжество...

Обняв Сашу за плечи, он ведет его к своему креслу и усаживает.

— Да-с, маленькое торжество, — продолжает Выбегалло. — Так сказать, местного значения... Извольте видеть, сегодня мы обручаемся со Светланой Григорьевной!

Саша мертвец.

— К-как так? — произносит он одними губами, дико вытаращив глаза на Светлану.

Светлана прикрывает глаза и с улыбкой слегка разводит руки.

— Как так? — сипло кричит Саша.

— Да уж так, да уж так, хе-хе... — смеется Выбегалло. — Я ведь давно уже имел виды, а сегодня Светлана Григорьевна снизошла... Конечно, мы пока не столичные жители, но как знать, как знать!

Саша сникает, и тут же к нему обращается Камноедов.

— У меня к вам вопрос, товарищ академик, — произносит он подобострастно. — Это относительно вашей прописки...

— Академик? — шепчет Саша. — Какой же я академик? Я вовсе и не академик...

Выбегалло гулко прокашливается и укоризненно смотрит на Камноедова. Тот испуганно прихлопывает ладонью рот.

— Виноват-с... — бормочет он. — Обознался-с...

— Корнеев! — громко и строго говорит Светлана. — Вы принесли объяснительную записку?

— Это насчет чего? — угрюмо осведомляется Корнеев.

— Как это — насчет чего? Насчет преступной утраты вами казенного имущества! Волшебной палочки!

— Не было никакой утраты, — угрюмо отвечает Корнеев. — Вот она, волшебная палочка.

Он извлекает из кармана палочку и взмахивает ею. В левой руке у него появляется большой букет красных роз.

— А это вам по случаю вашего... этого... торжества... — все так же угрюмо говорит Корнеев и шагает к столу.

— Ну что ж... — произносит, усмехаясь, Светлана. — Очень мило, Корнеев... хотя от вас я меньше всего...

Она протягивает руку, берет букет и тут же с визгом отбрасывает его от себя на стол и сует пальцы в рот.

— Вы нахал! — кричит она истерически. — Они же колются! У них же шипы!..

— Розы ведь... — с мрачной улыбкой говорит Корнеев. — Как же розы без шипов?

В эту минуту в лабораторию тихой сапой втискивается Эдик. В руке у него аппарат, похожий на портативный киносъемочный. Пристроившись за спиной Г. Проницательного, он наводит аппарат на Светлану.

— Ну, хорошо, — говорит тем временем Светлана. — Ужасно вы неуклюжи, Корнеев, но так и быть, благодарю вас... Верочка, возьмите розы и поставьте их куда-нибудь в воду...

Верочка послушно, хотя и очень осторожно, берет букет и уносит. Слышится слабое басовитое гудение. Все настораживаются, начинают встревоженно переглядываться, удивленно задирают брови.

— Что это такое? — брюзгливо осведомляется Выбегалло.

— Вроде трансформатор... — замечает робко Редькин.

— Как-то в ушах что-то... — говорит Камноедов, трясая головой.

В лаборатории медленно сгущаются сумерки. Светлана сидит за столом, ссутулившись и приложив ко лбу руки. Саша, не сводя с нее глаз, затаив дыхание поднимается с кресла. Эдик, весь изогнувшись, с искаженным от страшного напряжения лицом, целится в Светлану своим аппаратом.

— Чушь какая-то... — тихо произносит Светлана.

Она опускает руки на стол, выпрямляется и с недоумением озирается по сторонам.

— Зачем все это? — говорит она. — Амвросий Амбруазович, голубчик, ведь мы с вами — ученые, маги... К чему же вся эта пошлость?

— Драгоценнейшая... — в растерянности лепечет Выбегалло. — Что с вами?

Светлана вдруг встает, достает из выреза платья «обязательство» и разворачивает его.

— Машина... Должность... Господи, какой ужас, как вы могли, Амвросий Амбруазович?

— Но ведь вы же сами... прекраснейшая...

— Я вам не прекраснейшая! — кричит Светлана, разрывает «обязательство» в клочки и отбрасывает. — Стыдитесь!

Выбегалло застывает в своем кресле, выпучив глаза. А Саша подбегает к Светлане и хватает ее за руку.

— Света! — радостно кричит он. — Светочка! Ты узнаешь меня? Это же я, Саша!

Она глядит на него, слабо улыбаясь.

— Конечно, Сашенька...

— Света! — кричит Саша. — Пойдем со мной! Уедем отсюда! Ты же невеста моя!.. Ну, обними меня, дай же я тебя поцелую!

Он пытается обнять и поцеловать ее, но она мягко отстраняется.

— Нет, Саша, нет. Я не могу быть женой твоей. Могу лишь обещать тебе, что никогда и ни за кого не выйду замуж. Ибо жизнь моя принадлежит науке...

— Светка! — в ужасе кричит Саша.

— Да, Саша, — твердо произносит Светлана. — Так надо. Наука — в этом мое призвание, моя жизнь, ей я посвящаю себя всю без остатка. И довольно об этом. Товарищи, рабочий день еще не кончился! Всех посторонних прошу покинуть лабораторию! Товарищ Выбегалло, если у вас нет ко мне никаких вопросов... Приношу извинения за эту нелепую мистификацию с моим браком... Сама не знаю, что это на меня нашло...

Трах!

Звонкий медный удар прерывает Светлану. Лаборатория озаряется обычным светом.

Эдик опускает дымящийся аппарат.

— Все, — говорит он громко и с горечью. — Полетела машинка.

Светлана с негодованием выдергивает свою руку из Сашиной руки.

— Однако! — произносит она. — Вы странно ведете себя, товарищ Привалов.

Саша отступает подавленный и смятенный.

— Драгоценнейшая! — Выбегалло наконец обретает голос и с негодованием встает с кресла. — Как это понимать?

Светлана, очаровательно улыбаясь, протягивает ему руку.

— Ну-ну, негодник, я пошутила... — говорит она томным голосом. — Вот вам награда. Что, испугались?

Выбегалло присасывается к ее руке.

— Злая, злая! — бормочет он. — Разве можно так шутить? У меня чуть сердце не лопнуло...

Саша поворачивается и бегом покидает лабораторию.

— Теперь все пропало... — грустно шепчет Брут.

Корнеев с невыразимым презрением смотрит на Эдика.

— Реморализатор! — шипит он.

— А я-то тут при чем? — расстроено огрызается Эдик, горестно вертя в руках аппарат, из всех щелей которого валит густой белый дым. — Видишь вот — не выдержала машинка... Такие мощности... И потом — согласишься, реморализация имела место! Восстановилась, правда, не способность к высоким чувствам, а одна лишь совесть, но и это немало, как ты считаешь?..

Корнеев машет рукой и выходит. Брут трусцой бежит следом.

Внезапно динамик внутренней трансляции разражается густым басом Беломора:

— Внимание, товарищи! От имени руководства института поздравляю всех сотрудников с наступающим Новым годом! Предлагаю всем, всем, всем прекратить работу, обесточить электроустановки и опечатать лаборатории и кабинеты! До встречи в одиннадцать вечера в актовом зале на новогоднем вечере! У меня все.

— Ура! — хором восклицают Светлана, Выбегалло, Камноедов, Верочка с Катенькой, Редькин и даже Г. Проницательный.

— Всем можно разойтись, — произносит Светлана. — Но только не вам, мой милый друг! — говорит она Выбегалле, грозя ему пальчиком. — Вы сейчас подпишете новое обязательство, а потом отвезете меня домой в своей машине. У меня нет сегодня настроения мотаться над крышами на метле...

Пустой коридор института, изукрашенный еловыми ветками, лентами и воздушными шариками.

У окна стоит мрачный Корнеев, а возле него топчется безмерно огорченный Брут.

— Вить... — тоненько скулит он. — Вить, а Вить... Ну не надо так... Ну что уж теперь...

— Отстань!

— Ну Вить... Ну брось, Вить...

— Отстань, тебе говорят!

— Ну Вить... Ну сделали же все, что могли...

Корнеев наконец поворачивается к нему.

— Пошел вон! — орет он. — Вон отсюда!

Брут в панике бросается прочь и, мелко стуча каблуками, исчезает в глубине коридора.

Корнеев снова отворачивается к окну и некоторое время стоит неподвижно. Затем достает волшебную палочку. Смотрит на нее, нежно гладит пальцами, поворачивает так и сяк, оглядывает со всех сторон.

Тяжелая рука опускается ему на плечо. Он вздрагивает и оборачивается.

Перед ним стоит Беломор. Секунду они глядят друг на друга, затем Виктор опускает голову.

— Ничего, — неожиданно ласковым глуховатым басом произносит Беломор. — Ничего, Виктор. Ты же сам понимаешь, что другого выхода нет...

В глазах у Корнеева слезы.

— Пять лет... — шепчет он. — Пять лет ночей недосыпал, куска недоедал...

— Ничего, Виктор, — говорит Беломор. — Считай, что эти пять лет прошли у тебя даром. И ведь это действительно так, ты подумай хорошенько...

Гостиница. Саша сидит у стола верхом на скамье и упаковывает рюкзак. Физиономия его выражает отчаяние и мрачную решимость.

— Может, все-таки чего-нибудь скушаете? — произносит со страдальческими интонациями голос скатерти-самобранки.

— Не желаю, — угрюмо отзывается Саша.

— Ну как же так, весь день не кушали... Может, севрюжки поедите? Хорошая севрюжка есть нынче...

— Не хочу, отстаньте...

— А блинчиков с вареньем? Ах, хороши блинчики!

На скатерти у локтя Саши появляется блюдо с дымящимися блинчиками и ваза с вареньем. Саша искоса взглядывает:

— Не буду. Уберите.

Слышится тяжкий вздох. Блинчики и варенье исчезают.

— А ежели стопочку водочки? Холодненькой, с морозцу... под черную икорку... а?

— Не лезьте вы ко мне!

— Ну, под красную...

Саша с размаху бьет кулаком по скатерти и кричит:

— Отстаньте от меня, прошу вас!

Он затягивает свой тощий рюкзачок, встает, идет к вешалке и надевает дубленку. В тот момент, когда он берется за шапку, дверь распахивается, и входит Корнеев. Он смотрит на Сашу, насупившись, затем спрашивает:

— Куда это ты собрался?

— Уезжаю.

— Далёко?

— Домой, в Москву. Хватит с меня.

— Погоди... — Корнеев берет Сашу за рукав, отводит обратно к столу и усаживает на скамью. — Разговор есть.

— А о чем нам разговаривать? — с горечью осведомляется Саша.

— Значит, есть о чем! — веско произносит Корнеев.

Саша с выражением безмерной усталости и тоски поднимает очи горé и смотрит на рубчатые черные следы на потолке.

— Ну, говори... — равнодушно шепчет он.
 — Есть шанс, — произносит Корнеев. — Верный.
 — Опять какая-нибудь реморализация?
 — Я сказал: верный!

Саша выпрямляется и смотрит Корнееву в глаза:

— Врешь ведь, Виктор...

Корнеев достает из-за пазухи волшебную палочку:

— Знакомая штучка?

— Знакомая. Ну?

— Ты на меня не нукай... — На лице Корнеева вдруг появляется выражение такой ярости, что Саша испуганно отодвигается от него. — Не нукай на меня, понял? А то пошлю я всех вас к чертовой матери, и дело с концом!

— Витя, Витя... — бормочет испуганно Саша. — Что ты? Я же не хотел тебя обидеть...

— Слушай меня внимательно, — угрюмо произносит Корнеев, пряча палочку за пазуху. — С волшебной палочкой можно сделать многое. Почти все. Если бы я еще годика два над ней поработал, не пришлось бы... Ладно. Этой палочкой можно даже остановить время. Ненадолго, всего на пять-шесть секунд...

— Как это, как это? — спрашивает Саша.

— А так это! Берешь палочку, произносишь заклинание, затем «айн, цвай, драй!» — и время останавливается на пять секунд. Для всех, кроме тебя. Понял?

Глаза Саши расширяются, на лице появляется восторженное выражение, он встает:

— Постой-постой... Так ведь это!..

— Сядь, — холодно говорит Корнеев, и Саша покорно опускается на скамью. — Этот фокус надо производить как можно ближе к новогодней полуночи. Чем дальше от этого момента времени, тем короче период остановки...

— Понятно, — с придыханием отзывается Саша. — Значит, мы можем...

— Заткнись, — жестко говорит Корнеев. — Есть еще одна подробность. Ма-а-аленькая такая подробность. Палочка остается в той секунде, в которой ты скомандовал остановку времени.

— То есть...

— Да. Да! Да!!! Она исчезает из нашего времени, из нашего мира! Навсегда и бесповоротно! А я над ней пять лет... все свои силы... недосыпал... недоедал...

Корнеев ссутуливается и утыкает лицо в сжатые кулаки. Саша с ужасом и жалостью глядит на него.

— Поверь мне, Витя, — тихо говорит он. — Если бы речь шла только обо мне, я никогда бы...

— Иди ты знаешь куда? — рычит Корнеев. — Утешитель нашелся... — Он успокаивается и глубоко вздыхает. — Прости. Ерунда, конечно. Мечтал, знаешь ли, докторскую на ней получить. Человек есть, и все человеческое мне не чуждо.

Он снова достает палочку, несколько секунд смотрит на нее, затем подносит к губам и целует.

— Прощай, волшебница... — едва слышно произносит он.

Саша горестно кивает. Корнеев осторожно кладет палочку на скатерть перед ним.

— Бери, — говорит он. — Да не трясина как попало, а то бед наделаешь. Выручай Светлану, выручай свое с нею счастье. И вот еще... — Он лезет в карман и извлекает мятый клочок бумаги. — Это заклинание. Выучи наизусть, чтобы без запинки... Понял?

Саша берет бумажку и снова кивает:

— Все сделаю.

Корнеев встает.

— Пока, — говорит он. — Встретимся на вечере.

И, не оглядываясь, выходит.

Корнеев медленно сходит с крыльца гостиницы-музея и, зябко засунув руки в карманы, бредет по тротуару прочь.

Какой-то человек, спешащий навстречу, наталкивается на него:

— Простите...

— Ничего...

— Товарищ Корнеев?

Корнеев поднимает глаза. Перед ним стоит Г. Проницательный.

— А! Гэ?

— Он самый, — отвечает Г. Проницательный. — Простите, товарищ Корнеев, вы не от академика?

Корнеев оглядывается на гостиницу-музей.

— От него, — говорит он. — А что такое?

— Видите ли, — доверительно объясняет Г. Проницательный, — тут такое дело. Академик обещал мне дать интервью, и я как раз направляюсь к нему, но не совсем уверен... Он как — в настроении?

Тихая радость зажигается в глазах Корнеева.

— О да, — говорит он. — Вы не могли выбрать лучшего момента...

— Благодарю вас, — произносит Г. Проницательный и устремляется к гостинице.

Корнеев переходит на другую сторону улицы, останавливается и смотрит, как Г. Проницательный взбегаёт на крыльцо и исчезает за дверью.

Проходит ровно пять секунд.

Дверь толчком распахивается, и Г. Проницательный кубарем скатывается по ступенькам. Полежав немного, он встает, кланяется в сторону захлопнувшейся двери и произносит:

— Пардон...

Залитый слепящим светом нескольких люстр огромный актовый зал НИИЧАВО.

Вся середина зала свободна и блестит натертым паркетом, а по краям она уставлена накрытыми столиками, за которыми располагаются многочисленные сотрудники института.

За одним столиком сидят Беломор и Киврин со своими женами — немолодыми, но чрезвычайно элегантными дамами в вечерних туалетах.

— Ты уверен, что все окончится благополучно? — озабоченно спрашивает Киврин Беломора.

— Будь спокоен, Федор, — отвечает Беломор, энергичически расправляясь с заливным поросенком.

— О чем это вы, Трудослав? — осведомляется одна из дам.

— Не обращай внимания, милочка, — отвечает Беломор. — Это так, местные заботы...

За другим столиком располагаются Светлана, Выбегалло (во фраке и при галстукке бабочкой), Верочка, Катенька и Г. Проницательный.

— Когда вы полагаете объявить о нашем счастье, драгоценнейшая? — сладко улыбаясь, спрашивает Выбегалло.

— Н-ну... хотя бы сразу же после боя часов, — томно отвечает Светлана.

— Не забудьте зафиксировать этот момент, — предупреждает Выбегалло журналиста.

— Не премину! — с готовностью отзывается тот.

За третьим столиком сидят Корнеев, Саша и Брут. Саша не ест и не пьет, он то мнет салфетку, то ощупывает карман, в котором спрятана волшебная палочка.

— Спокойно, спокойно... — вполголоса убеждает Корнеев.

— Так ить любовь — не картошка... — вздыхает Брут.

— Идите вы оба к чертям! — шипит Саша.

Еще за одним столиком восседают Камноедов с дородной простоватой супругой и некто унылый и бледный, в траурном фрачном костюме. Камноедов усердно ест, но пользуется при этом только одной рукой, а левая рука его лежит на каком-то кубическом предмете, накрытом салфеткой.

— Что это у тебя там, Матюша? — осведомляется супруга.

— Памятный подарок. От администрации.

— Подарок? Кому подарок?

— Молодоженам. Которые будут сочетаться.

— Ой ты! Кто же такие?

— Не приставай. Сама увидишь.

Супруга поворачивается к бледному и унылому соседу:

— А вы чего не кушаете? Давайте вот салатику вам положу...

Бледный и унылый скорбно отвечает:

— Благодарю вас, не беспокойтесь. Я не ем. Я, видите ли, в некотором роде привидение...

Веселый шум, смех, звон посуды, гул разговоров заполняют зал. Внезапно раздается густой бас Беломора:

— Одну минутку, товарищи! До Нового года осталось всего несколько минут! Товарищ Амперян, выпускайте Зеленого Змия!

Эдик Амперян, развлекавшийся за своим столиком в обществе трех прехорошеньких сотрудниц, отзывается:

— Слушаюсь, Трудослав Ингваревич!

Он отбрасывает салфетку, встает и сосредоточивается. Затем шепчет заклинания, производит руками замысловатые пассы и восклицает страшным голосом:

— СИРАФУ! СИРАФУ! СИРАФУ!

И сейчас же на середине зала появляется Зезе, великолепный и гибкий, как язык зеленого пламени. Взрывом обрушивает в зал музыку невидимый оркестр. Зезе пускается в фантастический пляс и поет:

Пусть же
Хмель от многих водок
Нас
Ударит в подбородок!
Если даже
Хмель от вин —
Огорчаться нет причин!
Страшен хмель
От формалина,
Антифриза,
Керосина,
А от водки и вина —
Не бойсь
И пей до дна!

Допев, Зезе взлетает под потолок и рассыпается зелеными брызгами. Зал бешено аплодирует.

— Внимание! — гремит мощный бас Беломора.

Все стихает.

— Наполните бокалы, товарищи!

Звенит хрусталь, булькает льющееся шампанское, шипит пена.

— Бам-м! — гремит первый удар часов.

— С Новым годом, товарищи! С новым счастьем!

— Бам-м! — гремит второй удар.

— Ура-а-а-а! — кричат все в зале.

— Бам-м!

— Пора! — шипит Корнеев.

Саша поднимается. В руке его волшебная палочка.

— Бам-м!

Взгляд Саши устремлен на Светлану, губы его энергично движутся: он произносит заклинание.

— Бам-м!

Саша поднимает палочку и отчаянно кричит:

— Айн! Цвай! Драй!

— Бам-м!

Мертвая тишина. И полная неподвижность. Все застыли в позах, в которых застала их остановка времени.

Палочка в Сашиной руке тает, становится прозрачной и исчезает бесследно.

Саша бежит через зал к Светлане.

Светлана сидит неподвижно с застывшей улыбкой и полузакрытыми глазами, с бокалом в поднятой руке.

Саша подбегает к ней, наклоняется и крепко целует в улыбающийся рот.

— Бам-м! — гремит удар часов.

Пальцы Светланы разжимаются, бокал падает и разбивается вдребезги.

Время возобновило бег. Шум, голоса, смех снова врываются в залу, и все снова приходит в движение.

— Что... что это? — с негодованием и ужасом вскрикивает Выбегалло.

Рука Светланы обвивается вокруг Сашиной шеи.

— Саша... Сашенька... — стонущим голосом произносит она.

Катенька и Верочка хором визжат.

— Бам-м... Бам-м... Бам-м...

— Товарищи, да что же это? — негодуяще вопит Выбегалло, озираясь. — Товарищ академик!..

— Бам-м!

Светлана поднимается на ноги, обнимает Сашу обеими руками и утыкается лицом в его плечо, а он держит ее за талию, и на лице его — счастливейшая из улыбок.

— Бам-м! — гремит последний удар.

Веселый шум затихает, все с недоумением смотрят на Светлану и Сашу, перешептываются и пожимают плечами.

Светлана отрывается от Саши и обводит залу сияющими глазами.

— Товарищи! — звонко кричит она. — Это мой жених... мой муж! Верочка! Катенька! Девочки мои! Как я счастлива!

И тогда все вскакивают с мест и бегут к Светлане и Саше и обступают их тесной толпой, и слышится только смех, приветственные возгласы, веселые шутки...

Мрачный и растрепанный Выбегалло выбирается из толпы, за ним следом выбирается Г. Проницательный.

— Черт знает что! — рычит Выбегалло. — Имейте вот дело с хорошенькими ведьмами...

Г. Проницательный сочувственно цокает языком.

— Впрочем, — говорит Выбегалло, подтягиваясь, — не забудьте, что все это не для прессы...

А сквозь толпу пробирается Модест Матвеевич Камноедов и останавливается перед Светланой и Сашей.

— Вот, — произносит он. — В некотором роде... от лица... и вообще по случаю сочетания...

И он протягивает Светлане кубическую коробку, в которой хранится что-то, несомненно, очень интересное.

Впрочем, не все собрались вокруг счастливых молодоженов. Беломор, Киврин и их супруги остались за своим столиком.

— Право, я ничего не понимаю... — говорит супруга Беломора.

— Признаться, я тоже, — подхватывает супруга Киврина.

— И не надо, — басит Беломор. — Если бы вы понимали, милые мои дамы, вы были бы очень скверного мнения о старом Трудославе. Верно, Федор?

— Будет тебе уроком на всю жизнь, — отзывается Киврин.

К их столику подбредает расстроенный Корнеев.

— Вот, — произносит он. — Все.

— Все? — удивленно-весело говорит Беломор. — Напротив, Виктор! Напротив! Это только начало! Впереди еще сто лет интереснейшей работы, Виктор! А пока... — Он поднимается и гремит во всю мощь своего чудовищного баса: — Внимание! Всем веселиться, пить и танцевать до утра! И да здравствуют чародеи!

И вот уже несутся в вихре вальса счастливые пары, льется вино, звенит девичий смех, звучат ликующие клики...

К Бруту, одиноко и печально сидящему за столиком, заплетающимися шагами подходит зверски пьяный Эдик.

— П-пойдем, Хома... — произносит он.

— Куда, Эдик? — удивляется Брут.

— Как это... куда? Лечить тебя! Ты что — забыл? Новогодний сеанс... вместо застолья...

Брут покорно поднимается, и они идут к выходу из зала, лавируя между танцующими.

Они идут по празднично убранному коридору, совершенно пустынному, под звуки браваурной музыки, доносящейся из зала. Брут бережно поддерживает Эдика, а тот бормочет назидательно:

— Ты, главное... по водке стреляй, по водке... по портвейну тоже, конечно, но целься по водке... Понял?

— Понял, — покорно отвечает Брут и вздыхает.

Тексты подготовлены: С. Бондаренко

Варианты рукописей и изданий

Сценарии «Понедельник начинается в субботу» и «Чародеи»

Для представления сценарной работы АБС по повести-сказке «Понедельник начинается в субботу» в этот том включен текстологический материал, весьма обширный как по объему, так и по количеству и характеру источников. В раздел с художественными произведениями вошли ранний вариант сценария «Понедельник начинается в субботу» (как канонический текст) и написанный А. Стругацким литературный сценарий «Чародеи» (как архивный материал). Немало разнообразных текстов представлено и в текущем разделе. Разумеется, дело здесь не в какой-то уникальной значимости этого проекта среди всего написанного АБС для кино или телевидения, а в сочетании определенных обстоятельств. История работы Стругацких над некоторыми фильмами была короткой и большого числа текстов оставить просто не могла. Где-то от исходного изобилия материалов волею судеб уцелела лишь малая часть. Порой замыслы режиссера изменялись, и для конечной реализации своих идей он привлекал уже другого сценариста. А вот разработок по экранизации ПНВС за долгие годы накопилось много: от самых ранних, где связь с повестью еще несомненна, до самых поздних, где даже формулировка «по мотивам» выглядит условной. Тем не менее речь пойдет о единой и почти непрерывной работе, где никакое следующее творческое решение не было полным отрицанием предыдущего. Другое дело, что этапов этой работы было много, изменения делались часто, и распознать в фильме К. Бромберга «Чародеи» следы того, что сами Авторы задумывали десятью годами раньше, не очень-то просто.

После выхода фильма множество читателей и зрителей вольно или невольно сравнивали его с повестью Стругацких. Черты сходства были едва заметными, различия — очевидными, а присутствие фамилий Авторов в качестве сценаристов лишь провоцировало вопрос: «Зачем они вообще на такое согласились?»

Появление в «Уральском следопыте», а затем в собрании издательства «Текст» сценария под названием «Понедельник начинается в субботу» вызвало новый шквал споров. Вот образцы некоторых мнений, высказывавшихся тогда и повторяющихся порой сейчас. Исходный сценарий — крайне неудачная попытка перенести атмосферу радости научного поиска и безудержного оптимизма во времена, когда господствовали цинизм и разочарование, а фильм ни на что особо не претендует и как музыкальная комедия довольно неплох... Сценарий сохраняет дух первоисточника, тогда как в фильме все сведено к приемам дешевого водевиля... Обе киноадаптации «Понедельника» по указанным выше и иным причинам в равной мере неудачны, на адекватную экранизацию вообще нечего надеяться... У каждой работы есть свои несомненные достоинства, а судить о произведении следует по его внутренним законам... Когда же первый вариант сценария стал переиздаваться под названием «Чародеи», это кое-кем было воспринято как прямое подтверждение тому, что этот сценарий Стругацкие писали специально для одноименного фильма, а посему все недоуменные вопросы следует адресовать исключительно режиссеру...

Как полагают составители, представление информации в столь подробном и связном виде позволит вести дальнейшую полемику «без гнева и пристрастия», опираясь на надежные факты и свидетельства. Да, многое из того, что есть в фильме, привнесено режиссером. Но немало принципиальных моментов было в разное время придумано Авторами — и никем иным. Хорошо это получилось или плохо — можно и нужно обсуждать, но для начала следует уяснить реальную картину событий, в чем мы и постараемся читателю помочь.

Подготовка и описание материалов для этого раздела потребовали усилий, порой сопоставимых с работой детектива. Много хуже недостатка информации иногда оказывалась ее неоднозначность: на убедительные аргументы в пользу некой трактовки («этот текст является тем-то и написан тогда-то») находились мотивированные опровержения. Хотя не все «головоломки» удалось раскрыть до конца, многое стало сейчас понятнее. Например, следует признать неверным не единожды повторенное в офлайн-интервью БНС утверждение, что первый вариант сценария по ПНВС, еще имевший к повести прямое отношение, писался для мультфильма. Дело в том, что ни в письмах, ни в дневниковых записях той поры ассоциаций этого сценария с мультфильмами нет, да и режиссер Б. Ивченко мультипликатором не был. Оставалось предположить, что виной всему добросовестное заблуждение, и поискать его причину. Оказалось, что в письмах второй половины 1971 года часто обсуждались буквально в соседних строках будущий сценарий по ПНВС для киностудии имени Довженко и сценарий для Союзмультфильма, названный сначала «По следам

“Космического Негодяя”», а затем «Погоня в Космосе» (отсюда позже возникла первая часть «Экспедиции в преисподнюю»). Механизм появления ошибки стал вполне очевиден.

Работа над разными вариантами сценария по ПНВС имеет предысторию. К началу семидесятых у братьев Стругацких уже был накоплен немалый опыт работы для кино. Хотя ни одного фильма по разным причинам так и не вышло, некоторые важнейшие постулаты Авторы путем проб и ошибок уяснили. Кино оказалось совсем другим миром, нежели художественная литература: законченный писателем текст есть конечный результат его труда, именно в таком виде он и должен встретиться с читателем; готовый сценарий может быть интересен в литературном отношении, но от законченного фильма (а значит — и от зрителя) весьма далек. Это в лучшем случае каркас дома, который будет достраиваться кем-то другим — и угадать заранее окончательный облик здания очень непросто и даже невозможно.

Если составить из фрагментов офлайн-интервью БНС за 2000–2003 годы краткую подборку высказываний о законах кино, то получится примерно следующее: «В кино хозяин — режиссер. Автор сценария должен либо полностью ему подчиниться, либо просто не вмешиваться в процесс экранизации. У автора же экранизируемой книги и вообще нет права голоса (что правильно) — он волен только запретить экранизацию вообще, если уж о-очень недоволен режиссерской работой. Но он редко это делает, потому что «кушать хочется». <...> Правило (специфически сценарное) одно: все, что вы пишете, должно быть ВИДНО. Чем больше таких «ясно видимых» деталей вы вставите в текст, тем легче будет режиссеру, тем более он будет вам благодарен. <...> Литература гораздо более абстрактна, кино — грубо-конкретно. В литературе главное — слово, в кино — звучащий образ. Литература требует сопереживания, кино — соучастия...»

В фильме «Чародеи» говорится: «Пойми, для того чтобы проходить сквозь стены, нужны три условия — видеть цель, верить в себя и не замечать препятствия». Опыт таких «прохождений» в кинематографе Авторам пришлось приобретать с нуля, и далось это нелегко. Первоначально работа для кино их не интересовала: внутренней потребности не ощущалось, а времени — при всей энергии и целеустремленности — едва хватало на реализацию множества основных планов. Тем не менее в 1960–1961 годах делалась попытка подготовить для режиссера В. Журавлева сценарий по «Стране багровых туч». АНС, сообщая брату 13 октября 1960 года о заключении договора, отмечал: «Денег это нам принесет не очень, но мы научимся писать сценарии». Однако, хотя некий практический результат был достигнут (сценарий под названием «Экипаж “СКИФа”» представлен в томе 5 нашего Собрания), от продолжения работы Авторы отказались, ибо не смогли понять и принять установку: «Сценарий — это не литература». АНС 10 января 1961 года писал брату: «Если бы я был киношником, такой сценарий прошел бы только через мой труп. Но дело в том, что мы с тобой не киношники. Им это, понимаешь ли, нравится. <...> Я лично больше никогда в жизни за сценарии не берусь, а ты — как хочешь. Да будет это нам уроком. Это, кажется, единственный вид искусства, где ты не имеешь права пользоваться собственным вкусом. И самое главное — я ни одной секунды не вижу, что же будет происходить на экране».

Впрочем, через пару лет в переписке АБС появляется фраза: «Как мы ни крутились, а нам придется заняться кино». В ту пору возник проект создания при студии имени Довженко объединения научно-фантастических фильмов. Конечный результат этого замысла оказался довольно скромным, но первоначальные планы были весьма обширными. Стругацкие к судьбам советской кинофантастики были равнодушны, многократно выступали на эту тему в печати и на всяческих совещаниях, так что поддержать хорошее дело прямым участием в создании фильмов по своим произведениям сочли правильным и нужным.

Менялось и общее отношение к сценарной работе. БНС писал 21 августа 1964 года: «Там, говорят, есть какое-то авторское право, за которое можно получить деньги. Вот и надо получить, а сценарий пусть пишут дяди». АНС на это возражал в ответном письме (25.08.1964): «Что до кино, то знающие люди требуют, чтобы право на экранизацию мы не продавали, а писали сценарий сами. Изуродуют, говорят они». Окончательный отказ от прежнего негативного отношения к сценариям сформулирован в письме БНС от 4 ноября 1965 года: «Кстати, если будет еще раз обращаться кто-нибудь из кино с более или менее серьезными намерениями, соглашайся. Я морально готов писать сценарий. В самом деле — Лем может, а мы нет?»

В ноябре 1965 года уже шли переговоры с представителем «Ленфильма» Я. Рохлиным об экранизации ТББ. Именно тогда БНС сформулировал принцип, повлиявший на всю последующую работу Стругацких как киносценаристов: «Писать сценарий мы начнем не раньше, чем получим договор и аванс. Так что, даже если фильм по каким-то имманентным причинам не получится, труд наш даром не пропадет (аванс), а Рохлин кажется мне человеком, который может поучить нас делать сценарии — это умение рано или поздно нам понадобится». В начале 1966 года уже пишется первый вариант сценария. 24 января БНС пишет: «Что за ерунда — сценарии будем писать! Спрос же велик! Причем именно не ставить фильмы, а писать сценарии — милое дело. 60 процентов получим — и слава богу». В процессе работы АБС серьезно учились азам сценарной

работы, в том числе читая различные сценарии других авторов и анализируя, что и как надо или не надо делать. Сценарий ТББ был рассмотрен, в целом одобрен. Оставалось найти режиссера. Им оказался Алексей Герман.

История этого фильма более или менее подробно рассказывалась во многих интервью БНС и в «Комментариях к пройденному». Работа над сценарием была интересной, результат представлялся Авторам очень достойным, одобряли фильм и работники киностудии. Но чехословацкие события 1968 года и усмотренные кое-кем в этой связи политические ассоциации убили всякую надежду на успех: несмотря на однозначно положительное мнение худсовета, работа по фильму волевым решением главного редактора студии была прекращена.

Полный текст этого сценария утрачен, уцелели лишь небольшие фрагменты (они включены в том 10 Собрания). Дальнейшая судьба экранизации печальна. В советские времена попытки Германа снять фильм по ТББ или иному произведению Авторов были безуспешными. Много позже — с совершенно другим жизненным и творческим опытом и в других внешних обстоятельствах — он вернулся к ТББ, решив делать фильм уже по собственному сценарию. Съёмки заняли рекордно долгое время, до полного завершения работы не дожили ни Б. Стругацкий, ни сам режиссер. Когда фильм все же вышел, он получил высокую оценку некоторых кинокритиков, но оказался абсолютно чуждым массовому зрителю и неприемлемым этически и эстетически для многих любителей Стругацких.

Были в те годы и другие кинопроекты с участием Авторов. (Можно упомянуть написанный совместно с В. Ревичем и Д. Биленкиным коллективный сценарий «Пятеро в одном «Рафике»» — сохранившиеся материалы к этому сценарию будут опубликованы в одном из дополнительных томов Собрания.) Важно отметить, что обращение к сценариям не заменяло основную работу Стругацких над их прозой, а лишь иногда ее дополняло.

Позже, однако, все переменялось. В начале 1970 года в переписке Авторов обсуждалась ситуация на киностудиях, которая после потока заушательской критики в адрес АБС стала ничуть не лучше, чем в издательствах и редакциях журналов. АНС писал 6 февраля: «Я здесь на днях говорил с Юрой Борецким. У него из разговоров с разными кинодеятелями, в частности с зав<едующим> 4-м объединением на «Мосфильме», возникло впечатление, что со Стругацкими никто не захочет связываться просто потому, что они Стругацкие. Это при встрече надобно обсудить, а предварительное решение напрашивается такое: надобно переменить вывеску. <...> Ведь эти саботажники даже не смотрят, хорош сценарий или плох. Плохи Стругацкие, и все отсюда следует. Черт бы побрал эту дутую славу».

Под «сменой вывески» подразумевалось, что некий сценарий пишется для какого-то хорошо знакомого Авторам и надежного режиссера, тот пробивает его под своей фамилией, а финансовые вопросы решаются частным порядком. Такие попытки действительно делались. Были и другие варианты. Так, например, в силу обстоятельств АНС взялся — под специальным псевдонимом — писать для студии «Молдова-филм» историко-революционный сценарий «Трижды смертник» о бессарабском коммунисте-подпольщике Павле Ткаченко. Хотя к кругу интересов АНС эта тема отношения не имела, он старался выполнить работу предельно добросовестно, но добиться полного удовлетворения всех претензий студийных работников так и не удалось: после нескольких переделок сценарий был отвергнут (поздний его вариант включен в том 17 нашего Собрания).

Более интересным и близким к собственному творчеству Стругацких оказался написанный АНС в 1970 году сценарий «Гость из Полудня». Это своего рода инверсия истории Саула Репнина из «Попытки к бегству»: в окруженный карателями партизанский отряд попадает Женщина из будущего. (Полный текст можно прочитать в томе 16 данного Собрания, а небольшие фрагменты — найти в начале романа «Хромая судьба».)

Взаимоотношения Авторов с кино в эти и последующие годы БНС в интервью «Нам всегда хватало славы» («Коммерсант-daily», 1997, 16 октября) оценивал так: «Нам приходилось иметь дело с кино прежде всего потому, что в кино хорошо платили. Это было немаловажно, если учесть, что с 1970 по 1980 год у нас не вышло ни одной новой книжки. <...> Были два журнала, которые нас поддерживали несмотря ни на что. В Москве — «Знание — сила», в Ленинграде — «Аврора». Они нас спасали от голодной смерти и полной безвестности. Я загнал свою коллекцию марок и на эти деньги жил несколько лет. Аркадий был вынужден снова поступить на редакторскую работу. Да, главным источником дохода были, конечно, зарубежные издания. <...> Ну и, конечно, кино давало деньги. Было много попыток, много сценариев, которые писались, за них был получен аванс, но на этом дело кончалось».

В начале семидесятых писались сценарии, самые разные по форме и содержанию (то, что сохранилось, представлено в различных томах Собрания). Но к тому, чем Авторы действительно хотели бы заниматься, это имело мало отношения. Вот характерная запись в дневнике АНС от 7 мая 1971 года: «Настроение тупое и апатичное. Надобно что-то предпринять на предмет денег. Придется, видимо, писать все-таки сценарий, но не уверен, что выйдет. Сейчас дочитываю «Евангелие от Робеспьера» — очень нравится. Пожалуй, похоже на «Технологию власти»? Вот в

таким бы духе написать сценарий: смело, свободно, презрительно. Но я совершенно не владею кинематографическим языком, языком ситуаций. Но все же непременно попробую. Интересно даже в качестве лит<ературной> задачи. Но это не даст ни копейки. Необходимо что-то другое».

Это все, что следовало сказать в качестве преамбулы. Описываемые далее события и тексты имеют к истории создания сценария по ПНВС уже самое непосредственное отношение.

О том, что именно подтолкнуло Авторов к работе над сценарием по «Понедельнику», можно было бы рассказать в стилистике зачина «Сказки о Тройке» примерно так: «Эта история началась с того, что однажды сентябрьским днем, когда Аркадий Стругацкий отдыхал в Гагре, у него объявились...» Впрочем, в дневниковой записи АНС от 24 сентября 1971 года все было описано кратко и по-деловому: «Явились с киностудии Довженко Ивченко Борис Дмитриевич и Кульчицкая Татьяна Владимировна — режиссер и директор (сектора?) с предложением ставить ПНВС. От нас требуется заявка-либретто на 90 мин<ут> (70 стр<аниц> текста сценария) в трех частях: Изнакурнож, Выбегалло и магистры за работой. Я дал согласие, и они отправились в Ленинград».

В письме от 28 сентября АНС предупреждает брата: «К тебе, вероятно, уже заходили люди со студии Довженко. Что скажешь? Если ты согласен, пиши им заявку-либретто и отправляй. Все-таки аванс, да и впервые так — режиссер и директор, предварительно договорившись со студией, сами идут на поклон. Неужто не сделаем? Ведь сделаем, товарищи! Вот только когда?» А утром следующего дня в Гагру приходит телеграмма: «Были Ленинграде. Брат ждет либретто. Сценарий может быть до девяноста страниц. Борис Ивченко».

Даже находясь на отдыхе, АНС старался активно работать, одалживая пишущую машинку у кого-то из знакомых. Он немедленно стал обдумывать идею будущего сценария, видя его, как и повесть, «сборкой» из трех частей с более или менее самостоятельным внутренним сюжетом. Для двух частей предполагалось взять какие-то эпизоды из повести, третья предстояло написать заново. Ее идея изложена в дневнике АНС 1 октября: «Итак, третья часть сценария ПНВС: создание способа отъема времени у тех, у кого оно лишнее, и передачи тем, кому его не хватает. В финале: но нужно добиться того, чтобы времени не хватало всем, каждому человеку».

3 октября АНС отправляет брату отчет о состоявшейся неделю назад встрече: «Поговорили. Должен тебе сказать, они произвели на меня благоприятное впечатление. <...> В общем, я договорился, что до 1 ноября мы пришлем им заявку-либретто, а они организуют договорчик с соответствующим авансом. А там видно будет. Правда, я ожидал, что некую болванку либретто ты мне пришлешь в своем письме (в этом смысле мне говорил довженковец), но, видно, придется сочинять самому, а как — не вполне ясно. Вообще, это будет нелегкий труд — написать сценарий по ПНВС. Это тебе не ТББ. Сюжета нет. Действия практически нет. Одни разговоры. Так что думай и высылай соображения».

6 октября АНС отправляет соавтору проект заявки, содержащий не только общие представления о сюжете фильма, но и некоторые теоретические обоснования будущей работы, представляющиеся составителям существенными и потому приведенные полностью.

В Киевскую киностудию им. Довженко
от А. Стругацкого и Б. Стругацкого

ЗАЯВКА

Предлагаем заявку на полнометражный киносценарий по мотивам нашей повести-сказки «Понедельник начинается в субботу».

Насколько нам известно, прием включения сказочных (фантастических) элементов в сюжеты на современные темы неоднократно использовался как в советской, так и в мировой кинематографии. Достоинства такого приема налицо. Во-первых, кинопроизведение с элементами сказки (фантастики) приобретает более широкий обобщающий смысл, нежели ленты чисто реалистические (это, кстати, следует и из основополагающих постулатов современного литературоведения фантастики). Во-вторых, включение сказочных (фантастических) элементов усиливает эмоциональное звучание фильма — придает ему, в зависимости от замысла режиссера и сценариста, более мощное юмористическое или трагическое звучание. В-третьих, как это явствует из элементарной статистики зрительских мнений, фильмы со сказочными (фантастическими) сюжетами в среднем менее скучны, нежели реалистические. Наконец, есть еще одна сторона вопроса, в которой ровно заинтересованы создатели фильма: введение сказочного

(фантастического) элемента зачастую позволяет им не задерживать внимание зрителей на подробностях, которые в общем не имеют никакого значения для развития действия, но в реалистическом плане необходимы для понимания исходной ситуации сюжета. Пример: уэллсовский обыватель получает дар творить чудеса без всяких ссылок на телекинез и полтергейство, которые к замыслу автора никакого отношения не имеют, но потребовали бы длинных и скучных разъяснений.

Повесть-сказка «Понедельник начинается в субботу» создана на основе указанных принципов. Конкретное содержание современной науки в данном случае нас не интересовало — интересовало нас лицо современного научного сотрудника. Сказочный гротеск позволил нам объединить бесчисленные и сложнейшие разделы физики, химии, биологии в единую «науку» чародейства и волшебства, интуитивно понятную любому читателю и не требующую никаких реалистических обоснований. Это дало нам возможность сосредоточить все внимание на личностях в науке, на выявлении их типических черт, на определении их стремлений и интересов. Юмористические ситуации возникали сами собой — это определялось самим характером взаимодействия между «типичными представителями» героев нашего времени. (Заметим, что, если бы нашей задачей было бы, скажем, определение места и роли науки в истории новейшего времени, эмоциональная сторона этой сказки звучала бы совсем иначе.) Наконец, практика показала, что повесть имела большой успех у самой широкой читательской аудитории. Нам представляется (и мы знаем достаточно тому подтверждений), что, несмотря на явные различия в методологии искусства и литературы, указанные принципы имеют настолько общий характер, что являются для кино и литературы одинаково характерными.

Как и повесть, сценарий мыслится нам в трех тесно связанных друг с другом сюжетах. Содержание первого сюжета и второго сюжета строится на основе первых двух новелл повести — «Суета вокруг дивана» и «Суета сует». С третьим сюжетом дело обстоит иначе, но об этом ниже.

Итак, молодой научный работник Саша Привалов, программист ЭВМ, совершает туристический вояж (в повести это вояж по русскому Северу, в кино это может быть любым районом, скажем, Украины). По пути он встречается с сотрудниками НИИЧАВО (Научно-исследовательского института чародейства и волшебства) молодыми магами Романом Ойрой и Эдиком Амперяном. Институту позарез нужен квалифицированный программист, и маги решают переманить Сашу к себе. В городе Соловце, где расположен Институт, они помещают Сашу на ночлег в Избу на Курьих Ногах (памятник соловецкой старины и музей НИИЧАВО). Далее следуют (см<отри> повесть): знакомство со старой колдуньей Наиной Киевной, смотрительницей Избы; таинственная попытка украсть диван, на котором расположился Саша (диван является волшебным устройством для превращения действительности реальной в действительность сказочную); знакомство с котом Василием — певцом и сказочником; знакомство с говорящей щукой; приключение с неразменным пятаком; кража дивана и интервью со старыми магами Кристобалем Хунтой и Федором Симеоновичем, а также с опустившимся магом, пьяницей и бездельником Хомой Брутом; столкновение с похитителем дивана молодым магом Витькой Корнеевым; наконец, приключение с зам<естителем> директора по хоз<яйственной> части Модестом Матвеевичем и с проходимцем и очковтирателем профессором Выбегаллой. Заинтригованный и пораженный всем увиденным, Саша дает согласие поступить в НИИЧАВО.

Второй сюжет открывается сценами в Институте в канун Нового года. Маги неохотно оставляют дела и, понукаемые Модестом Матвеевичем, покидают лаборатории; вывешивается новогодняя стенгазета с эпиграммами в адрес Хомы Брута; Саша назначается дежурным по Институту, и тут выясняется, что как раз ночью должен завершиться очередной зверский эксперимент Выбегаллы по созданию модели «желудочно удовлетворенного человека» (опять же см<отри> повесть). Выбегалло оставляет для наблюдения за ходом эксперимента свою лаборантку Стеллочку и удаляется

пить водку. Стеллочка до смерти боится исхода этой истории и остается с Сашей (лирическая линия). Между тем Институт пустеет, Саша заболтался с хорошенькой ведьмой, а когда спохватился около полуночи, то обнаружил, что, вопреки строгому запрету Модеста Матвеевича, все сотрудники оставили праздничные столы и вернулись на работу: для истинного мага «понедельник начинается в субботу». Далее следует: модель «желудочного вурдалака» появляется на свет и начинает дико жрать; молодые маги пытаются нейтрализовать ее, но не могут — оказывается, ее построили для Выбегаллы, под давлением его шантажа и вымогательств, старые маги, а запрограммировал сам Саша; Выбегалло является в лабораторию в сопровождении двух ретивых журналистов и разводит демагогию относительно бессмертной ценности своего открытия; Федор Симеонович и Хунта пытаются образумить Выбегаллу, указывая на опасность, которая грозит Институту со стороны модели пожирателя; надвигается катастрофа, но Роман Ойра спасает положение, уничтожив модель бутылкой с заключенным в ней джинном. (Как эпизод, здесь будет дан образ старательного учено-неудачника, изобретателя брюк-невидимок: брюки то делают невидимыми только те части тела, которые прикрывают, то делаются сами невидимы, к великому смущению окружающих.)

Третий сюжет предстоит написать заново, соответствий ему в повести нет. Смысл его сводится к следующему. Магам — настоящим ученым — всегда не хватает времени, между тем как существует масса бездельников, у которых свободного времени в избытке, и они тратят его черт знает на что. Корнеев, Роман и Эдик с помощью Саши и пресловутого дивана разрабатывают способ изъятия времени у тех, кому оно не нужно, и передачи его тем, кто в нем нуждается. Первый опыт проводится на бездельнике и пьянице Хоме Бруте и его собутыльнике Х. М. Вие. Затем отбирается время от Выбегаллы, который занят бессмысленной возней с павианами. Успех полный, старые маги благосклонно аплодируют. Но что-то осталось в осадке, молодые маги испытывают чувство неудовлетворенности. Федор Симеонович указывает им, в чем дело: необходимо добиться того, чтобы не осталось в мире ни одного человека, которому бы хватало и не нужно было бы время. Это задача много сложнее, но ее нужно выполнить. Гром фанфар, маги светлеют и принимаются за дело. Конец.

В письме, содержащем проект заявки, АНС поясняет: «Исправь, подумай, попробуй поподробнее развернуть третий сюжет (если ты его считаешь подходящим, конечно). Затем напечатай в двух экзах, один подпиши и вышли Ивченке, а один спрячь в архив. Я не думаю, что сценарий будет писать так уж затруднительно. Разговоры — да, имеют место, но и не без действия, а главное — необычность антуража: Стеллочка на метле с велосипедным сиденьем, пылесос как дальнейшее развитие идеи летательных аппаратов и так дал<ее>». Заявку БНС подготовил (видимо, без существенных изменений) и 12 октября отправил в Киев.

В течение декабря Авторы ожидали выплату аванса, чтобы сразу же начать работу над сценарием. Характерная запись в дневнике АНС от 16 декабря: «Ох, надо скорее сваливать все дела и приниматься за сценарий ПНвС». Но позиция Авторы была неизменна: сначала аванс и лишь потом — начало работы. Любопытна запись в дневнике АНС от 17 декабря: «Послал телеграмму Ивченке: «Аванса нет вынуждены прекратить работу». На саботаж бухгалтерии ответим творческим террором». Впрочем, к началу января 1972 года вопрос с авансом благополучно решился, а к концу месяца режиссеру уже обещан готовый сценарий.

Начать совместную работу в Комарове Авторы предполагали в середине января. Именно так и произошло. Однако в архиве АБС в папке «Разные черновики» имеется еще одна сценарная заготовка, связанная с «Понедельником», а не с «Чародеями». Эти восемь страничек аккуратной машинописи, содержащие довольно близкую к исходному тексту сценарную адаптацию первой главы повести, по целому ряду существенных признаков не могли быть написаны Стругацкими ни в Комарове, ни позже. Следует предположить, что АНС решил сделать эту заготовку сам, до начала совместной работы над черновиком и более того — до выплаты аванса. Хотя прямых доказательств этому нет, в дневнике АНС от 26 декабря в списке того, что предстоит сделать в ближайшие дни, имеется пункт «12. Начать ПНвС!», где число 12 обведено кружком...

С «каноническим» началом ПНВС здесь не совпадают некоторые детали: появление Бегуна, введение Стеллочки вместо Ойры-Ойры, фрагмент диалога о том, что Саша работает в Пулковке на счетной станции (несомненный намек на БНС), передача ему песенки про «нормальных астрономов» (то же будет потом проделано в раннем черновике «Чародеев», но в ином контексте), Эдик Почкин вместо Володи Почкина (что сохранится и в полном сценарии по ПНВС)... Интересно отметить также, что бабка называет годом рождения Саши тридцать восьмой, как в повести, а не сорок шестой, как в совместном сценарии, действие которого уже сознательно приближено к началу семидесятых годов. Как бы то ни было, киносюжет развиваться в этом направлении не стал, а представленное ниже начало сценария осталось тупиковой ветвью — весьма, впрочем, любопытной.

Северный вечер, бледный и прозрачный.

Узкая дорога, засыпанная гравием, по сторонам — сосновый лес.

По дороге катится запыленный «Москвич».

За рулем «Москвича» — Саша Привалов, небритый, усталый, в гэдээровской курточке на «молниях». Он рассеянно мурлычет самодельную песенку на популярный мотив:

Мы не Декарты, не Ньютоны мы,
Для нас наука — темный лес
Чудес.
А мы нормальные астрономы — да!
Хватаем звездочки с небес...

Убегают назад сосны, проносятся полянки, заросшие осокой, округлые гранитные валуны.

В целях природы обуздания,
В целях рассеять неученья
Тьму
Берем картину мироздания — да!
И тупо смотрим, что к чему...

Саша вдруг замолкает, глаза его изумленно расширяются.

Впереди на дороге появляется нечто странное и жутковатое — Бегун. Это молодой парень в спортивной майке и трусах до колен, в мятой панаме, из-под которой торчат разлохмаченные волосы, в тяжелых футбольных бутсах. Прижав локти к бокам, вытаращив белые глаза, жадно хватая воздух разинутым ртом, он мчится навстречу «Москвичу». Спереди на промокшей от пота майке — четкие черные буквы: НИИЧАВО. Миг — и он с коротким шелестящим шумом проскакивает мимо машины и исчезает в облаках пыли.

Саша пытается разглядеть его в зеркальце заднего вида, затем пожимает плечами.

Дорога делает поворот, и Саша притормаживает.

У столба с указателем «Соловец, 15 км» стоят двое — молодой человек и девушка в брезентовых куртках и брюках, заправленных в резиновые сапоги, с тяжелыми рюкзаками на спинах. Молодой человек поднимает руку. Саша останавливает машину. Молодой человек просовывает в окно смуглое бородатое лицо и говорит, улыбаясь:

— Вы нас не подбросите до Соловца?

Девушка тоже улыбается, выглядывая из-за его плеча. На редкость хорошенькая девушка.

— Садитесь, — говорит Саша. — Один вперед, другой назад, а то у меня там барахло на заднем сиденье.

— Благодарю! — обрадованно произносит молодой человек.

Он помогает девушке освободиться от рюкзака. Саша открывает дверцу, и девушка садится рядом с ним. Молодой человек тоже снимает рюкзак, засовывает оба рюкзака на заднее сиденье, втискивается вслед за ними и пытается захлопнуть дверцу.

— Плащ подберите, — говорит Саша, глядя на него в зеркальце заднего вида. — У вас плащ защемляется.

Машина трогается.

— Вы ведь не местный? — спрашивает девушка.

— Нет, — говорит Саша. — Я из Ленинграда. Точнее, из Пулкова.

— Вы там работаете? — быстро спрашивает молодой человек.

— Да, программистом. На счетной станции.

— Колоссально! — восклицает молодой человек. — Шли по лесу и встретили программиста!

— Перст судьбы, — замечает девушка.

Саша недоуменно глядит на нее, затем переводит взгляд на зеркальце заднего вида.

— Давайте знакомиться, — деловито говорит молодой человек. — Это Стеллочка, а я — Эдик Почкин.

— Саша Привалов, — озадаченно отзывается Саша.

— Что вы здесь делаете, Саша? — спрашивает Стеллочка.

— Путешествую по собственным надобностям, — несколько чопорно отвечает Саша. — Я в отпуске.

— Слушайте, Саша, — говорит Эдик, — бросайте ваше Пулково и пошли к нам. Понимаете, нам позарез нужен программист.

— А что у вас есть?

— Что у нас есть? — спрашивает Стелла, поворачиваясь.

— Алдан-3, — говорит Эдик.

— Богатая машина, — говорит Саша. — И хорошо работает?

— Да как вам сказать...

— Понятно, — говорит Саша, усмехаясь.

— Собственно, ее еще не отладили, — поспешно говорит Эдик. — Оставайтесь у нас, отладите... А перевод мы вам в два счета оформим.

— А чем вы занимаетесь? — спрашивает Саша.

— Как и вся наука, — говорит Стелла. — Счастьем человеческим. Ну, договорились?

Саша искоса взглядывает на нее, и «Москвич» скатывается к обочине. Саша торопливо вертит руль.

— Я вижу, вам действительно очень нужен программист, — говорит он.

— Нам нужен не всякий программист, — возражает Стеллочка. — Нам нужен программист небалованный, доброволец, чтобы согласился жить в общежитии...

— На сто двадцать рублей, — подхватывает Эдик.

— Зато интереснее, чем у нас, вам нигде не будет, — заканчивает Стелла.

Саша пожимает плечами.

Лес расступается, «Москвич» переезжает через мостик и катит между картофельными полями.

— Где вы собираетесь ночевать? — спрашивает вдруг Эдик.

— В машине, наверное, — отвечает Саша. — В гостинице у вас, конечно, мест нет и не предвидится.

— Да, гостиница отпадает...

Стеллочка внимательно, прищурившись смотрит на Сашу. Затем говорит негромко:

— Он будет ночевать на Лукоморье.

— Правильно! — говорит Эдик. — Знакурнож! Это все решит.

— Да вы не беспокойтесь, — говорит Саша. — Переночую в машине, не первый раз...

— Вы переночуете в доме, Саша, — говорит негромко Стеллочка. — На относительно чистом белье. Должны же мы вас как-то отблагодарить...

— Не полтинник же вам совать, — говорит Эдик.

«Москвич» въезжает в город. Тянутся по сторонам улицы старинные крепкие заборы, мощные срубы из почерневших бревен, с неширокими окнами, с деревянными петушками на крышах, кирпичные строения с облупленными железными дверями.

— Следующий переулоч направо, — говорит Эдик.

«Москвич» сворачивает направо. Переулоч зарос травой, он узок и зажат между тяжелых старинных заборов.

— Стоп! — командует Эдик.

Саша тормозит.

— Теперь так, — говорит Эдик. — Вы меня подождите, а я пойду и все устрою.

— Может быть, все-таки не стоит... — бормочет Саша.

— Стоит, стоит. Стеллочка, держи его и никуда не отпускай.

Эдик вылезает из машины и, нагнувшись, протискивается в низкую калитку. Саша тоже вылезает и замирает, приоткрыв рот.

«Москвич» стоит перед чудовищными воротами, как в паровозном депо, на гигантских ржавых петлях.

На левой воротине — синяя солидная вывеска под толстым стеклом:

НИИЧАВО
ИЗБА НА КУРИНЫХ НОГАХ
ПАМЯТНИК
СОЛОВЕЦКОЙ СТАРИНЫ

На правой воротине — ржавая жестяная табличка: «Ул. Лукоморье, д. № 13, Н. К. Горыныч», и под нею — кусок фанеры с небрежной надписью чернилами: «КОТ НЕ РАБОТАЕТ. АДМИНИСТРАЦИЯ НИИЧАВО».

— Кот... — бормочет изумленный Саша. — НИИЧАВО... Научно-исследовательский институт... Чаво? То есть чего?

Стелла улыбается ему.

— Главное, не беспокойтесь, Саша, — воркующим голосом произносит она. — Тут у нас забавно, но все будет в полном порядке, вот увидите.

Саша вздрагивает и поднимает голову.

На воротах возится, пристраиваясь поудобнее, исполинский черный кот. Усевшись, он равнодушно смотрит сверху вниз на Сашу громадными глазищами.

— Кис-кис-кис... — машинально говорит Саша.

Кот разевает громадную зубастую пасть и издает сиплый горловой звук, после чего отворачивается. Голос Эдика произносит за забором:

— Василий, друг мой, разрешите вас побеспокоить...

Визжит засов. Кот поднимается и бесшумно спрыгивает во двор. Ворота тяжело и медленно распахиваются.

— Благодетель! — зовет Эдик. — Заезжайте!

Саша возвращается в машину и въезжает во двор. В глубине двора — дом из толстых бревен, а перед домом — приземистый необъятный дуб. Густая крона его заслоняет крышу. От ворот к дому ведет дорожка, выложенная каменными плитами.

Саша ставит машину в сторонке, выключает двигатель и вылезает. Стеллочка тоже вылезает и принимается вытаскивать рюкзаки с заднего сиденья.

— Вот вы и дома, — говорит она. — А вот и хозяйка! По здорову ли, баушка Наина свет Киевна!

Хозяйка медленно приближается по дорожке, опираясь на посох, волоча ноги в валенках с галошами. Ей лет за сто, лицо у нее темное, нос кривой и острый, а глаза

бледные и тусклые. Голова ее поверх черного пухового платка покрыта веселенькой капроновой косынкой с разноцветными изображениями Атомиума и с надписями на разных языках: «Международная выставка в Брюсселе».

— Таким вот образом, Наина Киевна, — говорит Эдик, подходя и вытирая ладони носовым платком. — Надо нашего нового сотрудника устроить на две ночи. Позвольте вам представить...

— А не надо, — говорит вдруг старуха, пристально рассматривая Сашу. — Сама вижу. Привалов Александр Иванович, одна тысяча девятьсот тридцать восьмой, мужской, русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет, а будет тебе, алмазный, дальняя дорога и интерес в казенном доме, а бояться тебе, брильянтовый, надо человека рыжего, недоброго, а позолоти ручку, яхонтовый...

— Гхм! — громко произносит Эдик, и бабка замолкает.

— Можно звать просто Сашей, — с запинкой произносит Саша.

— И где же я его положу? — осведомляется бабка.

— В запаснике, мы же договорились, — несколько раздраженно отвечает Эдик.

— А Модест этот, Камноедов, что скажет?

— Наина Киевна! — возмущенно восклицает Эдик и, схватив старуху под руку, тащит к дому. — Ведь мы же договорились!

— А ежели он чего-нибудь стибрит?

— Да тише вы! Это же программист, понимаете? Комсомолец! Ученый!

— А с диваном как? Как с диваном-та?

Саша стесненно поворачивается к Стеллочке. Стелла смеется.

— Неловко как-то, — говорит Саша.

— Не беспокойтесь, — отзывается Стеллочка. — Все будет отлично. Просто бабке нужна мзда, а у меня и у Эдика нет с собой наличных...

— Я заплачу... — уныло говорит Саша и оглядывается на свою машину, но тут к нему подходит Эдик, берет его за руку и говорит:

— Ну, все устроилось. Пошли.

Обогнув дуб, они подходят к заднему крыльцу. За обитой дерматином дверью оказывается просторная и чистенькая прихожая. В углу на полочке — телефонный аппарат из белой пластмассы, под ним кадушка с водой. Две двери — одна в туалет, другая в запасник.

Запасник — довольно обширная комната с одним оконцем, завешенным ситцевой занавеской. Мебели немного: массивный стол у окна, колченогий табурет, вешалка с какой-то рухлядью. И у голой бревенчатой стены — новенький широкий диван со светлой обивкой. Пол покрыт полосатыми половиками.

Старуха стоит посередине комнаты, сложив руки на животе и поджав губы.

— Располагайтесь и будьте как дома, — говорит Эдик.

— И расписочку сейчас же напишем, — скрипит старуха. — Так, мол, и так: принял, мол, то-то и то-то от такой-то, каковая сдала вышеуказанное нижеподписавшемуся...

Эдик садится за стол, достает блокнот и авторучку, а Саша отходит к окну, отдергивает занавеску и выглядывает.

За окном — дуб, и ничего, кроме дуба, не видно.

Саша смотрит на дуб, вполуха прислушиваясь к тому, что говорят у него за спиной.

— Скатерть, инвентарный номер двести сорок пять... — бубнит старуха.

— Вы еще каждую половицу перечислите!

— Стол обеденный...

— Окно тоже записывать?

— Порядок нужен... Диван...

Саша поворачивается и выходит из комнаты. Спускается с крыльца и подходит к Стелле, которая ждет, присев на один из рюкзаков.

— Ну что, все уладилось? — спрашивает Стелла.

— Кажется... — вяло отвечает Саша.

— Устали?

— Устал. Четырнадцать часов за рулем все-таки...

— Бедненький. Ничего, сейчас отдохнете.

Подходит Эдик.

— Ну вот, — говорит он, — формальности окончены. — Он машет растопыренными пальцами. — Мы устали, мы устали, наши пальчики писали. До завтра, Саша. Утром мы вас навестим.

— До свидания, Саша, — говорит Стелла, протягивая Саше руку.

— До свидания, — отвечает Саша. — Спасибо.

Он глядит, как Стеллочка и Эдик идут к воротам. Эдик, согнувшись, выбирается через калитку, Стеллочка оборачивается и машет Саше рукой.

— Желаю удачи! — кричит она и тоже исчезает в калитке.

Саша поворачивается и бредет обратно к дому. Судорожно зевает, трет глаза. На крыльце появляется Наина Киевна.

— Ну, чего делать станешь, батюшка? — спрашивает она.

— Ничего не стану делать, — отвечает Саша утомленно. — Я спать стану.

— И ложись, и спи... Денежки вот только заплати и спи.

Саша лезет за бумажником:

— Сколько с меня?

Старуха поднимает глаза к бледному небу:

— Рупь положим за помещение... Полтинничек за белье — мое оно, не казенное. Уже и постелила тебе, хоть счас ложись... За две ночи выходит три рубли... А сколько от щедрот накинешь — за беспокойство, значит, — я уж и не знаю.

Саша протягивает деньги.

— От щедрот пока рубль, — говорит он. — А там видно будет.

Старуха жадно хватается за деньги и удаляется.

Саша входит в запасник. Вредная старуха постелила на полу.

— Ну уж нет, — говорит Саша вслух, перетаскивает постель на диван и начинает раздеваться.

Уткнувшись носом в подушку, он натягивает на плечи простыню и мгновенно засыпает.

13 января Авторы встречаются в Комарове. В первый день приезда АНС записывает в дневнике: «Борис недоволен, что придется писать сценарий ПНвС, а не ГО. Но сейчас, кажется, смирился. Беседовали о сценарии, решили писать детективный сюжет о воровстве времени и об исчезновении профессора Выбегаллы». Со следующего дня начинается работа над черновиком. В рабочем дневнике фиксируются в том числе «бобслеи» — мелкие зрелищные вставки: восстановление сожженной книги, подключение Хунты к машине, омоложение Наины Киевны и так далее. 19 января появляется запись о завершении работы над черновиком на странице 51.

Сохранившаяся черновая рукопись не очень отличается от текста, опубликованного много позже в журнале «Уральский следопыт». О заголовке и добавленной уже для публикационных вариантов сноске про журнал «Огонек» подробно будет рассказано в конце раздела. Правка черновика достаточно невелика: отмечена не сделанная в машинописи отбивка эпизодов пустыми строками, выправлены опечатки, кое-где уточнены отдельные слова, редко — фразы. В очереди на распределение машинного времени сначала стоял дубль не Выбегаллы, а Почкина. Демонстрация выбегалловской модели происходила не на помосте, а на постаменте, кинопроектор показывал фильм «Волк и семеро козлят» без уточнения «на стене ангара», а в описании последствий этого эксперимента не было слов: «Особенно неистовствует Хома Брут в одной длинной рубахе до колен». В начале рукописи дописан и затем перечеркнут очевидный намек на известную песню Высоцкого: «ТИТРЫ. "Песня о несчастных лесных жителях"». В сцене с первым появлением Хома Брута на полях дописано и опять же вычеркнуто слово «гитара». Вычеркнутая дописка «Отлаживая машину, Саша с утра до вечера» имеется и рядом с началом второй части.

Готовый сценарий передается режиссеру. Тот работой доволен, но высказывает некоторые пожелания. АНС сообщает брату 5 февраля 1972 года о встрече с Ивченко: «Он упросил меня переписать сценарий в виде повести, а также добавить эпизодов и второстепенных деталей.

Насчет повести это он к тому, что читать будут люди, которые ПНВС не читали, так чтобы внутренние монологи и отношение героя к остальным персонажам видно было отчетливо. Забавно, что ему представляется, будто того, что мы сделали, на полнометражный фильм не хватит. Каково? Ладно, сейчас буду переписывать, я ему поднаую на полтора полнометражных». Судя по следующему письму АНС от 12 февраля, запрошенная переделка была выполнена: «В новом варианте сценарий имеет 73 стр., Ивченкой прочитан и весьма одобрен и завтра будет увезен в Киев». Поскольку в архиве Авторов подобный текст обнаружить не удалось, сказать о нем что-то более определенное нельзя.

О дальнейшей судьбе сценария многое рассказано в письмах АНС, написанных с февраля по май 1972 года и включенных в третий раздел данного тома. Здесь же ограничимся самыми существенными подробностями.

С конца февраля по начало марта АНС находился в Киеве. 5 марта он сообщает о принятии сценария «практически на ура в качестве первого» и о дальнейших переделках: «Самое крупное — переделать демагогию Выбегаллы из политической в научную, что я и сделал в течение двух дней. В те же два дня я внес еще одно исправление: Саша Привалов попадает в НИИЧАВО таки случайно, а не по назначению. И еще ввел несколько мелочей по предложению Ивченки. Я печатал, клеил и резал, вымазался клеем с ног до головы, изрезал бритвой пальцы, залил клеем весь номер в гостинице, но всё сделал в два дня». Результаты этой работы не сохранились, других источников информации об этом варианте сценария не существует.

Переделанным вариантом сценария на студии остались довольны. (АНС приводил мнение заместителя главного редактора: «Вот это уже идеальный сценарий, и, если нам не помешают, таким он и пройдет до конца».) Вскоре, однако, события приняли самый неприятный оборот. 22 марта со ссылкой на Б. Ивченко АНС сообщает брату, что «новый главный редактор студии, назначенный из директоров студии хроникальных и документальных фильмов, прочитав сценарий, долго тупо разглядывал его и сказал, наконец, что не понимает, кому нужна эта белиберда, являющаяся вдобавок клеветой на советскую науку; и тут же прибавил, что-де он вообще не понимает, зачем нужны комедии, когда все вокруг так серьезно». Далее сообщалось, что вот-вот «состоится редколлегия студии, на которой будет обсуждаться наш сценарий, положение угрожающее».

От поездки на заседание редколлегии знающие люди АНС отговорили, а брат ответил ему 25 марта, что в первую очередь следует добиваться выплаты сценаристам честно заработанных денег. Завершалось письмо выводом: «Ладно, впредь будем умнее. Хотите экранизировать? Ради бога! Покупайте право экранизации и — гуд бай! Только кто теперь захочет связываться со Стругацкими?»

В первой декаде мая 1972 года АНС все же пришлось еще раз съездить в Киев. Вернувшись, он сообщает 10 мая соавтору: «Все там застряло, ибо новый главный редактор, сопляк лет тридцати трех, бывший лейтенант из синих гусар, объявил, что сценарий ему не нравится, ибо: не понимает он, зачем и с какой целью это все накручено; не понимает, что это за жанр; считает, что сценарий художественно плох; понимает, что это есть издевательство над советской наукой. В ответ я сказал ему, что с такими способностями он меньше чем в год окончательно развалит вверенную ему студию, и откланялся».

После этого в течение нескольких месяцев Авторы пытались передать сценарий в первом его варианте в другую студию (например, «в экспериментальную студию в Москве к Чухраю»). Осенью высказывается и тут же отвергается идея предложить ПНВС Алексею Герману, ибо, как отмечает БНС в письме брату от 2 ноября, «сейчас сочетание Герман—Стругацкие может привести только к приступу падучей у начальства». Но никаких результатов не удалось достичь ни на «Мосфильме», ни на «Ленфильме».

Однако у некоторых фрагментов сценария был в какой-то момент шанс превратиться даже не в фильм, а в новую повесть Стругацких! В середине семидесятых, когда выход книг был АБС жизненно необходим, а возможности для этого — крайне ограничены, рассматривался вопрос о переиздании в Детгизе «Понедельника» вкупе с еще какой-то «проходимой» повестью. В сохранившемся черновике заявки от 21 января 1975 года говорилось:

Предлагаем Издательству включить в редакционные планы наш авторский сборник в составе двух сказочных повестей: «ПНВС» (10 а<вторских> л<истов>, переиздание) и «Высокие договаривающиеся стороны» (назв<ание> условное, 5 а<вторских> л<истов>, новая повесть). <...> Новая повесть-сказка ВДС задумана как продолжение ПНВС. Читатель снова встретится в ней с творцом линейного человеческого счастья Федором Симеоновичем, неутомимым искателем смысла жизни Кристобалем Хунтой, с простодушным заведующим выч<ислительного> центра Сашей Приваловым и его друзьями магистрами Романом Ойра-Ойра, Эдиком Амперяном и Витькой Корнеевым. На

этот раз им выпадет на долю организация и проведение на самом высоком дипломатическом уровне контакта с представителями аналогичного института другого мира на предмет разработки грандиозного плана устройства счастья не только отдельных планет, но и всей видимой Вселенной. В процессе контакта возникает масса смешных и странных ситуаций, но в конце концов высокие договаривающиеся стороны приходят к полному единству взглядов, ибо задачи и цели Разума едины во Вселенной.

В тот же день в дневнике АНС сказано: «Сегодня написали и отослали заявку Берковой на ПНвС + новое. Сначала (и послали) повесть «Высокие договаривающиеся стороны». А пока ходили на почту — решили «Исчезновение профессора Выбегаллы». Про Корнеева, ворующего время». Позже в записи рабочего дневника от 9 апреля 1975 года упоминается обсуждение продолжения ПНвС с некоторыми набросками к будущему сюжету; например, «Кража энергии (загрязнение океана — Витькина работа)». Но новая задумка, похоже, Авторов не увлекла, так что при ближайшей возможности состав сборника был пересмотрен — второй повестью стал «Парень из преисподней», в таком виде книга и вышла в 1979 году.

Да, «Понедельник» как источник продолжений или переработок рассматривался не раз — и не только для кино. Встречаясь с читателями в 1985 году в Саратове, АНС говорил: «У нас периодически возникает желание написать третью часть. Было много идей, написать хотелось бы, но все время это перебивалось какими-то другими стремлениями. А был, например, такой замысел: Привалов — дипломат, которого его друзья-волшебники выдвигают для ведения переговоров с нечистой силой... и тому подобное. Но, понимаете, «Понедельник начинается в субботу» писался в другую эпоху: и мы были моложе, и надежды излишние мы возлагали на научного работника. Но научный работник не оправдал наших надежд, он оказался таким же, как и все, ничуть не лучше. Так что возвращаться к бесшабашному веселью «Понедельника...» мы уже не сможем. Хотя технически мы могли бы написать вещь и, может быть, сильнее «Сказки о Тройке» с «Понедельником...», увы, не тот возраст. Слишком много пережито, слишком много понято...»

Что касается попытки воплотить на экране написанный в январе 1972 года сценарий, то она так никогда и не была реализована, хотя идеи экранизации ПНвС периодически возникали вновь и вновь. БНС сообщает 9 июня 1974 года: «Вышел на меня кинорежиссер Татарский. Он договорился в «Ленфильме», что там подпишут с нами договор на телефильм в духе новогодней сказки. Я предложил ему ПНвС. Он в восторге ухватился». Впрочем, через месяц сообщается, что идею «все-таки зарубили на самом верху». В свою очередь, АНС пишет 22 сентября 1974 года о режиссере Ю. Борецком: «Жаждет снять фильм по «Парню» и затем, если все сойдет удачно, по ПНвС, относительно чего у него уже есть предварительная договоренность с дирекцией Одесской студии». Еще через год намечается новая возможность, и в письме от 2 октября 1975 года АНС сообщает брату: «В воскресенье встречаюсь с Катасоновым, редактором Центрального телевидения. Он требует у меня заявку на инсценировку. Хочу предложить ему Малыша и ПНвС. Серий на шесть. А?»

У этой беседы полгода спустя было интересное продолжение. В письме АНС от 5 апреля 1976 года говорится: «Звонил Катасонов из ЦТ, предлагал свести с режиссером, который жаждет ставить ПНвС. Это серьезный мужик, он поставил восхитительный телефильм «Буратино» и сейчас весьма в фаворе (телефильм шел по Союзу уже три раза за четыре месяца, и конца этому не видно)». В дневнике АНС есть запись, что 7 апреля он «встретился с Катасоновым по поводу Нечаева — перспективный режиссер для ПНвС для ЦТ». БНС отвечает 9 апреля 1976 года: «Экранизацию ПНвС серьезным мужиком, поставившим «Буратино», всячески поддерживаю. Сценарий, кажется, у тебя, так что — действуй». Л. Нечаев в те годы приобрел заслуженную репутацию одного из лучших советских детских кинорежиссеров, и можно предположить, что такое сотрудничество было бы интересным, но никаких дальнейших упоминаний даже о том, состоялись ли переговоры с режиссером, не обнаруживается.

С 1976 года в письмах и дневниках Авторов все чаще упоминается другой режиссер — Константин Бромберг, проявивший большую заинтересованность в работе со Стругацкими. Сначала речь шла о фильме «Воспитатели» по «Злоумышленникам», позже появились другие замыслы, включая и экранизацию ПНвС. В январе 1977 года идея новогодней комедии «Веселые волшебники» обсуждалась с К. Бромбергом в общем виде, а в апреле он настаивал, что пора переходить к практическим действиям. Ближайшим результатом этого стала аннотация будущей комедии. АНС изложил ее достаточно обтекаемо, чтобы заранее не загонять Авторов и режиссера в жесткие сюжетные рамки. Название будущего фильма пока определено примерно, но появления ключевого слова «чародеи» оставалось ждать недолго.

АННОТАЦИЯ

Трехсерийный телевизионный фильм «Веселые волшебники» по мотивам повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» представляет собой по жанру современную фантастическую сказку. В нем рассказывается о необыкновенных приключениях научных сотрудников Института чародейства и волшебства. Это наши современники и соотечественники, волшебники нашей бурной эпохи НТР, молодой и веселый народ. Они живут и работают в странном и красочном мире античного и русского фольклора, и их друзьями, противниками, а иногда и объектами их деятельности выступают сказочные персонажи, созданные воображением человечества на протяжении всей его истории.

12.04.77

Иногда приходилось слышать от разных людей такой недоуменный вопрос: почему Авторы, располагая «Понедельником», где даже действие одной из частей происходит именно под Новый год, взялись придумывать совершенно другой сюжет, столь мало связанный с прежним? Что касается самих Стругацких, речь о вынужденном пересмотре ими некоторых прежних взглядов (включая отношение к научному работнику как к «хомо новус») уже шла. Кроме того, существовали вполне сложившиеся представления телевизионного начальства о том, какой должна быть предновогодняя постановка и какой ей быть ни в коем случае не следует. Да и времена менялись далеко не в лучшую сторону: многое из того, что признавалось допустимым в фантастической книге десять лет назад, легко могло быть воспринято как крамола в фильме второй половины семидесятых, а прежние обвинения в издевательствах над советской наукой Авторы хорошо помнили. Кроме того, можно задуматься, насколько массовому зрителю, особенно не читавшему ПНВС вовсе, а к телеэкрану пришедшему отдохнуть и получить удовольствие, пришелся бы по душе сюжет о том, что любимая работа — даже в праздники — много лучше бездумного развлечения (что, между прочим, подчеркивалось и самим названием произведения)...

18 апреля АНС встретился с главным редактором объединения «Экран» Грошевым и записал в дневнике: «Договорились, что подам рецензию на новогоднюю передачу в 2 сериях «Веселые Чародеи». Комиссия на прием умклайдета, сперли, похождения с поисками». Под рецензией в данном случае подразумевается заявка, черновик которой сохранился. В текст вносилась в несколько заходов обширная правка, которая далее почти вся учтена (кроме дописки «волшебное бревно», которая не увязана с имеющимся текстом). Полной ясности с количеством серий сначала не было (слово «двухсерийную» было исправлено на «трехсерийную», но потом возвращено к прежнему виду), а прямая отсылка к ПНВС сменилась более обтекаемой формулировкой. Многих важных деталей нет еще в помине, но приемка волшебной палочки под Новый год, некто, принимаемый за академика, и бесталанный колдун, помогающий любви красивой ведьмы, в заявке уже появились...

В объединение «Экран»
от Стругацкого А. Н. и
Стругацкого Б. Н.

20 апреля 1977 года

ЗАЯВКА

Предлагаем заявку на двухсерийную музыкальную комедию-сказку «Веселые чародеи».

Антураж предлагаемой комедии мы намерены заимствовать из сюжетных положений, которые мы использовали в своем лит. творчестве. Где-то на севере, в древнем русском городе, основанном первыми поморами, существует Институт чародейства и волшебства. В нем работают наши соотечественники и современники, чародеи и волшебники нашего времени, молодой и веселый народ. Они живут и трудятся в странном и красочном мире русского и античного фольклора, их друзья, помощники, а иногда и противники — персонажи народных сказок и древних мифов.

Форму музыкальной комедии мы избираем не случайно. Как известно, народные представления о волшебных мирах и самих актах чародейства издревле были связаны с

музыкой. Нам представляется, что песни и танцы с хорошим музыкальным сопровождением будут как нельзя лучше соответствовать стилистике комедийного действия в избранной нами сказочно-современной ситуации.

По сюжету мы относим предлагаемую комедию к комедии ошибок. В Институте чародейства и волшебства впервые создана портативная волшебная палочка. В «рабочее состояние» она вступает ровно в полночь новогодней ночи. Принимать это новое детище института должна компания из трех академиков, но комиссия из-за пурги застревает на аэродроме, а институтские работники принимают за нее прибывших на автобусе двух снабженцев, выдающих себя за академиков, и молодого инженера-программиста, направленного на работу в институт. Между тем волшебную палочку крадет бесталанный, но честолюбивый колдун, который для любви к молодой красивой ведьме, одной из лаборанток института, подменяет ее фальшивкой, муляжом. Цепь недоразумений приводит к тому, что волшебная палочка попадает к инженеру-программисту, который, естественно, понятия не имеет о ее волшебных свойствах. Такова завязка сюжета.

Далее сюжет развивается через десятки разнообразных фантастических комедийных сцен, развертывающихся в новогоднюю ночь, в ходе которых не без труда выясняется, кто есть кто, волшебная палочка возвращается в институт и все заканчивается торжеством положительных героев и осмеянием тщеславия и корыстолюбия героев отрицательных.

Сценарий может быть представлен в объединение через 4–5 месяцев после подписания договора.

Заявка была передана через К. Бромберга по назначению, а через несколько месяцев последовали первые результаты — вполне благоприятные.

Осенью 1977 года в дневнике АНС появилось несколько записей, которые хочется здесь привести просто в порядке следования, чтобы передать тогдашние умонастроения Авторов и еще раз напомнить, в какой обстановке шла их работа над этим и другими сценариями. Две записи сдержанно-оптимистичны и внешне никак не связаны с третьей, полной горькой безнадежности. 13 сентября: «Звонил Костя Бромберг. <...> Сообщил, что «Веселые чародеи» включены в перспективный план». 28 октября: «Приезжал Костя Бромберг, привозил на подпись договор с «Экраном» (ЦТ) на мюзикл «Чародеи» в 2 сериях по ПНВС, исполнение к июлю 78-го г. Предупредил, что надлежит еще получить полтора десятка виз». 27 ноября: «Вчера много болтали с Борисом. Впервые обсуждалась возможность реалистического произведения. <...> Обсуждение, естественно, последствий не имело. Зато вчера же были поставлены точки над Ё. Вслух было признано <...>, что мы потерпели поражение, жизнь кончилась, началось существование, которое надлежит приносить к условиям победы серости и своекорыстия. Единственное, что нельзя делать, — это принимать причастие буйвола. Во-первых, это мерзко. Во-вторых, не поможет». (Иначе говоря, неприемлемым был и оставался добровольный переход на сторону «негодяев, жлобов и дураков» — по позднему определению БНС из «Комментариев к пройденному».)

А пока надо было думать о дальнейшей работе, по необходимости связанной на ближайшие годы в основном с кино и телевидением. Собственно говоря, из всего написанного Стругацкими за вторую половину семидесятых к кино не имел никакого отношения только «Жук в муравейнике»...

С будущим мюзиклом возникла неожиданная проблема. Вообще говоря, БНС и до той поры, и впоследствии принимал во всякого рода сценарной работе самое активное участие — и вместе с братом, и один, и с другими соавторами. Да и первый вариант сценария по ПНВС являлся — без всяких оговорок — результатом совместного труда Авторов. Однако когда АНС в октябре 1977 года сообщил о скором заключении договора с телевидением на мюзикомедию по ПНВС, то получил ответ: «А как мы с тобой будем писать мюзикомедию? Ты умеешь? Я — нет. Хорошо бы получить соавтора с возложением на него основных обязанностей». После подписания договора АНС проинформировал об этом брата 25 декабря: «Дело ответственное. Думай». На это 2 января 1978 года последовало: «По поводу мюзикла я, разумеется, готов думать, но хорошо было бы предварительно поговорить с режиссером и получить от него ЦУ. А то я как-то даже и не знаю, над чем, собственно, думать».

Далее было решено, что упомянутые выше «основные обязанности» по «Чародеям» возьмет на себя АНС. Подобные случаи в практике Авторов, когда сценаристами числились они оба, а активную работу вел кто-то один, довольно обычны. Поэтому читателю не следует удивляться, что в последующей части истории «Чародеев» один из братьев Стругацких будет появляться гораздо чаще, чем другой.

В начале 1978 года за сценарий мюзикла был выплачен аванс, а 14 февраля 1978 года АНС записывает в дневнике о визите Бромберга: «Он привез подписанный договор. Наше дело представить рукопись мюзикла к августу, чтобы дать Косте возможность закончить с Велтистовым». 6 мая АНС записывает в дневнике «Выстроилась линия для мюзикла», а 21 мая «К писанию же сценария я уже приступил: начертил довольно подробный план».

К 15 июля 1978 года, согласно дневнику АНС, было готово 36 страниц черновика — вся первая серия. Этот материал сохранился и далее приводится полностью. Позднейшая рукописная правка учтена, в ряде случаев в комментариях составителей описано первоначальное состояние текста.

ПРОЛОГ

Бескрайняя заснеженная равнина. Воеет свирепая вьюга, несет массы снеговых туч. Слабые разноцветные отсветы полярного сияния озаряют дрожащими бликами эту снежную вакханалию.

Торчит из сугроба слегка покосившийся полосатый шест, похожий на старинный верстовой столб. На шесте укреплен помятый металлический щит, на нем надпись «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС», под которой изображена стрела, указывающая вниз.

У подножья шеста прямо в сугробе сидит ПАНУРГ — небольшой бодрый человечек, утопающий в огромной мохнатой шубе. На голове его меховой колпачок, увешанный бубенчиками. Бубенчики под порывами вьюги заливаются малиновым звоном.

Панург поднимается, прикрывая раскрасневшуюся физиономию рукой в меховой рукавице, кланяется зрителям и произносит:

— Здравствуйте. Позвольте представиться: я — Панург, друг и собутыльник великого Пантагрюэля сына Гаргантюа внука Грангузье. Дорогие телезрители! Сейчас вы увидите музыкальную комедию «Веселые чародеи». В ней рассказывается о том, что произойдет в новогоднюю ночь в приполярном городе Соловце в Научно-исследовательском институте чародейства и волшебства, сокращенно — НИИЧАВО... Да-да, я не оговорился: не произошло, а именно произойдет. Произойдет, когда вы будете сидеть за праздничными столами и слушать бой московских курантов. Ну-с, а мне поручено ввести вас в курс этих не совсем обычных событий и представить вам главных действующих лиц... Прошу внимания!

Кабинет ученого. Стены заставлены стеллажами, стеллажи битком набиты книгами и папками. Письменный стол, заваленный книгами и бумагами. Боком к столу во вращающемся кресле восседает благообразный старик в толстом парчовом халате. Левая нога его, закутанная в несколько шалей, вытянута и лежит на подставленном стуле. Старик говорит по телефону.

ГОЛОС ПАНУРГА: Это Дюрандаль Хоттабович Кувшин, академик, крупный специалист по черной, белой и пестрой магии.

КУВШИН (в телефон): Ну что я могу поделать, голубчик? Подагра разыгралась, ступить не в состоянии...

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ (плачуще): Ну как же так, Дюрандаль Хоттабович? Вас же там ждут... Вы же единственный специалист...

Кувшин оглядывается на окно. За окном метет пурга.

КУВШИН (сердито): Вы посмотрите, что у нас здесь в Москве делается! Я до вокзала не доберусь, не то что в этот Соловец...

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ: Мы уже телеграмму дали о вашем приезде...

КУВШИН (яростно): Так дайте еще одну — что я не приеду!

Он с треском бросает трубку.

Северный полюс. Панург, прикрываясь от вьюги, говорит:

— Дело в том, что в лабораториях НИИЧАВО сконструирована первая в новой истории человечества волшебная палочка. Она начнет действовать за четыре часа до Нового года, ровно в двадцать ноль-ноль тридцать первого декабря. Наш маститый академик должен был возглавить приемную комиссию, но, как видите... — Панург

разводит руками. — Впрочем, в нашей комедии он больше не появится, а для нас важно то, что он вынужден был отказаться от поездки в Соловец в самую последнюю минуту... Ну-с, продолжим.

Первоначально в черновике было сказано про палочку: «Она начнет действовать за два часа до Нового года, ровно в двадцать два ноль-ноль тридцать первого декабря».

НИИЧАВО. Бесконечный сводчатый коридор. Справа — двери в кабинеты и лаборатории, слева — окна. За окнами — полярная тьма и пурга.

По коридору, звонко стуча каблучками по каменным плитам, легко и быстро идет хорошенькая девушка в белом халатике, туго перетянутом в талии. Одна рука засунута в карман халатика, в другой у нее лист бумаги.

ГОЛОС ПАНУРГА: Это Светлана, Светочка, Светка, сотрудница отдела Смысла Жизни НИИЧАВО, талантливая ведьма, классный специалист...

Светлана останавливается перед дверью. На двери дощечка с надписью «Зав. отделом Смысла Жизни. Доктор черной магии. Трудослав Ингваревич Беломор». Светлана стучит, открывает дверь и входит в кабинет.

Помещение кабинета погружено большей частью во тьму, поэтому судить о его размерах трудно. Лампа на столе освещает только бумаги и руки хозяина кабинета, и еще светятся в сумраке его глаза за толстыми стеклами очков. Светлана подходит к столу, протягивает бумагу.

ГОЛОС ПАНУРГА: Да, совершенно верно, вы уже догадались, дорогие телезрители. Это именно он и есть — заведующий отделом Смысла Жизни и Светланин начальник Трудослав Ингваревич Беломор...

БЕЛОМОР: Ничего не получится, Светлана. Отпустить я вас не могу.

СВЕТЛАНА: Но почему, Трудослав Ингваревич? Вы же обещали...

БЕЛОМОР: Обещал, когда мог. Сейчас обстоятельства изменились.

СВЕТЛАНА: Всего на десять дней, он же меня ждет!

БЕЛОМОР: Кто ждет?

СВЕТЛАНА: Мой жених...

БЕЛОМОР: Подождет. А вам сейчас задание...

СВЕТЛАНА: Не желаю я никаких ваших заданий!

БЕЛОМОР: Светлана!

СВЕТЛАНА: Вот вам и Светлана! Если так, то я увольняюсь! Вот!

БЕЛОМОР: Светлана, не выводите меня из себя!

СВЕТЛАНА: Это как вам угодно... А я сию же минуту выезжаю в Москву!

БЕЛОМОР: Никуда вы не уедете!

СВЕТЛАНА: Уеду! Не имеете права!

Беломор выходит из себя. Покинув свой образ за столом, он надвигается на девушку, огромный, темный, страшный. Светлана втягивает голову в плечи, зажмуривается, но храбро кричит:

— Уеду! Уеду! Уеду!

Беломор возвращается в себя и неожиданно спокойно произносит:

— Ну, вы сами этого хотели, Светлана.

Он щелкает пальцами. Ослепительная вспышка, глухой удар грома. Светлана замирает с приоткрытым ртом, затем руки ее бессильно падают, голова поникает, плечи опускаются. Она вяло шепчет:

— Внимание и повиновение...

— Ступайте к себе, — приказывает Беломор.

Светлана поворачивается и послушно выходит. Беломор раздраженно барабанит пальцами по столу, ворчит:

— Погорячился... Черт меня дернул... Куда она мне такая нужна? Разве что в самодеятельность... А ведь это идея! Теперь хоть этот старый дурак от меня отстанет... — Рука Беломора тянется к телефону. — Алло! Соедините меня с Камноедовым!

Северный полюс. Панург, зябко кутаясь в шубу, говорит:

— Не беспокойтесь, дорогие телезрители. Обычный маленький конфликт начальника с подчиненным. Конечно, о вкусах не спорят, но, по-моему, лучше заколдовать подчиненного, чем орать на него, топтать ногами и лишать премиальных... Жаль, конечно, что долгожданное свидание Светланы с женихом теперь откладывается... А впрочем... Давайте взглянем на жениха. Внимание!

Машинный зал одного из вычислительных центров в Москве. Мигают индикаторные лампочки, тускло отсвечивают лакированные поверхности, бешено вращаются бобины с магнитными лентами. Между громоздкими шкапами пробирается молодой человек приятной наружности, в очках, в белом халате внакидку поверх вязаного свитера.

ГОЛОС ПАНУРГА: Вот он, жених Светланы. Рекомендую: Александр Привалов, он же Саша, Сашка, Сашенька. Инженер-программист...

Саша Привалов приближается к столу, за которым восседает его начальство, стесненно говорит, поправляя очки:

— Николай Иванович, так я завтра не приду?..

Николай Иванович ошалело вскидывает голову:

— Что? Как? Почему не придешь?

САША (стесненно улыбаясь): Невеста приезжает... я говорил вам...

НАЧАЛЬНИК: А... Ну да, разумеется... Хорошо, Саша. Желаю счастья.

САША: Спасибо, Николай Иванович...

НАЧАЛЬНИК: Не за что... Постой! Так это, выходит, ты женишься?

САША: Да, Николай Иванович...

НАЧАЛЬНИК: Надо же... Ну что ж... Пора, пора. Ступай, брат. Постой, а какова невеста? Хороша ли?

САША: Хороша, Николай Иванович.

НАЧАЛЬНИК: А кто она у тебя?

САША: Ведьма, Николай Иванович...

НАЧАЛЬНИК: Доброе дело, хорошее дело. Ну, ни пуха ни пера...

САША: С наступающим вас, Николай Иванович...

НАЧАЛЬНИК: Тебя тоже...

Северный полюс.

ПАНУРГ: Как видите, дорогие телезрители, в Москве еще не знают, что произошло в Соловце... Впрочем, естественно, в Соловце тоже еще не знают, что произошло в Москве... Вернемся в Соловец.

По сводчатому коридору НИИЧАВО семенит, неловко обнимая лапками огромный бумажный рулон, маленький домовой. Он сворачивает к обитой дерматином двери, на которой красуется дощечка с надписью: «Зам. директора института по АХЧ Модест Матвеевич Камноедов». Домовой с усилием проходит сквозь дверь и останавливается за порогом.

Камноедов сначала именуется в черновике сценария Модестом Модестовичем, позже отчество рукописно заменено правильным. Здесь и далее в публикации дается сразу верное написание — Модест Матвеевич.

Обычный кабинет административного деятеля средней руки. Обширный письменный стол с тремя телефонами, сейф в углу, два мягких кресла перед столом и ряд стульев у стены. Окна задернуты портьерами.

За столом сидит полный мужчина с бульдожьей физиономией и совершенно без шеи. В одном из кресел перед ним развалился моложавый старец в толстовке и широких

брюках, заправленных в валенки. У старца растрепанная широкая борода, сивые волосы начесаны на уши, на носу — пенсне.

ГОЛОС ПАНУРГА: Вот еще два героя нашей музыкальной комедии. За столом, как вы, вероятно, сами догадались, занимает свой командный пост заместитель директора НИИЧАВО по административно-хозяйственной части Модест Матвеевич Камноедов. Он сейчас беседует с заведующим отделом. Имя же ему — Выбегалло Амвросий Амбруазович...

ВЫБЕГАЛЛО: И кто же приедет из столицы, Модест Матвеевич?

КАМНОЕДОВ: Академик. Товарищ Кувшин.

ВЫБЕГАЛЛО: Так-так, интересно... А в каком облике пожалует?

КАМНОЕДОВ: Неизвестно.

ВЫБЕГАЛЛО: Так-так... А вдруг он того... инкогнито?

КАМНОЕДОВ: Ин-ког-ни-то? Знаю. Читал. Товарища Гоголя сочинение. В кино отражен. Это ничего. У нас все готово. Новогодний концерт, товарищеское застолье, номер в гостинице.

ВЫБЕГАЛЛО: Вот именно, Модест Матвеевич. Именно концерт! Именно застолье!

КАМНОЕДОВ: И номер в гостинице хороший.

ВЫБЕГАЛЛО: Вот-вот, и номер тоже... А всякие там волшебные палочки, всякие открытия, эксперименты... ну, кому это интересно, Модест Матвеевич? Этого добра и в Москве много!

КАМНОЕДОВ: Волшебные палочки тоже нужны народу.

ВЫБЕГАЛЛО: Да кто спорит? Конечно, и волшебные палочки тоже... Но ведь в чем наш долг, Модест Матвеевич, если разобраться? Наш долг — это долг перед общественностью, не правда ли? Например, наш новогодний концерт. Стопроцентный охват! Шутка ли? Такой самодеятельности и в столице не найдешь!

КАМНОЕДОВ: И застолье. Осетрина. И икра.

ВЫБЕГАЛЛО: И икра! Вот видите, Модест Матвеевич!

Домовой у порога деликатно кашляет. Камноедов величественно глядит на него.

— Чего тебе?

ДОМОВОЙ (пищит): Из отдела Смысла Жизни... для концерта... программа... велено передать...

КАМНОЕДОВ: Давай сюда.

Домовой робко подбегает, протягивает рулон. Камноедов берет рулон.

— Пошел...

Домовой убегает сквозь стену. Камноедов разворачивает рулон. На обширном квадрате ватмана художественно выведено: «Трудослав Беломор с трупной дрессированных привидений: псы-рыцари, святая инквизиция, черная сотня, а также — призраки будущего».

ВЫБЕГАЛЛО: И вечно он с фокусами. Ну зачем это нужно — привидения, призраки... Почему не наше что-нибудь, не близкое... Хоровод, например. Или... это... «А мы просто сеяли, сеяли...»

КАМНОЕДОВ: В народе поют не «просто», а «просо»...

ВЫБЕГАЛЛО: Вот-вот, я и говорю — просто. Просто надо! Без всяких этих...

КАМНОЕДОВ: Ладно... (Сворачивает рулон.) Посмотрим, что у него там за псы-инквизиторы... В общем и целом с концертом у нас все в порядке...

ВЫБЕГАЛЛО (восторженно): Блеснем, Модест Матвеевич! А ведь всё вы, ваши труды, ваши старания!..

КАМНОЕДОВ (сурово): Старается вся общественность, товарищ Выбегалло!

ВЫБЕГАЛЛО: Вот-вот, я и говорю...

Северный полюс.

ПАНУРГ: Итак, насчет самодеятельности в НИИЧАВО можно быть спокойным. Особенно, если принять во внимание, что в концерте примет участие и бедная Светлана... Ну-с, дальше.

Кабинет заведующего отделом Линейного Счастья — обширное помещение, залитое светом дневных ламп. Часть кабинета занята причудливым сооружением из стекла и металла, в нем что-то переливается, испаряется, стекает прозрачными разноцветными каплями. На диванчике у стены сидят двое. Одного мы уже знаем — это Трудослав Ингваревич Беломор, он в джемпере, при галстукке, длинные ноги облачены в изящные узкие брюки и сверкающие штилеты. Беломор угрюм и нахочлен, с брезгливым видом курит сигару. Рядом с ним сидит пожилой добродушный дядька в белом халате и белой докторской шапочке, с холеной раздвоенной бородкой.

В верхней части следующей страницы рукописно указана дата: 9.06.78.

ГОЛОС ПАНУРГА: Как видите, Трудослав Ингваревич Беломор зашел побеседовать к своему старому другу Федору Симеоновичу Киврину, заведующему отделом Линейного Счастья... отвести душу, так сказать... Ну-ка, что у них там получается?

КИВРИН (качая головой): Нехорошо, нехорошо, Трудослав. Заколдовать такую славную девочку! И когда? В канун Нового года! И за что? За то, что она с женихом хотела встретиться! Нехорошо...

БЕЛОМОР (мрачно): Сам знаю, что нехорошо... Но уж очень она меня рассердила...

КИВРИН: Рассердила? Чуть... Ты просто стал ужасно нетерпим, друг мой. И расколдовать никак не смог бы?

БЕЛОМОР (мрачно качает головой): Большое Черное Колдовство. На один лунный месяц.

КИВРИН: Большое Черное... Позволь, однако, Трудослав, ведь существует отменный способ...

БЕЛОМОР: Да, да, поцелуй влюбленного. Конечно, если ее поцелует любящий ее молодой человек... на худой конец, и не очень молодой... чары спадут...

КИВРИН: Чего же проще!

БЕЛОМОР: Во-первых, где найти этого самого... влюбленного... Во-вторых, как он теперь ее найдет, чтобы поцеловать? Я и сам, признаться, не нашел бы...

КИВРИН: Так где же она? Куда ты ее задевал?

БЕЛОМОР (виновато): Да засунул сгоряча в толпу своих привидений... которые для самодеятельности... Она там теперь как спичка в коробке, нипочем ее не различишь... А, все равно, где влюбленного найти?

КИВРИН: Гм... Мне всегда казалось, однако, что в Светлану все наши мальчики влюблены... Такая она, понимаешь ли... гм...

БЕЛОМОР (грозит пальцем): Но-но-но-но! Федор! Старик! И ты туда же.

Киврин слегка конфузится. Пауза. Затем Киврин со вздохом поднимается, достает из шкафчика бутылку с этикеткой «Эликсир Блаженства», наполняет две мензурки и протягивает одну Беломору. Оба выпивают, кричат.

КИВРИН (в открытую дверь своей лаборатории): Кто там, свежих огурчиков!

Лаборант в сверкающем халате появляется перед великими магами с блюдом. На блюде несколько крепеньких огурцов. Киврин с хрустом закусывает один огурец. Жуя, глубокомысленно смотрит в потолок, затем обращает взгляд на мрачного Беломора.

КИВРИН: Все же я полагаю, что горю можно помочь. Ты говоришь, у Светланы в Москве жених?

Северный полюс.

ПАНУРГ: Пора, однако, дорогие телезрители, заглянуть в святая святых НИИЧАВО, в мастерские, где впервые в новой истории создана волшебная палочка...

По бесконечному сводчатому коридору НИИЧАВО идут двое. Один — в черном рабочем халате, со странно неподвижной физиономией под растрепанной рыжей шевелюрой. Второй — до невозможности элегантный, в кокетливо расшитых унтах, обвешанный фотоаппаратами, с портативным диктофоном в руке. Диктофон этот он то подносит к лицу своего спутника, то сам бормочет в него, неистово жестикулируя свободной рукой. Они останавливаются перед дверью с табличкой: «Мастерская волшебной древесины».

ГОЛОС ПАНУРГА: Дорогие телезрители, позвольте представить вам: руководитель мастерской волшебной древесины, создатель волшебной палочки Виктор Иванович Корнеев, опытный маг и замечательный работник. Мы застаем его в тот момент, когда он дает интервью известному научному журналисту Г. Проницательному... Впрочем, позвольте, позвольте... Ну разумеется, как я не догадался сразу... Это вовсе не сам Корнеев, это его дубль, точная копия... Видите ли, многие сотрудники НИИЧАВО в целях экономии времени создают себе такие копии-дубли... Они стоят в очереди за зарплатой, ходят вместо своих хозяев на танцульки, иногда даже женятся вместо них... или вот так, как сейчас, общаются с представителями прессы... сидят на заседаниях и совещаниях... словом, заменяют своих создателей и хозяев всюду, где не требуется умственной деятельности и особенно мощных эмоциональных разрядок...

Пока Панург говорит, дубль Корнеева отпирает дверь, и они с Проницательным входят в мастерскую. Мастерская как мастерская, имеет вид обычной столярной мастерской: верстаки, полки с инструментами, груды досок, стружки, опилки... Но посередине с потолка свешивается на цепях могучее почерневшее бревно, а под ним возвышается столик, на котором вычерчена окружность в дециметр радиусом. На бревне сохранилась глубоко врезанная надпись: «Люся + Гена = любовь».

ДУБЛЬ КОРНЕЕВА (монотонным голосом): В течение нескольких десятилетий шла борьба за портативность и увеличение радиуса действия... Вы видите перед собою (указывает на бревно) волшебное бревно, созданное в середине двадцатых годов. Манипулировать им довольно сложно, а радиус действия его ограничен вот этим кругом на столе...

ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ: Это страшно интересно, товарищ Корнеев! А нельзя ли продемонстрировать?

ДУБЛЬ КОРНЕЕВА: Можно... (Берется за свисающую цепь, принимается раскачивать бревно, бормочет с натугой.) Айн... цвай... драй!

При слове «драй» бревно увесисто бьет Проницательного по макушке. Тот падает, но сейчас же поднимается. В круге на столике лежит роза.

ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ: Как интересно! Можно взять?

ДУБЛЬ КОРНЕЕВА: Можно.

Проницательный хватает розу, но едва выносит ее за пределы круга, как роза исчезает прямо в его пальцах.

ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ: Ай!

ДУБЛЬ КОРНЕЕВА: Как уже было сказано, радиус действия волшебного бревна ограничен вот этим кругом... Спустя два десятилетия была создана волшебная дубина... (Он указывает на могучую узловатую дубину, висящую на стенде в углу.) Радиус действия ее практически неограничен, но никакого волшебства она производить не может. А теперь... Следуйте за мной.

Он увлекает Проницательного к шкафчику в другом углу, выдвигает ящик. В ящике на деревянной подставке покоится предмет, совершенно неотличимый от обыкновенного цангового карандаша.

ДУБЛЬ КОРНЕЕВА: Перед вами — первый образец волшебной палочки нового времени. Большая мощность на квантово-молекулярном уровне, неограниченный радиус действия, современная форма...

ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ (тянет руку): Можно посмотреть?

ДУБЛЬ КОРНЕЕВА (бесцеремонно бьет по руке): Нельзя. По нашим расчетам, она начнет действовать за четыре часа до Нового года, в двадцать ноль-ноль. Первым ее опробую я сам, а в Новый год — председатель московской комиссии, который прибудет в Соловец согласно телеграмме из Академии наук завтра, тридцать первого, в четыре часа вечера. После церемонии — танцы.

Первоначально фраза про палочку была длиннее: «Волшебная палочка пребывает в магическом поле. Мы считаем, что она готова к действию уже сейчас, но для страховки считаем, что она начнет действовать за четыре часа до Нового года, в двадцать ноль-ноль». Кроме того, первым ее должен был опробовать именно председатель комиссии, а временем прибытия были указаны шесть часов вечера.

ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ: Как интересно! А кто он такой?

ДУБЛЬ КОРНЕЕВА: Академик Дюрандаль Хоттабович Кувшин. Впрочем, он может прибыть сюда в любом виде. Даже в виде дамы. Или козла.

ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ: Удивительно интересно! Спасибо, товарищ Корнеев!

Северный полюс.

Панург, прикрываясь от ветра, просматривает записи в маленьком блокноте.

ПАНУРГ: Ну вот, дорогие телезрители... Кажется, я представил вам всех... Ах нет! Вот еще, прошу взглянуть.

Длинное помещение без окон, похожее на тир. На одном конце — стойка, на которой разложены пистолеты, винтовки, автоматы. На другом конце — полка, на полке расставлены бутылки с водкой, коньяком и спиртом. У стойки двое: уже знакомый нам рыжеволосый Корнеев в черном рабочем халате и унылая личность в потрепанном костюме, с лошадиным лицом. У Корнеева лицо не тупое и неподвижное, а живое, гневное, исполненное решимости. В руке у унылой личности пистолет. Личность дрожащей рукой поднимает пистолет, целится, зажмуривает глаза и снова опускает оружие. Шепчет:

— Не могу... Рука не поднимается...

ПАНУРГ: Ага. Вот они. Теперь перед вами уже не дубль, а настоящий Корнеев. А рядом с ним — научно-технический сотрудник Общего отдела Хома Брут, страдающий застарелым алкоголизмом. Как видите, Корнеев взялся вылечить его...

КОРНЕЕВ (гневно): Разжмурься! Целься! Ну?

Хома снова поднимает пистолет, гремит выстрел, пуля щелкает в стену.

КОРНЕЕВ: Дурак!

Он хватает винтовку, прикладывается... Трах-трах-трах! Три бутылки с водкой разлетаются вдребезги.

КОРНЕЕВ: Ну?

Хома с выражением зверского отчаяния направляет пистолет, как в ковбойском фильме, обеими руками. Трах! Бутылка с коньяком разбита.

КОРНЕЕВ: Перестань валять дурака! Оставь пока коньяк в покое! По водке бей, по спирту!

ХОМА (плаксиво): Витенька! Не могу! Душа горит!

КОРНЕЕВ: Бери автомат!

Хома берет автомат, опирается на стойку, целится. Ствол автомата дрожит. Корнеев наваливается на Хому сзади, стискивает его руки своими руками.

КОРНЕЕВ: Огонь!

Автомат грохочет. С дребезгом разлетаются бутылки, расплескивается по стенам и по полу жидкость.

КОРНЕЕВ: Вот так. Ну, как себя чувствуешь?

ХОМА (бледно улыбаясь): Лучше как будто...

Появляется изящный молодой человек, смуглолицый, с курчавыми черными волосами:

— Ну, каковы успехи?

ГОЛОС ПАНУРГА: А это старший чародей из отдела Федора Симеоновича. Он друг Корнеева, и зовут его Эдик Амперян.

КОРНЕЕВ (устало): Одиннадцать бутылок водки, три бутылки спирта, шесть бутылок коньяку...

АМПЕРЯН: Неплохо! На три бутылки водки больше, чем вчера!

КОРНЕЕВ (брезгливо машет рукой): Ленивая скотина этот Брут. Опять домашнего задания не сделал...

Брут сутулится, виновато моргает:

— Не могу я один... Я и пил-то всегда в компании, а уж бить...

КОРНЕЕВ (злобно): Алкоголик паршивый... Луноход...

АМПЕРЯН: Почему, собственно, — луноход?

КОРНЕЕВ: А ты бы посмотрел, как он после пьянки домой на четвереньках добирается! Поистине луноход!

Возникает видение: по заснеженной улице Соловца ползет на четвереньках в дугу пьяный Хома Брут, движения его и вправду удивительно напоминают неуверенный, раскачивающийся ход лунной машины.

ХОМА (плаксиво): У меня наследственность!..

КОРНЕЕВ: Вот надаю по шее...

АМПЕРЯН: Витя, Витя!.. Хватит вам. Некоторый прогресс все-таки налицо, не так ли... Давайте-ка лучше обсудим одно дело. Вам известно, что Беломор заколдовал Светлану?

КОРНЕЕВ: Известно. Старый крепостник!

ХОМА: Бедная Светочка...

АМПЕРЯН: Мы посоветовались с Федором Симеоновичем, и есть одна идея...

Северный полюс.

ПАНУРГ: О том, что это за идея, и обо всех дальнейших событиях, уважаемые и дорогие телезрители, вы узнаете уже без моей помощи. Дело в том...

Его прерывает оглушительный треск. Ледяное поле шагах в пятидесяти от Северного полюса раскалывается, и из черной полыньи, блестя в отсветах полярного сияния бронированными боками, поднимается огромная рубка атомной подводной лодки.

Звякает люк. На высоком мостике у основания перископов и антенн появляются закутанные в меха фигуры. Гремят нестройные возгласы, хлопают пробки шампанских бутылок, наполняются и пенятся бокалы.

ПАНУРГ (недовольно): Так и есть... Уже празднуют... Это и не удивительно, они находятся на той стороне от линии перемены дат. У них сейчас ночь с тридцать первого на первое, а у нас здесь — еще с тридцатого на тридцать первое. Одним словом, что-то здесь стало шумно, пора мне уходить. Надеюсь, я не был вам в тягость, а еще больше надеюсь, что фильм наш доставит вам настоящее удовольствие. Желаю вам счастья в новом году, товарищи!

Панург исчезает. Медленно уходит под воду рубка субмарины. В вихрях снежной метели остается только покосившийся шест с надписью. Из полыньи, оставленной субмариной, выбирается морж. Он осторожно подползает к шесту, обнюхивает его и укладывается под ним подремать.

И начинается фильм «ЧАРОДЕИ».

Квартира Саши Привалова, инженера-программиста одного из вычислительных центров в Москве. Много книг, мало мебели, холостяцкий беспорядок. Саша, веселый и взволнованный, прибирает свое обиталище, рассовывая наиболее компрометирующие предметы обихода и разбросанные повсюду книги и бумаги по углам и в ящики книжного стола. При этом он поет на известный мотив песенку астрономов:

Мы не Декарты, не Ньютоны мы —
 Для нас наука — темный лес
 Чудес,
 А мы нормальные астрономы — да!
 Хватаем звездочки с небес...

В разгар его деятельности слышится продолжительный звонок в передней. Саша бросает тряпку, натягивает кургузую джинсовую курточку и выходит. Открывает входную дверь. За дверью стоит деловитый молодой человек, засыпанный снегом.

— Телеграмма, — произносит он. — Распишитесь.

Саша принимает телеграмму, берет квитанцию и прижимает ее к косяку. Молодой человек протягивает ему огрызок карандаша, но Саша, не замечая, привычным жестом извлекает из кармана курточки цанговый карандаш. Точь-в-точь такой, какой вид имеет волшебная палочка в далеком Соловце. Расписывается, возвращает квитанцию:

— Спасибо.

Молодой человек кивает и уходит. Саша, закрыв дверь, разворачивает телеграмму. Читает. Недоумение, изумление, ужас изображаются на лице его.

Текст телеграммы: ПРИЕХАТЬ НЕ МОГУ ЗАКОЛДОВАНА СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙ ВЫРУЧАЙ ВСЕГДА ТВОЯ ВРИО СВЕТЛАНЫ ХОМА БРУТ.

Потирая лоб и хриплым слабым голосом повторяя текст, Саша возвращается в комнату. Растерянно озирается. Бессильно садится в кресло — что-то с треском лопается под ним, он привстает, извлекает из-под зада раздавленную в лепешку роскошную коробку конфет, с отвращением отшвыривает ее. Сидит некоторое время, тупо глядя перед собой. Затем вскакивает и хватается телефонную трубку. Набирает номер. Чертыхается. Снова набирает.

— Алло, алло! — неистовым голосом вопит он. — Ярославский вокзал? Справочная? Алло! Скажите, какой ближайший поезд до Соловца? Да-да, до Соловца... Как? Сто восемнадцатый, пассажирский... Отходит в двадцать десять... Благодарю вас... А билеты? Есть билеты?..

Короткие гудки. Саша с проклятьями бросает трубку. Смотрит на часы. Пять часов с минутами.

Саша вскакивает и принимается торопливо собираться. Извлекает из-под кушетки выдавший вида рюкзак, бросается к стенному шкафу и достает из него лыжный костюм, зарывается в шкаф, как фокстерьер в крысиную нору, и из-под него вылетают на середину комнаты куртки, рубашки, ботинки, тапочки и прочее барахло.

Продолжительный звонок в передней.

Саша поднимается, идет к двери. Открывает. За дверью возвышается угрюмый, засыпанный снегом гражданин.

— Привалов? — весьма нелюбезно осведомляется он.

— Привалов, — тоже очень нелюбезно откликается Саша. — В чем дело?

— Билет заказывали?

Саша вытаращивает глаза.

— К-какой билет? — произносит он.

— Билет до Соловца... — все так же угрюмо поясняет заснеженный гражданин. — На сегодня... поезд сто шестнадцатый... Заказывали?

С номером поезда имеется некоторая неувязка, подробнее описанная при рассмотрении полной версии литературного сценария. В раннем черновике составители ничего менять не стали, оставив номер в том виде, как он был записан.

— Собственно... я...

— Ошибка, что ли? Ну, тогда извините... Но вы же Привалов?

— Да! Да! — вопит восторженно Саша. — Привалов я! — вопит он, хватая гражданина за рукав и втаскивая в прихожую. — Именно Привалов! — вопит он, таща гражданина через разбросанное барахло. — Именно на сегодня! — вопит он, усаживая гражданина в кресло за стол. — И именно до Соловца!

Гражданин смягчается.

— То-то, — басит он, извлекая из-за пазухи конверт с билетом. — Я уж испугался — думаю, опять ошибка. С обеда с этим билетом маюсь, заказчика найти не могу... Вот вам билет, вагон тринадцатый, место тринадцатое... С вас тринадцать рублей тринадцать копеек...

— Сию минуту, сию минуту... — суетится Саша. Он роется в карманах. Бросается к столу, выдвигает ящик. — Вот, пожалуйста... Пятнадцать... Сдачи не надо...

Гражданин смущается:

— Ну что вы...

— Нет-нет! — решительно говорит Саша. — Никаких сдач!

Гражданин благодарит и уходит. Саша, размахивая билетом, прохаживается в танце вокруг стола. Останавливается. На лице его появляется озабоченное выражение. Он смотрит на билет. Затем берет со стола и перечитывает телеграмму. Затем задумывается на несколько секунд с самым мрачным видом и снова принимается собираться.

Сутолока на перронах Ярославского вокзала. В свете могучих ламп и прожекторов пурга несет мириады снежинок. Саша Привалов, в курточке на молниях, в шапке-ушанке, закутанный в шарф, в лыжных брюках и пьесах, с рюкзаком за спиной, проталкивается через толпы отъезжающих и провожающих.

Идет вдоль поезда. На вагонах надписи: «Москва–Архангельск». Вот и вагон № 13 — он почему-то между вагоном № 6 и вагоном-рестораном. Могучий проводник с совершенно моржовой физиономией величественно проверяет билеты у какой-то парочки. Величественным кивком разрешает парочке пройти. За парочкой следует старушка в шубе. Величественный взгляд в билет, величественный кивок, старушка вскарабкивается по ступенькам и исчезает в вагоне.

Подает свой билет Саша. Проводник величественно берет билет, смотрит, и вдруг глаза его застывают, челюсть отваливается. Трясущейся рукой он возвращает Саше билет, физиономия расплывается в слащавую улыбку.

— Понятно-с... — бормочет он. — До Соловца-с... Тринадцатое место-с. Как же, как же... Пожалуйста-с...

Саша, несколько озадаченно и испуганно глядит на него, поднимается по ступенькам. Проводник следует за ним. Они идут по коридору мимо пассажиров, стоящих у окон.

— Сюда пожалуйста... — бормочет проводник. — В это купе...

Он протискивается мимо Саши, отодвигает дверь купе. Там уже сидят трое: толстяк в очках, юноша в пестром свитере и дамочка.

— Граждане, — строгим голосом произносит проводник, — прошу освободить купе! Все вытаращивают на него глаза.

— В чем дело? — грозно осведомляется толстяк.

— Это почему еще? — вопрошает юноша.

— Вот еще новости! — восклицает дамочка.

— Погодите, погодите... — растерянно произносит Саша.

Но проводник, понизив голос до шипения, говорит:

— Этот товарищ едет в Соловец!

Пауза. Затем толстяк и дамочка быстро поднимаются.

— Ясненько... — бормочет толстяк и хватается чемодан.

— Это же совсем другое дело... — томно подхватывает дамочка и берется за свой баульчик.

— Но я все-таки... — начинает юноша, однако проводник прерывает его.

— Этот товарищ едет в Соловец! — разделяя слова, четко выговаривает он.

Юноша неохотно поднимается, начинает собираться. Толстяк, приятно осклабясь, протискивается в коридор мимо Саши.

— Пардон! — говорит он.

За ним следует дамочка.

— Вы же понимаете, мы не знали... — говорит она.

Юноша задерживается в дверях.

— Я все же хотел бы... — начинает он, но рука толстяка просовывается из коридора и за шиворот выволакивает его.

Проводник делает приглашающие жесты.

— Пожалуйста-с... — сладко произносит он. — Располагайтесь... А я, как тронемся, вам чайку-с... чтобы не скучно-с...

— Послушайте, — несколько сердито говорит Саша, — зачем все это? Они бы мне не помешали... и вообще...

— Положено-с! — тихо, но веско произносит проводник.

Несколько секунд они глядят друг на друга. Физиономия проводника делается совершенно уже моржовой. Саша закрывает глаза и трясет головой, чтобы избавиться от наваждения. Когда он открывает глаза, проводника уже нет, только мягко и бесшумно закрывается за ним дверь купе. Саша оглядывает пустые полки, стаскивает рюкзак и садится. За окном пурга в свете фонарей, бесшумно движутся тени на перроне.

Поезд стремительно мчится сквозь зимнюю вьюжную ночь.

Саша, облокотившись на столик и подперев рукой щеку, смотрит в темное окно. На столике дребезжат два стакана в подстаканниках.

Глаза Саши закрываются, голова клонится, он задремывает. И тут дверь купе тихонько отодвигается, и в нее заглядывает уморительная рожица. Оглядев пустые полки и задержавшись на секунду взглядом на дремлющем Саше, рожица отодвигает дверь пошире и прокрадывается в купе. За нею прокрадываются еще несколько таких же — головастых ребяташек, мальчиков и девочек, быстроглазых и проказливых, в нахлобученных на уши, слишком больших для них железнодорожных форменных фуражках.

Влезши в купе, незваные гости принимаются бесшумно безобразничать: опрокидывают стакан с недопитым чаем под локоть спящему Саше, развязывают рюкзак и вытаскивают вещи, кувыркаются на пустых полках, распарывают подушку и пускают из нее перья по воздуху. Затем, расположившись кто где, принимаются негромко петь песенку о том, как здорово вечно мчаться сквозь снег и ночь по бесконечным стальным путям, валять дурака со спящими пассажирами, запускать им в нос «гусара», чтобы чихали до изнеможения, прятать их туфли и билеты, затягивать узлом шнурки на ботинках...

Саша приоткрывает глаз, с изумлением наблюдает и слушает, но делает вид, что спит. Но тут один из самых нахальных гостей подкрадывается к нему вплотную и запускает ему в нос «гусара» — длинное перо, выпавшее из подушки. Саша отчаянно чихает и одновременно хватается шалуна за руку.

— Попался! — торжествующе рычит он.

Маленькие гости моментально прячутся кто куда, и только один корчится и извивается, схваченный сильной Сашиной рукой.

— Пустите! — пищит тот. — Пустите, дяденька! Я больше не буду!

— Нет, погоди... — произносит Саша и усаживает малыша на столик перед собой.

— Здесь мокро! — верещит, извиваясь, тот. — Я простужусь! У меня ишиас будет!

— Ничего, — утешает его Саша. — Я тебе сейчас на это место горчичник приставлю.

Малыш в ужасе замирает, а из углов купе раздаются соболезнующие и протестующие вопли и стоны.

— Ну-ка, говори, кто вы такие и что тут у меня делаете? — грозно осведомляется Саша.

— Это не мы у тебя, а ты у нас! — негодуяще кричит девчоночий голосишка. — Мы здесь обитаем, а ты только ездишь!

— Да! Да! Да! — восклицает хор детских голосов.

— Так кто же вы такие?

— Мы — вагонные! — отвечает хор.

Саша ошарашен.

— Как это — вагонные?

— А горчичник не будешь ставить? — боязливо осведомляется маленький пленник.

— Там видно будет, — говорит Саша.

Хор разочарованных и жалобных стонов. Малыш на столике сникает.

— Ну, не буду, не буду, — говорит Саша. — Так что это такое — вагонные?

— А это очень просто, — приободрившись, отвечает пленник. — Про домовых ты слышал?

— Ну, слышал...

— А про водяных? Про леших? Про горных гномов?

— Так вы...

— А мы — вагонные. Мы водимся в вагонах, как домовые — в домах, как водяные — в реках, как лешие — в лесах, как горные...

— Понял, понял, — говорит Саша. — Вы водитесь в вагонах... Вот оно что... Ну ладно, на первый раз прощаю.

Он отпускает пленного вагонного, и тот моментально взлетает на верхнюю полку, в безопасное место. Остальные вагонные тотчас появляются из углов, с интересом смотрят на Сашу.

— А ты куда едешь? — спрашивает маленькая вагонная.

— А я в Соловец еду, — отзывается Саша грустно.

Среди вагонных смятение.

— В Соловец?

— Он едет в Соловец!

— Так кто же знал?

— Ай-яй-яй, как нехорошо!

И вагонные мгновенно принимаются за дело. Вещи влетают обратно в Сашин рюкзак, перья сами собой забираются в подушку, стаканы вскакивают, мокрое пятно на столе исчезает. Затем вагонные, неловко переглядываясь, останавливаются в проходе между нижними полками. Потом один из них, бывший пленник, выступает вперед и, кашлянув, произносит:

— Мы не знали. Простите нас. Вы не будете на нас жаловаться?

— Жаловаться? Кому?

Малыш приближается к Саше вплотную и кричит ему на ухо страшным шепотом:

— Дядьке Беломору!

Саша отдергивает голову, прочищает мизинцем ухо:

— Кто это такой?

— О-о-о-о! — стонут вагонные, а малыш объясняет:

— Это очень строгий, очень могучий и очень горячий волшебник! Если ты пожалуешься, он сгоряча может так заколдовать нас, что сам потом не расколдует...

Вагонные наперебой подсказывают:

— Загонит нас в вентиляторы!

— Запечатает в туалетном баке!

— Заточит навеки в пылесосе!

— Так уже было, было, было!

Саша качает головой:

— Строгий он, этот дядька. Ладно, не буду жаловаться. А с кем это уже было?

Из толпы вагонных выбирается хорошенькая девочка в шапочке стюардессы.

— Я, собственно, не вагонная, — пищит она. — Я — самолетная, авиационная... Но я знаю!

Вагонные согласно кивают:

— Она знает, она знает!

— Я сама видела! — пищит самолетная. — Вчера это было! Дядька Беломор заколдовал со злости красавицу ведьму из своего отдела!

— Да! Да! Да! — подтверждают вагонные.

Саша вскакивает:

— Красавицу? Ведьму? Заколдовал? Как ее зовут?

— Светлана! — хором кричат вагонные.

Саша опускается на место:

— Понятно. А можно ли ее расколдовать?

Вагонные, печально переглядываясь, молча качают головами. Но самолетная произносит раздумчиво:

— Нет, почему же... можно... в принципе. Для этого нужен человек, который ее любит и которого она любит. Этот человек должен отыскать ее среди множества других девушек и поцеловать ее...

— И тогда?

— Это ее расколдует.

Саша погружается в задумчивость, а вагонные начинают тихий танец. Танец этот идет под музыку в такт стуку вагонных колес. Постепенно исчезают стены купе, а вагонные становятся все старше и старше, и вот уже несутся в пляске в светящейся пустоте вокруг Саши хороводы юношей и девушек с веселыми смеющимися лицами. Саша задумчиво разглядывает их и вдруг весь напрягается: перед ним мелькает грустное личико Светланы. Он кидается к ней, но руки его ложатся на веселую черноволосую девушку, совершенно незнакомую. А грустное лицо Светланы мелькает снова, и он опять кидается к ней и снова ошибается, и так несколько раз. А стук колес становится все чаще, все быстрее кружится хоровод, и вот уже ничего нельзя разглядеть в вихре лиц и тел, бешено кружащемся вокруг Саши. Он шатается, закрывает глаза ладонью и падает. И все пропадает.

Моржоволицый проводник трясет Сашу за плечо:

— Вставайте, товарищ... Соловец через четверть часа!

Саша, распростертый на полке, приподнимается на локте, ошалело озирается. Пустое купе. Искательно ухмыляющийся проводник. Снежная буря за черным окном.

— Сколько времени? — сонным голосом спрашивает Саша.

— Четыре часа... — отзывается почтительно проводник.

— Утра?

— Зачем же-с... Дня! Четыре часа пополудни-с!

Проводник и Саша стоят в тамбуре перед промерзшим стеклом выходной двери. Саша закутан в шарф, уши меховой шапки торчат в стороны, рюкзак в руке. Поезд замедляет ход, останавливается. Проводник торопливо отмыкает и распахивает дверь.

— Соловец... — произносит он, ослабляясь под моржовыми усами. — Прошу-с...

Саша, придерживаясь за поручни, спускается по ступенькам, спрыгивает в снег. Поезд сейчас же трогается.

— Счастливо оставаться-с! — кричит проводник и машет рукой.

Саша машет в ответ. Поезд набирает скорость и уносится в пургу. Саша оглядывается.

Никаких следов станционных построек. Даже платформы нет. Чистое снежное поле, над которым гуляет пурга. И полосатый столб с надписью «СТ. СОЛОВЕЦ, АРХАНГЕЛЬСКАЯ Ж. Д.».

Саша делает несколько неуверенных шагов, и вдруг перед ним вырастает темная закутанная фигура.

— Привалов? — сипло осведомляется фигура. — Александр?

— Привалов, — осторожно отвечает Саша.

— Рад сделать знакомство, — говорит фигура и протягивает руку. — Брут. Хома.

— ВРИО? — с горькой иронией говорит Саша.

— Он самый, — со вздохом отвечает Хома.

Они обмениваются рукопожатием.

— Пошли, — говорит Хома. — Здесь недалеко.

Он пытается отобрать у Саши рюкзак, тот не отдает. «Вы же все-таки гость...» — «Ну и что же...» — «Так позвольте, я понесу...» — «Да нет, не беспокойтесь...»

Так они идут прямо по целине, проваливаясь в снег по колено и выше, а вокруг них, над их головами, у них под ногами бешено визжит и крутит пурга.

— Вы вовремя приехали, — говорит Хома Брут, оставив надежду завладеть рюкзаком. — Сейчас я вас в гостиницу, отдохнете с дороги, подзаправитесь, а вечером к нам на новогодний бал. Там мы расскажем вам, что нужно делать, чтобы расколдовать Светку.

— Я знаю, — мрачно говорит Саша.

Хома даже останавливается:

— Откуда?

— Вагонные рассказали.

— Маленькие трепачи, — бурчит Хома. — Ну, раз знаете, тем лучше. Только имейте в виду, это будет не так-то просто...

— Могу себе представить...

— Это хорошо, что можете. Многие не могут. И вообще, старайтесь ничему у нас не удивляться. У нас здесь, знаете ли...

— А вы сами, Хома...

— Что?

— Вы сами тоже... волшебник, колдун?

— Ну, какой я там волшебник, — уныло произносит Хома. — Так... недоучка... Всего-то и умею пока, что претворять воду в вино на всю зарплату...

Внезапно они оказываются перед ярко освещенным крыльцом, к которому ведут широкие деревянные ступени с перилами на резных балясинах. Над крыльцом огромная вывеска: «Гостиница-музей «ИЗБА на куриных ногах», памятник Соловецкой старины» (с огромным инвентарным номером сбоку).

В первоначальном тексте фигурировала просто гостиница «ИЗБА НА КУРИНЫХ НОГАХ».

— Вот мы и пришли, — бодро говорит Хома.

Они поднимаются на крыльцо, Хома с усилием отдирает примерзшую дверь, и они входят в просторные сени, освещенные лампами дневного света. Очень чисто. В углу на скамье — большая кадушка с водой, в воде плавает ковшик, прикованный к стене цепочкой. Над кадушкой висит старомодный телефон. В углу у дверей — голики.

— Обметемся, — предлагает Хома.

Они берут голики и обметают друг другу одежду, затем себе обувь.

— Порядок, — удовлетворенно говорит Хома. — Теперь можно. И помните, Саша, старайтесь ничему не удивляться. Здесь у нас кругом чародейство и волшебство. Вперед!

Он распахивает дверь, и они вваливаются в просторный вестибюль.

— Ч-черт! — с горестным изумлением шипит Хома и прячется за Сашину спину.

Из-за низкого дубового стола поднимается с кресел, jovially улыбаясь и складывая газету, заведующий Общим отделом НИИЧАВО профессор Выбегалло.

— Добро пожаловать в Соловец, добро пожаловать... м-м... э-э... молодой человек!
— произносит он и, отбросив газету, приближается к Саше с простертой дланью.

Саша испуганно оглядывается на Хому. Тот стоит, оборотившись к нему спиной, и делает вид, что внимательно изучает расписание поездов.

— Только что прибыли, как я вижу, — журчит Выбегалло, — и сразу сюда, в нашу прославленную... гм... гостиницу... Рад, рад. Оч-чень рад!

Он сует длань Саше в область живота, и тот поспешно хватается за эту длань и торопливо пожимает ее.

— Позвольте представиться, — продолжает Выбегалло. — Профессор Выбегалло, а по имени-отчеству — Амвросий Амбрузович... С кем имею, так сказать, честь?

— Привалов Александр Иванович, — отзывается Саша. — Можно просто Саша.

— Ха! Ха! Ха! — звучит Выбегалло. — Скромность, скромность... Можно просто Саша! Очаровательно! Но мы все же будем величать вас Александром Ивановичем. Вы позволите? Можно просто Саша! Ха! Ха! Ха!

— Как угодно, — бормочет смущенно Саша.

— Вы, конечно, устали с дороги и не прочь... гм... подкрепиться... Александр... гм... Иванович?

Он берет одной рукой из руки Саши рюкзак, другой рукой берет Сашу за локоть и влечет к стойке администратора.

— Сейчас оформим вас как положено, а затем и подкрепимся. Прошу вас, ваш паспорт...

Саша торопливо достает паспорт. Выбегалло раскрывает книжечку, внимательно проглядывает.

— Действительно! — с восхищением произносит он. — Привалов Александр Иванович! Бесподобно! Что значит — столица! У нас так не умеют... Молчу, молчу. Оформите! — приказывает он толстухе в пуховом платке, восседающей за стойкой. — Вы к нам по какой надобности? — осведомляется он у Саши.

— По личной, — отвечает тот с заминкой. — Я... как это... турист.

— По личной! Бесподобно! Турист! Великолепно! — Выбегалло в восторге. — Хорошо, будь по-вашему. Вы, конечно, поражены, встретив здесь такой прием? Сознайтесь!

— Д-да... в общем... не ожидал...

— Молодой... гм... человек! — со строгой торжественностью произносит Выбегалло. — Вы находитесь на территории Института Чародейства и Волшебства! И эта гостиница принадлежит Институту Чародейства и Волшебства! И я сам — работник Института Чародейства и Волшебства! Руководство института строго следит за порядком на своей территории! В частности, обязанность наша как сотрудников института — заботиться, чтобы приезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хома Брут у стены громко фыркает. Выбегалло оборачивается и словно впервые замечает его.

— Товарищ Брут! — гремит он. — А вы почему здесь? Вы зачем здесь? С какой целью? Да еще в рабочее время!

— Извините, Амвросий Амбрузович, — робко отвечает Брут. — Приказ по институту... Сегодня же канун праздника... тридцать первое... Рабочий день прекращен в два часа... всех распустили по домам...

— По домам! — Выбегалло поднимает палец. — А вы что делаете? Разве это ваш дом? Ступайте по домам, товарищ Брут! Немедленно!

Брут выходит. В сенях он плотно прикрывает за собой дверь, бросается к телефону, хватая трубку.

— Тридцать тридцать один... — шипит он. — Тридцать тридцать один, глухарь домовый!.. Да...

В мастерской волшебной древесины звонок телефона. Виктор Корнеев берет трубку:

— Да!

БРУТ: Витя, это я, Брут!

КОРНЕЕВ: Ага... Ну что, встретил этого... московского жениха?

БРУТ: Встретил, не в этом дело... Я его в гостиницу привел, как договорились...

А там Выбегалло...

КОРНЕЕВ: Ну и что?

БРУТ: Витя, он, похоже, тоже кого-то ждал и принял Привалова за кого-то другого!

Он его сейчас обхаживает!

КОРНЕЕВ: Постой-постой... Не понял!

БРУТ: Я привел Привалова в гостиницу, а там его захватил Выбегалло, который принял его за кого-то другого...

КОРНЕЕВ (в восторге): Врешь!

БРУТ: Точно!

КОРНЕЕВ: Слушай, Хома, он ведь его за Дюрандаля принял, за представителя Академии! Ну, будет теперь потеха! А что Привалов — не раскололся?

БРУТ: Нет, что ты... Я его как нарочно предупредил, чтобы он ничему у нас не удивлялся... Да и не сумел бы он расколоться, в этом все дело! Похоже, Выбегалло считает, что этот приезжий — инкогнито, и ему подыгрывает...

КОРНЕЕВ: Это просто замечательно. Слушай, Брут. Оставь все там как есть, а сам вали сюда. Найди Эдика, это все надо обмозговать!

Саша и Выбегалло идут по коридору, причем Выбегалло обеими руками, как величайшую драгоценность, прижимает к животу Сашин рюкзак. По сторонам коридора — двери в номера, но вместо табличек с цифрами они обозначены разноцветными тузами различных мастей.

— Гостеприимство, достопочтенный Александр Иванович, — разглагольствует Выбегалло, — наш принцип. Наше, если позволено будет так выразиться, альтер эго. Второе наше «я», значит. Сейчас вы устроитесь, подзаправитесь слегка, отдохнете, а к двадцати ноль-ноль я за вами зайду, и мы с вами пройдемся...

— Куда? — спрашивает Саша.

— Куда? Гм... Покажу вам некоторые наши достижения, так сказать... Познакомлю с коллегами...

Они останавливаются перед дверью с изображением черного пикового туза.

— Вот и ваш номер, достолюбезный Александр Иванович! — произносит Выбегалло и толкает дверь локтем.

Саша входит в номер. Это большая комната совершенно деревенского вида. Стену справа занимает огромная русская печь с лежанкой. Слева располагается продолговатый стол, накрытый грубо тканой скатертью, по сторонам стола — две скамьи. В углу имеет место большое мутноватое трюмо. В другом углу за отдернутой занавеской виден старинный медный рукомойник над слегка облупившимся тазом. На лежанке помещается вполне современная постель: матрас, мохнатое одеяло с пододеяльником откинута наполовину, две подушки в накрахмаленных наволочках. Единственное окно задернуто ситцевой портьеркой. Под дощатым потолком сияет многосвечовая лампа под тарелочным абажуром. Все выскоблено и вычищено до блеска.

— Вот-с! — с видимой гордостью произносит Выбегалло и осторожно ставит рюкзак на скамью. — Это у нас один из лучших номеров. Простота, как видите, и... э-э... чистота. Это вот печка. Это стол. Скатерть здесь у нас — самобранка. Меню скромное, но питательное. Ежели пожелаете с морозца... — Он щелкает себя по бороде сбоку шеи. — Можно и это. Есть даже спирт, двух сортов. Сухой и крепленый. Ну-с, это вот умывальник... а удобства, к сожалению, во дворе: как сойдете с крыльца, сразу направо... Позвольте-с!

Пока он говорит, Саша оглядывает комнату и медленно разоблачается. Выбегалло подскакивает к нему и пытается помочь снять куртку. После деликатной борьбы куртка снята и повешена на вешалку у дверей.

— Располагайтесь, отдыхайте. Программа такова: в шесть я захожу за вами, осмотрим лаборатории, затем вы возвращаетесь сюда и отдыхаете, затем в одиннадцать скромное застолье и новогодний бал. А теперь позвольте откланяться.

Выбегалло кланяется, пятясь задом, и исчезает за дверью. Саша с прежним слегка обалделым видом глядит ему вслед, затем подходит к столу и садится.

— Так, — произносит он вслух. — Хотел бы я знать, что все это значит. Чародейство чародейством, но здесь, по-моему, что-то совсем другое.

Он кладет руку на скатерть и рассеянно барабанит по ней пальцами.

— Чего вам угодно, гражданин? — осведомляется неприязненный женский голос.

Саша вздрагивает.

— Это вы мне? — спрашивает он, растерянно озираясь. В комнате никого, кроме него, нет.

— Конечно, вам, кому же еще? — брюзгливо говорит Голос. — Что будете заказывать?

— Не понял...

— Я вас русским языком, кажется, спрашиваю: что будете заказывать?

— То есть в каком смысле?

— В обыкновенном! Стучат, требуют, а как до дела доходит, сидят с разинутым ртом. А потом жалуются: то им не нравится, это им нехорошо... Ну, что будете есть?

— А! — Саша спохватывается. — Понял, простите... Вы... э... скатерть-самобранка?

— Да! Да! — нетерпеливо кричит Голос. — Давайте делайте заказ скорее. Вас много, а я одна...

— Сию минуту... Простите, я не сразу понял... Заказ... Значит, так: яичницу с ветчиной...

— Ветчина кончилась.

— Тогда просто яичницу из двух... нет, трех яиц...

— Из двух или из трех? Точнее!

— Из трех.

— Яиц только два осталось.

— Хорошо, хорошо, из двух.

— Так. Дальше.

— Чаю с лимоном...

— Вы что, гражданин, белены объелись? Какие вам зимой лимоны?

— Тогда просто с сахаром.

— Чай с сахаром. Дальше.

— Бутерброд с сыром.

— Сыра нет.

— А что есть?

— Портвейн есть. Солнцедар. Спирт.

— Нет-нет, этого пока не надо... Тогда всё.

— Всё?

— Всё.

— Яичница, чай с сахаром и... всё?

— А что еще?

— Тоже мне — клиент...

Воцаряется молчание.

— Алло! — говорит Саша.

Молчание.

— Послушайте, вы еще... э... здесь?

Молчание. Саша пристально смотрит на скатерть. На скатерти никаких изменений. Тогда Саша встает со скамьи и, то и дело оглядываясь, идет к умывальнику.

Выбегалло в сенях разговаривает по телефону с директором института по АХЧ Модестом Матвеевичем Камноедовым.

ВЫБЕГАЛЛО: Как я и ожидал, Модест Матвеевич, Дюрандаль Хоттабович прибыл инкогнито. Под видом молодого туриста, Александра Ивановича Привалова.

КАМНОЕДОВ: Как вы сказали? (Записывает в блокноте.) Александр Привалович...

ВЫБЕГАЛЛО: Александр Иванович Привалов. Старый греховодник воображает, что я его не раскусил. Ха! Ха! Ха! Плохо он нас с вами знает, Модест Матвеевич!

КАМНОЕДОВ: Это очень неприятно. Как же я должен к нему обращаться?

ВЫБЕГАЛЛО: А очень просто — Александр Иванович. Он настаивал даже, чтобы его называли просто Саша...

КАМНОЕДОВ: Этого еще не хватало. Академик, заслуженный деятель, и вдруг — Саша...

ВЫБЕГАЛЛО: Я знал заранее, что вам это не понравится, Модест Матвеевич, и настоял на Александре Ивановиче... Вообразите, у него даже паспорт соответствующий! Совершенно как настоящий! Даже с пропиской!

КАМНОЕДОВ: Номер ему понравился?

ВЫБЕГАЛЛО: По-моему, он в восторге, Модест Матвеевич!

КАМНОЕДОВ: А мы ему еще застолье, да еще нашу самодеятельность!

ВЫБЕГАЛЛО: Именно, Модест Матвеевич!

У себя в номере Саша, свежечумытый и расчесанный, переодевшийся в шикарный белый свитер с синим оленем на груди, терпеливо сидит у стола, сложив на коленях руки. Он смотрит на скатерть. На скатерти по-прежнему ничего нет. Он смотрит на часы. Четверть шестого.

Деликатный стук в дверь.

— Войдите! — кричит Саша.

Никто не входит, стук повторяется. Саша подходит к двери, распахивает ее. За дверью никого нет. То есть это Саша думает, что никого нет, потому что, естественно, смотрит перед собой на уровне своего лица.

— Вы — Привалов? — осведомляется писклявый голосок.

Только тут Саша опускает глаза и видит под собой маленького мохнатого домового, измазанного в саже.

— Ох, простите... — говорит Саша. — Да, я — Привалов.

— Вас к телефону, — пищит домовый, поворачивается и бесшумно, как мышь, удирает по коридору.

Саша нерешительно оглядывается на стол, затем спешит следом за домовым, выходит в вестибюль и в сени. Берет трубку телефона:

— Привалов слушает.

— Саша? — слышится голос Хомя. — Слушай, Саша, как ты устроился?

— Хорошо, спасибо...

— Какие у вас впечатления?

— Н-не знаю... Слушайте, Хомя, по-моему, меня здесь принимают за кого-то другого.

— Пусть принимают.

— Нет, но этот профессор...

— Выбегалло?

— Да. Он обещал зайти за мной в шесть часов, он поведет меня осматривать какие-то лаборатории...

— Ну и что?

— Потом какое-то угощение, потом бал...

— Вот это и есть самое главное. Мы здесь ломали голову, как вас провести на этот бал, а раз он сам берется — чего лучше? Вот на балу вам и будет главная работа... искать Светку.

— Понятно... Значит, виду не подавать?

— Ни в коем случае! Вы ведь о себе всю правду ему говорили?

— Конечно... и паспорт показывал.

— Так о чем вам беспокоиться?

В это мгновение наружная дверь распахивается, и в вихрях ворвавшегося снега через сени в вестибюль под бодрый марш гномов из «Белоснежки» следует процессия лохматых маленьких домовых с большими ведрами воды.

— Алё, алё! — кричит в трубке голос Хома.

— Хома, здесь у меня очень шумно стало... — растерянно отзывается, стараясь перекрыть музыку, Саша. — Здесь какие-то воду куда-то несут... лохматые...

— Ладно, Саша! Не пугайтесь и не удивляйтесь! Встретимся на балу!

Саша вешает трубку, затем, улучив момент, вклинивается в шеренгу домовых, и вместе с ними идет через вестибюль в коридор. Навстречу ему уже движутся шеренгой домовые с пустыми ведрами.

В коридоре дверь с красным червовым тузом распахнута настежь, туда и несут домовые воду, оттуда слышен плеск и женские голоса.

— Прорепетируем сначала «Песнь о синих лугах», — говорит один голос, — а затем повторим «Любовь спрута»...

— Я бы хотела, Мелисинда, повторить еще раз «Утопленника», — робко произносит второй голос.

— Вы все-таки настаиваете на «Утопленнике», Верочка...

— Я уверена, что это понравится...

— Ну что ж... Но начнем мы все-таки с «Песни о синих лугах»...

Тем временем Саша доходит до двери и заглядывает туда. Комната озарена странным зеленовато-сиреневым светом. Посередине стоит громадная деревянная лохань, и лохматые домовики заливают в нее воду ведро за ведром. А в лохани, погруженная в воду по плечи, лежит прекрасная дева с рыбьим хвостом вместо ног и с распущенными по голым плечам зелеными волосами. Рядом же с лоханью стоит не менее прекрасная, хотя и более одетая белокурая дева с нотной тетрадью в руке. Саша несколько секунд смотрит на них, разинув рот, и тут рыбохвостая дева медленно поворачивает к нему лицо.

— Светочка! — вопит Саша и весь подается в дверь.

Рыбохвостая дева хохочет серебряным смехом, а белокурая, сбивая с ног домовых, прыгает к порогу и захлопывает дверь у Саши перед носом.

— Светка! — вопит Саша и барабанит кулаками в дверь.

— Прекратите безобразие! — строго произносит из-за двери девичий голос. — Нет здесь никакой вашей Светки. И Светочки нет...

Лохматый домовый под ногами Саши солидно объясняет:

— Обознались вы, гражданин. Это же русалка. А у русалок лицо всегда такое, как у девушки, в которую человек влюблен...

Саша опускает руки.

— А чего они там делают?

— Репетируют, конечно. Сегодня же самодеятельность выступает...

Из-за двери доносится пение. Девушка исполняет «Песнь о синих лугах» — нечто лирическое и ностальгическое о прекрасном пейзаже в подводном царстве.

Саша понуро плетется к себе в номер. Там все без изменений. Саша усаживается за стол, и вдруг на скатерть перед ним с лязгом падает сковорода со скверно зажаренной яичницей, брякается оловянная тарелка с куском хлеба и, расплескиваясь, небрежно опускается стакан жидкого чая.

— Наконец-то... — ворчит Саша.

— Что же мне — разорваться из-за вас? — огрызается женский Голос.

— Целый час дожидался, — резко говорит Саша.

— Я вас не неволила. Захотели — вот и ждали...

Саша недоверчиво обнюхивает яичницу, с видимым усилием разламывает кусок хлеба и принимается за еду.

Раздается стук в дверь, и в ту же секунду, не дожидаясь разрешения, в номер вваливается профессор Выбегалло — красный с холода, в расстегнутом полушубке, забитая снегом борода торчит вперед.

— А-ха-ха! — произносит он, изо всех сил потирая руки. — Пурга-то какая, Дюрандаль... э-э... Александр Иванович, а? Ну, как отдохнули? Закусываете? Пожалуй, и я с вашего разрешения... если не возражаете... А? Не возражаете, Александр Иванович?

— Конечно, конечно, пожалуйста... — бормочет Саша и делает неловко приглашающий жест рукой с зажатой в ней вилкой.

Выбегалло, не снимая полушубка, присаживается к столу:

— Время у нас еще есть... Да и все равно, без нас не начнут, не так ли, Александр Иванович?

Он требовательно стучит пальцем по скатерти, и сейчас же тот же женский голос, но невыразимо сладкий, прямо-таки медоточивый, отзывается:

— Чего изволите, Амвросий Амбрузович?

— Чего-нибудь с холоду, голубушка... сама знаешь... грамм сто. Вы как, Александр Иванович?

— Воздержусь, — буркает Саша.

— Понятно... Ну-с, и закусить там чего-нибудь...

— Икорки?

— Пожалуй.

— С лучком, с парниковым...

— Давай, давай, и поскорее!

— Сию секунду!

Перед Выбегаллой мгновенно появляется заиндевевшая стопка с водкой и тарелочка с икрой.

Выбегалло выпивает, отдувается, нюхает сустав указательного пальца, затем набрасывается на икру.

— Это у нас хорошо поставлено, — произносит он сдавленным голосом. — Обслуга на высшем уровне. А как же? Они нас знают: чуть что не так — мы их в музей, на вечное хранение, хе-хе-хе...

Саша, поковыряв вилкой в яичнице, с отвращением отодвигает сковороду.

— Да, обслуга у вас удивительная, — говорит он выразительно, но Выбегалло не замечает иронии.

— Стараемся, — скромно произносит он. — Чтобы для приезжающих... для руководящих приезжающих особенно... чтобы все было на уровне. — Он решительно отодвигает опустевшую тарелку и наклоняется к Саше. Продолжает свистящим шепотом:

— Конечно, не все у нас благополучно, Александр Иванович. Должен вам со всей прямотой и откровенностью... Нет, не все.

— Вот как?

— Да. Да! И еще раз — да! Далеко не все. Вы у нас человек новый, Александр Иванович, можете не разобраться сразу... Возьмите, например, профессора Беломора... Не спорю, заслуги у него, талант и прочее... Но самомнение у него! И тиран! Отдел свой в великом страхе держит! Самодур, прямо скажем... Ему лаборанта в таракана превратить — раз плюнуть, честное слово... Да что далеко ходить: вчера только сотрудницу одну — ах, какая девица, пальчики оближешь! — так заколдовал, что и сам уже не знает, где ее искать!

— Злодей! — произносит Саша сквозь зубы.

— Совершенно справедливо! Злодей! Да и заслуги его... Подумаешь, волшебную палочку разработал! А от общественных поручений отказывается! Давеча снег расчищать перед подъездом отказался, вы представляете? Да и весь его отдел... Этот Виктор Корнеев, возмнивший о себе хам... Из молодых, да ранний!.. А других наших профессоров возьмите... Хоть бы Киврина Федора Симеоновича... Заведует он отделом Линейного Счастья... Из ума выжил старик! Между прочим, дружок этого Беломора... Живую воду дистиллирует... А спросите, кому она нужна, эта живая вода? А как у меня канализацию в отделе забило, обратился я к нему за помощью, так он домового прислал... самому ему, видите ли, низко канализацию исправить!

— Но он же все-таки профессор... — осторожно возражает Саша.

— Ну и что же! — вскидывается Выбегалло. — Я вот тоже профессор, а руководил же шефской помощью на Соловецком рыбокомбинате! Полгода оттуда не вылезал!.. В местной газете обо мне писали! Грамоту дали! А кто в институте это отметил? Всем наплевать!

— Нам не пора? — осведомляется деликатно Саша.

Выбегалло смотрит на часы, неохотно поднимается.

— Пора, пожалуй... — вздыхает он, поднимаясь. — Тоже вот, волшебная палочка эта... Тащись туда, слушай их... И это в новогодний вечер!

Они бредут по улице, проваливаясь в сугробы, то и дело валясь и помогая друг другу подняться, сгибаясь в три погибели навстречу яростным порывам бурана. В свисте и вое пурги слышатся отрывистые возгласы Выбегаллы:

— ...Возмнивший о себе хам!.. Администрация потакает... Тиран и самодур... Я борюсь, как могу... Корнеев... Амперян... Круговая порука...

В мастерской волшебной древесины собрались: Саша Привалов, профессор Выбегалло, Эдик Амперян, журналист Проницательный, зам. директора Модест Матвеевич, Виктор Корнеев. (Точнее, все-таки не сам Корнеев, а его дубль, но это выясняется позже.) Дубль дает монотонным голосом уже знакомые нам пояснения, остальные молча слушают, а Проницательный бешено записывает в блокноте шариковой ручкой.

ДУБЛЬ КОРНЕЕВА: В течение нескольких десятилетий шла борьба за портативность и увеличение радиуса действия... Вы видите перед собой волшебное бревно, созданное в середине двадцатых годов. Манипулировать им довольно сложно, а радиус его действия ограничен вот этим кругом на столе...

Выбегалло с интересом рассматривает надпись на бревне: «Люся + Гена = любовь».

ВЫБЕГАЛЛО: Простите, товарищ Корнеев, от лица научной общественности есть вопрос.

ДУБЛЬ КОРНЕЕВА: Слушаю вас.

ВЫБЕГАЛЛО: Кто это такие — Люся и Гена?

ДУБЛЬ КОРНЕЕВА: Не установлено.

ВЫБЕГАЛЛО: Вношу предложение: выяснить, кто были эти личности, и выразить им порицание за порчу древонасаждений...

МОДЕСТ МАТВЕЕВИЧ: Правильно.

АМПЕРЯН: Но это же было в начале двадцатых... они умерли, наверное.

МОДЕСТ МАТВЕЕВИЧ: Порицание посмертно.

ВЫБЕГАЛЛО: Совершенно с вами согласен, Модест Матвеевич. Продолжайте, товарищ Корнеев.

ДУБЛЬ КОРНЕЕВА: Спустя два десятилетия была создана волшебная дубина... (Указывает на волшебную дубину.) Радиус ее действия практически неограничен, но никакого волшебства она производить не может...

Тем временем Выбегалло с интересом обследует волшебное бревно, украдкой принимается раскачивать его, поднатуживается... бревно с силой бьет по макушке Проницательного.

Проницательный вскрикивает «ай» и падает, роняя блокнот и авторучку. Смущенный Выбегалло произносит: «Пардон...» Все смотрят на него, на бревно, затем на столик. На столике в круге стоит блюдо с зажаренной целиком курицей. Все крутят носами.

МОДЕСТ МАТВЕЕВИЧ: Это жареная курица.

ВЫБЕГАЛЛО: М-м-м-да... Запах-то, запах какой, умереть можно...

САША (глотаю слюнку): Да, пахнет здорово...

ВЫБЕГАЛЛО: Позвольте мне, Дюрандаль... э-э... Александр Иванович... от лица нашей научной общественности...

Он хватается блюдо и делает движение, чтобы преподнести курицу Саше:

— Снимите, так сказать, пробу...

В руках у него ничего нет. Пауза. Выбегалло негодуя поворачивается к дублю:

— Что за неуместные шутки, товарищ Корнеев!

ДУБЛЬ КОРНЕЕВА: Как уже было сказано, радиус действия волшебного бревна ограничен кругом на столе... Теперь прошу следовать за мной.

Он движется к шкафчику в углу, все тянутся за ним, Саша спотыкается о ноги Проницательного и чуть не падает. Проницательный ползает вокруг столика.

Следующий абзац был добавлен в текст черновика рукописно.

— Ну-с, — говорит Корнеев, — это волшебное бревно. Была также создана волшебная дубина с неограниченной мощностью, но без всякого радиуса действия. Мы сдали ее в котельную.

САША: Ох, простите...

ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ: Ничего... (Поднимается, плаксиво.) Вот... Ручка у меня куда-то закатилась... Послушайте, вы не одолжите мне ручку? Писать нечем...

САША: Ручки у меня нет... (Извлекает из кармана куртки цанговый карандаш.) Вот карандаш, если хотите...

Проницательный обрадованно хватается карандаш:

— Вот спасибо... выручили... Я вам сейчас же верну!

Вместе с Сашей они устремляются следом за остальными, которые уже обступили шкафчик в углу.

ДУБЛЬ КОРНЕЕВА: Перед вами — первый образец волшебной палочки нового времени. Большая мощность на квантово-молекулярном уровне, неограниченный радиус действия, современная форма...

ВЫБЕГАЛЛО: Желательно рассмотреть ее поближе...

ДУБЛЬ КОРНЕЕВА: Нельзя.

ВЫБЕГАЛЛО: Это почему же? (Дубль Корнеева молчит.) Она же еще не действует, как я слышал?

ДУБЛЬ КОРНЕЕВА: Она начнет действовать за четыре часа до Нового года, в двадцать ноль-ноль...

ВЫБЕГАЛЛО: Ну вот... А сейчас всего без четверти семь... (Решительно тянет руку к подставке, на которой покоится волшебная палочка, неотличимая от цангового карандаша.)

Дубль Корнеева бьет Выбегаллу по руке. Выбегалло отскакивает. Говорит обиженно:

— Модест Матвеевич, я не понимаю...

МОДЕСТ МАТВЕЕВИЧ (строго): Что это вы себе позволяете, Корнеев? Научная общественность желает рассмотреть палочку поближе, а вы...

АМПЕРЯН: Может быть, все же не надо?

ВЫБЕГАЛЛО: Это почему же не надо? Вы, товарищ Амперян, не суйтесь в дела чужого отдела...

АМПЕРЯН: Но это же и не ваш отдел...

ВЫБЕГАЛЛО: Вы еще молоды, товарищ Амперян...

МОДЕСТ МАТВЕЕВИЧ: Прошу прекратить пререкания. (Берет палочку, осматривает ее со всех сторон.) Палочка как палочка. Волшебная.

ВЫБЕГАЛЛО (победоносно взглянув на дубля и на Амперяна): Вот именно, Модест Матвеевич... Позвольте? (Берет палочку.) Да, обыкновенная волшебная палочка. А шуму сколько подняли... Взгляните, Дюрандаль... э-э... Александр Иванович.

Саша берет палочку, с недоумением ее оглядывает и молча передает Проницательному. Тот бешено пишет что-то в блокноте, неловко берет палочку той же рукой, в которой у него карандаш, разглядывает неотличимые предметы и восклицает:

— О, как интересно!

После чего передает один из предметов Амперяну. Разумеется, передает Сашин карандаш, оставив у себя палочку.

Амперян, приняв карандаш, тут же молча отдает его дублю, который так же молча кладет карандаш на подставку.

Тут Модест Матвеевич вдруг настораживается, подходит к дублю вплотную и принимается пристально его оглядывать. Дубль съеживается, пятится, прикрывая лицо ладонью, но Модест Матвеевич хватает его за рукав и грозно приказывает:

— Предъявите документы, товарищ Корнеев!

Дубль усыхает прямо на глазах.

— Так! — негодуяще произносит Модест Матвеевич, поворачивается на каблуках и обращается прямо к Саше: — Прошу извинения, товарищ... гм... Александр Иванович, что именно во вверенном нам институте имеет место такое безобразие...

Саша ничего не понимает. Проницательный, тихо восклицая: «Ах, как интересно!...», пытается писать, но у него что-то не получается.

— Это не Корнеев! — продолжает Модест Матвеевич негодуяще. — Это его так называемый дубль!

Саша по-прежнему не понимает.

— Это его фокусы с раздваиванием и растраиванием, — продолжает Модест Матвеевич, — совершенно неприличные перед лицом товарища из центра...

— И перед лицом научной общественности... — поспешно вставляет Выбегалло.

— ...и перед лицом нашей научной общественности, — повторяет Модест Матвеевич, — дискредитируют нашу общественность, создают о ней неправильное представление... Но мы это не позволим. Мы будем пресекать... Вы увидите, сегодня же, нашу самостоятельность...

— И застолье... — подсказывает Выбегалло.

— ...и, конечно, застолье... И никакие Корнеевы...

— А в чем, собственно, дело? — раздаётся наглый голос.

Все поворачиваются. На месте дубля стоит настоящий Корнеев, руки в карманах, в зубах сигарета.

— Чего вы ко мне привязались? — осведомляется Корнеев. — Палочку вам показали? Показали. Лекцию вам прочитали? Прочитали. Чего вам еще надо?

Модест Матвеевич недоверчиво оглядывает его, затем говорит угрожающе:

— Ваши документы!

Корнеев, ухмыляясь, протягивает ему удостоверение. Модест Матвеевич читает вслух:

— Корнеев Виктор Иванович, старший маготехник... Все правильно, Корнеев. Можете продолжать.

Корнеев, по-прежнему ухмыляясь, шутовски кланяется:

— Благодарю.

Проницательный прекращает отчаянные попытки что-либо записать, обиженно смотрит на карандаш и протягивает его Саше.

— Не пишет, — говорит он. — Возьмите, пожалуйста. Спасибо.

Саша тоже рассматривает карандаш, пожимает плечами и сует его в карман куртки. К нему подбирается Выбегалло.

— Как видите, Александр Иванович, ничего интересного. Я же говорил вам — все это дутые достижения дутых авторитетов. Но мы с вами во всяком случае свой долг выполнили и теперь можем спокойно веселиться.

С другого бока приближается Модест Матвеевич.

— Прошу покорно на празднование Нового года. Самодеятельность, так сказать, и застолье. Вам, как товарищу из центра, это, может, и покажется не очень, но чем богаты, тем и рады.

— Спасибо, — кланяется Саша.

— Сейчас вы отдыхайте, — говорит Выбегалло, — а к одиннадцати я за вами заскочу. Разрешите проводить вас в гостиницу?

— Нет-нет, — говорит Саша. — Благодарю вас, я уж сам...

— Как угодно-с...

Выбегалло и Модест Матвеевич, пятась и кланяясь, уходят из мастерской. Проницательный с криком: «Минуточку, минуточку, товарищ профессор!..» — устремляется за ними.

Корнеев и Эдик Амперян подходят к Саше.

— Так ты и есть жених? — хмуро осведомляется Корнеев.

— Я и есть, — со вздохом отвечает Саша. — Но хотел бы я знать, что все это означает? Липнут ко мне, ябедничают, сюда вот зачем-то притащили... За кого они меня принимают?

— Ты же слышал — за товарища из центра, — нетерпеливо отвечает Корнеев. — Да это все чепуха. Ты лучше скажи, как ты думаешь за дело-то приниматься.

Саша беспомощно пожимает плечами. Корнеев и Эдик переглядываются.

— Да-а-а... — произносит Эдик. — Это задача, товарищи. Скажите, Саша... вас ведь Саша зовут?.. скажите, вы очень любите Светлану?

Саша насупливается. Корнеев толкает его в бок с ухмылкой:

— Да ты не ерпенься, тебя о деле спрашивают.

— Очень, — отвечает Саша честно. — Если хотите знать, я жить без нее не могу.

— Это хорошо, — говорит Эдик. — Тем легче тебе будет ее узнать...

— Здесь ведь в чем беда? — говорит Корнеев. — Помочь мы тебе не можем, понимаешь? Мы все Светку любим, девка она хорошая, превосходный товарищ, но в данном случае все это не имеет значения.

— Да, здесь только любовь снимает чары, — подтверждает Эдик.

— А чары здесь могучие, — со вздохом говорит Корнеев. — У Беломора нашего рука тяжелая, недаром его Трудослав зовут...

Обширный и светлый кабинет зав. отделом Линейного Счастья Федора Симеоновича Киврина. Киврин и его друг Беломор сосредоточенно наблюдают сквозь магический кристалл (помесь современного телевизора и причудливого аппарата средневекового алхимика) участников самодеятельности, которым предстоит выступить в бале новогодней ночи. Перед ними в коротких отрывках видений и музыки проходят номера, которые мы увидим полностью во второй серии: марш крестоносцев, хор русалок, пляски леших и т. д.

КИВРИН: Не видишь?

БЕЛОМОР: Не вижу... (С досадой.) Ну что ты так беспокоишься? Ну, не найдем мы ее, ну, побудет среди этих привидений немного... через месяц же все равно вернется!

КИВРИН: Нельзя, нельзя, Трудослав! Целый месяц молодой жизни ты коту под хвост пустил. А ей же жить хочется, каждый час жизни для нее дорог...

БЕЛОМОР: Слушай, не сыпь мне соль в открытую рану...

КИВРИН: Ну-ну, не надо, не надо... За женихом послали?

БЕЛОМОР: Послали, кажется... Да не верю я в эту сентиментальную чушь. Любовь, поцелуи... Это же Большое Черное Колдовство, а не постановление месткома...

КИВРИН: Вот гляжу я на тебя, Трудослав...

БЕЛОМОР: Не надо на меня глядеть... (Поднимается, выключает магический кристалл.) Время, Федор. Пойдешь со мной?

КИВРИН: Куда? А, на пробу волшебной палочки... Пойду, конечно. Этот твой... как его... Виктор Корнеев... очень мне нравится. Настоящий маг, без средневековых соплей... и с моим Эдиком дружит...

БЕЛОМОР: Эдик у тебя голова...

Они идут по коридорам института, уже пустынным, но ярко и празднично разукрашенным гирляндами, елочным лапником, смешными картинками и лозунгами, призывающими весело и по-деловому встретить Новый год. Они идут, могучие, седые, двое великих магов, посвятивших свою бесконечную жизнь — один доброте, а другой познанию. Федор Симеонович время от времени приостанавливается, заглядывает в окна и приговаривает: «Пурга... Вьюга... Люблю, черт подери!»

Двое маленьких домовых расшалились, натягивая на стену очередной лозунг, не заметили сразу приближающихся титанов, а когда заметили, то съежились, приткнулись к стенке, испуганно зажмурились. Беломор только ноздри раздул и прошел не глядя мимо, но Федор Симеонович задержался, погладил их по головкам и сунул каждому по конфетке...

Одна из дверей впереди по коридору распахнута, из нее доносятся спорящие голоса. Маги подходят к двери, заглядывают. Там в помещении, похожем на швейную мастерскую, стоят трое и ругаются, размахивая руками. Один из троих — в огромных, клетчатых, как шахматная доска, брюках. Беломор осведомляется:

— Что это вы здесь делаете, товарищи?

Спор мгновенно прекращается. Все трое — руки по швам, почтительный полупоклон — отвечают:

— Готовимся к карнавалу, товарищ Беломор...

— Новинку готовим...

— Брюки-невидимки отлаживаем...

Федор Симеонович мгновенно заинтересовывается:

— Брюки-невидимки? Ну-ка, ну-ка! Интересно!

Беломор ворчит:

— Опять эти ваши фокусы...

Но Федор Симеонович останавливает его:

— погоди, Трудослав... Ну-ка, ребятки, покажите!

Сотрудник в клетчатых брюках принимается с готовностью копать в застёжках у пояса.

— Сию минуту, Федор Симеонович... Айн! Цвай! Драй!

Что-то щелкает у него под пальцами, и сотрудник исчезает, остаются одни клетчатые брюки. Беломор насмешливо ухмыляется. Второй сотрудник сердито говорит:

— Я же говорил: нельзя здесь вектор-магистратум применять...

— Сейчас, сейчас... — торопливо доносится из пустоты над брюками.

Щелчок — и сотрудник появляется снова, красный от смущения.

— Одну минутку, товарищи... Сейчас... Айн, цвай... драй!

Снова что-то щелкает, и на этот раз исчезают брюки, обнажив волосатые и кривоватые ноги сотрудника. Второй сотрудник плюет, машет рукой и отворачивается.

— Да-а-а... — сочувственно произносит Федор Симеонович. — Не получается что-то...

— Вот что я вам скажу, — строго и сердито говорит Беломор. — Чтобы я это чудо на карнавале не видел. Всех девиц перепугаете. Вы что, наш отдел осрамить хотите?

Великие маги следуют дальше, спускаются по лестнице. Входят в мастерскую волшебной древесины. Там уже ждет их Корнеев. В глубине помещения скромно таятся Эдик Амперян и Хома Брут.

— Ну, как тут у вас, Корнеев? — осведомляется Беломор.

— Пять минут осталось, — отвечает Корнеев.

— Подождем... Садись, Федор.

Беломор усаживает Федора Симеоновича в единственное кресло, сам присаживается на верстак. Озирается.

— А это кто? Брут, кажется?

Хома выступает на шаг, подобострастно кланяется.

— Вы зачем здесь, Брут? — неприязненно осведомляется Беломор.

— Он наш, Трудослав Ингваревич, — вступается Корнеев. — Он нам помогает.

А мы — ему.

— Алкоголик... — брезгливо произносит Беломор. — Все они у Выбегаллы одинаковы — либо алкоголики, либо прохвосты...

— Трудослав, Трудослав!.. — укоризненно гудит Федор Симеонович.

Хома Брут всхлипывает, утирает слезы.

— Ну ладно, — говорит Беломор. — А кстати, вот Федор Симеонович интересовался... Жених приехал?

— Приехал, — кратко отвечает Корнеев.

— Приехал, приехал, — энергично кивает Хома Брут. — Я сам его встречал. Хороший парень и очень Светочку любит...

— Гм... — произносит Беломор и отворачивается. — Ну, приехал — и хорошо... А кто из Академии приехал?

— Здесь такая история, Трудослав Ингваревич! — восторженно тараторит Брут. — Такая история получилась — умора, вы не поверите, Трудослав Ингваревич...

— Ша! — свирепо произносит Корнеев, и Брут испуганно замолкает.

Где-то в недрах института начинают бить часы.

— Раз! — считает Корнеев.

Бой часов.

— Два!

Федор Симеонович поднимается с кресла. Беломор сползает с верстака.

— Три! Четыре! Пять!

Напряженные лица Корнеева, Эдика и Брута.

— Шесть! Семь! Восемь! Свершилось!

Корнеев нарочито неторопливо, вразвалку идет в угол, где покоится в шкафчике отныне готовая к действию волшебная палочка. Все молча следят за его движениями.

Корнеев отпирает шкафчик, берет палочку и возвращается с нею на середину мастерской.

— Чего вам угодно пожелать, Трудослав Ингваревич?

Беломор, скрывая волнение, поворачивается к Федору Симеоновичу:

— Как ты считаешь, Федор? Чего бы нам такого пожелать?

— Право, не знаю... — отзывается Федор Симеонович, растерянно разводя руками. — Как-то даже не могу себе представить...

— Если мне будет позволено... — скромно произносит Эдик, — я бы предложил обновить волшебную палочку на самом прекрасном, что создано природой и человеком...

— Молодчина! — восклицает Федор Симеонович.

— Правильно! — кричит в восторге Хома. — Водочки давайте!

Все смотрят на него укоризненно.

— Алкоголик, — брезгливо говорит Беломор.

Хома увядает и стушевывается.

— Самое прекрасное, что создала природа и человек, — говорит Федор Симеонович, — это детский смех.

— Это прекрасная женщина! — возражает Беломор.

— Ерунда, — ворчит Корнеев. — Самое прекрасное и драгоценное — это время! Все смотрят на Эдика. Тот отрицательно качает головой.

— Цветы, — говорит он. — Пусть первым актом новой волшебной палочки будет букет чайных роз!

— Розы так розы, — говорит Корнеев. — Хотя по мне что розы, что крапива — один черт.

— Розы, — говорит Федор Симеонович. — Давайте розы, Витя!

Корнеев поднимает руку с палочкой. Лицо его выражает волнение и торжество.

— Айн! Цвай! Драй! — что есть силы кричит он и резко взмахивает палочкой.

Ничего не происходит.

— Айн! Цвай! Драй! — повторяет Корнеев и снова взмахивает палочкой.

И снова ничего не происходит.

— Заело... — бормочет огорченно Хома Брут.

— Так, — зловеще-спокойно произносит Беломор. — Что же все это значит, Корнеев?

Корнеев смотрит на палочку-карандаш. Лицо его искривлено злобной гримасой, он шепчет что-то явно непечатное.

Номер Саши в гостинице «Изба на куриных ногах».

Саша в одной сорочке сидит за столом, подперев рукой голову. Куртка его брошена рядом на скамью. Свитер тоже. Саша сидит в одной сорочке и размышляет о чем-то печальном. Потом вздыхает, встает, извлекает из рюкзака тетрадь, а из кармана куртки — цанговый карандаш, снова садится за стол и принимается писать. К его изумлению и недовольству, карандаш не оставляет на бумаге никаких следов.

Саша секунду смотрит на карандаш, затем изо всех сил встряхивает его, как встряхивают забарахлившую авторучку.

Вспышка, оглушительный грохот. Клубы дыма. Дым медленно рассеивается. Стол опрокинут, скамейка опрокинута. Саша в разодранной сорочке лежит посередине комнаты и смотрит бессмысленно в потолок. На девственно чистой побелке отчетливо выделяются черные следы двух рубчатых подметок.

Саша с трудом принимает сидячее положение. Цанговый карандаш еще зажат в его руке. Он отбрасывает карандаш и оглядывает подметки своих ботинок. Подметки вымазаны мелом. Саша поднимает голову, смотрит на следы на потолке, затем снова на подметки.

— Вот это да... — произносит он вслух. — Хотя, конечно, главное — ничему не удивляться. Здесь кругом — сплошь чародейство и волшеб...

Он останавливается на полуслове. В двух шагах от него в положении, исключающем всякое понятие о равновесии, стоит на кончике и тихонько покачивается цанговый карандаш. Точнее, волшебная палочка.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ СЕРИИ

Вот такая выходила сказка — сохраняющая пока преемственность с «Понедельником», но во многом на него уже непохожая. Вместо прежней мозаики сюжетов был выстроен заново один, призванный сплавить воедино современные реалии и традиции сказочного повествования. Заколдованная героиня, самоотверженный герой, добрые и умные помощники, преодоление множества препятствий — и неременный счастливый конец... Для части прежних персонажей здесь уже не нашлось места: пришлось либо заменять их другими, либо переделывать под новые «декорации». Превращение Саши Привалова в приезжего жениха открывает новые возможности сюжета — и необратимо закрывает многие прежние линии. Витька Корнеев лишается вожака дивана, а взамен увлеченно занимается волшебной палочкой — теперь уже не в

виде умклайдета, а нарочито традиционной, да еще к тому же неотличимой от банального цангового карандаша. На смену прежнему директору приходит могучий, добрый, но не всегда сдержанный и предусмотрительный Трудослав Ингваревич Беломор с его вполне «говорящими» именем, отчеством и фамилией. Дуэт Выбегаллы и Камноедова, призванный оживлять сюжет всякими глупостями и чинить чародеям препоны, усиливается журналистом Г. Проницательным. А много ли осталось в сценарии от прежней ведьмы Стеллочки, читатель легко может увидеть сам.

После завершения работы над первой серией АНС делает некоторый перерыв... а затем принимается все переписывать заново. Очень многие фрагменты прежнего текста признаются подходящими и с некоторыми изменениями переходят в новый вариант сценария, но кое от чего сценарист решает отказаться категорически. Действие заклятья, наложенного Беломором на Светлану, стало совершенно другим. Во-первых, для фильма прежний ход был невыигрышным: исполнительница главной женской роли очень быстро выводилась из действия до самого финала (русалка с лицом Светы — замена недостаточная). Во-вторых, Большое Черное Колдовство с дополнительным отягощением («засунул сгоряча в толпу своих привидений») подразумевало слишком предсказуемую развязку — особенно когда Панург сообщал зрителю, что в новогоднем концерте «примет участие и бедная Светлана». Не очень-то нужен был сам Панург с его функцией постороннего наблюдателя: он не говорит по ходу событий ничего такого, что нельзя донести до зрителя как-то иначе. Дубли остались рудиментом прежнего сюжета ПНВС и не особо выигрышно смотрятся в новом. Вагонные чересчур сильно безобразничают, а явление самолетной, рассказывающей, что Беломор сделал со Светланой, — типичный «рояль в кустах»...

Следующий вариант литературного сценария «Чародеев» был написан уже полностью. АНС занимался этим почти месяц (с 26 июля по 22 августа 1978 года), а спустя несколько дней в письме брату от 27 августа обозначил итоги и перспективы: «Бромберг (наш режиссер) прочитал и остался весьма доволен. Распечатывать и пересылать тебе пока не имеет смысла, ибо он должен еще вставить в текст специфические для мюзикла ссылки на муз<ыкальное> оформление».

Несмотря на неоднократные упоминания распечатки сценария в письмах и дневниках АНС, беловиков его в материалах по «Чародеям» не обнаружено. А вот черновик остался, и именно по нему эта версия сценария печатается в настоящем томе в разделе «Из архива».

Хотя материалов к «Чародеям» сохранилось много, полный литературный сценарий фильма существует лишь один. С написанным через несколько лет режиссерским сценарием того же названия он имеет мало общего, и путать их не следует. Кроме того, у литературного сценария есть два варианта: обсуждаемый сейчас и написанный позже, в 1979 году. Они оба рассказывают одну и ту же историю, но различаются в подробностях — чаще второстепенных, но иногда и существенных. Можно считать, что в цепочке превращений сценария по ПНВС в фильм этот материал находится где-то посередине и являет собой для пытливых читателей своего рода «недостающее звено» между уже публиковавшимися версиями: самой ранней и самой поздней.

Форма черновика не совсем обычна. Материал писался «по-киношному», поэтому машинописная нумерация страниц у каждого эпизода отдельная, и лишь по завершении рукописи в ней была от руки проставлена сквозная нумерация. Кроме того, интересно оформлена связка страниц, относящихся к одному эпизоду: наверху каждой страницы, кроме первой, рядом с машинописным номером указано также последнее слово, напечатанное на предыдущей странице.

При подготовке этого тома необходимо было решить, насколько полно представлять литературный сценарий «Чародеев» и какой из версий отдать предпочтение. От идеи дать полный текст обеих версий составители отказались: при всех различиях в них слишком много прямых совпадений. Но какой из вариантов лучше опубликовать полностью, а для какого дать лишь всякие интересные разночтения? Казалось бы, дело следовало решить в пользу второго варианта как более продуманного и проработанного. Но против такого решения есть ряд серьезных аргументов. Во-первых, в версии 1979 года из-за отсутствия одной страницы нарушена связность, а адекватно восстановить лауну по тексту из другого варианта не удастся. Во-вторых, сокращений во втором варианте существенно больше, чем дописок: удобнее привести целиком более объемный текст, а разночтения дать для сокращенного. В-третьих, наконец, эти изменения стали результатом замечаний других людей, и вовсе не факт, что АНС поступил бы точно так же, будь на то лишь его воля. Поэтому полный литературный сценарий печатается в «архивном» разделе тома по исходной авторской версии, а разночтения даются, как увидит далее читатель, для переработанного варианта 1979 года.

Несколько слов надо сказать и об упоминавшемся выше музыкальном оформлении. 14 сентября 1978 года АНС пишет брату: «Сценарий мюзикла отдал на распечатку, после чего намерен показать Ю. Киму, который выразил желание работать с нами. Если ему сценарий подойдет, это многое упростит: нам не придется заниматься грошовой формалистикой и вставлять в сценарий ремарки, долженствующие показать, что это сценарий именно мюзикла. Тогда при обсуждении на худсовете выступит Ким и скажет, что он знает, как это нужно делать». Ответная

реплика БНС 17 сентября: «О! Если бы Ким взялся за мюзикл, это могла бы получиться вещь! Обязательно напиши мне, когда этот вопрос решится».

Результатом общения с Ю. Кимом стал список песен к фильму, содержащий ссылки на страницы литературного сценария и являющийся своего рода приложением к нему.

На одной из ранних копий этого списка рукой АНС написано сверху: «Предложение Юлика Кима», а снизу добавлено «Два представления Светы о «линейном счастье»: до и после превращения, на один мотив» и далее — «20 окт. 78-го г.».

1 СЕРИЯ

1. Вступительная песня. (Песня о волшебстве.)
2. Монолог КАМНОЕДОВА (Как надо принимать ревизоров) — стр. 5.
3. Лирический монолог СВЕТЛАНЫ о женихе — стр. 8.
4. Дуэт ВЫБЕГАЛЛЫ и Г. ПРОНИЦАТЕЛЬНОГО (В науке все хорошо, кроме отдельных) — стр. 11.
5. Сцена ЗАКЛЯТЬЕ БЕЛОМОРА — стр. 15.
6. Дуэт БЕЛОМОРА и КИВРИНА (О пользе камнеядовых и выбегалл) — стр. 29.
7. Монолог «новой» СВЕТЛАНЫ (Держитесь за меня, девочки!) — стр. 35.
8. Монолог ВАГОННОГО (Что значит быть заколдованным) — стр. 37.
9. Монолог САШИ (Люблю! Расколдую!) — стр. 40.
10. Ария ЗЕЛЕНОГО ЗМИЯ — стр. 50.
11. Монолог ВЫБЕГАЛЛЫ (Как верить бумагам после этого!) — стр. 60.

2 СЕРИЯ

1. Дуэт КАМНОЕДОВА и ВЫБЕГАЛЛЫ (Как оформлять Привалова?) — стр. 63.
2. Ария КОРНЕЕВА о палочке — стр. 71.
3. Закадровый хор о поцелуе (Во время беседы Корнеева с Сашей) — стр. 75.
4. Ария СВЕТЛАНЫ (Прокачу академика!) — стр. 77.
5. Сцена «Что всего прекраснее в мире?» — стр. 81.
6. Сцена «САША дирижирует в избе» — стр. 91.
7. Сцена «Подготовка к помолвке» — стр. 109.
8. Монолог АМПЕРЯНА (Во время колдовства) — стр. 113.
9. Заключительная свадебная.

В архиве Авторов сохранился и более поздний чистовик списка, где некоторые названия сформулированы иначе, а в текст добавлена благодарность Юлию Киму. Нелишне напомнить, что все эти темы относились именно к текущему состоянию сценария: они не вполне соответствуют уже следующей версии, подготовленной в 1979 году, а с песнями, которые Ким в действительности писал для фильма через два года, связаны и вовсе приблизительно.

ДЛЯ МУЗЫКАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СЦЕНАРИЯ АВТОРЫ ПРЕДЛАГАЮТ СЛЕДУЮЩИЕ ТЕМЫ:

ПО ПЕРВОЙ СЕРИИ

1. Вступительная песня (Песня о Волшебстве).
2. Монолог Камнеядова «Как надо принимать ревизоров» — стр. 5.
3. Лирическая песенка Светланы о женихе — стр. 8.
4. Дуэт Выбегаллы и Г. Проницательного «Все в науке хорошо, кроме отдельных нетипичных...» — стр. 11.
5. Монолог Беломора «Заклятье» — стр. 15.
6. Дуэт Беломора и Киврина «О пользе камнеядовых и выбегалл» — стр. 29.
7. Монолог Светланы «Держитесь за меня, девочки!» — стр. 35.

8. Монолог Вагонного «Что значит быть заколдованным» — стр. 37.
9. Монолог Саши «Люблю! Расколдую!» — стр. 40.
10. Ария Зеленого Змия — стр. 50.
11. Монолог Выбегаллы «Как верить паспортам!» — стр. 60.

ПО ВТОРОЙ СЕРИИ

1. Дуэт Камноедова и Выбегаллы «Как оформить Привалова?» — стр. 63.
2. Ария Корнеева «Волшебная палочка» — стр. 71.
3. Закадровый хор «Песня о поцелуе» — стр. 75.
4. Ария Светланы «Эх, прокачу академика!» — стр. 77.
5. Сцена «Что всего прекраснее в мире?» — стр. 81.
6. Сцена «Саша в Избе на куриных ногах» — стр. 91.
7. Сцена «Подготовка к помолвке» — стр. 109.
8. Монолог Амперяна «Светлана, стань иной!» — стр. 113.
9. Заключительная свадебная.

ПРИМЕЧАНИЕ: при разработке песенно-музыкальной тематики авторы руководствовались прямыми и непосредственными указаниями ЮЛИЯ КИМА, за что приносят ему сердечную благодарность.

В дневниковых записях АНС, относящихся к осени 1978 года, неоднократно подчеркивается, что, поскольку Константин Бромберг занят текущим проектом, а на другого режиссера сценаристы решили не соглашаться, надо ждать год. За это время надлежало без лишней спешки завершить все сценарные работы и получить за них положенные выплаты, по тем временам довольно приличные. Вот фрагмент одной из записей, датированной 26 ноября: «Были у меня Бромберг и Смелков. Просидели > 3 часов. Убедили Смелкова в закономерности и необходимости незамысловатого сказочного сюжета («Спящая красавица»). Убеждали меня создать философию сказки, чтобы затем легче создавать сцены и персонажные линии». Далее там же называются имена некоторых предполагаемых актеров (единственное совпадение с реальностью — В. Золотухин, но предлагался он тогда явно не на роль Киврина) и говорится о единодушии участников обсуждения по кандидатуре Юлия Кима как автора стихов к мюзиклу.

Редсовет по литературному сценарию «Чародеев» состоялся 19 января 1979 года. Согласно дневнику АНС «сценарий приняли с триумфом», но нужно было теперь написать окончательную версию с учетом сделанных замечаний, конспект которых сохранился.

19.01.79

1. Простота разрешения проблемы «поцелуй»...
 2. Сходство волшебной палочки с карандашом — упрощение, «технология».
 3. Палочка как феномен всемогущества, равный по мощност<ости> волшебнику рядовому.
 4. Необходимость в музыке.
 5. Существенность роли композитора.
 6. Необходимость в сокращении, сохраняя ритм и целостность. Одни песни займут целую серию.
 7. Усилить по всему тексту стилистику юмора скатерти-самобранки.
 8. Необходимость органичности перехода для актера от разговора к пению.
 9. Больше чудесного.
 10. Фильм о любви, а не производственный.
 11. Образ Саши недостаточно характерен.
 12. Рыхловатость текста по сравнению с такими эпизодами как «взыскать посмертно».
 13. Цензура: АН СССР, Москва, Соловец.
- Прописать элементы идеи: из хорошего человека плохого сделать нельзя.

14. Пересмотреть приметы времени («Солнцедар»), мечты Светланы (не машина, а что-либо другое).

15. Убрать реморализацию с пулеметом. И финал.

16. На следующем этапе определить сюжетные повороты, которые выразятся музыкальными номерами.

17. Образ журналиста прописать, убрать схему.

18. Производственный сценарий, хотя и о любви.

19. Опасность, что муз. решение отвлечет от главного. Роль музыки — авторский голос; не обязательно песни, иногда для немых сцен между героями.

19 февраля в дневнике АНС вновь записано: «Придется маленько еще посидеть над сценарием, учитывать их замечания. К счастью, их немного, и главным образом — на сокращение». Поскольку, как уже говорилось, режиссер до конца 1979 года был занят «Приключениями Электроника», для подготовки окончательного варианта сценария «Чародеев» времени хватало. 13 июля 1979 года АНС сообщает брату: «Переработал «Чародеев», на той неделе сдаю как 2-й вариант на ЦТ, пусть обсуждают, утверждают и гонят деньги». А в письме от 6 сентября говорится: «Сценарий «Чародеи» (2-й вариант) обсуждался на ЦТ и принят без единой поправки с большими похвалами в наш адрес. Теперь мы получим еще по 25%, а затем начнется режиссерский сценарий, и, если все будет благополучно, фильм покажут в Новый год с 1980-го на 1981-й по телику. А там уж и все прочие выплаты». По поводу сроков показа фильма, правда, прогнозы оказались избыточно оптимистичными. На самом деле это произошло лишь двумя годами позже: работа по «Приключениям Электроника» действительно была завершена к концу 1979 года, но запуск «Чародеев» в производство состоялся только в апреле 1981 года, а фактически фильм начал сниматься и вовсе в 1982 году.

Анализ второго варианта литературного сценария показывает, что немалая часть замечаний была учтена неукоснительно. Налицо значительные сокращения, в первую очередь сделанные с целью удаления из сюжета Г. Проницательного и всего, что имело отношение к алкоголизму Хома Брута. Некоторые сцены (в основном в финале) заменялись совсем другими, в том числе для реализации ранее согласованной с режиссером идеи: «Не он должен поцеловать ее, а наоборот». Не связанная с конкретными замечаниями мелкая стилистическая правка встречается, но нечасто.

Исходной рукописи этого сценария в архиве АБС нет, но сохранилась более поздняя перепечатка, переплетенная в качестве редакторского экземпляра сценария в 1981 году. В этой машинописи есть досадная лакуна: страница 87 отсутствует. На титульном листе рукописно добавлено «2-й вариант» и указана некоторая техническая информация, включая текст «Приказ на запуск: № 20 от 1.04.81 по СМГ шифр 00267» и номер телефона редактора Т. Н. Беляевой.

Именно этот источник был использован для сверки разных вариантов литературного сценария. Результаты ее далее представлены: наиболее существенные различия новой версии сценария с прежним вариантом рассматриваются по порядку происходящих событий.

Итак, первая серия. Уже в самом начале изменен текст на вывеске института: там теперь вместо «НИИЧАВО АН СССР» значится просто «НИИЧАВО». А после того как директор получает телеграмму (подписанную теперь, кстати, не «АКАДЕМНАБ», а «МЕРЛИН»), добавлена сцена, в которой Хома Брут предстает персонажем вполне добропорядочным.

Сводчатый коридор института. Спешат по рабочим местам сотрудники. У окна стоят трое: заведующая лабораторией Линейного Счастья Светлана Григорьевна Почкина — хорошенькая молодая женщина в белом халатике, туго перетянутом в талии, талантливая ведьма, классный специалист; долговязый патлатый Виктор Корнеев — начальник мастерской волшебной древесины, в черном халате поверх джинсового костюма; и его помощник Хома Брут, маленький и толстенький, в рабочем комбинезоне при ярчайшем галстуке и в сверкающих штиблетах.

— Так ты возьмешь мне билет на сегодня, Витька? — озабоченно говорит Светлана.
— Умри, а достань...

— Будет сделано, не беспокойся...

— А ты, Хомушка, пошлешь телеграмму... Вот текст, а вот адрес.

— Сделаю, благодетельница...

— Все забываю, — говорит Корнеев. — Кто он у тебя, твой жених?

— Инженер-программист.

— Это хорошо, это очень даже неплохо. У нас машина третий месяц простаивает.

— Еще согласится ли он ехать сюда, — с сомнением произносит Хома. — Как ты думаешь, Светланочка?

— А куда ему деваться? — рассудительно отзывается Корнеев.

— Любит, так согласится... — смеется Светлана. — Ну, идите, идите, мальчики, и поскорее возвращайтесь...

Там, где Модест Матвеевич излагает план мероприятий по встрече академика, прежняя фраза «Кстати, концерт новогодний, самодеятельность ему покажем...» заменяется более обширным текстом. (Упоминание о забытой ручке появилось не случайно: это подводка к эпизоду, где Камноедов в сцене с подменой волшебной палочки заменит Г. Проницательного.)

— Зафиксируйте, товарищ Камноедов, — приказывает Выбегалло.

Модест Матвеевич достает блокнот, хлопает ладонью по карманам.

— Ручку забыл, — объявляет он озабоченно. — Нет ли у кого-нибудь ручки?

— Вечно вы ручку свою забываете, товарищ Камноедов, — сердито говорит Выбегалло. — Вот, возьмите мою...

— Благодарю вас... — Модест Матвеевич берет ручку. — Так, фиксирую... (Записывает.) Застолье... Гостиница... Да! Концерт новогодний!

Следом убираются слова Выбегаллы: «Самодеятельность у нас на высоте! Почти стопроцентный охват, шутка ли? Такой самодеятельности и в Москве...» Их диалог с Модестом продолжается иначе.

— Правильно! — подхватывает Выбегалло. — Концерт, затем застолье...

— Осетрина! — перебивает его Модест Матвеевич. — И икра!

И, разумеется, в связи с отсутствием Г. Проницательного в этой сцене убрано упоминание «товарища из прессы», который должен встретить академика вместе с Выбегалло и Светланой.

В следующей московской сцене нет Ленинского проспекта и универмага «Москва» (они заменены, соответственно, на «широкий проспект» и «огромный универмаг»).

Затем действие происходит в одной из лабораторий НИИЧАВО. Здесь убраны подробные описания Светланы и Корнеева (поскольку это теперь не первое их появление перед зрителем), необходимые подробности перенесены в более раннюю сцену — вместе с упоминанием о том, что Саша инженер-программист, и о том, как сильно такой специалист нужен институту.

Полностью удалена сцена с появлением сначала Г. Проницательного, а затем зверски пьяного Хома Брута, которого Корнеев решает отправить на реморализацию. Поэтому, когда появляется Выбегалло, дверь «распахивается» просто, а не «в третий раз». Прежний диалог об алкоголизме Брута заменяется другим, где Выбегалло изображает галантного кавалера.

— Чувствительнейше рад вас видеть, прелестнейшая Светлана Григорьевна! — блеющим тенорком произносит он. — Все цветете, розан вы этакий... Пожалуйте ручку!

Светлана, смеясь, протягивает ему руку. Он надолго припадает к ней. Светлана отбирает руку.

— Вы по делу, Амвросий Амбрузович? — спрашивает она. — А то я уезжаю сегодня, и дел еще по горло...

Сообщая о встрече академика, Выбегалло ссылается на «распоряжение директора товарища Беломора», а не просто «директора Беломора». Протестующая Светлана не говорит: «Я телеграмму дала... вот квитанция...», ибо дать телеграмму она раньше поручила Хоме.

Встреча Корнеева и Брута с уже заколдованной Светланой прежде описывалась так: «Вдруг навстречу ей выходят долговязый Корнеев и коротышка Хома Брут. Видно, что Корнеев мрачен, а Брут уже несколько протрезвел. Завидев Светлану, оба бросаются к ней». Теперь от всего этого остается только: «И тут навстречу ей выходят Виктор Корнеев и Хома Брут». А вот последующий диалог, напротив, расширен с учетом изменившихся обстоятельств.

— Все в порядке, Светка, — произносит Корнеев. — Вот тебе билет, поезд пятнадцатый, вагон наш обычный, тринадцатый... Отходит в четыре дня...

— А вот квитанция, благодетельница, — сладким голосом подпевает Брут. — Встретит тебя женишок честь по чести... и дай вам бог, как говорится...

Светлана холодно глядит на них, затем небрежно отстраняет протянутые билет и квитанцию.

— Билет сдайте обратно, товарищ Корнеев, — произносит она. — Я никуда не еду.

Корнеев и Брут недоуменно переглядываются.

— Не едешь? Это еще почему?

(Между прочим, пятнадцатому поезду соответствует идущий в обратном направлении шестнадцатый поезд, а не сто шестнадцатый, как несколько раз указано в этом сценарии и до переработки, и после. Кроме того, поезд «Москва–Архангельск» 016, отходящий от Ярославского вокзала, действительно существует. В связи с этим в текст литературного сценария «Чародеев», приведенный в разделе «Из архива», внесена необходимая правка.)

Про ревизора из Москвы Светлана теперь говорит не «Как вам известно, товарищ Корнеев», а «да будет вам известно, товарищ Корнеев», а далее отсутствует фрагмент, где она приказывает Корнееву срочно заняться реморализацией Брута. Растерянный Брут реагирует иначе: не «Но как же с Беломором... отпустил он тебя... вас то есть... к жениху-то?», а «Но как же жених-то... значит, не едешь ты... вы то есть... к жениху-то?».

Далее полностью изъята процедура реморализации Брута с последующим упоминанием необходимости еще двух сеансов («Следующий — в Новый год, вместо застолья»). Убрана и часть сцены в лаборатории волшебной древесины с появлением Амперяна и вызовом Зеленого Змия для проверки промежуточных результатов реморализации.

Из сцены в квартире Светланы снова изъят Г. Проницательный и все относящиеся к нему реплики других персонажей. Соответственно, позже, когда Выбегалло является в лабораторию к Светлане с цветами, журналист его не сопровождает.

В разговоре Беломора с Кивриным способ снять заклятие изменяется согласно внесенным в сюжет поправкам. Фраза «Если он не поцелует Светлану до новогодней полуночи, она останется с зимою в сердце на всю жизнь» теперь начинается иначе: «...если Светлана не поцелует его». И далее вместо фразы «Но ведь когда он встретится со Светланой и увидит ее такой, какая она сейчас...» идет: «Светлана, какая она сейчас, ни за что не станет его целовать».

Отсутствует сцена в лаборатории волшебной древесины, где Витька и Эдик обсуждают технические аспекты заклинания, наложенного на Светлану. В новой версии Корнеев сидит один, Брут сообщает подслушанную информацию о снятии заклятия только ему.

Перед прибытием в Соловец проводник сообщает: «Здесь у нас полярная ночь-с...» (Ему надо объяснить Саше, почему в четверть пятого дня за окном темно.)

Вывеска над платформой — не «СОЛОВЕЦ. АРХАНГЕЛЬСКАЯ Ж. Д.», а просто «СОЛОВЕЦ». Отсутствует фраза «Личико Светланы остается безмятежным», когда Саша представляется. Несколько позже Светлана иначе сообщает, что Саша ее жених: «Честное слово, — говорит Светлана, — он как две капли воды похож на Сашку... на моего жениха...»

Часть изменений далее снова объясняется отсутствием Г. Проницательного. Среди встречающих его нет, Выбегалло в гостинице говорит не «товарищ Г. Проницательный зайдет за вами ровно в шесть», а «за вами зайдут ровно в шесть». Нет также слов Выбегаллы «это не для прессы».

Одна из высказанных претензий касалась нежелательных «примет времени», поэтому в алкогольном меню скатерти-самобранки «Солнцедар» заменяется менее одиозным и более типичным для конца семидесятых напитком: «Портвейн есть. Акстафа. Спирт питьевой». (Любопытно, что в режиссерском сценарии, а затем и в фильме «Солнцедар» появится опять — «Акстафа» не заменит его, а дополнит.)

Во второй серии разночтений тоже немало.

Выбегалло говорит Модесту насчет паспорта не «Это уже по вашей части», а более кратко и точно: «Зафиксируйте».

За Сашей утром заходит не Проницательный, а Хома Брут. Соответственно, полностью снята сцена на улице, где Проницательный пытается договориться с «академиком» насчет интервью. (Между прочим, именно здесь Саша впервые понимал, за кого его приняли.)

Далее следует сцена в лаборатории волшебной древесины с рассказом о предыстории волшебной палочки и попыткой ее демонстрации. Сюжетно важные функции Г. Проницательного выполняет Камноедов, а иногда Выбегалло. Например, фрагмент «Замечательно интересно! —

восторженно шепчет Г. Проницательный, бешено работая авторучкой» заменен словами: «Интересно, не правда ли? — произносит Выбегалло, обращаясь к Саше».

Насчет надписи на бревне допытывается не Камноедов, а Выбегалло. Соответственно, зафиксировать решение по этой надписи предлагает не Модест журналисту, а Выбегалло — Модесту как своему подчиненному.

Модест Матвеевич с готовностью извлекает блокнот и хлопает себя ладонью по карманам.

— Ручку опять забыл, — виновато произносит он. — Товарищи, одолжите кто-нибудь ручку!

— Вечно вы забываете... — сердито ворчит Выбегалло и лезет за ручкой, но уже Саша достает свой цанговый карандаш и протягивает Камноедову.

— Подойдет?

— Благодарствуйте, товарищ акаде... э-э... Чувствительно благодарен... Я на одну минутку... Так что именно зафиксировать, товарищ Выбегалло?

— Зафиксируйте предложение взыскать посмертно с Люси и... как его... Гены...

Камноедов медленно и старательно записывает.

Чуть позже Выбегалло говорит Камноедову: «...за порчу древесных насаждений... ну и там сами закончите, как положено...»

Переделывается прежний вариант, где Саша отдает карандаш Проницательному, у которого после случайного удара бревном сломалась ручка. А при демонстрации палочки вместо реплики журналиста «Как интересно!» следует реплика Выбегаллы: «Совершеннейший карандаш. Как вы находите, Светлана Григорьевна?» Корнеев теперь отдает палочку Саше, который передает ее Выбегалле, а тот — Камноедову. (Раньше была цепочка «Камноедов — Выбегалло — Проницательный».) Когда палочку роняют, фрагмент «Виноват... — бормочет Г. Проницательный, подбирая палочку» заменяется на «Вы это прекратите, Корнеев... — бормочет Камноедов, подбирая палочку». Далее Саше возвращает «карандаш» не журналист, а Камноедов. При этом важный фрагмент «Только простите... он у вас почему-то не пишет... То есть сначала писал, а потом...» заменяется нейтральным «Вы меня очень одолжили...».

Поскольку в отношении поцелуя концепция изменилась, в гостинице Брут говорит Саше не «Один всего поцелуйчик в алые губки, только и всего!», а «Один всего поцелуйчик у нее выпросить, только и всего!». Саша прежде говорил: «Знаю. Понимаю. Хочу. Смогу. Сделаю». Теперь последнее слово заменено — опять же в рамках новой концепции — на «Добьюсь».

Убран краткий диалог Корнеева с Беломором в мастерской про «никаких посторонних» и про алкоголизм Брута. В словах «Брут, не выдержав напряжения, лезет под столик» последнее слово заменено на «верстак». И, разумеется, убирается еще один «алкогольный» фрагмент с Брутом про «надо обмыть».

Когда в гостинице Саша собирается писать Светлане, результат он формулирует не как «а там видно будет», а как «пусть судит сама».

Действие снова возвращается в мастерскую. Замена слов «если ее жених не поцелует» на «если жениха не поцелует» вполне ожидаема. Затем Корнеев вспоминает, что происходило с карандашом, и вместо реплики «Да этот... как его... Журналист! Гэ Проницательный!» идет «Да этот... Модест! Зам. по АХЧ!». А Брут вместо «У Выбегаллы он! У Выбегаллы!» отвечает: «В доме руководящего состава! В одной квартире с Выбегаллой!» Между прочим, временное обитание журналиста в квартире Выбегаллы еще как-то поддается объяснению, а вот то, что ответственные администраторы НИИЧАВО живут по двое в квартире и без семей, удивительно. (Почему здесь и в следующей сцене нельзя было заменить квартиру Выбегаллы на квартиру самого Модеста, не очень понятно.)

Далее Корнеев и Брут лезут ночью в чужую квартиру. Поскольку там вместо журналиста — Модест, он ведет себя иначе. Вместо «Как журналист я всегда пользуюсь авторучкой. У меня, да будет вам...» следует «И вы это прекратите, Корнеев! Да будет вам известно...». В ночном разговоре нет подробностей про падение журналиста и поломку авторучки. В ответ на вопрос, где академик, звучит не «Понятия не имею. Скорее всего, в гостинице...», а «В гостинице. В «Избе». Но он не прописан...». Вместо «Видите ли, он сначала работал, а потом почему-то перестал, и я вернул...» — «И я вас предупреждаю, Корнеев...».

Эпизод, когда Корнеев наводит в избе порядок, описан подробнее.

Корнеев, насупившись, бормочет заклинание, затем кричит Саше:

— Сделайте палочкой вот так! (Показывает пальцем в воздухе.) Ну, «знак Зорро»...

Видел в кино?

Саша неуверенно чертит палочкой в воздухе латинское «зэт».

Раздается треск, горница наполняется клубами зеленоватого дыма. Все кашляют. Дым рассеивается. Весь живой и неживой хлам исчез без следа. Горница снова сияет чистотой, и только на потолке возле лампы остались рубчатые следы Сашиной обуви.

(Кстати, для некоторых нынешних молодых читателей упоминание «знака Зорро» в фильме оказалось совершенно непонятным: буква «зэт» у них ассоциируется, скажем, с комбинацией Ctrl+Z для отмены последнего действия в компьютерных программах. БНС в офлайн-интервью (8.02.2012) пришлось давать по этому поводу пояснения: «Как говаривал старый ребе из анекдота: «Во-первых, это красиво...» В то наше время, когда фильм «Знак Зорро» прочно владел душами, ничего более прекрасного, мощного, почти мистического, нежели беспощадное и таинственное Z (а самый первый вариант фильма назывался «Таинственный знак!»), вырезанное шпагой в воздухе, и представить было невозможно. Только Z! Без вариантов! И без никаких компьютерных комбинаций. Z — это было понятно всем и каждому без всяких объяснений. А если и не каждому, то уж авторам сценария — наверняка».)

Далее Саша вместо прежнего «Вы мне разрешаете поцеловать себя, и я возвращаю вам волшебную палочку» начинает фразу словами «Вы поцелуете меня...», а Светлана задумчиво произносит не «Разрешить поцеловать себя...», а «Поцеловать вас...». Кроме того, Светлана теперь говорит Корнееву о Бруте не «ваш алкоголик», а «ваш помощник».

Как уже говорилось, одна страница (87-я по общей нумерации) в сохранившейся машинописи второго варианта сценария пропущена, поэтому нельзя выяснить, изменялось ли что-то в сцене, где Саша после обсуждения ситуации добровольно отдает палочку Корнееву.

В эпизоде, где НИИЧАВО украшается к празднику, прежде были слова: «Армия гномов и домовых обоего пола под руководством сотрудников в белых халатах весело суетится...» Теперь все это происходит «под руководством Модеста Камноедова».

В разговоре с Беломором про поцелуй любви Саша прежде в отчаянии кричал «Но она не дается!», теперь же — «Но она не желает!».

И снова — избавление от «примет времени». При обсуждении условий брака было «Во-вторых, квартира... ну, ваша квартира на первый случай сойдет... а вот машина с гаражом...». Вместо «машины» появилось: «если выставите из нее этого противного Камноедова... а вот лицензия на отстрел леопарда в Африке...» Далее техника («Есть и машина, и аэросани, и летающее блюдце!...») заменяется экзотическими животными («Будет и леопард, и слон, и гиппопотам...»), а реплика «хм... так... “машину...”» превращается в «хм... так... “лицензия...”». Полностью снята большая сцена в лаборатории волшебной древесины с участием Саши, Корнеева и Эдика, с которым Виктор впервые знакомил Сашу. Применение реморализатора для того, чтобы Саша успел Светлану поцеловать, к новому варианту не подходило, так что Амперян оказался не нужен и в этой сюжетной линии, превратившись, как будет показано дальше, в персонаж совершенно эпизодический.

Отсутствует вся сцена с предварительным объявлением о помолвке, с предъявлением Модесту найденной палочки и с попыткой реморализации. Обращение Беломора по радио идет сразу вслед за обсуждением брачного соглашения, а поскольку никаких посторонних теперь нет, Светлана никого не призывает разойтись. Кроме того, прежде она успевала под воздействием реморализатора порвать обязательство Выбегаллы, а потом предлагала тому задержаться, чтобы написать новое. Теперь вместо этого идет просто: «Вот и прекрасно, мой друг. Сейчас вы отвезете меня домой в своей машине».

Намеки на неудачную реморализацию убираются из последующего разговора Корнеева с Сашей про верный шанс. Действие палочки описывается иначе. Раньше было: «Этой палочкой можно даже остановить время. <...> Берешь палочку, произносишь заклинание, затем «айн, цвай, драй!» — и время останавливается на пять секунд. Для всех, кроме тебя». Теперь это стало выглядеть так: «При помощи этой палочки можно даже вернуться в прошлое. <...> Берешь палочку, произносишь заклинание, затем «айн, цвай, драй!» — и возвращаешься в любое свое прошлое». Также в первом варианте говорилось, что в результате палочка останется «в той секунде, в которой ты скомандовал остановку времени», теперь же это должно произойти «в том времени, в которое ты пожелал вернуться».

Убран весь эпизод, где Проницательный идет брать интервью у «академика», а тот спускает журналиста с лестницы.

Несколько иначе стала описываться общая картина бала.

Зала по краям уставлена накрытыми столиками, а на середине под звуки быстрого вальса кружатся веселые пары. Вьется серпантин, сыплется конфетти, хлопают хлопушки.

Проносится в вальсе пара — Светлана и Выбегалло. Светлана равнодушно и задумчиво смотрит в потолок, Выбегалло, красный и взволнованный, что-то нашептывает ей на ухо.

Несется, обняв за талию белокурую красавицу, незадачливый изобретатель брюк-невидимок Редькин. Его красавица в длинном бальном платье, а за нею на сверкающем паркете остаются мокрые следы огромных птичьих лап.

Тяжеловесно кружится в паре с молоденькой лаборанткой Федор Симеонович — очень довольный весельем, он что-то рассказывает партнерше, отчего та хохочет, закидывая голову.

В связи с этим часть прежней сцены, где персонажи сидят за столиками, убрана. В эпизод с Сашей, Корнеевым и Брутом внесена некоторая стилистическая правка. Отсутствует эпизод с Камноедовым, его женой и соседом-привидением. (И в самом деле, если Камноедов живет у Выбегаллы, откуда взялась его жене?) Вместо этой сцены перед обращением Беломора к сотрудникам сделана большая вставка, где все-таки появляется Амперян.

Музыка смолкает. Конферансье — невысокий чертик с красными копытцами и рожками и с хвостом с кисточкой — звучно провозглашает:

— Выступает магистр метамагии Эдуард Амперян с труппой дрессированных привидений!

Пары, хлопая, расступаются, освобождая пространство. В круг вступает высокий черноволосый мужчина во фрачном костюме. Делает несколько замысловатых пассивов... и вокруг него возникают полупрозрачные фигуры в складчатых саванах. Еще один пассив — и привидения затягивают, пританцовывая, на веселенький мотивчик знаменитое пушкинское «Трусоват был Ваня бедный». Эдик Амперян вдохновенно дирижирует. Когда песенка смолкает, Эдик одним взмахом руки убирает свою труппу в небытие и раскланивается под аплодисменты.

Снова звучит вальс. К столику наших друзей подбегают Верочка и Катенька, приглашают Корнеева и Брута. Те отрицательно качают головами. Саша решительно встает, подходит к Светлане и Выбегалле.

— Разрешите?

Выбегалло снисходительно блеет:

— Пожалуйста, Полуэкт... гм... юноша!

Саша несется в вальсе со Светланой. Танцуют, они поют дуэтом песню о счастье в любви (Саша) и о любви к счастью (Светлана). Снова смолкает музыка, и посередине зала появляется огромный Беломор. Он звучно хлопает в ладоши и приказывает:

— Все по местам!

Сотрудники со смехом расходятся и усаживаются за столики.

Беломор не дает распоряжение Амперяну выпускать Зеленого Змия, как прежде, а делает это сам, причем сокращение «Зезе» не используется, а прежний текст песенки заменен простым упоминанием «Арии Зеленого Змия». Обращение Беломора «С Новым годом, товарищи!» заменено на простое «С Новым годом!» (ибо «товарищи» уже были в его речи чуть раньше).

Дальше пускается в ход палочка. Прежняя сцена с поцелуем заменяется новой.

Тишина. Нет больше столиков. Нет больше зала. Нет Соловца. Это все будет через полгода. А сейчас...

...Саша и Светлана идут по березовой роще между тоненькими белыми стволами под зеленой листвой, сквозь которую с голубого неба ярко светит ослепительное летнее солнце...

Саша останавливается, кладет Светлане руки на плечи и поворачивает лицом к себе, и она смотрит на него снизу вверх, влюбленная и счастливая...

— Поцелуй меня! — шепчет Саша.

И она, встав на цыпочки, обнимает его обеими руками за плечи и целует в рот долгим горячим поцелуем...

— Бам-м!

Саша и Светлана стоят посередине зала в той же позе, что в тот жаркий летний день полгода назад.

— Бам-м!

Далее добавлено: «Брут, повернувшись к Корнееву, улыбается от уха до уха и показывает ему большой палец. Корнеев медленно кивает».

Прежде после последнего удара часов следовало: «Веселый шум затихает, все с недоумением смотрят на Светлану и Сашу, перешептываются и пожимают плечами». Теперь же, поскольку ничего интересного публике видеть не могла, следует другая фраза: «Беломор достает из кармана огромный носовой платок и вытирает лицо». Затем Светлана вместо «Девочки мои! Как я счастлива!» говорит: «Это он, мой Сашка».

Несколько иначе стала выглядеть последняя сцена с Выбегаллой, осознающим свое поражение. Убрана сцена, где сначала Камноедов вручает Саше со Светланой ценный подарок, припасенный им для несколько другого случая, а затем Киврин с Беломором разговаривают про «урок на всю жизнь». Прежде к их столику подходил расстроенный потерей волшебной палочки Корнеев, теперь директор идет к нему сам. Отсутствует заключительный призыв Беломора «Внимание! Всем веселиться, пить и танцевать до утра! И да здравствуют чародеи!». И наконец, целиком снята прежняя концовка с трезвым Брутом и пьяным Эдиком, замененная текстом, куда более подходящим для финала новогодней музыкальной комедии.

Вот как стала теперь выглядеть завершающая часть сценария.

В стороне мрачный и растерянный Выбегалло хватается за рукав проходящего Модеста Матвеевича.

— Руководящим работникам, — изрекает он, — не пристало иметь дело с хорошенькими ведьмами. Зафиксируйте, товарищ Камноедов.

Тот с готовностью выхватывает блокнот, начинает обшлепывать себя ладонью.

— Опять забыл... — растерянно бормочет он. — У вас не найдется ручки, товарищ Выбегалло?

Тот машет рукой и удаляется.

И снова гремит вальс. И проносятся в вальсе счастливые Саша и Светлана, не спуская друг с друга радостных глаз. К столику, где сидят Корнеев и Брут, подходит Беломор. Он кладет огромную ладонь на плечо мрачного Корнеева, наклоняется и заглядывает ему в лицо.

— Что, Виктор? Почему такая грусть?

— Да что ж... — бормочет Корнеев. — Пять лет работал, недосыпал, недоедал... Все теперь.

— Все? — удивленно-весело говорит Беломор. — Напротив, Виктор! Это только начало! Впереди еще сто лет интереснейшей работы!

Виктор поднимает на него глаза, несмело улыбается:

— Работа... Это точно, это вы правильно, Трудослав Ингваревич.

К столику подбегают Верочка и Катенька.

— Вы позволите, Трудослав Ингваревич? — щебечут они. — Витя, Хома, что же вы? Пойдемте!..

И Виктор и Брут больше не сопротивляются. Подхватив своих хорошеньких партнерш, они исчезают в толпе танцующих.

А к Беломору подбегает мохнатенький гном и подает ему телеграмму. Беломор медленно разворачивает ее, читает и громко хохочет. К нему подходит раскрасневшийся Федор Симеонович с бокалом в руке.

— Ты чего? — осведомляется он.

Беломор протягивает ему телеграмму. Федор Симеонович читает вслух:

— «СОЛОВЕЦ МАГИЯ ДИРЕКТОРУ. АКАДЕМИК ЯНУС НЕ ПРИЕДЕТ. ПОГОДУ МОЖНО НЕ ОБЕСПЕЧИВАТЬ. МЕРЛИН».

Великие маги переглядываются и дружно смеются.

А Светлана и Саша стоят на крыльце института и глубоко дышат морозным воздухом. Кругом снег, тишина, музыка доносится словно издалека.

— Хорошо... — произносит Светлана.

— И всегда будет хорошо... — подхватывает Саша, обнимая ее за плечи.

Она вдруг морщится, отстраняется от него и извлекает из разреза платья сложенную бумагу — «обязательство» Выбегаллы.

— Что это? — с интересом осведомляется Саша.

— Так, дрянь одна... — отзывается Светлана.

Она разрывает бумагу на мелкие клочья и бросает высоко вверх. Клочья взлетают в звездное небо и взрываются там праздничным фейерверком.

Саша и Светлана стоят, подняв лица к небу, и счастливо улыбаются.

30 августа 1979 года АНС отметил в дневнике: «Сценарий одобрили и приняли, надо только дослать для Грошева меморандум о музыкальной части». 1 сентября это было сделано. Что точно представлял из себя этот «меморандум», неизвестно. Видимо, для него в той или иной степени был использован список песен, подготовленный АНС в 1978 году по предложениям Ю. Кима и приводившийся выше.

Теперь надо было дожидаться момента, когда К. Бромберг доснимет «Приключения Электроника» и будет готов к работе над следующим фильмом. АНС писал брату 5 марта 1980 года: «Дела киношные. «Чародеев» начнут работать в середине года. Там все на мази, отношение отличное, режиссер готов, мои предложения касательно музыки практически приняты». 12 апреля в дневнике АНС записано: «Приходил Бромберг. Видимо, начинаем работу. Первые предложения: Объединить Беломора и Выбегаллу. 2) Беломор-Выбегалло назначает в колдовстве Светлану зав. лабораторией. Получается: протекционизм и сексуальные вожеления директора оборачиваются против него самого, т. к. он не предусмотрел, что Света захочет лечь под приезжего академика». Еще через неделю: «Договорились начинать работу сразу после утверждения плана ТВ. Писать киносценарий будем вместе по его, Бромберга, предложениям и замечаниям и, возможно, вместе с художником».

Телефильм «Приключения Электроника» вышел на телеэкраны 2 мая 1980 года и стал одним из самых популярных советских фильмов для детей. Заметно выделялся он и среди снятых в СССР телевизионных фильмов и телепередач, имеющих отношение к фантастике. Позже в статье «Этот увлекательный мир фантастики» («Правда», 8 января 1982 года) АНС специально отмечал «невообразимый успех у подросткового зрителя, около 60 тысяч писем».

В 1979–1980 годах, преодолев все мытарства, вышли в прокат два фильма, сценарии которых были написаны АБС на основе собственных произведений: «Отель “У Погибшего Альпиниста”» и «Сталкер». (К некоторым интересным подробностям нам предстоит обратиться при рассмотрении вариантов этих сценариев в последующих томах Собрания.) Многолетняя полоса невезения, когда ни один сценарий, написанный Авторами «по Стругацким», не удавалось превратить в законченный фильм, прервалась. Третьим подобным фильмом — и первым телевизионным — должны были стать «Чародеи».

План выпуска телефильмов на 1981–1982 годы был утвержден руководством Гостелерадио в июне 1980 года, однако расчеты на скорое возобновление работы не оправдывались. 18 июня, сразу после подписания плана, АНС записывает в дневнике: «Я на Бромберга рассердился: опять начинается всякая мура с требованием новых и глубоких (непрерменно!) идей фильма. Договорились: пусть делает все, что вытекает из утверждения плана, и тогда звонит». Позже, судя по всему, было решено без новых идей пока что обойтись, а для подготовки фильма к запуску использовать последний вариант литературного сценария, написанный в июле 1979 года.

За следующие полгода никаких значительных событий не происходит, а 7 января 1981 года АНС пишет брату: «“Экран” (ТВ) получил втык за отсутствие новогодних телефильмов и снова ухватился за «Чародеев». Судя по тому, что сообщил Бромберг, запуск на носу. Впрочем, будет запуск или нет, в сентябре вынь да положь оставшиеся нам 60% (4.5 тыс.)». В письме АНС от 31 марта сообщается: «На днях подписывается приказ о запуске в производство «Чародеев». Тоже придется слегка попотеть, ибо у начальства да и у Бромберга есть просьбы кое-что переделать в сценарии».

Активная работа по сценарию возобновляется. В архивной папке «Чародеи» сохранились заметки, сделанные АНС весной и летом 1981 года, когда пришлось пересматривать и

формулировать заново многие существенные детали. Иногда происходил и возврат к ранее уже отвергнутому — но, так сказать, на новом витке спирали...

Первая часть заметок состоит из двух страничек. Судя по дате, записи сделаны в день подписания приказа о запуске фильма. Здесь, помимо рисунков и чисто технических сведений, есть три смысловых блока: краткий перечень очередных замечаний и предложений, список предполагаемых исполнителей некоторых ролей (ни в одном пункте не совпадающий с окончательным) и мысли о том, как в фильме можно было бы представить кота Василия.

2.04.81

1. Беломор — положит<ельное> лицо.
2. Заколдовывает Выбегалло.
3. Светлана расколдовывается не магией, а человеческим чувством.
4. В конце — финале — подвиг героя.
5. Сентиментальный эпизод в конце.

Грошев: насытить характерными словечками-афоризмами типа «лед тронулся, господа присяжные».

1. Конкретное уч<режде>ние (АН СССР) и имена, связанные с ПНвС.
2. Ссылки на ПНвС и СоТ — вскользь, как если бы фильм — продолжение этих вещей.

2-я серия — все функции объяснений переходят к Корнееву.

Привалов — Боярский.

Модест — Весник.

Выбегалло — Евстигнеев.

Корнеев — Киндинов.

Брут — Дуров, Ник. Боярский.

Киврин — Гринько.

Беломор — Попов Андрей.

Хунта — Юрский.

Секретарша — Никищикина Лиза.

КОТ

1) Лилипуты.

2) Настоящий кот.

3) Сочетание — мультипликация и живой кот.

Простой косметической правкой прежнего сценария дело, судя по всему, ограничиться не могло: кое-что в прежних версиях сюжета режиссера и редактора категорически не устраивало. В письме АНС брату от 16 апреля говорится: «Позавчера была официальная встреча с режиссером Бромбергом и с редактором, это по «Чародеям». Придется еще поработать. Правда, требуются теперь голые диалоги, да и схема, предложенная Бромбергом, по чести, лучше, чем у нас, так что не жалко».

Впрочем, когда 3 июня АНС получил от режиссера подробную разработку сюжета по эпизодам, то отнесся к ней куда менее благосклонно. Свидетельство тому — нелицеприятные маргиналии, которыми был испещрен присланный текст.

Решение составителей о полном представлении этого материала было принято не без колебаний. Безусловно, АНС является автором не самой разработки, а лишь комментариев к ней, причем о справедливости отдельных претензий можно и поспорить. Но есть серьезные аргументы в пользу того, что этот сюжет правильнее представить без купюр. Фильм есть совокупный труд множества людей, и зачастую, оценивая неизбежные споры режиссера и сценариста, полезно дать возможность полностью высказаться обеим сторонам, не скрывая ни достижений, ни просчетов. Кроме того, интересно проследить взаимосвязь новой концепции сюжета с принадлежащими АНС

разработками литературного сценария и с изменениями, внесенными позже в режиссерский сценарий и в сам фильм.

Итак, далее представлены исходящие от режиссера соображения по построению сюжета, а также достаточно эмоциональные замечания, которые счел нужным дать по этому поводу АНС. От собственных же оценочных суждений составители воздержались, предлагая читателю самому решить, кто более прав в каждом конкретном случае.

ПОЭПИЗОДНАЯ РАЗРАБОТКА

к литературному сценарию «ЧАРОДЕИ» с учетом предложений, которые необходимо принять во внимание и осуществить в режиссерском сценарии данного двухсерийного телевизионного фильма

ПЕРВАЯ СЕРИЯ

1. На черном фоне появляется эпиграф фильма:

«НО ЧТО СТРАННЕЕ ВСЕГО, ЧТО НЕПОНЯТНЕЕ ВСЕГО, ЭТО ТО, КАК АВТОРЫ МОГУТ БРАТЬ ПОДОБНЫЕ СЮЖЕТЫ, ПРИЗНАЮСЬ, ЭТО СОВСЕМ УЖЕ НЕПОСТИЖИМО, ЭТО ТОЧНО... НЕТ, НЕТ, СОВСЕМ НЕ ПОНИМАЮ...»

АНС комментирует эпиграф: «Это хорошо».

Нумерация эпизодов далее надолго нарушается: после длинной цепочки начальных сцен следующий эпизод получит уже десятый номер.

Текст исчезает, на экране быстро выписывается факсимильная подпись: Н. ГОГОЛЬ... Вместо точки звучит гонг.

И сразу — свист ветра. Пурга — да еще какая! Метет как следует, по-новогоднему. Заметает по пояс ствол огромного дуба. Оттуда, из заснеженных ветвей, доносится гнусавый голос, который то ли декламирует, то ли поет, странно сливаясь со свистом ветра:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том...

Спиной к ветру из пурги показывается худенькая девчонка с почтальонской сумкой через плечо. Заслыша голос с дуба, она вертит головой, ищет говорящего, но не находит.

Сбоку от последнего абзаца помета АНС: «Зачем?»

И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом.
Идет направо — песнь заводит...

— Эй! — кричит девушка. — Эй, где вы?

— Налево — сказку говорит... — упрямо продолжает гнусавый голос.

— Дядечка, где же вы? — отбиваясь от снега, кричит девушка. — Я заблудилась! Как тут к институту пройти?

— Там чудеса, там... э-э-э... кто-то бродит... — пытается продолжать заунывный голос. — И что-то... э-э-э... на ветвях сидит...

Слышится многоголосый писклявый смех. Голос умолкает, слышится шипение, потом возмущенное:

— Опять сбили! Нигде покоя нет!

АНС комментирует начало сцены с котом: «Уф! Гораздо хуже Булгакова».

Из переплетения ветвей показывается здоровенная кошачья голова. Большой черный кот спрыгивает на снег и останавливается, выжидательно глядя на девушку.

— Ой! — произносит девушка, пятясь.

— Пожалуйста, без этого! — брезгливо отряхивая лапы, говорит кот, светски растягивая слова. — При чем тут — «ой»? Институт в двух шагах найти не могут...

Помета сбоку: «И только?»

И точно — девушка оказывается перед институтским фасадом, где написано: НИИЧАВО с расшифровкой этой загадочной аббревиатуры — НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЧАРОДЕЙСТВА И ВОЛШЕБСТВА.

У входа — два плаката. Один сообщает, что до Нового года осталось два дня, и приглашает всех сотрудников встретиться на традиционном бале-маскараде в новогоднюю ночь, второй гласит, что сегодня в НИИ для подшефной школы проводится день открытых дверей.

Небольшая, но плотная толпа школьников теснится у чуть приоткрытой двери, иронизируя, что день сегодняшний, скорее, должен быть назван днем полуоткрытых дверей. Но даже эту узкую щель перегораживает мощным чревом нач. АХО Камноедов, пересчитывая школьников по головам.

Маленькая заснеженная почтальонша пристраивается к очереди и, с трудом объяснив Камноедову, что она новенькая, вместо ушедшей на пенсию старой почтовой работницы, протискивается в вестибюль. Камноедов велит ей сдать принесенную телеграмму вахтерше под расписку.

Вопросы АНС: «Что за дешевка? Сколько это времени — с трудом? Как ты это представляешь?»

Пожилая вахтерша ласково успокаивает испуганную девушку, а та успеваешь только вертеть головой, разглядывая удивительный мир загадочного НИИ.

На ее глазах появляется в вестибюле елка и под хозяйские окрики вездесущего Камноедова, уговорами и посулами остановившего спешивших куда-то сотрудников, подчиняясь их загадочным пассам, тут же расцветчивается гирляндами и фонариками.

Получив расписку от вахтерши, девушка видит, как телеграмма сама собой взмывает с вахтерского стола и, тщательно огибая снующих повсюду людей в разноцветных халатах, самостоятельно уплывает куда-то в глубь институтских коридоров.

АНС пишет: «Господи! Это-то зачем? Именно теперь!»

— Ой, бабушка, вы тоже... — в восторге всплескивает руками девушка, следя за улетающей телеграммой.

— Что ты, доченька, — усмехается пожилая вахтерша. — Это так, ликбез в пределах должности. Потому и сажу у порога. Таких, как я, дальше и не пускают...

— А кто же здесь работает? — не перестает удивляться девушка.

— Здесь-то? — Вахтерша значительно пожевала губами и только потом значительно произнесла: — Настоящие чародеи!

Последний диалог помечен красным фломастером с пометой «Во, пошлятина!».

Словно только того и ожидая, впервые вступила музыка, возникло название картины: «НАСТОЯЩИЕ ЧАРОДЕИ». И пошли титры.

Помета сверху: «Если нужно «Чародеи» для показа заголовка, то уж давайте гимн чародеев! Или что-либо, наоборот, поспокойнее, без дешевого пафоса!»

(Само собой понятно, что приведенный здесь диалог должен служить своего рода «рыбой» для авторов, на большее он не претендует. Целью этой разработки является лишь предложение драматургической последовательности и логической связи эпизодов, а также уточнение места и роли музыкальных сцен в фильме. Содержание песен также дается приблизительно, до встречи с поэтом и композитором.)

На полях — комментарий АНС: «Тухлая рыба! Работа на неграмотного и невосприимчивого зрителя!»

Итак, вступила музыка. Звучит песня-баллада о настоящих чародеях, умеющих оживлять любое дело волшебной силой увлеченности.

На фоне веселой предновогодней суеты в коридорах НИИ, по которым проплывает телеграмма, проходят сопровождаемые песней ТИТРЫ картины, причем так, что надпись, называющая роль и ее исполнителя, совпадает с появлением названного персонажа на экране.

Кончилась песня и ТИТРЫ.

Телеграмма, провожаемая любопытными взглядами, всплыла в приоткрытую дверь с надписью «Общий отдел».

Помета на полях: «Чем это лучше гнома? Плавающие листки бумаги!»

Перед нами зам. директора НИИ по общим вопросам профессор Выбегалло. Он держит речь. Стиль и содержание речи отчасти напоминает послесловие повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Выбегалло говорит, что о НИИЧАВО много писали в прессе «ан масс», однако авторы излишне увлеклись псевдоромантикой, неверно трактовали задачи института, путались в терминологии и вообще плохо разобрались в сути дела и в том, кто есть кто и зачем. (Действие разворачивается в коридорах НИИ.)

АНС отмечает на полях: «Это еще можно сделать неплохо».

На самом деле НИИЧАВО — нормальное учреждение, начинает работу в 9.00, заканчивает в 17.55, выполняет план, выдерживает график. И, говорит Выбегалло, ничего особенного здесь не происходит.

В это время раздается грохот, рев, здание содрогается. Школьники, перед которыми выступает Выбегалло, заинтересованно переглядываются.

Выбегалло спокойно разъясняет, что и это нормально. Просто в подвале НИИ к отопительной системе в целях лучшего теплоснабжения подключен Змей Горыныч. У него в настоящий момент время кормления, дело житейское, обыкновенное. Кормят мазутом, потому и ревет.

Воспользовавшись перерывом в плавной речи, ребята засыпают профессора вопросами: покажут ли им кота? а где русалки?

Выбегалло указывает на картонную табличку «кот не работает» и объявляет, что русалки нынче на профилактике. Призвав слушателей к порядку, он уже совсем собрался было вернуться к лекции, как вдруг в коридоре показалась Светлана Почкина, зав. лабораторией Нелинейного Счастья, окруженная группой сотрудников в составе: Корнеев, Брут, Редькин, Катенька, Верочка.

Ребята зашептались, узнав ведущих молодых магов и опасно косясь на строгого лектора Выбегаллу. Но Выбегалло не заметил ропота среди слушателей. Он не мог оторвать глаз от прекрасной Светланы. Губы его что-то шептали, брови страдальчески морщились.

Между Светой, Корнеевым и Брутом происходит разговор о Светланином отъезде в Москву к жениху. Света дает сотрудникам последние наставления и попутно принимает от всех встречных и поперечных поздравления по случаю предстоящей ей свадьбы.

Услышав о свадьбе, Выбегалло даже лицом перевернулся, бросил своих подопечных и устремился к Светлане с выражением, конечно, поздравлений, однако... как же так... отъезд, когда не завершена еще волшебная палочка, плановая работа... А знает ли «сам», директор академик Беломор? Корнеев, с ненавистью глядя на Выбегаллу, грубо заявляет, что «кому надо — знают». Светлана, сглаживая возникшую неловкость, уверяет Выбегалло, что все готово, дуб тысячелетний вырублен и доставлен, специальным образом волшебным высушен. В общем, палочка будет сделана в срок.

Реплика АНС: «Зачем такая сложность?»

Выбегалло стонет о том, как всем будет «не хватать Светланы на балу». Светлана смеется, не замечая насупленных лиц Корнеева и Брута, слез, навернувшихся на глаза Верочке, которая подошла к Корнееву и осторожно взяла его за руку — чтобы бед не натворил.

На полях риторический вопрос: «Ах, это и есть «создание образов» Корнеева и Верочки?»

Однако все это замечают ребята, столпившиеся вокруг магов и шепчущиеся между собой. Расстроенный Выбегалло обрушивается на них за нарушение дисциплины.

Светлана, со свойственной ей веселой непреклонностью, берет «именем Нового года» ребят под свою защиту и тут же, сотворив из воздуха, дарит каждому по сочному румяному яблоку. Последним она одаривает Выбегаллу, да так, что яблоко затыкает его собравшийся было снова открыться рот.

АНС комментирует: «Ужасно смешно. А главное, изящно. Сто раз было и всегда отвратно».

Пользуясь паузой, сотрудники расходятся, давясь смехом и яблоками. По знаку Выбегалло Камноедов гонит табунок ребят к выходу.

На полях замечание: «Выбегалло старше Камноедова?»

Из дверей Общего отдела выплывает оснащенная входящим номером телеграмма и мягко протискивается в щель под дверь с надписью: «ДИРЕКТОР НИИЧАВО АКАДЕМИК Т. И. БЕЛОМОР».

Беломор в это время занят беседой с замом по науке Кивриным. Оба великих мага обсуждают вопрос о том, где достать для лаборатории человеческих отношений немного седьмой воды на киселе.

Последние слова подчеркнуты зеленым фломастером с пометой на полях: «Это еще можно куда-то сунуть».

И вдруг хрустальным перезвоном разразилось большое венецианское зеркало в углу, налилось малиновым светом и оттуда, пятась, полез какой-то гражданин в зипуне, сивый с мороза.

Маги с интересом наблюдали за появлением нежданного гостя. Когда пар чуть-чуть рассеялся, оба вскочили с радостными возгласами, из которых явствовало, что вновь прибывшего зовут Кристоаль Хунта и что сколько-то лет, а также зим прошло с момента их последней встречи. Но Кристоаль величаво отстранился и попросил его пока что не тискать, потому как он прибыл в качестве ревизора. Кроме того, он попросил запереть

дверь и никому его не показывать. После чего осведомился, не получали ли они телеграмму о его прибытии, на что последовал дружный отрицательный ответ.

А телеграмма между тем спокойно ждала своей очереди, лежа на столе перед вышколенной секретаршей, занятой более важным делом, чем рассмотрение срочных телеграмм. Она точила карандаши. Карандаши выходили из ее рук ладные, гладкие, отменно, даже опасно, острые, точно маленькие пики. Вся она была окружена частоколом из карандашей. Это была ее гордость — самая большая коллекция в НИИ, а может, и в городе. Карандаши она собирала всякие, всех размеров и расцветок — грифельные, цанговые, многоцветные, сувенирные, размером с дубину и тоненькие, как пипетка. Наконец, окончив процесс заточки, она обратилась к телеграмме, из которой явствовало, что в НИИ для приема плановой работы — волшебной палочки — прибывает академик Хунта, возможно инкогнито.

Как воспитанный человек и профессионал, секретарша внутренне осудила себя за небрежное отношение к документу, нажала кнопку селектора и только успела сообщить о телеграмме, как была прервана директорским басом: «Положите в почту и чтоб никто не входил»...

Хунта заявил, что он так и знал, что являться раньше телеграммы о собственном прибытии — его судьба. Далее он объяснил, что предлагает старым друзьям «немножко проветриться». С этой целью и прибыл не вполне легальным путем, чтобы время сберечь. Он хочет за два часа завершить все формальности и втроем отбыть на подледную рыбалку «почти на двое суток, о чем только мечтать можно».

Вообще, если бы ему, Хунте, дали акт прямо сейчас, то и два часа спасти можно, но на такую благодать, зная Беломора, он не рассчитывает. Придется, видимо, ждать формального предъявления этой, никому не нужной, палочки, но уж тут он требует сколь возможно экономить время.

Свою экстравагантность с прибытием из зеркала Хунта объяснил тем, что, как все знают, он когда-то работал в данном НИИ, сохранил здесь со многими добрые отношения и, появившись нормальным путем, так просто не выбрался бы. И хотя, конечно, мальчишество в их лета появляться из зеркала, но «форель того стоит».

Вся страница (предыдущие шесть абзацев) сопровождается комментарием: «Эта линия — длинная, затянутая бодяга, которой нет названия. В частности, так называемая заготовка карандашей... ах, как это удачнее схемы оригинала!»

Беломор, слушая веселую болтовню старого авантюриста, колеблется. Киврин, поглядывая на удочки, кажется, готов на все.

Беломор вызывает по селектору Корнеева. Выясняется, что собственно волшебная палочка еще не готова, но через два часа можно будет приступить к демонстрации.

— Что я вам говорил! — восклицает Хунта. — Через два часа!

Однако неготовность волшебной палочки осложнила позиции Хунты. Беломор опять заколебался. Тогда Кристоаль пускает в ход последний козырь — он начинает вспоминать прошлое.

И вот уже три мага во власти воспоминаний о бурной молодости поют залихватскую, с чертовщинкой песенку юных лет, когда хотелось перевернуть мир и могло бы, да вовремя остановились...

Стук в дверь. Маги едва успевают принять respectable вид, а Хунта — превратиться в черного пуделя, чтобы не быть узанным, как входит Выбегалло. Он явился доложить, как идет подготовка к встрече Нового года.

Возбужденный Беломор прерывает доклад Выбегалло, объявляет о своем отъезде и предлагает Выбегалле на два дня стать и. о. директора НИИ.

Выбегалло в восторге соглашается. Пудель тоже рад. Пользуясь своим собачьим положением, он лижет в нос Беломора, а потом и Выбегалло, свалил его в кресло.

— Что за манера, Крис! Фу! — морщится Беломор, останавливая пуделя. Киврин хохочет.

Общая помета к этому фрагменту: «И так далее...»
Затем начинается наконец упорядоченная нумерация эпизодов первой серии.

10. В мастерской волшебной древесины, которую возглавляет Корнеев, только стружка летит. Корнеев с Брутом водрузили на козлы ствол огромного дуба и теперь выпиливают из него сердцевину. Причем сварливый Брут все время ворчит. По его, Брута, мнению, палочка эта вообще никому не нужна — столько лет обходились, — один перевод волшебной древесины, из которой незнамо чего понаделать можно. А палочка так, баловство одно для тех, которые без нее ничего делать не умеют.

АНС замечает: «Сколько траты пленки! И болтовня, болтовня!»

Но вот наконец выточен брусок. Осталось придать палочке форму.

Время поджигает, напоминает требовательным тоном заглянувший Выбегалло, пора вызывать Худсовет из отдела Прекрасного.

Корнеев нервничает, ищет, на чем бы опробовать брусок. Брут подсказывает — в углу стоит постоянно не работающий автомат для газированной воды, который никто «устойчиво починить не может».

Выбегалло требует, чтобы ему, как руководителю, показали «каким образом это делается». Освоив волшебный жест исполнения желаний, он приводит аппарат в действие, да так, что струя газировки окатывает всех присутствующих.

Корнеев отнимает брусок у Выбегаллы. Между ними происходит стычка, во время которой Выбегалло намекает на «личные мотивы» корнеевской к нему неприязни.

Властный голос Беломора, звучащий с потолка и напоминающий о быстротекущем времени, прерывает ссору. Выбегалло рапортует, что остались последние штрихи, «уи сан дот», эстетического порядка.

11. Секретарша обзванивает членов Худсовета, потом звонит Светлане. Та занята сборами к отъезду. Секретарша ей сочувствует. Попутно они советуются, какое платье Светлане надеть на свадьбу — секретарша знает в НИИ все, даже гардероб сотрудниц.

Вообще, Светлану на этом этапе нежно любят все, кроме Выбегалло, который просто-напросто в нее безнадежно влюблен.

12. Собирается Худсовет. В его составе — самые старые и заслуженные маги НИИЧАВО. Некоторые помнят еще времена Черномора.

Обсуждение идет нестройно и бурно. Сначала по предложению старейшего бруску придается форма милицейского жезла — старик вспоминает, как он видел когда-то «молодого человека в белой форме на перекрестке» и как этот молодой человек ловко и артистично орудовал своим жезлом.

Брут немедленно воспроизводит форму на токарном станке.

Другим членам Худсовета эта модификация кажется тяжеловесной. Возникает новое предложение — форма дирижерской палочки. Опять летит стружка из-под рук Брута.

Но и дирижерская палочка не удовлетворяет всех собравшихся. Возникает бурный спор об эстетике. А стружка летит.

— Древесины больше нет! — объявляет наконец Брут. — Вся в стружку ушла, только вот и осталось...

Он поднимает над головой тоненький стерженек, похожий на карандашный грифель.

На этот раз Худсовет единодушен: «Очень мило... оригинально, даже как-то... задорно, такого еще не было...»

— Надо бы ее куда-то вставить, — шепчет Корнееву Брут. — А то переломится.

Корнеев молча вытряхивает грифель из цангового карандаша и вкладывает туда палочку.

По эпизодам 11 и 12 — вопрос: «Это и называется: отразить в сатирической форме действительность?»

Прибегает взволнованная Светлана. Два часа истекло, сюда идет Беломор.

Появляются Беломор, Киврин и пудель.

Для проверки волшебной палочки надо с ее помощью что-нибудь сотворить. Немедленно по поводу этого «что-нибудь» в Худсовете возникают бурные споры. Но Беломор, у ног которого повизгивает нетерпеливый пудель, напоминая о рыбалке, берет дело в свои руки.

Светлана выходит замуж, напоминая он и предлагает создать для нее волшебный неувыдаемый букет на сто рублей из директорского фонда.

Все сразу соглашаются. По знаку Беломора Корнеев взмахивает палочкой — перед Светланой на столе появляется букет белых роз.

Беломор передает палочку-карандаш Выбегалло на хранение.

Все расходятся. Корнеев все время порывается что-то сказать Беломору, но никак не может овладеть его вниманием и поэтому следует за директором.

13. Войдя без спроса в кабинет, Корнеев выпаливает, что не успел поставить на волшебную палочку предохранитель от недобрых дел, и тут замечает подписывающего приемный акт Хунту.

Беломор полусуто упрекает Корнеева в «недипломатичности». Хунта успокаивает — «доработаете потом, так все делают», а Киврина просит ничего не говорить о визите Хунты.

Корнеев хочет еще что-то сказать, но Хунта прерывает его: «Все, молодой человек, мы исчезаем, исчезаем...» И тройка магов действительно растворяется в воздухе, прихватив с собой удочки.

Часть фрагмента (от «Светлана выходит замуж» и далее) отмечена красным фломастером с припиской: «На кой черт вся эта кутерьма, когда Беломор может передать полномочия Выбегалле и без этого?»

14. В лаборатории Нелинейного Счастья все сотрудники провожают Свету, дарят ей подарки, желают счастья и расспрашивают о женихе. Света увлеченно рассказывает, она счастлива.

Один из подарков — гитара. И вот, наигрывая на ней, Света поет песенку о счастье — это, своего рода, гимн лаборатории, поэтому все собравшиеся подпевают ей. Только Верочка грустна. Света спрашивает ее — почему? Ведь у них с Корнеевым тоже скоро должна быть свадьба.

15. Одновременно нужно сказать, что Выбегалло, торжественно несущий волшебную палочку в директорский кабинет, задерживается у приоткрытых дверей Светланиной лаборатории, чтобы лишней раз полюбоваться «очаровательницей», слышит ее песню и, полный зависти, а потом и негодования и жажды мести, подслушивает следующую сцену.

16. Верочка признается Светлане, что в ее отношения с Корнеевым вмешался Выбегалло. Если Верочка выйдет замуж за Корнеева, одному из них придется покинуть НИИЧАВО — Выбегалло не потерпит «семейственности». Корнеев не велел ей об этом рассказывать, все собирался пойти к Беломору, но никак не может решиться — стесняется говорить о личных делах.

Помета около абзаца: «Еще мутная сложность!»

Света возмущена. Выбегалло получает возможность услышать ее откровенное мнение о собственной персоне.

— Как можно было такому доверить весь НИИ да еще волшебную палочку без ограничителя! — сокрушается Светлана.

Комментарий АНС: «Экая цепочка: из бруска делают стержень, да он еще и без ограничителя. Тут зритель успевай поворачиваться».

17. Выбегалло запирается в директорском кабинете. Он оскорблен и взволнован. Волшебная палочка жжет ему ладонь. Подумать только! В его руках такие возможности! Ими нельзя не воспользоваться! Но он еще боится — надо все взвесить, продумать, рассчитать.

Выбегалло ходит вокруг волшебной палочки. Это своего рода танец с самим собой, который незаметно превращается в музыкальную сцену. Выбегалло поет песню про верный шанс, про то, как из и. о. стать постоянным директором, как добиться успеха несмотря ни на что, даже если у тебя нет таланта. Зато есть воля и здравый смысл!

Помета: «Не волшебную палочку оставляет Беломор, а прерогативы Директора, дурак!»

Продолжая напевать, он утверждает в директорском кресле, открывает папку с оставшейся от Беломора неразобранной почтой и первое, что находит там, — это телеграмма по поводу прибытия ревизора. Под ней лежит заявление Светланы о предоставлении отпуска по случаю свадьбы.

Выбегалло в восторге. Он вызывает Светлану, показывает ей телеграмму и говорит, что не может предоставить ей отпуск — «обстоятельства изменились, как видите, к нам едет ревизор».

Светлана в гневе. Уже не сдерживаясь, она выкладывает Выбегалло все — за себя и за Верочку.

Выбегалло разъярен. Светлана направляется к двери, и в этот момент Выбегалло, схватив со стола волшебную палочку, заколдовывает ее.

Светлана падает в кресло, она в полуобмороке. Выбегалло от страха сам едва держится на ногах, подает Светлане воду, но она быстро приходит в себя. Эффект поразительный!

Светлана соглашается на все. Теперь она сама не понимает, как могла возражать в ответ на столь убедительные доводы, которые приводил профессор. Она просит не лишать ее высокой профессорской дружбы.

Провожаемая млеющим Выбегалло, Светлана выходит из кабинета.

18. Секретарша первая сталкивается с заколдованной Светланой. На ее дружеский вопрос, как прошла беседа, Светлана реагирует резко и оскорбительно. Она даже угрожает превратить честную женщину в косметический карандаш, намекая на ее коллекцию и любовь к косметике.

19. Следующей жертвой Светланы становится несчастная Верочка. Неожиданно для девушки, Светлана полностью становится на сторону Выбегалло.

Потом достается безобидному Бруту, а когда Корнеев пытается защитить товарищей, особенно плачущую Верочку, Светлана выходит из себя, объявляет Корнееву, что вскоре он будет уволен, и тогда — «пожалуйста, женитесь на любой из моих дур!».

Катенька в отчаянии напоминает Светлане, что завтра она сама выходит замуж и нельзя так...

И тут пораженные Корнеев, Брут, девочки обнаруживают, что Светлана совершенно ничего не помнит о замужестве, о женихе, которого пять минут назад воспевала.

Корнеев пытается применить кое-какие методы срочной помощи, начинает «пассировать» (а проще — успокаивать) Светлану, забыв, с кем имеет дело. Пассы

Корнеева приводят Светлану в бешенство. Мощный заряд волшебной силы отбрасывает Корнеева, Светлана с хохотом хватается метлу и улетает как настоящая ведьма (что, кстати сказать, считается в НИИЧАВО очень дурным тоном). Девочки и Брут помогают Корнееву подняться. Несмотря на поражение, он восторженно бормочет: «Вот это силища!»

Абзац отмечен двойной красной чертой с пометой: «Господи, этого еще не хватало!»

20. Светлана на метле появляется перед окном Выбегалло, кокетливо посылает ему воздушный поцелуй.

Выбегалло в полном восторге распахивает окно, приглашая Светлану. Из соседнего помещения Светланину джигитовку наблюдают Верочка и Катенька.

21. Теперь всем ясно, что Света заколдована. Понятно также, кто заколдовал ее и каким образом. Корнеев клянет себя за то, что не поставил на палочку ограничитель.

Брут говорит, что не ругаться надо, спасти человека надо.

Верочка уныло констатирует: до возвращения Беломора они бессильны. Что можно сделать против директора, даже если он и. о.

Корнеев орет: ничего они не понимают, нельзя ждать Беломора, в новогоднюю ночь колдовство закрепится, так сказать, перейдет в хроническую форму, и тогда уж весь НИИ Светлану не спасет. Необходимо овладеть волшебной палочкой, и как можно скорее!

Вокруг Корнеева собираются все молодые маги института. Ясное дело, Выбегалло так просто палочку не отдаст. Как быть? Вспоминаются письма в газету, срочные общие собрания и даже ограбления со взломом, но ничего не подходит — одно долго, другое нереально.

Вдруг молчаливая застенчивая Катенька произносит одну фамилию: Камноедов... Предложение Катеньки встречено всеобщим одобрением.

Заметки АНС на полях: «Замысел, наконец, ясен. Палочка заколдовала, палочка должна расколдовать. Длинным, сложным и неуклюжим путем мы идем, но посмотрим, что дальше».

22. Группа во главе с Камноедовым входит в кабинет Выбегалло. Камноедов с вежливой настойчивостью требует предъявления волшебной палочки для инвентаризации. После небольшого спора Выбегалло вынужден согласиться.

Палочка извлечена, но Выбегалло не выпускает ее из рук. Уже проделано отверстие в пластмассовом теле карандаша, уже продета проволока с инвентарным номерком, щелкнул компостер, а Светланины друзья так и не получили волшебную палочку в руки.

Корнеев не выдерживает, пытается выхватить палочку из рук Выбегалло. Крик, шум, короткая борьба. На помощь Выбегалло приходят Светлана и Камноедов.

В пылу потасовки никто не замечает, как из карандаша выскальзывает стерженек и падает на пол.

Отнять палочку не удалось. Выбегалло прячет ее в директорский сейф, обещая примерно покарать нападавших.

Группа Корнеева уходит подавленная.

Оставшаяся в кабинете Светлана утешает Выбегалло, обещает ему свою поддержку и... Тут она делает многозначительную паузу.

Выбегалло, пользуясь моментом, предлагает ей руку и сердце.

Но тут появляется кот. Он пришел просить о внеочередном отпуске (январь в счет марта). Раздраженный вторжением, Выбегалло отказывает коту.

Кот принимается спорить, ссылаясь на свои особые права, на то, что кошка бросила котят, а они говорящие.

Выбегалло, вдохновленный присутствием Светланы, демонстрирует свою непреклонность, тем более что Светлана выражает нетерпение и напоминает: «Нам надо поговорить».

Рабочий день уже кончился, напоминает Выбегалло и просит кота зайти в другой раз. Кот уходит, шипя и фыркая.

Светлана уводит Выбегалло — кабинет не место для серьезного разговора.

Секретарша, войдя в пустой кабинет, чтобы забрать подписанную почту, находит на полу волшебный стерженек. Приняв его за грифель, она вкладывает волшебный стерженек в один из пустых пластмассовых карандашей.

Реплика АНС: «Очень, очень изящно. Пороть!»

23. Корнеев и его друзья в лаборатории волшебной древесины ломают головы, как бы помочь Светлане. Появляется кот.

Выслушав разные толки по поводу обсуждаемой проблемы, он неожиданно советует срочно вызвать жениха — «и расколдует он ее, милую, растопит своей любовью сердце ее ледяное, как всегда в таких случаях делается. Сказки надо читать народные, там все написано».

24. Жених Светланы Саша Привалов готовится к встрече невесты, перечитывает ее телеграмму, обзванивает друзей, приглашая их на свадьбу, — в общем, купается в счастье и репетирует перед ее фотографией песню о любви. Все его приготовления — музыкальная сцена.

Вдруг ему становится не по себе. В голове проносятся какие-то мрачные мысли. Но силой воли он отгоняет «всю эту несусветную чушь» и укладывается спать, чтобы скорее наступило завтра.

25. Маги, вспотев от усилий, пытаются внушить Привалову, что ему надо срочно спешить на выручку Светлане. Но современные люди не чувствительны к внушениям, они не прислушиваются к интуиции и верят только фактам.

Эпизод «наведения» кошмаров на Привалова строится как музыкальная сцена, даже как своего рода концерт ВИА из магов. Причем в качестве музыкальных инструментов должны служить какие-то магические предметы — гусли яропчатые, бубны и барабаны из ступ.

26. Привалов у себя в квартире тупо спит, зарывшись носом в подушку.

27. — Ничем не проймешь! — констатирует Корнеев.

Маги решают послать к Привалову гонца. Выбор, конечно, падает на безответного Брута.

Брут тоскливо вглядывается в метущую за окном пургу, а ему уже готовят сапоги-скороходы — в четыре прыжка там будешь, только в апогее избегай самолетных трасс, да приземляйся аккуратнее, на пяточки, — три полушубка и носки собачьей шерсти.

— А может, того, телеграмму отбить, молнию, — робко предлагает Брут. — А то ведь не допрыгаю, околею...

— Телеграмму и с наведением по всей телеграфной службе, — подхватывает один из магов, Эдик Амперян. — По служебной линии современный человек внушение лучше воспринимает...

Мысль принята. Брут спасен.

28. Заливается дверной звонок, в дверь грохочут сапоги. Привалов кубарем скатывается с постели.

Заснеженный гражданин вручает ему телеграмму магов. Подтвердилось предчувствие!

Привалов еще колеблется — не розыгрыш ли? Но необходимые вещи сами лезут в руки, по телефону сообщают, что у подъезда ждет такси, чтобы везти его на вокзал,

неведомая сила мягко, но настойчиво подталкивает Привалова к двери. Прочь сомнения! Саша выбегает из квартиры.

29. Едва переступив порог Северного вокзала, он сразу слышит объявление: «Гр-на Привалова ждут в 13-й кассе».

Обалдевшая кассирша тут же выдает ему билет из брони, а не менее растерянный носильщик с автокаром на бешеной скорости подвозит его к 13-му вагону за тринадцать секунд до отправления поезда.

30. Войдя в купе и кивнув соседям, Саша тут же повалился на хрусткие простыни и, неожиданно для себя, захрапел под неодобрительными взглядами пассажиров.

31. — Ты чего это с ним так? — удивился Амперян.

— Пусть спит. Фома неверующий и невнушаемый. Так нам спокойней будет, — отозвался угрюмый Корнеев.

Теперь главная задача — вовремя встретить жениха и тайно провести его в НИИЧАВО, а там видно будет.

Одного боится Корнеев — как бы не проспать, поезд приходит в половине пятого по местному времени.

32. Мчится поезд через вьюжную ночь.

Тихо спит Светлана, и лицо ее во сне безмятежно.

Спит Корнеев на верстаке, сохраняя даже во сне хмурое выражение лица.

Чутко поводя ушами, спит кот в дупле старого дуба, обнимая лапами котят.

А на фронтоне НИИЧАВО появляется новая огненная дата — 31 декабря.

33. Выбегалло, Камноедов и небольшой оркестр из младших научных сотрудников встречают подходящий к маленькой станции поезд.

Выбегалло волнуется — если высокий гость прибудет совсем инкогнито, то как его узнать? Камноедов интересуется — что значит «совсем»? Выбегалло поясняет, что, по его сведениям, могут прибыть в виде предмета неодушевленного или пса, например. Они известный шалунишка... На всякий случай Выбегалло пересчитывает телеграфные столбы — не появится ли новый.

34. А Корнеев с Брутом еще спят. Только появившийся кот путем щекотания ноздрей хвостом заставляет их пробудиться.

Эпизоды с 24-го по 34-й помечены сбоку красным фломастером с итоговой пометой: «Это все (и стр. 11, 12) — очень пошло, длинно и плохо».

35. На перроне Выбегалло стоит, вытянув руки по швам. Оркестр замер в готовности.

Поезд, постояв, трогается. Камноедов недоуменно оглядывается — не приехал, что ли? Выбегалло тайком пересчитывает столбы и уже было, приложив руку к шапке, направляется к замаячившему вдалеке псу, когда за ушедшим поездом открывается на снежном просторе одинокая фигура.

По знаку Выбегалло оркестр грянул «встречу».

Из-за угла станционной постройки выскочили Брут и Корнеев, имеющий за пазухой кота. Увидев Выбегаллу и оркестр, оторопели, остановились. И вдруг Корнеева осенило:

— Ребята, они жениха за академика принимают!

— Эх, предупредить бы его, — крикает Брут.

— Поздно, проспали! — шипит кот, торча из-за пазухи Корнеева.

Парадно печатая шаг, Выбегалло приближается к вновь прибывшему.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ СЕРИИ

Ко второй серии комментариев оставлено заметно меньше: то ли АНС счел вторую половину материала более удачной, то ли стал реагировать лишь на наиболее принципиальные моменты.

«ЧАРОДЕИ» — поэпизодная разработка
ВТОРОЙ СЕРИИ

1. Небольшой пролог — повтор последнего эпизода первой серии:

Из-за станционных построек выскакивают опоздавшие Корнеев и Брут. За пазухой Корнеева сидит кот. Увидев Выбегалло и оркестр, прибежавшие останавливаются. Вдруг Корнеева осеняет:

— Ребята, они жениха за академика приняли!

— Эх, предупредить бы его... — сокрушается Брут.

— Поздно, проспали! — шипит кот, торча из-за пазухи.

Парадно печатая шаг, Выбегалло приближается к Привалову.

Гремит оркестр. Появляются заглавные ТИТРЫ ВТОРОЙ СЕРИИ.

2. Выбегалло рапортует Привалову, точно генералу, соблюдая, однако, «декорум» инкогнито и ссылаясь на «традиции высшего гостеприимства».

Привалов озадачен, он пьтится от Выбегалло, ищет глазами Светлану, но ее нигде нет.

Корнеев из-за укрытия подает знаки Эдику Амперяну, руководителю оркестра. Понимая, что Корнеев боится, как бы неинформированный «академик» сразу не выдал себя, Эдик старается вовсю. Оркестр гремит так, что заглушает все слова.

Выбегалло пытается остановить разбушевавшийся оркестр, но ему это не удается. Призвав на помощь Камноедова, отчаявшийся Выбегалло подхватывает под ручку приезжего и вежливо, но настойчиво тянет его к зданию станции, за которым стоит директорская машина.

Заслышав приближающийся оркестр, водитель выходит и открывает дверцу.

— Держись, ребята! — бормочет Корнеев, пристально глядя на шофера у машины. — Придется порадеть за справедливость. Последний шанс! А то в лимузине Выбегалло враз женишка раскусит и выплюнет.

Он щелкает пальцами — машина исчезает. Перед обалдевшим шофером возникают расписные двухместные розвальни.

Корнеев хватает Брута за руку. В два прыжка они оказываются рядом с оглоблями.

— Да что же это?.. — бормочет потрясенный водитель. — Три дня назад мне, как шоферу первого класса, совсем новенькую дали...

— Никакой ты не шофер, а кучер, кучер первого класса, понял? — шипит ему в глаза Корнеев.

— Понял! — вдруг легко и весело соглашается водитель, вскакивая на облучок. — Кучер-то я кучер, спору нет, а вот кони где?

— Будут тебе кони! — говорит Корнеев, поворачиваясь к Бруту и одновременно вытряхивая из-за пазухи кота.

— Меня-я-у не надо! — вопит кот.

Брут пьтится, отмахиваясь от поднявшего уже руки Корнеева.

— Витя, пощади! Радикулит мой пожалей, как друга прошу...

Но уже последние его слова звучат как-то не совсем по-человечески, а словно бы с лошадиным взвизгом и придыханием.

Выбегалло и Камноедов с Приваловым на буксире появляются из-за угла. Выбегалло обмирает. Вместо теплой машины перед ним — резвая тройка. Один конь рыжий, другой — сивый, а третий — черный и маленький, как пони. Веселый балагуристый кучер, с трудом сдерживая борзых коней, обещает прокатить «по-нашему, по-северному, с морозца да прямо к печке». Камноедов, убедившись, что ему не ехать, степенно одобряет выдумку Выбегаллы. Даже замороженный Привалов при виде лихой тройки проявляет некоторый интерес.

Под звон бубенцов и замирающий оркестр Выбегалло с «академиком» уносятся вдаль.

Эпизоды 1 и 2 помечены сбоку красным фломастером с пометой: «Зачем???»

3. Тройка лихо тормозит у избы на куриных ногах. Это, объясняет Выбегалло, гостиница-музей НИИЧАВО, где останавливаются особо... э-э-э... в общем, особы, прибывающие в гости.

Пока Выбегалло возится с амбарным замком на дверях избы, «кони» берут в оборот Привалова. Грубоватый коренник, ласково басыщий сивый пристяжной мерин и странно мяукающий черный конек коротко вводят его в курс дела. Введение в курс строится как своего рода вокальное трио, где аккомпанементом служит перезвон бубенцов, а все вместе напоминает отчасти знаменитую арию Фарлафа.

Два предыдущих абзаца отмечены сбоку красным фломастером с пометой: «Это уж к чертям! Раскрывать интригу в начале?»

Привалов, пережив первый шок, начинает прислушиваться к конским советам, даже хочет что-то спросить, но в это время Выбегалло удается справиться с замком и он приглашает «академика» в избу.

Коренник поддает Привалову коленом.

Выбегалло дает вознице распоряжение прислать за ним машину и передать в НИИ, чтобы демонстрацию волшебной палочки приезшему товарищу назначили на десять часов. Дверь в избу захлопывается.

Вместо лихой тройки на дороге — новенькая машина. Перед радиатором, отряхиваясь от снега, поднимаются с колен Корнеев и Брут. Водитель, весело улыбаясь, восседает на крыше.

— А ну, слазь! — командует ему Корнеев. — Ты что, кучер, что ли?

— Я шофер первого класса, — переставая улыбаться, степенно говорит водитель и спрыгивает с крыши.

— Пошли, ребята, — торопит Брута и кота Корнеев, не обращая больше внимания на водителя. — Демонстрация — слышали? Есть шанс.

4. Оказавшись наедине с «академиком», Выбегалло стремится произвести благоприятное впечатление, демонстрирует свою диссертационную работу — самоисчезающий костюм, надетый под зипуном. Исчезает костюм действительно мгновенно, с появлением дело обстоит хуже. Пиджак быстро возвращается на место, а брюки, появившись, опять самопроизвольно пропадают. Выбегалло объясняет это «местными условиями», намекая на интриги и происки недоброжелателей.

Привалов все больше помалкивает, но, когда Выбегалло невзначай поминает молодого, но способного сотрудника тов. Почкину Светлану Григорьевну, которая тоже «могла бы принести большую пользу где-нибудь в центре», оживляется и, к радости Выбегалло, выказывает большую осведомленность по поводу упомянутой Почкиной. Выбегалло думает, что поймал наконец «академика», сейчас тот скинет маскировку и можно будет прямиком перейти к делу, но Привалов вовремя вспоминает предостерегающее лошадиное ржание и меняет тему. Теперь его интересует, где тут можно позавтракать.

Выбегалло стелет гостю скатерть-самобранку, надеясь продолжить беседу за столом, но Привалов говорит, что по утрам привык подкрепляться в одиночестве, кроме того, он знает, Выбегаллу ждут дела.

Скрывая досаду, Выбегалло уходит, вручив гостю пригласительный билет на новогодний бал-маскарад.

Предыдущий эпизод помечен красным фломастером и прокомментирован: «Это лучше оригинала?»

Далее возникает и сохраняется ошибка в нумерации эпизодов (после 4-го идет 6-й).

6. Оставшись один, Привалов пытается установить отношения со скатертью-самобранкой, но та, в отличие от Выбегаллы, обладает безошибочным чутьем опытной официантки, за начальство Привалова «не держит», а потому кормит плохо, обслуживает небрежно и к тому же препирается.

7. В лаборатории волшебной древесины — дым коромыслом. Светлана готовится к встрече высокого гостя. Она требует чистоты, порядка и стройности. Сотрудники сбились с ног, выполняя ее распоряжения.

Из углов выметаются пауки и домовые, хотя Корнеев предупреждает, что это может нарушить колдовскую атмосферу. Попутно Светлана приказывает «гнать кота поганой метлой», чем вызывает взрыв негодования со стороны благородного животного. Верочка пытается заступиться за кота. Начинается скандал.

Появившийся Выбегалло успокаивает Светлану, умело переключая ее. Главное, говорит он, как она, Света, сумеет понравиться «академику», от которого многое зависит. Светлана уходит прихорашиваться.

— Одно слово — заколдована, — вздыхает Брут.

Сбоку от эпизода 7 написано красным фломастером: «Это не для меня».

8. Камноедов приезжает за Приваловым в Изнакурнож и застаёт там разгар перебранки: скатерть обсчитывает, сдачу не даёт. Но едва Камноедов успеваёт сказать своё вечное, почти волшебное «вы это мне бросьте», как скатерть из холщовой превращается в шелковую. Возникает самовар, блюдо с пирожками, розетки с вареньями. Но Камноедов разрешает Привалову съесть только один пирожок и сделать два глотка чая — машина ждёт! Кукушка в старинных ходиках кукует половину десятого.

— Сдачу возьмите, три копейки! — сладко поёт скатерть вслед Привалову с Камноедовым.

9. Прежде чем вести Привалова на торжественный акт предъявления волшебной палочки, Камноедов просит его зайти в секретариат, выполнить кое-какие формальности: обратный билет получить, листок приезжих подписать. Привалов с готовностью расписывается на бумагах, услужливо подложенных ему секретаршей, и, не замечая, меняет свой карандаш на один из предложенных ему секретаршей — тот самый, куда вложен волшебный стерженек.

АНС ставит возле абзаца двойную красную черту и пишет: «Гениальный ход. Прошелся рукой, называется...»

10. В прибранной мастерской волшебной древесины Привалова усаживают в единственное кресло. Все вокруг стоят.

Появляется Светлана. Она неотразима. Привалов поднимается ей навстречу. Выбегалло церемонно представляет их друг другу. Света игриво поглядывает на «академика». Привалов потрясен: она его не узнаёт!

— Понял теперь? — не разжимая губ, шипит Корнеев, занимая место справа от кресла «академика».

Саша ошеломленно кивает, не в силах оторвать глаз от невесты.

Выбегалло извлекает волшебную палочку, произносит небольшое вступление и готовится произвести манипуляцию, в результате которой «перед нашим гостем на столе, в центре магического круга, должен появиться наш скромный подарок — маскарадный костюм для сегодняшнего новогоднего бала...».

Корнеев под столом толкает Привалова, напоминая ему об инструкциях, которые были даны конями. Саша вскидывается.

— Позвольте мне самому, — протягивая руку к волшебной палочке, просит он. — Любопытно, знаете ли...

Выбегалло вежливо, но решительно отказывает: подарок должен быть сотворен дарящими.

Не вступая в дальнейшие разговоры, Выбегалло взмахивает палочкой и... ничего не происходит. Он повторяет жест — результат тот же. Вконец растерявшись, Выбегалло начинает грубо трясти палочкой.

— Осторожно! — визжит Светлана. — Вы обрушите здание!

Все шарахаются. Выбегалло застывает с поднятой рукой.

Воспользовавшись этим, Брут спокойно подходит и вынимает волшебный предмет из онемевшей руки и. о. директора. Опомнившийся Выбегалло с гневным воплем бросается к Бруту, но тот уже ловко разобрал карандаш. Лицо его вытянулось.

— Товарищи, он же пустой!

Выбегалло реагирует немедленно, обращается к Камноедову:

— Прошу зафиксировать — мне подменили волшебный предмет.

Но это не устраивает Камноедова. Он настаивает на немедленном опечатывании — «что взял, то и положу».

Тем временем Света исподволь присматривается к «академику», мучительно пытаюсь припомнить что-то. Привалов топчется около нее, просительно заглядывая в глаза.

Кот, выбравшись из своего угла, трется о его ноги, мурлыча сквозь усы:

— Что стоишь? Проси свидания!

Привалов следует совету кота. Света приглашает «академика» в гости.

Выбегалло, переругиваясь с Корнеевым и Камноедовым, не забывает зорко следить за Светланой. Когда она, после тихих переговоров с «академиком», направляется к выходу, Выбегалло бросается за ней. Но Светлана отшивает старого поклонника.

— Что вы, товарищ директор! Вам нельзя покидать товарища академика в такой серьезный момент.

Прихватив Катеньку и Верочку, она удаляется.

Выбегалло тайком, крадучись следует за ней.

11. Наконец-то Саша Привалов поступает в полное распоряжение корнеевской компании. Ему объясняют, что теперь, когда потеряна волшебная палочка, надежда только на него. Разрушить колдовство можно только силой любви, смелостью, преданностью, то есть истинно человеческими качествами, которые всегда были самым главным в жизни. Конечно, маги будут искать потерянный стерженек, но важнее всего — расколдовать до 12 часов Светлану, а это под силу одному Привалову. Он должен вновь завоевать Свету, растопить холод ее замороженного сердца.

Сцена строится как музыкальный фрагмент, каждый из магов говорит об одной из черт, необходимых Привалову для победы, превращая свое напутствие в строфу песни. А в целом складывается песенка о том, что за любовь надо бороться, как за все хорошее в жизни. Что нельзя отступать перед злом, потому что «добро в жизни можно делать только из зла, больше его не из чего делать».

12. Светлана готовится к встрече с «академиком». Она третирует Верочку и Катеньку, заставляя их прислуживать себе, «учит жизни» и поет им песенку о месте под солнцем. Чем ближе к солнцу, тем лучше, утверждает Светлана. А самое лучшее — стать солнцем, чтобы все вокруг жмурились и завидовали, глядя на тебя.

13. Выбегалло следит за Приваловым, а когда Саша входит в квартиру Светланы, принимается подслушивать.

14. Светлане искренне нравится молодой «академик», и она всю занимается его «приручением».

Саша вне себя от гордости и восторга. Ему кажется, что перед ним опять прежняя Света, и, почти перед самой победой, когда Светлана уже готова его поцеловать, он теряет бдительность и «раскалывается». В результате вместо поцелуя он получает оплеуху.

Разъяренная Светлана, узнав, что перед ней всего лишь младший научный сотрудник, буквально выбрасывает его из квартиры. Саша спиной вышибает дверь, чуть не опрокинув подслушивавшего Выбегалло, вылетает из подъезда и падает в снег.

А Выбегалло, потирая руки, появляется перед Светланой, которая радостно его приветствует. Раз Привалов оказался самозванцем, Выбегалло вновь занимает свое место в мыслях заколдованной Светланы.

15. Поисковая группа Корнеева ищет след волшебного стерженька. Поиск возглавляет кот с котятками. Следы ведут в кабинет директора.

Самый маленький котенок находит на полу след волшебного стерженька. Кот в восторге:

— Что я говорил! Разве можно таких котят оставлять без должного воспитания! — Он принимается вылизывать котенка.

Секретарша вспоминает, что она действительно подобрала с полу что-то, похожее на карандашный грифель, и вложила его в какой-то карандаш. Весь вопрос — в какой? Все с ужасом смотрят на огромную коллекцию карандашей.

16. Привалов возвращается в Изнакурнож. В полной растерянности и отчаянии он решает написать Светлане письмо — может быть, это произведет на нее впечатление.

Карандаш почему-то не пишет. Он встряхивает непокорное стило. Раздается тяжелый грохот — Саша лежит на полу в разорванной рубашке, на потолке отпечатались следы его ботинок, а рядом, сверкая и потрескивая, качается перед Сашиним носом то, что он опрометчиво принял за карандаш.

17. Светлана и Выбегалло решают сегодня же на новогоднем балу объявить о своей помолвке. Составляется своеобразный брачный договор. Светлана выдвигает требования, Выбегалло обязуется их удовлетворить. Договор насчитывает 13 пунктов.

Кроме того, Светлана требует, чтобы Выбегалло сегодня же «несколько омолодился» и совершил что-нибудь заметное, хотя бы в рамках институтской самодеятельности, чтобы она, Светлана, имела повод «открыть глаза» окружающим и как-то оправдать свой выбор.

Выбегалло устраивает все, кроме омоложения. Предложение Светы «искупаться в молоке и двух водах» по рецепту конька-горбунка тоже не вызывает у него энтузиазма.

Спор по этому поводу прерывается странным шумом на улице. Света выглядывает в окно и видит, что Изба на куриных ногах пустилась в пляс.

18. Привалов в пляшущей избе, нелепо размахивая волшебной палочкой, громко требует, чтобы Света немедленно появилась перед ним. Однако вместо Светланы появляется совершенно неожиданный реквизит, как живой, так и неживой. Скатерть-самобранка вопит что есть мочи, из часов с восклицаниями «ох, батюшки», «ох, матушки» то и дело выпархивает кукушка.

Светлана, волоча за собой Выбегалло, врывается в переполненную вещами избу.

Привалов требует у нее поцелуя в обмен на волшебную палочку, которой он не умеет пользоваться и поэтому не знает, как расколдовать невесту.

Саша напоминает ей о прошлом, говорит, что она заколдована. Теперь Светлана внимательно слушает Привалова — ведь в руках у него волшебная палочка. Она даже как будто готова получить волшебную палочку в обмен на поцелуй.

Выбегалло в ужасе. Улучив момент, он выхватывает палочку из рук Привалова, внимание которого было поглощено Светланой.

Теперь, вновь овладев волшебной палочкой, Выбегалло смеется над Приваловым. Женщин, говорит он, надо околдовывать. Пусть этот случай послужит молодому человеку уроком на будущее.

С улицы слышны гудки машин. Выбегалло торопливо уводит вновь ставшую покорной Светлану, предварительно накинув ей на плечи меховую шубку, сотворенную с помощью волшебной палочки, однако «в пределах личных сбережений и в полном соответствии с законностью»...

Появляется Корнеев с компанией магов. Узнав, что Привалов все прошляпил и палочка снова в руках Выбегалло, Корнеев приходит в бешенство. Теперь, говорит он, осталось одно средство, зато самое простое и верное — собраться всем на балу, набить морду Выбегалло и отобрать волшебный карандаш. А там — будь что будет, хоть по административной, хоть по волшебной части. Главное, до Нового года управиться. Маги с ним согласны.

Привалов просит взять его с собой, но ему отказывают — он себя не проявил. Кроме того, после разоблачения Саше надо скрыться, чтобы избежать неприятностей.

Точно в подтверждение этих слов, появляется Камноедов с дружинниками. Он прибыл навести порядок — изба в танце выдвинулась на проезжую часть. Кроме того, Камноедов собирается задержать гр-на Привалова — самозванца и похитителя волшебной палочки.

Корнеев кое-как спасает Привалова, выдав его за дубля-гомункулуса, сотворенного на память для музея.

Камноедов загоняет «хам-монкулуса» в помещение музея, вешает ему на ухо инвентарный номерок и, гремя запорами, закрывает снаружи тяжелую дубовую дверь.

19. Корнеев с магами ставит на место избу. Делают они это попросту — упираясь плечами и бормоча неразборчивые заклинания. Транспорт возобновляет свою работу.

20. Выбегалло готовится к балу. Он все время звонит Светлане — советуется. Теперь, когда при нем волшебная палочка, проблема омоложения сильно упростилась. Он спрашивает у Светланы, какого цвета волосы ему вырастить на лысине. Света предпочитает «седые, но пышные». Взмахнув палочкой, Выбегалло бросается к зеркалу, оттуда — снова к телефону. Шевелюру он отрастил — нужны ли усы? Света согласна с усами, но рекомендует к ним еще и бородку в стиле Ришелье. Выбегалло хочет еще что-то спросить, но Светлана торопится — за ней уже пришла директорская машина.

Выбегалло пристально рассматривает свое отражение в зеркале. С усами, бородой и пышной шевелюрой он похож на Канио из оперы «Паяцы».

21. Привалов взламывает двери избы добытым со стенда мечом-кладенцом. Наконец ему удается вырваться. Прихватив для маскарада черный осыпанный серебряными звездами плащ, напялив на голову старый шлем с забралом, Привалов выходит из избы, пряча под плащом зловещего вида меч.

22. НИИЧАВО празднично освещен. К подъезду торопятся последние гости.

В стороне плотной группой стоят ребята из подшефной школы. Одного из них, самого маленького ростом, не пропускает Камноедов, а чувство товарищества не позволяет им бросить малыша. Они просят Выбегалло провести паренька под плащом. Тот отказывает и, величаво ступая, направляется ко входу (Выбегалло одет «белым принцем» — в костюме собственной конструкции, который он демонстрировал Привалову, и в длинном плаще, сверкающем от блессток, поэтому ребята и обратились к нему).

При входе Выбегалло сталкивается с неожиданным препятствием. Камноедов не узнает его в новом обличье и отказывается пропустить.

Появляется Привалов — он в черном плаще. Ребята бросаются к нему со своей просьбой. Привалов согласен. Он окутывает мальчика, и все вместе, нестройной гурьбой, они проскальзывают мимо Камноедова. Но тут задержанный Выбегалло узнает Привалова и указывает на него Камноедову. Бдительный Камноедов немедленно устремляется в погоню за самозванцем. Под шумок Выбегалле удастся проскочить в дверь.

23. Увидев, что за Приваловым гонится Камноедов, ребята предупреждают его, чтобы он скорее бежал к лифту, потому что скоро все лифты будут отключены, двери

заперты, кроме одной, но туда входить нельзя: дверь ведет в котельную, где заперт Змей Горыныч. С этим ребята убегают, они тоже торопятся попасть наверх, где на 13-м этаже находится актовый зал, где уже звучит музыка — начинается новогодний бал-маскарад.

Путь Привалову преграждает Камнеодов. Он гонится за Приваловым, попутно запирая двери. Не знающий дороги Привалов оказывается в трудном положении.

Издали за этой погоней со злорадством следит Выбегалло. Он уверен, что уж ему-то ничего не угрожает. В этой уверенности он спокойно направляется к лифту, и вдруг дорогу ему переходит черный котенок. Выбегалло поворачивает в другую сторону — и там его караулит черный кот. Цепочка кошачьих следов всюду преследует Выбегаллу. Даже волшебная палочка не помогает — котята на нее не реагируют, а переступить «черный след» Выбегалло не решается.

24. В это время в кабинете Беломора малиново засветилось зеркало, из него с шумом, смехом, рыбой и удочками полезли три веселых мага — Беломор, Киврин, Хунта.

Беломор тут же окинул зорким взглядом кабинет — что-то не в порядке. Глянул на заявления с размашистыми резолюциями Выбегалло — «отказать» и помрачнел еще больше. Потянул носом — так и знал, в воздухе пахнет грозой.

В углу шевельнулась тень — это проснулась верная секретарша, ожидавшая начальство, чтобы первой все рассказать.

25. Бал на 13-м этаже набирает силу. Все поглядывают на часы — до Нового года остается немного. Молодые маги, одетые в черные костюмы, группируются у дверей, ожидая Выбегалло.

Света тоже поглядывает на двери — отсутствие «старикашки» ее удивляет. Распорядитель бала уже объявил о вызове на эстраду «белого принца», обещавшего исполнить «Песнь торжествующей любви».

26. Пустив волшебное яблочко по блюдечку, три великих мага сразу обнаруживают местонахождение Выбегалло. В своем белом плаще он мечется среди кошачьих следов, преследуемый котятами по пятам.

Далее между запертых дверей виден Привалов, который ищет путь наверх.

Если палочка у Выбегалло, думает вслух Хунта, значит он, как говорится, вооружен и очень опасен.

Эпизоды 23–26 отчеркнуты сбоку фломастером с пометой: «Сплошное уныние, но хоть ход есть. Переодевание».

Простым мордобитием тут ничего не добьешься, соглашается Киврин. Кот Василий выбрал единственно правильный барьер — психологический. Но кота с котятами надолго не хватит, напоминает Беломор, так что думайте, думайте, маги, думайте, как помочь Привалову и задержать Выбегалло, призывает Беломор.

Остановив яблочко на блюдечке, маги задумываются.

27. В это время Выбегалло, удирая от котов, наталкивается на Привалова и предлагает сопернику показать верный ход в зал, но с условием: они должны обменяться плащами. «Хочу сделать сюрприз одной особе», — поясняет Выбегалло.

Не узнавший Выбегалло Привалов, естественно, соглашается. Происходит обмен, и Выбегалло показывает бывшему «академику» черный ход, ведущий в котельную. Они расходятся.

Выбегалло бросается к ближайшему лифту. На этот раз очередной котенок спокойно пропускает его, приняв за Привалова, и даже вежливо желает доброго пути.

И тут старый пакостник не может отказать себе в удовольствии: стоя в дверях лифта, он сообщает сбежавшимся котятам и самому коту Василию об их ошибке в самых издевательских выражениях, после чего захлопывает дверь.

28. Маги не видели, как Привалов и Выбегалло менялись плащами. В этот момент они думали. Теперь блюдечко показало человека в черном плаще, садящегося в лифт.

Значит, с Приваловым все в порядке, надо задержать Выбегалло. Блюдечко показывает белый плащ, который движется в сторону котельной, и маги сосредотачивают на нем все внимание.

29. Большие институтские часы отбивают одиннадцать. Бдительный и пунктуальный Камноедов выключает рубильник.

30. Кабина лифта, вздрогнув, останавливается. Выбегалло, крикнув с досады, лезет за пазуху, достает волшебную палочку и... понимает, что попался: кабина лифта слишком узка, здесь невозможно совершить взмах рукой, необходимый для исполнения желаний.

31. Саша Привалов остановился перед входом в котельную. На двери предостерегающая надпись. Саша стоит, словно рыцарь на распутье. Из котельной доносится тяжелое ворчание и взрывывание.

32. — Понятно, — говорит Беломор. — Он выбрал путь, где кот не посмеет перейти дорогу, побоится Змея Горыныча.

— А разве сам Выбегалло не боится? — спрашивает Хунта.

— Наверное, знает, что никакого Змея в котельной нет, все это институтская легенда, — поясняет Киврин. — Рев и грохот — результат неполадок в отопительной системе.

— Но если бы Змей все-таки там был — я думаю, это задержало бы Выбегалло? — усмехаясь, спрашивает Хунта.

— Хотелось Новый год встретить по-человечески... — вздыхает Киврин.

— Ничего, зато рыбку половили, — мрачно напоминает Беломор.

Великие маги разом поднимаются со своих мест.

33. Кот и котята уговаривают Привалова не идти в котельную, но Саше нельзя отступить, остаются считанные минуты до Нового года.

Расхрабренный кот говорит, что он бы и сам пошел, если бы не обремененность семейством. Маленький котенок цепляется за штаны Привалова, просит взять его с собой вместо папы. Привалов осторожно снимает котенка со штанины и, глубоко вздохнув, скрывается за дверь.

— Вот на что способны во имя любви мы, млекопитающие! — назидательно говорит кот, обращаясь к потомству.

34. Трехголовый Горыныч сурово встречает пришельца: ревет, гонит прочь, плюется огнем. Саша выхватывает из-под плаща меч-кладенец и лезет в драку. Это приводит в замешательство змеиные головы, они не ожидали такой настырности.

Схватка происходит. Саше даже удастся шлепнуть, правда плашмя, мечом по лбу одну из змеиных голов. Правда, в следующее мгновение змей ловко сшибает Привалова с ног и завладевает мечом, сопровождая это действие странной репликой: «Чтоб не баловался...»

В пылу сражения с Привалова падает маска, и тут уж змей ведет себя совсем неожиданно — немедленно сдается и не только пропускает Привалова, но и наперебой, в три головы дает ему советы. На скоростном аварийном лифте Привалов уносится вверх.

35. У дверей зала его пытается задержать компания Корнеева. Еще не остывший после победоносного сражения Привалов с таким блеском расшвыривает магов, что обескураженный Корнеев вопит: «Эй, маги, вы что, из бумаги?»

Несколько помятый, но решительный Саша вступает в зал и сразу видит блистательную Светлану. Отстраняя встречных со своего пути, он направляется к ней. Но путь ему преграждает распорядитель бала. Белого принца давно ждут на эстраде, говорит он.

Привалов поднимается на подмостки. Он не знает песен Выбегалло, а музыканты не знают его мелодии. Тогда Саша берет трубу и сам исполняет вступление. Нежные и печальные звуки заставляют притихнуть весь зал. Оркестр подхватывает тему. Саша поет печальную, взволнованную песню о любви несправедливо отвергнутой, о любви, прощаться с которой тяжелее, чем с жизнью.

Светлана взволнована. Ей знаком этот мотив и голос певца. Они напоминают что-то очень давнее, стершееся из памяти, но оставшееся где-то в глубине души.

Песня заканчивается, но мелодия продолжает звучать, превращаясь в танец. Пары закружились по всему залу. Привалов оказывается рядом со Светланой. Ему, как победителю в конкурсе песни, предоставляется право танцевать с ней — королевой бала.

Звучит мелодия, которая слышалась в песенке Светланы о женихе и в песенке Саши, когда он готовился к встрече с невестой. В общем, это «их» тема, только если раньше она звучала весело, то теперь в ней слышится печаль.

Окружающие пары расступаются, оставляя Сашу и Светлану в центре зала.

Она понимает, что перед ней не Выбегалло, но не хочет прервать танец, который захватывает ее все больше. Ей необходимо отгадать, почему эта незнакомая мелодия кажется такой волнующей и близкой.

Тогда Привалов напоминает ей несколько фраз из того, кажется, уже невозвратимого прошлого, которыми они обменялись когда-то, которые стали их признанием. Он словно рассказывает сказку, герои которой сначала были очень счастливы, а потом очень несчастны. Тогда, в счастливой сказке, они так же танцевали вдвоем, и после сказанных слов она вдруг приподнялась на цыпочках и первая поцеловала его.

Предыдущий абзац выделен красным фломастером с пометой: «Ну, ну. Я-то думал, что-то настоящее будет».

И все повторяется как раньше. Светлана осторожно снимает маску с Привалова, приподнимается на цыпочках и целует его. Перед этим она говорит, словно обращаясь к самой себе: хотелось бы знать, что может изменить один-единственный поцелуй, — неужели это так важно?

Раскат грома оповещает о том, что колдовство кончилось. Света обнимает Сашу. Их окружают друзья.

В зал врывается оборванный Выбегалло. Он требует отменить, остановить, прекратить! Он предъявляет брачный договор из тринадцати пунктов.

Света мучительно краснеет. Друзья удерживают Привалова, желающего немедленно свести счеты с Выбегалло.

Теперь настала пора появиться трем великим магам. И они появляются — причем у Хунты на лбу вполне приличная шишка.

Беломор предлагает Выбегалло немедленно сдать волшебную палочку. Выбегалло сначала отказывается, ссылаясь на то, что у него ее нет, но вокруг смыкается кольцо, и он понимает, что не успеет воспользоваться палочкой даже в целях самозащиты.

Беломор просит минуту внимания. Он зачитывает приказ по НИИЧАВО, в котором объявляется благодарность Привалову — за самоотверженность в любви, Корнееву — за проявленную твердость и принципиальность, прочим магам — за высокое чувство товарищества, Камноедову — за бдительность и неусыпное соблюдение правил внутреннего распорядка, коту — за человечность и верную оценку ситуации. Далее сообщается об увольнении Выбегалло как утратившего доверие коллектива.

После зачтения этого пункта Выбегалло с угрозами покидает зал, обещая, что он еще вернется, что с ним еще встретятся.

— Такие, как я, не исчезают! — выкрикивает он.

И тут с ним происходит последний конфуз — на нем исчезают штаны, те самые, оформленные патентом и защищенные диссертацией. Так он и уходит под общий смех, продолжая сыпать угрозами.

Беломор зачитывает последний пункт приказа — о постановке на вид самому себе за неоправданную отлучку и назначение на руководящий пост безответственного работника. И только после этого поздравляет всех с наступающим Новым годом.

Начинают бить часы. В зале поднимают бокалы с шампанским.

Перебивая новогоднее ликование, на экране появляется кот Василий, чтобы по своему подвести итог.

Приказ, конечно, хорош, похвала, она, как говорится, и кошке приятна. Но нельзя же уж так... имея в виду последний пункт... это, конечно, хватило... Чтобы на вид самому себе — это, согласитесь, уже не сказка, даже не фантастика, а просто небывалый жанр. Хотя остальное как будто в пределах разумного. Тем более что, как говорится, и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало. И очень хорошо, что не попало! Представляю, какая это гадость — мед с пивом! Бр-р-р!!!

КОНЕЦ ФИЛЬМА

Как видим, АНС был настроен на сотрудничество с режиссером, однако имел собственные принципиальные суждения по сценарию и волю чувствам при решительном несогласии с чем-то мог давать в весьма резкой форме.

В течение июня 1981 года продолжалось общение с режиссером и редактором на предмет уточнения сюжета. Вот существенная для понимания дальнейших правок дневниковая запись от 15 июня 1981 года: «Понял причину неудачи: нельзя менять злодеяния Беломора без коренной ломки сценария».

Во второй половине июля снова ведутся переговоры о будущем сюжете. В дневнике АНС этому посвящено несколько записей. 16 июля: «Был Бромберг, говорили и пришли к соглашению: Китежградский завод, дуэль». 18 июля: «Разработал поэпизодно новую версию. Звонил Бромберг, просил не делать литературу, сразу будем писать режиссерский».

Совершенно очевидно, что все приведенные ниже записи АНС сделаны именно в это время. Сначала идет машинопись, сделанная либо во время встречи с К. Бромбергом 16 июля, либо сразу после нее и рукописно датированная тем же днем.

1. НИИЧАВО переделать в Китежградское производственное объединение «Маготехника». Соответственно, убрать все реминисценции ПНвС (имена и характеры).
2. Дуэль с Выбегаллой? На смертном одре просит Светлану поцеловать себя?
3. Пара изначальных эпизодов, где Светлану полюбляет зритель.
4. Определить линию волшебной палочки. Почему ее не использовали для расколдовывания Светланы?
5. Сделать Выбегаллу носителем активного зла, фактическим виновником всех несчастий, и одновременно сделать его смешным.
6. Смешные персонажи и смешные положения.
7. Привалов — активный деятель.
8. Попробовать Ведущего: Привалов, прикомандированный для отгрузки маготехники для НИИЧАВО.
9. Светлана — более женщина: даже заколдованная, она все помнит и чувствует свою вину перед Приваловым.

Далее снова идет рукописный текст АНС.

Заседание в кабинете директора:

Строится цех. На участке обнаружилось заколдованное место. Акт экспертизы. Комиссию возглавляла Светлана. Что же раньше-то смотрели? Местные флуктуации магополей. В разгар — появляется секретарша с телефонограммой. Беломор читает, в кабинете становится темнее. Все замирают в ужасе. «Свободны, товарищи! Остаться тем-то и тем-то». Перепалка Выбегаллы со Светланой: она собиралась в Москву, ей наплевать, и т. д. В лаборатории дурака валяют, нет чтобы подумать, как устроить ЗМ, все штаны-невидимки, эликсиры всякие.

— Не грех бы ей нежной страсти к этому москвичу поунять, а то работать отказывается.

— Надо будет — поунем.

Исторической разведкой установлено, что на этом месте в 733 году была зарыта одна из голов дракона Дракулы... Лихо Одноглазое?

У Выбегалло по-пиратски повязка через глаз.

Волшебная палочка? Это тебе не 15-й век, парень.

Граничным условием любого современного магического прибора является невозможность воздействия на человека и тем более на его психику. Во избежание!

Мы выпускаем выдержанных джиннов в аккуратной полиэтиленовой упаковке, но они не могут разрушать, а могут только строить. На душу человека только человек может действовать (над душой человека только человек волен).

Музей-выставка продукции Китежградского завода маготехники.

Штаны-невидимки.

Разрыв-трава (Архилин-трава). «Это после того, как она его изгоняет...»

Демонстрация палочки — когда парень понял, что она заколдована насовсем, крадется в штанах и босиком — следы, следы, — добирается до мастерской, схватка с Хомой Брутом — разрыв-трава на сейф, взрывает дверцу, бежит назад с волш<ебной> палочкой, падает... феномены... возвращается в избу и начинает.

Архилин-трава — колдовская трава Ивановой ночи.

Дуэль: темный зал. Потом со всех сторон начинают скапливаться ряженые. Выбегалло — в панцире с летучей мышью, у него такая же рубашка с самого начала. Дерутся на мечах. Выбегалло повержен, герой замахивается и в нерешительности. Тут Светлана: «Не надо! Не надо!» Он смотрит на нее, а Выбегалло прокалывает его. Тут поцелуй, тут увольнение по собственному желанию. Во время боя: секунданты, Модест и Корнеев с Хомой, все время пытаются вступить, как в «Александре Невском».

Собственно, это последние наброски, где в основном сюжете легко распознать сотрудников НИИЧАВО. Сколь ни странно выглядит идея заменить институт Китежградским заводом маготехники, в ней просматривается рациональное зерно: в рамках нового сюжета прежние маги, превыше всего ставившие радость научного поиска, откровенно смотрелись бы «пятым колесом». Замысел же превратить Выбегалло в «носителя активного зла» представляется очень спорным. Да, в ПНВС от действий этого мелкого прохвоста могли проистечь крупные неприятности, но все, что мы знаем о профессоре, не позволяет представить его в качестве полноценного Главного Злодея — даже в травестированном виде. Именно поэтому, видимо, в последующих разработках Светлану опять околдовывает Беломор, да и в фильме это делает директор НУИНУ, превратившийся к тому времени в даму с совершенно иными характером и мотивами.

Сюжет следовало разыгрывать в новых декорациях с героями, одновременно похожими и непохожими на прежних. Продолжение заметок АНС относится к новому этапу переделки и фиксирует новый, «заводской» вариант, но с сохранением основных линий прежнего литературного сценария: место действия и имена другие, а события в основном те же. Записи были сделаны наспех, иногда скоропись удалось расшифровать лишь предположительно. В конспекте новой последовательности событий некоторые пункты правились сразу же. Например, пункт 14 поясняется еще раз подробнее, а первоначально обозначенная как пункт 10 сцена «Москва, эпизод с Ивановым» была затем вычеркнута и перенесена в пункт 13.

Поцелуй

всепрощающий,

исцеляющий...

Поцелуй женщины, которая ЛЮБИТ.

Ведущий: Александр Привалов.

Светлана Григорьевна Почкина.

Директор Трудослав Ингваревич Беломор.

Виктор Корнеев — Виталий Берестов.

Хома Брут.

(Киврин) — главный инженер Петр Алексеевич Поваров.

(Модест) — зам. по АХЧ Корунд Базальтович Туфтин.

Привалов: Александр Македонович [вычеркнуто «Цезарев»] Иванов.

Выбегалло: Оттар Сергеевич Растов.

Песня о поцелуе женщины (перед поединком), поет либо Беломор, либо Берестов.

Последовательность:

1. Выступление Привалова.
2. Светлана идет в заводоуправление — цветы вахтерше и т. д.
3. В конторе встреча с сотрудниками Берестовым, Брутом и Верой и Катей. Просит купить ей билет.
4. Сцена в директорской: Беломор и нач<альник> СМУ, выпады Оттара.
5. Телефонограмма.
6. Беседа четырех: Беломор, Поваров, Туфтин, Растов.
- Намеки на некомпетентность Светланы.
7. Светлана в цеху, к ней ластятся Вера и Катя, песня любви.
- Здесь Янус с билетами.
8. Появление Растова. Он провоцирует Светлану на грубый разговор с Беломором.
9. Песня Растова: для достижения цели надобно уметь манипулировать людьми — жалоба на собственную любовь, кот<орая> его стиснула.
10. Стычка Светланы с Беломором, околдовывание.
11. Следствие. Светлана и Растов.
12. Катя, Вера, Берестов, Брут совещаются и решают дать телеграмму.
13. Москва, сцены с Ивановым.
14. Беломор и Поваров. Беломор понимает, что дал маху.
- Песня о начальнике, кот<орый> понимает, что дал маху, но сознаваться трудно.
15. Вагон<ный>.
16. Беломор, вернувшийся в кабинет, [сидит?]. Выясняет, что нужен поцелуй. Песня о поцелуе. (После зеркала начинает заклинание, появляется фигура его давно умершей любимой жены, кот<орая> поет о поцелуе, но еще есть некое, что она недопеваает.)
- Мысль: Иванов от маленького суетливого человека постепенно дорастает до героя.
14. Беломор: мало ли что, у меня десяток дураков в черепахах ходят... Я 200 лет Трудослав! На мне всесоюзная магия держится!
17. Иванов сходит с поезда, его встречает одинокий Туфтин, препровождает в Изнакурнож.
18. Эпизод с музеем. Гном-смотритель поет песню, объясняя экспонаты. Особо отметить брюки-невидимки и разрыв-траву.
19. Скатерть-самобранка.
20. Сцена в мастерской волшебной древесины. Ведет Оттар в сопровождении Туфтина, Корнеева и Брута. Палочка работает превосходно, ее запирают в сейф. Иванов назначает свидание со Светланой. (Она считает, что он стал академиком! Вот гвоздь!)
- В лаборатории эликсир Катя разбивает, стычка Растова с Берестовым.
21. Свидание в комнате Светланы. Она его изгоняет и звонит Растову, тот идет. (Растов идет по одной стороне улицы, а следы невидимого — по другой.)
22. Эпопея воровства палочки.
- Песня: всего один поцелуй.
23. Берестов (и Брут) узнает секрет: надо поцеловать.
- Берестов узнает, бежит к Бруту, освобождает его, и они бегут.

24. Светлана и Растов у Светланы, выясняют, что ревизор не ревизор, а просто Иванов, заключают договор, и вдруг гром, грохот. Изба танцует.

25. Светлана в избе. Там же Растов и прибежавшие Берестов и Брут. Всем стало известно, что он не ревизор, а просто Иванов.

26. Иванов отдает палочку. Разговор с Берестовым и Брутом: над душой человека только человек волен.

Спор: А заколдовывание? А Беломор человек. Ты тоже можешь словами человека унижить, а он в миллион раз сильнее. Иванов говорит: остается одно.

27. Дуэль.

28. Бал. Зеленый змей и т. д.

Чудеса творить — это вам не репу сеять!

Предки, ко мне!

Беломор: Мы, начальство... человека унизили, уязвили, убили, а надеемся, что общественность поправит, и т. д. А вот любовь не ждет. И ненависть не ждет.

В дуэли, когда Иванов падает, сраженный подлым ударом, Берестов бьет дубиной по голове Растова.

К предыдущим записям непосредственно примыкает также отдельный рукописный набросок (видимо, к пункту 20) с повторением реплики про чудеса и репу и с приблизительной цитатой из «Аэлиты» А. Толстого.

Берестов при столкновении с Оттаром:

Меня не запугаешь древней чертовщиной! (Из «Аэлиты».)

— Черную магию применять запрещено!

К этому же этапу работы относится и более поздняя машинопись с указанием новых действующих лиц. Часть имен совпадает с предыдущими набросками полностью, кое-что переделано опять, причем для фильма основная часть этих переделок так и не понадобилась. Хома Брут указан с тем же именем, но уже как Брыль (фамилия позаимствована у художника-декоратора Игоря Брыля, входившего в съемочную группу «Чародеев»). У прежнего Выбегаллы изменения невелики — Растов из Оттара Сергеевича становится Оттаром Эксовичем. Светлана теперь не Почкина, а «Светлана Светозаровна Благая» (позже эта фамилия будет использована АБС в «Отягощенных злом»). Для ее жениха вместо вычурного «Александра Македоновича Иванова» предлагается простое «Лопухов Иван Сергеевич» (тут совсем недалеко до Ивана Пухова). И наконец, любопытные изменения претерпел аналог Модеста. В заметках зама по АХЧ зовут Корунд Базальтович Туфтин — замысел ясен, но слишком прямолинеен. В новом списке появился более изящный вариант: Игорь Владимирович Небывалов. (Небывалов — персонаж фильма «Волга-Волга», а игравшего его артиста Ильинского звали Игорь Владимирович.) Любопытна (особенно с учетом того, что это бывшие Киврин и Выбегалло) «рокировка» должностей Поварова, низведенного из замдиректора по науке в главные инженеры, и Растова, превратившегося, напротив, из зама по общим вопросам в зама по науке. Для Катеньки и Верочки помечено сбоку, что они «сотрудницы Светланы».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА СЦЕНАРИЯ «ЧАРОДЕИ»

1. Ведущий — Александр Привалов.
2. Директор — Трудослав Ингваревич Беломор.
3. Гл<авный> инж<енер> — Петр Алексеевич Поваров.
4. Зам. по науке — Оттар Эксович Растов.
5. Зам. по АХЧ — Игорь Владимирович Небывалов.
6. Нач<альник> ОТК — Светлана Светозаровна Благая.
7. Муз<ыкальный> критик — Лопухов Иван Сергеевич.
8. Зав. мастерской волш<ебной> древесины — Виталий Берестов.

9. Столяр и сторож (бывший) домовой) — Хома Брыль.
10. Катенька.
11. Верочка.

Последующие дневниковые записи АНС показывают, что поиск наиболее выигрышного сюжета продолжался фактически непрерывно. 20 июля: «Разработали анекдот. Возможность поменять местами Светлану и Привалова». 24 июля: «Встреча у Бромберга. Утвердили: схема «Снежная королева», идеи против деловых людей и «берегите мужчин» (дуэль Светланы с Шемаханской — аналог Выбегаллы). Кража жениха со свадьбы».

Некоторые важные сюжетные подробности начинают наконец проясняться. Видимо, как раз тогда было решено отказаться от Привалова в качестве ведущего и тем самым убрать даже опосредованную связь нового сюжета с НИИЧАВО. Решение о переносе действия в Китежград оказалось окончательным, только завод был заменен некоей конторой, формально именуемой институтом, но имеющей с наукой весьма мало общего. В дневнике от 12 августа АНС пишет: «Бромберг вернулся к первому сценарию, будет писать режиссерский сам, под мою ответственность. Вариант сюжета, разработанный и записанный мной (8 стр<аниц>), взял и будет использовать». (Следов этого варианта, к сожалению, в архиве Авторов найти не удалось.) 25 сентября: «Звонил Бромбергу. У него все отлично. Я понадоблюсь не очень скоро, и только по диалогам. Впрочем, в начале октября надо будет уговаривать Кима работать с Бромберговым композитором. Далее — январь, диалоги под живых актеров, поездки в Суздаль и Одессу. Ибо мыслится переход в Одесскую студию». 5 ноября: «Был Бромберг, приносил сюжетную схему. Я очень одобрил. Теперь в конце ноября принесет реж<иссерский> сценарий для работы с диалогами». Еще через две недели: «Звонил Бромберг. 15-го принимается в Одессе режиссерский сценарий. Числа 2-го декабря доставит экз мне. С Кимом встречался, договоренность есть. Сценарий сильно ломали на ЦТ».

Несколько опережая события, следует сказать, что вопрос о договоре с Ю. Кимом на 12 песен для «Чародеев» вроде бы решился положительно, но песни эти в фильм не попали (далее с композитором Е. Крылатовым работал уже Л. Дербенев). Причин могло быть множество, и вовсе не факт, что самую существенную роль сыграла диссидентская репутация барда. В конце концов, Ким (хотя и под псевдонимом) писал в те годы для множества фильмов самых разных режиссеров, а за песенку Красной Шапочки даже стал в 1978 году лауреатом фестиваля «Песня года». Можно предположить, что дело тут скорее в самих стихах, не слишком органично вписывающихся в эстетику фильма и трактуемых происходящие события как бы со стороны и с известной долей иронии. Очередной аналог Панурга, на сей раз музыкальный, видимо, не встретил одобрения со стороны чиновников Гостелерадио. Впрочем, суждение на сей счет каждый может вынести сам, поскольку половина этих текстов («Гимн науке», «Отворились ворота», «Вот и ночь», «Тройка мчится», «Ночь накануне признания», «Так держать, капитан») была включена в сборник Юлия Кима «Летучий ковер» (М.: Киноцентр, 1990), составив раздел «Сказка братьев Стругацких»...

В течение декабря АНС знакомится с режиссерской разработкой сначала первой серии (что отмечено в дневнике резолюцией: «НичеГё. Веселое дерьмо»), а затем и второй.

Несколько позже, в феврале 1982 года, режиссерский сценарий обеих серий был собран под одну обложку и в таком виде распечатан для дальнейшей работы по фильму в одной из одесских типографий тиражом 150 экземпляров. Во втором томе серии «Неизвестные Стругацкие» (2006), где этот сценарий впервые стал доступен широкой публике, информация о первоисточнике давалась кратко, а сейчас — с учетом пожеланий заинтересованных читателей — он будет описан более обстоятельно.

В экземпляре полного режиссерского сценария, которым располагают составители, на обложке после имен Аркадия Стругацкого и Бориса Стругацкого указано название «Чародеи» с добавлением «двухсерийный телевизионный фильм», а затем «Одесская киностудия. 1982». На титуле значится: «А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Чародеи (режиссерский сценарий двухсерийного музыкального фантастического комедийного фильма). Режиссерская разработка К. Бромберга». Несмотря на то, что сценарий был напечатан в государственной типографии не таким уж мизерным по нынешним временам тиражом, считать это издание полноценной публикацией и учитывать наравне с книжными или журнальными изданиями Стругацких нельзя — в исходном виде это сугубо служебный материал. Под единую обложку заключен конволют из трех отдельно напечатанных блоков с альбомным расположением машинописного текста, дополненных в начале титульным листом, а в конце — списком основной части съемочной группы и уже вполне профессионально набранной информацией о печати.

Первый блок занимает 20 страниц и содержит чисто технические данные по фильму. Для читателя там может быть интересна только самая первая страница с перечнем ролей.

Главные роли

1. Алена Игоревна Санина.
2. Аполлон Митрофанович Сатанеев.
3. Кира Анатольевна Шемаханская.
4. Иван Сергеевич Пухов.
5. Иван Степанович Киврин.
6. Виктор Петрович Ковров.
7. Фома Остапович Брыль.
8. Юлий Цезаревич Камноедов.
9. Представитель Кавказа.
10. Девочка Нина.

Вторые роли

1. Верочка.
2. Катенька.
3. Антон.
4. Павел.
5. Борис.
6. Амагин.
7. Секретарша Ольга.

Эпизоды

1. Работники лаборатории — 6 чел.
2. Молоденькая телефонистка — 2 чел.
3. Ученый совет — 9 чел.
4. Кассирша.
5. Начальник поезда.
6. Проводница — 2 чел.
7. Почтальон.
8. Самодеятельный ансамбль — 12 чел.
9. Таксист.
10. Дед Мороз.
11. Комиссия из Москвы — 10 чел.
12. Человек из очереди.
13. Кучер на тройке.
14. Водитель машины.
15. Охранники — 2 чел.
16. Каскадеры — 2 чел.
17. Ансамбль на балу — 12 чел.
18. Ансамбль в вестибюле — 7 чел.

Остальные блоки — страницы со сценарным материалом для первой и второй серий, в исходном виде нумерованные по отдельности (первая серия частично, вторая полностью), а затем снабженные общей рукописной пагинацией. Это фактически таблицы, содержащие как художественный текст, так и важную для работы над фильмом служебную информацию (о номерах кадров, метраже, музыке и шумах, используемом оборудовании и т. д.). При подготовке сценария для публикации в упоминавшемся выше томе серии «Неизвестные Стругацкие» все технические данные были, разумеется, исключены, оставлялось (с сохранением поэпизодной разбивки текста и с добавлением приведенного выше списка действующих лиц) только то, что представлено в колонке «Содержание кадра». Точно так же — с некоторыми уточнениями — сделано и сейчас. Можно считать, что это попытка сделать режиссерский сценарий как можно более похожим внешне на сценарий литературный, который на этом этапе работы попросту не готовился. В этой связи из текста удалены пояснения, необходимые для съемочного процесса, но

затрудняющие чтение (например, в начале сценария отмечалось, что на табличках с указанием основных персонажей упомянуты также исполнители этих ролей). В то же время в значительной мере сохранена компоновка исходного материала, когда действие расписывается по кадрам, а сцены, происходящие в разных местах, отделены друг от друга отбивкой строк.

В доступном составителям экземпляре этой своеобразной книжечки встречаются не только опечатки, но и явные пропуски текста, поскольку внутренние студийные материалы печатались и копировались не слишком тщательно. Большинство обнаруженных дефектов, впрочем, удалось устранить по сохранившейся в архиве Авторов более качественной копии сценария первой серии. Однако для второй серии такого источника не нашлось, и здесь пришлось ограничиться лишь исправлением явных опечаток.

ЧАРОДЕИ

Двухсерийный телевизионный фильм

Памятник великому Гоголю на заснеженном московском бульваре.
На фоне памятника появляется титр — эпиграф картины:

«Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты, признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю».

Н. В. Гоголь

Надпись исчезла, камера двинулась, — перед нами заснеженная новогодняя Москва. Прохожие, прикрываясь от ветра, спешат мимо украшенных к Новому году витрин... мимо большой новогодней елки на площади.

Не минует ветер и маленький переулочек, зажатый между рядами старых московских домов, гонит по нему снежные струи, наметает сугробы вокруг замерзших легковушек.

В глубине переулочка — скромная вывеска у аккуратной проходной: «Московская экспериментальная фабрика музыкальных инструментов».

К кабинету, рядом с дверью которого имеется табличка с фамилией: «П. П. Амагин», подходит современный молодой человек, ничем особым не выделяющийся — чуть выше среднего роста, блондин, вид собранный, уверенный, но без развязности и нахальства. Отворяет дверь, входит.

Хозяин кабинета сидит спиной к двери, перед включенным телевизором, закрыв глаза.

— Кто? — спрашивает он, не поворачиваясь.

— Я, — говорит молодой человек.

— Раз ты, садись и слушай, как на твоих инструментах играют. Для дела полезно и для души хорошо.

— Времени нет всех слушать.

— Потому и нет, что слушаешь всех. А надо — некоторых.

Амагин открыл глаза, повернулся и весело посмотрел на собеседника.

— В общем, ничего! Звучит наша продукция! Что у тебя?

— С наступающим вас, — слегка поклонился молодой человек. — Вот, зашел попрощаться.

— А я вовсе не хочу с тобой прощаться. Да еще в начале рабочего дня.

— Я ж вам говорил... и заявление подал, — забеспокоился молодой человек. —

Невеста ко мне приезжает из Китежграда.

Лицо Амагина озарилось радостью понимания. Рот растянулся в веселой ухмылке.

— Постой, постой, ты, выходи, женишься?

— Выходит...

— И хороша невеста?
 — Не то слово, Петр Петрович! — Молодой человек мечтательно вздохнул.
 — А кто ж она будет?
 — Чародейка... Можно сказать, ведьма.
 — Как — ведьма? — опешил Амагин.
 — Обыкновенно.
 — Постой, постой. — Петр Петрович в полном недоумении уставился на просителя.
 — Если хороша, зачем же ей ведьмой быть?
 — Она особая ведьма, по должности, — снисходительно ответил молодой человек.
 — Это как же понимать? Чем она занимается?
 — Если в общем, — молодой человек сделал неопределенно-округлое движение рукой, — волшебство в сфере услуг.
 — Так, понятно, — сказал ничего не понявший Петр Петрович. — Сфера услуг без волшебства, конечно, не сфера, а так... атмосфера. Только сам-то ты как?
 — Что? — не понял молодой человек.
 — Не боишься? Жена — ведьма! Это, знаешь ли... Всего тебя насквозь видит, все-то ей о тебе известно...
 — Мне скрывать нечего! — улыбнулся молодой человек.
 — Да... Сейчас оно, конечно, — неопределенно высказался Амагин. — Что ж...
 Поздравляю!
 И, протянув подписанное заявление, добавил:
 — Смелый ты человек!
 Молодой человек заторопился к выходу. Оставшись один, Амагин покачал головой.
 — Да... Чего только не выдумают! Чародеи...

Трахнуло, звякнуло, свистнуло, вспыхнуло. Рассыпалось яркими звездами изображение, и на экране оказалась... труба. Вступила музыка.

На трубе появились две большие буквы: «А» и «Б». Потом возникла фамилия: «СТРУГАЦКИЕ». Потом, как уточнение, — «Авторы сценария». И наконец, сметая все на своем пути, открылось, заполнив кадр, название картины:

ЧАРОДЕИ

Зазвучала веселая песенка о современных чародеях, которые стремятся все объяснить и понять, вычислить и уложить в формулы, даже графики, но графики эти всегда ломаются, формулы остаются недоказанными, когда дело касается... любви.

Под эту песенку на игровом фоне проходят титры картины. Это не только представление персонажей и исполнителей, но и уточнение их взаимоотношений.

Просторная комната с деревянными стенами, вся заставленная и увешанная часами различных конструкций. Высокий, сухощавый человек лет сорока — сорока пяти, погладив большого черного кота, свернувшегося в кресле, выходит на крыльцо старого деревянного дома, захлопывает дверь.

На двери — табличка: «Иван Степанович Киврин».

Другая дверь. Табличка: «Директор института Кира Анатольевна Шемаханская».

Дверь распахивается, пропуская уже знакомого нам Киврина.

Решительно подойдя к столу директрисы, говорящей сразу по двум телефонам, Киврин кладет перед ней лист бумаги. На нем написано: «Заявление. Седьмой раз убедительно прошу Вас выйти за меня замуж!»

Мельком взглянув на бумажку и улыбнувшись, Шемаханская берет ручку и, не прерывая разговора, пишет на заявлении: «Седьмой раз согласна. Как только будет время».

Из двери с табличкой «Заместитель директора по общим вопросам Аполлон Митрофанович Сатанеев» степенно появляется лысый мужчина в отлично сшитом костюме и, пряча что-то за спиной, приближается к двери, на которой значится: «Заведующая лабораторией Абсолютных Неожиданностей Алена Игоревна Санина». Дверь распахивается. Молодая девушка мило улыбнулась Сатанееву, ловко обогнула его и побежала по коридору.

Сатанеев растерянно посмотрел ей вслед, повернулся, и видно, что за спиной он прячет букетик цветов.

Алена тем временем оказалась у телефона, прижала трубку к уху и улыбнулась радостно.

В стеклянной телефонной будке, на двери которой выведено «Начальник цеха музыкальных инструментов Иван Сергеевич Пухов», услышав голос Алены, также расплылся от счастья уже знакомый по прологу молодой человек.

Из глубины большого цеха, в углу которого находилась вышеупомянутая стеклянная будка, с разных сторон к Пухову приблизились трое парней и прилепили к стеклу три листка, исписанных нотами. Листки подписаны: «Антон», «Павел», «Борис». Неожиданно из-за спин молодых людей выглянула шустрая конопатая девчонка лет десяти, прижалась носом к стеклу кабины, дыхнула и вывела пальцем на запотевшем стекле: «...и Нина».

Чуть-чуть приоткрылась дверь с надписью: «Начальник АХО-ХО Юлий Цезаревич Камноедов». Оттуда выглянуло пол-лица Камноедова, и зоркий глаз проводил бегущую по коридору Алену. Алена заглянула в дверь, на которой значилось: «Мастерская волшебной древесины. Заведующий Виктор Петрович Ковров, техник-исполнитель Фома Остапович Брыль». Сквозь приоткрытую дверь видно, как зав. и техник, кряхтя, водружают на козлы огромный ствол древнего дуба.

Алена вбежала в свою лабораторию. Навстречу ей подняли головы две девушки, на столах у которых стояли скромные таблички: «Верочка» и «Катенька». Алена подседа к ним, обняла, и трое девушек принялись шептаться, как самые закадычные подружки.

Тем временем прошел список актеров, занятых в эпизодах. Закончилась песенка, прошли титры.

Раннее утро.

Старинный русский северный город, белый от наметенного ночью снега. Любовно реставрированные древние здания по-доброму соседствуют на улицах с домами современной постройки, не нарушая веками сложившегося ансамбля. Только вдали видно торчащее над городом, как восклицательный знак, сооружение сверхмодерной архитектуры, увенчанное блестящей двускатной крышей.

Панорама по дому сверхсовременной архитектуры. У строго официальных стеклянных дверей — большая табличка с буквами: «НУИНУ». Ниже и мельче — «Научный универсальный институт необыкновенных услуг. Межотраслевой, вневедомственный, спецэкспериментальный».

К стеклянному входу, оглядываясь и вздрагивая от холода, подходит человек южной наружности, с усиками, одетый явно не по сезону — в коротком пальто, с шарфом, небрежно обмотанным вокруг шеи, в большой плоской кепке (такие головные уборы называют «аэродромчик»). В руке человека — объемистый портфель. Он трогает запертую дверь, заглядывает через стекло внутрь здания.

В пустом вестибюле стоят, оглядывая украшенные к Новому году стены, Сатанеев и Камноедов. Придирчивый взгляд зама по общим вопросам останавливается на большой, составленной из цветных букв надписи: «С Новым годом? НУИНУ!»

— Кто поставил этот вопрос? — Указующий перст начальника упирается в вопросительный знак посредине надписи.

— Он вместе с буквами в кладовке лежал, — оправдывается Камноедов, прижимая к груди блокнот и карандаш.

— Вопрос снять, — категорически приказывает Сатанеев. — Вопросы надо ставить уместно и своевременно. Этот — от той стены.

Сатанеев по-военному поворачивается кругом. Вместе с ним такой же маневр совершает Камноедов. На противоположной стене перед ними открывается лозунг: «Что ты сделал в текущем квартале» — без знаков препинания.

На больших электронных часах вспыхнула цифра «8».

В пустом вестибюле послышался нарастающий шум голосов, вступила бодрая утренняя музыка, и вдруг из ничего появились спешащие, переговаривающиеся на ходу люди. Их становится все больше, у вешалки образовывается очередь.

Сквозь толпу в окружении небольшой свиты проходит директор института Кира Анатольевна Шемаханская, раскланиваясь направо и налево, одновременно продолжая давать указания своим ближним:

— Испытания назначаю на десять...

Сатанеев и Камноедов резво присоединяются к свите. Камноедов на ходу строчит в блокноте.

— Здравствуйте... — кивает Кира Анатольевна. — Еще раз прошу обратить внимание на форму... волшебной палочки. Пусть выражает содержание, но так, знаете ли, без нажима, сдержанно.

— Как говорится, просто и с нужным вкусом! — подсказывает Сатанеев. — Проследим!

Кира Анатольевна с сомнением покосилась на Сатанеева и обратилась к Киврину:

— Иван Степанович, вы тоже, как заместитель по науке, помогите, пожалуйста, Саниной.

Киврин кивнул и, воспользовавшись тем, что свита отстала, обратился к Шемаханской:

— Кира, я должен с тобой поговорить!

Она встревоженно глянула на него:

— Прямо здесь? Зайдем в кабинет.

— Там телефоны. Я видеть их не могу! — воскликнул Киврин.

— Иван, люди смотрят, — вздохнула Шемаханская.

— Вот и хорошо! Пусть видят! Может быть, это заставит тебя наконец...

— Чего ты хочешь?

— Определенности! Поданных заявлений, назначенных дат, обручальных колец — всего, что есть у других людей!

— Ты же знаешь, — мягко упрекнула Кира, — сегодня такой ответственный день...

— У тебя все дни ответственные, — возразил Киврин. — Ты на ответственном посту.

— Хорошо. Как только пройдут испытания...

— Значит — завтра! — твердо сказал Киврин.

— Завтра, — кивнула она, поглядывая вокруг.

— Обещаешь?

— Если все пройдет хорошо.

Через опустевший вестибюль к двери бежит Алена в накинутой на плечи шубке.

Сатанеев бросается ей наперерез:

— Алена Игоревна! Куда же вы...

Пристроившись, он засеменил рядом:

— ...позвольте заранее поздравить...

Алена обернулась, насторожившись.

— ...испытания пройдут успешно, я уверен...

— Да, надеюсь, — вежливо кивнула Алена.

— Разрешите пригласить по случаю... — чуть не хватая ее за полы шубки, заторопился Сатанеев. — Вместе отобедать... Так сказать, товарищеское застолье... вдвоем с шампанским.

— Я сегодня не обедаю. — Алена распахнула дверь.

Сатанеев остановился в недоумении:

— П-почему?

— Диета, — выбегая на улицу, пояснила Алена.

Сатанеев восхищенно и растерянно смотрит сквозь стекло, как она бежит по улице.

— Какая женщина! Какая женщина! — шепчет он.

— Красавица! Мечта! Ай-яй-яй! — раздается рядом голос с кавказским акцентом. — Такую надо очень беречь!

Сатанеев изумленно оборачивается. Рядом с ним стоит и цокает языком, восхищенно закатив глаза, мужчина в кепке-«аэродромчике».

— Примите... к обеду, для девушки, — говорит он и протягивает оторопевшему Сатанееву пышную гроздь винограда в пластиковом мешке.

— Что? — Сатанеев изумленно смотрит на него, но виноград все-таки берет. — А вы, собственно, кто?

— Гость! — торжественно представляется незнакомец. — Представитель солнечного Кавказа. Вы не подумайте — у меня наряд!

— Да, — критически оглядывая элегантно, но тонкое пальтишко гостя, говорит подоспевший Камноедов. — Наряд неподходящий...

— Как? Почему? — Гость распахивает объемистый портфель и принимается в нем копаться, бормоча при этом: — Почему неподходящий? Пять печатей! Целых пять!

И он торжественно предъявляет усеянную штампами бумагу.

— Смотри — на получение одной волшебной палочки. Понимаешь, всего одной — на весь Кавказ!

— Поторопились, товарищ, — сухо говорит Сатанеев. — В. П. еще нет.

И направляется прочь из вестибюля, прижимая к груди виноград.

— Как нет? — Представитель Кавказа бросается за ним.

— Волшебная палочка еще не готова, — преграждает ему дорогу бдительный Камноедов. — Ей только форму придают. Видишь?

Над дверью, ведущей из вестибюля в глубь здания, вспыхивает предупредительная надпись: «Не входить! Идет творческий поиск!»

В мастерской волшебной древесины сердитый Ковров роется в стружках. На козлах лежит ствол большого дуба. Рядом стоит понурый Брыль.

— Где чертеж? Где хотя бы рисунок?! — кричит Ковров, поднимая тучи стружек.

— Да не оставляла Алена ничего, — ноюще оправдывается Брыль. — Торопилась очень. Пальчиком в воздухе огненный знак начертила — и все!

— Не мог сохранить! — бросает через плечо Ковров.

— Так я ж не магистр, — продолжает нить Брыль. — Я этого не умею...

— Все ты умеешь, когда хочешь!

Ковров решительно подходит к дубу:

— Ладно. Будем делать сами. Изобретем что-нибудь.

— Ой, Витенька, не надо! — хватая его за руки, молит Брыль. — Не дразни начальство! Лучше я Алену поищу...

Ковров яростно чешет в затылке и, отстранив с дороги Брыля, направляется к двери, роняя на ходу:

— Сиди здесь, искатель...

Резко открыв дверь с надписью «Лаборатория Абсолютных Неожиданностей», Ковров оказался в комнате, уставленной причудливыми приборами.

— Где начальница? — громко спросил он с порога.

Ему навстречу метнулись Катенька и Верочка, опасливо косясь на сотрудников постарше, работавших у стеллажей в глубине помещения.

— Виктор Петрович!

— Она вышла...

— Где ее носит, я спрашиваю? — понизив голос, но так же грозно говорит Ковров.

Катенька даже всплеснула руками от обиды и возмущения:

— Как вы можете так говорить об Алене...

— Игоревне! — прибавила Верочка, укоризненно глядя на Коврова сквозь очки.

— Девочки, позарез нужна, скажите — где? — по-хорошему попросил Виктор.

— Нет, — решительно сказали девочки в один голос.

— У нее, может, судьба решается, — прибавила Катенька, вздохнув.

— А здесь — работа! — рявкнул Ковров.

— Судьба важнее, — тихо сказала Верочка.

Ковров яростно глянул на них и, поняв, что тут ничего не добиться, с шумом выскочил за дверь.

На переговорном пункте городской почты Алена отрешенно улыбалась, прижимала к уху телефонную трубку. Больше никого в этот час на почте не было, и молоденькая телефонистка поглядывала на Алену с любопытством и сочувствием.

— Да, милый мой, хороший, да! — тихо заговорила Алена, наматывая на палец телефонный шнур. — Считаю часы... Ты мне все время снишься, даже наяву, честное слово... Хожу и улыбаюсь, как блаженная... Кому? Тебе улыбаюсь...

Алена закрыла глаза и сказала тихонько:

— Я тебя все время вижу... каждую веснушку. Как пропали?! До весны? Вот видишь, а я их сохранила... на всю зиму...

Телефонистка задумчиво рисует на бланке корявую мужскую физиономию, всю в точечках веснушек.

Взмокший от поисков Ковров бегаёт по коридорам, заглядывая во все двери подряд.

В мастерскую волшебной древесины заходят Сатанеев и Камноедов.

— Почему сидим, почему не работаем? — строго спрашивает Сатанеев, уставясь на вскочившего Брыля. — Где Санина, где Ковров?

— Жду! — по-солдатски вытянув руки по швам, докладывает Брыль.

Сатанеев подходит к лежащему на козлах дубу. Взгляд его останавливается на глубоко врезанной в кору надписи: «Гена + Люся = любовь».

— Эт-то что такое? — возмущенно спрашивает он.

— Дуб! — рапортует Брыль, не меняя позы.

— Я спрашиваю, кто такие... Люся + Гена? — склонившись к дереву, по слогам читает Сатанеев.

— Не могу знать! — еще больше вытягивается Брыль. — С ними доставлено!

Сатанеев поворачивается к Камноедову:

— Выяснить, кто были эти личности, и строго взыскать за порчу древесных насаждений.

— Как это — взыскать? — растерянно моргает Камноедов. — Дерево невесть когда срублено, может, их в живых-то нет...

— Взыскать посмертно! — категорически заявляет Сатанеев. — Зафиксируйте!

Проследив, как Камноедов припадает к блокноту, Сатанеев обращается к Брылю:

— А вы приступайте! Первым делом уберите это... безобразие. Форму будете создавать под моим личным контролем. Форме сегодня придается большое...

Сатанеев затруднился в поисках подходящего слова и даже щелкнул пальцами от нетерпения.

— Содержание... — расторопно подсказал Камноедов.

— Вот именно, — согласился Аполлон Митрофанович.

— Аленушка! Аленька! Леночек! — говорит в телефонную трубку Иван Пухов, стоя в стеклянной будке в углу большого цеха. — Неужели еще целых пятнадцать часов! Я больше без тебя... Алло, алло! Девушка, что значит — время кончилось? Пожалуйста, продлите, я ж главного не сказал!

Иван в отчаянии выглянул из будки, замахал рукой, призывая к тишине. Шум в цехе стих. Мастера подняли головы. К Ивану подошли три его закадычных друга — Антон, Павел и Борис.

— Что? — спросил Борис.

— Разговор не продлевают! — воскликнул Иван.

Антон взял телефонную трубку из рук Ивана.

— Девушка, — решительно начал он, — я знаю — вы любите музыку. Сделаем так: мы исполним для вас песню, и, если она вам понравится, вы дадите нашим друзьям дополнительное время.

— А если не понравится? — доносится из трубки сердитый девичий голос.

— Тогда не дадите, — говорит Антон, подмигивая Ивану и показывая жестами, чтобы друзья приготовились.

Борис встал посреди цеха, по-дирижерски взмахнул руками. Рабочие заулыбались, взяли музыкальные инструменты — каждый свой, — окружили телефонную кабину. И зазвучала песенка-серенада для незнакомой девушки, которую еще надо встретить, найти, полюбить. В общем, песенка-надежда (для телефонисток).

Тянутся телефонные провода над заснеженными полями — сначала голые и влажные, потом — покрытые инеем и, наконец, щедро разукрашенные снежными хлопьями.

Слушает песню в переговорной кабине Алена.

Слушает за своей стойкой китежградская телефонистка.

— Алло, Китежград, тебе слышно? — тихо спрашивает девичий голос из Москвы, утративший сердитую официальность.

— Слышно... — улыбаясь, отвечает китежградка.

— Ничего поют, а?

— Классно!

— Продлим?

— Давай продлим!

Улыбаясь, слушает песню Алена.

В цехе играет настоящий оркестр, а четверо друзей перед телефонной трубкой поют, точно перед микрофоном на большой эстраде.

Перед Аленой на столике лежит телефонная трубка. Песня заканчивается.

— Говорите! — кричит Алене телефонистка.

Алена хватается трубку.

— Аленка! Я забыл сказать, — кричит Иван, — нам квартиру дают! Вид — сказочный! Ордер уже выписан, только брачное свидетельство нужно!

— Иванушка, дурачок ты мой милый, — в восторге смеется Алена, — что ж ты сразу не сказал!

Алена хочет продолжить разговор, но вдруг видит бегущего к почте Коврова. Он без пальто и шапки, скользит на выбоинах, нелепо машет руками, чтобы удержать равновесие.

Алена и Ковров бегут по коридору.

— Витенька, не ругай меня, — молит Алена. — Раз в жизни такое случается...

— В. П. тоже раз в жизни создают, — непримиримо бросает Ковров.

Ковров и Алена на цыпочках вошли в просторную светлую комнату, сплошь состоящую из стекла — даже пол был стеклянным и сквозь него проглядывали нижние помещения.

Кира Анатольевна встретила вошедших строгим взглядом.

— Все, наконец? — строго спросила она. — Приступим!

Брыль подал директрисе небольшой резной ларец. Кира открыла крышку. Брови ее изумленно вздернулись.

— Что это?

— В. П., простите, волшебная палочка, — осторожно пояснил Брыль.

Кира извлекла из ларца предмет, как две капли воды похожий на обыкновенный большой карандаш. Алена тихо ахнула. Ковров грозно уставился на Брыля. Брыль пожал плечами и показал глазами на Сатанеева. Девять членов ученого совета молча ждали реакции Шемаханской.

— Так, — молвила Кира Анатольевна голосом, не предвещающим ничего хорошего. — И кто же это... сотворил?

Сатанеев сделал шаг назад, на всякий случай выдвинув перед собой Камноедова. Алена умоляюще посмотрела на Киврина. Киврин ободряюще улыбнулся.

— Интересное решение! — громко сказал он.

— Вы думаете? — спросила Кира, оборачиваясь.

— А что? — Киврин обвел взглядом присутствующих, словно приглашая присоединиться к его высказываниям. — Просто, демократично.

Ученый совет пришел в движение, послышались одобрительные реплики:

— Удобно...

— Знакомо...

— Без выкрутасов...

Кира Анатольевна вздохнула, пожала плечами:

— Мне виделось что-то более... изящное, но если нет возражений... форма принимается. Приступим к проверке содержания.

Она обвела взглядом присутствующих:

— Напоминаю: волшебная палочка создана для того, чтобы ею мог воспользоваться любой работник сферы обслуживания, не являющийся чародеем.

— Доверенный работник! — тихо подсказал Сатанеев.

— И проверенный, — вставил Камноедов, — а то непроверенные такого натворят...

— Да-да... — кивнула Кира. Чувствуется, что ей не терпится скорее приступить к делу. — Что ж, друзья! — говорит она, с волнением глядя на волшебный предмет. — Нам остается только что-нибудь пожелать. Ваше слово, Алена Игоревна.

Алена лукаво и нерешительно смотрит на Шемаханскую.

— Что же вы, Аля? — ласково говорит Шемаханская. — Пожелайте что-нибудь самое прекрасное из того, что создано природой и человеком!

— Отпуск! — выпаливает Алена. — Целый месяц, с сегодняшнего дня!

— Сейчас не время шутить! — Шемаханская отворачивается, поджав губы.

— Самое прекрасное — это прекрасные женщины, — льстиво говорит Сатанеев. — Но они у нас уже есть!

Он смотрит на Алену и Киру.

Кира слегка кивает. Алена отворачивается.

— Цветы! — вдруг тихо говорит секретарша Ольга.

— Молодец, Оля! — снисходительно улыбается Шемаханская и обращается к Совету: — Прошу внимания! Сейчас я взмахну рукой, — она демонстрирует изящный жест, — произнесу «букет цветов», и цветы должны появиться на этом столе. Как видите, палочка очень проста в обращении.

Указав на легкий столик, крытый зеленым сукном, на котором начерчен мелом магический круг, Шемаханская торжественно поднимает руку.

— Простите, Кира Анатольевна, — обращается к директрисе высокий мужчина из состава ученого совета, — вам не кажется, что в целях чистоты эксперимента надо бы... передать палочку в руки лица незаинтересованного, не знакомого с волшебством и современной магией?

Кира слушает говорящего с некоторым раздражением, но соглашается:

— Пожалуй... Но где же мы найдем такое... лицо?

— Я такое лицо! — раздается голос с кавказским акцентом.

— Кто это? — удивленно спрашивает Кира Анатольевна у Сатанеева, но тот не успевает ответить.

— Лицо я! Самое подходящее, — торопясь, говорит гость с Кавказа. — Волшебства не знаю! Даже в детстве сказок не читал! Я деловой человек, у меня наряд! Сейчас все сделаю, смотрите, пожалуйста!

Он ловко выхватывает палочку из рук ничего не понимающей Киры:

— Вот — раз, два, три! Букет цветов!

Повторяя жест Шемаханской, гость с Кавказа легко и плавно взмахивает палочкой. На столике появляются три гвоздики в целлофане с ценником: «Один рубль».

— Ага! Что я говорил! — торжествует представитель с нарядом. — Еще букет цветов? Или «Букет Абхазии»?

Но на него никто уже не обращает внимания. Все повернулись к Кире.

— Свершилось! — тихо говорит она.

Раздаются вежливые аплодисменты. Кира направляется к выходу. За ней следует ученый совет, на ходу обмениваясь впечатлениями:

— Потрясающе!

— Какой успех...

— ...скрижали...

— ...Академия...

— ...все учебники...

— ...за рубежом ахнут!

Тем временем гость с Кавказа в стороне от толпы осторожно открывает портфель. Появившийся рядом Ковров аккуратно берет его под руку.

— За помощь спасибо, а палочку, пожалуйста, сюда. — Он протягивает открытый ларец.

— Слушай, только шапку зимнюю, можно? — нежно поглядывая на волшебную палочку, просит гость. — Уши мерзнут...

— Дома отогреешь! — грубо прерывает подоспевший Камноедов. — И вообще, как вы сюда проникли?

— У тебя свой секрет, у меня свой секрет! Все равно ваша В. П. нашей будет! — многозначительно обещает гость и выходит в сопровождении Камноедова.

Алена, Ковров, Брыль, Катенька и Верочка собрались в мастерской волшебной древесины. Все возбуждены удачей, общим ликованием, песенкой. У Верочки в руках гитара.

— Аль, хочу спросить, — понизив голос, говорит Ковров. — Что это за история у тебя с московской пропиской?

— Подслушал? Ладно, признаюсь, — улыбнулась Алена. — Замуж выхожу. В Москве. Завтра свадьба.

— Уезжаешь?! — ахнул Ковров.

— Неужто насовсем! — всплеснул руками Брыль.

— Алена Игоревна вернется! — радостно объявила Верочка.

— Она уже нам обещала, — добавила Катенька. — Правда?

— Правда, Катенька, обязательно вернусь. И его с собой привезу, — подтвердила Алена. Подумала и сама себя спросила: — Только что ж он будет здесь делать?

— А он у тебя кто? — с надеждой спросил Ковров.

— Просто... человек. Очень-очень хороший.

— Не чародей, значит, — печально уточнил Ковров. — Кира знает?

— Не хотела говорить до испытаний, сейчас к ней схожу. Ты, Витенька, мне билет на вечерний рейс возьмешь? А вы, Фома, пожалуйста, телеграмму по этому адресу...

Алена передала Брылю сложенную бумажку.

В кабинете Шемаханской продолжалось совещание. На маленьком столике перед директорским столом стоял резной ларец, и все время от времени на него поглядывали.

— А что, если пригласить комиссию для приема волшебной палочки не как-нибудь, в рабочем порядке, а торжественно, со значением, например, тридцать первого декабря? — говорила Кира Анатольевна, сама зажигаясь своей идеей. — Покажем, как говорится, товар лицом! Устроим настоящий новогодний бал, с музыкой, танцами, а главное — с демонстрацией нашего нового изобретения в действии?

Совет возбужденно зашевелился. Было видно, что идея понравилась. Особенно одобрительно отнеслись к ней женщины.

— Впечатляюще... и дальновидно! — произнес Сатанеев.

— Настоящий волшебный бал! — счастливо вздохнула секретарша Оля.

— Как хорошо-то! — поддержала ее седовласая дама из состава совета.

Только Киврин ничего не сказал, настороженно глянув на Киру. Он ждал, что за этим последует.

— Значит, нет возражений? — спросила Кира.

— Какие возражения? — удивился Камноедов. — Не может быть возражений!

— Помолчите! — сквозь зубы зашипел на него Сатанеев и сразу включился в разговор. — Предлагаю программу: елка с противопожарными огнями, Дед Мороз из фирмы «Заря», скромное товарищеское застолье и танцы под трансляцию. В фойе — три телевизора в ряд!

Кира поморщилась:

— Необходимо пригласить хороший эстрадный ансамбль.

— А может, самодеятельностью обойдемся? — осторожно спросил Сатанеев.

— Не обойдемся! — твердо сказала Кира. — Ансамбль должен быть! Возьмите кого-нибудь в помощь и приступайте.

— Если не возражаете — Санину Алену Игоревну? — быстро предложил Сатанеев.

— Не возражаю! — кивнула Кира и обратилась к Киврину: — Иван Степанович, а вы что скажете?

— Ансамбль, конечно, хорошо, — откликнулся Киврин. — Но вот комиссия... Под Новый год... Поедут ли?

— Поедут. — Кира улыбнулась. — Этим займетесь вы.

— Что значит — займусь? — Киврин даже привстал.

— Съездите в Москву, поговорите, пригласите, попросите, — мягко, но настойчиво сказала Шемаханская.

— Но у меня... совсем другие планы! — Киврин поднялся во весь рост.

— Я знаю, Иван Степанович, — пристально глядя на него, продолжала Кира. — И все-таки... прошу.

— А нельзя ли мне отказаться? — сдержавшись, спросил Киврин.

Такой поворот событий не застал Шемаханскую врасплох. Она только грустно улыбнулась, слегка наклонив голову.

— Что ж, не хочу настаивать, но, если вы откажетесь... я сниму свое предложение. Не скрою, мне очень хотелось как руководителю... да и как женщине... Балы ведь в нашей жизни случаются не часто...

Она тряхнула головой, села, подвинула к себе бумаги:

— Тогда все это отменяется и мы возвращаемся к нашей повседневности.

В кабинете повисла напряженная тишина. Все смотрели на Киврина. Он, не поднимая глаз, спросил:

— Когда лететь?

— Сегодня, вечерним рейсом, — немедленно ответила Кира.

— Хорошо. — Киврин встал и пошел к выходу.

— Перед отъездом, пожалуйста, загляните ко мне, — провожая глазами его ссутулившуюся спину, попросила Шемаханская.

Он молча кивнул и скрылся за дверью. Шемаханская тихонько вздохнула и обратилась к секретарше:

— Олечка, закажите, пожалуйста, Ивану Степановичу билет. Погоду я обеспечу...

В мастерской волшебной древесины Верочка и Катенька льнули к Алене.

— А вы его очень любите?

— Ужасно, Верочка!

— А он красивый?

— Не знаю, девочки... Мне нравится...

— А как его зовут?

Проходивший мимо Камноедов, услышав голос Алены, сбился с рыси и затоптался у полуоткрытой двери, как стреноженный.

— Иван Сергеевич, — сказала Алена, улыбаясь.

— Ой, как Тургенева! — обрадовалась Катенька. — А все-таки, какой он собой?

— Опишите!

— Не могу...

— Он веселый?

— Да!

— Добрый?

— Да!

— Нежный?

— Да, да...

— А еще, еще он какой? — приставали девушки.

— Я не сумею объяснить, — отбивалась Алена. — Лучше спою!

Алена задорно тряхнула головой, взяла гитару, тронула струны и запела веселую песенку о женихе, в которой подтверждается старая истина: любовь слепа, и очень хорошо, что это так, потому что представляете, что было бы, будь она зрячей? Как бы они выглядели, все эти мужчины, если критически на них посмотреть?

Верочка и Катенька по ходу песенки задают Алене «каверзные» вопросы, на которые она тут же находит ответы, аккомпанирует ей, выстукивая ритм на остатках волшебного дерева, подтанцовывают, — в общем, веселятся вовсю.

Камноедов постучался в кабинет Сатанеева. Оттуда послышалось «войдите».

— Разрешите, Аполлон Митрофанович, — осторожно начал Камноедов, прикрывая за собой дверь. — Решил вот сообщить вам некоторые... соображения.

- Сообщай, — позволил Сатанеев.
- Я тут подключился... и узнал... Думал, вам сказать нужно...
- Да, да, — поощрил помощника Сатанеев.
- Алена Игоревна как бы замуж собирается...

Алена заглянула в приемную директора и вопросительно глянула на секретаршу. Из директорского кабинета доносилась музыка.

— Занята. У нее самодеятельность, — сказала Ольга. — И товарищ вот ждет.

В углу на стуле сидел гость с Кавказа, не сводивший с Алены глаз.

— Жду! — подтвердил он. — Очень жду, у меня наряд!

— А у вас что? — спросила Ольга.

Алена быстро подошла к ней и зашептала на ухо. Секретарша расплылась в улыбке:

— Ой, как я за вас рада!

Они поцеловались.

— Приходите после обеда, — посоветовала Ольга Алене.

— Я вам заявление оставлю. Как думаете, подпишет?

— Какие могут быть сомнения...

Алена вышла.

— Я тоже пообедаю, — глядя ей вслед, сказал гость. И быстро поднялся.

Ольга усмехнулась.

А в директорском кабинете, прямо перед столом, происходили танцы. Несколько молодых людей и девушек в очень открытых эстрадных костюмах демонстрировали Кире Анатольевне свое искусство. Парни играли и пели, девушки танцевали.

Кира молча и сосредоточенно смотрела на все это, сдвинув брови и строго сложив перед собой руки. Поглощенная зрелищем и оглушенная современными ритмами, она не заметила тихо вошедшего в кабинет Киврина. Осторожно прикрыв дверь, он стал в углу, с удовольствием глядя на молодых корифеек. Парни извлекли последний оглушительный аккорд. Представление кончилось. Исполнители непроизвольно сбились в кучу, ожидая приговора.

Кира сердито вздохнула:

— И это вы хотите продемонстрировать высокой комиссии из центра? Вы что, не понимаете, в какое время живем? Не ренессанс, кажется, на дворе! Нет, это решительно не годится... В таком виде!

— А мне, представьте, понравилось, — неожиданно заявил Киврин, выступая из угла и улыбаясь девушкам. — Весело, легко, грациозно...

Кира вскинула брови.

— Вы здесь? — И, обернувшись к танцорам, махнула рукой. — Исчезните!

Группа молодежи с ропотом растворилась в воздухе. Киврин даже руками развел:

— Ну, зачем же так-то, Кира!

— А затем, чтобы ты глаза не пялил, куда не надо! — Она отвернулась.

— Это что-то новое, — усмехнулся он. — Первая вспышка ревности за семь лет...

— Ты появился неожиданно.

— Прости... Зашел попрощаться.

— Сердишься? — Она вышла из-за стола и приблизилась к нему.

Осторожно покосившись на дверь, взяла за руку:

— Пойми, Ваня, обстоятельства... Но это в последний раз!

Иван Степанович покачал головой:

— Сфера услуг, Кира, не имеет конца. Она беспредельна, как Вселенная. И так же вечна, в отличие от нас...

Строгое «директорское» выражение исчезло с лица Киры Анатольевны. Оно стало мягким, нежным и даже, страшно сказать, ласковым.

— Обещаю тебе... Как только ты вернешься — обещаю...

Киврин грустно улыбнулся и предостерегающе поднял руку:

— Не надо! Я устал ждать, надеяться, разочаровываться и снова — ждать. Как видишь, волшебники тоже бывают в заколдованном кругу. Пусть все идет своим чередом, без дат, чтобы мне хоть не считать дни.

Кира печально посмотрела на него:

— Трудно ведьму любить?

— Трудно, когда тебя не любят, — возразил он.

— Любят...

И, приподнявшись на цыпочки, Кира Анатольевна неожиданно крепко поцеловала Ивана Степановича. Сделала она это так самозабвенно и решительно, что Киврин даже слегка отпрянул и выпучил глаза, потому-то он и заметил нечто, ускользнувшее от затуманенного искренним порывом внимания Киры Анатольевны.

Дверь в кабинет тихо приоткрылась, и в щель просунулась физиономия Сатанеева. Увидев застывших в поцелуе Киврина и Шемаханскую, он сначала зажмурился, потом отшатнулся.

Дверь в кабинет бесшумно закрылась.

— Гм-кхм, — произнес Сатанеев, бессмысленно глядя перед собой.

— Будьте здоровы, — не поднимая головы от бумаг, пожелала ему Ольга, приняв невнятный звук за чихание.

— Что? — повернулся к ней не совсем очнувшийся Сатанеев. — Ах да! Спасибо... Здоровье здесь нужно железное...

Он вышел, задумчиво поглядывая на директорскую дверь.

Кира и Киврин, улыбаясь, стояли друг против друга.

— Не знаю, успею ли повидать тебя до Нового года в спокойной обстановке. Поэтому... Вот, это для тебя...

Он протянул ей изящный кулон на тонкой цепочке. В центре кулона сверкали миниатюрные часики. Кира сделала протестующее движение:

— Только не это, прошу тебя!

— Но почему? — искренне удивился Киврин.

— У меня дома уже лежит тринадцать подаренных тобой часов. Давай остановимся на этой волшебной цифре.

Киврин растерялся:

— Но я не приготовил другого подарка.

— Знаешь что, привези мне вот это. — Она быстро чиркнула что-то на листе бумажки, протянула ему. Он прочел и неожиданно рассмеялся:

— Нет, на тебя действительно сердиться нельзя... Ты все еще дитя, Кира!

Она тонко улыбнулась:

— Я — женщина. Этим сказано все!

Гордо подняв голову, Иван Степанович вышел из кабинета. В приемной он заметил Сатанеева, победоносно улыбнулся ему и вдруг — неожиданно, совершенно по-гусарски подмигнул, приложил к губам палец.

Сатанеев вздрогнул, попытался изобразить ответную улыбку, но у него это получилось плохо.

Оказавшись в коридоре, Киврин улыбнулся еще шире.

— Так! — сказал он сам себе. — Сплетня гарантирована! Очень хорошо! Да здравствует сплетня!

В прекрасном настроении, напевая знаменитую арию о клевете, Иван Степанович спускался по лестнице в вестибюль. В некотором отдалении за ним следовал Сатанеев,

упорно наблюдая сутулую спину зама по науке. Он мучительно пытался осмыслить увиденное и приспособить для своих целей.

Через стеклянные двери с улицы в вестибюль вошла Алена. Следом тащился разочарованный гость с Кавказа.

— Ах, девушка! Что за девушка? Только «нет» говорит!

— Почему же, — весело возразила Алена. — Один раз я сказала «да».

— Когда? — встрепенулся гость.

— Вы спросили, хорошо ли я слышу...

Гость сразу несколько поотстал. Чтобы окончательно от него избавиться, Алена подошла к одевавшемуся у гардероба Киврину.

— С наступающим, Алена Игоревна, — живо приветствовал девушку Иван Степанович. — Рад видеть вас, особенно с такими сияющими глазами... Что-то здесь нечисто, а? — добавил он лукаво.

— Чисто, чисто, — улынулась она. И тихо добавила: — Замуж выхожу.

— Да ну! — Киврин искренне удивился, обрадовался, чуть не уронил уже надетую в один рукав шубу. — От всей души! Примите самые сердечные поздравления.

Он подозрительно покосился на топтавшегося в стороне кавказца.

— Ой, да что вы! — рассмеялась Алена, помогая ему поймать второй рукав. — Он в Москве меня ждет. Сегодня вылетаю.

— Вечерним? — спросил Киврин.

Алена кивнула.

— Вы представить себе не можете, как мне сегодня везет, — воскликнул Киврин. — Я тоже лечу этим рейсом!

— Вот здорово! — Алена протянула ему обе руки. — Вы будете на моей свадьбе. Свидетелем с моей стороны!

Киврин осторожно и бережно взял протянутые руки девушки.

— С величайшей радостью принимаю приглашение. — Он неловко поклонился и даже чуть шаркнул ножкой.

Сатанеев, наблюдавший с лестницы эту сцену, до предела вытянул шею, чтобы ничего не пропустить.

— Примите и вы, чтобы, так сказать, не мешкая... — Киврин повесил на шею Алены кулон с часами на цепочке. — Надеюсь, вам понравится. — Он сделал ударение на слове «вам».

Алена даже покраснела от удовольствия.

— Большое спасибо, Иван Степанович! — растроганно проговорила она и, привстав на цыпочки, поцеловала Киврина.

Он ласково погладил ее по голове.

— Жду вас в аэропорту. Надеюсь, не опоздаете?

— Теперь нет! — сияя, сказала Алена и посмотрела на часы.

— Так... — сказал сам себе Сатанеев. — Так-так-так! Мне, кажется, тоже наконец повезло...

Он резво побежал вверх по лестнице.

Алена вошла в кабину лифта, автоматические двери сомкнулись. С неожиданной резвостью Сатанеев несется вверх по ступеням. Плавно движется лифт, чуть отставая от него. Сатанеев, сопя, наддаёт и... опережает медленно ползущую кабину.

С трудом переводя дыхание, Сатанеев входит в приемную директора, быстро пересекает ее и открывает дверь кабинета. Секретарша с недоумением смотрит ему вслед. Двери лифта открываются. Алена выходит и направляется к приемной.

— Все делается, Кира Анатольевна, — чуть запыхавшейся скороговоркой докладывает в директорском кабинете Сатанеев, преданно глядя в глаза Шемаханской. —

Заявки в Госконцерт уже посланы... но вот... Алена Игоревна улетать собралась. А я ведь в музыке не силен. Могут подсунуть что-нибудь... неподходящее...

Бросив пробный шар, он ждал реакции.

— Когда улетает? Зачем? — Кира нахмурилась. — Вы сказали ей про мое распоряжение?

— Конечно, конечно, — преданно соврал Сатанеев. — Только она и слышать не хочет...

— Что ж ей так... не терпится? — с нарастающим раздражением спросила Шемаханская.

Сатанеев замылся, всячески изображая тяжкие муки внутренней борьбы.

— Да говорите же! — прикрикнула на него Кира.

— Тут, понимаете ли, такое обстоятельство... Бракосочетание... В общем, свадьба завтра у нее...

Грозвые морщинки на лбу Шемаханской разгладились.

— Да, это несколько меняет дело, — задумчиво произнесла она.

— ...с Кивриным Иваном Степановичем, — осторожно продолжил фразу Сатанеев.

— Что?!

Кира вскочила. Сатанеев тоже немедленно встал, соболезнующе опустив голову.

— Что за вздор вы здесь говорите? — гневно воскликнула Кира. — Как это вам в голову взбрело?!

— И не взбрело бы, но факты, — невозмутимо ответил Сатанеев, — как говорится, упрямая вещь... И потом, что же здесь такого... Он человек видный, свободный... Она тоже... Так что имеет полное право. И в Москве пожениться умно придумали — все-таки в одном институте работают, разговоров меньше будет.

— Господи, чепуха какая-то! — Кира вышла из-за стола и принялась ходить по кабинету. — Да я сама только что Киврина в Москву отправила!

— Вот видите! — тут же подхватил Сатанеев. — Он же мог отказаться, но не стал этого делать. Зачем? Лишнее удобство для него. Вашими руками создано...

Киру передернуло от его слов. Она остановилась у окна спиной к Сатанееву.

— Может, мне уйти? — дипломатично предложил он. — А то вы чего-то расстроены...

— Изложите факты, — бесцветным голосом потребовала она.

— Извольте. Их отношения давно в глаза бросались. Хотя бы сегодня, во время испытаний, ведь это он вас карандашик-то принять убедил. Без него вы бы эту... демократичность ни за что бы не одобрили.

— Дальше. — Кира прижалась лбом к холодному стеклу.

— То, что жениха Иваном зовут, вся лаборатория знает. Она только фамилию скрывала. Что на свадьбу в Москву летит — хоть сейчас убедиться можно, — заявление у секретаря, там все написано. Одним рейсом, между прочим...

Кира резко повернулась, рывком открыла дверь и спросила привставшую навстречу Ольгу:

— У вас есть заявление Саниной?

— Да, вот. — Секретарша протянула бумагу. — Кира Анатольевна, можно мне пойти обедать?

— Да, — кивнула Шемаханская, впившись глазами в бумагу. И закрыла дверь.

— Продолжайте! — бросила она Сатанееву, занимая прежнее место у окна.

— Да что там говорить! — воскликнул тот, словно тяготясь взятой на себя ролью. — Только что сам видел, как они в гардеробе целовались и кулон с часиками он ей на шею повесил...

— Врете! — крикнула Кира, резко поворачиваясь к Сатанееву и глядя на него так, что он попятился. — Насчет кулона это вы врете! Не может быть!

— Да за что же вы меня так, Кира Анатольевна! — воззвал не на шутку перетрусивший Сатанеев. — Вызовите Алену Игоревну — сами убедитесь, — кулон у нее на... простите... груди висит!

С перекосившимся лицом Кира бросилась к столу и принялась давить на кнопку селектора, повторяя про себя:

— Пакость... Какая пакость!

— Вы секретаря обедать отпустили, — осторожно напомнил Сатанеев.

Кира бешеными, непонимающими глазами глянула на него:

— Привести!

— Киврин уже ушел! — быстро сказал Сатанеев.

— Санину! — потребовала Кира.

— Слушаюсь! — отрапортовал Сатанеев и опрометью выскочил из кабинета.

В пустой приемной он по-собачьи встряхнулся, пригладил венчик волос вокруг лысины и, крепко вытерев о штаны вспотевшие ладони, отпустил себе комплимент, впрочем, весьма своеобразный.

— Ай да Сатанеев! — сказал он. — Ай да сукин сын!

Алена в нетерпении прогуливалась неподалеку от директорской приемной. Увидев Сатанеева, она облегченно вздохнула:

— Вы все решили с Кирой Анатольевной? Мне можно войти?

Сатанеев тоже облегченно вздохнул, заметив, что девушка не сняла кулон:

— Позволю себе задержать вас на несколько минут.

— Вы знаете, я очень тороплюсь, — попыталась отделаться от него Алена.

— В Москву? — не теряя времени, спросил Сатанеев. — К жениху, надо полагать?

— К жениху, — удивленно подтвердила Алена. — А откуда вы знаете?

— Я знаю и более существенное — то, что мы с вами назначены в комиссию по устройству новогоднего бала, которому Кира Анатольевна придает особое значение.

Алена непонимающе посмотрела на Сатанеева:

— Но я же не могу!

Сатанеев быстро глянул по сторонам и, убедившись, что никого поблизости нет, начал уже другим, менее приторным тоном:

— Как это понимать, Алена Игоревна? Я к вам всей, можно сказать, мужской душой, а вы? Предпочли мне какого-то мальчишку?

Алена, оторопевшая от такого вступления, растерянно заморгала:

— Простите, я вас что-то не пойму, Аполлон Митрофанович...

Но Сатанеев в этот момент способен был слушать только себя:

— Я вам кое-что дарил на праздники... Цветы, например. Вы ничего не говорили!

Я имел право, так сказать, думать... надеяться!

Вдруг Алена все поняла и рассмеялась:

— Ах, Аполлон Митрофанович! Шутник вы все-таки...

— Я вовсе не шучу! — возмутился Сатанеев.

— Значит, вы человек с фантазией, — уже строже сказала она. — Я и не подозревала... Вам стихи писать надо. Не пишете стихов?

Сатанеев вновь сменил тон. Он опять был сладок:

— Стихов, к сожалению, не пишу, музыки тоже. Поэтому Кира Анатольевна вас и назначила. Надо включаться, Алена Игоревна. Все равно ведь работать придется.

Алена вспыхнула:

— Это мы еще посмотрим!

И быстро пошла к приемной, дробно стуча каблучками.

— Посмотрим, посмотрим, — усмехнулся ей вслед Сатанеев. — Но какая женщина! Ах, какая женщина!

Посланец Кавказа блуждал по коридорам, рассматривая таблички.

— Девушки, скажите, где кабинет директора? — обратился он к двум молодым особам, остановившимся поболтать в укромном уголке, каких здесь было немало. — Совсем заблудился!

— Первый поворот направо, — ответила одна из девушек.

— Потом второй налево, — прибавила другая.

И они вновь занялись беседой.

— Первый — направо, второй — налево, — повторил гость и пошел в указанном направлении.

В пустой приемной он подошел к директорскому кабинету, открыл дверь в маленький тамбур, но, услышав за второй дверью громкие голоса, осторожно попятился.

— Опять занята, — вздохнул он, опускаясь в кресло. — Эх, зачем обедал...

В кабинете атмосфера была уже накалена.

— Почему вы не хотите меня понять? — говорила Алена, упершись кулачками в директорский стол. Щеки ее пылали.

— Это я должна вас понимать? — Кира, сидевшая за столом, даже приподнялась навстречу. — Я?!

— Неужели вы никогда не любили? — продолжала Алена, сверкая глазами.

— Удивительное бесстыдство! — Кира даже руками всплеснула от негодования.

— Бесстыдство? — Алена растерялась на какой-то миг. — Да ведь я замуж выхожу. Понимаете, замуж!

— Почему же так скоропостижно? — ехидно спросила Кира.

— Откуда вы взяли? — парировала Алена. — Мы с Иваном давно все решили!

— С Иваном... — скептически усмехнулась Кира. — Решили, значит, поставить меня перед фактом. Не выйдет!

— Как это — не выйдет?! — Алена сдерживалась из последних сил. — Вы просто... не имеете права!

— Ах так! — нервно засмеялась Кира. — Теперь вы о правах вспомнили... Имейте в виду — у вас еще обязанности есть!

— Я вовсе не обязана готовить какие-то... концерты!

— Вы обязаны выполнить все мои распоряжения!

— Поймите наконец, меня ведь ждут!

— И на здоровье, подождут... Остынут немного...

Алена стиснула руки, стараясь удержать подступившие слезы:

— Кира Анатольевна, я вас очень прошу... У меня просто нет больше сил... и времени. Посмотрите на часы!

Она протянула на ладони свой кулон к лицу Шемаханской. Та резко отшатнулась:

— Вы что, издеваетесь надо мной?

— Нет, это вы издеваетесь! — не выдержала наконец Алена. — Плевать мне на ваш концерт. Я все равно улечу!

Она быстро пошла к выходу. Кира вскочила:

— Санина, стойте! Я запрещаю!

И загородила Алене дорогу.

— А я полечу! — тихо, но уверенно сказала Алена, не отводя глаз от гневного лица своей директрисы.

— Я вам... выговор объявлю! — тяжело глядя на девушку, пообещала Кира.

— И зря это сделаете. Я все равно улечу!

— Нет, не полетите!

— Полечу!

— Молчать! — негромко и поэтому как-то особенно страшно приказала Кира.

В комнате сразу резко потемнело, по углам сгустились сумерки, и там, в этих таинственных сумерках, возникло какое-то движение. Тень Киры со стены вползла на потолок и переломилась.

Сама она неожиданно увеличилась в размерах, угрожающе нависла над Аленой; та стала пятиться, выставив перед собой руки.

— Все равно... полечу... полечу... полечу! — тише, но все так же настойчиво продолжала твердить девушка, опускаясь в кресло.

— Никуда ты не полетишь, девчонка! — гневно бросила Кира, страшная и прекрасная в этот момент.

Тьму, сгустившуюся в комнате, вдруг озарила ослепительная молния, воздух потряс громовой удар. Кира распростерла руки над скорчившейся в кресле Аленой и произнесла с мрачной торжественностью:

— Изымаю весну из сердца твоего! Вкладываю туда зиму!

В пустой приемной вспугнутый громовым раскатом представитель Кавказа, вскочив с кресла, непонимающе оглядывался.

— Что такое? — бормотал он, приносясь. — Горим — не горим? — И выглянул в коридор.

Мимо деловито сновали сотрудники. Никто волнения не проявлял. Кавказец на цыпочках подошел к двери в кабинет. Прислушался. Все было тихо...

Мгла медленно рассеивалась. Сдвинув брови, угрюмо глядя перед собой, сидела за столом Кира Анатольевна. В глубоком кресле перед ней Алена с растерянной улыбкой терла пальцами лоб.

— Извините, Кира Анатольевна. У меня голова что-то... — неуверенно произнесла она.

— Ничего, ничего, — все так же мрачно откликнулась директриса.

— Кажется, я погорячилась, да? — неожиданно заискивающе спросила Алена.

Шемаханская отвела глаза:

— Возможно, я тоже погорячилась...

— Честно говоря, — продолжала Алена, ловя директорский взгляд, — я даже не припомню сейчас, с чего все началось... Наверное, чепуха какая-то... с моей стороны...

— Не трудитесь вспоминать, — поморщившись, молвила Шемаханская.

Алена отняла пальцы от лба, постепенно осваиваясь со своим новым состоянием. Лицо ее стало отрешенно-спокойным, вся она как-то выпрямилась, подобралась, сделалась собранной, внимательной и одновременно покорной:

— Позвольте заверить вас, Кира Анатольевна, что я приложу все усилия, чтобы под руководством нашего уважаемого Аполлона Митрофановича и под вашим личным контролем организовать хороший вечер во время приема волшебной палочки. Ведь это может иметь для нас большое, даже особое значение! Я правильно рассуждаю?

— Теперь совершенно правильно, — одобрила Кира.

— Благодарю за доверие! — Алена встала и пошла к двери.

Кира тоже поднялась, последовала за ней. У дверей Алена споткнулась. Кира быстро поддержала ее.

Они вместе вошли в приемную.

— Наверно, каблук подвернулся, — оправдывая неожиданное недомогание, сказала Алена.

— Да, да, — подтвердила Кира. — Это скоро пройдет.

Алена вышла. Стоявший за дверью представитель Кавказа сделал шаг и вежливо кашлянул.

— А? — Кира резко обернулась. — Что вы здесь делаете?

— Понимаете, — быстро заговорил представитель, — мне подписать... секретаря нет... А тут — гром, молния, как в горах! Опять испытания, да?

— Да, да, — нетерпеливо сказала Кира. — Кроме вас тут никого не было?

— Никого! — заверил кавказец. — Совсем никого!

— Где ваш пропуск? Я подпишу...

— Пропуск? — переспросил он разочарованно. И тут же засуетился. — Пропуск, пропуск, где пропуск...

Он извлек кучу бумажек, положил перед Шемаханской на стол. Она взяла ручку:

— Где?

— Что?

— Расписываться где? — уже раздраженно спросила Шемаханская.

— Вот, вот. — Преданно глядя в глаза, он подsunул ей свой наряд.

Кира не глядя поставила подпись.

В лаборатории Абсолютных Неожиданностей стояла напряженная тишина. В углу горько всхлипывала Катенька, беспрестанно оттягивая вниз короткую, выше колен юбочку.

— ...Раз и навсегда запомните, Катя, — стальным голосом наставляла девушку Алена Игоревна. — Я не потерплю в своей лаборатории таких вызывающих одеяний. Здесь не мюзик-холл!

Из другого угла на Алену с ужасом смотрела сквозь запотевшие очки ничего не понимающая Верочка.

— А если не хотите, милочка, уважать нашу нравственность, — продолжала Алена, — что ж... я никого не удерживаю!

Это было сказано нарочито громко. Сотрудники лаборатории ошеломленно притихли, стараясь не глядеть на начальницу. В комнату входят чуть запыхавшиеся, румяные с мороза Ковров и Брыль.

— Все в порядке! — с порога весело докладывает Ковров. — Вот билет. Рейс триста тринадцать, место тринадцать. Все как полагается, отлет в восемь ноль две.

— И телеграмму я дал, — объявляет, подмигивая, Брыль. — Встретит вас адресат, честь по чести. И дай вам бог, как говорится...

Алена холодно окинула взглядом веселых помощников:

— Вас, товарищ Брыль, я не просила ни о какой телеграмме. Напишите на мое имя докладную. Объясните свое отсутствие в рабочее время.

Брыль онемел.

— Ты что, Аля?.. — все еще улыбаясь, спросил Ковров, переводя взгляд с начальницы на плачущую Катеньку.

— Я вам не Аля! — повысила голос руководительница лаборатории. — Будьте добры называть меня по имени-отчеству! Билет сдайте, я никуда не лечу.

— А как же?.. — ничего не понимая, произнес Виктор.

— Вам разве неизвестно, товарищ Ковров, что распоряжением самой Киры Анатольевны Аполлон Митрофанович и я назначены готовить новогодний вечер? И вы оба нам будете помогать.

— Подождите, подождите, — встрепенулся Ковров. — Какой вечер? У нас в мастерской дел еще невпроворот.

Алена возмущенно уставилась на Коврова:

— Виктор Петрович, разве я неясно выразилась? Или вам что-то неясно, товарищ Брыль?

Брыль молча выразил полную растерянность и покорность.

— А вам, товарищ Ковров, — продолжала Алена, — не мешало бы привести себя в порядок: постричься, надеть нормальный костюм. Хотя бы как у товарища Брыля.

Ковров побагровел, хотел что-то сказать, но в это время... отворилась дверь, и в комнату заглянула секретарша Ольга.

— Все в порядке? — ласково обратилась она к Алене. — Подписала?

— А вот это, милочка, вас абсолютно не касается! — отрубилась Алена.

И захлопнула дверь перед носом секретарши.

Несколько мгновений Ольга стояла в коридоре с открытым ртом. Из столбняка ее вывел подошедший Сатанеев.

— Алена Игоревна у себя? — спросил он.

— У себя, но, кажется, не в себе, — резко ответила Ольга и пошла прочь.

Сатанеев вошел в лабораторию. Алена поднялась ему навстречу. Лицо ее озарилось приветливой улыбкой:

— Очень рада видеть вас, Аполлон Митрофанович! Заходите, садитесь... вот сюда, пожалуйста.

Ковров, Брыль и Верочка переглянулись, совершенно сбитые с толку. В углу всхлипнула Катенька.

— Перестаньте реветь! — зашипела на нее Алена. — Стыдно! Ступайте домой и переоденьтесь! Вечером вы мне понадобится. Обе.

Она перевела властный взгляд на Верочку. Катенька опрометью бросилась к двери. Сатанеев проводил ее недоуменным взглядом.

— Не обращайтесь внимания! — улыбнулась ему Алена. И перешла к главному. — А ведь я к вам собиралась, Аполлон Митрофанович!

— Приятно, приятно слышать! — осторожно улыбнулся в ответ Сатанеев.

— Можете радоваться, вам повезло, я никуда не еду!

Это сообщение произвело на Сатанеева большое впечатление.

— Очень рад, — сладко улыбаясь, заблеял он. — Очень, знаете ли... За вас, в первую очередь...

— А за себя? — усмехнулась Алена. — Мне, кажется, суждено встречать Новый год в вашем, дамский угодник, обществе!

— Я буду бесконечно счастлив... сотрудничать с вами, — сказал Сатанеев, показывая ей глазами на присутствующих.

Алена понимающе кивнула:

— Что вы намерены мне поручить?

— Ансамбль, Алена Игоревна. И только отличный требуется. Кира Анатольевна строго предупредила.

— Ковров! — позвала Алена. — Надеюсь, вы следите за нашей мыслью?

— Конечно, слежу, — мрачно сказал Виктор. — Я за всем слежу...

Алена внимательно посмотрела на него, словно предостерегая от дальнейших высказываний, и приказала:

— Так вот. Завтра утром доложите ваши соображения по поводу ансамбля.

— Да что же я доложить смогу! — в отчаянии воскликнул Ковров. — Откуда у меня за ночь ансамбль возьмется!

Алена гневно отвернулась от Коврова и обратилась к Сатанееву:

— И это говорится не только мне, но и заместителю директора! Да еще где? В лаборатории Абсолютных Неожиданностей! — Она снова обратила лицо к Коврову. — Вы магистр или не магистр?

— Ну, магистр, — набычась, признался Ковров.

— Без «ну», пожалуйста!

— Хорошо, магистр. Без «ну». И без НУИНУ тоже, — дерзко заявил Виктор.

— А вот тут вы, молодой человек, заблуждаетесь, — мягко, но решительно врезался в разговор Сатанеев. — Только в нашем штатном расписании числятся чародеи, так что без НУИНУ вы так... отдельная личность, не более. Простите, Алена Игоревна...

— Очень верное и своевременное замечание! — подхватила Алена. — Надеюсь, вы все поняли, Ковров?

Виктор смерил Сатанеева ненавидящим взглядом, потом внимательно посмотрел на Алену. Она сидела в кресле прямая, властная, совершенно непохожая на ту Алю Санину, которую он знал со студенческой скамьи.

— Кажется, понял, — перевозмогая себя, сказал он.

— Мы поняли, поняли, — пролепетал Брыль, выглядывая из-под локтя Коврова и незаметно подталкивая его к выходу. — Можно идти?

— Идите и работайте! — величественно кивнула Алена.

Брыль и Ковров вышли.

Сатанеев осторожно приблизился к Алене:

— Очаровательница! Не надо волноваться! Ваше самочувствие — для меня главное...

Он попытался завладеть ее рукой, но Алена убрала руку. На этот раз она повела глазами в сторону сотрудников. Сатанеев встал. Провожая его до двери, Алена шепнула:

— Вы сегодня приглашали меня обедать. Позвольте компенсировать мой отказ приглашением на ужин. Прошу ко мне, в восемь.

У Сатанеева, что называется, «в зобу дыханье сперло». Он смог только молитвенно сложить руки и несколько раз быстро кивнуть.

— Я о вашей Саниной теперь слышать не желаю! — заявила Ольга.

И сурово посмотрела на стоявших перед нею Коврова и Брыля.

— Нам бы только узнать, что там произошло. — Ковров кивнул на закрытую директорскую дверь.

— Головокружение от успехов у нее произошло, вот и все! — собирая со стола бумаги, отрезала обозленная секретарша.

— Не похоже, Олечка, не похоже! — тихонько сказал Брыль, помогая Ольге. — Уж очень она изменилась, наша Алена Игоревна. И как-то сразу... Тут дело серьезное.

— Наверняка Сатанеев кашу заварил, — буркнул Ковров.

Ольга призадумалась. Ковров и Брыль с надеждой смотрели на нее.

— А что? Вполне возможно. — Секретарша отложила бумаги. — Он сегодня целый день из кабинета не вылезает. И сейчас там сидит.

— Может, о ней говорят? — осторожно предположил Брыль.

— Оль, включи селектор, послушай! — сразу попросил бесхитростный Ковров, прежде чем Брыль успел наступить ему на ногу.

— Да что вы, ребята, как можно! — испугалась секретарша. — Вдруг у них разговор секретный!

— Конечно, нельзя, — сразу согласился Брыль, тесня Коврова к выходу. — Это он так, не подумавши, ляпнул.

— Я — ляпнул?! — возмутился было Ковров, но Брыль так выразительно глянул на него, что он притих, подчиняясь.

— Ничего, со всеми случается, — почему-то глядя на секретаршу, успокаивал друга Брыль. — Пошли. Пошли, тебе говорят!

Ольга подождала, когда за ними закрылась дверь. После этого она осторожно взяла трубку селектора и нажала сразу две кнопки. В трубке послышались негромкие голоса.

Кира по обыкновению стояла у окна, спиной к Сатанееву.

— Я всегда восхищался вашим даром уговаривать людей, — почти искренне говорил Сатанеев.

— Тут уговорами не обошлось, — глухо сказала Кира.

— Власть применили?

— Силу.

— Неужто... — притворно испугался Сатанеев.

— Пришлось.

— Понимаю. — Он сочувственно закивал.

Кира обернулась.

— А раз понимаете — действуйте! — не скрывая своего отношения, резко произнесла она. — И помните — им нельзя встречаться. Если вдруг до наступления Нового года она его поцелует...

— Что же ты, Витя, неловкий такой? — упрекал Коврова Брыль в коридоре. — Разве может женщина открыть секрет сразу двум мужчинам?

— Хм, пожалуй, — усмехнулся Ковров и сверху вниз взглянул на открывшегося ему по-новому Брыля. — А ты, оказывается, знаток, Фома. Можно сказать, людовед.

— Это ты у нас в магических сферах витаешь, — парировал Брыль. — А мне, грешному, по земле приходится... То мышкой, то зайчиком, а то и котиком ласковым прикинусь. Тоже свое волшебство, житейское...

Из-за поворота пустого коридора неожиданно вышел представитель Кавказа и с радостным возгласом бросился к ним:

— Товарищи, дорогие, помогите выход найти! Совсем заблудился! Шесть часов — сразу все исчезли. По волшебству, да? Спросить не у кого.

— По волшебству, — кивнул Ковров и обратился к Брылю: — Начерти ему план. Бумага есть?

Брыль достал из кармана мятый листок и сунул его в руки Коврова.

— Черти сам, некогда мне. — Он указал глазами на вышедшего из приемной Сатанеева.

— Думаешь, уже знает? — с уважением глядя на техника-исполнителя, спросил Виктор.

— Уверен. — Брыль мягко скользнул в неплотно прикрытую Сатанеевым дверь.

Ковров принялся чертить на листке, положив его на портфель, услужливо подставленный гостем. Тот напевал что-то веселое и то и дело поглядывал на часы.

— Торопитесь? — сквозь зубы спросил Ковров.

— Очень! — сразу откликнулся представитель Кавказа, которого распирало желание поделиться с кем-нибудь своими радостями. — Завтра дома буду! Наряд подписал! — Он выхватил из кармана мятую бумагу с печатями и помахал ею перед носом Коврова. — Думал, до Нового года просижу. Даже в кресле заснул. Вдруг — гром, озоном пахнет! Девушка вышла, директор вышла...

— Где вы слышали гром? — перебил его насторожившийся Ковров.

Кавказец кивнул на приемную:

— Там, за дверью. И молния сверкнула. Замечательный у вас институт, коридоров только многовато.

Он схватил исчерченную бумажку:

— Спасибо вам, спасибо! — И пошел, почти побежал по коридору.

Из приемной выскочил Брыль, прислонился к стене рядом с Ковровым:

— Заколдована...

— Знаю. Кем?

— Самой. Расколдуется, только если жениха до Нового года поцелует...

— За что ее?

— Неясно. Вроде Сатанеев накрутил: работника ценного теряем. А сам Алене проходу не дает.

Ковров свирепо выпятил челюсть:

— В прах обращу! В грязь, в слякоть!

Брыль безнадежно махнул рукой:

— Всплывет...

— Да, пожалуй, — неожиданно легко согласился Ковров. — А Кира-то? Умница, талант, разобраться не смогла...

— Что — Кира! — Брыль пожал плечами. — Тоже ведь женщина...

— Ладно, — решительно сказал Ковров. — Причитания отменяются. Будем действовать.

— Как действовать? — уныло возразил Брыль. — Ты Киру не переубедишь. Киврин бы мог, но он уехал...

— Жениху телеграмму дать надо, чтобы немедленно приезжал. Где адрес?

— Адрес... Адрес. — Брыль принялся хлопать себя по карманам. — Слушай, я бумажку с адресом тебе отдал. Ты на ней план чертил.

Не сговариваясь, оба рванули по коридору в ту сторону, куда ушел гость.

Весело напевая и поминутно сверяясь с планом, представитель Кавказа уверенно шел по пустым переходам. Вдруг сзади послышался нарастающий топот, отдаленный крик: «Стой!»

Вдали замаячили два силуэта, несущиеся что есть мочи.

— Стой! — донеслось уже явственнее.

— Что? — растерянно спросил набегающих гость.

— Отдай бумажку!

Представитель Кавказа слегка заметался и ускорил шаги.

— Ой, ой, ой! — пробормотал он, оглядываясь. — Зачем трепался! Наряд отнимут!

И перешел на рысь.

— Стой, тебе говорят! — срывающимся дискантом потребовал Брыль, с трудом поспевая за длинноногим Ковровым.

Фигура впереди надела и скрылась за поворотом.

Ковров на бегу по-разбойничьи свистнул.

Представитель Кавказа понесся во всю. Сзади его преследовал топот и неразборчивые крики.

— Обходи справа! — скомандовал Брылю Ковров. — Сейчас возьмем!

Кавказец выскочил из-за поворота и замер: впереди, расставив руки, набежала приземистая фигура.

Гость метнулся назад, но тут его уже ждал Ковров. Преследуемый обмяк, прислонился к стенке и прикрылся помятым нарядом.

— Все, все, все! — быстро заговорил он. — Все объясню, где надо! Только без рук. Давайте действовать официально!

— Вот она! — воскликнул Брыль, поднимая с пола мятую бумажку с адресом и планом.

Не обращая больше внимания на представителя Кавказа, оба понеслись в обратную сторону. Их топот и голоса растворились в глубокой тишине пустых коридоров.

Гость с изумлением посмотрел им вслед, потом перевел взгляд на помятый наряд в своей руке.

— Что, опять повезло? — изумленно спросил сам себя и огляделся.

Он стоял на пересечении двух тускло освещенных, казавшихся бесконечными коридоров. Кругом были только запертые двери и глухие, без окон, белые стены.

В кабинете Шемаханской большие напольные часы гулко пробили половину восьмого. Кира Анатольевна подняла голову от стола, за которым, видимо, долго сидела в одной и той же позе, встала и прошла через весь кабинет в угол, где только что стоял телевизор. Теперь телевизора нет. Вместо него стоит большое круглое зеркало — впрочем, не стоит, а как-то странно висит — ни на чем. Кира Анатольевна останавливается перед зеркалом, вглядывается в свое отражение.

— Вопрос первый, — говорит она. — Правильно ли я поступаю с Аленой?

Отражение отрицательно качает головой и грустно улыбается.

— Она сама виновата! — восклицает Кира. — Нельзя прощать вероломство! — Кира отворачивается. — Кроме того, Иван Степанович... тоже должен понять и почувствовать свое заблуждение... или наваждение, не знаю уж, что тут ближе к истине.

— Тобой владеет гнев, — тихо говорит женщина в зеркале. — Ты несправедлива.

— На моем месте каждая поступила бы так же! — запальчиво возражает Кира.

— Ты — не каждая и должна быть осторожной, — произносит отражение.

— Почему я все время должна жертвовать собой?

Отражение укоризненно качает головой:

— Другими жертвовать легче...

— Хорошо, покажи мне... ее, — просит Кира.

Отражение исчезает. Вместо него в зеркале появляется Алена. Она открывает дверь своей квартиры Сатанееву. Он, противно жмурясь, припадает к ее руке, одновременно протягивая букет цветов. Кира делает брезгливый жест рукой. Сатанеев и Алена пропадают из зеркала.

— Теперь... его, — требует Кира.

В зеркале появляется Киврин. Он стоит возле трапа самолета и, поглядывая на часы, напряженно ищет кого-то в толпе.

— Убрать! — резко говорит Кира. — И пусть все остается, как есть!

Просто и неприветливо обставленная комната в однокомнатной квартире. За столом, покрытым белоснежной скатертью, сидят Сатанеев и Алена. У девушки вид слегка томный, но глаза смотрят зорко, выжидательно.

— Как видите, Аполлон Митрофанович, — говорит она, — живу я просто, незамысловато. Ничего, кроме самого необходимого, у меня нет.

— Такой бриллиант, как вы, — пылко произносит Сатанеев, — достоин самой лучшей оправы!

— Вы полагаете? — Алена кокетливо склонила голову набок.

— Несомненно! И я мечтал бы всю жизнь создавать для вас эту... оправу. Ну, если позволите.

Алена залилась русалочьим смехом:

— Старый шалун! Нет, серьезно, как-то грустно становится, если представить себе, что всю жизнь придется прожить в этой... обстановке.

— Очаровательница! — блеет Сатанеев. — Вам стоит только пожелать.

Он хватается ее руку и хочет поцеловать, но она вырывается и звонко шлепает его ладонью по лысине.

— Не спешите! Как вы не понимаете, что компрометируете меня! Девочки! — кричит она весело. — Как там наш кофе?

— Сию минуту, Алена Игоревна! — доносится из кухни голосок Верочки.

— Но меня удручает не только это, Аполлон Митрофанович, — продолжает Алена.

— Я весь внимание! — с энтузиазмом откликнулся Сатанеев.

— Мне вдруг надоела моя лаборатория. Знаете, сфера услуг... это все-таки что-то... непрестижное, правда?

— Н-да... Бездуховное, я бы сказал. Будем думать.

— Но есть еще и во-вторых, — хитренько взглянув на Сатанеева, прибавила Алена. — Мне осточертел весь этот Китежград.

Сатанеев несколько померк:

— С этим, доложу я вам, потруднее будет...

— Думайте, Аполлон Митрофанович, думайте, — становясь серьезной, призвала Алена. — Даром в нашем мире ничего не дается... даже дуракам... Я не о вас, конечно.

Сатанеев все-таки обиделся.

— Чего уж проще! — раздраженно сказал он. — Поезжайте к своему жениху — вот вам и Москва!

— К какому жениху? — искренне удивилась Алена. — У меня нет жениха ни в Москве, ни... пока... в Китежграде.

В дверях, с дымящимся кофейником на подносе, застыла Верочка. За ней, с корзинкой, полной печенья, стояла Катенька. При последних словах Алены на их лицах появилось выражение ужаса.

— Несите, несите, милочки! — повернулась к ним Алена. — Что же вы встали?

Девушки робко приблизились к столу.

Иван Пухов с помощью Антона и Павла снимает с машины мебель и тащит в подъезд нового дома. Напрягаться им особенно не приходится — мебели прискорбно мало. Одновременно они напевают веселую песенку, которая складывается из отдельных реплик, шуток и полунамеков, а музыка рождается, как говорится, прямо на ходу — из звуков улицы, гулких ударов хлопающей двери парадного, шагов, в общем, всего, что в обыденности мы называем шумом. Особенно отличается Антон — ударник в этой сложившейся группе музыкантов «для себя». Из легкой тумбочки он извлекает лихую барабанную дробь, кухонный стол служит для него чем-то вроде ксилофона.

Потом в маленькой однокомнатной квартире, похожей на квартиру Алены, друзья расставляют мебель, передвигая все предметы по несколько раз с места на место. И звучит веселая песенка молодых холостяков, в которой говорится, что мужчине в наше время тоже приходится собирать приданое, и неизвестно, по какому обряду сейчас женятся: то ли невеста приносит все с собой в дом жениха, то ли жених обязан встречать невесту «калымом». Все перепуталось: женщины надели мужскую одежду, мужчины бегают по магазинам, пока жены «пропадают на работе». Но самое главное — женщины часто оказываются умнее мужчин — непонятно, как им это удается! Трудно стало с современными женщинами, очень трудно. Так что, пока не поздно, думай, холостяк!

Иван ставит на стол пустую молочную (!) бутылку, втыкает в горлышко скромный букет цветов и, прислонив к импровизированной вазе фотографию Алены, удовлетворенно оглядывается.

— Все! — говорит он. — Поехали встречать.

— Куда так рано? — удивляется Антон. — Самолет через три часа прилетит.

— Лучше заранее быть, — объясняет Иван. — Она ждать не любит.

— Видал? — смеется Павел. — Еще не обженился, а уже под каблуком.

В дверь позвонили. Иван вышел открывать. В коридор ввалился заиндевевший Борис, заполнив собой сразу все пространство.

— Прости, опоздал. Все по ее милости! — Он вытащил из-за спины худющую девчонку, смешную, конопатую, с горящими любопытством глазами.

— Нина! — представилась девчонка.

— Сестра? — улыбнулся Иван.

— Понимаешь, пристала как банный лист — покажи ей ведьминого жениха! — улыбнулся, раздеваясь, Борис.

— Как не стыдно, Борька! — зашипела девчонка, исподтишка лягнув брата ногой.

Она вошла в комнату.

— Ой! — воскликнула Нина, увидав фотографию Алены. — Это она?

Иван кивнул.

— Какая красивая! — восхитилась Нина, быстро глянула на Ивана и прибавила: — Вы тоже ничего... Но она лучше.

Все улыбнулись, а Борис посоветовал:

— Прикуси язык!

Нинка хотела тут же что-то возразить, но в дверь опять позвонили.

— Телеграмма! — мрачно сообщил занесенный снегом человек, подавая бланк «молнии». На бланке значилось: «АЛЕНА ПРИЕХАТЬ НЕ МОЖЕТ ЗАКОЛДОВАНА СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙТЕ ВЫРУЧАТЬ ПОЕЗДОМ № 13 ДРУЗЬЯ АЛЕНЫ».

Павел, Антон и Борис, читавшие телеграмму через плечо Ивана, растерянно переглянулись.

— Что же это, а? — спросил потрясенный Иван, опуская руку с телеграммой. — Как же это...

Нина присела на корточки, тоже прочла текст и ахнула. От ее «аха» все заговорили.

— Постой, тут разобраться надо. — Рассудительный Павел взял телеграмму и принялся ее изучать.

— Чушь. Бред. Такого не бывает! — уверенно заявил Антон, не веривший ни во что, чего нельзя потрогать руками.

— Просто розыгрыш! — успокоил Борис, однако это не возымело действия.

— Куда ж теперь? — бормотал Иван, разглядывая сразу две телеграммы: одну с извещением о вылете, другую — только что полученную.

— Конечно — в аэропорт! — решительно предложил Павел.

— Правильно! — обрадовался Антон. — А «друзей» этих мы потом разыщем.

— Поговорим как следует, — пообещал Борис, демонстрируя увесистый кулак.

Третий раз за вечер прозвучал дверной звонок. На лестничной площадке стоял парень в фирменной фуражке таксиста:

— Машина у подъезда. Спускайтесь скорее, а то опоздаете.

— Куда? — в один голос спросили все, стоявшие в коридоре.

— Как это — куда? — удивился таксист. — На поезд! Сорок минут до отхода...

Комната Алены. Сатанеева уже нет. На столе чашка с недопитым кофе, наполовину опустевшая корзинка с печеньем.

Верочка и Катенька, потупившись, сидят за столом.

Алена стоит перед зеркалом и рассматривает себя.

— По-моему, было очень мило. Вы не находите, девочки? — рассеянно произносит она.

— Да, Алена Игоревна, — не поднимая глаз, откликаются они.

Алена садится перед зеркалом и распускает волосы.

— Ну, ладно, — говорит она. — Держитесь за меня, девочки, не пожалеете... Катя, душечка, убери со стола. А ты, Верочка, причеши меня на ночь... Ох, как я устала!

Лихо развернувшись, такси причалило у здания вокзала.

Четверо друзей и Нина выбрались из машины и побежали по ступенькам.

— А вдруг билетов нет? — с ужасом предположил Иван.

— Как-нибудь посадим, — неуверенно пообещал Борис.

— Говорили тебе — не связывайся с ведьмами! — напомнил Павел.

В огромном вестибюле вокзала их встретило громогласное объявление:

— Пассажира Пухова и его товарищей, отъезжающих в Китежград, просим срочно подойти к четвертому окну, — сказал неожиданно разборчивый женский голос.

Иван опрометью бросился в указанном направлении. Антон, Борис и Павел переглянулись.

— Вот это фирма! — восторженно сказал Антон. — Действуют друзья Алены Саниной.

— Да, действительно — чародеи необыкновенных услуг! — усмехнулся Павел. — Билеты под Новый год!

— Подожди, подожди! — спохватился Борис. — Они вроде и нас приглашают...

— А ведь верно. — Антон посмотрел на товарищей. — Не стоило бы Ваньку одного на такое дело пускать...

— Едем! — решительно заключил Павел.

Они заторопились к кассе. Нина печально посмотрела вслед. Иван пробивался сквозь толпу. Очередь шумела:

— Не пускать его!

— Куда лезешь?

— Объявление слышали? — огрызнулся Иван. — Пухов я. Меня вызывали.

— Пухов! Тоже мне фамилия! — оттирая Ивана, возмущался здоровенный дядя. — Становись в хвост.

— Немедленно пропустите товарища Пухова! — послышался строгий голос из кассы.

Очередь обмякла и попятилась, открывая Ивану дорогу. Кассирша встретила его ласковой улыбкой.

— Что же вы... задерживаетесь? Мы вас ждем. Вот вам четыре билета, до самого Китежграда, с постельками...

— Четыре? — удивленно переспросил Иван и обернулся: на плечо его легла чья-то рука.

— Бери! — сказал Борис. — Мы с тобой.

Иван протянул в окошко деньги.

— Тут не хватает немножко, — все с той же ласковой улыбкой сообщила кассирша.

— Подожди! — засуетился Борис и крикнул: — Нина! — Потом объяснил Ивану. — У нее есть. Она тебе на подарок собрала.

Нинка выросла, словно из-под земли. Пользуясь тем, что Иван благодарно пожимал друзьям руки, она тоненьким голоском попросила:

— Тетенька, дайте пять билетов, пожалуйста. Только один в другом вагоне.

— Пять? — нахмурилась кассирша, но тут же закивала. — Хорошо. Пусть будет пять...

И протянула девочке посадочные бланки.

Комната Алены освещена мягким, неярким светом ночника. Алена спит, лицо ее во сне безмятежно. Верочка и Катенька, сняв туфли, прибирают со стола и о чем-то перешептываются. Вдруг Алена забормотала что-то во сне, перевернулась на спину. Девушки замерли, прислушались.

— Ванечка, дорогой, — шепчет Алена, — как я соскучилась... Нет, нет, я приеду... обязательно...

— Ой, Катя! — всплеснула руками Верочка. — Во сне-то она любит!

— Надо Коврову сказать!

Девушки склонились над Аленой, прислушались, но ничего, кроме ровного дыхания спящей, слышно не было.

На вокзальных часах стрелка приближалась к десяти. По заснеженному перрону, лавируя между пассажирами и автокарами, бежит Иван со своей компанией.

— Нинка, марш домой! — на ходу крикнул сестренке Борис.

— Боренька, я только до вагона, — с небывалой покорностью попросила Нина.

— Вот он, тринадцатый! — объявил Иван.

У вагона их поджидала чуть ли не вся поездная бригада. Начальник поезда с моржовыми усами и физиономией, тоже напоминающей кого-то из морских млекопитающих, сделал шаг навстречу.

— Товарищ Пухов, если не ошибаюсь? — сиплым капитанским голоском осведомился он.

— А вы откуда знаете? — опешил Иван.

— Как же-с, ждем, беспокоимся даже... Предупреждены и наслышаны! Прошу!

Он взял билеты из рук Ивана, передал их проводнице и вежливо подсадил его в вагон под локоток.

— Волшебные услуги продолжаются! — шепнул Антону Павел, следуя за Иваном. Последним поднялся Борис.

— Как только тронемся, вам чайку горячего для сугрева подадут! — пророкотал им вслед начальник поезда и строго прибавил, обращаясь к проводнице: — С вафлями!

Та кивнула.

— Иди домой, — еще раз строго приказал из тамбура Борис, обращаясь к сестренке, оставшейся на перроне.

Нина помахала рукой и побежала вдоль состава.

В мастерскую волшебной древесины, держась за голову и постанывая, вошел Ковров. Брови его удивленно вздернулись.

На верстаке, свернувшись калачиком, спал Брыль. Виктор грубо потряс его. Брыль сел и уставился на друга еще не совсем осмысленным взглядом.

— А?

Ковров наклонился, понюхал его.

— Не-е! — замотал головой Фома. — Ни капли. Тебя ждал. Удалось?

— Едут! — односложно ответил Ковров и опять взялся за голову.

— Сейчас, сейчас. — Брыль засуетился, принялся массировать виски Коврову. — Сейчас мы тебе облегчение сделаем. Слушай, а почему ты сказал «едут»?

— С ним целая компания, — сквозь зубы процедил Ковров. — Заодно мы, кажется, проблему ансамбля решили.

— Музыканты? — обрадовался Брыль.

— Вроде того. Завтра Сатанееву доложим.

— Молодец ты, Витя! Трудно было?

— Друзья у него недоверчивые оказались, — вздохнул Ковров. — Пока внушил им — чуть не помер.

— Да, народ сейчас тяжелый пошел, — сочувственно закивал Брыль. — Внушению плохо поддаются.

— Все, полегчало, — сказал Ковров, отстраняя руки Брыля. — Надо бы с этим... Иваном по душам поговорить. А то без информации да с перепугу он много дров наломать может.

— Когда ж теперь говорить, — пригорюнился Брыль.

— А сейчас. Самое время, — усмехнулся Ковров, пристально глядя на собеседника.

Брыль поежился от его взгляда.

— Ты чего это, Витенька, так на меня смотришь? — недоверчиво спросил он.

— Соображаю, прикидываю...

— Знаешь, я, пожалуй, домой пойду, — скоренько засобирился Брыль.

— Чуть погодя, — остановил его Ковров. — Вот поговоришь с Иваном — и баиньки.

— Сам поговоришь! — взвизгнул Брыль, порываясь к двери. — Ты чародей, ты больше получаешь!

— Кто сколько получает, одна бухгалтерия знает, — смеясь, ответил Ковров, удерживая за плечи рвущегося Брыля. — У меня голова болит. А в разговоре этом волшебство нужно... житейское. Чтоб и котиком, и зайчиком... Главное, парня успокоить, ты это сумеешь. Понял? Так что приготовься, сейчас в купе очутишься.

— Ты что, с ума сошел! — по-заячьи заверещал Брыль. — Меня ж за вора вагонного примут. Арестуют! Побьют!

— Не бойсь... вагонный! — гулко хлопнув по спине Брыля, засмеялся Ковров. — Я все устрою!

Мастерская озарилась жутковатым сиреневым светом. От дружеского хлопка Брыль как-то сразу сжался, затих и начал стремительно уменьшаться в размерах...

Поезд стремительно мчался сквозь зимнюю ночь. Иван сидел в купе на разостланной постели и думал, облокотившись о столик и подперев кулаком щеку. У локтя его тихо дребезжали четыре пустых стакана в подстаканниках. Товарищи уже спали. Ритмично тараторили колеса. Неожиданно послышался мягкий стук. Иван повернул голову.

В проходе между полками лежал тощий рюкзак, который он прихватил с собой. Иван поднял глаза вверх и застыл с открытым ртом. На краю багажной ниши, свесив ножки на дверь, сидел маленький человечек, весь покрытый серым пухом.

— Простите, — сказал человечек скрипучим голосом. — Я нечаянно уронил. — И он показал крошечной рукой на рюкзак.

Иван опустил взгляд на пол и снова уставился наверх.

— Э-э-э... — произнес он с трудом. — А вы, собственно, кто такой?

— Я вагонный...

— Кто-кто?

— Ну, как бы вам это сказать... Про домовых слышали?

— Да.

— Про леших там, про водяных?

Иван кивнул.

— Вот. А я — вагонный. Временно... по специальной надобности.

Слова о «специальной надобности» почему-то совсем доконали и так перетрусившего Ивана.

— Вот я сейчас разбужу ребят, тогда узнаем, какая у вас надобность.

Человечек усмехнулся, но, впрочем, на всякий случай подобрал ноги.

— Не получится. Они будут спать теперь, пока я не уйду. Только тогда... возможно.

Вагонный начал ерзать на краю ниши... спрыгнул вниз. Но упал не сразу — сначала как бы повис в воздухе, смешно растопырив маленькие руки и ноги.

— Вот и все! — удовлетворенно сказал он запыхавшимся голосом. — Позвольте присесть?

— Конечно! — поспешно ответил Иван, отодвигаясь на всякий случай поближе к окну.

— Я к вам по делу, — начал Вагонный, удобно устраиваясь. — Вы ведь точно Пухов Иван Сергеевич?

Иван облизнул сухие губы и молча кивнул головой.

— Ну так вот, — продолжал Вагонный. — Вашу знакомую Алену Игоревну крепко заколдовали. Весну, то есть любовь и все такое прочее, из сердца ее вынули, а зиму вставили. — Он вздохнул. — Вот такие дела. — И посмотрел на Ивана.

— Вы что это, серьезно, что ли?

— Вполне. Теперь по порядку... Поскольку Алена Игоревна заколдована, сами понимаете, узнать вас она никак не может... потому что знакомство ваше только с любовью было связано. Так?

— Так.

— Вот. А в остальном она все понимает, оценивает... Только не как раньше, а иначе... Почти наоборот. Так что вы уж с ней поосторожней, пожалуйста...

— Что же мне делать? — с отчаянием спросил Иван. — Ведь я люблю ее!

— Понимаю, что любите! — охотно согласился Вагонный. — Это и хорошо! Потому что вот какой отысканся зигзаг волшебный: если она вас до новогодней полночи поцелует, так сразу и расколдуется.

— Как же она меня поцелует, если узнать не сможет?

— В том-то и вопрос! Но первым делом, Иван Сергеевич, надо вам в институт под каким-нибудь видом проникнуть.

— Под каким же? — с надеждой спрашивает Иван.

— Вы ведь все музыканты, правильно?

— В некотором роде, — осторожно подтверждает Иван.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Вагонный. — Мы вас ансамблем представим! Годится?

— Да, но мы ведь без инструментов...

Вагонный хлопнул себя ладошкой по лбу.

— Эх, незадача! Недосмотрели... Ладно, приедем, тогда и дорешим задачку. А теперь должен я вас оставить. Ложитесь-ка спать, Иван Сергеевич, сил набирайтесь. Пригодятся.

— Да какой там сон, помилуйте! — воскликнул Иван.

— Ай-яй-яй! — укоризненно покачал головой Вагонный. — Вы ведь мужчина! Вас любила сама Алена Игоревна! А вы сразу раскисли... Смотреть неловко.

Иван исподлобья взглянул на Вагонного, и ему в самом деле стало неловко за свою слабость. Он подобрался, выпрямился.

— Вам действительно нужен сон, — сказал Вагонный и пристально посмотрел на Ивана.

Тот вдруг широко, с прискуливанием зевнул.

— Спице! — свистящим шепотом произнес Вагонный. — И запомните: ничему там не удивляйтесь и не делайте ничего серьезного самостоятельно, не посоветовавшись с Виктором Петровичем Ковровым или Фомой Остаповичем Брылем... особенно.

Иван повалился на бок, закрыл глаза и начал засыпать, бормоча:

— Да, да... Не удивляться... Понимаю...

Вагонный посмотрел на него, улыбнулся и тихо запел колыбельную, мелодия которой временами сливалась с воем ветра за окном да перестуком колес. В песенке поется о том, что где-то, на глухой лесной тропинке вот-вот встретятся два года — Старый и Новый. Они пожмут друг другу руки и разойдутся навсегда — один в прошлое, другой в будущее. И каждый что-то понесет с собой, один — обретаемое, другой — утраченное. Как угадать, в каком мешке твои надежды?..

Крепко спит Иван под колыбельную Вагонного.

Мчится поезд сквозь снежную мглу.

Спит Алена в своей постели.

Спит на верстаке Виктор Ковров, подложив кулак под голову, и во сне его лицо все еще хранит хмурое выражение.

Пошатываясь меж глухих белых стен с запертыми дверями, бредет по коридору гость с Кавказа.

Звучит песенка Вагонного. А на часах НУИНУ, выполненных в старинном стиле, с фигурками витязей по сторонам квадратного циферблата, стрелки показывают 12. И возникает новая дата: 30 декабря.

На фоне часов, в сопровождении песенки, проходят финальные титры — список работников съемочной группы.

Конец первой серии

Раннее утро. Заснеженный лес. Издали слышится гудок электровоза.

Мчится поезд сквозь утренний зимний бор.

В купе, где спят четверо друзей, заглядывает проводница:

— Просыпайтесь, пожалуйста! Скоро Китежград, остановка по требованию.

Иван вскакивает первым, оглядывает купе, медленно пробуждающихся друзей.

— Значит, все это не сон? — бормочет он разочарованно. — Значит, действительно... — И поворачивается к окну.

Яркий зимний пейзаж, проносящийся мимо, сливается в сплошное цветное мелькание. Вступает музыка. На фоне проносящихся цветных пятен возникает название фильма:

ЧАРОДЕИ

Вторая серия

Продрогшая со сна четверка во главе с Иваном теснится у двери в тамбуре.

— Мы теперь ансамбль, понятно? — наставляет друзей Иван.

— Более понятливых на свете нет, Ваня, — успокаивает Андрей.

— Кем надо, тем и будем, — прибавляет Борис. — Хоть балетной труппой.

Лязгнув буферами, поезд останавливается.

— Хватит трепаться, приехали, — говорит Иван.

— Они? — с неодобрением осматривая кучку людей на другом конце заснеженной платформы, осведомился Камноедов.

— Они самые, — подтвердил Фома Брыль.

— Непредставительные какие-то, — поморщился Камноедов. — Хлипкие...

— Так ведь музыканты, а не... грузчики, — ехидно напомнил Брыль. — По моде одеты, не в тулупах...

Он посмотрел на упакованного в огромный зипун Камноедова.

— А ведут себя тоже... по моде? — спросил Камноедов, указывая на группу приезжих, которые почему-то повернулись к встречающим спиной.

Перед Иваном, Борисом, Антоном и Павлом стояла Нина.

— Доброе утро, Боря! — сказала спокойно она. — Доброе утро, товарищи!

Борис открыл рот от изумления. Антон, глядя на него, засмеялся. Иван растерянно посмотрел вслед уходящему поезду, и только всегда невозмутимый Павел наблюдал эту сцену спокойно.

— Первым же поездом поедешь обратно, — начал было Борис. — Чтобы духу твоего...

Прозвучавший с другого конца платформы начальственный голос перебил его.

— Товарищи ансамбль! — требовательно произнес Камноедов. — Что там у вас? Мы ведь ждем!

Друзья разом обернулись к встречающим. Нина резво выскочила вперед:

— А мы готовы! Здравствуйте!

Брыль и Ковров недоумевающе переглянулись.

— Здравствуйте, — уставясь на девочку, отозвался Камноедов. — Вы кто?

— Я? — Нина обвела всех удивленным взглядом. — Как, неужели вы меня не узнали? Нина Бойцова, лауреат международного конкурса, меня два раза по телевизору показывали!

— Во дает! — восхищенно прошептал Антон.

— Теперь пропали! — пролепетал Иван и повернулся к Борису. — Уйми ты ее скорее!

— А зачем унимать? — вдруг спокойно отреагировал брат. — Она верно общественность информирует. Детский хор, в котором она поет с пеленок, действительно стал лауреатом.

Камноедов смущенно хмыкнул:

— Да, конечно, лауреатов мы знаем... только в жизни вы... немного другая. В общем, прошу за мной.

У дороги стоят двое саней, запряженные тройками. Откинув меховую полость, навстречу идущим из саней поднимается Алена, с любопытством разглядывая приезжих. Иван замер, глядя на Алену.

— Она? — тихо спросил тоже остановившийся Борис.

— Она! — одними губами произнес Иван.

— И действительно — ничего! — восхищенно уставясь на Алену, произнес Антон.

Иван яростно глянул на него и подошел к саням, где возлежала его невеста:

— Здравствуй!

Алена подняла недоумевающие глаза, томно улыбнулась:

— Здравствуйте...

— Ты меня не узнаешь? — бледнея, спросил Иван.

Камноедов повернулся всем своим могучим телом к Ивану и нахмурился:

— А собственно, почему Алена Игоревна вас должна узнавать? Вы разве знакомы?

— Не припоминаю... — растягивая слова, кокетливо произнесла Алена, пристально разглядывая молодого человека.

— Ты что, не предупредил его? — прошептал Ковров, обращаясь к Брылю.

— Предупредил лучше некуда, — возразил Брыль. — Но ведь влюбленные все сумасшедшие.

— Тормози его! — приказал Ковров, исподтишка пнув Брыля ногой.

Брыль ахнул, но поспешил на выручку:

— Вы обознались, дорогой товарищ! У нашей Алены Игоревны лицо довольно типическое...

— Что?! — Алена чуть не выпрыгнула из саней. — Кто вам дал право на подобные суждения о моей внешности?

— Безобразие, товарищ Брыль! — рявкнул Камноедов. — Вы это прекратите!

— Так ведь я ничего не хотел, — забормотал испуганный Брыль. — Я только насчет того, что товарищ заблуждается...

— Сами вы заблуждаетесь! — перебил его Камноедов. — Берите вожжи. Командуйте лошадьми, это у вас лучше должно получиться.

Совсем затюканный Брыль забрался на облучок.

— Прошу рассесться! — продолжал руководить Камноедов. И обратился к Ивану: — Вы, пожалуйста, сюда.

Он усадил Ивана в пустые сани и, ревниво оглядевшись, сел рядом. С другой стороны быстро пристроился Ковров. Здоровенный Павел, кряхтя, опустился на розвальни в ногах у Ивана.

Лошади рванулись, взметнулся пушистый снег, и тройки помчались через лес.

На первой тройке, которой управлял Брыль, ехали: Алена, Нина, Борис, Антон.

Вторая, с кучером на облучке, везла Ивана, Камноедова, Коврова и Павла.

— Видишь, как красиво! — сказала Нина Борису. — И воздух чистый! И вообще, без меня вы пропадете.

Борис хотел что-то ответить, но не успел.

— Места у нас заповедные, — нараспев произнесла Алена, улыбаясь девочке той рассеянной полуулыбкой светской красавицы, которая появилась у нее после памятного посещения кабинета Киры Анатольевны. — Колдовские места... А как зовут молодого человека, который так странно со мной поздоровался? — Она посмотрела на Бориса.

— Пухов Иван Сергеевич, — ответил Борис, с надеждой вглядываясь в лицо Алены. — Может быть, слышали?

— Иван Сергеевич, — повторила Алена. — Как Тургенева... — На лице ее сохранилось безмятежное выражение. — Нет, не припомню.

Борис и Антон обменялись многозначительными взглядами.

На второй тройке тоже затеялся разговор.

— Где же все-таки вы с Аленой Игоревной встречаться изволили? — светским тоном осведомился Камноедов, тщетно пытаясь развернуть свое погруженное в тулуп тело к собеседнику.

Иван открыл было рот, но вздрогнул от удара справа.

- В школе, говори, в школе! — прошипел Ковров, не разжимая губ.
- В школе, — покорно повторил Иван.
- В обыкновенной, средней? — продолжал допытываться Камноедов.
- Да, в средней.

Камноедов недоверчиво покосился на Ивана:

- Алена Игоревна специальную школу заканчивала. Для особо одаренных детей. Вы ведь не были особо одаренным?
- Не был...
- Значит, не она...
- Не она, — кивнул Иван. — Это точно не она...

— А где же ваши инструменты? — любопытствовала Алена, удивляясь полному отсутствию багажа у приезжих.

- А везде, — подмигнув Антону, бодро ответил Борис.
- Колокольцы под дугой видите? — принимая игру, спросил Антон.
- Вижу. И что же? — осведомилась Алена.

— А то, что сейчас музыка будет! — пообещал Антон, перебираясь на облучок и вынимая кнут из рук Брыля.

Он тронул кнутовищем колокольчики, они откликнулись чистым звоном. Лошади, мотнув головами, побежали быстрее.

- Э-гей! — крикнул Борис. — Подтягивай!
- Э-гей! — отозвалось в лесной морозной тишине.

Подхватив с дороги палку, Борис провел ею по ряду проносившихся мимо берез. Белые стволы откликнулись задорным глассандо.

— Э-гей! — сзади, оттуда, где шла вторая тройка, послышался раскатистый бас Павла.

Антон, выхватив из кармана расческу, заиграл на ней, весело поглядывая на Алену.

Борис, уловив недоверчивый взгляд Алены, склонился к Нине, шепнул:

— Давай выручай, лауреатка!

В лесной тишине возникла, организовалась и разнеслась окрест веселая песня, которую повела первым голосом Нина, а вторили ей Антон, Борис и Павел. Пелось в песенке о холодном снеге, о горячем сердце, о живых ключах подо льдом, которых не заморозить самой лютой стуже. В общем, о чем-то таком, зимне-веселом, лихом и радостном.

Быстро помчались лошади.

Заулыбались, щуря глаза от ветра, люди.

Одна за другой понеслись тройки неширокой просекой среди заваленного снегом леса.

Вырвались на опушку, на покрытый снегом простор. И тут перед ними, словно сам собой, из туманной морозной мглы возник обозначенный каменными приворотными столбами белый от инея Китежград.

С шиком развернувшись, тройки затормозили у странного сооружения. Это была старинная, из неохватных бревен, резная изба с вывеской, на которой значилось: «Музейный склад НУИНУ». Сбоку виднелся огромный инвентарный номер. Дверь избы распахнулась, на крыльцо вышел Сатанеев и широким жестом пригласил:

— Прошу!

После чего бросился помогать Алене выбраться из саней. Иван непроизвольно потянулся к Алене и хотел было опередить Сатанеева, но его задержал Ковров.

— Аполлон Митрофанович, — забубнил Камноедов, провожая Сатанеева с Аленой. — А может, в гостиницу их все-таки, а?

- В гостинице бронь. Для комиссии, — отрезал Сатанеев.
- Да как же я их в музей оформлять буду? — продолжал Камноедов.

- Оформляйте как экспонаты.
- Живых?!
- Условно, условно...
- А потом списывать как?
- По акту, как пришедших в негодность.

Антон, Борис и Павел весело переглянулись.

Топая ногами и спотыкаясь о высокий порог, все вваливаются в большую комнату. Стену слева занимает огромная русская печь с многоместной лежанкой. На лежанке в солдатском порядке разложены постельные принадлежности. У противоположной стены — стол, покрытый грубо тканой скатертью. Под потолком сверкает многосвечовая лампа с абажуром... Повсюду в ярком свете переливаются инвентарные номера.

— Вот-с! — с видимой гордостью произносит Сатанеев. — Здесь и располагайтесь. Простота и, как видите, чистота. Скатерть у нас — самобранка, для служебного пользования. Меню скромное, но питательное.

Метнув взгляд в сторону безмятежно улыбающейся Алены, он понижает голос:

- Ванна и прочие... удобства за углом, в гостинице. Завтра вам оформят пропуска.
- В удобства? — тихо съехидничал Антон.

Сатанеев серьезно посмотрел на него, ехидства не понял, кивнул:

- До 23.00, конечно, как положено.

Пока он говорил, Иван не спускает глаз с Алены и все время порывается приблизиться к ней. Алена тоже искоса поглядывает на Ивана. Сатанеев, заметив эти взгляды, начинает нервничать и старается встать так, чтобы загородить Алену от Ивана. Иван, в свою очередь, почти бессознательно маневрирует, переходя с места на место.

Ковров и Брыль с двух сторон приперли Ивана и теснят его в угол.

- Стой на месте! — шепчет Брыль.
- Не хочу! — отвечает Иван тоже шепотом.
- Себя погубишь! — цедит сквозь зубы Ковров.
- Ну и пусть! — рвется вперед Иван.
- Ее погубишь! — предупреждает Брыль.
- Стою... — шепчет Иван, обмякая.

Вздых облегчения вырывается одновременно из груди Коврова и Брыля.

— Сейчас мы вас оставляем, — объявляет Сатанеев. — Располагайтесь, отдыхайте. А потом милости просим на ученый... простите, на этот раз художественный совет.

Взяв Алену под руку, он идет к двери.

Иван провожает Алену глазами.

Ковров и Брыль с нетерпением ждут, когда за Сатанеевым закроется дверь. Словно почувствовав это, он оборачивается и, окинув подчиненных строгим взглядом, напоминает:

- Рабочий день еще не кончился, прошу за мной.

На крыльце, пропустив вперед Коврова с Брылем, Сатанеев в сердцах хлопнул дверью:

- Совершенно невоспитанный молодой человек!
- Вы это о ком? — наивно любопытствовала Алена.
- Сами знаете, — обиженно пробурчал Сатанеев. — То-то вы с ним кокетничали!

В избе царило молчание. Только Нина с любопытством поглядывала по сторонам, знакомясь с новой обстановкой.

— Нет, это просто невыносимо! — Иван хлопнул ладонью по столу. — Она действительно меня не узнаёт! Чертовщина какая-то!

— Так ведь и вправду чертовщина, — осторожно напомнил Борис.

— А я вот никакой чертовщины не заметил! — безапелляционно заявил Антон и тоже хлопнул по столу. — По-моему, тут просто...

Но договорить ему не удалось...

— Что угодно, граждане? — осведомился вдруг неприязненный женский голос.

Все вздрогнули. Оглянулись. В комнате никого лишнего не было.

— Так что угодно? — повторил Голос.

— Это вы... нам? — осторожно спросил Антон, убирая руку со стола.

— Вам, а кому ж еще? Что будете заказывать?

— Не понимаю... — Антон беспомощно обернулся к товарищам.

— Я ведь, кажется, русским языком спрашиваю: что заказывать будете?

— То есть в каком смысле? — почему-то заглядывая под стол, осведомился Борис.

— В обыкновенном! — ворчливо ответил Голос. — Стучат, требуют, а чего — сами не знают. Потом еще жалуются... Ну, чего будете есть?

— Ребята! — спохватился Павел. — Это же скатерть-самобранка!

Нина взвизгнула от восторга.

— Да, да, самобранка я и есть! Делайте заказы, что ли, раз позвали!

— Сию минуту! — засуетился Антон.

— Не сразу сообразили, — уточнил Павел — самый спокойный, самый молчаливый и самый голодный из всех. — Кому чего, говорите быстрее!

— Мне пирожное, эклер с кремом! — скоренько говорит Нина и даже закатывает глаза от предвкушения.

— Нет пирожных, — категорически заявляет скатерть. — Крем прокис. Дальше.

Нина растерянно умолкает.

— Что ж, — рассудительно говорит Борис, — тогда всем по яичнице... с ветчиной.

— Ветчина кончилась.

— Тогда можно просто, из трех яиц, верно, ребята? — предлагает Павел.

— Из двух будет!

— Хорошо, из двух, — соглашается заметно приунывший здоровяк.

— Так, дальше.

— Тебе чего, Иван? — участливо спрашивает Борис.

— Все равно, — откликается несчастный влюбленный. — Давай чаю.

— Точно, всем чай с лимоном! — подхватывает Антон.

— Вы что, граждане, белены объелись? Какие вам зимой лимоны?

— Ладно, просто с сахаром, — мрачно говорит Павел.

— И по бутерброду с сыром, можно? — робко добавляет Нина.

— Сыра нет.

— А что же есть? — желчно вопрошает Антон.

— Портвейн есть — «Акстафа», «Солнцедар», плодоягодное.

— Этого пока не надо, — вздохнул Борис. — Не с чего...

— Тогда все, да, ребята? — Антон обвел приятелей глазами.

— Все?! — изумилась скатерть. — Тоже мне — клиенты!

На стол в беспорядке брякнулась кучка чайных ложек, солонка без соли и пустая сахарница.

— М-да, — раздумчиво произнес Борис. — Что-то здесь у них тоже еще не отлажено.

— А есть хочется, — тихонько вздохнула Нина.

Борис грозно глянул на сестру. Она умолкла. Иван вдруг вскочил на ноги, с грохотом уронив тяжелую табуретку.

— Все у них отлажено! Чародейство... волшебство... Видали, что они с Аленой сделали? Я к ним не на худсовет, я в прокуратуру пойду!

— И чего шумят, чего шумят, — снова раздался сварливый голос. — Нервы только портят! Вот вам заказ, успокойтесь! Было бы из-за чего шум поднимать...

На столе возникают пять сковородок с дымящейся обугленной яичницей и оловянная тарелка с грубо нарезанными ломтями усохшего хлеба.

— Мне бы только до директора этого НУИНУ добраться, — продолжает свой монолог Иван, рубя воздух руками.

— А вот этого совсем не надо, — негромко произносит Ковров, появляясь в дверях. За спиной его топчется Брыль. — Извините, что без приглашения. Еле вырвались. Что тут у вас происходит?

— словно бы пожар начинается, — вертя головой и принохиваясь, сообщает Брыль. Взгляд Коврова падает на стол.

— Ах, вон оно что... — Не раздеваясь, он с размаху бьет кулаком по скатерти.

— Чего шумите, граждане? — сейчас же отзывается сварливый женский голос.

— Ты что себе позволяешь? — свирепо рычит Ковров, выпячивая челюсть. — Ты чем гостей потчешь?

— Сейчас, сейчас, сию минуту, — испуганно шепчет Голос, и жуткие яичницы с ископаемым хлебом исчезают со стола, а скатерть переворачивается чистой расписной стороной. — Чего прикажете?

— Если еще раз себе позволишь такое... — гремит Ковров, раздеваясь.

— Виновата, виновата, зазевалась...

— Давай фирменную посуду, самовар и все, что к нему полагается! И быстро! Одна нога... или что там у тебя... здесь, другая — там!

— Сию минутку! — Перед изумленными москвичами на скатерти с молниеносной быстротой появляются: яичницы с ветчиной, пузатый кипящий самовар с заварочным чайником на конфорке, россыпь пузатых чашек на блюдцах, вазочки с вареньем, корзина дымящейся сдобы, сахарница и расписные деревянные ложки.

— Вот так! — удовлетворенно говорит Ковров и принимается с привычной сноровкой разливать чай.

— Здорово! — искренне воскликнула Нина.

Взрослые засмеялись, задвигались, подставляя чашки. Даже Иван присел к столу, выжидательно поглядывая на Коврова.

— Как вы это с ней ловко! — восхищенно сказал Борис.

— Нас она совершенно не слушалась, — признался Антон.

— Потачку ей давали, вот и не слушалась, — объяснил Ковров. — А у нас разговор короткий: чуть что не так — в нафталин, на вечное хранение. В сфере услуг, знаете ли, пока еще характер требуется. Не докажешь — не получишь!

— Теперь, наверное, полегче будет, когда палочку-выручалочку в строй введем, — вступил в разговор Брыль.

— Палочку-выручалочку? — переспросила Нина. — Что это?

— По номенклатуре — волшебная палочка, — объяснил Ковров, — незаменимая вещь для сферы услуг.

— Она действительно все может? — насторожился Иван.

Брыль, потягивая чай из блюдца, утвердительно кивнул.

— Не все, но очень многое, — уточнил Ковров.

— А где она, где? — не утерпела Нина.

— Как и положено — в ларце, — хитро прищурился через блюдце Брыль.

— А, знаю, — разочарованно протянула девочка. — Ларец на дереве, дерево на острове... В общем, разыгрываете, да?

— Ничего подобного, — улыбнулся Брыль. — Ларец в кабинете директора...

— Того самого, которого мне видеть не надо? — спросил Иван, глядя на Коврова.

Тот отодвинул чашку в сторону и сразу стал серьезным.

— Не которого, а которую. Кира Анатольевна Шемаханская. Крупнейшая величина в нашем деле, доктор наук, маг первой статьи. К ней ходить нельзя. Неизвестно, чем это может кончиться. И никому себя объявлять не надо. Алену спасти надо.

— Но как, как это сделать? — сдерживаясь, спросил Иван.

Ковров оценивающе посмотрел на него.

— Есть одна идея, но она требует хладнокровия...

Шемаханская стояла у окна, спиной к Сатанееву.

— Ансамбль, может, и неплохой, только странные они какие-то, — докладывал Сатанеев, сидя в кресле.

— В чем эта странность? — не поворачиваясь, осведомилась Кира.

— Без инструментов... и вообще... — Сатанеев пожал плечами.

— А хорошо поют?

— Алене Игоревне понравилось. Говорит — недурно.

— Ладно. Послушаем. Как она там?

Этот вопрос был задан с видимым трудом.

— Алена Игоревна? — сразу сладко запел Сатанеев. — Удивительно мила. Удивительно! После того... сами знаете... еще очаровательнее стала.

— Понятно, — резко прервала его Кира. — У вас все?

— Гм-гм, — прокашлялся зам. по общим вопросам. — Еще вот... Телеграмма от Киврина. Просит встретиться завтра. Приезжает восьмичасовым.

— Встречать не надо.

— Но он может сам добраться... до 24 часов.

— Примите меры, чтобы до этого срока он не появлялся в институте.

— Может быть, приказ об увольнении? — быстро спросил Сатанеев, раскрывая принесенную с собой папку. — Я готов взять на себя обязанности вашего зама по науке. Мне это будет нетрудно.

Кира, не оборачиваясь, покачала головой:

— Я не сомневаюсь, что науку вы легко победите, но не стоит вам обременять себя ею. Идите.

Сатанеев молча направился к двери. Уже выходя, обернулся и, увидев у окна строгий силуэт стоящей к нему спиной женщины, пробормотал еле слышно:

— У, ведьма!

Кира не обернулась. Только отражение ее лица в оконном стекле чуть дрогнуло в презрительной усмешке.

В избе завершается трудный разговор.

— Вот так-то, милый Ваня, — говорит Ковров. — Надежда, как видишь, только на тебя.

— Один всего поцелуй у нее выпросить, — проникновенно произносит Брыль. — Только один!

— Замолчи, Фома! — обрывает его Ковров.

— Фома в какой-то степени прав, — раздумчиво говорит Павел. — Действительно, один поцелуй...

— И все же непросто это, — вздыхает Борис.

Нина смотрит на всех любопытными глазами.

— Для нее это единственное спасение, — тихо напоминает Ковров.

— Я на все готов, — говорит Иван.

— Тогда пошли. — Ковров поднимается с места. — Худсовет скоро.

— А как же мы без инструментов? — спрашивает Антон.

— У нас в мастерской одна гитара есть. И потом, вы же на всем играть можете, — хитро улыбается Брыль, собирая со стола деревянные ложки.

Ковров аккуратно стучит согнутым пальцем по скатерти.

— Чего изволите? — немедленно отзывается укрощенный Голос.

— Сколько с нас?

— Четыре восемьдесят девять.

Ковров бросает на стол пятерку. Она мгновенно исчезает.

— А сдача где? — сурово произносит Ковров.

— Я думала, вы уже ушли, — обиженно произносит Голос.

На столе появляются десять копеек.

— Копейку давай! — неумолимо требует Ковров.

— А «пожалуйста» разве ничего не стоит? — робко спрашивает Голос.

Однако копейка появляется, правда, решеткой вверх.

— «Пожалуйста» у нас в ассортименте. — Непреклонный Ковров забирает копейку.

Дверь в директорский кабинет широко распахнулась.

— Пожалуйста, — радушно приветствовала «артистов» Кира. — Мы вас ждем.

— Давно, — счел необходимым добавить Камноедов.

Сатанеев недовольно завозился в кресле и повернулся к Кире, сидевшей рядом.

— Опять — без инструментов! — Он погрозил пальцем Коврову. — А ведь я распоряжение отдал!

Не слушая его, Кира слегка кивнула Алене.

— Что вы нам исполните? — любезно осведомилась Алена.

Иван, не отрывавший глаз от девушки, облизнул пересохшие губы:

— Одну песню, которую, возможно, вы вспомните...

— Обратите внимание, как он на нее смотрит, — возмущенно забубнил Кире Сатанеев. — Прямо даже... неприлично как-то!

— А мне молодой человек нравится. — Кира усмехнулась.

— Здесь мы с вами не совпадаем, — сердито буркнул Сатанеев.

Кира ничего не ответила.

Иван откашлялся и, по-прежнему глядя на Алenu, произнес:

— Песня о Снегурочке.

— Очень хорошо, — улыбнулась Алена и посмотрела на Киру. — Прямо для Нового года.

Неожиданно секретарша, сидевшая за спиной Киры, подалась вперед:

— Простите, можно спросить? Это для протокола...

— Да? — Кира недовольно обернулась.

— Как называется ансамбль?

Этот вопрос оказался для ансамбля явно неожиданным. «Артисты» начали шептаться.

Брыль и Ковров переглянулись.

Нина, отесненная шепчущимися мужчинами, вдруг повернулась к Кире и громко объявила:

— Ансамбль «Пятеро смелых»!

Мужская группа разом вздрогнула, распалась и произвольно выстроилась, поняв, что название у них уже есть. Исполнители выхватили деревянные ложки. Только Борис вытащил из-за спины старую, чудом склеенную гитару. Прозвучал сильный аккорд. Ударили ложки, потом вступили голоса. И зазвучала мелодия. Та самая, которую пели по телефону друзья Алене, которую слышал и сразу узнал Сатанеев, отчего он вздрогнул и поежился, внимательно следя за Аленой. Но на этот раз мелодия звучала не так дробно и весело, в ней слышалась грусть, тревога. Потом вступила Нина, и полилась песня о Снегурочке — холодной, прекрасной, гордой и недоступной, которая живет в самой глубине заповедного леса. Но почему по вечерам ее холодное сердечко сжимает тоска? И тогда она тихо выходит на опушку, таясь от лесных обитателей, от старого Деда Мороза, чтобы полюбоваться далекими россыпями огней человеческих городов, послушать голоса пролетающих самолетов и помечтать о ком-то, кого она еще и сама не знает.

Поют, слагая мелодию, мужские голоса, ведет песню Нина, и все участники этой сцены по-разному и с разными чувствами поглядывают на Алену. С надеждой и трепетом смотрит на невесту Иван. Подозрительно шарит глазами по лицам присутствующих Сатанеев, наливаясь злостью, косится на Киру — придет ли она ему на помощь в критическую минуту, если такая наступит. Ведь должна прийти, просто обязана!

Задумчиво смотрит перед собой Кира, лишь изредка вскидывая глаза на Алену, к которой обращена песня. И весь ансамбль смотрит на девушку. Смотрят Ковров и Брыль, ожидая ее реакцию, смотрит Нина. И только Камноедов ни на кого не смотрит. Он спит.

А Алена безмятежно и заинтересованно слушает. Лишь раз, в конце песни, пробежало по ее лицу легкое облачко, такое же неуловимое, как при встрече с Иваном у станции. Пробежало и исчезло.

Ковров отвернулся. Сатанеев облегченно вздохнул.

Песня кончилась.

Воцарилось молчание. Иван неотрывно глядел на Алену, а она повернулась к Кире. Но та сидела, задумавшись. Камноедов спал, и в наступившей тишине стало слышно, как он мерно посвистывает носом. Первой решила нарушить молчание Нина. Она шагнула вперед, оказалась рядом с Аленой и тронула ее руку:

— Вам не понравилось?

Алена обернулась к девочке:

— Нет, нет, очень... мило. Во всяком случае, ты просто молодец!

И, привстав с кресла, она поцеловала девочку.

Глаза Нины расширились. Схватив Алену за руку, она потащила ее за собой, к Ивану:

— Не меня, не меня! Его поцелуйте! Это он, он песню придумал, скорее, ну, прошу вас, очень прошу!

Ошарашенная таким напором, Алена сделала несколько шагов к Ивану.

Мужчины в «ансамбле» даже подались вперед. Иван замер. Но, сделав несколько шагов, Алена опомнилась, остановилась и вернулась назад.

Привставший было Сатанеев снова, со вздохом облегчения, уселся в кресло.

В неожиданно возникшей тишине прозвучал негромкий голос Киры:

— Спасибо. Мы сообщим вам свое решение.

В коридоре все обрушились на Нину.

— Тебя кто просил? — осведомился Борис.

— Ты нам все, наверное, испортила! — упрекнул Антон.

— Детям нельзя лезть не в свое дело! — рассудительно заметил Павел.

— Я... Я хотела как лучше! — защищалась Нина.

— Оставьте ее, — встал на защиту Нины Иван. — Она ведь от чистого сердца...

В кабинете директора Сатанеев метался от стены к стене, свирепо поглядывая на дверь.

— Как вам это нравится? — обратился он к Кире. — Неслыханно! Просто неслыханно! Ребенка явно подучили.

Кира пропустила эту реплику мимо ушей.

— Мне, в общем, нравится, — спокойно сказала она. — Оригинально, как вы правильно заметили. Не у всех на слуху. Надо, конечно, снабдить их инструментами и пригласить на завтрашний бал.

— После всего, что произошло? — возмутился Сатанеев.

— А что произошло? — слегка нахмурилась Кира. — Разве было что-нибудь недостойное, Алена Игоревна?

— Нет, — спокойно ответила Алена. — Я не знаю, почему наивный поступок девочки вызвал такую реакцию у Аполлона Митрофановича.

Сатанеев подошел вплотную к директорскому столу.

— Она не знает, — конфиденциальным тоном заговорил он. — Но мы-то! Ансамбль этот надо гнать в шею.

— И не только в шею, — уточнил Камноедов.

— Пригласите их на завтра и обеспечьте все условия. — Кира склонилась к лежащим на столе бумагам, давая понять, что разговор окончен.

Сатанеев развел руками. Члены худсовета начали расходиться. Сатанеев задержал Коврова и Брыля.

— Поручаю вам... Проследите за этими... артистами. Особенно за... Плюховым или как его там.

— Проследим, — коротко пообещал Ковров.

— Все сделаем в лучшем виде! — заверил Брыль. — Вы и знать ничего не будете... неприятного.

В коридоре Сатанеев остановил Алену:

— Очаровательница, я умоляю вас о свидании!

— Когда? — деловито осведомилась она.

— Сегодня вечером я мечтал бы видеть вас у себя. Нам ведь нужно закончить разговор, от которого зависит вся наша жизнь!

— Значит, это важный разговор?

— И вы еще спрашиваете!

— Заходите, — говорит Алена, решительно распахивая дверь своей лаборатории. — Я не люблю откладывать важные дела на вечер.

В мастерской волшебной древесины Брыль помогал Борису отбирать дерево для инструментов. Все участники ансамбля придирчиво осматривали материал.

— И чтоб сухое было, и волокна ровные, — наставлял Борис.

— Да у нас здесь все высшего качества! — кипятился Брыль. — Древесина экстра-класса! Из нее волшебную палочку делали, а не то что ваши балалайки!

— Дядя Фома, а я в кабинете ларец на столе видела! — подскочила к Брылю Нина. — Палочка-выручалочка там прямо и лежит?

— Там и лежит, — рассеянно ответил Брыль.

— А увидеть ее можно будет? — сгорая от любопытства, допрашивала Нина.

— Завтра увидишь, — рассеянно отвечал Брыль, наблюдая, как Антон и Павел отбирают необходимые инструменты.

Иван со стороны внимательно прислушивался к этому разговору.

— Это вот на барабан пойдет, — показывая Ивану кусок кожи, сказал Борис.

— Разорите вы меня, — горестно вздохнул Брыль. — Чистый шагреня! На барабан... Потом хоть верните, что останется.

— Не ной, — оборвал его Ковров, ходивший по мастерской из угла в угол. — Переживай молча! Думать мешаешь!

— Мы пошли, — объявил Борис, нагруженный деревянным хламом. — Всю ночь мастерить придется.

— Идите, — кивнул Ковров. — А ты, Ваня, останься.

Борис с товарищами направились к двери, навстречу им вошли, почти вбежали девушки-лаборантки из Алениной лаборатории, Верочка и Катенька. Катенька всхлипывала, утирая покрасневший носик крохотным платочком, превратившимся в мокрый лоскуток.

— Опять, — горестно всплеснул руками Брыль.

— Она нас выгнала, — объяснила Верочка. — Пришла... с этим... Сама как сатана... У меня сразу все из рук валиться начало... Я ее боюсь!

— Перестань, хватит, ты же знаешь, почему она такая, — успокаивала подругу Верочка.

— Все равно я не могу! — снова заплакала Катенька. — Она мне... говорит... безрукая!

— За что? — спросил Ковров.

— Она колбу разбила, — объяснила Верочка.

— Да-а. — Брыль истово почесал в затылке. — Прижмет нас Аленушка, если жениха не поцелует.

Ковров подошел к Ивану:

— Вот что, пойдешь на свидание с Аленой.

— Когда?! — встрепенулся Иван.

— Сегодня ночью. Но для этого надо тебе один трюк освоить...

В пустой лаборатории Абсолютных Неожиданностей Алена сидела на столе, а перед ней, нависая пылающим носом над ее прекрасными коленями, млел Сатанеев.

— ...Я еще не сказала вам «да», а вы уже разрешаете себе сцену ревности. Что же будет дальше?

— Вы разрываете мне сердце, прелестница! — стонет Сатанеев. — Я не могу смотреть, как он на вас смотрит!

— Фи, какой слог!

— Это от искренности и волнения.

— На меня многие смотрят.

— Но ведь и вы... Вы тоже смотрели на него.

— Что ж, должна вам сказать, в нем есть нечто привлекательное.

— Но что, что? — заламывая руки, вопит Сатанеев.

— Это я скажу вам позднее.

— Он проходимец! И ноги у него кривые.

— Разве? — улыбнулась Алена.

— Ну, может быть, не ноги, но все равно, он недостойн вас.

— Это другое дело, — соглашается Алена.

— Очаровательница! — почти всхлипывает Сатанеев и пытается обнять ноги Алены, но она ловко убирает их и грозит ему пальцем.

— Да, я согласна быть вашей женой, но при соблюдении определенных условий.

— Готов! Заранее готов на все!

— Во-первых, если вы не будете шалить...

Сатанеев поспешно принимает смирную позу.

— Во-вторых, нам нужна квартира из четырех комнат. Ваша годится только на первый случай. Потом мы должны посмотреть... Париж, Рим, Токио...

— Будет, будет! Все, что вы захотите, — с готовностью соглашается Сатанеев.

— Далее. Мне нужна должность заместителя директора по науке. Это в течение, скажем, полугода после брака.

— Любимица, а как же Киврин?

— Киврин? Это меня не интересует.

— Гм... Да... Впрочем, вы правы.

— Затем, в перспективе, через год-два, ваш и мой перевод в Москву.

Сатанеев молча кланяется.

— Договорились? — ослепительно улыбаясь, спрашивает Алена.

— Договорились, — сипло отвечает Сатанеев. — Позвольте ручку, мое сокровище.

— Нет, нет, не спешите. Это еще не все!

Алена танцующей походкой приближается к Сатанееву, на ходу включая магнитофон. Раздаются звуки музыки.

— Я хочу танцевать! — объявляет она и кладет руку на плечо Сатанееву.

Напряженно улыбаясь, он, с трудом перебирая ногами, начинает кружиться в вальсе. Темп нарастает. Это уже не вальс, а рок. Сатанеев задыхается.

— Пощадите, богиня! — молит он и валится в кресло.

— А вот теперь, — говорит Алена, продолжая танцевать вокруг рухнувшего кавалера, — я скажу вам, что привлекло меня в этом молодом человеке!

— Что же? — борясь с одышкой, спрашивает Сатанеев.

— Его молодость! Я хочу, чтобы и вы были молоды и могли танцевать со мной, пока я не устану!

— Вы шутите, любовь моя! Это невозможно! — в ужасе восклицает Сатанеев. — Молодость не возвращается!

— Можно вернуть утраченные силы, — возражает Алена.

— Но как, как? Говорите, я все сделаю.

— Тогда слушайте внимательно!

И Алена напевает лихую колдовскую песню про рецепт Конька-Горбунка. Она поет и танцует одновременно, прекрасная и страшная, как ведьма. В песенке говорится, как, не жалея себя, можно избавиться от груза лет, искупавшись в молоке и двух водах, в одной воде вареной, а другой — студеной. Песенка отчасти пародирует распространенную сегодня рецептуру омоложения и прерывается вопросами напуганного Сатанеева, которые вплетаются в ткань текста. Сатанеев все время пытается уточнить «степень риска». Алена отвечает ему, что риск есть, и немалый, но другого рецепта нет. Песенка заканчивается вопросом, готов ли он согласиться на все требования.

— Готов, — отвечает Сатанеев, закрыв глаза.

— Тогда подпишите. — Алена достает из стола плотный лист бумаги и протягивает его Сатанееву.

— Что это?

— Обязательство.

Сатанеев пробегает обязательство глазами.

— Хм... «Мы, нижеподписавшиеся»... хм... так... «лицензия»... так... «заместителем директора», так... «в Москву». И, наконец, последнее...

Он смотрит на Алену, весь охваченный сомнением, но, встретив ее насмешливый взгляд, быстро хватается авторучку и размашисто подписывает.

— Так... Кровью скреплять не надо, чернила надежнее. Теперь, дорогой, — произносит Алена, складывая бумагу и пряча ее в разрез платья, — я разрешаю вам припасть к моей руке.

Она протягивает руку. Сатанеев, пав на одно колено, надолго присасывается к ее ладони.

— Поскольку мой старичок вел себя хорошо и не упирался, — говорит Алена, — мы объявим о нашей помолвке завтра на новогоднем балу. И будем танцевать до упаду! — многозначительно добавляет она.

Иван в мотоциклетной каске, со следами извести на плечах, молча потирает ушибленную руку. Ковров, наверное, уже в который раз объясняет ему:

— Пойми наконец, для того чтобы проходить сквозь стены, нужно только три условия — видеть цель, верить в себя и не замечать препятствия. Понял? Вот, смотри.

Сделав рукой какое-то едва заметное движение, он ринулся прямо на кирпичную стену и легко исчез в ней. Потом так же легко появился и скомандовал:

— Давай, пошел!

Иван, сцепив челюсти так, что скулы побелели, бросился вперед и врезался в стену. Брыль вовремя подхватил его.

Сидящие на верстаке Верочка и Катенька тихонько прыснули.

— Не штурмуй стену, это не дзот, — принялся вновь объяснять Ковров. — Не замечай ее, понял?

— Понял, — отвечивал Иван и снова врезался в кирпич.

— Либо убьется, либо покалечится, — определил Брыль, которому изрядно надоело ловить Пухова.

Ковров насупился. Потом посмотрел на притихших девушек.

— Все понятно, — тяжело вздохнула Верочка. — Придется жертвовать собой. Пойду попрошусь к Алене в горничные на сегодня. С некоторых пор она это очень любит...

— Я с тобой, — тяжело вздохнула Катенька. — Ой, товарищи, когда-нибудь она меня заколдует, в прах обратит.

— Не бойся, восстановим, — пообещал Ковров.

— Мы дверь не запрем, — деловито сказала Верочка. — В кухонное окно фонариком помигаем, когда идти можно будет.

— Только пойми, Иван, во сне она прежняя, но если до поцелуя разбудишь — беды не миновать, — напомнил Ковров.

— Я помню, — кивнул Иван.

В своей квартире Сатанеев поздно ночью сидит за столом, заваленным справочниками и журналами. На коленях его лежит открытая «Медицинская энциклопедия». В руках у Сатанеева — ярко иллюстрированное издание «Конька-Горбунка». Он с ужасом рассматривает сочные изображения кипящих котлов с торчащими из них худыми ногами.

— Бух в котел — и там сварился... — дрожащим голосом произносит он, отшвыривая книгу и хватаясь за «Энциклопедию». — Ожог... третьей степени... Нет, это невысказано!

Сатанеев глубоко задумывается, вертя в пальцах большой карандаш, которым делал пометки. Неожиданно лицо его озаряется радостью:

— Кажется, придумал!

И перед мысленным взором Сатанеева возникает кованный ларец в кабинете Киры. Он видит, как медленно, словно во сне, открывается фигурная крышка ларца, из глубины его так же медленно и торжественно выплывает волшебная палочка, не отличающаяся внешне от карандаша в его руках.

— Нашел! — шепотом говорит он, прижимая дрожащими руками карандаш к бурно вздымающемуся животу.

Он подбегает к платяному шкафу, распахивает его, на миг замирает перед открывшимся большим зеркалом, хихикая, гладит обширную лысину:

— Обращусь в блондины! Или нет! В брюнетки, это благороднее...

Часы на стене бьют час ночи.

Иван протискивается сквозь полуоткрытую дверь в квартиру Алены. Его встречает всхлипывающая Верочка.

— Заснула? — шепчет Иван.

Верочка вздрагивает, судорожно зажимает ему рот и отрицательно качает головой.

Иван быстро прячется в стенной шкаф.

— Читай с выражением, — слышится из комнаты капризный сонный голос Алены. — И громче!

— В наступающем сезоне вновь будут модны расклешенные юбки, — дрожащим голосом читает Катенька, — с широкими корсетами из велюра, замши или иных плотных и красивых материалов.

— Что ты кричишь, как на базаре? — вновь недовольно бормочет Алена. — Тише читай!

Голос Катеньки сливается в монотонное бормотание.

— Где Вера? — снова вопрошает засыпающая Алена. — Пусть грелку в ногах поправит! И уходите обе, я спать хочу.

Девушки стремглав выбегают из комнаты. Дверь захлопывается. Наступает тишина.

— Если не расколдуют — уволюсь, — всхлипывает, спускаясь по лестнице, Верочка.

— Только б ему повезло, только б ему повезло, — твердит Катенька, семена вслед.

— Слушай, — говорит Верочка, оборачиваясь, — давай кулаки за него держать. Всю ночь!

— Давай! — соглашается Катенька. — Раз, два, три!

Они одновременно сжимают, вытянув вперед, кулачки и, закрыв глаза, обе шепчут одно желание:

— Только б ему удалось!

Иван выбирается из шкафа и входит в комнату.

Все вокруг освещено лунным светом. На узкой тахте крепко спит Алена, и во сне лицо ее прекрасно и грустно. Иван останавливается, залюбовавшись спящей, и вдруг непроизвольно, по-детски прерывисто вздыхает.

Алена пошевелилась во сне.

Иван вздрогнул, отступил за портьеру.

— Иванушка, — шепчет сквозь сон Алена.

— Аленушка моя, — говорит Иван, приближаясь к постели.

— Как хорошо, когда ты снишься, — шепчет Алена, улыбаясь.

— Милая моя, бедная. — Иван осторожно становится на колени рядом с кроватью.

— Мне плохо, Ванечка, родной, что-то со мной случилось... Я сама не своя... — По щеке Алены медленно скатывается слеза.

— Не думай об этом, все это наваждение, оно пройдет, обязательно пройдет! — быстро шепчет Иван, весь сжимаясь от жалости и нежности.

— Ты не уйдешь?..

— Нет, нет!

— Уйдешь... — слабо улыбаясь, произносит Алена, в улыбке ее грусть и безнадежность. — Ты теперь только во сне приходишь... Разлюбил Иванушка Аленушку...

— Я люблю тебя, я тебя еще больше люблю, — говорит Иван.

— Какой хороший сон! — Алена закидывает руки за голову. Лицо ее, озаренное лунным светом, на миг становится по-настоящему счастливым, как в первых эпизодах фильма.

— Поцелуй меня, Аленушка, — тихонько просит Иван. — Проснешься, и все будет, как прежде...

— Нет, нельзя, Иванушка, нельзя, я боюсь просыпаться...

— Ты ведь никогда ничего не боялась...

— А теперь боюсь, себя боюсь.

Иван беспомощно оглядывается. Тишина. Уютная девичья комната в лунном свете. Он снова склоняется к Алене.

— Помнишь, как ты меня в первый раз поцеловала?

Нежно, ласково улыбается Алена.

— Мы танцевали... такая красивая мелодия. — Тихо-тихо она пропела несколько тактов. — Ты придумал слова... для меня...

И, словно разбуженное воспоминание, мелодия, напетая Аленой, зазвучала в светящейся лунными бликами комнате.

— Ты поцеловала меня первая, — шепчет Иван. — Я никак не мог решиться...

— Да...

— Поцелуй еще раз, как тогда...

— А ты спой, — просит Алена еле слышным голосом, пробивающимся сквозь мягкую пелену сна. — Спой...

И, присоединяясь к уже звучащей мелодии, Иван тихонько начинает песню — сначала он только говорит, произнося слова в такт музыке, потом тихонько поет. Песня словно обволакивает Алenu, заполняет собой комнату. Конкретные очертания предметов растворяются в лунном сверкании, и остаются только Иван и Алена да песня о любви.

— Пой, Иванушка, — улыбаясь, шепчет Алена. — Как легко мне... как спокойно... как радостно...

Мягко искрятся сугробы за окном, спит заснеженный, вольно раскинувшийся старинный город, звучит тихая песня.

Две фигуры у подъезда разом подняли головы и прислушались.

— Он что, чокнутый?! — растерянно спросила фигура повыше.

— Что влюбленный, что чокнутый — для медицины безразлично, — ответила вторая, более округлая фигура. — А вот радикулит или пневмония — это нам с тобой на выбор после такой ночи...

Еще звучит мелодия песни, и лунный свет в комнате еще не раскрыл реальных очертаний предметов.

— Поцелуй меня, — просит Иван, ближе склоняясь к Алене.

— Да, да, — шепчет она и тянется к нему руками. — Сейчас, может быть... Да... Только пой мне, прошу тебя...

И снова, повтором, звучит припев.

Сатанеев в лыжной куртке с низко надвинутым капюшоном осторожно перешагнул порог своей квартиры и... шарахнулся. Прямо перед ним на лестнице, занеся лапу, замер черный кот Киврина.

— Брысь! — прошипел зам. по общим вопросам. — Брысь, поганая!

Алена, улыбаясь с закрытыми глазами, положила руки на плечи Ивана. Их губы сближаются и вот-вот сомкнутся.

Сатанеев сделал неловкое движение. Кот вскочил. Дверь оглушительно хлопнула. Сатанеев, опережая кота, пулей помчался по лестнице вниз. Кот с отвратительным мявом рванул вверх.

Мимо Коврова и Брыля проскочила черная фигура. Она шарахнулась за ближайшее дерево.

Алена разом отпрянула от Ивана и открыла глаза.

— Ой! Вы кто?! — Она села в постели, одной рукой оттолкнула Ивана, другой резко натянула на грудь одеяло. — Как вы сюда попали?

— Алenuшка, — схватив конец одеяла, воскликнул Иван.

— Прочь руки! — взвизгнула, окончательно проснувшись, Алена и, вцепившись в одеяло обеими руками, толкнула Ивана ногой.

Он рухнул на пол и забормотал, торопясь подняться:

— Подожди... Вспомни... Я ж твой Иванушка... Ты ж должна меня поцеловать...

— Что?! — Алена, гневная и возмущенная, вскочила с постели, забыв про одеяло. — Вон отсюда!

Иван, тоже успевший вскочить, остолбенел при виде ее гнева и едва прикрытой наготы.

— Прочь! — наступала Алена. — Чтоб духу твоего здесь не было, дрянной мальчишка!

— Дай объяснить... Дай ты мне хоть слово сказать...

— Убирайся, пока я не превратила тебя в насекомое! — кричит Алена, поднимая руки.

Иванушка, размахивая руками, с бешеной скоростью устремился спиной вперед, чудом отворил входную дверь.

Вторая фигура промелькнула мимо Коврова и Брыля.

— Ничего не понимаю, — признался Ковров.

Поднявшаяся буря понесла Ивана по пустой улице, закружила на поворотах, не давая остановиться. Пролетев в вихре колдовского бурана, Иван рухнул в снег среди припаркованных машин. Ветер, словно по мановению, сразу прекратился. Вновь наступила тихая зимняя ночь, освещенная мирной луной. Иван протер глаза. Номера у машин вокруг были, естественно, разные, но что-то их объединяло. Приглядевшись, он увидел: «МНУ», «ГНУ», «ПНУ», «РВУ», «ТРУ», «РЖУ», «ЛАЮ». Рядом стояли «БИМ» и «БОМ», а также «САМ» и «ХАМ». А за стоянкой возвышалось темное здание НУИНУ.

— Вот вы, значит, какие здесь чародеи, изобретатели волшебных палочек, — закипая гневом, обратился к заснеженным машинам Иван. — Ну, ничего! Я вам покажу, как чужих невест заколдовывать!

Он погрозил зданию кулаком.

— Значит, так. Видеть цель — ларец на седьмом этаже в кабинете директора. Верить в себя — этого у меня сейчас хоть отбавляй. Не видеть препятствий — чихать я хотел на все препятствия!

Разбежавшись, он врзался в стену НУИНУ и... исчез в здании. Только человеческий силуэт еще несколько секунд теплился на бетонной панели.

Почти одновременно в здание института вошел Сатанеев, но менее трудоемким способом. У вертящихся турникетов в вестибюле его встретили два мрачных ифрита с саблями наголо и разом спросили сиплыми голосами:

— Пароль!

— План по валу! — глухо отозвался Сатанеев из-под капюшона.

— Вал по плану, — хором сказали ифриты, убирая сабли. — Проходи.

Алена, все еще в возбуждении, расхаживает по квартире, выходит в коридор, тщательно осматривает входную дверь:

— Интересно, как он сумел проникнуть? Неужели девчонки? Вряд ли... Не такие они все-таки дуры... Разве что дверь могли по разгильдяйству не запереть... Как же он отважился... этот Пухов... Что это — наглость или действительно...

Она возвращается в комнату. Стоит в задумчивости:

— Стоит ли рассказывать обо всем Сатанееву?

Разбрасывает одним движением по столу карты, разглядывает их расклад:

— Правильно, пока не стоит. Лишнее знать всем вредно. А ему особенно.

Алена прыгает в постель, забирается под одеяло:

— Куда теперь занесло этого сумасшедшего мальчишку?..

А «сумасшедший мальчишка» весь в мелу и известковой крошке стоял тем временем в коридоре, соображая, куда идти.

— Так, — сказал он сам себе. — Кабинет должен быть там.

Из-за угла, держась за стенку, вышел представитель Кавказа с неизменным портфелем в руках. Увидев Ивана, он радостно вскрикнул и бросился к нему. Иван вздрогнул, заведя бегущего.

— Человек! — кричал представитель. — Товарищ! Где тут выход?

Недолго думая, Иван врезался в ближайшую стену и пропал в ней. Представитель Кавказа остановился на том месте, где только что была человеческая фигура.

— Мираж... — тоскливо произнес он. — Галлюцинация. Опять нет выхода. Эй, кто-нибудь-у-удь?

Сатанеев открывал ключом дверь директорского кабинета.

Иван проник в кабинет сквозь противоположную стену.

Легкий шум, которым сопровождалось это проникновение, заставил Сатанеева вздрогнуть. Он скользнул в кабинет, оставив ключ в замочной скважине с внешней стороны, и затаился, прячась за открытой дверью.

В свою очередь Иван тоже замер, спрятавшись за спинкой большого кресла, напуганный позвякиванием качающегося ключа.

В помещении было темно. Только едва тлеющие угли в большом камине бросали красноватые отблески на полированную мебель.

Наконец ключ в замке перестал качаться.

С разных сторон соперники двинулись в темноте туда, где, по их мнению, должен был находиться ларец с волшебной палочкой. Мягкий ковер совершенно заглушал шаги.

Две руки одновременно с разных сторон прикоснулись к резным бокам ларца, осторожно заскользили по направлению к крышке, и вот — пальцы их встретились.

В темноте послышались два вскрика ужаса, слившихся в один. Похитители разом отскочили.

— Кто здесь?!

Но, так как вопрос был задан одновременно и голоса слились, обоим показалось, что они слышат только собственный голос. Дрожащие пальцы вновь потянулись к крышке ларца, распахнули ее. Две руки сунулись в обитую бархатом глубь и схватили палочку, сразу сжав ее в кулаках, причем один кулак оказался наверху, а другой — внизу. Первый принадлежал Ивану, второй — Сатанееву. Оба вцепились мертвой хваткой. И, выхватив палочку из ларца, закружились по комнате.

Со стороны движения их очень напоминали какой-то модерный танец. Выглядело это так потому, что каждый, желая завладеть палочкой и отбросить противника, лупил в темноту свободной рукой, наносил в разные стороны удары ногами и извивался всем телом. Но удары не достигали цели, так как оба сжимали палочку в правом кулаке и тела противников находились в стороне от прямых попаданий.

Дерущиеся рывками приближались к стене, отделявшей кабинет от приемной. Почувствовав это, Иван рванулся. Резко бросившись вперед, он прошел сквозь стену. Сатанеев грузно врезался в препятствие и упал на ковер.

От сотрясения дверь, мягко повернувшись на хорошо смазанных петлях, захлопнулась. Щелкнул замок. Мелодично звякнули ключи в замке.

В избяной комнате, несмотря на поздний час, всю кипела работа. Изготавливались инструменты для ансамбля. Гнулись, полировались, склеивались кусочки дерева, натягивались струны, пробовались смычки, и уже звучала веселая песенка о скрипках и барабанах в ловких руках, которые все могут поправить, сделать и починить.

Ярко горел огонь в печи, где в глиняных горшочках кипели разноцветные лаки.

Обнаженный по пояс Борис, зверски сморщившись, орудовал ухватом, подпевая товарищам гулким басом.

Приплясывая, подвязавшись импровизированным передником, лакировал свои барабаны маленький юркий Антон.

А Нина, которой давно пора было спать, танцевала что-то лихое на широченной лежанке за спиной Бориса.

Увлеченная общей творческой атмосферой, скатерть-самобранка приставала к людям:

— Борис Николаевич, откушайте чайку!

— Спасибо, не хочется, — отвечивал Борис.

— А вы с пряником. Сестричку угостите.

— Спит она, — уверял Борис, не замечая лукавых улыбок вокруг.

— Тебе, Антошенька, на поправку идти надо. Садись, покушаешь! — манила скатерть.

Но Антон ничего не слышал, выбивая свои дробы и брейки.

— Эх, — сокрушалась старая скатерть. — Приходите, тараканы, я вас чаем угощу...

Распахнулась дверь. В морозном пару появились Ковров и Брыль.

— Иван не возвращался? — с порога спросил Ковров.

Ребята переглянулись.

— Случилось что-нибудь? — встревоженно спросил Борис.

— Случилось, случилось... — закивал Брыль.

Из избы, возбужденно галдя, вывалилась группа людей, одеваясь на ходу.

Сатанеев со стоном очнулся после удара о стену. Сел, пошарил вокруг себя руками, потом, окончательно опомнившись, резко вскочил.

На полу валялся пустой ларец. Сатанеев поднял его, запустил внутрь обе руки.

— Унес? Унес... — прошептал он, оглядываясь, и пошел... к двери. Дверь не открылась. Несколько секунд он, еще не понимая, дергал ручку, потом ударился в дверь всем телом, отлетел и встал как вкопанный. Из груди его вырвался сдавленный вопль.

— Пропал! Вот теперь — пропал!

Запахавшись после долгого бега, Иван вошел в пустую избу. В печи горел огонь, в беспорядке валялись незаконченные инструменты.

— Прошу к столу! — сладко пропела скатерть. — Что кушать изволите?

— Потом, потом! — отмахнулся Иван, сбрасывая испачканную кирпичом и известкой шубу.

Торопясь, он выхватил из-за пазухи волшебную палочку, с удивлением посмотрел на нее:

— Вылитый карандаш! Ладно, лишь бы работала...

И, зажмурившись, шепча что-то, резко взмахнул рукой с зажатым в ладони «карандашом».

Из противоположных улиц навстречу друг другу, разводя руками, выходят «поисковые группы». Одна во главе с Ковровым, другая — с Брылем. Встретившись, они молча топчутся на месте, решая, что предпринять, дыша на руки и по-извозчичы похлопывая себя по бокам.

— Смотрите! — вскрикивает Нина, указывая на избу-музей.

Из трубы вырвались клубы черного дыма. В окнах вспыхивали красные сполохи. Окрестные вороны, разбуженные небывалым зрелищем, кружили над ней в темном небе.

Не сговариваясь, все рванулись к избе.

Ковров рывком распахнул перекосившуюся дверь избы. Комната была полна дыма. Повсюду валялись и торчали дыбом сорвавшиеся с мест предметы, поломанные заготовки инструментов.

На потолке, рядом с лампой, отчетливо виднелись рубчатые следы ботинок.

Посреди избы стоит Иван в порванной рубахе с занесенной рукой. В кулаке зажата волшебная палочка.

— Прекрати безобразия! — резко приказывает Ковров.

В комнату вваливается вся компания, по-разному реагируя на царящий здесь разгром.

— Давай сюда палочку! — Ковров подходит к Ивану. Тот пятится.

— Верните палочку, Ваня, — тихо советует Брыль.

Иван энергично качает головой:

— Пока Алена не расколдуется...

— Брось дурака валять! — уже сердито говорит Ковров и делает еще шаг к Ивану.

— Лучше по-хорошему отдай, — просит Брыль и тоже шагает вперед.

Друзья Ивана в растерянности переглядываются. Могучий Павел на всякий случай протискивается поближе.

— Назад... — тихо говорит Иван. — Назад! — диким голосом кричит он и заносит палочку над головой.

Ковров заслоняет лицо, а Брыль стремительно ретируется в сени.

— То-то... — тяжело говорит Иван. — И не лезьте, и не пробуйте. Я, может, утром с этим предметом в НУИНУ пойду. И там такое устрою...

— Одну минуту, — вмешивается рассудительный Павел. — Давайте разберемся. Вы не возражаете?

— Ладно, — кивает Ковров. — Пусть только постоит спокойно.

— Постоишь? — спрашивает Павел Ивана.

— Постою...

Павел отходит, уступая место Коврову.

— Где ты палочку взял? — начал Ковров.

— В кабинете.

Ковров и Брыль переглянулись.

— Прошел все-таки... — Ковров улыбнулся. Брыль одобрительно закивал.

Иван никак не прореагировал.

— А теперь убери этот свинарник. Сделай вот так. — Ковров машет рукой в воздухе. — Знак Зорро! Видел в кино?

Иван неуверенно чертит латинское «зет». Раздается треск. Горница наполняется клубами зеленоватого дыма. Все кашляют. Дым рассеивается. Разгром и беспорядок исчезают без следа. Предметы вновь стоят по своим местам.

Словно по уговору, все присутствующие садятся рядом на скамье.

— М-да, — произнес Ковров.

— Дела-а, — со вздохом откликается Брыль.

— Черт бы вас всех побрал, товарищи маги и чародеи, — с тихим отчаянием говорит Иван.

Он смотрит на волшебную палочку. Затем не глядя молча протягивает ее Коврову.

Ковров, помедлив немного, берет ее из пальцев Ивана и смотрит на Брыля. Брыль энергично кивает несколько раз, показывая глазами на Ивана, поворачивается к его друзьям и поднимает большой палец.

— Вот и ладно, — говорит Ковров, поднимаясь. — Вот и хорошо... И ты не кручинься, Ваня. Рано еще кручиниться. К Шемаханской завтра вместе пойдем. И палку я назад в ларец положу. Вот сейчас прямо пойду и положу.

Он направляется к двери, оборачивается, договаривает:

— Ты не сожалей, что отдал ее, волшебницу.

— А, волшебница, — пренебрежительно машет рукой Иван. — Грохоту много, а пользы никакой.

— Не скажи! — усмехается Ковров и мягко взмахивает волшебной палочкой.

В горнице слышится тонкий, щемящий, мелодичный звук. На столе и на полу появляются новенькие блестящие инструменты — полный набор. Друзья Ивана вскочили со скамьи.

— Вот здорово!

— Смотри!

— Высший класс!

— А это что? — спрашивает Борис, вертя в руках длинную бумажку.

— Счет, — поясняет Брыль. — А вы как думали!

— Поймите, палочка для услуг создана, — поясняет Ковров. — А в человеческих чувствах только люди разбираться могут.

Ковров и Брыль вышли. В сенях Иван догнал Коврова:

— Витя, я сказать забыл. Там, в кабинете, сидит кто-то.

— Кто? — насторожился Ковров.

— Не знаю. Лицо закрыто и руки холодные.

— Там камин теплится? — поинтересовался Ковров.

— Да.

— Ясно, — усмехнулся Брыль. — Монах.

— Какой монах? — не понял Иван.

— Да так, ерунда, — отмахнулся Ковров.

— Простое лабораторное привидение, — уточнил Брыль. — Они к теплу тянутся.

К этому позднему времени Сатанеев, запертый в кабинете, успел пройти все этапы отчаяния. Теперь он сидел у камина, обхватив голову руками, в полной прострации.

Ковров и Брыль приближались к кабинету директора.

— У-у-у! — послышалось откуда-то из глубины здания.

— Ишь, как завывает! — заметил Брыль, поеживаясь. — Вечно эти... из лаборатории Силы Духа... натворят, потом забывают.

Ковров ничего не ответил, только погрозил Брылю кулаком, чтобы тот замолчал.

Две темные фигуры неожиданно возникли в кабинете перед Сатанеевым, и он замер с поднятыми руками, втянув как можно глубже в плечи покрытую капюшоном голову. Ковров дунул в его сторону. Сатанеев пошатнулся. Он был близок к обмороку.

— Монах и есть, — уверенно сказал Ковров, направляясь к ларцу.

— Типичный монах, — вздохнул Брыль, оставаясь поодаль.

Ковров положил в ларец волшебную палочку и, спокойно пройдя мимо Сатанеева, причем тот опять пошатнулся, поманил Брыля за собой.

— Может, развеешь его, Вить? — спросил Брыль.

— К утру сам рассеется, — безразлично ответил Ковров, и оба исчезли из комнаты.

Сатанеев, едва переставляя ноги, покачиваясь, подошел к ларцу, причем руки он не опустил, а так и держал над головой, готовый сдать его опять любому вновь прибывшему. Крышку ларца он поднял локтем. Потом склонился и только после этого полез в ларец рукой. Выхватил палочку, поднес к глазам, быстро метнулся к камину, чтобы было светлее.

— Она? Она... Она!!!

Согнувшись, как солдат под огнем, он подбежал к двери, твердя на ходу:

— Хочу, чтоб открылась, хочу, чтоб открылась...

При его приближении дверь медленно отошла. Звякнули забытые снаружи ключи. Сатанеев схватил их, судорожно стиснул в потной ладони, потом осторожно опустил в карман и выпрямился. Он приходил в себя.

Подойдя к ларцу, уже почти спокойно достал из кармана свой карандаш, положил его в ларец и, спрятав в карман волшебную палочку, направился к выходу.

Оказавшись на улице, Сатанеев, воровато оглядываясь, вновь извлек волшебную палочку:

— Чего бы еще... Так. Хочу оказаться дома.

И он зажмурился, ожидая полета, переброски через нуль-пространство или чего-то подобного. Однако ничего не произошло. Послышался шум машины, и сонный голос за его спиной произнес:

— Такси заказывали?

Потрясенный Сатанеев быстро юркнул в теплую машину:

— Улица Луговая, дом...

— Знаю, — сурово перебил его водитель, и машина рванулась.

Остановившись перед домом, таксист выключил счетчик.

— Семьдесят восемь копеек, — твердо сказал он.

Сатанеев протянул рубль и полез из машины. Он уже направился к парадному, когда таксист окликнул его, протягивая что-то на ладони.

— Двадцать две копейки сдачи! — тоном, не терпящим возражений, объявил он.

Такси отъехало. Сатанеев в недоумении разглядывал горстку мелочи:

— Что ж это получается? Чудеса за наличный расчет? Интересно, во сколько обойдется мое омоложение с помощью сферы услуг?

Стол Сатанеева еще больше завален книгами. На самом видном месте стоит электронный калькулятор. Сатанеев занят подсчетами:

— Так... Серные бани... Теперь кабинет красоты... Итого... — Сатанеев склоняется над калькулятором. — М-да, солидно. Но ничего не поделаешь.

Он вскакивает и принимается расхаживать по комнате:

— Нет, Алена Игоревна, многие ваши рецепты безнадежно устарели! Завтра вы в этом убедитесь!

Он подбегает к столу и заглядывает в обязательство.

— Так, этот пункт ясен, этот тоже... М-м-м... Зам. по науке... Это, пожалуй, сложнее всего... Шемаханская никогда не согласится... А что, если... — Сатанеев внимательно смотрит на волшебную палочку, лицо его постепенно расплывается в улыбке. — Алена будет замом по науке, только не Шемаханской — к черту Шемаханскую! Она должна быть моим замом! Нет, положительно, сегодня счастливая ночь!

Возбужденно напевая что-то бравурное, Сатанеев выходит в переднюю, быстро одевается и, подмигнув своему отражению в стенном зеркале, говорит весело:

— А теперь — вперед! К хорошему самочувствию, силе, молодости, успеху и танцам до упаду!

Тут настроение его неожиданно портится.

— Однако все это изрядно стоит, — говорит он, прихватывая на всякий случай тубик с валидолом. — Ох, не доработано еще многое, не доработано! Стану директором — обязательно поставлю вопрос...

Сатанеев побряхтел:

— Ну, ни пуха ни пера, Аполлон!

Он оглянулся.

— Вот она — жизнь холостяцкая, — некому даже к черту послать! — С этим он взмахнул палочкой и тут же исчез.

Утро. По коридорам НУИНУ решительным шагом идет группа «ансамбля» во главе с Ковровым и Брылем. Они входят в приемную директора.

— У себя? — коротко осведомляется Ковров.

— Да, но... — Секретарша с протестующим жестом поднимается с места.

— Заходи! — распахивая перед Иваном дверь, командует Ковров.

«Ансамбль» преграждает путь возмущенной секретарше.

Кира Анатольевна удивленно поднимает глаза. Ковров останавливается поодаль, Брыль жметя у двери. Иван подходит к столу, за которым сидит Шемаханская.

- Верните мне невесту! — срывающимся голосом, но твердо говорит он.
- Что? — изумленно переспрашивает Кира.
- Он просит вернуть невесту, — вступает Ковров.
- Какую невесту? — не понимает Шемаханская.
- Алену Игоревну Санину, — твердо говорит Ковров.
- Да, ее, — два раза кивнув, подтверждает Иван.

Кира Анатольевна несколько мгновений осматривает вошедших. Иван стоит как скала. Ковров смотрит, угрюмо склонив голову. Брыль у дверей сжимается в комок.

- Оставьте нас вдвоем, — говорит Коврову Шемаханская.
- Но... — начинает было Ковров.

— Идите! — не обращая на него внимания и глядя только на Ивана, говорит Кира и кивает Ивану на кресло. — Садитесь.

Вышедших из кабинета бледных Коврова и Брыля сразу обступили друзья Ивана.

- Что?
- Как там?
- Не знаю, — грустным голосом произносит Ковров. — Готовьтесь к худшему.
- Может, нам войти? — спрашивает Борис.
- Стойте уж! — осаживает его Ковров.
- Вас там очень испугались! — иронически произносит Брыль.
- Какое безобразие! — поджав губы, цедит секретарша.

В кабинете Кира Анатольевна, покинув стол, стоит у окна в своей любимой позе, отвернувшись от собеседника и глядя вдаль. Рядом стоит Иван. Чувствуется, что ему хочется взять и повернуть директрису к себе лицом.

— Я не могу снять с нее Заклятье Зимнего Сердца, — негромко говорит Кира. — Оно наложено справедливо.

- Как вы можете так говорить! — вспыхивает Иван. — Да вы не знаете Алену!

Кира бледно улыбается:

- А вы? Вы уверены, что знаете ее до конца?
- Она чистый, прекрасный человек, и я люблю ее!
- Я верю вам и понимаю вас. Но все останется как есть.
- Да почему, в конце концов, почему?
- Потому что она все равно выйдет замуж не за вас.
- За этого, как его там, Осатанелова? Да если б только она не была вами

заморожена...

- При чем здесь Сатанеев... Это — ее кара.

— Или ваша месть!

— Нет. Она сама выбрала свой путь. Это только результат предательства.

— Кого же она предала?

— В первую очередь вас, как я теперь понимаю.

— Мне надоели эти загадки! — вскричал наконец Иван и, взяв Киру за локоть, осуществил свое намерение — повернул ее лицом к себе.

Кира качнулась, глаза ее изумленно расширились, и она внимательно посмотрела на раскрасневшееся лицо Ивана.

— Я обыкновенный человек! — продолжал он. — Мне непонятны ваши сложности и намеки. Расколдуйте ее, пусть она только меня вспомнит — я сам с ней все решу!

— Пустите, вы делаете мне больно! — Кира вырвалась из рук Ивана. — Поймите, что вспомнит она не только вас! Хотите вы этого?

— Хочу!

— Но я не хочу!

— Все равно я вас заставлю! — выкрикнул Иван, бросаясь к двери.

— Пойдите! — сказала Кира.

Она привыкла, что одного ее слова всегда было достаточно, чтобы люди подчинялись. Но Иван продолжал нестись к двери. И тогда Кира бросилась вслед за ним:

— Подождите же вы, неистовый Иван!

Она крепко схватила его за руку и повернула к себе лицом так же, как он за минуту до этого.

— Я хотела вам сказать, что... понимаю вас. Послушайте меня. Уезжайте! Здесь ничего уже не поправишь. Поверьте, будет только хуже, если вы добьетесь своего.

— Кому хуже? — спросил Иван, останавливаясь.

— Вам и... мне.

Он вышел из кабинета.

В приемной к Ивану бросились толпой друзья. Ковров схватил его за плечи, легонько встряхнул и заглянул в глаза. Иван ответил отсутствующим взглядом.

— Ты меня помнишь? — с тревогой спросил Ковров.

— Помню... — кивнул Иван.

— А он кто? — ткнув пальцем в сторону, продолжал Ковров.

— Фома... Брыль.

Ковров со вздохом облегчения отпустил Ивана:

— Все в порядке. Обошлось.

Все набросились с вопросами.

— Ну, что?

— Как она?

— В гневе была?

— Сердилась, кричала?

Иван вдруг улыбнулся:

— По-моему, она испугалась.

— Это ты брось, — улыбаясь, покачал головой Ковров.

Секретарша жадно прислушивалась к их репликам.

Дверь отворилась, и в приемную заглянула Алена. Разом все примолкли. Окинув взглядом пеструю компанию, Алена танцующей походкой направилась к кабинету директора.

— Кира Анатольевна занята, — сухо сказала секретарша.

— Но меня вызывали, — возразила Алена, берясь за ручку двери.

— Это Аполлон Митрофанович просил вас зайти.

Алена остановилась в недоумении:

— Аполлон... Митрофанович? Странно. Обычно он сам...

— Не знаю, передаю, приказано, — независимо произнесла секретарша.

— Гм... Приказано, — нахмурилась Алена. — Впрочем, если он передумал...

Она резко обернулась к Ивану и сразу расцвела улыбкой:

— Здравствуйте! Я вас сразу и не узнала! Как вы себя чувствуете?

Иван вздрогнул:

— Здравствуй... те!.. Спасибо... хорошо. Очень хорошо!

— Я, конечно, погорячилась, но и вы, знаете ли! — Алена укоризненно покачала головой. — Что, в Москве теперь модны поздние визиты?

— Нет... — запинаясь, пролепетал Иван. — Я, знаете... гулял и... размечтался.

— Да, город наш располагает к прогулкам и мечтам, — снисходительно кивнула Алена. — Кстати, близится новогодняя ночь, а в это время, как известно, сбывается даже самое несбыточное. Так что желаю вам...

— Вы мне... желаете? — недоуменно переспросил Иван.

— А почему бы нет? — очаровательно улыбнувшись, Алена исчезла за дверью.

Все переглянулись. Толкаясь, награждая Ивана восторженными тумаками, вывалились из приемной. В коридоре еще затухал стук Алениных каблучков.

— Кажется, лед тронулся! — в восторге прошептал Брыль.

— Определенно! — кивнул Борис.

Обмен впечатлениями продолжался.

— Ты видел, как она смотрела?

— А улыбалась!

— И разговаривала...

— Может, Кира? Решилась все-таки...

— Нет, сама оттаивает.

— Слушай, все проще! — сказал Ковров. — По-моему, ты ей заново начинаешь нравиться.

— Ну да! По второму разу, — поддержал Брыль.

Алена вошла в кабинет Сатанеева и остановилась в дверях.

— Вы меня вызывали? — официально осведомилась она.

— Что вы! — прячась за дверцей шкафа, простонал Сатанеев. — Кто посмел так исказить форму моей нижайшей просьбы! Я только хотел продемонстрировать...

— Что именно?

— Вот! Результаты, так сказать, усердия...

И с этим он выступил из укрытия.

Алена обомлела. Перед ней стоял худощавый, затянутый в невообразимо модный костюм мужчина. Голова его была украшена иссиня-черной шевелюрой, волосы свисали до плеч, под носом угрожающе торчали стреловидные усы, на подбородке располагалась козлиная эспаньолка. Сатанеев вполне соответствовал облику рокового соблазнителя, каким его представляли в каратыгинских водевилях.

— Это... вы? — отступая на шаг, спросила Алена.

— Конечно, я! — раскрыл ей навстречу объятия преображенный Сатанеев.

Алена взвизгнула и отскочила.

— Что с вами, мое сокровище? — недоумевал Сатанеев, стоя с распростертыми руками. — Все сделано по вашим советам... По рецептам, так сказать... этого самого...

С потолка неожиданно послышался голос Киры, усиленный динамиками внутренней трансляции:

— Внимание! От имени руководства института поздравляю всех сотрудников с наступающим Новым годом! Всем прекратить работу и опечатать служебные помещения. До встречи в актовом зале на новогоднем балу!

Алена, гневно глядя на растерянного Сатанеева, топнула ножкой:

— Немедленно отправляйтесь!

— Куда? — не понял Сатанеев.

— В парикмахерскую, старый козел!

Ко входу в НУИНУ подходит Киврин. За плечами его — большой и, видимо, тяжелый рюкзак. Киврин облегченно вздыхает, направляется к двери. В дверях его задерживает Камноедов.

— Здравствуйте, Юлий Цезаревич, — улыбаясь, приветствует его Киврин. — С наступающим вас...

Он собирается пройти в дверь, но натывается на каменно стоящего Камноедова.

— И вас также, — без улыбки произносит Камноедов, не двигаясь.

— Позвольте пройти, — все еще улыбаясь, просит Киврин.

— Не могу.

— То есть как?

— Прав не имею.

— Вы что, не узнаете меня?

— Узнал, потому и не имею.

— Это что за новости? С каких пор...

— С момента поступления соответствующего распоряжения.

— Распоряжения? От кого?

— Сверху, — лаконично заявляет Камноедов и, полагая, что разговор окончен, закрывает перед носом Киврина дверь.

— Нет, вы погодите! — возмущается зам. по науке. — Мало того что не встретили, так еще дверь закрывать! Как вы смеете! Я... Я... Я не знаю, что с вами сделаю.

— Не знаете, так не говорите.

К подъезду НУИНУ подъезжает машина. Из нее торопливо выбирается Сатанеев. Увидев бушующего Киврина, он вздрагивает и старается проскочить незамеченным, но Киврин хватает его за полу.

— Аполлон! Уйми ты своего цербера. Он что, хватил прежде времени?

— Простите, уважаемый, — осторожно высвобождается Сатанеев. — Я, так сказать, не уполномочен... Не мой департамент... Я по общим вопросам, а здесь, видите ли, дело частное, конкретное.

Ошарашенный Киврин отпускает Сатанеева, и тот стремительно проскакивает мимо Камноедова, шепча на ходу:

— Не допускать ни под каким видом! Приказ директора!

— Знаю! — готовясь к суровой борьбе, отвечает Камноедов. — Не пушу!

Скинув шубу на руки гардеробщице, Сатанеев заглядывает в зеркало, трет гладко выбритое лицо, приглаживает коротко постриженные волосы и, прислушиваясь к негодующим воплям Киврина за дверью, шепчет сам себе:

— Принесла его нелегкая! Поторапливаться надо...

И бросается к лестнице.

Актный зал НУИНУ под отделанной деревом шатровой крышей. Он заполнен народом, но ни елки, ни традиционных столов нет. На маленькой эстраде играет знакомый нам «ансамбль». Звучит мелодия песни по телефону Алене. Играя Иван окидывает тревожным взглядом зал, ищет Алёну, но... среди собравшихся ее нет.

В дверях под руку с Сатанеевым появляется Алёна.

Иван опускает трубу, на которой играл соло. Вслед за ним замирают его друзья, музыка обрывается.

— Минуточку внимания! — пользуясь паузой, провозглашает Алёна. — Я хочу поделиться с вами своей радостью. Представляю всем моего будущего мужа — Аполлона Митрофановича Сатанеева. Надеюсь, вы все его достаточно знаете.

Общее замешательство. Неуверенные аплодисменты. Верочка бросается вон из зала. Катенька бежит, чтобы остановить ее. Иван в ужасе смотрит на происходящее. Друзья, подойдя к нему, становятся рядом.

— Всё! — говорит Антон.

— Пошли отсюда, Ваня, — мрачно предлагает Борис.

— Обойдутся они без нашей музыки! — сурово добавляет Павел.

— Я никуда не уйду! — твердо объявляет Иван.

— Правильно! — одобряет его подошедший Ковров. — Не сдавайся, Ваня! Часы еще не били!

Нина, во все глаза глядевшая на Ивана, одобрительно кивает и улыбается:

— Дядя Ванечка! Вы даже не знаете, какой вы молодец!

Сатанеев между тем, изготовившись произносить речь, расправляет бумажку и, поглядывая в нее, начинает говорить хорошо поставленным голосом:

— Друзья мои, сотрудники и соратники! Сегодня счастливейший день...

Неожиданно раздаются дружные аплодисменты. Сатанеев поднимает голову.

— Одну минуточку, я только начал...

И видит, что аплодисменты относятся не к нему. В зал входит Шемаханская. За ней следует представительная комиссия, только что прибывшая на торжество.

— Простите, Аполлон Митрофанович, — говорит Кира. — Вы окончите чуть позже, а сейчас мы перейдем к официальной части нашего праздника. Внесите волшебную палочку!

Появляется Камноедов со свитой. Перед собой он толкает столик на колесиках. На столике в зал торжественно въезжает ларец.

Охрипший от ругани Киврин, подхватив свой рюкзак, пошел прочь от ставшего негостеприимным здания. Свернул за угол и носом к носу столкнулся с Дедом Морозом. Киврин опустил рюкзак на землю:

— Стой!

— Чего надо? — неприятливо спросил Дед Мороз простуженным басом.

— Тебя и надо! — весело сказал Киврин.

Перед Кирой на маленьком столике стоит открытый ларец. По сторонам как часовые замерли Ковров и Брыль.

— Внимание! — говорит Кира, поднимая волшебную палочку, и оборачивается к комиссии. — Вы видите — этот зал пуст. Сейчас я взмахну волшебной палочкой, и здесь появится все, что необходимо для встречи Нового года! Раз, два, три!

Кира красиво повела в воздухе волшебной палочкой. Ничего не произошло. В зале послышался недоуменный ропот. Растерянная Кира еще раз взмахнула волшебной палочкой — тот же результат.

— Кажется, нам придется встречать Новый год стоя, — сказал председатель комиссии.

— НУИНУ! — растягивая звуки, произнес <...>¹

В комиссии сердито засмеялись. В актовом зале начала сгущаться скандальная атмосфера.

— Смотрите, что сейчас будет. Следите за мной! — шепнул Сатанеев Алене.

И вышел вперед, пряча в рукаве волшебную палочку.

— Дорогие друзья! Высокая комиссия! Хоть меня грубо прервали, я вновь вынужден взять слово. Только что я услышал, как славное название нашего учреждения произнесли в унижительной форме — этого я не могу стерпеть. Долгие годы, оставаясь в тени, в неизвестности, на второстепенных ролях, я нес тяжкое бремя, исподволь создавая славу нашего института. Но сейчас, в эту критическую минуту, настало время выйти из тени. Я принимаю на себя всю полноту... потому что, как вы сами убедились, Кира Анатольевна явно не способна... Сейчас я сделаю то, чего не смогла сделать товарищ Шемаханская.

Все смотрели на Сатанеева. В зале стояла напряженная тишина.

— И потому я считаю, что должен, вопреки своей скромности, оказаться, так сказать, на коне и занять наконец высший пост в этом здании.

Сказав это, Сатанеев взмахнул руками. Послышался нарастающий свист. Вытянувшись в струнку, зам. по общим вопросам пулей взлетел в воздух и, описав дугу, исчез где-то под потолком. Женщины завизжали.

— Час от часу не легче! — Председатель комиссии развел руками. — Кира Анатольевна, что все это значит?

— Сама не понимаю, — призналась Кира. — Прошу терпения. Сейчас все выяснится.

¹ Точное содержание этой неполной строки восстановить по другим источникам не удалось. В фильме реплика принадлежит одному из членов комиссии. — *Сост.*

— Мы — комиссия! — веско сказал председатель. — Прошу не забывать. Объективность — пожалуйста, компетентность — обязательно, даже снисходительность... в отдельных случаях. Но терпение — это не наша функция.

К Кире подошла взволнованная Алена:

— Кира Анатольевна, где Сатанеев?

— Как — где? — послышался из дверей веселый басистый голос, и в зал вступил Дед Мороз с большим мешком, картонным носом и бородой из ваты, усеянной блестками. — Сидит на крыше. Сам видел! Занял высший пост на коньке, по собственному желанию!

Толпа шарахнулась к балкону, откуда была видна двускатная крыша здания. На самом гребне конька виднелась скрюченная человеческая фигура.

— Я же тебе говорил! — восторженно прошептал Ковров, обнимая за плечи Ивана. — Еще не точка! Часы еще не били!

— Немедленно снимите его! — сжав кулачки, потребовала Алена. — Я не могу допустить, чтобы мой жених торчал как петух на крыше!

— Жених? — изумился Дед Мороз, внимательно приглядываясь к происходящему.

— Ковров, Санина, — позвала Кира, — давайте попробуем его снять. Объединим усилия.

Алена стояла рядом с Шемаханской. Ковров не торопился подходить. Кира нахмурилась, бормоча заклинания. Сатанеев начал медленно отделяться от крыши, но дико завопил со страху, цепляясь обеими руками за виток конька. Толпа ахнула.

— Я вам запрещаю! — топнул ногой председатель комиссии. — Хватит, доколдовались! Будьте добры решать вопросы обычными средствами.

— Правильно! — весело и гулко поддержал Дед Мороз. — Предлагаю утвердить его там. Видите, как за место цепляется.

— Перестаньте шутить! — вне себя крикнула Алена. — Товарищ Камноедов, немедленно снимите его!

— Не имею права, — развел руками Камноедов. — Аполлон Митрофанович сам решил... вознестись, а я решения начальства отменить не могу.

Алена гневно и беспомощно оглянулась:

— Неужели здесь нет никого... Ни одного настоящего мужчины?

Иван, как подстегнутый, сорвался с места.

— Зачем же он, — с досадой махнул рукой Ковров. — Эх, простота!

— Ничего, все верно! — стукнул посохом Дед Мороз. — Все так и должно быть!

Маленькая фигурка ползет по крыше, соскальзывая. Толпа внизу ахает. Нина зажмуривается, но сразу вновь открывает глаза. Иван уже вплотную подобрался к Сатанееву.

— Руку давайте! — хрипит он.

— Снимите меня отсюда, — клацая зубами, твердит Сатанеев. — Снимите только... Я для вас все сделаю!

Алена с волнением смотрит, что делается наверху.

— Держитесь за меня... Так... Так... — Иван с Сатанеевым на плечах подбирается к слуховому окну.

— Спасибо... — кричит Сатанеев. — Я вас не забуду...

Оставляя мокрые следы на полу, Иван вносит дрожащего Сатанеева в зал. Перед ним расступаются. Иван опускает Сатанеева на край эстрады.

Гость с Кавказа бредет по бесконечному коридору, пытаясь делать на стене зарубки металлическим уголком портфеля. Вдруг его внимание привлекают... мокрые следы, оставленные Иваном.

— Люди! — восклицает он. — Здесь прошли люди! — И бросается по следу.

— Позвольте пожать вашу руку! — проникновенно говорит Ивану Сатанеев. — Как только меня утвердят директором, я объявлю вам благодарность в приказе.

— Вот это по-сатанеевски! — хохочет Дед Мороз. — С размахом, дешево и мило! Вокруг смеются. Сатанеев непонимающе озирается.

— А вы что скажете, Алена? — обращается к Саниной Дед Мороз.

— Я? — Алена, вздрогнув, оглядывается. Все смотрят на нее. — Разве нужно обязательно говорить?

Снисходительно улыбаясь, она направляется к Ивану. Толпа расступается перед ней. Сатанеев бросается за ней вслед:

— Очаровательница, подождите!

Кира тоже делает шаг навстречу Алене:

— Санина! Остановитесь!

— Иди, милая, иди! — преграждая дорогу Шемаханской, рокочет Дед Мороз. — Ты меня слушай, сейчас мое время!

Алена приближается к Ивану. Сатанеев пробивается сквозь толпу с явным намерением задержать ее. Ковров ловко подставляет ему ногу. Сатанеев падает, вытянув вперед руки. Из его рукава вылетает волшебная палочка, скользит по паркету и упирается в ботинок... стоящего на пороге представителя Кавказа.

— Люди! — шепчет он, жмурясь от яркого света. — Наконец-то я нашел вас!

— Я ведь говорила, что в новогоднюю ночь сбываются даже несбыточные мечты? — сдержанно улыбаясь, говорит Алена.

— Да! — боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть мгновение, едва слышно шепчет Иван.

— Ну так вот... — Алена поднимается на цыпочках и тянется губами к губам Ивана.

— Очарова... — блеет в ужасе, стоя на корточках, не успевший подняться Сатанеев, но не успевает договорить до конца.

Раздается удар грома. В зале меркнет свет, сверкает молния.

— Опять! — стонет толстяк из комиссии, закрываясь руками. — Опять они колдуют!

— Я же запретил! — возмущается председатель.

— Артиллерийский полигон! — хнычет худая женщина.

— Ах, как хорошо! — шепчет в дверях кавказец. — Люди, гроза, еще бы дождик пошел...

Мгла рассеивается. Алена стоит в объятиях Ивана.

— Что со мной? — Она проводит ладонью по лбу.

Иван подхватывает пошатнувшуюся девушку.

— Теперь все хорошо, Алenuшка. Алenuшка, все прекрасно!

Алена обводит зал сияющими глазами.

— Товарищи! — звонко кричит она. — Друзья! Это мой жених... Мой муж! Это он, мой Иванушка!

Все бегут к ним, обступают тесным кругом, слышится смех, приветственные возгласы и восторженный визг Верочки и Катеньки, обнимающих Алenu.

— А вот — моя невеста! — громовым голосом провозглашает Дед Мороз, указывая на Киру.

Он срывает с себя бороду и оказывается Кивриным. Происходит отлив толпы. Теперь все окружают новую пару. Комиссию носит туда-сюда в людском водовороте.

— Послушайте, — говорит совсем растерявшийся председатель, — это не институт, а дворец бракосочетаний какой-то!

— Ничего, ничего, — вертя головой на толстой шее, уговаривает толстяк. — Может, хоть на свадьбе покормят.

— Убирайтесь вон! — Гневно сверкая глазами, Кира вырывается из объятий Киврина. — Вон со своим картонным носом! Шут, имперсонатор! Я все знаю!

— Что, что вы знаете? — удерживая ее с такой же страстностью, спрашивает Киврин.

— Вы в Москве Алену ждали!

— Я?! — От неожиданности Киврин выпускает Шемаханскую.

— Да! Ждали до последней минуты!

— Я по магазинам бегал до последней минуты! — возмущается наветом Киврин. — Подарок искал по твоему заказу! Полное собрание фантастики! Был еще дополнительный том, но я его на этот костюм поменял, чтобы к тебе проникнуть!

И он вытряхивает из мешка к ногам Киры груды одинаково переплетенных книг.

— Неужели... — говорит потрясенная Кира. — Неужели меня обманули?

— Еще как! — весело смеется Киврин.

Не обращая ни на что внимания, Сатанеев ползает на корточках среди толпы, тщетно пытаясь найти оброненную волшебную палочку.

— Где же она? — бормочет он. — Нельзя же потерять все так сразу!

Нина внимательно следит за ним и вдруг замечает... волшебный карандаш у ног кавказца.

Она бросается и хватает карандаш. Сатанеев устремляется следом.

— Немедленно верни карандаш! — требует он.

— Это не карандаш! — заявляет Нина, пряча за спину. — А волшебная палочка!

Гость с Кавказа с любопытством прислушивается к разговору.

— Не говори глупостей! — шипит Сатанеев, пытаясь поймать девочку. — Это мой карандаш!

— А мы сейчас проверим, — заслоняя собой Нину, предлагает гость. — Загадай желание, девочка, и сделай вот так.

Он воспроизводит жест, который он подсмотрел у Киры.

— Вы не имеете права! — вскипает Сатанеев.

— Как не имею? — удивляется гость. — У меня наряд! И подпись есть.

— Товарищ Камноедов! — бросается Сатанеев к помощнику. — Прошу изъять!

Примените силу!

— У них документ! — разводит руками Камноедов. — Он и есть — сила!

Представитель Кавказа кивает Нине:

— Делай, как я сказал.

— Палочка-выручалочка, выручи нас всех! — быстро произносит девочка. — Сделай так, чтобы мы все-таки встретили Новый год. А то эти взрослые со своей любовью совсем про него забыли.

И тут происходит давно запланированное чудо. В зале появляются накрытые столы. В центре — елка, украшенная цветными огнями. Все оказываются за столом, «ансамбль» на эстраде, а Нина с палочкой-выручалочкой — в центре зала.

— Вот это и есть наша волшебная палочка в действии, — весело говорит Кира, обращаясь к комиссии.

— Замечательно, замечательно, очень эффектно! — одобительно кивает председатель.

— И вкусно! — подвязанный салфеткой толстяк на миг отрывается от тарелки.

— Удобно, — удовлетворенно вздыхает худая женщина, развалившись на мягком стуле.

— Будем рекомендовать для внедрения в сферу услуг, — заключает председатель.

Кира улыбается, поднимает бокал:

— С Новым годом, друзья!

Начинают бить часы. И вместе с ударами часов, подчиняясь их организующему ритму, звучит веселая песенка о Новом годе, о счастье, о любви. Поют ее по куплетам все герои нашей картины под аккомпанемент уже знакомого ансамбля.

С последним ударом часов мы оказываемся вновь в квартире Киврина. Вечер. Хозяин сидит за столом, поглаживая черного кота.

— Так и закончилась наша новогодняя ночь, — говорит он, обращаясь к зрителям. — Впрочем, как вы понимаете, она и не могла закончиться иначе. Волшебство, интриги, даже производственные конфликты — что это все по сравнению с настоящей любовью! Ты согласна, Кира?

Сидящая с ногами в кресле Кира поглощена чтением. С трудом оторвавшись от последнего тома антологии фантастики, она поднимает взгляд на мужа:

— А? Да, согласна, милый.

— Теперь она во всем согласна со мной, — усмехаясь, говорит Киврин. — Особенно, когда читает свою любимую фантастику.

Кира со вздохом захлопывает переплет и кладет книгу на горку уже прочитанных томов.

— Скажи, а что было в том, дополнительном томе? — спрашивает она.

— Какая-то повесть братьев Стругацких, — отвечает Киврин.

Кот, вскочив на стол, прошелся по нему и, повернувшись к хозяину, отчетливо произносит:

— Чародеи...

Появляется финальная мульт-заставка, аналогичная той, которая была в начале I серии. На ее фоне проходят титры. Звучит заключительная песня.

Конец фильма

В той же дневниковой записи от 24 декабря 1981 года, где АНС пишет, что прочитал вторую серию, он отмечает со ссылкой на Бромберга: «Опять дикие претензии». Тем не менее, работа продолжается, с режиссером обсуждаются дополнительные мелочи. В том числе решено, например, «убрать ансамбль». (В конечном итоге Иван приедет в Китежград только с Ниной, без друзей, а Ковров обо всем договорится с ансамблем, привлеченным сначала по распоряжению Сатанеева. Нина из сестры приятеля Ивана становится его собственной сестрой.)

В начале 1982 года сценарная часть работы уже близка к завершению. Для уточнения отдельных сюжетных линий и диалогов АНС общался и с некоторыми киноактерами, результатом чего стало еще несколько дневниковых записей. 2 февраля: «Придется прописывать заново сюжет Ивана — его подъем от эгоиста к любящему. Идея: только тот поцелуй спасет Алену, кот<орый> истинная любовь». 23 февраля: «Работаю над линией Ивана. Звонил Бромберг, он уезжает завтра в Одессу. Я ему сказал, что линия Ивана — последняя работа, кот<орую> я ему делаю». И, наконец: «Закончил работу по линии Ивана. 1.5 а. л. нового текста, остальное — в ксере 2-й серии». (Эти дополнительные материалы было бы интересно рассмотреть в качестве «мостика» между режиссерским сценарием и готовым фильмом, но найти их пока не удалось.)

В последующие месяцы 1982 года АНС в работе над фильмом не участвовал, но записывал иногда в дневник информацию о перипетиях съемок (например, что «Бромберг идет на перерасходы, лишая себя премии»). Ожидаемый уровень мюзикла он себе вполне представлял и в тогдашних интервью отзывался о проекте со сдержанной иронией. Вот пара примеров. Март 1982 года (коллективное интервью, известное как «В подвале у Романа»): «Получилась довольно банальная история. Там нет, скажем, Выбегалло... <...> Есть какая-то контора по производству чудес для народного потребления. Во главе стоит дама, колдунья. Она заколдовывает молодую сотрудницу. А ее любит один из Москвы, и встает вопрос о расколдовывании, и все непрерывно поют и пляшут». Август 1982 года (встреча с читателями в Саратове, частично опубликованная затем под названием «Такой сложный жанр...»): «Это будет фильм по настолько отдаленным мотивам «Понедельника», что от повести там, по сути дела, ничего не осталось. Местом действия вместо НИИЧаВо — института чародейства и волшебства — стал некий волшебный магазин, где с продавцами и покупателями происходят сказочные приключения».

В августе — уже почти на самом финише — возникли «острые моменты»: из-за перерасхода денег пришлось упрощать сцену бала. 31 августа АНС записывает: «В конце ноября фильм будет готов, предварительно посмотрим. Затем на официальном просмотре будем ругаться». Впрочем, без большой ругани дело, похоже, как-то обошлось. В дневниковых записях АНС 29 декабря сказано: «Просмотр! Понравилось». А 31 декабря — запись о телепремьере: «Впечатление не испортилось, но и не улучшилось». А Константин Бромберг много лет спустя вспоминал («Аргументы и факты», 2013, № 52): «Стругацкие были не в восторге ото всех экранизаций своих

книг. Я их могу понять, потому что они, по сути, создавали совершенно отличную от существовавшей тогда литературу. Вторжение в их мир было болезненно. Но после первого просмотра «Чародеев» Аркадий мне признался: «Ты знаешь, картина обладает специфическим эффектом. У меня страшно болела голова. Но теперь она прошла».

«Чародеи» пользовались на протяжении многих лет огромной популярностью, да и сейчас любимы немалым числом зрителей именно как образец пусть неприятного, но красивого и доброго новогоднего фильма с элементами современной сказки. Между тем всякий, кто знает и помнит телефильм, без труда заметит, что представленный выше режиссерский сценарий при несомненных чертах сходства имеет множество отличий от экранного воплощения. Некоторые расхождения совсем мелкие (вроде замены в титрах по очевидной причине «представителя Кавказа» на «гостя с Юга», и совсем уж непонятно зачем — Камноедова на Камнеедова), но предостаточно и куда более серьезных.

Часть причин пояснена выше, мотивы некоторых других изменений можно представить лишь предположительно. Кое-что явно пошло фильму на пользу. Так, удачнее стала концовка. В сценарии Сатанеев тщетно пытается еще раз завладеть волшебной палочкой, но представитель Кавказа передает волшебный предмет Нине, а та «запускает» наконец новогодний праздник. Из следующих сцен Сатанеев попросту исчезает — как, впрочем, и Алена с Иваном. Последний эпизод — эпилог в квартире Киврина: они с Шемаханской теперь супружеская пара, и Киврин сообщает жене, что поменял на костюм Деда Мороза книгу, где содержалась «какая-то повесть братьев Стругацких». Далее кот произносит «Чародеи...», и все благополучно заканчивается.

В фильме палочка в конечном счете оказывается в руках Шемаханской, которая объявляет: «А теперь — наш маленький новогодний подарок! Пусть у каждого из присутствующих исполнится пусть небольшое, но самое светлое, самое заветное желание!» Следом Сатанеев неудачно пытается привлечь к себе внимание очередной административной глупостью и получает от директрисы предложение: «Вы тоже можете загадать — по собственному желанию!» Члены комиссии обмениваются суждениями о волшебной палочке кратко, тихо и, что ценно, без прежней пошлой сентенции про рекомендацию «для внедрения в сферу услуг». Говорящий кот кричит «Ура!», Алена поет новогоднюю песенку. Порок наказан, любовь и верность торжествуют, все радостно отмечают Новый год...

Но, по свидетельству связанных с фильмом людей, там пришлось делать куда менее нужные и приятные изменения. Волею тех, кто был призван согласовывать и утверждать, были убраны многие любопытные и смешные эпизоды, в том числе и придуманные уже в ходе съемок.

В качестве примера ограничимся сюжетной линией с говорящим котом. То, что К. Бромбергу был весьма дорог этот персонаж, из ранее представленных материалов заметно: в позэпизодной разработке сюжета кот встречается часто — и даже с семейством. Если в замечаниях АНС касательно начальных эпизодов разработки справедливо критикуется избыточное сходство этой линии с Булгаковым, то, скажем, эпизод из второй серии, где черные котята запутывают Выбегалле дорогу, получился довольно симпатичным. А вот в режиссерском сценарии роль принадлежащего Киврину черного кота достаточно скромна, хотя один раз он важную для сюжета функцию выполняет: пугает Сатанееву и тем самым — из-за поднятого шума — мешает Ивану расколдовать Алену во сне.

При съемках фильма режиссер вновь попытался дать Василию больше места на экране как язвительному комментатору некоторых происходящих событий, а порой и активному их участнику. В этой связи специально была придумана дополнительная эпизодическая роль — «переводчица с кошачьего». Но значительную часть отснятых сцен пришлось изъять из фильма — как из-за недопустимых якобы ассоциаций с булгаковским Бегемотом (АНС как в воду глядел!), так и по гораздо более вздорным причинам. К. Бромберг вспоминал: «С этим котом были отсняты потрясающие эпизоды. Допустим, он увидел на улице кошку, пришел к Шемаханской, запрыгнул на стол и говорит: «У меня к вам просьба, у меня обычно отпуск в марте, как у всех котов. Нельзя ли мне взять в этот раз отпуск в январе в счет марта?» После съемок этого эпизода меня тут же вызвали к начальству: «Вы что, с ума сошли? У нас секса нет. Какой январь в счет марта?» Был еще момент: кот подходит к Ивану, когда тот разговаривает с заколдованной Аленой, трется о его ноги и подначивает: «Ну подойди, ну поцелуй». Иван отказывается: «Не могу, боюсь». На что кот заявляет: «Совершенно утратили естественные инстинкты». Все это вырезали, осталось только два выкрика: «Хам!» и «Ура!». А озвучивал кота Георгий Вицин. Он его называл «коташа». Когда узнал, что «коташу» вырезали, заплакал». В различных публикациях упоминались и другие вырезанные эпизоды. В их числе, например, взятое из повести предупреждение главному герою («Не советую — съедят!») и сцена, где кот получает-таки от застрявшего на коньке крыши Сатанеева сатисфакцию за хамство.

После «Чародеев» Авторы еще не единожды возвращались к сценарной работе — с самыми разными результатами. Что касается новой экранизации «Понедельника», то подобные идеи, что

называется, носились в воздухе и, казалось, порой были весьма близки к реализации, однако из этих проектов ничего не вышло.

Так сложилось, что для К. Бромберга «Чародеи» стали последней режиссерской работой. Много позже он рассказывал, что были планы продолжения и «Приключений Электроника», и «Чародеев». О последнем из этих проектов говорилось: «Когда Аркадия уже не стало, мы с Борисом Стругацким задумали сделать продолжение «Чародеев». Но люди, которые хотели дать деньги на фильм, передумали. А сюжет «Чародеев»-2 был очень забавный. Действие происходило где-то в середине 1990-х. Институт НУИНУ стали атаковать ребята, желавшие срочно получить волшебную палочку, чтобы с ней войти в бизнес. Всем это так надоело, что в один прекрасный день НУИНУ исчез для внешнего мира. Но он полностью сохранился в себе, и в нем по-прежнему работали законы советской власти. Но у Алены с Иваном уже была счастливая семья, росла дочка, сильнейшая волшебница, поэтому Алене во что бы то ни стало нужно было во внешний мир, к любимым...»

О неплохом личном отношении Авторы к режиссеру говорит хотя бы тот факт, что в его честь был назван известный персонаж «Жука в муравейнике». А вот к самим «Чародеям» Авторы относились в лучшем случае сдержанно, не считая этот мюзикл выдающимся явлением ни в киноискусстве, ни — тем более — в своей творческой биографии. Пример достаточно жесткой оценки — слова АНС на одной из встреч с читателями (Саратов, 1985): «Нам пока не очень везет с экранизациями. По произведениям Стругацких, например, были сняты фильмы: блестящий, средний и очень плохой. «Отель “У Погибшего Альпиниста”», на мой взгляд, нормальный средний фильм. К фильму «Чародеи» мы имеем небольшое отношение. То есть сначала-то мы имели к нему непосредственное отношение, а потом режиссер словно чего-то испугался и начал весь сценарий переделывать».

В «Комментариях к пройденному» БНС высказал суждение, представляющееся наиболее взвешенным (хотя и далеко не комплиментарным): «Мюзикл получился недурной. Сначала он мне, признаться, не понравился совсем, но, посмотревши его пару раз, я к нему попривык и теперь вспоминаю его без отвращения. Кроме того, невозможно не учитывать того простого, но весьма существенного обстоятельства, что на протяжении множества лет этот мюзикл РЕГУЛЯРНО и ЕЖЕГОДНО идет по ТВ под Новый год. Значит, нравится. Значит, народ его любит. Значит — есть за что...»

А вот — его же мысли о соотношении кино и литературы, взятые из офлайн-интервью (2.10.2004) и вполне подходящие для характеристики рассказанной выше истории: «Конечно, книга проигрывает (уже проиграла?) кинематографу и телевидению битву за «потребителя». Это объясняется вполне простыми вещами: чтение — процесс трудоемкий, «киносмотрение» труда не требует. «Душа (как известно) обязана трудиться...», а она трудиться не желает, она хочет отдыха и наслаждения — так уж мы все устроены, со времен древних римлян. Поэтому поклонников кино — миллиарды, а «книгочеев» — десятки миллионов (в лучшем случае). Что ж, такова данность, и с этим ничего не поделаешь».

Остается рассказать, как и когда результаты работы Стругацких по экранизации ПНВС были представлены не зрителю уже, а читателю.

В конце восьмидесятых пришло время, когда различные издания наперебой стали обращаться к Авторам с просьбами опубликовать что-нибудь прежде не издававшееся. Во многих журналах печатались тогда и киносценарии, причем в «Уральском следопыте» — даже дважды. Началось все в 1989 году с малоудачного, по мнению АБС, сценария к несостоявшемуся фильму по «Жуку в муравейнике», а затем журналу был представлен текст, который Авторы полагали более значимым. В номере пятом за 1990 год был опубликован тот самый сценарий фильма по ПНВС, первоначальная версия которого была написана Стругацкими совместно в январе 1972 года, а много позже подготовлена к изданию с внесением небольших изменений. (Например, в сцене демонстрации модели Выбегалло стал нервно поправлять не пенсне, а галстук.)

Впрочем, на одном изменении следует остановиться особо. В журнальной публикации слова о том, что Выбегалло ушел покупать «Огонек», сопровождалась сноской, повторявшейся и в следующих переизданиях: «Авторы напоминают читателю, что действие сценария происходит в конце 60-х». Сейчас, в свою очередь, необходимо пояснить, зачем это добавление вообще понадобилось на момент публикации, почему оно никак не могло быть написано в семидесятые годы и отчего не слишком уместно выглядит в настоящее время. Дело в том, что у «Огонька», возглавляемого А. Софроновым (1953–1986), и того же журнала под руководством В. Коротича (1986–1991), совпадали разве что заглавие и периодичность. Предельно ретроградное издание (между прочим, постоянно печатающее кроссворды, из-за которых в первую очередь его частенько и покупали) и обновленный журнал, откликавшийся на самые злободневные темы и вполне отвечавший модному тогда понятию «гласность», являли друг другу полную противоположность и по репутации, и по целевой аудитории. С софроновским «Огоньком» и его неизменными

кроссвордами Выбегалло гармонировал полностью, что и было отражено в сценарии. Представить же профессора регулярно покупающим «Огонек» нового образца (а ни с чем иным это название тогда не ассоциировалось) было в «перестроечные» времена просто немыслимо.

Но, как говорится, «года промчались, страсти улеглись». Обе ипостаси журнала давно стали достоянием истории, но сноски исправно продолжала воспроизводиться в следующих изданиях сценария (при прочих минимальных разночтениях), хотя в оригинальном тексте ее, конечно, не было и не могло быть. В настоящем Собрании решено прервать это затянувшееся недоразумение, приведя соответствующий фрагмент сценария в исходный вид, а сноски, воздав должное ее сиюминутной актуальности, упомянуть только при рассмотрении вариантов сценария.

Некоторые проблемы были и с заглавием. Журнальная публикация сценария называлась «Понедельник начинается в субботу», точно так же это было в собрании сочинений издательства «Текст» (1993). Однако во всех последующих изданиях, начиная с тома киносценариев в серии «Миры братьев Стругацких» (1998), тот же самый текст именуется уже «Чародеи». Более того, среди архивных материалов по разным версиям сценария сохранилась беловая рукопись раннего варианта, озаглавленная «Чародеи. Сценарий художественного фильма», а черновик был снабжен титульным листом с рукописным заголовком аналогичного содержания и надписью «3 экземпляра». Когда и зачем было сделано дополнение к черновику, можно только предполагать, но беловая машинопись включает описанную выше сноску и никак не могла быть подготовлена раньше конца восьмидесятых. Кроме того, в рабочих дневниках и письмах Авторов ранний вариант сценария именуется аббревиатурой «ПНВС-с», в то время как название «Чародеи» было принято позже совсем для другого проекта, да и то не сразу. Как уже отмечалось, представление раннего варианта сценария под именем «Чародеи» сбилось с толку немало читателей и только усилило споры вокруг истории создания мюзикла К. Бромберга (теперь у адептов теории о том, что режиссер сознательно исказил вполне адекватный авторский сценарий фильма по ПНВС, появился, как они полагали, в распоряжении еще один аргумент).

Включение приведенного выше режиссерского сценария в 2006 году во второй том серии «Неизвестные Стругацкие» позволило прояснить ситуацию, но лишь отчасти. Во-первых, этот архивный материал был опубликован единожды малым тиражом и вполне мог пройти мимо внимания значительной части читателей, коль скоро во всех прочих изданиях под заглавием «Чародеи» по-прежнему печатался текст первого варианта сценария. Во-вторых, публикация одного и того же текста под разными названиями, а разных текстов — под одинаковым отнюдь не упрощает жизнь тем, кто следит за новыми изданиями Стругацких (догадаться, что за вариант опубликован в очередной книге, не заглянув в нее, можно лишь предположительно).

Чтобы навести порядок в этом запутанном деле, редколлегия настоящего Собрания решила именовать все варианты сценария так, как это предполагалось на момент их написания Авторами. Поэтому ранней редакции сценария возвращено название «Понедельник начинается в субботу», а относящиеся к более позднему периоду работы литературный сценарий 1978 года (в «архивной» части первого раздела) и режиссерский сценарий (в нашем исследовании) называются одинаково — «Чародеи». Кроме того, в ранний вариант сценария по результатам его сверки с рукописями внесены некоторые мелкие уточнения, а публикационный вариант режиссерской версии заново выверен с учетом всех доступных составителям архивных материалов. Все прочие разработки, связанные с проектом экранизации ПНВС, публикуются впервые.

Подготовлено: С. Бондаренко, В. Казаков

II. Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Предисловие

Клемент Х. Экспедиция «Тяготение». — М.: Мир, 1972.

I

Прилежный читатель современной мировой фантастики без особого труда отметит среди прочих ее характерных особенностей (демократизм, антимилитаризм, антимещанская направленность и пр.), что в его излюбленном виде литературы существуют по крайней мере четыре отчетливо выраженные тенденции: социальная, собственно научная, памфлетная и приключенческая. Это не значит, разумеется, что можно найти произведение, в котором какая-либо из этих тенденций наличествует в чистом виде. Социальная антиутопия весьма часто несет на себе отчетливый отпечаток памфлетности, социальный памфлет строится, как правило, на более или менее смелых и оригинальных научных допущениях, произведения, посвященные ученым завтрашнего дня, украшаются острым сюжетом и так далее. Так было с первых же дней существования научной фантастики. В романах и рассказах ее родоначальников — Жюль Верна, Герберта Уэллса, Алексея Толстого и Карела Чапека смешение этих тенденций усматривается с особенной легкостью. То же самое можно сказать и о произведениях мастеров — наших современников: Рэя Брэдбери, Ивана Ефремова, Станислава Лема, Абэ Кобо, Роберта Шекли.

Но существует и еще одна тенденция, которая далеко не так распространена и, во всяком случае, не так заметна. Это — популяризация современных автору научных и технических представлений. Жюль Верн, как известно, подал в этом отношении превосходный пример. Его произведения изобилуют точными и конкретными сведениями из области географии, биологии, астрономии и других наук; сюжеты его, зачастую наивные, а иногда даже нелепые (достаточно вспомнить «Упрямца Керебана»), явно строились с таким расчетом, чтобы дать читателю как можно больше информации о земле, небесах и море, и хотя большая часть этой информации представляется читателю нашего времени совершенно устаревшей, а то и просто ложной, можно не сомневаться, что читатель — современник знаменитого француза — извлекал из его произведений немало поучительного, ибо для полноты удовольствия читать Жюль Верна надлежало скорее всего с географическими картами под рукой, а путешествовать с капитаном Немо или с экспедицией Барсака наверняка приятнее, нежели штудировать скучный учебник географии.

Впрочем, после Жюль Верна научно-познавательная тенденция надолго исчезла из фантастики. Вероятно, это объясняется прежде всего тем, что появились новые виды литературы — научно-популярная и научно-художественная, которые с успехом перехватили у фантастики популяризаторские функции. Из крупных имен в истории фантастической литературы нового времени, связанных с научной популяризацией, вспоминаются, пожалуй, только наши замечательные соотечественники К. Э. Циолковский и выдающийся геолог и географ В. А. Обручев, автор «Плутонии» и «Земли Санникова», написанных под очевидным влиянием Жюль Верна. Правда, отдал дань популяризации и Александр Беляев, но для него это направление в литературе

большого значения не имело. Так или иначе, после них сколько-нибудь заметных произведений, пропагандирующих и популяризирующих научно-технические знания, в мировой научной фантастике не появлялось очень долгое время. А затем, на рубеже сороковых и пятидесятих годов, почти одновременно появились сразу два имени: Артур Кларк в Англии и Хол Клемент в США.

Артур Кларк достаточно хорошо известен советскому читателю как автор двух больших повестей — «Лунная пыль» и «Большая глубина» — о приключениях на Луне и о приключениях в океанских глубинах. Читая эти произведения, нетрудно убедиться в правоте тех, кто назвал Кларка современным Жюлем Верном. Скрупулезнейшая точность в отношении научных и технических деталей; полная и безусловная приверженность современным научным представлениям о природе; построение сюжета, позволяющее ставить перед героями (и перед читателем) «производственные задачи», которые можно решить лишь на основе современных научных и технических знаний; и при всем том волевые, знающие, оптимистические герои — это ли не характерные признаки творческого почерка Жюля Верна, привлекающие к его произведениям вот уже которое по счету поколение читателей? И действительно, в современной научной фантастике Артур Кларк по праву занимает одно из ведущих мест, и недаром именно ему в 1961 году была присуждена Международная премия Калинги за популяризацию науки.

Несколько по-иному сложилась писательская судьба у американского «современного Жюля Верна» — возможно, именно потому, что в его произведениях жюль-верновские принципы научной популяризации претерпели причудливую метаморфозу.

II

Хол Клемент знаком советскому читателю по научно-фантастической повести «Огненный цикл», опубликованной в одноименном сборнике, который был выпущен в свет издательством «Мир» в 1970 году. На первый взгляд, сюжетный поворот этой повести предельно прост и мало чем отличается от сюжетов многих и многих фантастико-приключенческих произведений: тайна, опасное путешествие, открытие. Разница лишь в сущности тайны. Герой не разгадывает секреты могущественного императора Магеллановых Облаков, не отыскивает клады, искусно упрятанные давно вымершей расой разумных существ на отдаленной планете, не разоблачает галактические заговоры против родимой Солнечной системы. Нет, он «просто» проникает в тайну биологии целого мира. И вот тут мы сталкиваемся с клементовским методом популяризации современных научных представлений.

Вспомним, что Жюль Верн и Артур Кларк всегда стремились иметь дело с реально существующими, реально наблюдаемыми, реально известными местами действия: с земными океанами, с земными материками, с земной атмосферой, с Луной, с Марсом, наконец. Жюль Верн отлично знал, что при погружении в наши соленые океанские пучины давление увеличивается в соответствии с таким-то законом, и он уверенно писал, как на десятикилометровой глубине трещат и прогибаются стальные рангоуты «Наутилуса». Артур Кларк отлично знал, что на Луне нет атмосферы, и он уверенно описал бедственное положение, в котором очутились пассажиры провалившейся в толщу пыли «Селены». Короче говоря, обстановка, в которой происходит действие у Верна и у Кларка, задана самой природой и нашими конкретными знаниями об этой обстановке.

Иное дело у Клемента. Современной науке решительно ничего не известно о том, есть ли у звезды Альциона в созвездии Плеяды планетная система. Клемент предполагает, что есть. Но Альциона — двойная звезда, а науке хорошо известно, что планетные орбиты у двойных звезд не могут быть стабильны и что жизнь на спутниках двойных звезд невозможна. Тем не менее Клемент смело населяет одну из таких планет разумной жизнью и создает в «Огненном цикле» совершенно невероятную и вместе с тем

последовательную и непроверяемую (на современном уровне наших знаний) гипотезу, объясняющую и самое наличие планет в системе Альционы, и наличие жизни на одной из этих планет. Короче говоря, Клемент сам создает совершенно фантастический мир, но объясняет его со строго научных позиций. Обстановка, в которой у него происходит действие, задается им самим, «из головы», и популяризирует знания он не непосредственно, а через построенную им увлекательную гипотезу.

Такой принцип популяризации, несомненно, имеет свои преимущества, и самое главное из них состоит в том, что он необычайно способствует развитию научного воображения. Вот мы читаем о злоключениях героя, затерявшегося на новооткрытой планете. Из южных пустынь, спаленных лучами белого солнца, он идет и идет на север, и действительно, белое солнце в своем суточном беге опускается все ниже к горизонту и вот в один прекрасный день не восходит вовсе, а на смену ему в сиреневое небо восходит красное солнце, и сначала герой радуется наступившей прохладе и лесу, сменившему пустыню, но красное солнце ото дня ко дню разбухает, становится все огромное и жарче, да и движется оно по небосводу очень странным образом — мотается над горизонтом взад-вперед, как чудовищный маятник... Задав читателю этот странный мир, автор словно бы предлагает: попробуй представить себе такую систему из двух звезд и планеты в пространстве — как движутся относительно друг друга красное и белое солнца? как движется относительно них планета? как наклонена ось вращения планеты к плоскости ее орбиты? Короче, какова должна быть космография этой звездной машины, чтобы путник, бредущий из южного полушария планеты в северное, наблюдал то, что здесь описано? Совершенно не исключено, что попытки решить подобную задачу могут привести вдумчивого читателя к серьезному увлечению небесной механикой. Рассчитывать на то, что книги Клемента будут оказывать массовое воздействие такого рода, конечно, не приходится, но вспомним, сколько крупнейших наших и зарубежных ученых признавалось в том, что первый толчок к научным занятиям им дало чтение Жюль Верна!

III

Где-то во Вселенной, на расстоянии многих световых лет от нашего Солнца, существует звезда Белн, вокруг которой по очень вытянутой орбите обращается с периодом в четыре с половиной года планета Месклин. Есть у Белна и еще один спутник — белый карлик Эссес, который светит в ночном небе Месклина немного ярче, чем Луна в небе Земли. Месклин — необыкновенная, чудовищная, фантастическая планета, таких еще не создавало ни воображение ученого, ни воображение литератора. Прежде всего, она не шарообразна. По форме она напоминает толстую двояковыпуклую линзу. Она в сотни раз больше и массивнее самой крупной планеты Солнечной системы, поэтому сила тяжести на ее полюсах в семьсот раз превышает земную гравитацию. Но вращается она вокруг оси с чудовищной скоростью: один оборот за восемнадцать минут, поэтому на экваторе гравитация съедается центробежной силой, и сила тяжести там превышает земную всего в три раза. У Месклина есть система лун, ближайшая и крупнейшая из них именуется Турей, а также тройное кольцо, подобное кольцу нашего Сатурна. Ось вращения Месклина наклонена к плоскости его орбиты таким образом, что лето в южном полушарии приходится на афелиевый, самый длинный отрезок орбиты, а зима — на короткий, перигелиевый, и соответственно лето в южном полушарии в несколько раз продолжительнее зимы. Такова космография места действия повести «Экспедиция “Тяготение”», предлагаемой читателю в настоящем сборнике. Что же касается планетографии Месклина, то она не менее причудлива. Атмосфера там состоит из водорода, а океаны — из жидкого метана, так как средняя температура на поверхности Месклина составляет минус полтора градуса по Цельсию, а атмосферное давление — восемь атмосфер. Снег на Месклинe — замерзший аммиак, дождь — жидкий метан, постоянного уровня моря не существует, большая часть северного полушария покрыта

нетающей полярной шапкой метанового льда. И тем не менее на Месклине имеется богатая и разнообразная фауна и флора. В пучинах метановых океанов резвятся чудища покрупнее китов и вымерших ящеров Земли, в приэкваториальных областях бродят клыкастые десятиногие черепахи ростом со слона. Вот только птиц нет на Месклине из-за избытка тяготения, зато есть разумная жизнь. Исполинские пространства материков Месклина, по которым земной шар мог бы кататься подобно мячу на футбольном поле, населяют странные гусеницеподобные существа длиной в сорок сантиметров и толщиной в пять, снабженные ногами-присосками и руками-клешнями, целым набором глаз и десятком сердец, расположенных цепочкой вдоль всего тела. Они строят города, обрабатывают дерево, воюют между собой и ходят под парусами по океанам в далекие торговые экспедиции. Хорошо они чувствуют себя только в приполярной области с тяготением от семисот до двухсот g , но отдельные смельчаки на кораблях, составленных из связанных между собой плотиков, добираются до самого экватора, который считается у них Краем Света, ибо, согласно их географическим воззрениям, Месклин представляет собой чашу с загнутыми краями, за которыми начинается Ничто...

Такой мир задает нам Клемент в «Экспедиции “Тяготение”», мир на первый взгляд фантастический, невероятный, почти безумный. Но все следствия из этих заданных условий полностью и строго обоснованы с точки зрения науки и логики, все практически безупречно соответствует избранной гипотезе. В четких и наглядных образах читателю дается понять, какие изменения претерпевает привычная физика и химия, климатология и метеорология в мире чудовищной гравитации, водородной атмосферы и метановых океанов, какой может и должна быть техника и психология аборигенов такого мира, и совершенно не исключено, что читатель, может быть, впервые в жизни задумается над тем, какую роль сыграло тяготение, воздух и вода в формировании жизни на нашей родной планете, какой отпечаток наложили эти силы на техносферу и психику человечества. Возьмем хотя бы такой пример: для определения широты места наши моряки пользуются довольно сложным навигационным прибором, который называется секстант, а морякам Месклина достаточно пружинного безмена с гирькой, показывающего широту места в терминах гравитации.

Совершенно иной, но не менее причудливый мир представляет читателю Клемент во второй повести сборника — «У критической точки». Тенебра, одна из планет в системе Альтаира, шарообразна, она лишь втрое крупнее Земли, и сила тяжести на ее поверхности примерно в три раза превышает земное тяготение. Странность условий на поверхности этой планеты целиком и полностью определяется ее необычной атмосферой. Атмосфера эта состоит в основном из паров воды, которые в дневное время пребывают в критическом состоянии, то есть в состоянии, когда у вещества нет физических различий между жидкой и газообразной фазами. Это, естественно, предполагает давление в сотни атмосфер и температуру в сотни градусов. Ночами температура снижается, часть атмосферы Тенебры «выпадает» в виде гигантских капель сконденсированного пара, который в свою очередь превращается в воду, образующую потоки, озера, океаны. Правда, озера и океаны существуют на Тенебре и в дневное время, но тогда они намного меньше и состоят из олеума — концентрированной серной кислоты, содержащей массу металлических ионов, а по ночам вся жидкость на поверхности планеты является раствором серной кислоты, весьма неблагоприятно действующей даже на местные организмы. Да, на планете есть жизнь, есть даже разумная жизнь — жутковатые чешуйчатые существа, напоминающие еловые шишки, снабженные четырьмя парами конечностей...

И опять-таки все следствия из фантастики этого мира строго соответствуют логике и науке и служат вящей славе популяризаторского таланта автора. Правда, в повести «У критической точки» основное внимание уделено технической проблеме, не связанной прямо с заданным миром-гипотезой, но физики и химии критических состояний в ней предостаточно.

IV

Принцип популяризации, взятый на вооружение Холлом Клементом, в той или иной мере используется, конечно, и другими авторами, однако только у Клемента мы встречаем его, если так можно выразиться, в чистом виде.

Это не означает, что произведения Клемента несут лишь чисто познавательную нагрузку. Читатель увидит, что Клемент создает сюжеты на приключенческой основе, он всюду стремится провести отчетливо выраженную идею братства и взаимопомощи разумов во Вселенной, что, наконец, он относится к числу тех писателей-фантастов, которые вольно или невольно воспевают приоритет земного человечества над разумными расами иных миров. И еще одна особенность характерна для творчества Клемента: прославление неумеренной и безграничной жадности человечества к знаниям. Клемент отдает себе отчет в том, каких гигантских затрат будет стоить Земле знакомство с любым из тех диковинных миров, которые он описывает. Он прямо и недвусмысленно говорит об этом в своих книгах. И тем не менее человечество будущего, которое всегда остается у него за кадром, охотно идет на эти затраты, ибо по Клементу оно существует для того, чтобы познавать.

Насколько нам известно, Клемент написал всего три книги. Он не получал международных премий, и его имя не такое громкое, как имя Кларка. Тем не менее он принадлежит к числу весьма популярных авторов-фантастов за рубежом. Будем надеяться, что он понравится и нашим читателям.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий В редакцию «Литературной газеты»

Литературная газета (М.). — 1972. — 13 дек.

Как нам стало известно, антисоветское издательство «Посев» опубликовало недавно нашу фантастическую повесть «Гадкие лебеди». Эта акция, проведенная без ведома и согласия авторов, явно преследует провокационные политические цели и являет собой образец самого откровенного литературного гангстеризма. Мы категорически протестуем против использования нашего творчества упомянутым издательством. Мы с полной определенностью заявляем, что не желаем иметь с названным издательством ничего общего. Мы самым решительным образом требуем, чтобы подобные акции политического шантажа, мешающие нашей нормальной работе, не повторялись впредь.

8 декабря 1972 года

Из архива

Аркадий Стругацкий Рецензия на детективную повесть М. Стейги и Л. Вольфа «Шах королеве бриллиантов»

(Перевод с латышского Ю. Канне, 271 стр.)

Развитие советского детектива идет, как правило (за очень немногими исключениями), на основе сотрудничества или соавторства работников судебно-следственных органов и милиции, с одной стороны, и профессиональных литераторов (писателей и журналистов) — с другой. Рассматриваемый детектив не представляет исключения: М. Стейга является зам. прокурора г. Риги, Л. Вольф — журналист. В создании русского варианта немалую роль, насколько мне известно, сыграл талантливый переводчик с латышского Юрий Каппе.

Драма, лежащая в сюжетной основе этого детектива, не высосана из пальца; М. Стейга выбрал один из случаев, с которыми столкнулся в своей следственной практике, и случай этот служит прекрасным подтверждением старой мысли о том, что старое, казалось бы, уже забытое и похороненное в памяти современников, нередко оживает, чтобы схватить за ноги живых.

Вкратце содержание детектива сводится к следующему. В старом домике (действие происходит в Риге несколько лет назад) обнаружен труп пожилой женщины, зверски убитой, как определила экспертиза, больше недели назад. Труп обезображен до неузнаваемости, но следствие с помощью соседей без труда установило, что он принадлежит некоей Алиде Лоренц, нелюдистой и злобной старухе, скандалистке и скупердяйке, жившей на небольшую пенсию и на плату, которую она взымала с одиноких женщин, снимающих койку у нее в комнатухе. Далее следствие, казалось бы, достигает быстрого успеха: найдена девушка, которая снимала койку у Лоренц; при аресте она немедленно сознается в убийстве в состоянии аффекта. Но следователь прокуратуры не удовлетворен — ряд обстоятельств противоречит сложившейся картине преступления. На суде происходит редкая сцена: прокурор, хотя и не отрицает возможного участия подсудимой в убийстве, категорически требует пересмотра дела. Начинается новое следствие. В результате целой цепочки причудливо переплетенных открытий и догадок удается добраться до истины: Алида Лоренц жива, убита не она, а ее дальняя родственница, убийцей является сама мнимая жертва, пытавшаяся таким образом скрыться от преследований шантажиста; шантажист — тунядец и бандит — тщился отобрать у нее драгоценности, награбленные в черные дни оккупации любовником Лоренц, эсэсовцем, комендантом концлагеря. Признание же несчастной девушки вызвано ее ужасом перед мстительностью шантажиста, которого она считала убийцей и которого сама же нечаянно «навела» на обладательницу клада. Так, благодаря беззаветным усилиям работников прокуратуры и милиции, а также и адвоката невинно пострадавшей девушки, восстановлена справедливость: преступники получают по заслугам, а девушка возвращается к нормальной жизни.

Детектив написан живо и убедительно, читается с большим интересом от начала и до конца. Характеры действующих лиц очерчены психологически очень точно, что вообще в детективах большая редкость. Мотивировка преступлений не лежит на поверхности, но совершенно правдоподобна и не разочаровывает читателя. Повесть хорошо привязана к конкретному месту и времени, «местный колорит» выступает ярко и чувствуется даже в речевых характеристиках героев. Язык перевода хорош, так что редактору потребуется небольшая.

Резюме: мне представляется, что повесть — незаурядное явление в нашем детективном жанре, и мы должны напечатать ее в «Мире приключений». Правда, она великовата по объему (свыше 11 авт. л.), но ее можно будет сократить за счет мест, не имеющих прямого отношения к сюжетной канве. (Правда, в местах «выемки» потребуются связки, но это уже дело техники.)

Аркадий Стругацкий **Рецензия на научно-фантастические рассказы и повесть** **Евгения Ларина**

(«Не хочу знать», «Ответ», «Стимулятор доктора Туркина», всего 113 стр.)

Содержание:

НЕ ХОЧУ ЗНАТЬ.

Двое молодых ученых (в капиталистической стране) создают диагностическую машину, которая способна с большой точностью предсказывать срок смерти индивидуума. Один из них, большой энтузиаст, подвергает себя диагностированию и узнает, что умрет тогда-то и тогда-то. Психический шок, который за этим следует, полностью выбивает его из колеи, он бросает работу, любимую девушку и бежит от друзей и знакомых. Зловещее знание постепенно расшатывает его психику, и он кончает жизнь самоубийством задолго до назначенного срока. Второй ученый оказался умнее и подлее. Интуитивно чувствуя, чем грозит такое знание, он обращает общественное зло в личное добро, эксплуатируя машину для предсказаний срока смерти за деньги. Разумеется, женится на покинутой девушке своего бывшего партнера.

Рассказ написан в форме довольно примитивного политического памфлета на научно-фантастической основе. По теме повторяет отличную повесть Ольги Ларионовой «Леопард с вершины Килиманджаро», но художественно несравненно слабее.

ОТВЕТ.

Двум сотрудникам некоего НИИ одновременно представляется некая сложная кривая. Сотрудники делают правильный вывод, что это результат усилий некоей внеземной цивилизации связаться с человечеством посредством телепатемы. Но один из сотрудников боится быть поднятым на смех и потому отмежевывается от этой темы, а другой, Наров, бросив все обычные дела и (конечно) любимую девушку, принимается увлеченно разрабатывать эту загадку. Товарищи и начальство его не одобряют, и напрасно: он оказывается прав. Телепатема с годами усиливается, со всех концов Земли поступают сообщения о людях, которые ее принимают. Наров встает во главе международной организации, которая планирует «ответ» неизвестным индукторам. Настоящий триумф приходит, когда все человечество, как один человек, организуется в один обусловленный момент времени представить себе в уме эту кривульку. Мощности для телепатического послания при этом оказывается достаточно, и человечество получает в ответ очень отчетливое изображение знакомой кривой в сознании каждого человека.

Замысел не лишен интереса, но рассказ написан вяло и скучно, на очень поношенной моральной подкладке.

СТИМУЛЯТОР ДОКТОРА ТУРКИНА.

Живет на свете молодой человек, почти юноша. Мечтает быть знаменитостью в мире искусства. Но то ли нет данных, то ли интриги, а в мир искусства он не попадает. Вместо этого его «по благу» засовывают в качестве лаборанта в один из НИИ. Он работает в лаборатории доктора Туркина, Сыча тож, работой не интересуется, филонит как может, и вообще он несчастен, тем более что у него сердечные неудачи. Между тем Сыч создает удивительный «препарат Т», активизирующий незадействованные резервы человеческого мозга. Стечение обстоятельств (домашние неприятности, благотворное воздействие комсорга, пьяная драка в ресторане) толкает юного героя на хулиганский подвиг: он

проникает в лабораторию и принимает дозу «препарата Т». Фантастическое воздействие препарата приводит к удивительным, но реалистическим последствиям. Герой осознает, какой мелкой дрянью он был раньше, как интересен окружающий мир и что нужно учиться, учиться и учиться.

Эта повесть по художественному уровню разительно отличается от предыдущих двух рассказов. Непохоже даже, что писал их один и тот же человек. Отлично и психологически точно очерчен образ героя, интересно получилось описание ощущений и психики героя после эксперимента. Несколько банален общественный конфликт между научными силами в НИИ, но здесь, видно, мало что можно сделать. Мне представляется, что повесть следовало бы «дотянуть», поработав над деталями в смысле их отбора и уточнения. Тогда я охотно рекомендовал бы ее в «Мир приключений».

Аркадий Стругацкий

Рецензия на второй вариант приключенческого романа В. Чернова «Сын Розовой Медведицы»

(400 стр.)

Мы внимательно ознакомились с новым вариантом романа В. Чернова и сразу же с удовлетворением отмечаем, что этот второй вариант в значительной степени избавлен от недостатков первого.

Не будем здесь пересказывать содержание романа: оно изложено в нашей рецензии на первый вариант и нисколько не изменилось. Не будем также повторяться, определяя основные, фундаментальные достоинства этого произведения, ибо они тоже рассматривались уже в нашей рецензии и полностью сохранились в новом варианте. Обратимся к той работе, которую провел автор по устранению недостатков.

Надо заметить, что автор не согласился с нашим мнением о том, что второй, «человеческий» сюжет романа является фактически лишним и мало что может дать для обогащения основной темы — темы мальчика-медведя и его окружения. Автор не согласился с этим, и это его право. Более того, в какой-то степени автор доказал свою правоту, развернув этот второй сюжет таким образом, что теперь он служит своеобразным дополнением и комментарием к основному. Мы не боимся теперь утверждать даже, что автору удалось перекинуть логический и эмоциональный мостик между двумя сюжетами, хотя остались еще от первого варианта более или менее заметные неурядицы, мешающие «свободно передвигаться» по этому мостику. Впрочем, неурядицы эти лежат уже в компетенции редактора, которому предстоит работать с рукописью, и на них мы останавливаться не будем.

Рукопись сократилась на 80 страниц — на три с лишним авторских листа из двадцати, и уже одно это свидетельствует о том, что автор подошел к поставленной перед ним задаче серьезно.

1. С хирургической безжалостностью исправлено описание подготовки экспедиции; оно теперь выглядит вполне правдоподобно.

(Хотя я бы все же посоветовал автору начать прямо с прибытия экспедиции в Алма-Ату, не рассусоливать по поводу того, как складывались отношения между Федором Борисовичем и Диной, а брать быка за рога; и кстати, зачем это Дина — студентка с исторического? Почему бы ей тоже не быть биологом? Это значительно упростило бы дело, а места было бы сэкономлено много.)

2. Почти ничего не осталось от псевдонаучных благоглупостей, выдаваемых в виде диалогов и монологов, которыми так изобилует первый вариант. Впрочем, гипотеза «психического барьера», как и прежде, осталась для рецензента весьма туманной.

3. Герои «человеческого» сюжета (возможно, именно в связи с тем, что автор свел их с бумажных небес ложной мудрости на твердую землю) стали человечнее, живее, привлекательнее.

4. Роман подтянулся и в стилистическом смысле — неграмотных и полуграмотных оборотов, которыми пестрела «человеческая» часть, теперь не видно.

Мы готовы рекомендовать редакции включить второй вариант романа «Сын Розовой Медведицы» в план редакционной подготовки с последующим переводом его в издательский план, но сначала хотелось бы дать автору (и редактору) еще несколько предложений.

1. «Прочесать» линию Хуги.

2. Прямо с Алма-Аты.

3. Последние сцены, показывающие раскопки, очень затянуты. Здесь надо бы проще и энергичнее.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на фантастическую повесть Л. Пироговой** **«Тайна вещей граней»**

(43 стр.)

В некоем Институте Времени АН СССР создан аппарат «Поиск», с помощью которого сознание современного человека может быть перенесено в любую эпоху в прошлом и, по-видимому, в любое место на нашей планете. Более того, с помощью этого аппарата современный человек может перевоплощаться в человека самых отдаленных времен. Героев повести — сотрудников института — увлекают две проблемы: во-первых, разгадать тайну античного мифа о Горгонах; во-вторых, найти и покарать военного преступника Циглера, в свое время истреблявшего население Белоруссии, а теперь занявшего видный пост в охране «черных полковников» Греции. Обе проблемы успешно решены — Горгоны оказались при ближайшем рассмотрении роботами космических пришельцев (ну еще бы!), испускающими из глаз специальные лучи, от которых живое существо каменеет; что же касается Циглера, то сначала внушением на расстоянии его запугивают до белой горячки, а затем, внушив ему видение одной из Горгон, убивают его до смерти.

Лавры джек-лондоновского «межзвездного скитальца» не дают покоя уже нескольким поколениям романтически настроенных авторов. И это, в общем, не беда, поскольку такой прием — имеет ли он мистическую или псевдонаучную основу — дает увлекательные возможности показать «изнутри» жизнь наших предков: античных, доисторических, средневековых, воинов, рабов, диктаторов и т. д. Вся соль по-прежнему заключается в том, чтобы написать это хорошо, художественно, литературно, не сбиваясь на хаггардовские и берроузовские пошлости, наконец, просто элементарно грамотно и элементарно логично. К сожалению, повесть Л. Пироговой, при всех прекрасных намерениях автора, явно не дотягивает даже до стандартов заурядной беллетристики.

Начнем с логики. Можно изобретать (в фантастике) сколь угодно безумные и чудодейственные аппараты, но уж коль скоро они изобретены, тем самым ограничены и пределы их сюжетного применения. Остается решительно неожиданным, каким образом аппарат для перенесения сознания в прошлые времена оказался пригодным и для внушения на расстоянии. Хорошо, пусть эта неожиданность останется на совести автора. Но неужели, если принять и такие возможности этого чудесного аппарата, не нашлось для него иного применения, кроме как ухлопать наемного убийцу? Ведь получается, что аппарат этот — страшное оружие психической войны, более страшное, нежели атомное, водородное и биологическое оружие, и пускать его на такие мелочи, как Циглер, просто нерасчетливо. Кстати, нет никакого сомнения в том, что, будь такой аппарат создан, он

вообще пошел бы совсем по другому ведомству, нежели исторические науки и эмоциональные отправления горсточки не очень умных сотрудников.

Очень плохо и с литературной стороны повести. «...свет и тени... переливались, загорались и меркли». «...я отвел глаза от удивительного рисунка, увлекшись мастерством...» «Мифы — это символы о жизни». Язык героев беден и скучен, они либо изрекают банальные истины типа «мысль человека — точная, ясная — всегда сумеет найти искомое», либо обмениваются информацией, им заведомо известной, но неизвестной (как полагает автор) читателю, либо объединяют первое со вторым, и всегда стилистически неопратно (1-й герой: Всемогущая мысль человека... 2-й герой: Да еще поддержанная синхронизатором! 3-й герой: Со всей энергией... 1-й герой: Вот именно — сделаем обыкновенное чудо).

Полагаю, сказанного достаточно. Повесть никак не может быть рекомендована для опубликования в «Мире приключений» и вообще в любом издании, сколько-нибудь дорожащем своей литературной репутацией.

Аркадий Стругацкий **Отзыв на научно-фантастический рассказ** **Валентина Рича «Вася»**

(12 стр.)

Молодой пришелец из будущего, с которым случайно встречается герой рассказа, оказывается таким же растяпой и растеряхой, как наши современники. Это и доказывает (не на высшем литературном уровне) в общем неплохой автор.

Рассказ такого рода, что можно публиковать (вреда не будет), а можно и вернуть (никто не хватится). Вообще авторам подобных вещей следует рекомендовать обращаться в «Искатель» или в «Соц<иалистическую> индустрию». Эта газета, кстати, собирается открыть еженедельную полосу, посвященную научной фантастике.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на научно-фантастический рассказ** **Р. Подольного «Партия в пинг-понг»**

(28 стр.)

Молодой историк Юра провалился на защите диссертации. Провалился потому, что натура у него была чуткая к неправде, а во время защиты его осенило: Владимир Мономах не объединял Русь, как это было изложено в диссертации, а способствовал раздроблению оной. «Борцу за истину» пришлось немало помыкаться, прежде чем он нашел приют в качестве платного добровольца-подопытного в лаборатории сновидений — учреждении, насколько можно понять, исследующем связь сновидений с действительностью. В ходе экспериментов Юра делает огромное открытие: оказывается, человеческий мозг, основываясь на полученной за день информации, проигрывает в сновидениях разнообразные варианты ближайшего будущего. Так историк себе объяснил легенды о предсказателях будущего, ясновидящих, о вещих снах и прочем подобном.

Мысль, несомненно, интересная и оригинальная, и вполне заслуживает того, чтобы лечь в основу хорошего научно-фантастического произведения. Но, к сожалению, рассказ нельзя признать удачным, хотя чисто литературно он выполнен на добром среднем уровне. Дело в том, что в рассказе у Подольного слишком много необязательного. Для прокламации научно-фантастической идеи вовсе не нужен строптивый Юра, и уж совсем ни к чему история его попыток устроиться в разные научные учреждения, и не имеет никакого значения лирическая линия. Юра может быть и строптивым, и покладистым.

Может искать место после провала диссертации и по тысяче других причин. Может встретиться с Леной, которая его устроила, и может попасть в лабораторию сновидений совершенно случайно.

Таким образом, либо а) героем рассказа будет научно-фантастическая идея, и тогда рассказ надо сократить вдвое; либо б) героем будет именно такой Юра, какого описывает Подольный, но тогда надо дать его в ситуации, где данная научно-фантастическая идея является фактором, через который раскрывается его характер.

В нынешнем «гибридном» виде рассказ, как мне кажется, не следует помещать в «Мире приключений».

Аркадий Стругацкий **Рецензия на повесть Владимира Михановского** **«Гвоздика»**

(252 стр.)

Огромная капиталистическая страна (видимо, США) в не очень отдаленном будущем. Страной правят чудовищные военно-промышленные концерны, президент является простой марионеткой, тянется бесконечная война против туземцев Венеры (аналог войны во Вьетнаме). Ученые в ядерном центре страны подбираются к открытию способов практического использования энергии первоосновы вещества — кварков. Руководитель геологического центра прорывает подводную шахту, подбираясь к безграничным запасам ископаемых в толще магмы. Творит чудеса медицина, сращивая увечные человеческие тела с могучими механизмами и ратуя за превращение человечества в общество киборгов. Урбанизм, идеология потребления, «после нас хоть потоп», но в низах общества все тот же страх перед завтрашним днем, борьба за теплое местечко, погоня за деньгами.

В разгар этой военно-научно-техничко-потребительской вакханалии почти все крупнейшие ученые и техники, администраторы и военные, политики и промышленные боссы страны получают письма с вложенной в конверт гвоздикой, предписывающие немедленное прекращение исследований, мероприятий, строительства, военных операций, которыми эти люди руководят. В противном случае, угрожают письма, адресаты будут уничтожены в те или иные сроки. Полиция с ног сбилась, разыскивая автора этих писем, но сделать ничего не могла. И вот таинственным образом гибнет в предсказанный день руководитель ядерного центра, а затем, тоже в предсказанный день, взрывается подводная шахта.

И только после этого ходом случайного стечения обстоятельств страна узнает правду. Письма писал и рассылал герой повести, руководитель ядерного центра, разочаровавшийся в тенденциях развития своего общества, вы-[конец страницы, а на следующей слово не дописано] отвращением к беззастенчивости, с которой общество немьтыми лапами лезет в святая святых природы, ощутивший ужас в предчувствии возмездия, которое природа обрушит на человечество за незрелое, бездумное, жадное стремление видеть в ней орудие удовлетворения низких страстей кучки честолюбивых мерзавцев, стоящих у власти. Правильно предсказать срок своей гибели и неизбежной гибели гигантской шахты герой повести смог при помощи мощной ЭВМ, переданной в распоряжение ядерного центра.

Как мы видим, сюжет оригинален и крайне интересен. Ситуации обрисованы четко, выпукло, зримо. Мне представляется, что повесть эта — большая удача Михановского. Литературно она выполнена на хорошем уровне. Образы главных действующих лиц впечатляют, действия их прекрасно обоснованы психологически. Любопытна и совершенно нова тональность этого произведения: не грубый памфлет, не плоские и банальные обвинения в адрес империализма, а этакая меланхолическая и грустная

уверенность в том, что если там, за океаном, не одумаются и не научатся жить по-человечески, то непременно произойдет что-либо подобное.

Одно замечание. «Люсинда» (так называется роковая ЭВМ) является очень важной, ключевой деталью повести, а появляется она буквально в конце. Для чисто литературного равновесия следовало бы начать упоминать о ней, дать ей характеристики, расточать ей похвалы задолго до конца, еще в первой же четверти повествования, и не забывать о ней на протяжении всего дальнейшего сюжета.

Полагаю очевидным, что повесть, столь хорошую по идейно-художественным качествам, следует включить в ближайший выпуск «Мира приключений». М^{ожет} б^{ыть,} слегка сократить, поскольку она великовата.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на повесть Владимира Малова** **«Я — шерристянин»**

(87 стр.)

Сюжет повести — похождения пришельца на Земле. Тема — советский человек, который мог творить чудеса.

Студент физкультурного техникума Миша Стерженьков избран высокоразвитой инопланетной цивилизацией в качестве «оболочки», «скафандра» для исследования человечества. Предполагалось, что сознание исследователя-шерристянина (место обитания упомянутой цивилизации называется Шерра) временно займет место сознания Миши в его брэнном теле. Но с самых первых шагов шерристянин, завладевший телом Миши, обнаруживает, что ему никак не удастся соблюсти основное и неперемное правило поведения исследователя на неизвестной планете: не вмешиваться ни в какие, самые мелкие дела туземцев. То и дело, пользуясь могучей техникой подчинения материи волевым актом, он неожиданно для себя совершает «благородные поступки». Наказывает хулиганов, разоблачает и разоряет спекулянтов, исправляет характер своей недоразвитой и разболтанной сестры... В конце концов выясняется, что шерристянское сознание не способно справиться с благородными рефлексамии советского юноши, и инопланетяне оставляют Мишу в покое, предварительно вернув в прежнее состояние все, что он изменил.

Повесть написана весело, читается с интересом. Хорошо выбрана стилистика — немножко от Шефнера, немножко от раннего Гансовского, чуть-чуть от Лагина. Полагаю, повесть достойна опубликования в «Мире приключений». Но она не лишена и недостатков.

Во-первых, в ней явно лишними являются пролог и эпилог. Они ничего не добавляют ни к характеристике Миши, ни к прояснению сюжета и темы. Мало того, они запутывают дело. По условиям игры сознание Миши должно быть полностью вытеснено сознанием инопланетянина, а это означает, что Миша ничего не мог бы запомнить из своих походов, а значит, не смог бы и рассказать о них. Поэтому приходится вводить дополнительное и лишнее условие, что память Мише оставили.

Во-вторых, не представляется нам необходимым и интересным образ профессора Ворожейкина и то немногое в повести, что с ним связано. Рассеянный и талантливый кретин-ученый — образ затасканный и, прямо скажем, сейчас просто вредный. Допускаю, что существуют такие узкие специалисты, которые не способны отличить хорошее от дурного, беседуют с кошками и не умеют объяснить, чем они занимаются. Но мало ли что есть на свете! Полагаю, следует либо выбросить Ворожейкина вовсе, либо заменить более характерным для нашего времени типом ученого. Можно — настоящего ученого, можно — проходимца. Но не дядюшки Бенедикта из Жюль Верна.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на повесть Виктора Болдырева «Геутваль»**

(276 стр.)

С именем Виктора Болдырева я столкнулся впервые более десятка лет назад, когда мне пришлось «дovодить» в Детгизе первую часть его трилогии, «Гибель Синего Орла». И должен сказать, что с той поры автор далеко шагнул вперед как писатель. Романтическая повесть «Геутваль» есть именно то, что намеревался создать Болдырев, — романтическая повесть по сюжету, по теме, по стилистике, по способу обрисовки действующих лиц. Мне кажется, я не очень ошибусь, если поставлю «Геутваль» в один ряд с лучшими и прославленными произведениями Майн-Рида и Фенимора Купера.

Не стоит подробно излагать содержание повести — автор остался верен своей прежней страсти — Советскому Дальневосточному Северу. Описывается эпизод последних отчаянных попыток чукотских феодалов (я плохо знаю историю этого народа, но, судя по тому, как описывает его Болдырев, владельцев многотысячных стад оленей, державших в беспрекословном повиновении десятки и сотни соплеменников, можно с некоторыми оговорками считать настоящими феодалами) сунуть палку в колесо истории, избежать интеграции с «социалистическим окружением» в послевоенный период. Великолепное знание материала, хорошо и круто сделанная интрига, обаятельные образы героев придают повести Болдырева необычайное очарование, которое не заглушается стилистическими неточностями, кое-где многословием и растянутостью. Скажу прямо: закрывая папку с рукописью, я знал больше, чем открывая ее.

Правда, несколько инородным телом выглядит в повести последний эпизод — начиная с обнаружения избы первопроходца и кончая изложением содержания «заветной казачьей книги». Слишком явно чувствуется здесь стремление автора «оживить» сюжет, а этого ну совершенно не требуется. Эпизод по нужде получился скомканным, неправдоподобным — даже романтическому герою нужно строго отмеривать число случайных удач. Мое предложение: ограничиться в повести находкой избы, а все следствия из этой находки перенести в третью часть трилогии, где ввести их в сюжетную ткань органично и тактично, не так, как здесь. А материал, безусловно, очень любопытный, хотя, как я понимаю, целиком лежит на совести автора.

Вывод. Настоятельно рекомендую выпустить эту повесть, как и «Гибель Синего Орла», отдельным изданием или, значительно сократив, дать в очередном выпуске «Мира приключений».

Аркадий Стругацкий **Отзыв на рассказ Лена Грея** **«Приключение Герби и большого Сола»**

(Пер. с англ. 11 стр.)

Двое профессиональных бандитов приезжают в провинциальный городок в США с намерением «обчистить» его. Но выясняется, что все население этого городка, от мала до велика, от содержательницы мотеля до начальника полиции — сами кого хочешь обставят, когда дело доходит до воровства, шантажа и бандитизма. Герои рассказа, ободренные как липки, убираются восвояси.

Рассказ интересен тем, что яркими красками рисует уголовную сущность американского образа жизни. Но художественно он «не тянет», да и мелковат для альманаха. Следует порекомендовать переводчику дать этот рассказ в «Искатель».

Аркадий Стругацкий
Рецензия на научно-фантастическую повесть
Мюррея Лейнстера «Четверо с пятой планеты»

(Англ., 160 стр.)

Это началось в Антарктике, на научной базе США у берегов залива Гисселя. Однажды ночью научный сотрудник Сомс, обслуживавший радарную станцию службы наблюдения метеоритов, продемонстрировал свое хозяйство молодой журналистке Гейл и сопровождавшей ее военнотружашей, капитану Моггс. Главным прибором станции был поисковый радар, который автоматически обнаруживал метеориты, следил за их полетом в атмосфере и регистрировал их координатные характеристики. В самый разгар беседы радар неожиданно «засек» странное небесное тело. Оно возникло буквально из ничего, т. е. не имело траектории до появления в рабочем поле радара, двигалось в атмосфере беспорядочным образом со скоростью в несколько махов, а затем отвесно, с огромной высоты, рухнуло за горизонт на ледяной щит Антарктики. Одновременно в эфире имел место всплеск шума невероятной мощности и на всем диапазоне радиоволн от УВЧ до самых длинных, заглушивший на несколько секунд все радиопередачи на планете, расстроивший все электронные приборы от ЭВМ до электронных микроскопов, буквально оглушивший всех, кто был в это время поблизости от динамиков. Одновременно имели место мощные сотрясения грунта и взрывная волна странного типа — имплозионная, возникшая в результате как бы «взрыва навыворот».

Чудовищный радиошум и странная взрывная волна были зарегистрированы во всем мире, но загадочное небесное тело и координаты места его падения были наблюдаемы только на радарной станции Сомса. Наутро он вместе с журналисткой Гейл и капитаном Моггс взял вертолет и вылетел на разведку. К своему изумлению, в восьмидесяти милях от базы они обнаружили аппарат, напоминающий космический корабль, и возле него — четверых детей, двух мальчиков и двух девочек, которые спокойно расхаживали по льду, одетые очень легко, в жестокий антарктический мороз при сильном ветре. Вертолет сел рядом, состоялось знакомство. Дети ничем не отличались от обычных земных детей их возраста, разве что были очень хорошо воспитаны и говорили на совершенно незнакомом языке, а английского не понимали. Аппарат их был сильно поврежден при падении, но это их, видимо, несколько не беспокоило. Отдав дань вежливости незванным гостям, они снова принялись за свои занятия, прерванные появлением вертолета. Сомс уже не сомневался, что это инопланетяне, прилетевшие на Землю. Он пришел в ужас при мысли, как это событие отзовется на крайне напряженной международной ситуации, когда США и СССР при малейшей провокации могут ввергнуть мир в пучину атомной войны. Ужас его усилился, когда дети принялись сооружать возле корабля некое устройство, явно предназначенное для сигнализации. И он принял решение. Все приборы, которыми пользовались дети, были сделаны из магниевых сплавов. И Сомс просто-напросто поджег и уничтожил сигнальное устройство. Горе, в которое впали дети, не поддается описанию. Им ничего не осталось делать, как сдаться на милость аборигенов, но предварительно они сжигают и свой корабль. Сомс испытывал муки совести, но он не мог поступить иначе: дети явно собирались дать сигнал целому флоту своих соотечественников, и вторжение на Землю цивилизации, технически обогнавшей землян на много веков, совсем не улыбалось ему: он-то хорошо знал, что случилось с майя, ацтеками и североамериканскими индейцами.

Такова завязка повести.

Дальше события развиваются трагическими темпами. Военное ведомство США, в надежде выкачать из пришельцев техническую информацию, поспешно и тайно перебрасывает детей (вместе с Сомсом и Гейл, ибо они тоже сопричастны к тайне) на одну из тайных баз в западной пустыне. Однако соблюсти тайну не удалось. Мир узнал о

прибытии чужого космического корабля и о том, что американские военные собираются присвоить право на его экипаж с целью получить в свои руки оружие, по сравнению с которым атомные бомбы — детские игрушки. И мир взвыл от ненависти. Ненависть эта усилилась стократ, когда распространился слух (пущенный во время рекламной телепередачи с участием детей, которую военным пришлось устроить в качестве уступки общественному мнению), будто инопланетные гости обладают могучими телепатическими способностями. Опасаясь за свои военные тайны, все государства мира начинают спланировать против США. Атомная война нависла над планетой.

Между тем Сомс размышлял, ставил эксперименты с детьми, сопоставлял данные и делал выводы. Получалось, что дети прибыли на Землю не с другой планеты, а из далекого прошлого. Миллионы лет назад, когда по прериям носились трехпалые лошади, а моря кишели ганоидными рыбами, на Земле уже существовала цивилизация необычайно высокого уровня. Но вот произошла космическая катастрофа. Пятая планета, обращающаяся по орбите между орбитами Марса и Юпитера, по каким-то причинам распалась на мелкие обломки. Последствия были ужасны. Все внутренние планеты оказались под бомбардировкой. Чудовищные глыбы, целые горы, целые горные хребты обрушивались ежедневно и ежечасно на ночную сторону Земли, сметая все живое. Людям удалось создать аппараты для перемещения во времени, для перехода в грядущие эпохи, когда Земля уже залечит свои раны и снова станет пригодной для обитания. Гибли под ударами с неба миллионы людей, но оставшиеся упорно работали, и наконец первый такой аппарат был построен. В него поместили двух мальчиков и двух девочек — на случай, если больше никому не удастся спастись, они должны будут продолжить род человеческий. А в случае благополучного перехода в будущее дети должны были собрать и включить установку — не для сигнализации, как полагал Сомс, а для создания безопасных условий перехода из прошлого в будущее, без катастрофического взрыва, которым сопровождалось появление в нашем времени первого аппарата.

Один из мальчиков совершает побег с базы и пытается сконструировать аналог такой установки на базе крупной электростанции. У него ничего не получается. Однако в самый разгар кризиса, когда мир совсем повис на волоске, когда миллионы американцев в страхе покидали большие города, надеясь укрыться от атомных бомбежек в горах и на малонаселенных равнинах, Сомсу удается войти в контакт с маленьким беглецом. К тому времени дети уже достаточно освоили английский язык и подтвердили Гейл догадку Сомса, добавив, что к моменту их старта от всей первой цивилизации осталось в живых всего около 2000 чел. Две тысячи человек — это уже не угроза современному человечеству. Сомс с помощью бежавшего мальчика сооружает установку, открывающую безопасный проход во времени, и активизирует ее. Восемь кораблей времени с остатками некогда могущественной расы входят в наше время через пятьдесят секунд после отправки первого корабля с детьми.

Военный кризис миновал. Перед человечеством вместо дороги к самоистреблению открылась дорога к далеким мирам.

Полагаю, содержание повести говорит само за себя. Обычная схема: герой, настроенный ярко оппозиционно по отношению к политикам и военным, одним своим талантом спасает сразу два человечества. Установка наивная и раздражающе привычная в западной научной фантастике, но Лейнстеру удалось дать в повести столько горьких и неприглядных фактов американского образа жизни, так едко высмеять самодовольную службу рекламы, глупость и ограниченность американской военщины, тупость и конформизм американского обывателя, что, возможно, стоит эту повесть перевести и опубликовать, сократив по возможности ряд расхожих политических благоглупостей.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на фантастическую повесть Виктора Бабкина** **«Владик из Древней Греции»**

(90 стр.)

Нерадивый тренер спортивной команды третьестепенного заводика в заштатном городке мечтает «обзавестись» классным спортсменом-стайером, который побил бы все рекорды, прославил бы его, дал бы ему возможность выехать на международные соревнования, где бы он, тренер, приобрел бы себе курточку на белой меховой подкладке. Чудесным образом мечта его сбывается — он заполучает классного спортсмена: это ожившая статуя некоего Ладоса, спортсмена древней Спарты, погибшего на Олимпийских играх. Спартянин бегаёт великолепно, но не в интересах тренера показывать сразу все его возможности. Начинается некрасивая возня, в которой участвуют и городские руководители спорта, и директор заводика — ярый болельщик, и председатели местных отделений всесоюзных спортивных обществ, и «представитель прессы». Тренеру и грядущему чемпиону (чтобы не сбежали в другой город) достается новая квартира, идут большие деньги, они прославляются в местной газете. Но, поскольку древнему греку тренировки не требуются, тренер скуки ради вернулся к прежнему образу жизни: принялся тренировать заводскую команду, в то время как «Владик» бешено увлекся футболом. Все кончается тем, что один из заводских ребят, с которым занимался тренер, выходит на мировой рекорд, а «Владик» возвращается в прежнее, гипсовое обличье и выражает намерение в новом своем перевоплощении вступить в заводскую футбольную команду — надо думать, чтобы заставить ее тоже добратся до высот мирового мастерства.

Совершенно очевидно, что повесть эта — не фантастическая, а сатирическая. При всех недостатках ее стилистики, при литературной неряшливости и фельетонной развязности, это очень удачная повесть. Я бы сказал, по едкости и точности в выборе объектов сатирического нападения это разрушительная повесть. Под ее прицелом — вся возлеспортивная сволочь, крупная и мелкая, весь подлый механизм борьбы крошечных честолюбий и откровенно голодных желудков, который скрывается у нас за благороднейшими лозунгами о массовости спорта и о значении физкультуры для народного здоровья, все это грязное безобразие, жиреющее буквально на костях старательных, из сил выбивающихся мальчишек и девчонок. Привлекает в повести не только справедливый гражданский гнев автора. Она очень крепко сделана композиционно, как говорится, у нее мало что можно отнять и не стоит много прибавить. Огромное значение имеет здесь и несомненно близкое знакомство автора с тем и с теми, что и кого он описывает. Собственно, по расстановке сил в этом маленьком произведении можно составить себе полное представление о том, что творится в нашем периферийном (а может, и не только в периферийном) спорте. Я бы сказал о повести так: значительная вещь.

Я целиком за опубликование «Владика». Правда, предварительно предложил бы подвергнуть его стилистической редактуре.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на повесть Г. Кубанского «Монах»**

(196 стр.)

Из мест заключения где-то в сибирской тайге бежал матерый преступник-рецидивист по кличке «Монах». Опытный и ловкий, невероятно осторожный и «грамотный» уголовник благополучно проходит тайгу, добирается до нового города, вырастающего на сибирской реке, и затаивается там. Впрочем, затаивается — не то слово.

Первые же шаги его в городе — преступления. Он находит себе ночлег в сарае с зимним спортивным инвентарем (дело происходит летом, лыжи никому пока не нужны), обзаводится деньгами (совершает ряд дерзких, но очень «чистых» ограблений на улицах), затем завербовывает себе в компанию двух молодых людей — парня и девушку — тунеядцев, высланных в Сибирь из Москвы с назначением на работу, «сопряженную с физическим трудом». Автор убедительно и очень интересно показывает, как буквально каждый шаг «Монаха» опасен для общества, приносит горе людям, развращает и пачкает души окружающих. Самое страшное — мерзавец действует с такой ловкостью, что обнаружить его невозможно. И только через два месяца, сопоставив и сравнив серии преступлений, совершенных в городе, органам милиции удается напасть на след бандита, взять его в кольцо и загнать как дикого зверя. Нет, даже загнать как дикого зверя не удастся этого матерого хищника. Преследуемый, хорошо уже осознавший, что спасения нет, «Монах» в последнюю секунду укрывается... в угрозыске, за три минуты до поимки симулируя «явку с повинной».

Основное достоинство повести Кубанского — образ «Монаха». Насколько можно понять, это преступник нового типа, еще не описанного в нашей уголовной беллетристике. Разумеется, фундаментальными чертами своего характера — крайним эгоизмом, бездушием, способностью на любую подлость в отношении общества — он остается прежним, старым, привычным мерзавцем, такие проходят через всю историю человечества, почти не меняясь. Но это не привычный «блатняга», пьяница, развратник, прожигающий жизнь в короткие перерывы между долгими отсидами. Не безграмотный угрюмый бандит, заросший щетиной и испытывающий садистическое наслаждение от внушаемого им страха. Психологию его можно было бы охарактеризовать примерно таким лозунгом: никаких излишеств, ни водки, ни женщин, никакой крови и никаких «мокрых дел»; я буду потихонечку брать с общества в свою пользу по мере моих скромных способностей, а общество пусть идет само по себе и не мешает мне. Преступник такого вот типа очень страшен, потому что, как правильно указывает Кубанский, ему доставляет удовольствие находиться неузнанным среди тысяч честных людей и наслаждаться своей неуязвимостью. Есть в этом некий азарт, некая порочная цель, ради которой стоит жить человеку с исковерканной психикой. Разумеется, как только дыхание опасности касается его шкуры, он холодно и расчетливо делает все, чтобы предотвратить ее. Так, он разделяется со своей молодой сообщницей, которую любит, насколько такой эгоист способен любить.

Слабее удались Кубанскому образы работников милиции, хотя детективная сторона, логика и пути раскрытия «Монаха» выявлены очень четко и интересно, и читателю становится ясно, что всей опытности «Монаха» в конечном счете не останется, чтобы уйти от возмездия. Правда, и здесь есть некоторый просчет. Дело в том, что по ходу повести милиция выходит на след «Монаха» довольно случайно и только просуммировав и обобщив информацию о достаточно большом количестве совершенных «Монахом» и его компанией преступлений. А ведь стоило «Монаху» вовремя покинуть этот город, как он намеревался, и если бы не был вовремя взят органами ОБХСС преступный директор овощного магазина, которого «Монах» в свое время шантажировал, обнаружить этого мерзавца явно бы не удалось. Ну что ж, это, вероятно, и есть настоящая правда жизни, и в этом большое достоинство повести. У Кубанского хватило такта не делать преступника дураком, что несомненно намного умалило бы значение работы милиции.

Повесть, по-моему, можно публиковать.

Аркадий Стругацкий Рецензия на повесть Юлия Файбышенко «В медвежьем углу»

(Стр. 121)

В повести рассказывается об одном из многочисленных эпизодов свирепой борьбы, которую вели малочисленные тогда и плохо подготовленные отряды милиции против кулацко-эсеровских банд на Харьковщине зимой двадцатого года. О том, как, несмотря на звериную жестокость и хитрость атаманов, украшавших свои папахи черной лентой, несмотря на неопытность и вызванные ею ошибки, молодые коммунисты выслеживают и уничтожают банды развороченных грабежами, насилием и легкой кровью кулацких сынков и дезертиров.

Героям повести, молодым работникам угрозыска Клешкову и Гуляеву, противостоит не только кровавый атаман Кикоть, ведущий войну против красных и против белых, но и подполковник Обольянинов, последний отпрыск древнего боярского рода, резидент врангелевской разведки в тылу Советов. Повествование в рукописи развивается легко и естественно (до определенного момента, но об этом будет сказано ниже), и с первых же страниц ее автор обрисовывает обстановку во всей ее сложности: в смертельной схватке сошлись в разоренной войной и революцией <крае> три силы, и каждая из них стремится уничтожить две другие, у каждой есть своя поддержка в ожесточившемся, запуганном, затравленном непрерывной бойней населении.

Люди в повести очень разные и все по-своему интересные, отношения между ними, как и полагается в дни жесточайших классовых битв, крайне просты и вместе с тем чрезвычайно специфичны.

Очень любопытно, что образ белогвардейца Обольянинова вырисован Файбышенко с явной симпатией. Это, если так можно выразиться, враг благородный, враг поневоле, враг будущей России по недоразумению, а вернее — по странной закономерности великого бунта очнувшегося от векового рабства народа. И вот тут, на наш взгляд, Файбышенко соскользнул с верного тона. Да, Обольянинов очень красноречиво доказал Гуляеву, что у него не было иного выбора, кроме как взяться за оружие против большевиков. И это его красноречие, наряду с такими антиками, как его партии в шахматы, небрежное обращение с оружием в присутствии пленного, облагораживает его образ и заставляет читателя отвлечься от того факта, что он-то все-таки убежденный белогвардеец, каратель, разведчик Антанты! А ведь наверняка и кровавый садист Кикоть, умей он выражаться так же красиво, нашел бы слова для лакировки своей зверской натуры! Мне представляется, что здесь имеет место просчет автора.

Второй просчет — явная кинематографичность, которая накладывается на повествование в последней его трети. Тут и красавица — связанная белогвардейцев, в которую влюбляется сотрудник угрозыска; тут и приходящая в последний момент выручка; тут и выбивание из рук оружия и калейдоскопическая смена положения героев: вот он пленник, и вот он уже завладел пистолетом и сам пленил своего пленителя, и вот пленитель снова завладевает оружием и пленяет героя... и так далее. В кино это, возможно, выглядело бы очень живописно. Но хорошей литературы явно недостойно.

Вообще Файбышенко пишет хорошо. Это — вторая его повесть, с которой я знакоюсь. Если бы не указанные выше промахи и просчеты, повесть нуждалась бы лишь в некоторой стилистической правке. Но я бы порекомендовал редакции предложить ему еще раз пересмотреть рукопись и поработать над нею.

Аркадий Стругацкий Отзыв на рассказы В. Морочко «Сод» и «Бой на восходе солнца»

(30 стр.)

СОД.

Видимо, в довольно отдаленном будущем некий биолог создал с помощью целевой коррекции генетического кода быстрорастущей водоросли растение, споры которого, попав на кожу человека и дав ростки, покрывают все тело пленкой живых волокон. При высоких температурах эта пленка охлаждает кожу, при низких — образует род пушистого покрова, предохраняющего тело от любого холода. Сюжет рассказа достаточно случаен и притянут за уши к научно-фантастической идее.

Полагаю, рассказ <следует> вернуть автору и предложить ему дать рукопись либо в журнал «Техника — молодежи», либо в газету «Соц<и>алистическая» индустрия», где еженедельно одна полоса отводится научной фантастике.

БОЙ НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА.

После окончания служебного дня некий офицер заходит в детский садик за дочкой. То ли во сне, то ли путем фантастических трансформаций он превращается в солдата неведомой армии, дерущейся против другой неведомой армии на неведомой планете, где основной добродетелью считается драться и выжить. Но в ходе жестокого боя, уничтожая идущего в атаку противника, он остывает к этой идее, его охватывает безразличие, а затем он видит, что машины противника забавы ради охотятся за маленькой девочкой, пытающейся от них спастись. Разумеется, это пробуждает в герое забытые было чувства гнева и сострадания, и он, рискуя жизнью, спасает девочку и ее игрушку — плюшевую обезьянку. Придя в себя снова в детском саду и успокоив испуганную его состоянием дочь, он обнаруживает в своей руке упомянутую плюшевую обезьянку. В рассказе имеется еще страница с докладом наставника спецслужбы Времени некоему Военному Совету, из какового доклада следует, что он, наставник, выхватил из нашего времени героя рассказа, психически его переориентировал и намерен послать в бой.

Фантастика на службе сюрреализма имеет право на существование, но, во-первых, не на страницах детгизовских изданий, и, во-вторых, даже она или, скорее, именно она должна преследовать цели посложнее утверждения банальных истин.

Аркадий Стругацкий Рецензия на фантастическую повесть В. Фирсова «И жизнь, и смерть»

(89 стр.)

Исследовательская группа землян на недавно открытой землеподобной планете обнаруживает множество таинственных и непонятных явлений. Планету подготавливают под колонизацию, но, разбираясь в происходящем, земляне в конце концов обнаруживают, что она имеет свою разумную жизнь, весьма своеобразную по биологическому циклу и находящуюся на грани катастрофы, вызванной природными обстоятельствами. Вместо подготовки планеты к колонизации земляне теперь с большим энтузиазмом принимаются за спасательные работы.

Такова сюжетная схема повести Фирсова. Схема эта хорошо знакома любителям фантастики: тайна, непонятные происшествия, логический и экспериментальный поиск, открытие (разгадка тайны). Классическая и чрезвычайно плодотворная схема, по ней написано множество хороших рассказов и повестей, в том числе, например, «Непобедимый» Лема. Она же представляется и наиболее полезной в практическом

смысле: втягивает читателя в соучастие и в сопереживание, заставляет его ломать голову над разгадкой, привлекать для этого весь свой запас знаний.

Ничего не возразишь и против содержания тайны: симбиоз высокоразвитых разумных существ с необыкновенными образованиями растительного происхождения, явление, которое естественно должно поставить в тупик земного человека и породить массу недоразумений, что и требуется для круто сделанной интриги.

И все же повесть написана плохо. Создается впечатление, что автор попросту не видит того, что описывает; психологические реакции персонажей не соответствуют реальному состоянию дел; утверждения на данной странице полностью опровергаются ситуациями, обрисованными на последующих. Фирсов создал свой мир неряшливо, спустя рукава, не заботясь о его логике. Чтобы не быть голословным, рассмотрю для примера первую главу повести.

Стр. 2–3. Ахмед в дисколете, Сергей сошел и требует, чтобы Ахмед вооружился. Ахмед протягивает руку за лучеметом, затем следует обмен неостроумными репликами и «Сергей... вынул лучемет из зажимов и протянул практиканту». Кто где находился в это время?

Стр. 4. Оба героя внизу на берегу ручья устанавливают свой зонд. И вдруг «прямо на них вверх по склону неторопливо катился большой зеленый шар». Откуда и куда по отношению к героям он катился, да еще «все время вверх по не очень крутому склону»?

Стр. 5. «Снизу, вдоль ручья, катился второй шар, гораздо крупнее». А дальше, на стр. 8, оказывается, что все шары катились в одном направлении, «куда стекало несколько ручьев».

Стр. 7–8. «— Пойдем, Ахмед, — Сергей махнул рукой в сторону дисколета. — У нас еще пять точек на сегодня». Эта фраза находится в вопиющем противоречии с тем, что происходит дальше. 1) Никуда они не идут, а возятся с измерениями минут пятнадцать. 2) Потом ждут, когда зонд выберется обратно, и Сергей, поедая бутерброд, размышляет.

Приведенные примеры свидетельствуют о неряшливости автора, не более, о том, что автору самому не видно, что, где и в какой последовательности происходит. Вся повесть полна огрехами такого рода.

А вот огрехи посерьезней. Наши Сергей и Ахмед заняты рутинной работой. И вдруг появляются таинственные зеленые шары. Как явствует из дальнейшего, а) таких шаров никто на этой планете не видел уже 10 лет, и б) в первый и последний раз один такой шар заметили 10 лет назад точно в тот день, когда таинственно исчез тогдашний первопроходец Бестужев. И что же? Как реагирует на их появление опытный космический волк Сергей? «Он полез в карман и вынул бутерброд». Очень правдоподобно психологически, ничего не скажешь.

Появляется пес с обрывками ремешка на ошейнике. С псом этим вообще странная история. Впоследствии выясняется, что принадлежит он анахорету, осевшему здесь десяток лет назад, но на ошейнике — плоская коробочка пеленгатора, явно снятая с космического скафандра одного из последних выпусков. Далее. Пес знает, что такое шары, и смертельно боится их, он даже (как надо понимать) отказывается от бутерброда, когда с характерным треском лопается его упаковка. Но в эпизоде, когда шары появляются, пес не обращает на них внимания. Наконец, само появление пса на необитаемой, по-видимому, планете вызвало очень странную реакцию у наших героев: сначала поразило их до испуга, а затем они просто забыли о нем.

Все эти несообразности взяты на первых же восьми страницах текста. И ими полна повесть. Вот, например, о трагическом исчезновении Бестужева герои долдонят при каждом удобном случае, а когда тайны планеты разгадываются ко всеобщему удовольствию, о нем начисто забывают.

Полагаю, следует предложить автору тщательно пересмотреть и просто переписать повесть. В таком виде она представляет собой очередного мальчика для битья в современной фантастике.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на рассказы Н. Селецкого «ЭСКОЛ–4791»,** **«И через сто лет», «Они не вернулись»**

(18 стр.)

ЭСКОЛ–4791.

Ученый под страшным секретом сообщает своему любимому ученику, что таинственная передача из космоса расшифрована, что на нашей планете собираются приземлиться пришельцы и что против них будут приняты меры. Но любимый ученик оказывается роботом, заброшенным на Землю пришельцами, и он предупреждает своих хозяев.

И ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ.

Робот-поэт принес роботу-редактору плохие стихи. Робот-редактор раскритиковал стихи за отсутствие логики.

Оба рассказа принадлежат к уже вымирающему ныне жанру анекдотов о роботах. Вряд ли стоит публиковать их в альманахе. Можно порекомендовать автору обратиться в «Технику — молодежи», в «Искатель» или в «Неделю».

ОНИ НЕ ВЕРНУЛИСЬ.

Космонавты, улетевшие в межгалактический рейс к планете Разумной, героически остаются там навсегда, чтобы спасти племя поработанных разумных спрутов от поработителей (спрутов же), торгующих мясом своих рабов.

Рассказ без особых литературных достоинств, публиковать, по-моему, не стоит.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и** **рассказов И. Росоховатского «Что такое человек?»**

(383 стр.)

Сборник составлен из трех повестей и пяти рассказов, очень разных по жанру, теме и художественному уровню. Рассматривать его мы начнем с повестей.

ПОВЕСТЬ «ПУСТЬ СЕЯТЕЛЬ ЗНАЕТ» (166 стр.).

Где-то на нашем Тихоокеанском побережье, в укромной глубокой бухте, погибло несколько аквалангистов. Исследуя причины их гибели, научная экспедиция наткнулась на очень странный, неизвестный доселе вид осьминогов. После многих приключений и мучительных переживаний, потеряв одного из работников и пережив опасности, экспедиции удалось установить следующее. Осьминоги — новый вид, возникший в результате мутаций из-за контакта с контейнерами, содержащими радиоактивные отходы. Мутация привела к появлению у осьминогов разума и гипнотелепатических способностей. Для «нормального» размножения и выведения потомства им необходим повышенный уровень радиации. Сами они только-только начали создавать простейшие реакции и попытались навязать людям свою дружбу и помощь в военном деле, рассчитывая, что в самом недалеком будущем начнется водородно-атомная война, которая, естественно, должна заразить радиацией все океанские воды и, таким образом, способствовать передаче власти над планетой им, осьминогам. К счастью, люди вовремя разгадали этот жуткий замысел и истребили так некстати появившихся «братьев по разуму».

Идейно-политический контекст повести очевиден: пусть сеятель знает: что посеешь — то и пожнешь. Неизвестно, какие ужасы могут последовать в результате заражения планеты радиоактивными и иными отходами. Росоховатский предлагает свой вариант, ей-богу, далеко не самый страшный и, уж во всяком случае, не самый вероятный, но один из самых интересных для литературного воплощения. Хорошо разрешена и щекотливая в

морально-этическом плане проблема: как быть с опасными для человечества носителями разума? Да уничтожить их, совершенно правильно отвечает Росоховатский. Гуманизм — прерогатива людей. Гуманизм — от людей, но только для и ради людей. Одним словом, идейный и моральный аспект повести не вызывает никаких возражений.

Гораздо хуже обстоит дело с художественной стороной. Собственно, не с языком повести, который в общем и целом выдержан на «среднестатистическом» литературном уровне, находками не блещет, но и неграмотности не обнаруживает; а с самой сюжетной схемой. В подробности вдаваться не стоит, но заметим самое скверное и неприятное для произведения, рассказывающего о раскрытии тайны: читатель уже давно обо всем догадался, а герои так ничего и не понимают, и автор громоздит приключения за приключениями, чтобы на героев наконец снизошло озарение. (Открываю рукопись наудачу, 12-я страница. Осьминог протягивает щупальце в направлении массы планктона. Только что перед этим шел разговор о возможной разумности этих животных. Один из героев замечает: он (осьминог) словно попрощался, сказав: ищите загадку там, где планктон. На что другой герой — начальник экспедиции, энтузиаст, творец удивительных гипотез — порет пошлятину: ого, старина, у тебя богатое воображение, почему бы тебе не заняться фантастикой?)

Повесть интересна, но печатать ее в таком виде ни в коем случае не следует. Автору предстоит еще много работы для ее доводки.

ПОВЕСТЬ «НЕУДАЧНИКИ» (107 стр.).

Повествование ведется от первого лица, и это отличный прием. Поначалу (да и много далее) не догадываешься, о ком идет речь, хотя автор щедро разбросал множество намеков, которые могли бы дать вдумчивому читателю все возможности для разгадки. Итак, некий медик, обладающий огромным опытом и знаниями, создатель некоей фантастической аппаратуры и хранитель некоей страшной Тайны, спасается от преследователей. Дело происходит в какой-то не то африканской, не то южноамериканской стране. Героя преследуют все: полиция, тайные организации, наемные сыщики и наемные убийцы, но он неуловим. Ему удается скрыться в глубине джунглей, его выслеживают, и в последний момент его спасают пришельцы с иной планеты. И вот только тогда выясняется, что герой — не революционер, не великий ученый, а мерзавец, военный преступник, эсэсовский врач, истязавший людей в концлагерях, проводивший страшные эксперименты на живых людях. Выясняется, что аппарат, созданный им, — определитель интеллигентности, а Тайна заключается в том, что с помощью этого аппарата медик задолго до конца узнал: главари Третьего рейха — сумасшедшие и кретины.

Это хорошая, крепко написанная и исполненная настоящего трагизма повесть. Я предлагаю опубликовать ее — может быть, в альманахе, а возможно, и в авторском сборнике отдельной книжкой.

ПОВЕСТЬ «СИГОМ И СОЗДАТЕЛЬ» (38 стр.).

Это по жанру притча, литературное обобщение на основе эпизода, призванное служить назиданием поучающемуся. Сигом — так автор называет синтетическое человекоподобное существо, наделенное сверхчеловеческими возможностями, — созданный неким Создателем для покорения мира, в порядке ознакомления с этим миром встречается с множеством людей, вмешивается во множество ситуаций, совершает множество преступлений и добрых дел. Чувств он лишен, наделен исключительно логикой. И логика приводит его к убеждению, что завоевывать мир не стоит, что Создатель — никому не нужный дурак и что выпренная фраза «мир принадлежит сильным» не имеет однозначного смысла.

Повесть читается с интересом, не лишена определенных достоинств (как притча), полагаю, достойна опубликования.

Теперь о рассказах.

«ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ» (12 стр.).

Экспедиция инопланетной цивилизации — существа на электронной основе в незапамятные времена посетили Землю и оставили на ней биороботов, предков нынешнего человека. Когда через миллион лет вернулись, то были поражены: потомки их биороботов являлись повелителями роботов электронных, точь-в-точь таких же, как инопланетяне.

Анекдот весьма распространенный, на мой взгляд интереса не представляет.

«ФАНТАСТИКА» (6 стр.).

Рассказ о мощи детского воображения. Мальчик так вещественно представил себе Гавроша, спасающего знамя от врагов, что действительно получил это знамя.

Рассказ нуждается в литературной правке, но в случае издания авторского сборника его можно в сборник включить.

«АЗЫ» (14 стр.).

Научно-фантастический рассказ о создании анализатора запахов. Довольно типичное в НФ произведение об истории изобретения. На мой взгляд, интереса не представляет.

«УЧИТЕЛЬ» (10 стр.).

Отчаявшись совладать с трудновоспитуемым мальчиком-калекой, возненавидевшим весь мир, директор интерната передает его в специальное заведение, которым заведует сигом — синтетический антропоид со сверхчеловеческими способностями. Он справляется с любым неполноценным ребенком, потому что его создатель «создал его хромым, слепым, горбатым» и дал ему «только мощный разум и детские желания как первую программу». И он сам создал себя.

Замысел интересен, но сам рассказ на слишком низком художественном уровне.

«ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК?» (30 стр.).

Философский рассказ-очерк о сущности понятия «человек». Идеи, высказанные в нем, не новые, но очень интересные для молодежи. Полагаю, рассказ следует подшлифовать, и тогда он будет вполне достоин опубликования.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **Ответы на анкету «Наука и общество»** **«Литературной газеты»**

1. Чем Вы объясняете тот факт, что наука за последние десятилетия заняла столь важное место в жизни общества? Сохранит ли она и в будущем такое же место?

На протяжении последнего полувека наука доказала практически — «весомо, грубо, зримо» — свою способность самым решительным образом менять условия существования огромных человеческих масс. Вниманию человечества были предложены чрезвычайно широкие возможности — от всемирной «зеленой революции» до всемирного ядерного пожара, от покорения Солнечной системы до превращения обитаемой Земли в необитаемую планету. Эту невиданную ранее свободу выбора предоставила человечеству наука — и не в виде абстрактных фантазий, поражающих лишь воображение, а в виде совершенно конкретных открытий, расчетов, экспериментов, вселяющих самые светлые надежды и самые мрачные опасения. Наука сделала будущее наглядно многовариантным и предложила свои услуги в осуществлении любого из этих вариантов. Наука позволяет управлять будущим и контролировать его — в конечном итоге именно это обстоятельство обеспечило науке ее место в жизни современного общества. И место это, надо думать, сохранится за наукой до тех пор, пока человечество остается озабочено своим будущим.

2. Какое научное событие последних лет в наибольшей степени взволновало Вас?

Расшифровка генетического кода. Попыты по управлению поведением путем непосредственного воздействия на мозг. Работы по трансплантации органов. Первые

полеты в Космос и высадка человека на Луну. Удивительные открытия этологов... Словом, все, что разрушало сложившиеся представления об ожидаемом и невозможном.

3. Какие наиболее важные научные открытия могут произойти в обозримом будущем? О чем Вы мечтаете?

Большинство научно-технических идей, развитых в фантастических романах, будут реализованы, как нам кажется, на протяжении ближайших 30–50 лет. Многие из них будут, конечно, при этом переформулированы, как в наше время были переформулированы идеи древних сказок о ковре-самолете и чудо-зеркальце. Но больше всего нам хотелось бы увидеть разработанной и готовой к приложению теорию воспитания человека, которая неизбежно должна будет возникнуть на стыке теории информации, биологии, медицины, психологии и социологии. На наш взгляд, создание такой теории является сегодня научной задачей номер один — не только по важности, но, к сожалению, и по сложности.

4. Не может ли, на Ваш взгляд, быстрое развитие науки привести к каким-либо отрицательным последствиям?

«Какие-либо» отрицательные последствия можно усмотреть в результате любого социального действия, причем тем большие, чем больше масштаб самого действия. Быстрое развитие науки в этом смысле, разумеется, не исключение. Но ведь и медленное развитие науки приводит к отрицательным последствиям — голод, эпидемии, мракобесие...

5. Есть ли, по Вашему мнению, «запретные», с точки зрения морали, области научных исследований? Какие? Почему?

Запретных областей научного исследования существовать не должно. Запретными могут быть лишь методы исследования и способы применения открытий.

6. Могут ли существовать какие-либо основания для прекращения исследования, которое само по себе развивается успешно? Если да, то какие?

Если методы исследования антигуманны, исследование должно быть прекращено безусловно и не возобновляться до тех пор, пока не будут найдены иные методы.

7. Мешает ли науке острый интерес к ней со стороны общественности?

Сам по себе интерес помешать не может, скорее уж наоборот. Но вот некомпетентное вмешательство в науку со стороны общественности или от имени общественности помешать несомненно способно — достаточно вспомнить судьбу Галилея.

8. Не кажется ли Вам, что после периода всеобщего увлечения точными науками наступает период некоторого охлаждения по отношению к ним со стороны молодежи (возможно, один из признаков этого — уменьшение конкурса на факультеты точных наук)?

Скорее, нет. Уменьшение конкурса, на наш взгляд, — это, прежде всего, следствие предшествовавшего возрастания конкурса и резкого повышения уровня требований на вступительных экзаменах.

9. Способны ли литература и искусство оказать определенное воздействие на развитие научно-технической мысли?

Косвенное воздействие — несомненно. Как созерцание природы, как спорт, как быт. Известны случаи и более сильного влияния (Достоевский и Эйнштейн, например), но это скорее исключения: наверное, надо быть Эйнштейном, чтобы на твое научное творчество столь мощное влияние оказал Достоевский.

10. Не кажется ли Вам, что успехи естественных наук порождают у части ученых определенное пренебрежение к литературе и искусству? Если да, то как противостоять этому?

Большинство известных нам ученых живо интересуются и литературой, и искусством, хорошо их знают и тонко чувствуют. В этом отношении они ничем не отличаются от любого культурного человека всех времен и народов. С другой стороны,

очевидно, что современный ученый — это, как правило, узкий специалист, и у него, как и у всякого узкого специалиста, нет ни времени, ни особенного желания отвлекаться на что бы то ни было, мало касающееся его специальности. Это не пренебрежение к литературе, это — равнодушие к ней, опять же достаточно характерное для любого человека, почему-либо не приобщившегося на протяжении своей жизни к мировой культуре.

11. Способствует ли само по себе занятие наукой воспитанию высоких нравственных качеств?

В наше время научный сотрудник — профессия массовая. А насколько нам известно, никакая массовая профессия (даже профессия врача или педагога) сама по себе не способствует воспитанию высоких нравственных качеств.

12. Хотели бы Вы, чтобы Ваш сын или дочь стали учеными? В какой области? Почему именно в этой?

Мы не возражали бы, но и не стали бы настаивать. Гораздо важнее, чтобы дети любили свое дело и делали его хорошо.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на фантастическую повесть Дж. Хартриджа** **«Спящие пробуждаются»**

(Jon Hartridge «Earthjacket», 182 стр.)

В результате чудовищной атомно-водородной бойни, случившейся на рубеже 20-го и 21-го веков, огромное большинство населения Европы, Азии, обеих Америк и Австралии с Африкой было истреблено, атмосфера, почва и воды планеты были заражены смертоносной радиацией, и жизнь на поверхности Земли стала невозможной. Остатки цивилизованного населения под руководством уцелевших ученых и техников начали зарываться в пещеры и подземные пустоты, укрывшись под газонепроницаемыми куполами и обеспечив себя полностью регенерационными циклами воздуха, воды и пищи. В течение нескольких последующих веков загнанное под землю население организовалось в изолированные друг от друга самодовлеющие коммунальные системы с полностью автоматизированной машинерией жизнеобеспечения. Социальное устройство этих систем выродилось за это время в некое подобие кастового общества: меньшинство, техники-наблюдатели, живут полнокровной и даже роскошной жизнью, и большинство, так называемые «спящие», прозябают на голодном кислородном, пищевом и водном пайке, проводя отпущенные им сроки жизни полностью или большей частью в глубоком сне, довольствуясь яркими грезами, которые внушаются им хитроумной грезогенераторной аппаратурой. Забыта прежняя история человечества, никто уже не помнит о прекрасной зеленой планете, мир сжат до пределов подземных пустот, в которых расположены эти поселения. Но время идет, грандиозная машинерия, созданная гением предков, постепенно изнашивается, потери воздуха, воды и пищевой органики, взятых некогда для инициирования регенерационного цикла, становятся все чувствительнее. И самые светлые умы подземного человечества начинают искать выход из этого положения. Выход один — обратно на поверхность, которая давно уже очистилась от скверны атомной бойни. За эти века по материкам расселились выходцы с мелких островов, из пустынь и из тундр, предки которых уцелели во время войны. Но места там много, воздуха много, и воды и пищи предостаточно.

Таков «исторический» фон новой «карты ада», созданной воображением молодого английского писателя-фантаста Хартриджа. Содержание же романа сводится к следующему. В подземном поселении Лемингтон взбунтовался один из Спящих, герой повести по имени Филипс. В результате неполадки в системе грезогенераторов, напуганный и разъяренный кошмарным сном, он вырывается на свободу и знакомится с совершенно неизвестным ему миром техников. Как ни странно, техники не только не

преследуют и не наказывают его, но и берут его под свое покровительство. Потом выясняется, что на таких людей, как бунтарь Филипс, делают ставку руководители техников, в расчете, что именно они помогут загнивающей системе выйти из кризиса. Впрочем, надежда не оправдывается. Спящие для техников — давно уже не ровня, и когда оказалось, что подкормившийся властью и получивший возможность дышать полной грудью Филипс проявляет недвусмысленные признаки сексуальной активности, от него решают избавиться. Много страшных и опасных приключений пришлось пережить Филипсу. В его душе зреет возмущение против бесчеловечной двукастовой системы, он готовит и осуществляет революцию в одном из поселений, его преследуют, чтобы уничтожить, но в конце концов, с помощью мудрецов подземного мира, он находит выход на поверхность и решает посвятить себя возвращению Спящих к жизни в нормальных условиях.

Повесть написана хорошо, сюжет увлекателен, хотя основные его узлы скомпонованы из ряда произведений западной фантастики, уже известных советскому читателю. В общем, можно рекомендовать эту повесть к переводу и публикации, если редакция не сочтет несовместимым со своей политикой ряд сексуальных сцен, которые играют немаловажную роль в повествовании и не могут быть безболезненно выброшены из него.

Аркадий Стругацкий

Рецензия на научно-фантастическую повесть К. Ломера «Дом в ноябре»

(Keith Laumer «The House in November», англ., 192 стр.)

Однажды утром Джеф Мэллори проснулся и обнаружил, что за прошедшую ночь прошло несколько месяцев и весь мир изменился. Исчезла его старшая дочь, хозяйство в доме пришло в запустение, жена и младшие дети, изможденные и осунувшиеся, торопились на какую-то неведомую работу, в кустах под окном лежал неприбранный высохший труп соседа, а на месте старой церкви напротив возвышалась колоссальная зеленая башня, уходящая вершиной в облака и окруженная непреодолимой черной стеной. Странные существа, не то куклы, не то люди, сгоняли жителей на неведомую работу за этой стеной, пытались они схватить и Джефа, но ему удалось бежать из этого города, и тут он обнаружил, что и за его пределами мир как будто сошел с ума, и соединенные войска США и СССР собираются напасть на город, чтобы разгромить его, убежденные, что город оккупирован китайцами...

После многих приключений и смертельных опасностей Мэллори удается узнать, что все население земного шара, за исключением нескольких тысяч человек в его родном городке и в окрестностях, истреблено чудовищной чумой, вызванной появлением на поверхности нашей планеты десанта разумных вирусоподобных тварей, обладающих даром внушения и абсолютной адаптации, вышедших из глубин межгалактического пространства и остановившихся в Солнечной системе для того, чтобы оборудовать гнездо для спорносящей матки, которая должна будет разродиться миллиардами новых спор, предназначенных для пожирания всего живого на нашей планете.

Узнает Мэллори также и то, что он — потомок одного из вахтенных галактического караула, разбросанных по космическому пространству со специальной целью подстеречь появление чудовищных вирусов и дать сигнал, по которому вся планета вместе с вирусами будет истреблена в профилактических целях. Наделенный фантастическими парапсихологическими и психокинетическими способностями, перешедшими к нему по наследству от его сверхразумного предка, спутавшегося с земной барышней, Мэллори вступает в борьбу с колонией вирусов, засевших в зеленой башне, и побеждает. Остатки населения Земли спасены, и дух уничтоженной колонии извиняется перед Мэллори за

причиненные разрушения, обещает впредь охранять землян и пророчит им большую будущность.

Американец Кейт Ломер — не новичок в научной фантастике. Его перу принадлежат более трех десятков повестей и рассказов, мне известна по крайней мере еще одна его повесть — «Нашествие демонов», также трактующая тему вторжения из космоса. Надо сказать, ему нельзя отказать в способности заинтриговать и увлечь читателя, втянуть его в мир странностей и неожиданностей, убедительно показать поведение среднего человека в невероятных обстоятельствах. Но вот когда дело доходит до развязки, до необходимости распутать круто закрученную интригу, короче, дать объяснения и свести концы с концами — тут Ломер действует с неописуемым простодушием бульварного романиста.

Скорее всего, у него не хватает ни умения, ни терпения выдержать произведение до конца в том же тоне и духе, в котором он вел его до критической точки. И тогда оказывается, что герой, которого читателю представляли как сильного и способного человека, вовсе человеком не является, ибо автор вначале наделяет его (чтобы помочь ему, а заодно и себе самому выпутаться из всех неприятностей) совершенно сверхчеловеческими способностями, а затем, чтобы объяснить внезапное появление у него этих самых способностей, беззастенчиво наделяет его еще и внеземным происхождением. Жуткая безликая масса вирусной колонии, зловеще нависшая над побежденной планетой, организованная в псевдоразумную систему, по словам самого же автора — бесконечно чуждая человечеству и вообще гуманоидному разуму, — разлетевшись в пыль под натиском психики героя, вступает с ним в «посмертную» телепатическую беседу и при этом порет лютейшие пошлости в духе побежденных благородных врагов у какого-нибудь Буссенара или Хаггарда. Американский полковник вкупе с советским лейтенантом ведет себя перед лицом неведомой опасности как последний кретин, до последней минуты убежденный, что вонючий городок в Небраске захвачен китайским десантом, невзирая ни на уверения очевидца Мэллори (это бы еще куда ни шло), ни на то обстоятельство, что уже в нескольких милях позади его лагеря начинается совершенно лишенная населения поверхность его родной планеты... И все в интересах сюжета, хотя читать страницу за страницей о его препирательствах с героем просто скучно.

Полагаю, повесть «Дом в ноябре» не стоит представлять советскому читателю.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на фантастическую повесть Пола Андерсона** **«Операция “Хаос”»**

(Poul Anderson «Operation Chaos», 232 стр.)

Стало уже традицией делить зарубежную фантастику на две большие группы — «сайенс фикшн» (собственно научная фантастика) и «фэнтези» (фантастика сказочная). Произведения первой группы содержат повествования о полетах к дальним мирам, о нашествиях из космоса, о научно-технических чудесах и социологических катаклизмах грядущего, о необычайных научно-технических открытиях и т. д., словом, их сюжеты основаны на признании беспредельного могущества материальных носителей разума, будь то люди, марсиане, электронные машины и проч. Сюжеты произведений «фэнтези», напротив, основаны на столкновении человека с элементами, порожденными исторически сложившимися суевериями: с богами, дьяволом, привидениями, домовыми и пр., хотя стилистически это, разумеется, не сказка в обычном смысле слова, а скорее уж аллегории на современные темы.

Но есть произведения, стоящие как бы на грани между «сайенс фикшн» и «фэнтези». В них действуют вурдалаки и ведьмы, в них имеют место магические превращения и материализация духов, однако авторы этих произведений, так сказать, подводят под всю эту атрибутику совершенно материалистическую основу. Вот, например, как описывает

процесс превращения из человека в волка герой-вервольф: «Ощущение, будто тебя всего скручивает и разрывает на части, короткое пьяное головокружение, полужестатическая боль пронизали все мое существо. Атомы перетасовались в совершенно иные молекулы, нервы утратили одни окончания и вырастили новые, кости на мгновение стали жидкими, а мускулы уподобились растянутой резине. Затем я стабилизировался, отряхнулся, просунул хвост в клапан своих обтягивающих штанов и лизнул Вирджинии руку...» Действие таких произведений иногда происходит в старинной стране магов, куда судьба забрасывает героя — нашего современника, иногда это целая вселенная, построенная на «магированной» физике и химии. Как бы то ни было, таких произведений не очень много, и большая их часть написана известным американским фантастом Полом Андерсоном.

Действие его повести «Операция “Хаос”» происходит в некоей соседствующей Вселенной, в основном ничем не отличающейся от нашей. Те же галактики, те же звезды, те же планеты и их спутники. И та же Земля, с практически той же историей, с ее социальными неурядицами, со 2-й мировой войной, с Америкой, с газетными синдикатами, с Голливудом. Но место наших естественных наук там занимает магия, естественные же науки считаются (и являются) неубедительными и малоэффективными. Не физические, а магические законы определяют структуру этого мира, и это не удивительно: помимо «среднего» мира, привычного и знакомого нам, эта соседствующая Вселенная включает в себя еще и «верхний» мир (рай) и «нижний» мир (ад). Тамашнему человечеству мало что известно о «верхнем» и «нижнем» мирах, разве что «верхний» мир есть мир полной победы над энтропией, а «нижний» — мир полной победы энтропии, хаоса. «Средний» мир является как бы нейтральной полосой между этими антагонистическими мирами, и силы их лишь в редких случаях вторгаются в дела человечества. Таков сюжетный фон повести «Операция “Хаос”».

Действие начинается с критического момента в истории тамашней Земли. Через несколько десятков лет после окончания 2-й мировой войны одна из еретических мусульманских сект, вооружившись до зубов, захватила все мусульманские государства и объявила священную войну против всего остального человечества. Покорена Европа, раздавлена Азия, мусульмане высадились в США и овладели половиной их территории. Здесь силы уравнились. Ключевой позицией фронта оказывается город Трольбург, в котором окопались мусульмане. Если прорвать их позиции в этом районе, победа за американцами. Но командованию стало известно, что противник получил в свое распоряжение кувшин с ифритом, каковым он собирается нанести сокрушительный удар по неверным и сломить их до конца. Герои повести, вервольф-оборотень капитан Матушек и прекрасная ведьма капитан Джинни Грейлок получают задание проникнуть в Трольбург и любыми средствами обезвредить ифрита. Автор увлекательно и с большим знанием дела описывает ход этой диверсии. Пока капитан Матушек в волчьем облике отвлекает на себя патрулей на коврах-самолетах, дерется с тигром-оборотнем, подвергается пыткам на допросе, спасается и снова сражается с многочисленными врагами, Джинни проникает в башню, где хранится кувшин с ифритом, производит психоанализ чудовища и, выяснив, что оно страдает водобоязнью, запугивает его так, что оно дает слово никогда в будущем не вылезать из кувшина. Диверсия определила исход войны: Трольбург был взят штурмом, мусульмане сброшены в море, в Европе и России начались повсеместные выступления против оккупантов, и вот на Земле снова воцарился мир.

Герои демобилизовываются, поступают учиться в институт магии, переживают ряд страшных и забавных приключений, обуздывая вырвавшуюся на свободу саламандру — Дух Стихии Огня, а затем женятся и производят на свет очаровательную дочку. Но вот однажды Матушек, уже работник одного из крупных промышленных предприятий, поссорился с руководителем новой религиозной секты, и по проклятию этого типа дочь Матушека оказалась похищенной силами «нижнего» мира, т. е. попала заживо в ад.

Последняя треть повести посвящена похождениям Матушека и Джинни, которым удалось прорваться в ад и спасти свою дочь в битве против армии демонов, похождениям, не лишенным интереса, но уж слишком серьезным тоном написанным.

Вообще вся повесть от начала и до конца читается с большим интересом, хотя легкость и ироничность первой ее трети («военной») в дальнейшем сходит на нет и уступает место тяжеловесным, со многими «теоретическими» отступлениями, описаниям, в которых много места занимает квазиполитика, а ирония сменяется откровенным стремлением поразить воображение читателя стр-р-рашными эпизодами походов героев в храме секты дьяволистов и, особенно, в «нижнем» мире.

Если бы мне задали сакраментальный вопрос: «А зачем это написано?» — я, наверное, не нашелся бы что ответить. В этой забавной повести нет социальной проблематики, нет острых политических ситуаций. Здесь есть «только» игра ума. Ума изящного, тонкого, знающего. И если даже редакция не сочтет нужным публиковать повесть полностью, то уж хотя бы «военную» ее часть следовало бы перевести непременно. Такое чтение доставило бы массу удовольствия сотням тысяч читателей.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на фантастическую повесть Брайана Болла** **«Яма во времени»**

(Brian Ball «Timepit», 188 стр.)

В четвертом тысячелетии нашей эры человечество зашло в тупик. Застойное и разлагающееся общество потребления медленно и уверенно катится к катастрофе. Люди перестали думать, дерзать, рисковать. Героическое прошлое забыто, почти все тайны природы раскрыты и служат максимальному удовлетворению аппетита и сексуальных вожделений. И как анахронизм, как реликтовое явление остались еще личности, которым это не по вкусу, которые идут на все, чтобы разбить вдребезги это застывшее самоудовлетворение. Таков герой повести, некий Келп.

В сравнительно недавние времена, когда люди еще ходили экспедициями на недоступные планеты, был обнаружен странный и чудесный инструмент, изготовленный неведомой и без следа исчезнувшей расой разумных существ. Это Рычаг Времени, устройство, контролирующее целостность вселенского пространственно-временного континуума. Рычаг Времени был доставлен на планету-столицу и передан под строжайшую охрану чудовищным синтетическим существам, неуязвимым Охотникам, являющим собой хитрейшее соединение могучих машин с шизофреническими человеческими мозгами.

Келп, одержимый навязчивой идеей изменить ход истории любой ценой, пробудить человечество от вальяжной спячки, в которую оно погрузилось, увидел единственное средство: завладеть Рычагом Времени и разрушить Вселенную. Сначала это не удалось: его друзья погибли, а сам он был осужден на пожизненное заключение (в те отдаленные времена это означает погружение в сон до момента физической смерти с сопутствующим просмотром бесконечного количества героических грез). Но залетевшая в камеру оса кусает его за нос, и Келп пробуждается к активности. Охрана тюрьмы поставлена из рук вон плохо. Келп, парень боевой и смерти не боящийся, вырывается на волю и при помощи подоспевших рабов-роботов штурмом берет хранилище, где был спрятан Рычаг Времени. И разбивает его.

Начинается хаос. Пространство и время разваливаются в клочья. Сам Келп попадает в крошечную вселенную с циклоидальным ходом времени, в которой проводит миллионы лет. Теоретически такое положение должно было продолжаться вечно, но вдруг почему-то Келп проваливается в другую вселенную, несколько крупнее, представляющую собой гостиную 20-го века, куда попали еще до него пять человек — мелкий клерк из 19-го века,

очаровательная женщина из 20-го, девушка из 3-го тысячелетия, непонятное существо, взявшее на себя роль горничной, и жуткий мужик из ледникового периода, которого катаклизм лишил обеих ног — ноги у него оказались в другом измерении. Последующие события напоминают сюрреалистическую пьесу, но в конце концов выясняется следующее: хаос, наступивший в результате беззаветно-легкомысленного поступка Келпа, не бесконечен. Какие-то силы пытаются овладеть им и вернуть Вселенной первоначальный вид. В ходе необычайных происшествий, сопровождающихся смертельными приключениями, Келпу и его новым товарищам удается понять, что контроль над хаосом пытаются установить две силы. Во-первых, некие Демоны Времени, разумные существа неведомой природы, возникшие в незапамятные времена начала мира, воплощающие в себе идею демонов Максвелла — гипотетических борцов против мировой энтропии. Во-вторых, соотечественники и современники Келпа, пробужденные взрывом Вселенной от нирваны обжорства и похоти и взявшиеся за дело. Келп и его друзья становятся посредниками между Демонами и человечеством, и Вселенная начинает восстанавливаться.

Но Келпу нет места в этой обновленной Вселенной. Он по природе своей слишком опасен для человечества. Правда, его не возвращают в тюрьму, но переносят в 19-й век, где ему суждено быть миссионером в Черной Африке. С помощью девочки (из числа упомянутой пятерки) ему удается покинуть 19-й век, и он готов к новым приключениям и новым возмущениям спокойствия.

Повесть на редкость странная и оригинальная. Человеческая идея ее банальна — опять и опять гордый и сильный одиночка переворачивает мир вверх дном, но сюжетный материал чрезвычайно интересен. Тем не менее я не решаюсь рекомендовать повесть к переводу и публикации. Не говоря уже о героизации возмутителя спокойствия, не говоря о сексуальных сценах и намеках, которыми полна повесть, сюжет произведения содержит множество логических противоречий, часть которых, возможно, проистекает из того, что повесть является, видимо, второй частью трилогии, ни первый и ни третий том которой нам неизвестен.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на фантастическую повесть Чарльза Платта** **«Планета волян»**

(Charles Platt «Planet of the Voles», 192 стр.)

Томас был тем, кого в наше время называют военным корреспондентом. Зачатый вместе с тысячами других солдат и командиров в колоссальной механической матке, выросший в недрах гигантского боевого корабля, воспитанный в духе непримиримой ненависти к волянам, вторгшимся в пределы исполинской империи землян, охватившей половину галактики, он знал только одно: запечатлеть на пленке подвиги своих «единоутробных» братьев и слагать о них героические баллады. Волян он просто ненавидел. Он не знал о них ничего. Впрочем, никто из землян ничего о них не знал. Они вынырнули из неведомых глубин Вселенной и начали завоевание миров, колонизированных землянами, методически разрушая все, что создано земным гением, и превращая население их в тупых и покорных скотов.

Боевой корабль, на котором родился, вырос и воспитывался Томас, шел к одной из планет, оккупированных волянами. По пути он подвергся нападению волянского крейсера, весь его экипаж, за исключением Томаса и инженера Джона, был уничтожен. Томасу и Джону удалось благополучно высадиться на оккупированной планете. Они делают целый ряд открытий: во-первых, воляне уничтожают или усыпляют людей странным газом, проникающим через все преграды и действующим мгновенно; во-вторых, земное население под властью волян содержится под непрерывным воздействием

наркотиков — только считаным единицам удается избежать духовного коллапса; в-третьих, неуязвимые и смертоносные крепости волян, об которые сломали зубы столько боевых экспедиций с Земли, оказались муляжами, пустышками, автоматическими боевыми устройствами, назначение которых — отвлечь внимание боевых сил Земли от истинных жизненных центров волян.

Томас и Джон вступили в контакт с силами сопротивления на оккупированной планете. Боевая техника Земли позволила им буквально творить чудеса, но все равно, в ходе смертельных приключений Томас заметил, что воляне щадят его. Десятки и сотни волян падают мертвыми от его руки, но ответные удары бьют нарочито мимо. Надо сказать, что у волян матриархат, и Томас, завладевший некоторыми документами волян, становится в тупик перед портретом их командирши. Нет, он не влюбляется в нее, но он ощущает какую-то странную и непостижимую связь с нею, и это мешает ему по-настоящему торжествовать победу, когда им удастся овладеть секретом иммунитета в отношении рокового газа волян и вернуть к жизни и борьбе тысячи одурманенных колонистов на оккупированной планете.

Разъяренные и осатаневшие от ненависти солдаты Земли штурмуют цитадель волян, уничтожая все живое, разрушая и предавая огню поразительные по красоте произведения инопланетной архитектуры. Томас тоже участвует в штурме, но ему не по себе. Куда делась воспитанная в нем с детства воинственность и агрессивность! Он озабочен только одним: найти и спасти ту женщину. В хаосе огня и разрушения он идет по ее следам, но она ускользнула от него. И только вернувшись на свой корабль, он обнаруживает, что она уже тут, в боевой рубке, неуязвимая и прекрасная. Встреча состоялась.

И она объясняет ему, кто он такой. Применяя свои гигантские телекинетические способности, воляне воздействовали на зародыш Томаса в механической матке, стремясь превратить его в волянина. Иметь своего шпиона в самой гуще землян — вот чего добивались они. И в какой-то мере это удалось. Томас лишен слепой ненависти к волянам. Но, когда женщина прямо в лицо предлагает ему осознать свое положение шпиона и диверсанта, он отказывается. Да, в нем много от волян, в его генах и крови, но он слишком землянин, чтобы стать врагом человечества.

Они расстаются врагами, и оба надеются встретиться вновь, на поле большого и последнего боя. На этом повесть заканчивается.

Повесть читается легко и с интересом. Вероятно, ее имело бы смысл перевести и опубликовать. Но достоинства ее не так велики, чтобы можно было настаивать на этом.

По литературному счету она примыкает к классу «Саргассов в Космосе», но сделана более вяло и с меньшим мастерством. Полагаю, что лучше использовать бумагу для чего-либо более существенного.

Аркадий Стругацкий

Рецензия на сборник научно-фантастических рассказов и памфлетов Михаила Грешнова «Фантастика»

(201 стр.)

В творчестве всякого, даже самого слабого, но добросовестного литератора обыкновенно бывает довольно легко вычленить основную идею, так сказать — руководящую тенденцию. Не лишено такой руководящей тенденции и творчество Грешнова. Сборник его состоит из десяти рассказов, и по крайней мере в семи из них автор самолично или от лица своих героев разражается очень искренними, очень справедливыми, очень гневными и очень — увы! — однообразными выпадами в адрес так называемых скептиков — тех, кто не желает верить в существование необычного, отрицает однозначность факта существования Баальбекской веранды, смеется над летающими блюдами, оскорбительно пожимает плечами при слове «телепатия» и так

далее. И большинство рассказов сборника так или иначе призваны посрамить упомянутых скептиков и восславить романтиков, которые верят в существование необычного, точно знают, кто и для чего построил Баальбекскую веранду, своими глазами видел летающие тарелки, убежден в конечной победе парапсихологов над Китайгородским и прочее. Выглядит это довольно наивно и несколько несолидно: отвечать скептикам через посредство научной фантастики, но, в конце концов, и такая творческая концепция имеет право на существование. И если бы это было единственным недостатком творчества Грешнова, я бы первым проголосовал за опубликование сборника, предложив разве только оговорить этот недостаток в предисловии. Но дело, к сожалению, гораздо сложнее. Рассмотрим каждый рассказ отдельно.

ГАРСОН.

Молодой геолог в саянской глуши сталкивается с кибернетическим устройством, посланным сверхмогучей цивилизацией откуда-то из созвездия Кита. Описаны: реакция геолога на появление робота; попытки включиться в контакт с роботом; состояние контакта, в ходе которого геолог пытается (неудачно, конечно) поставить сверхцивилизацию на службу земным делам; исчезновение робота.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ.

На берегу Черного моря группа ученых работает с дельфинами. В работе, насколько можно понять, два направления: одно — научиться произвольно программировать мозг дельфина, с тем чтобы животное быстро и точно выполняло запрограммированные действия (это в интересах и по поручению работающей поблизости группы подводных археологов); второе — научиться подсоединять человеческий мозг к мозгу дельфина, с тем чтобы видеть, слышать и чувствовать как дельфин и заставить дельфина видеть, слышать и чувствовать как человек. В рассказе описаны некоторые эпизоды этой работы, показывающие опасности и неудачи, преследующие исследователей.

ЛИЦО ФАРАОНА.

Ученый, доискавшийся до захоронения фараона Хуфу, обозленный неполадками и неувязками в бюрократической системе, не обеспечившей прибытие комиссии для вскрытия захоронения к назначенному сроку, решает вскрыть захоронение самостоятельно и без свидетелей. И, конечно, гибнет в древней системе ловушек, которая вновь надолго скрывает захоронение от современной науки.

ДОЛЖЕН ВАМ РАССКАЗАТЬ.

Человек, терпящий бедствие в Тихом океане, подобран экспедицией инопланетян. Его приключения и переживания на борту космического корабля.

БОГ САШКА И БОГ АНДРЕЙ.

Двое молодых космонавтов из-за пустяковой аварии при посадке вынуждены задержаться на обитаемой планете, населенной племенами симпатичных гуманоидов на стадии первобытнообщинного строя. Суть дела — в необычайном добродушии и благородной организованности аборигенов, исключаяющей для них движение по пути технического прогресса.

СЛУШАЙТЕ ВСЕ!

Двое ученых расшифровывают сигналы космического маяка, а им никто не верит, и все над ними смеются, но в конце концов признают. Мораль: если делаешь открытие в капиталистической стране, наберись терпения. Рано или поздно признают.

МАЛЫШ.

На северном полюсе Луны обнаружено лазерное устройство, поставленное пришельцами в незапамятные времена для передачи информации на Землю, когда там возникнет высокоразвитая техническая цивилизация. В рассказе описывается процесс обнаружения лазерного устройства и первого знакомства с передаваемой информацией.

ТРИНАДЦАТОЕ ИЮНЯ, ПЯТНИЦА.

К гениальному ученому (США), только что открывшему синтез пищевых продуктов из морской воды, являются двое из отдаленного будущего; эти двое дают ученому понять,

что его открытие гениально и что его чтут в веках, но что ему не стоит пока опубликовывать это открытие. Ученый, естественно, не слушается, а зря: пищевые короли Америки, испугавшись за свои прибыли, начинают его травить и всячески угнетать. В конце концов он кончает самоубийством, предварительно спрятав описание своего открытия до лучших времен.

УЧЕБНЫЙ РЕЙС.

Экипаж космического корабля инопланетян, далеко обогнавших в развитии земную цивилизацию, совершает учебный рейс. В ходе одной из эволюций он нарушает пространственно-временную структуру в участке, где случайно оказывается экспедиция землян, в результате чего двое пилотов на вспомогательном корабле оказываются переброшены на четыре года вперед. В конце концов инопланетяне исправляют содеянное, вернув вспомогательный корабль основному отряду экспедиции. Суть дела — в доброжелательном равнодушии сверхразума к земному разуму.

ДИВЕРСИЯ ЭЛЛТ-71.

В лабораториях одного засекреченного предприятия в США происходят непонятные маленькие катастрофы: то и дело без видимой причины нарушаются микроэлектрические поля, с помощью которых ведется синтез белка. Начинается шум, в дело включается ФБР. Но причиной оказывается лаборантка, носившая шелковое белье, на которое при трении о чистую кожу наводилось статическое электричество.

Прежде всего бросается в глаза сюжетная несамостоятельность рассказов (точнее, в первую очередь бросается в глаза ужасная литературная неряшливость, местами просто неграмотность, но об этом я говорить здесь не буду, тем более что кто-то из товарищей отметил в рукописи многие из таких мест). Все, описанное в рассказах, уже было. Были встречи с инопланетными киберами в пустынных местах — встречи геологов, археологов, охотников, в советской и иностранной фантастике. Со времен Беляева были успешные и безуспешные попытки непосредственного контакта с разумом животного. Расшифровывались уже и послания из Космоса, и всевозможные устройства, оставленные пришельцами на Луне и на других планетах. Еще до войны Ян Ларри в «Загадке простой воды» гораздо короче и с несравненно большим мастерством описал трагедию изобретателя, вставшего поперек горла воротилам буржуазного мира. О тайнах египетских пирамид и говорить нечего, а пришельцы из рассказа «Должен вам рассказать» словно бы явились с ответным визитом из подводного мира Гуревича в его «Инфре Дракона». В сотнях хороших и плохих произведений примитивные племена принимали пришельцев за богов, и десятки раз в мировой фантастике равнодушные как боги инопланетяне походя оказывали помощь терпящим бедствие земным космонавтам.

Сам по себе вторичный сюжет, конечно же, не свидетельствует о слабости автора. У того же Лема нет ни единого оригинального сюжета. Но ведь пишут не ради сюжета, а ради новой мысли, новой идеи, новой концепции! А в растянутых и рыхлых рассказах Грешнова все банально, скучно, жевано-пережевано. Мало того, автор с завидным упорством закрывает глаза на логику, лишь бы не осложнять наезженный, как старая колея, сюжет. Ну хоть бы задумался: могут ли в наше время проводиться подобные опыты с дельфинами без самого пристрастного контроля армии и органов безопасности? А ведь учет такого контроля мог бы очень круто перевернуть рассказ, и от нынешнего размытого и темного повествования остались бы рожки да ножки. Ну хоть бы представил себе восторженного кретина из сверхразумного племени, который установил на полюсе мира маяк, несущий такую лютую банальщину. Или тех дураков, которые поставили на Луне пресловутый лазер — зачем? Если уж писать такой рассказ, то содержанием его должен быть ответ на вопрос: зачем инопланетянам понадобилось сотню тысяч лет назад ставить на Луне такое устройство? Из благотворительных соображений? Тогда они просто идиоты по нашим меркам. Ах, наши мерки не годятся? Тогда создавайте гипотезу их мерок... Короче, ни один из этих рассказов рекомендовать для печати я не могу.

Я сознательно опустил рассказ «ЭЛЛТ-71» — это не фантастика, а памфлет. И к тому же тоже очень слабый.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на фантастический роман Ю. Тупицына** **«Золотой век» («Операция будет опасной»)**

(299 стр.)

В отдаленном будущем, когда космическое человечество в своей мирной экспансии устремилось к мирам на расстояниях в десятки парсеков от родной системы, Земля вступила в контакт с миром, именуемым Даль-Гей, разумное население которого по анатомии и физиологии ничем не отличалось от земного. Зато отличалась история этой планеты: ряд разрушительных ядерных войн совершенно опустошил ее, и только невероятными усилиями, прибегнув ко всем ресурсам своей науки и техники, остатки дальгейцев избежали генетического вырождения, ликвидировали все последствия ядерного пожара и начали историю сызнова. К моменту контакта с земным человечеством здесь уже процветала своеобразная цивилизация: население было сконцентрировано в единственном на планете городе; был достигнут определенный и довольно высокий уровень благосостояния; оживленно работал межпланетный транспорт, связывавший Даль-Гей с другими планетами этой системы. Правящие круги Даль-Гея утверждали, что их политическая система очень сходна с коммунистической, но многие стороны местной жизни создавали у землян впечатление, что до коммунизма там еще далеко. В то же время ходили упорные слухи, будто Даль-Гей, несмотря на то что его научно-технические, экономические и людские ресурсы во много раз уступали Земле, собирается напасть на аванпосты и колонии землян и раз и навсегда положить предел космическому наступлению землян, а при удаче — и уничтожить саму Землю. Кроме того, совершенно ничего не было известно об истинном строе Даль-Гея, об экономических и политических основах этого строя и о закулисных механизмах, двигавших существование дальгейского общества. Принимая во внимание определенную опасность, которой чревато военное столкновение для землян и особенно для самих дальгейцев, Земля посылает на Даль-Гей своих разведчиков.

Роман посвящен похождениям этих разведчиков в недрах дальгейского «подполья». Героическая, полная опасностей работа их увенчивается успехом: выясняется, что официальная власть там ограничена деятельностью гангстерских мафий, страшящихся контактов с коммунистической Землей, а общественный строй определяется кастовой системой, возникшей на основе зловещих успехов евгеники после ликвидации генетической опасности, нависшей над остатками дальгейского населения в результате ядерных войн.

Нет нужды подробно пересказывать сюжетные перипетии романа. Достаточно сказать, что читается он легко и с интересом, сюжет «закручен» толково, с соблюдением всех логических законов, установленных автором для созданного его воображением мира. Героико-приключенческая фантастика всегда была дефицитной у нас, слишком уж трудно создавать сюжеты, в которых герои-одиночки являются одновременно и членами огромных коммунистических коллективов, в которых необходимая жестокость — а какая же борьба мыслима без жестокости? — психологически обосновывается в коммунистическом сознании, в которых герои-одиночки, посланцы коммунистического мира, ведут бой не на уничтожение противостоящего общества, а на улучшение его, за счастливую жизнь этого общества. Тупицыну все это удалось.

Несомненно, роман не лишен недостатков. Есть лишние сцены, есть затянутые места, несколько бьет в глаза известная подражательность. Но все это либо может быть исправлено в процессе рабочей редакции, либо является неизбежными издержками в

творчестве молодого автора. Я полагаю, в лице Тупицына мы имеем дело с интересным писателем, от которого можно ожидать многого. И я был бы рад увидеть этот первый его роман в нашей «золотой» библиотеке приключений и фантастики.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на сборник повестей и рассказов** **для школьников среднего возраста «Ночной орел»**

(Александр Ломм, 613 стр.)

Перевернув последнюю страницу рукописи, невольно задумываешься: она содержит только семь произведений, а между тем автор умудрился охватить в ней большинство жанрово-тематических направлений, которые более всего по сердцу юному читателю — нашему современнику. Перед нами «Ночной орел» — откровенная приключенческая фантастика; «В темном городе» — приключенческо-патриотическая повесть; «Восстание муравьев» — фантастика сатирическая на квазинаучной основе; «Скафандр Агасфера» — фантастика философско-драматическая, призванная пробуждать у читателя стремление задуматься о целях и смысле человеческого существования; «Конец короля крокодилов» и «Последней умирает собака» — рассказы-события с научно-фантастической подоплекой, столь ценимые почитателями Г. Дж. Уэллса; наконец, «Черти в кузнице» — обычный реалистический юмор. Недостает разве что веселой фантастической сказки типа «Старика Хоттабыча» да серьезного фантастического произведения на строгой научной основе в духе ранних рассказов И. Ефремова.

Такое разнообразие можно было бы только приветствовать, если бы не имело место также и менее завидное разнообразие литературного уровня. Впрочем, можно прямо утверждать, что в целом сборник несомненно удался. Вот только редакторской работы с ним потребуется довольно много.

Прежде всего о центральной и самой большой вещи сборника — о фантастической повести «Ночной орел». Как известно, юности особенно свойственно увлечение образами людей необыкновенных, в том числе и наделенных необыкновенными психическими и физическими свойствами. «Летающий диверсант» Кожин с его простодушием, граничащим где-то с наивностью, с его непримиримой ненавистью к врагу, с его робкой и нежной любовью к маленькой Иветте несомненно завоюет самые горячие симпатии читателя. Выпуклы и интересны и образы других главных действующих лиц: доктора Коринты, которому так и не удалось остаться «в стороне от схватки», майора Локтева, командира партизанского отряда Горалека. Совершенно особый и, надо признаться, неожиданный поворот придает впечатлению о повести спор между Локтевым и Горалеком. Это несомненная удача автора. Вообще наличие антиномии — столкновения двух равноправных во всех отношениях мнений — является уже само по себе признаком высокого литературного мастерства, и симбиоз между государственной, но холодно-внеличной точкой зрения Локтева и так понятной по-человечески точкой зрения Горалека, вставшего на защиту индивидуальных гражданских прав Кожина, чрезвычайно точно вписывается в приключенческий антураж романа. Возможно, антиномия здесь кажущаяся, все мы являемся в первую очередь слугами государства, но ведь, с другой стороны, прав и Горалека: никто из нас не умеет летать... Я могу себе представить дискуссии в классах на эту тему, дискуссии, которые могут принести огромную пользу мальчишкам и девчонкам. И наряду с этим — прекрасная романтическая приподнятость образа Кожина, его переживания по поводу странной своей судьбы, его свирепость и жестокость в отношении фашистских оккупантов, которые так славно оттеняются его натурой милого и бесхитростного русского парня, придают повести особенное обаяние. Словом, можно считать, что это самая удачная вещь в сборнике, и от редактора она потребует минимум внимания.

Следующей идет приключенческая повесть «В темном городе». Поскольку рецензент в бытность свою редактором Детгиза лет десять назад сам принял ее и редактировал для альманаха «Мир приключений», отношение его, рецензента, к этой повести вполне определено. Тем не менее не лишним будет подчеркнуть, что Ломму удалось, не впадая в излишества «Приключений Неуловимых», показать коллективный героизм подростков и выразить великую идею безусловной солидарности всех светлых сил, всех людей с чистой совестью перед черной угрозой фашизма. Разумеется, повесть «В темном городе» не такая яркая и самобытная, как «Ночной орел», но и она отличается добротностью и добрым литературным уровнем. Редакторской работы она тоже почти не потребует.

Перейдем теперь к третьей повести сборника — «Восстание муравьев». Скажем прямо: это самое неудачное произведение в сборнике. Ознакомившись с ним, профессиональные рецензенты (те, что публикуют свои выступления в «Крокодиле» и в «Вечерней Москве») с деланным возмущением и присущим им ехидством воскликнули бы хором: «Для чего написана эта повесть?» Вопрос чисто риторический, и цель автора, вернее, причина, побудившая его написать эти четыре авторских листа, видна невооруженным глазом. Ломма как человека с хорошо развитым воображением соблазнила возможность нарисовать гомерическую картину войны человечества с бесчисленными миллиардами крошечных вездесущих чудовищ, руководимых холодным и могучим разумом, вооруженных до зубов самой совершенной техникой истребления. Увлечшись этим видением из «Апокалипсиса», автор уже не имел ни охоты, ни желания возиться с такими мелочами, как сюжет, логика, художественность и так далее. В результате перед нами очень странное произведение, в котором центральное место занимает сон главного героя, но действительность, пожалуй, еще более алогична и противоречива, нежели сон.

Рецензент сам «балуется» фантастикой и хорошо понимает Александра Ломма, но сочувствовать ему не может: если нет основной мысли, основного чувства, произведения не существует, и не поможет ему даже самая феерическая и яркая картина, созданная привычным усилием воображения. Повесть «Восстание муравьев» необходимо переписать, придать ей смысл, иначе она навлечет на себя справедливые удары самой несправедливой критики. И, кстати, уж совершенно необходимо убрать из нее неуместные и неуклюжие ухмылки в адрес правительства ЧССР и органов государственной безопасности.

Рассказ «Скафандр Агасфера» и по художественному уровню, и по идейно-философской силе, заключенной в нем, можно назвать полной противоположностью «Восстанию муравьев». Не говоря уже о профессиональной точности, с которой выписаны оба образа главных героев, не говоря уже о хорошо выдержанной с начала до конца своеобразной «притчевой» интонации, сама идея рассказа без преувеличения достойна автора «Шагреновой кожи». Ломм берет противоположную бальзаковскому сюжету крайность уравнения «желания — возможности» и с какой-то мрачной и восторженной убедительностью раскрывает ее. Именно о произведениях, выполненных таким образом, говорят: «Просто и здорово». Работа редактора сведется здесь к вымарыванию некоторых шероховатостей в стиле и речевых оборотах действующих лиц.

О рассказах «Конец короля крокодилов» и «Последней умирает собака» много говорить не приходится. Вернее, о них так же трудно говорить, как, скажем, о рассказах Уэллса «Клад», «Остров Эпиорниса», «Морские пираты» и так далее. В центре повествования такого рода произведений стоит не человек, а событие, отраженное в сознании человека, и успех или неуспех повествования зависит не столько от личности обладателя отражающего сознания, сколько от оригинальности и необычности отражаемого события. «Конец короля крокодилов» и «Последней умирает собака» достаточно интересны по описанным в них событиям и написаны на вполне среднем художественном уровне. Большого от них и не требуется. Полагаю, если они и не

украшают сборник, то уж во всяком случае не портят его. Ничто не мешает надеяться, что юный читатель прочтет их с интересом.

Наконец, последнее произведение сборника, рассказ «Черти в кузнице», восходит, несомненно, к могучим истокам чешской юмористики — к юмористической сокровищнице Гашека и Чапека. По уровню таланта он, конечно, значительно ниже, но тут надо учитывать, что, во-первых, насколько рецензенту известно, у Александра Ломма опыт в реалистическом юморе еще очень невелик, во-вторых, что бы об этом ни говорили, а рассказ, построенный на современном материале, имеет свои преимущества перед классическим, ну а в-третьих, классики потому и классики, что они намного талантливее своих последователей. Как бы то ни было, удовольствие, которое испытываешь при чтении о странных событиях в маленьком кооперативном хозяйстве дружественной страны, настоятельно диктует необходимость включить этот рассказ в сборник Ломма. Будем надеяться, не последний его сборник.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на фантастическую повесть Дж. Херси** **«Покупщик детей»**

(John Hersey «The Child Buyer», 229 стр.)

Имя американского писателя Джона Херси уже известно в нашей стране: два-три года назад у нас вышла и была встречена с большим интересом его книга «Возлюбивший войну». «Покупщик детей», несмотря на фантастическую посылку, удивительно ярко и правдиво обрисовывает самый чудовищный механизм современного американского образа жизни — свободного предпринимательства.

Некая могущественная корпорация «Юнайтед Лимфомиллоид» планирует создание своего рода центра по генерации новых научных и технических идей, далеко опережающих уровень научно-технической мысли современности. Элементами рабочей машины этого центра должны быть... дети-вундеркинды, прошедшие специальную предварительную обработку наркотическими и хирургическими средствами, которая в результате в десятки раз повышает их природный интеллектуальный уровень и одновременно лишает их всех обычных человеческих качеств. Поскольку вундеркинды встречаются в среднем в количестве единиц на сотни тысяч и миллионы обычных детей, корпорация рассылает на их поиски достаточно ловких и бессовестных агентов. Обнаружив вундеркинда, такой агент, не скупясь на расходы, покупает его у родителей или опекунов, лишая их по договору всех родительских или опекунских прав на будущее. Купленный таким образом ребенок становится полной и безраздельной собственностью корпорации, которая вольна подвергать его каким угодно экспериментам и какой угодно эксплуатации. Как известно, торговля детьми является незаконной, но корпорация действует практически открыто, прикрываясь лозунгом укрепления обороны страны.

Повесть написана в форме стенографических протоколов заседаний сенатско-прокурорской комиссии, расследующей ряд скандалов, имевших место в заштатном городке Пико в связи с деятельностью одного из агентов «Юнайтед Лимфомиллоид», некоего мистера Уисси Джонса. Мистер Уисси Джонс прибыл в Пико, чтобы купить мальчика-вундеркинда Барри Радда. Против позорной сделки восстают вначале все: и родители Барри, бедные работающие люди, и его учителя, и директор школы, и местный инспектор народного образования, и сам мальчик. Автор подробно и с необычайной психологической достоверностью описывает события в городке, связанные с этой эпопеей. Постепенно, один за другим, противники сделки начинают отступать. Джонс не гнушается никакими средствами: он тонкий и умный провокатор, он располагает огромными денежными фондами и отличным знанием психологии своих соотечественников. Первым уступает Радд-старший, недовольный своим гениальным

сыном из самых общих соображений. Переходит на сторону Джонса инспектор народного образования, которому обещано значительное повышение по службе. Сдается учительница, соблазненная большой пенсией и возможностью зажить наконец без страха перед безработицей. Покидает сына мать, напуганная хулиганскими эксцессами, организованными Джонсом. И, наконец, сдается сам Барри, без согласия которого сделка невозможна: Джонс и его соблазнил интересным, ярким, перспективным будущим.

Джонс не гнушается ничем. «В любви, на войне и в свободном предпринимательстве все средства хороши», — заявляет он комиссии. И комиссия — прокурор и три сенатора — охотно соглашается с ним. Тем более что «Юнайтед Лимфомиллоид» работает на благо отечества. Кстати, чрезвычайно колоритны образы сенаторов, этих «отцов штата» — мямли-председателя Мансфилда, оголтелого реакционера Скайпэка и непроходимого дурака Воёлко.

Мне представляется, что повесть «Покупщик детей» следует перевести и опубликовать. Более разительной сатиры на американский образ жизни (парадоксально почти лишенной элементов сатиры) мне не приходилось еще встречать после знаменитого «Пана Сатируса».

Тексты подготовлены: Ю. Флейшман¹

¹ Составитель благодарит Викторину и Патриса Ляжуа за предоставление скана журнала «Литературный двухнедельник».

III. Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Переписка, 1972

Борис — брату, 6 января 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Лежу в гриппе. Как свалился в ночь с 31-го на 1-е, так и лежу колодой.

1. Насчет путевок только что вот уточнил по телефону, высылаю телеграмму. На всякий случай: первый день — 13-е, последний — 25-е. Номера 22 и 23. Прихвати ленту для машинки и давно обещанное «Затемнение в Грэтли».

2. 29-го пришли ко мне на книжку какие-то 467 рублей с копейками. Не от Довженко ли?

3. Первого получил из АРТИСЮСа очаровательное деловое письмо: ТББ вышла, деньги переводятся. Ты, наверное, тоже такое получил. Бандероли с экзами, впрочем, так пока и не дошли. Что ж, можно ожидать предположительно по 420 сертификатных рубликов с синей полосой на рыло. Тоже неплохо.

4. Числа 3-го звонил мне Никольский из «Авроры». Прочел ПнО, впечатление хорошее, выражает надежду, что все будет ОК. Но должны еще читать Косарева и Островский. Будем ждать.

5. Экс-президент клуба любителей ф<антасти>ки МГУ <М. Ковальчук> прислал мне вырезку из «Московского комсомольца», где они провели викторину по ф<антасти>ке. Ничего, забавно. И наши имена упоминаются там вполне свободно.

6. Многообразную твою деятельность по вышибанию зелененьких из равнодушного хаоса одобряю. По-моему, надо быстренько ташшить ПнО в МолГв, а сборник «Встречи» — в СовПис. Таково мое мнение.

7. Если Лесс обманет тебя с фотографиями, привези какие-нибудь свои, хоть мало-мальски приличные. У меня мои есть, соединим и пошлем. Мне мой Лемхин не звонит, а как с ним связаться, я не знаю.

Вот приехала мамочка — годувать меня, болезного (Адка-то с Андрюхой <Стругацкие> в Киеве). Передает тебе привет и поцелуи. Гром пошел на кухню.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке <Воскресенской> привет.

Аркадий — брату, 29 января 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

Как обещал, пишу в субботу, не успев выяснить все, о чем говорили. Но все же главное, кажется, выяснил.

1. С Ивченкой связался, передам ему сценарий, кажется, сегодня, ибо у него сегодня день рождения, и мы приглашены.

2. Был у Белы <Клюевой> в МолГв, разговаривали около часа. Выяснилось следующее. Сборник «Фантастика-72» действительно делается Брандисом и Дмитриевским, а Севка <Ревич> делает только сборник НФ, но из альтруизма, поскольку очень связан всякими обязательствами с Белой и Жемайтисом, уступил ПнО им в обмен за рассказы Росоховатского. Бела и Жемайтис ПнО прочитали, хвалят (не без замечаний) и стремятся протолкнуть его в сборник. В понедельник дают читать Авраменке, затем Осипову. Это все решит. План издательства, куда на 73-й год включен наш сборник НВ,

утвержден в ЦК ВЛКСМ. Бела утверждает, что будут сейчас добиваться договора с нами. Коротко: редакция добивается включить ПНО в «Фантастику-72», а на сборник НВ добивается договора.

3. Разговаривал с Валентиной Михайловной Кургановой в СовРоссии. Она утверждает, что нас знает и любит, но у меня такое впечатление, что это работа наших заступников, в частности поэта Ромки Сефа и критика Андрея Туркова, а сама она ничего не читала. Разговор был примерно такой. «Я бы с наслаждением поработала с вами, но с прошлого года в издательстве появилась специфика — мы теперь делаем только переиздания». Я было подумал, что это та самая отговорка, о которой меня предупреждали, но она продолжала: «Вот не могли бы вы дать мне что-нибудь из уже опубликованного?» Я заметил ей, что к моменту издания все это будет уже переизданиями, не говоря уже о том, что все это издано или будет издано в журналах, и тут сообразил (этот разговор был уже после беседы с Белой): почему бы и нет? «У нас есть вещи, которые мы хотели бы издать отдельной книгой», — говорю, имея в виду ПкБ и ТББ. «На сколько листов?» — спрашивает она. «Листов на 15», — отвечаю. «Мало, — решительно говорит она. — Нельзя ли побольше?» Я сказал, что можно и гораздо побольше. Короче, договорились встретиться во вторник, и я принесу ей то, что хочу переиздать. А принесу я ПкБ, ТББ и ОО. Чистых тридцать листов. Кажется, это на 74-й год. Дело представляется мне более или менее надежным, если принять во внимание, что за нас, когда дойдет до высокого начальства, будет ходатайствовать Марк Соболев, Андрей Турков и еще кое-кто. Мы, во всяком случае, ничем не рискуем. Только, может быть, понадобится еще один комплект сборника НВ, если учесть затею в «Мол<одой> гв<ардии>».

4. В «Юности» полнейший разгром. На нижнем уровне вещь приняли на ура, но прочитал Полевой и объявил, что это никуда не годится, при этом долго втолковывал нижнему уровню насчет Маркузе и насчет того, что никакого нацизма в ФРГ нет. «Она плакала и говорила, что звуки гобоя напоминают ей о покойнике-муже, которого у Новой Гвинее съели акулы». Тут же подключился Преображенский и написал, что совершенно согласен с мнением Бориса Николаевича <Полевого>. Любопытная деталь: никто на нижнем уровне в глаза не видел рецензий Полевого и Преображенского. Обе рецензии были выполнены в одном экземпляре и сразу же переданы в бухгалтерию на предмет оплаты. Рукопись я забрал и положил на полку. Пусть пока полежит.

5. С Ниной <Берковой> встречаюсь завтра, в воскресенье, в 15.00.

Вот пока всё о наших делах.

Одновременно мне в ближайшее время предстоит:

найти Машке <Стругацкой> репетитора по географии, желательно из состава будущей приемной комиссии;

наиделикатнейше выяснить, когда и кто сочтет нужным и возможным делать тестю операцию;

обеспечить зятю-еврею трудоустройство в Москве;

досконально выяснить положение с квартирой.

Передай маме, что я напишу ей письмо в середине недели, после того как тестя осмотрят окулисты и уточнится вопрос с получением ордера и ключей.

Привет Адке, поцелуй маму.

Жму, целую, твой Арк.

Борис — брату, 31 января 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Прежде всего — ленинградские дела. В «Авроре» вроде бы всё ОК. Я там был, побеседовал с Никольским, выяснилось, что замечаний по тексту он не сделал, я мягко попросил его сделать, на чем и расстались примерно на неделю. Он завел было там

благоглупости, что там-то растянута, а тут малость недотянута, я его немедленно (но мягко) пресек — тоже отложили. Короче: решение печатать у них твердо; если ничего не случится, в следующий понедельник я отнесу им исправленный вариант и попрошу одобрения со всем вытекающим. Замечания всё те же: лексикон (пусть он отметит, что ему не нравится, а я посмотрю, что из этого можно учесть); убрать упоминания о Зонах Посещения в СССР (ради бога!); вставить еще пару абзацев про то, чем же занимаются ученые (это я еще посмотрю — может быть, что-нибудь и вставлю, поскольку это странное пожелание исходит от Косаревой).

2. Мне звонили из Литфонда, просили перенести наш срок на начало марта. Я, натурально, заартачился, требовал, просил и пр<очее>, но потом, уже повесив трубку, подумал: а почему бы, собственно, и нет? Пока вроде бы не горит. Так что, если ты не возражаешь, напиши, я позвоню и перенесу на 1 марта. Тем более что ты так загружен, да и квартирой тебе, наверное, надо будет в феврале заниматься. А мне — котят топить.

Никогда не надо торописса,
Никогда не надо волновасса:
Можно под трамваем очутисса
Или под машиной оказасса!

Это я сейчас вдруг придумал.

3. Деятельность твою в МолГв полностью одобряю. Буду, трепеща, надеяться.

4. Задуманная тобою операция в СовРоссии превосходна. Я только не понял, почему понадобится второй комплект НВ? Ведь ты собираешься предложить для переиздания ПкБ, ТББ и ОО? А в конце пишешь: «Только понадобится еще комплект НВ, если учесть затею в МолГв». Нет, не понимаю.

5. «Юность». Что ж, этого следовало ожидать. Теперь я попробую в «Неву». Тем же концом, но по другому месту.

6. В семейных твоих начинаниях желаю тебе удачи. Со своей стороны, обязуюсь вырвать к нашей следующей встрече 500 ряб тебе на обзаведение (Хейфец, гад, пока так и не отдал).

7. Был у меня сегодня Юрочка Манин. Проболтали мы с ним полдня. Погрустили. Хороший он человек и огромное впечатление произвел на Андрюшку. А когда я рассказал Андрею, кто такой Манин, сын мой совсем обалдел. Он принял его, между прочим, за англичанина.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

Р. С. Леночку поцелуй!

Что с квартирой-то?

Аркадий — брату, 1 февраля 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

Боюсь, планам нашим суждено несколько подызмениться. Вчера я отнес в правление своего Ж<илищного> К<ооператива> наши паспорта на прописку, а так как мой будущий подъезд — пятый, то прописывать его начнут не раньше следующей недели, а сама процедура прописки займет недели две. Так что я буду пребывать без паспорта в течение дней двадцати. Мало того, сразу после прописки мне надлежит брать ордер, а по ордеру ключ, а по ключу — какой-то комплект сангигиенических механизмов, которые придется еще устанавливать, и при этом придется еще врезать новый замок и проч<ее>.

Грубо говоря, все сводится для нас к следующему: в феврале встретиться не придется. Переноси заявку на начало марта. М<ожет> б<ыть>, чтобы как-то это дело скомпенсировать, надо попросить не две, а три недели? Хотя это вряд ли годится. Не знаю. Спешу тебе просто сообщить обо всем этом, чтобы зря не хлопотал ты.

Завтра встречаюсь с Ивченко на предмет работы со сценарием.

Сегодня иду в «Сов<етскую> Рос<сию>». Понесу ПкБ, ТББ и ОО. Ох, чуёт мое сердце, сопрут они у меня эти книги. А что делать?

Жму, целую. Арк.

Привет Адке, поцелуй маму.

Аркадий — брату, 5 февраля 1972, М. — Л.

Дорогой Борик.

Получил твое письмо. Рад, что в «Авроре» так благополучно. Здесь же наши дела покудова застряли в неподвижности.

1. Встретался с Ивченко. Он упросил меня переписать сценарий в виде повести, а также добавить эпизодов и второстепенных деталей. Насчет повести это он к тому, что читать будут люди, которые ПНвС не читали, так чтобы внутренние монологи и отношение героя к остальным персонажам видно было отчетливо. Забавно, что ему представляется, будто того, что мы сделали, на полнометражный фильм не хватит. Каково? Ладно, сейчас буду переписывать, я ему поднаую на полтора полнометражных.

2. Встреча с Кургановой в СовРоссии не состоялась по техническим причинам и перенесена на следующую среду.

3. Нина стоит на стреме и в ближайшие дни прижмет М. М. <Калакуцкую> нашей заявкой, а через месяца полтора, глядишь, и договор заключат.

4. Звонили из УОАПа, сообщили, что пришли деньги из Венгрии. Сумма примерно та же, что ты предсказывал, но вычитают только 25% и подоходный налог. Деньги переводятся на сберкнижки. Я дал свои координаты и хотел дать твои, но мне сказали, что это им не требуется, что твоя половина поступит в Ленинградское отделение УОАПа, которое и рассчитается с тобой. Я передал твой телефон, чтобы они там с тобой связались, но на всякий случай зайди или позвони туда сам.

5. Пришли деньги из Северо-Уральского издательства: 57 ру.

6. Присылали из «Энциклопедии» статью о нас Громовой. Ничегё. Очень достойно. И фотографию попросили. Так что не зря я Лесса беспокоил. Пойдем мы в 7-м томе.

Вот пока всё.

Жму, целую. Арк. Привет Адке и мамочке.

Борис — брату, 8 февраля 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Твое промежуточное послание пропустил без ответа, отвечаю на последнее.

1. Я, честно, надеялся, что ты все-таки напишешь, с какого числа конкретно взять путевку. Даже в Литфонд не звонил. Но вот сейчас позвонили, и я единолично принял решение — с 3-го. Поеду за путевками в двадцатых числах, в начале, так что можешь еще скорректировать.

2. У меня тут дела тоже несколько застыли: Никольский никак не сделает своих пометок на рукописи. Говорит, что хочет всё обработать так, чтобы уж без всяких-яких, но, по-моему, врет сачок, лень ему этим заниматься, роман, небось, очередной строчит <...>. Сегодня я выступаю от «Авроры» перед библиотекарями, там будет и он, договоримся окончательно, как он выразился.

3. Деньги из Северо-Уральск<ого> изд<ательст>ва и я получил, но ничего не понимаю. Там написано на обороте: «Уральск<ий> следопыт» № 2. При чем здесь журнал? Мы же давали рукопись для сборника!

4. Ты пишешь, что в «Энциклопедии» мы пойдем в 7-м томе. А сколько вышло и когда будет 7-й? Я ведь не выписываю.

5. Позвонить в ЛенУОАП я не могу — нигде нет телефона данной организации. И никто не знает.

6. В первом номере «Авроры» — статья Брандиса о ленинградских фантастах. О нас в том числе. Об ОО и ДоУ. Вполне благожелательно и одобрительно, хотя и бесцветно.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет.

Аркадий — брату, 12 февраля 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

Заканчивая переделку сценария ПНвС (СвД тож), окончательно сломал машинку и отвез ее чинить. В новом варианте сценарий имеет 73 стр., Ивченкой прочитан и весьма одобрен и завтра будет увезен в Киев. Страшно думать, как я от руки буду писать тебе всё, о чем надобно написать.

1. Итак, о конкретном числе. Еще нынче утром, позвонив в правление кооператива и узнавши, что ордер и ключи я получу недели через две, хотел я просить, чтобы ты взял путевки с 6-го. Но тут пришло письмо-приглашение из Польши, подписанное директором издательства «Искры» И. Гаевским, где между прочим сказано: «Будем очень рады гостить Вас», а также неофициальное письмо от Енчмыка, где он сообщает, что гонорары мы получим немедленно по приезде. В связи с этим у меня такое соображение. Либо перенести срок путевки на 10-е и съездить в Польшу ДО Комарова, либо отложить поездку в Польшу на ПОСЛЕ. Боюсь, что придется отложить на ПОСЛЕ, не верю я, что наши задницы успеют нам сделать всё за оставшееся время. Короче, бери путевки на 6-е, а я в понедельник пойду в Комиссию, потрясу приглашением и узнаю всю технику этого дела и тогда сообщу тебе.

2. При чем «Уральский следопыт» — я не знаю. Вчера получил сборник. Издан, на мой взгляд, неплохо, для провинции, конечно. А с журналом, видимо, какая-то ошибка.

3. Вышел 6-й том энциклопедии. Когда выйдет 7-й — неизвестно. У меня еще попросили оттуда фотографию. Я отвез.

4. По идее, ЛенУОАП сам должен тебе позвонить. Но не может быть, чтобы никто не знал, где он находится. Поищи.

5. О сборнике в Детгизе ничего нового.

6. В «Сов<етской> России» был, поговорил с редакторшей. Если с нами и будут иметь дело, то только на 75-й или даже 76-й год. С фантастикой их начальство возиться не хочет, здесь придется хлопотать. Пока попросили дать заявку, чем я и займусь.

7. В «Мол<одой> гв<ардии>» ПНО дали читать Ганичеву. Бела смутно обещала, что дело выяснится в понедельник или во вторник. Ходят паршивые слухи, что опять будут всех давить. В частности, журнал мод передается в ведение ЦК ВЛКСМ.

Вот, кажись, всё. И то ладно. Пальцы устали.

Обнимаю, жму. Твой [подпись] в смысле Арк.

Привет Адке.

Борис — брату, 14 февраля 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Получив твое письмо, позвонил в Литфонд и переиграл путевки с 3-го на 7-е марта. Это оказалось весьма сложно, и результат, значить, будет у нас такой: первый день путевки 7-е, последний — 17-е. Получается меньше обычного, но мы это как-нибудь должны пережить.

2. В Польшу, соответственно, поедем после (если). Надеюсь, ты всё четко выяснишь: какой обычный порядок; не возможны ли исключения (поездка БЕЗ и ВНЕ туристической

группы); как нам выехать и вернуться одновременно и пр<очее>. Думаю, дело это затяжное, и вряд ли мы выедем раньше апреля-мая.

3. Сегодня закончил возню с ПнО для «Авроры». Всего там я насчитал 116 замечаний по тексту. Большая часть — «задницы», «сволочи» и прочие «суки»; меньшая — «специфически русские выражения» типа «батьа», «аж» и пр<очее>; еще меньшая — смутные и невнятные пометки, касающиеся более обширных кусков текста, содержащих философские рассуждения и разные там обобщения. Всего я учел 82 замечания — «сволочи», «дерьмо» и «бати» поуменьшились в числе (между нами, девочками, это следовало бы сделать и без всяких замечаний — этого добра у нас там действительно немножко множко). Смутно-невнятные пометки не учитывал вовсе — если потребуют, буду сражаться. Выкинул упоминания о Зонах в СССР (это один абзац) и совершенно запоролся, пытаясь учесть третье замечание редакции. Дело в том, что я его так и не сумел понять. Косаревой, видите ли, кажется, что сталкеры оттеснили ученых, и это надо как-то объяснить, или устранить, или еще что-то — не знаю, что. В общем, бред. Я там вписал в одном месте, что сталкеры уволакивают из-под носа ученых самые лакомые куски, а больше ничего не придумал. Ладно, посмотрим. Сегодня отвезу рукопись.

4. КСТАТИ! Когда (и если) будешь куда-нибудь давать ПнО, ОБЯЗАТЕЛЬНО замени в интервью Пильмана слова «Восточная Сибирь, Южная Атлантика...» на слова «Гоби, Ньюфаундленд...». Это связано с задачей определения радианта Пильмана. Объясню при встрече — сейчас неохота об этом длинно писать. Но заменить надо, иначе получится математическая чушь.

5. В «ЛенПравде» появилась статья о ленинградской фантастике. Она посвящена на 1/3 «Изваянию» Гора; на 1/3 «Малышу»; на 1/6 Ларионихе. Гора очень хвалят. Нас похваливают за остроту сюжета, за глубину проблем и поругивают за изобилие техницизмов — о славные, уже забытые времена, когда нас ругали за машину, заслонившую человека! Читал я про техницизмы, и все мне казалось, что не ругают нас, а, наоборот, хвалят. Заметь — оживилась критика-то! Говорят, что пленум СП по критике вызван все той же убыточностью литературы — в литературе происходит, сам понимаешь, то же, что и в кино. И министр финансов так же недоволен лит<ерату>рой, как и кино. Стали проверять, и выяснилось, что самые убыточные книги получают в печати самые хвалебные отзывы. Тут-то и было принято решение тряхануть критику: чтобы, не снижая идейных требований, она все-таки хвалила бы раскупаемые книги, а не те, что годами лежат на прилавках.

6. Пришло письмо от Марион фон Шрёдер. Ничего особенного. Получили наше письмо. Фото в «Обитаемый инзель» опоздало (надеюсь, это надо понимать так, что ОО либо вышел, либо вот-вот), но оно не пропадет, его еще намерены использовать. Рецензии будут нам присылать и впредь. С нашими новыми повестями, которые мы им рекомендовали, ознакамливаются (сказано: «трудятся» над ними).

7. Сборник уральский тоже получил. НичегЁ. Наш ЧиП там все-таки не самый плохой и даже, пожалуй, выше среднего.

8. Из ЛенУОАП мне позвонили и очень любезно предложили прийти. Ужо.

9. Как-то из твоих писем я не совсем понимаю относительно наших дел в МолГв. Ты пишешь, что ПнО дали читать Ганичеву. Очень хорошо. Но с какой именно целью? Дабы решить вопрос о публикации ПнО в общем сборнике? Или речь идет о заключении договора на персональный сборник? Ведь ЦК ВЛКСМ наш сборник в плане утвердил, как я понял. А выводы? Так сказать, «мастерская, договор и прочее»?

Ну вот, пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет.

Аркадий — брату, 20 февраля 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Короткий срок в Комарове меня вполне устраивает — предвижу много для себя хлопот в марте и в последующие месяцы. Следственно, должен я приехать 6 марта.

2. В МолГв, как я и опасался, опять начался сплошной блеф и дымовые завесы. Коротко все сводится к следующему. а) Ганичев ПНО не читал, ибо заболел. б) Авраменко, исполненная неусыпных забот о нашем с тобой благополучии, порекомендовала (= скомандовала) ПНО в сборник «Фантастика-72» не включать «в интересах самих же Стругацких», подлая бл...ща. в) Разговор о договоре на наш персональный сборник пойдет лишь тогда, когда и если в ЦК ВЛКСМ вторично утвердят план со всеми исправлениями и дополнениями, сделанными в ходе первого утверждения. Выяснится это, как виновато сказала Бела, где-то в марте или апреле. Тем временем рукопись вернулась Севке, и он, возможно, приложит усилия всунуть его в свой НФ, но я в это не верю.

3. Из Вильнюса пришли деньги — около 700 ряб. За что, ты не в курсе?

4. Приглашение из Польши передал в Инокомиссию. Мне сказали, что рассчитывать можно будет на апрель-май, а подробности — несколько спустя. Полагаю до отъезда в Ленинград что-либо прояснить.

Вот, пожалуй, и все новости, нас касающиеся. Дед уже ходит и даже без повязки, правда, только в темноте. В глазу у него обнаружили желудочные палочки. Черт знает, каким они образом туда попали. С квартирой ничего нового: жду.

Жму, целую. Арк. Привет маме и Адке.

Борис — брату, 22 февраля 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. За путевками иду в ближайшие дни. Из Литфонда уже звонят, просят выкупить. Итак, ждем тебя шестого, о чем и сообщи телеграммой.

2. ПНО отнес в «Аврору» еще неделю назад. Сегодня звонил Никольский, сказал, что, на его взгляд, почти все учтено, осталось учесть еще, может быть, два-три замечания, но сильно заболела Косарева — лежит в больнице. Так что если ее зам. Андрюша Островский возьмет на себя смелость выписать одобрение лично, то все будет ОК, если нет — придется передавать рукопись в больницу Косаревой. В общем, он полагает, что так или иначе, но к мартовскому празднику одобрение нам выпишут. Посмотрим. И посмотрим, что за замечания надо еще учесть.

3. Деньги из Вильнюса тоже получил и тоже удивлялся. До вчерашнего дня. А вчера позвонила Маша Рольникайте: оказывается, это они выпустили «Полдень...», и в соответствующей литовской газете есть уже на нас теплая рецензия. Конечно, я бы предпочел экзы, но Маша сказала, что экзы маловероятны, а вот она напишет своему отцу, чтобы купил. Я, поломавшись вежливости для, натурально согласился и поблагодарил. Должен тебе сказать, что эти 700 ряб — просто дар небесный. Я до сих пор не могу опомниться. Так много мы еще с братских республик не получали.

4. Брандис сказал, что в ГДР вышла ДР и начался перевод М. Впрочем, все это более к нашей славе, чем к богатству.

5. Деньги в ЛОУОАП получил. Как я понял (рассчитав), из первоначального гонорара вычтено 25 проц<ентов> в пользу государства. Бухгалтер (наша поклонница) объяснила мне, между прочим, что, если бы мы поехали в Венгрию, там нам выдали бы 65 процентов гонорара, но, конечно, в форинтах.

6. Был тут у нас доклад Бритикова о критике в научной ф<антасти>ке. Он очень расшаркивался перед Брандисом и Дмитревским, а также перед Кагарлицким и некоей Чернышевой, а обрушился на нас и Громиху за теорию ф<антасти>ки как приема. Пришлось дать ему отпор, что я и сделал к вящему удовольствию аудитории. Потом мы с ним до часу ночи вполне дружески общались в метро, разговаривая на разные темы. Он признал, что пережал в докладе, и обещал исправить, но говорили мы главным образом о ТББ, об УНС, о фантастике вообще и о нас в частности. Он очень странный все-таки человек. И я тебе скажу прямо — такого лучше держать среди друзей, а не среди врагов. Подробности я тебе потом изложу при встрече.

7. А готов ли ты писать ГО? Зудят ли твои, просят ли дела?

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет.

Очень хорошо, что с дедом, вроде бы, обошлось благополучно.

Как у тебя с деньгами? Полегчало?

Аркадий — брату, 27 февраля 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

Сегодня (воскресенье, 27-е) выезжаю в Киев обсуждать сценарий ПНВС. Полагаю, моя роль там сведется к надуванию щек и рассеянно-благодушным «Мы подумаем...». Так мне, во всяком случае, рекомендуют москвичи. А там видно будет. Возвращаться думаю завтра же вечером, т. е. послезавтра поутру быть в Москве. Сам понимаешь, в Киеве специально мне делать нечего.

Ну-с...

1. Получены экззы «Ди бевонте инзеля», «Обитаемого острова» тож, из Марион фон Шрёдер ферлаг. Красиво издано, очень здорово, только без целлофана, как в прошлый раз, но ничего, перебежусь. Ужо привезу шестого, с почтой связываться не хочется, да и встреча скоро.

2. С квартирой по-прежнему задержка. Очень медленно идет вселение. Три дня назад начался третий подъезд. Это когда же наш пятый-то будет? Верно, уже после моего возвращения из Ленинграда?

3. Корплю помалу над «Погоней в Космосе». Ну, это идет медленно, но гладко. Хитрук уже звонил, нюхает, не прогадать бы ему, не упустить бы своего, гр-р-р-р!

4. В издательствах никакого движения нигде.

5. ГО писать, честно говоря, хочется, но странную хотенью. Просто чтобы заняться делом и убежать всей этой липы, которой я сейчас занимаюсь.

6. С деньгами отчетливо полегчало. Вышел перевод «Экспедиции “Тяготение”», скоро начисто расплачусь с Маниным и заживу боль-мень спокойно.

Вот и все новости. Целую, жму. Арк.

Поцелуй маму, привет Адке.

Аркадий — брату, 5 марта 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

Ты уж прости, что так получилось, но иначе я не мог. У меня сейчас голова только квартирой и забита. Мечтаю управиться за месяц — привести в порядок все недоделки и проциклевать и пролакировать пол, а также ввезти в квартиру самую необходимую мебель, в том числе и холодильник. Все это у меня уже на мази, распоряжения отданы, мебельные магазины занимаются исключительно Стругацкими.

А затем в середине апреля я уже со спокойной душой и роскошными настроениями явлюсь к вам, и мы поработаем на славу, а затем можно будет собираться и работать прямо у меня.

В Киеве все обошлось на удивление отлично. Тьфу-тьфу-тьфу. Наш вариант (тот, который я сделал в соответствии с просьбами Ивченки) принят практически на ура в качестве первого, сразу же было написано соответствующее заключение и выплачены 10% (по 192 ряб за вычетом по 9 ряб за распечатку, т. к. я представил только один экз). Далее, тут же мне предложили внести несколько изменений. Самое крупное — переделать демагогию Выбегаллы из политической в научную, что я и сделал в течение двух дней. В те же два дня я внес еще одно исправление: Саша Привалов попадает в НИИЧАВО таки случайно, а не по назначению. И еще ввел несколько мелочей по предложению Ивченки. Я печатал, клеил и резал, вымазался клеем с ног до головы, изрезал бритвой пальцы, залил клеем весь номер в гостинице, но всё сделал в два дня. И не зря. Зам<еститель> главного студии, хмурый небритый Ковтун, очень похожий на Жемайтиса верблужностью, прочитал и сказал: «Вот это уже идеальный сценарий, и, если нам не помешают, таким он и пройдет до конца. Я больше ничего не могу предложить». Итак: твои деньги 183 ряб у меня. Распорядись, выслать их или подождать до встречи. Сценарий мы сделали окончательно, и он в понедельник будет утверждаться на коллегии студии, после чего сразу идет в Комитет Украины, и если там не зарубят, то в Комитет Союза. Если в Ком<итете> Укр<аины> зарубят, сценарий изымается из студии и направляется к Чухраю в Москву на экспериментальную студию, о чем уже есть предварительная договоренность. Но нас это уже не очень касается. Мы будем теперь сидеть и ждать 15%.

Такие дела. Больше пока ничего нового.

Обнимаю, жму, твой Арк.

Привет Адке.

Борис — брату, 8 марта 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Ф-фу! Уладил все дела с путевками. Твою удалось вернуть без всяких потерь, а на свою я поселил в Комарове маму, и, кажется, ей там понравилось. Следующую путевку я заказал на 10–12 апреля, так что уж, будь ласков, постарайся к этому времени управиться с циклевкой, шпаклевкой, меблировкой и прочей лакировкой твоей новой замечательной действительности.

2. Деньги сценарные пока пусть побудут у тебя — привезешь в апреле. Такой уж особой нужды нет. Тем более что я сам обещал тебе минимум 500 на обзаведение. (Мишка <Хейфец>, засранец, так до сих пор и не отдал; не его вина, конечно, — издательство задержало выплату, но все равно...) Я тут посмотрел киношные договора и понял так, что 15% они должны нам выплатить сию минуту, а по смыслу договора — и все 100. Но практически, как я понял, 100 выплачивается не после одобрения сценария директором (как сказано в договоре), а только после одобрения его в Госкомитете. Но уж 15% надлежит из них вышибать чем-нибудь каленым, тут уж мы в полном праве. Так что пиши Ивченке, подгоняй его, гада, пусть давит на свое начальство — а то, знаешь, Госкомитет не пропустит, и начнется валанданье, как это было с 15 процентами за ДоУ — еле выбил Лешка <Герман>.

3. Я тут веду оборонительные бои с «Авророй». Они БЕЗУМНО трепещут перед начальством. И по-своему они правы, когда хотят довести рукопись до безукоризненного состояния. Но. Я тебе уже писал, что выбросил 80 процентов «дерьм» и «сволочей». Сейчас они, похоже, хотят, чтобы я выбил и остальные 20. Много разговоров и верчения носом возникло вокруг разговоров о разуме («а где же наша, марксистская точка зрения на этот вопрос?»). Короче, сейчас я отступил уже на последний рубеж «сволочей» — оставил буквально 3–5 процентов, но это уже необходимо, без этого уже нельзя. Кроме того,

договорились, что Дмитриевский напишет что-то вроде комментария, где разъяснит начальству (и читателю), что к чему, почему все так мрачно и т. д. И наконец, я выбил, кажется, из них одобрение — обещали деньги при первой же выплате, то есть в двадцатых числах. В общем, я принял решение: отступить до тех пределов, где художественность уже превращается после переделок в антихудожественность, и там окопаться. Предложу им рискнуть: может быть, проскочит, а не проскочит — будем думать.

4. Еще раз хочу подчеркнуть тебе, что 80 процентов вычеркиваний и замен, которые я проделал, по-моему, только улучшили повесть в смысле языка. Мы таки перебрали с матом. Не почистить ли и твои экземпляры? Повесть это не ухудшает (на мой взгляд), а проходимость увеличивает. Ты подумай и, если будешь ЗА, напиши — я пришлю тебе подробный список изменений. До твоего письма я рукопись попридержу.

5. Пришли экзы ДР из ГДР. Очень мило выглядят.

6. Вот что. Терпенья моего нет. Пришли, пожалуйста, ОО. Очень хочется посмотреть.

7. Дмитриевский активно готовит совещание по фантастике на следующий год. Будет оно в Ленинграде. Основной доклад будет писать Ефремов.

8. Между прочим, просмотреть предлагаемые мною изменения лексики было бы тебе полезно еще и потому, что ты ведь тоже можешь предложить какие-нибудь эвфемизмы — лучше тех, что предлагаю я.

9. Ты пишешь, что потом можно будет собираться и работать прямо у тебя. Это было бы прекрасно, но я не совсем понимаю: что — Ленка ушла с работы? Нас ведь кормить-пить надо. Если бы не это — работать можно было бы и у меня.

Ну вот, пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет!

И не торопитесь покупать мебель! Пусть будет не сразу, но хорошая.

Аркадий — брату, 13 марта 1972, М. — Л.

Дорогой Борис!

1. Путевки на середину апреля одобряю. Только что вернулся с квартиры, там мрак и ужас, все засрано, сломано и вдобавок не открывается замок, который я поставил в прошлый четверг. Ну, ты сам через все это прошел. Наши доблестные строители насрали полный унитаз, а убирать предложено собственными новоселов силами. Одним словом, нам ни секунды не дают забывать, кто здесь хозяин, сколько бы мы ни платили. Но к концу следующей недели полагаю привести всё в порядок, а затем всё купить, что намечено, и переехать. На это тоже недели две, так что как раз впору.

2. Сценарные деньги забираю, пока таким образом должен тебе 183 ре. Ивченке буду писать на следующей неделе. Так мы договорились.

3. Полный список изменений в ПНО присылай. Буду править и передам Севке. Он просил это сделать, хотя за успех, естественно, не ручается. Издательство «Знание» — не фунт дыма. Из МолГв ничего.

4. ОО вышлю послезавтра. Если не лень, вышли, пожалуйста, гэдээровские ДР.

5. Насчет сбора и работы прямо у меня — все очень просто. У Ленки три свободных дня в неделю и никаких специальных забот о детях.

Пока всё. Крепко жму, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу <прозвище Андрея Стругацкого>.

Борис — брату, 15 марта 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Во первых строках моего письма хочу подчеркнуть, что путевки я заказал не на «середину апреля», а примерно с 10–12-го, так что готов ты должен быть именно к этому времени. А то опять будут неприятности, и мне придется извиваться в Литфонде. По-моему, к этому времени самое необходимое ты сделать успеешь, а прочее и подождать может, как ты полагаешь?

2. Полный список изменений в ПНО я тебе так не пришлю: позвонили и попросили принести рукопись срочно (как всегда непонятно: почему срочно? зачем срочно? — кажется, это связано как-то с периодическими покладаниями в больницу и краткосрочными выходами из оной главного редактора). Собственно, заменить «дерьмо» на «дрянь» и «сволочь» на «гад» ты и сам при необходимости сможешь. Из тех эвфемизмов, что я придумал, мне нравится только «окорока» вместо «задницы» — после пребывания Рэда под «жаровней». И потом, может быть, у Севки вообще будут совсем другие замечания. Я думаю, что ОБЯЗАТЕЛЬНО надо только изменить географию Зон (я уже писал тебе об этом) и — если потребуют — упоминание о Зонах в СССР.

3. Только что позвонил Дмитревский. Он жаловался, что Жемайтис разгромил его сборник (Ф–72), сообщил мне, что ПНО передан в «Знание» (я сделал вид, что ничего не знаю, и рассыпался в благодарностях за информацию), а также сказал, что Жемайтис ему заявил, что «у Стругацких в МолГв выйдет сборник в 73-м году». Сегодня я пойду в Писдом — там открытое партсобрание о критике, и Дмитревский будет толкать речь — просил меня поприсутствовать. Между прочим, статью Альберта Беляева в «Правде» он рассматривает как явление положительное: дали отпор и защитили советскую н<аучную> ф<антастику>.

4. Гэдээровскую ДР мне послать не лень, но прислали-то всего 2 экз — один маме, один в мою коллекцию, так может, не посылать, а? Зачем он тебе?

5. Пришло письмо от Дагана. Он сообщает (по моей просьбе), что специальных рецензий на Стругацких в английской прессе он не видел — только общие о советской ф<антасти>ке, причем, как правило, бессодержательные (он пишет: «обычно очень удивляются, что и на Востоке есть ф<антасти>ка»), а зачастую — злобные и неприязненные. (В том числе выступление по радио Кингсли Эмиса.) Правда, появившийся недавно перевод «Соляриса» встретили на ура. Даган участвует сейчас в составлении чего-то вроде хрестоматии советской литературы для студентов-филологов. Ему досталась тема СКАЗКА, он хочет включить туда куски из ПНвС, просил прислать книжку. Я застонал, но послал.

6. Очень сочувствую тебе в твоих геракловых трудах. Ничего! Все будет прекрасно.

7. А что слышно о переизданиях в Детгизе? Март уже на дворе, пора бы.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет!

Аркадий — брату, 22 марта 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

И вот я сижу в своей первой в жизни собственной квартире, сижу на матрасах, разостланных прямо на полу, машинка на чемодане, луплю по клавишам, а на лестничной площадке двое кандидатов наук обивают мою дверь каким-то особенным дерматином. В далеком прошлом те времена, когда квартира эта являла собой авгиевы виды. Теперь все блестит чистотой, полы отциклеваны и отлакированы так, что в них можно глядеться. В большой светлой комнате лежат 60 с лишним связок книг общим весом до 7 центнеров,

а тряпье и носильные вещи сложены в стенном шкафу, а некоторые даже повешены в оном. Нынче утро первого дня моего нового местожительства. Первая ночь позади. Осталась только мебель, так что к 10–12-му я вполне готов присутствовать на написании ГО.

Новости, если они и есть, мне положительно неизвестны. Я в последние дни ни с кем не связывался и ничего не знаю. Только одно: неважные новости из Киева.

Позавчера позвонил мне Борис Ивченко, приехавший в Москву на какую-то конференцию, и с удрученным видом сообщил, что а) новый главный редактор студии, назначенный из директоров студии хроникальных и документальных фильмов, прочитав сценарий, долго тупо разглядывал его и сказал, наконец, что не понимает, кому нужна эта белиберда, являющаяся вдобавок клеветой на советскую науку; и тут же прибавил, что-де он вообще не понимает, зачем нужны комедии, когда все вокруг так серьезно; б) в нынешнюю пятницу состоится редколлегия студии, на которой будет обсуждаться наш сценарий, положение угрожающее, и я должен там быть. Узнав все это, я посоветовался с Бирюковой (зам<еститель> главного студии Горького, наша большая почитательница, идет на «Малыша»), и та мне сказала, что я ни в коем случае не должен там быть: если они твердо решили сценарий зарубить, они его зарубят и в моем присутствии; если же они будут тянуть волюнку, то психологически легче вытянуть из меня, присутствующего, согласие на всякие дурацкие поправки, которые, в сущности, могут послужить только к оттяжке неизбежного провала: авторы-де так и не справились с замечаниями, высказанными им на редколлегии и т. д.; если же добрым силам удастся отстоять сценарий, то его отстоят и без меня, раз на студии такое бедственное положение со сценариями, как у них. На чем я и порешил. Вчера оставил дома телефонограмму для Бориса (днем его невозможно застать, а здесь меня ждала Ленка), в которой сообщил свое решение не ехать.

Такие дела. Сейчас требуется срочно гнать мультяшку, чем я и займусь. На четверть сказка готова, думаю до отъезда всё закончить, дать прочитать Ларину на предмет обращения ее в сценарий и повезу тебе.

Пока всё. Целую, жму, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Борис — брату, 25 марта 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Поздравляю. Рад за тебя. Советую самым настоятельным образом: а) Дико хлопотать насчет телефона и б) Не торопиться с покупкой мебели — т. е. подождать терпеливо, пока попадет мебель, которая действительно вам понравится. Оба совета — из собственного опыта.

2. По поводу ПНвС-С могу сказать только, что не слишком огорчусь, если его провалят. Но одно мне ясно: остатние 15 процентов должны быть выбиты из Ивченко раскаленной метлой. Я так и не понял из твоих предыдущих писем, какой же по счету вариант у нас принят, но раз дело дошло до редколлегии Студии, значит минимум второй. А следовательно: получив сейчас замечания редколлегии, надлежит согласиться над ними поработать — тогда они обязаны будут выплатить минимум наши 15 проц<ентов>. А потом — как захотим, так и сделаем. Хуже будет, если редколлегия зарубит сценарий в принципе, но и тогда есть шансы выбить причитающееся. Что ты туда не поехал — не страшно. На своем опыте я убедился, что присутствие автора ничегошеньки не меняет. Ладно, впредь будем умнее. Хотите экранизировать? Ради бога! Покупайте право экранизации и — гуд бай! Только кто теперь захочет связываться со Стругацкими?

3. У меня новостей никаких нет. Из «Авроры» пока ни гу-гу. Может, это и к лучшему? Гу-гу должно было иметь вид новых замечаний — теперь уже замечаний Косаревой. Может, их совесть забрала: сколько можно приставать к авторам?

35 процентов они, как я понял, выписали, но денег пока нет. Впрочем, еще рановато: день выплаты, кажется, 21-го.

4. Мишка наконец вернул деньги. Можешь по приезду получить оставшиеся 317 руб.

5. Спасибо за бандероль. Действительно — здорово они издали ОО. Только вот где денежки?!

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет! И поздравления с квартирой!

Аркадий — брату, 3 апреля 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

Прости, долго не отвечал. Тому виной два обстоятельства: во-первых, у нас с ходу на неделю выключили воду и канализацию, и мы вынуждены были вернуться на Бережковку; во-вторых, я веду сейчас бешеную погоню за мебелью. В отличие от вас, мы хорошо знаем, что нам нужно, но мы не в Чикаго, моя дорогая, и найти то, что нам нужно, весьма трудно. Тем не менее кухня почти готова: куплен холодильник, лежбище-диван для созерцаний и сидения за столом, стулья и табуретки. Сейчас ищу финский кабинет, а как только он будет, останутся сущие пустяки: двойное лежбище для нас с Ленкой, большой письменный стол для меня и платяной шкаф. Всё.

Новостей практически никаких. На субботу и воскресенье ездил в Калугу и Обнинск выступать. Заработал чистыми 80 рублей.

Жду письма с сообщением, когда быть в Л<енингра>де.

Жму, целую, твой Арк.

Привет Адке.

Борис — брату, 5 апреля 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Вероятно, ты уже получил мою телеграмму. Жить будем на разных этажах. Жалко, но думаю, что перебьемся.

2. Надеюсь, деньги из «Авроры» тебе уже пришли. Я звонил туда давеча. Сказали, что перевели еще в двадцатых числах. Я же поеду завтра получать в бухгалтерию, дабы не терять проценты. Вообще из «Авроры» по-прежнему ни звука. Я не навязываюсь. В конце концов, программу-минимум мы выполнили, а дальше — всё от бога.

3. Событий и у меня не происходит. Был вот давеча Миша Ковальчук. Побеседовали с приятностью. Он просил, чтобы я похлопотал перед тобой за выступление в каком-то там физическом институте, куда они собираются тебя вытащить. Докладов тебе читать там не придется, только отвечать на доброжелательные вопросы.

4. Все время верчу так и эдак в голове «Риф Октопус». Додумался, что хорошо бы его как-то сконтактовать с «Кракеном». Получается этакая зловещая сцена: зло заперто в атолле, и Страж хранит его от идиотов, которые льнут к атоллу, как мухи к сладкому. В общем, у меня такое ошущенье, что эту штуку мы еще напишем.

5. А вот последнюю часть ГО представляю себе неважно, кроме одной главы — «Ночь в Городе Статуй». Это может получиться страшно.

6. Впрочем, тебе, наверное, не до того.

7. Все-таки перед отъездом проверь садки: МолГв; Знание; Детгиз; Фитиль; позвони в Межкнигу.

Ну вот, пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет.

Аркадий — брату, 3 мая 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

Прости, никак не удавалось взяться за письмо. То с мебелью мотался, а тут еще — 30-го, 1-го и 2-го — пролежал с жесточайшим флюсом — и сейчас бы надо лежать, но удалось закупить нужное, и жду доставку на дом. Коротко, новости такие:

1. В Детгизе без перемен.

2. В «Знание» отнес, но от Севки никаких вестей.

3. Из «Мол<одой> гв<ардии>» попросили привезти сборник «ВстречЬ», уверяют, что стоит-таки в плане, но должен читать еще Осипов. Нынче отправил Эдика <Фошко> с рукописью.

4. Завтра еду в Киев, ибо послезавтра обсуждение сценария. Чует сердце, что поездка зряшная. Вернусь — отпишу. Дольше 2 дней задерживаться не намерен.

Вот пока всё. Жму, целую, твой Арк.

Поцелуй маму, привет Адке.

Борис — брату, 6 мая 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

У меня с новостями тоже не густо.

1. Отнес в Лендетгиз заявку на ПХХПВ и М. Приняли благосклонно, но сказали, что это только на 74-й. И то ничего. С М в общем сборнике пока, вроде бы, все благополучно. Печатается он на Гознаке, там все страшно заносчивые и самодовольные — отказались печатать с представленного мною экземпляра рукописи, потому что там нестандартная буква «т» (она, действительно, нестандартная и похожа на английское «ай»). Редакция не растерялась и срочно перепечатала рукопись — за мой счет, натурально. В общем, это дело, вроде, на мази.

2. Что с ПНО — неизвестно. И я — от греха — туда и не звоню. Пусть сами звонят, если что. Но я полагаю, что, если бы были неприятности, они бы сообщили так или иначе.

3. Пришло письмо из ГДР. Мягко, но убедительно доказывают, что название «Отель...» более привлекательно для немецкого читателя, чем ДоУ, и просят прислать фото. Я написал, что хрен, мол, с вами, пусть будет ОуПА, и выслал ПОСЛЕДНЮЮ фотографию Ал. Лесса. Слушай, Аркашенька, попроси кого-нибудь из твоих знакомых, чтобы сделал с тебя приличный фотопортрет. У меня есть очень приличные — объектива Миши Лемхина. Я бы тогда дал тебе десяток своих, а ты мне — десяток своих: горя бы не знали!

4. Послал в Польшу телеграмму, а потом и письмо с благодарностью за вызов. А сам сходил в наш ленинградский ОВИР, взял анкеты и список необходимых документов. Это все оказалось довольно просто — нужно представить: заполненную анкету (выдает ОВИР); квитанцию Госбанка об уплаченных 3 руб. (можно заплатить в сберкассе, центральной, любого района); 4 фото; характеристику с места службы (бланк прилагается, надо только отнести его в свою иностранную комиссию); согласие жены отпустить (бланк тоже прилагается, надо заверить согласие в ЖЭКе); текст приглашения (перевода, оказывается, не надо). Надо бы нам согласовать вопросы анкеты: а) Цель поездки. б) Срок и время поездки. в) «Что желаете еще сообщить о себе или своих близких родственниках, а также по существу ходатайства» (16-й вопрос анкеты). Я предлагаю ответы: а) Еду по приглашению людей, занятых переводом и изданием моих книг. Намерен обсудить ряд творческих вопросов, а также ознакомиться с изданием нашей фантастики в ПНР. б) Намерен выехать в начале сентября сроком на 15 дней. в) Одновременно по приглашению выезжает в ПНР мой брат-соавтор. Крайне желательно для нас выехать и вернуться одновременно. Это всё предварительные варианты ответов. Я еще хочу

посоветоваться в своей иностранной комиссии — пойду туда 10-го. Буду держать тебя в курсе и без твоей санкции анкету заполнять не буду, а тем более — относить в ОВИР.

5. Звонил мне Димка Биленкин. Встретиться нам не удалось, к сожалению, но по телефону потрепались. Он сказал, что в Польшу ехать хорошо (сам был там недавно), марок там — море разливанное. Сказал, что в «Знании» на низшем уровне всё ОК, а вот что будет на верхнем — неизвестно.

6. Дважды мне уже звонили из Литфонда, предлагали путевки сначала на 3-е, потом на 10-е. Я, натурально, отклонил. Требую с 15-го и не раньше. По получении извещу.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке — привет!

Так как у вас с мебелью? Не понял.

Аркадий — брату, 10 мая 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

Получил нынче от тебя письмо. А новости такие.

1. Ездил в Киев. Все там застряло, ибо новый главный редактор, сопляк лет тридцати трех, бывший лейтенант из синих гусар, объявил, что сценарий ему не нравится, ибо: не понимает он, зачем и с какой целью это все накручено; не понимает, что это за жанр; считает, что сценарий художественно плох; понимает, что это есть издевательство над советской наукой. В ответ я сказал ему, что с такими способностями он меньше чем в год окончательно развалит вверенную ему студию, и откланялся. Борис Ивченко, впрочем, еще на что-то рассчитывает. В крайнем случае мы собираемся перенести сценарий в экспериментальную студию в Москве к Чухраю. А пропо — Чухрая с его сценарием «Сорок первый», тогда еще молодого и начинающего, с позором выгнали именно со студии Довженко, и об этом ему намерен напомнить его старый приятель и покровитель Ивченко-старший.

2. Наконец-то у меня все хорошо с мебелью. В квартире теперь чисто и вылизано, в моей комнате стоит великолепная стенка — три секции книжных полок-шкафов с баром в центральной секции, отличный стол с полкой же на задней стенке и прекрасное вращающееся кресло; в Машкиной комнате — большой журнальный столик с полкой же, а вокруг него — два покойных кресла и мягчайшая кушетка. На кухне — большой обеденный стол и раздвижная кушетка-кровать. И еще кругом четыре добротных табурета и четыре полумягких стула. Книги и папки расставлены по местам, и я теперь дома. Так-то, фрер мой и соавтор. Наша все же взяла (при долге в две тысячи).

3. Рукопись «Незначенных встречЬ» передана лично Жемайтису, теперь ее будут читать на предмет решения вопроса о договоре.

4. В Детгизе по-прежнему пока никакого движения.

5. Из «Знания» ничего не слышно. Перед отъездом намерен зайти туда и узнать, как дела.

6. Вчера встретился с актером и сценаристом Театра им<ени> Вахтангова Мишей Воронцовым. Он просил разрешения на инсценировку ПНвС на предмет создания мюзикла. В случае удачи нам будет перепадать 1.5% сборов. Он подробно рассказал свой замысел и кто за него держит мазу. Я дал согласие. Вот пока все дела.

Обнимаю и жму, твой Арк.

Привет Адке, поцелуй маму.

Жду извещения о путевке.

Да! Получил из Польши вызов, ужю побреду в ОВИР.

Борис — брату, 10 мая 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Предлагают путевки с 21.05. Это слегка поздновато, но меня соблазняют хорошие номера: один — с балконом, другой — угловой, оба — на третьем этаже. Предварительно я согласился, но вот как ты? Отпиши срочно.

Получил ли вызов? Если нет, то должен получить в ближайшие дней десять.

Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Привет Леночке.

Аркадий — брату, 7 июня 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Был в МолГв, говорил с Белой, Сергеем и Инной Федоровной Авраменко. Все активно держат мазу за нас. Авраменко, после того как я рассказал ей о нашем бедственном положении, торжественно обещала приступить к активной борьбе за договор после конца июня [забито «июля»], именно июня, а не июля, как я написал было. Черт, совсем отвык от своей машинки. Сергей и Бела обещали всячески ее к этому понуждать. Я, кстати, спросил Авраменко, кто именно и почему нас так задерживает. От прямого ответа она уклонилась, но дала понять, что есть такие силы — выше ее и что она как раз вела такую политику — дать этим силам поуспокоиться и забыть о нас.

2. Вчера были у нас в гостях Ревичи и Биленкины. Пока наши дела в <сборнике> НФ хороши. Правда, читал только зав<едающий> редакцией, да и то наполовину, но возражений не сделал, и Светлана <Столпник> через неделю сдает рукопись в производство. Сейчас она перепечатывается там в машбюро (за наш счет, разумеется). Беда в том, что не вышел еще предыдущий номер сборника, но Севка полагает небезвероятным, что наш выпуск тоже выйдет в этом году.

3. Сценарий мультяшки сдал позавчера Хитруку. Он очень обрадовался, видимо, считал, что мы надеемся, и пошел читать и думать. Договорились встретиться в пятницу или в субботу. Полагаю небесполезным предложить ему соавторство на правах трети гонорара. Отпиши согласие или неудовольствие. Ларин, прочитавши, брюзжал, но заметил, что довести сценарий до кондиции очень несложно.

4. Был у меня вчера и Юра Манин — днем. Меланхоличен, но в общем спокоен. Сожрал все сосиски, нажарил картошки и тоже сожрал и выпил чайник чаю. И все удивлялся, почему я мало ем.

5. О Польше. Оказывается, у нас оформление в соц<иалистические> страны идет не через ОВИР, а через районное отделение милиции. Т<аким> о<бразом,> мне необходимо сначала прописаться, а тогда уже заниматься этим делом. Оформление, как рассказал Биленкин, проходит быстро. Такой порядок введен совсем недавно, я, кажется, понимаю — почему.

Вот все новости. Жму, целую, твой Арк. Привет Адке, поцелуй маму.

Борис — брату, 12 июня 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Задержался с ответом, во-первых, потому, что хожу сейчас к зубодеру и мир — ночь перед моими глазами; а во-вторых, потому что новостей-то никаких нет.

1. Был в «Авроре», сдал правку первой половины, взял вторую. Сегодня кончил править. Сцену каканья они, конечно, сократили — оставили только сам (завуалированный) факт — как Рэд кричит, присев за вагонетками, а все разговоры там выкинули. Я подумал-подумал и решил плюнуть. Пусть их. Будем надеяться, что удастся

сохранить это (и многое другое) в последующих публикациях. ПнО читали еще Миша Лемхин и Саша Лурье. Были, как я понял, разочарованы. Я показал Мише черновик ГО — он аж почернел от жажды, но я только перед носом у него подержал и спрятал.

2. Звонил в ЛенДетгиз, хотел выяснить, что там и как — оказалось, что все знакомые люди в отпуске. Информации ноль.

3. С соавторством Хитрука поступай, как тебе покажется правильным. Даю карт-бланш. Все равно нам с ним работать (вернее, тебе) придется в тесном контакте и, действительно, лучше уж иметь право выжимать из него идеи.

4. Информация твоя о МолГв — интересно. Только я не понимаю, почему так странно сформулировано обещание: «начну хлопотать после конца июня». Почему не «в конце»? Почему не «в начале июля»? После конца июня открывается бесконечная временная ось... С... она, эта Авраменко, — водит нас за нос.

5. А не позвонить ли тебе Фомину? Как там насчет сертификатов? В конце июня («после конца...») я буду писать в Марион фон Шрёдер, если ничего не поступит.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет!

Как там у Машки дела?

Аркадий — брату, 20 июня 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

Задержался с ответом потому, что имели место некоторые тенденции, коих определенного выявления я пытался дожидаться. Ни хрена не дождался, если не считать положения с мультотом, и решил писать.

1. Итак, мультфильм «Погоня в Космосе» (ПвК) написан и представлен на суд прежде всего Ларина. Ларин подверг его резкой критике, однако нашел, что неделя работы всё приведет в порядок. Тут мне припомнилось обстоятельство, что я обещал Хитруку показать первый или даже подготовительный вариант. Показал. Хитрук объявил, что это все не то, что ему нужно. Ему нужен был политический памфлет, а не приключенческий фильм. Мы с ним подробно обсудили примерное содержание и тональность нужного ему сценария, после чего я обещался дать ему либретто к 28-му, а сам отнес сценарий на студию: надо же оправдать аванс, а также испросить пролонгацию до октября. Пролонгация была мне дарована немедленно, причем я узнал, что Хитрук уже успел охаять сценарий. Но вот вчера я пошел, чтобы забрать сценарий, и мой тезка Снесарев, фактический зав. сценарным отделом и правая рука главного редактора, с негодованием объявляет мне, что я его надул этой просьбой о пролонгации, что сценарий прекрасный, что недостатки его устраняются в неделю и что он будет требовать от дирекции приема этого фильма, а Хитрук пусть как знает. На этом все пока застопорилось. Как я понимаю, сейчас сценарий будут рассматривать у них на коллегии на предмет выплаты 10%, а как будет с Хитруком — не знаю. В крайности, я всегда готов заключить договор на новый сценарий специально для Хитрука. Посмотрим.

2. В МолГв слышно вот что. Завершающий том они хотят составить из авторов, которые имели свои именные тома (я имею в виду «Библиотеку мировой фантастики»). В связи с этим Бела предложила нам дать в этот последний том главу из ПнО, а именно — первую. Видимо, она согласовала это и с Сергеем <Жемайтисом>, и с Авраменко. Полагаю, надо согласиться. Днями я с нею встречусь и поговорю более подробно, ибо она, естественно, просит кое-что там подредактировать в мато-разговорном плане. Больше никакого движения в МолГв нет.

3. Нина Беркова в скором времени выносит нашу заявку на переиздание на предмет заключения договора. Но это пока все зыбко и очень неопределенно. А тем временем я рассказал ей содержание мультсценария, и она предложила сделать из него прозу и дать в

альманах. Боюсь, что в выпуск 73-го года нам уже не успеть, он сдается в производство в начале июля, а то было бы хорошо. Ну, в крайности придется на 74-й.

4. Прислали из Литгазеты анкету, я ее тебе по договоренности посылаю. Набросашь чего-нибудь там — и высылай.

Вот пока все наши дела.

Маму я встретил, а когда привез домой, разумеется, испортился лифт. У меня душа в пятки ушла. Но мама довольно бодро преодолела эту высоту: там на каждом этаже есть удобные скамеечки для отдыха.

Обнимаю. Жму. Твой Арк.

Привет Адке.

Борис — брату, 23 июня 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Исправь, что сочтешь, и посылай в ЛГ. Мне только отпиши, какие изменения внес, дабы я мог потом сравнивать с опубликованным.

Дела у тебя, я вижу, так и кипят — как в лаборатории алхимика, и золота, как и там, не видно. Дать главу в Биб<лиоте>ку — ради бога! Но почему опять главу? Сами же потом выбросят под предлогом, что глава, а не повесть. Или весь том они составят из глав? Поступай, конечно, как знаешь, тебе виднее, но, по-моему, надо бить все-таки на повесть целиком. И начинать бить уже сейчас.

С мультотом поступай в соответствии. Лишь бы деньги платили.

Фомину ты звонил или нет? Я же намерен писать письмо в ферлаг.

У меня никаких новостей нет — ни плохих, ни хороших.

Да! Не мог бы ты использовать свой блат в литфонде и раздобыть нам с Адкой и Андрюшкой путевки в Коктебель на август? Мне в нашем литфонде отказали, гады, а Андрюшку все врачи рекомендуют вывезти в Крым по причине его непроходящего носа. А дикарем я с ним ехать боюсь из-за холеры. Постарайся уж — век благодарить буду.

Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет!

И маме!!!

P. P. S. А документы в ОВИР я уже сдал. Просили только заменить фото. О эти фото! Пр-р-роклатье!

Ответ обещали до августа. Будем посмотреть.

Аркадий — брату, 3 июля 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Особых новостей никаких нет, ни плохих, ни хороших.

2. Анкету перепечатал, исправлений почти не вносил, нынче отнесу (или отошлю) в Литгазету.

3. Бить на повесть целиком, конечно, интереснее, но я уж буду бить сразу на сборник. И вообще бить — это, брат, такое дело, где залезешь, там и слезешь.

4. Фомину я не звонил. Да и смысла звонить нет. Пиши в ферлаг, а мне здесь посоветовали обратиться к нашему юристу, эти дела для них привычные, вот пусть и разбирается, ему за это деньги платят.

5. В отличие от тебя, блата в Литфонде у меня практически нет. Есть только Томан Николай Владимирович, которому я и буду нынче звонить. Возможно, он поможет, но особенно рассчитывать не надо. В общем, сделаю все, что возможно. А ты не боишься ехать с ним в Крым при его печени?

6. Никак не могу прописаться — у Ленки какие-то неполадки с военным билетом, чтобы устранить эти неполадки, нужен ее паспорт, а паспорт в ЖЭКе не отдадут без предъявления военного билета с устраненными неполадками. Ужасно хочется бить по мордам. Тем более что вот-вот истекает срок ордера, а тогда начнется такая волокита — не приведи бог.

7. Настроение в общем хреновое. Выяснилось, что Машка из рук вон плохо подготовлена по физике. А сдавать ей 17-го. Поднял на ноги все знакомства, но что будет — один бог знает.

8. Отныне и впредь пиши мне по новому адресу:

117526, Москва, проспект Вернадского 119, кв. 273.

Обнимаю, жму, твой Арк. Привет Адке, поцелуй маму.

Борис — брату, 10 июля 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Долго не отвечал тебе — все надеялся узнать что-нибудь этакое. Не узнал.

1. Сегодня звонил в «Аврору». Седьмой номер должен выйти в 20-х числах. Пока идет более или менее благополучно. Как мне рассказали, было произнесено несколько слов «в атмосферу» — мрачновато-де, беспросветно, — но пока из этого еще ничего не воспоследовало.

2. Неделю уже звоню в Лендетгиз, не могу застать там нашу редакторшу. Вот и сейчас не застал. Из отпуска она вышла, вроде бы, шестого, но на работе ее никак не поймать. От Брандиса я знаю, что сборник с нашим М уже в печати и должен — со значительной вероятностью — выйти в этом году. Но меня-то интересует судьба договора на отдельную книжку. Ладно, буду ловить дальше, а поймав, отпишу.

3. Дима Биленкин пишет, что венгры запросили у него рекомендаций на новую советскую ф<антасти>ку и он порекомендовал ПнО. Хорошо бы договорчик заключить!

4. В ферлаг я решил пока не писать, раз ты намерен побеседовать с юрисконсультантом. Может быть, это у них в порядке вещей: гонорар выплачивается в течение, скажем, года.

5. Ирена <Левандовска> прислала письмо, что уезжает в отпуск, и дала новый адрес на всякий случай. Вернуться она намерена к 1 сентября. Мы же поедем, я думаю, числу к 15-му, так что не страшно. Впрочем, из ОВИРа пока ни гласа, ни воздыхания.

6. А теперь даю тебе список вопросов, на кои хотел бы получить ответ от тебя в следующем письме. Пока всё не выяснишь, можешь даже не писать.

а. Как обстоят дела с мультяшкой?

б. Что с ПнО у Севки?

в. Что в МолГв со сборником?

г. Чем кончились переговоры с юрисконсультантом насчет ферлага?

д. Что в Детгизе с переизданием?

е. Не раздобыл ли ты мне путевочку в Коктебель?

Выясни всё обстоятельно и не спеша и тогда уж отпиши на всю катушку.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке — привет!

Машке — ни пуха ни пера!

Аркадий — брату, 25 июля 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

Наконец освободился и получил кое-какую информацию и отвечаю. (Господи, твое-то письмо мечено 10 июля, а нынче уже 25-е!)

1. Машка не набрала нужных очков и не поступила, невзирая на все мои труды. Будет загорать дома и весь год готовиться к поступлению снова.

2. С мультяшкой обстоит дело неплохо. Выдали 10%, из них половину отсылаю тебе по твоему требованию. Напиши, куда и как. Положено тебе 130 р. Суки, из трехсот рублей почти 40 вычитают, а за что — неизвестно. Вчера свели меня с нашим режиссером Васей Ливановым (может, знаешь артиста Бориса Ливанова, так это его сын, славный парень, страшно шепутной). В августе он кончает свои дела и принимается за нас. По совету зав<едующего> сценарным отделом взял его в соавторы.

3. Севка и Танька <Чеховская> уехали на байдарках, ничего о ПнО не знаю. Да и рано еще знать.

4. Вчера же был в МолГв по поводу сборника. Договор уже напечатан, ждет визы. Авраменко в отпуске, Белка тоже уходит в отпуск, обе вернутся примерно 10 августа, считается, что к середине августа договор может быть заключен. Жемайтис жаловался, что сволочь Немцов шляется по ЦК и нудит, что печатают одних стругацких, а настоящую ком<мунистическую> литературу не печатают, и тем снискивает себе средства к существованию.

5. Был у нашего юриста Орьева. Он без слов поднял трубку и передал мое дело зав<едующей> отделом внешних сношений УОАП Регине Марковне Горелик, с которой я буду на днях встречаться.

6. В Детгизе с переизданием пока ничего хорошего, плановый отдел не разрешает. Но: Нина настоятельно просит переделать сценарий в повесть и дать ей под договор. Я взял сценарий из студии и в среду отнесу ей. Потом распечатаю и перешлю тебе, а ты займись переделкой. Идет? Работы немного, а деньги все же неплохие. Нина просила листа на три-четыре. Договор будет на днях.

7. К моему большому стыду и сожалению, по путевкам мне ничего не удалось сделать, хотя в дело был запряжен Михаил Луконин. Хрен знает, как это и почему так получилось. Есть какие-то шансы на Одессу, но я пока их не трогаю, не знаю, как это для вас. Отпиши скорее.

Такие дела.

Жму и целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу, если вы его уже забрали.

Борис — брату, 29 июля 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Не отвечал сразу потому, что ожидал новостей. Сегодня позвонил твой приятель, я позвонил Ткачеву и понял, что надо писать, не дожидаясь, тем более что только одна информация теперь не совсем еще исчерпывающая, а с остальными все ясно.

1. Машка. Ужасно жалко бедную девочку (да и тебя тоже), что затрачено столько сил, а результат такой же, как если бы ни к чему она не готовилась, а ты нигде не хлопотал. Но, с другой стороны, — какого черта! Что такого особенного произошло? Юное дарование загубили? Мечту жизни растоптали? Да провались они, эти университеты! Пойдет работать к Шилейке, будут вокруг симпатичные люди, парнишки — такие же, как она, десятиклассники, все будет распрекрасно. Проработает год-два, а там ей — льгота при поступлении, если уж снова будет пытаться. А когда представишь, что все равно через два-три года выскочит наша Машенция замуж и все ее интересы разом сместятся совсем уж в другую область, так и вовсе получается, что ничего страшного не произошло. В общем, поцелуй ее в ухо и передай, что д<ядя> Боря настоятельно советует держать ей уши торчком, а хвост — пистолетом.

2. Путевка. Представь себе, нам вдруг повезло: какие-то зажавшиеся хмыри отказались от путевок в Гагры, и путевки эти достались нам. Так что 8-го я улетаю, а вернусь 1 сентября.

3. Вчера ездил в «Аврору» и выкупил там 7-й номер в количестве 50 экз. Десяток мы поделили с мамой, а остальные сорок дожидаются тебя прямо в типографской упаковке. Иллюстрация посредственная, содержания не знаю, не читал (да и не хочется что-то). Про деньги я впопыхах не спросил (там у них в этот момент как раз праздновали 3-летие журнала и все были вполсвиста), но полагаю, как и в прошлый раз, деньги получим только после выхода 9-го номера.

4. Договор в Детгизе на М+ПХХПВ я лично подписал. Обещали в конце июля прислать копию, подписанную директором, но вот что-то пока не прислали. Правда, редакторша наша снова почему-то ускакала в отпуск и вернется в понедельник (я и задерживался с письмом — ждал ее возвращения). Впрочем, она уверяла меня, что всё ОК. Возможно, правда, придется несколько сократить ПХХПВ — листа на два-три-четыре: плохо, говорят, у них с бумагой. Ну, это, я думаю, мы переживем — основные деньги все равно пойдут за М (ПХХПВ идет уже четвертым изданием). Кстати, для расклейки понадобятся экз ПХХПВ, один у меня есть, а у тебя не сохранились ли? Общий сборник с нашим М должен выйти в декабре: будут тугрики!

5. Звонили из «Костра», просили для них что-нибудь листов на четыре-пять. О том же просили в «Авроре». Я сеял смутные надежды, имея в виду мультяшку. Кстати, ты мне ее, конечно, присылай, но работать-то я сяду не раньше сентября. И вообще, наверное, будет правильно, если мы набросаем ее вместе в Комарове, в октябре. В общем, смотри.

6. Вышел библиографический справочник о переводах совписателей за рубежом в 1965–70 гг. Оттуда я узнал, что в 65-м г. на венгерском вышло аж два издания С — одно в Будапеште, второе — почему-то — в Братиславе. А СБТ выходило, оказывается, на сербскохорватском в Белграде и на испанском в Барселоне (!!). Во достать бы!

7. Из ОВИРа мне пришла бумага, чтобы в конце августа явился за документами на выезд. И так, меня выпустили, я уже почти еду. А у тебя как дела?

8. Деньги за мультяшку пока попридержи, отдашь при встрече. Прием режиссера в соавторы, натурально, одобряю.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

Р. S. Леночке привет. Пусть не шибко огорчается из-за Машки: ей-богу, все будет хорошо.

Борис — брату, 1 сентября 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Ну вот я, наконец, и дома. О блаженство! О счастье! О милые моему сердцу вновь надвигающиеся трудовые будни! Ну, ладно.

1. Пришла корректура М из лендетгизовского сборника «Талисман». Надо понимать, еще в этом году можно ожидать некоего кусочка-с!

2. Получил из Мосдетгиза какие-то 257 руб. Наверное, за «Погоню»?

3. В ГДР издадут в 74-м году сборник ф<антасти>ки о времени, включили туда ЧП и ЗЭ.

4. На этом мои новости заканчиваются. Срочно пиши мне письмо. В письме должна быть надлежащим образом заверенная доверенность на получение денег в Польше и подробный, Ленкой подписанный, список барахла, которое мне надлежит там приобрести — с указанием размеров, ростов, цвета и пр<очее>. Эх, руки-ноги надо обрывать таким, как ты! Знал бы я, что ты не поедешь, хлопотал бы поехать с Адкой — горюшка бы сейчас не знал!

5. Обязательно освети следующие вопросы:

а) Положение в МолГв. б) Положение с мультяшкой. в) Положение с сертификатами. г) Общее положение. Ситуацию, так сказать.

6. Получил ли наличные из Лендетгиза, порядка 580 руб? Это 50% за М+В из расчета 120 р за а<вторский> л<ист> (предварительный расчет).

7. Как тебе нравится переворот в Комитете по кино? В Ленинграде уже сняли нашего друга Головань, вот-вот должны снять директора Киселева и гл<авного> редактора 2-го объединения Фрижу <Гукасян>. (Не Отто Фрижу, а совсем другую Фрижу, которая засушила нам сценарий ДоУ.) Да, товарищи, есть высший суд, наперсники разврата! А знаешь, кого называют той каплей, что переполнила сей сосуд? Лешку! Причем Лешкин фильм положен на полку, а сам Лешка в тридцать четыре года уже страдает сердечными приступами. Есть во всей этой истории нечто фейхтвангеровское.

8. В Польшу я хочу уехать числа 15–20-го. До отъезда схожу в Литфонд и закажу путевошки в Комарово ориентировочно на 10 октября. Вышли соображения.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет и поцелуи!

Аркадий — брату, 4 сентября 1972, М. — Л.

Дорогой Борик.

Рад, что ты вернулся. Пребываю в надежде, что отдохнули вы хорошо. Что у меня:

1. 257 руб. из Мосдетгиза — 60% за «Погоню». Неделю назад Нина зашла ко мне и забрала экз. рукописи на иллюстрацию, а первый экз. оставила с просьбой попытаться увеличить ее еще хоть на 1/2 листа, т. к. у нее недобор. Если хочешь, пришлю, попробуй увеличить. Меня уже от этой рукописи тошнит. Еще я получил добро на продолжение этой сказки в трех последующих выпусках «Мира приключений» тоже примерно на 3.5 а<вторского> л<иста> в каждом.

2. Доверенность высылаю. К моему изумлению, выяснилось, что никто в Правлении не знает, насколько эта доверенность правильно составлена и заверена. Я ее составил и заверил под руководством одного из работников Инокомиссии, которому в прошлом году пришлось случайно заниматься этим делом в Индии.

3. В МолГв положение медленно улучшается. Договор с нами подписать почти готовы, но предварительно жаждут иметь рецензию заслуженного человека. Мы с Белой посоветовались, и она предложила просить рецензию у Брандиса. Но Брандис был где-то за границами, не знаю, вернулся ли уже. Ты ему позвони и засвети ситуацию, чтобы не тянул и писал восторженно. Бела, кажется, написала ему, а может, будет просто звонить. Содержание сборника ему известно, так что обойдется без рукописи.

4. С мультяшкой положение пока заторможенное, анабиотическое, поскольку общая паника в киномире не миновала и их. Собирались сменить директора и главного, на место должен был пойти зам<еститель> директора и зав<едующий> сценарным отделом, интриги, подвохи и прочее было в разгаре и изобилии, сейчас, кажется, выяснилось, что ничего там не изменится, и потому одни злорадно точат когти, а другие с тоской ожидают мести. Но есть предложение дать сценарий некоему Котеночкину (режиссеру «Ну, погоди!»). Паршивость заключается в том, что в Главке тоже полный разгром, и Мультстудией занимается сейчас Сытин. Хотя, с другой стороны, нет больше Баскакова, а всем временно руководит Павленок. Так что трудно сказать, как у нас с мультяшкой.

5. Был я у зав<едующего> отделом внешних сношений УОАПа. Очень милая женщина. Выяснилось: нам перевели из США аванс за ТББ, чистыми получилось по 67 руб. 54 коп. сертификатами. Получил, привезу. Издательство называется «Ам-Рос». Еще выяснилось: из ФРГ пока ничего, но ожидается некий не то годовой, не то полугодовой отчет от ихних издательств, вот тогда, может, и будет что. Впрочем, конфиденциально меня предупредили, что Межкнига и зажать валюту недорого берет. Не навсегда, конечно, а когда вышестоящие насаждают на них за тощие поступления. Но это уже проверить практически невозможно, разве что написать в ихние ферлаги.

6. Получил откуда-то перевод на 522 руб. Вероятно, из Лендетгиза, о котором ты пишешь (за М и В), еще не знаю.

7. Перевероты в Комитете по кино вызывают у меня приступы легкой тоски — если брать их вкуче с общим положением. В дополнение к ленинградским новостям могу тебе сказать, что и на Украине — т. е. на Довженке и в Кишиневе тоже полетели все. Не исключено, что высший суд действительно имеет место, но больно дорого берут за судебные издержки: вон и Лешку до инфаркта чуть не довели...

8. Путьочки в Комарово заказывай на конец октября. У меня здесь еще пропасть дел по статьям и переводам, а Ленку надо вывозить, мы уже совсем дошли за эти месяцы.

9. Барахольные списки вышлю дополнительно. А ты уж расстарайся, вышли пяток экззов «Авроры».

Так пока всё. Жму и целую. Привет Адке и Росшеперу. Позвони маме, что это она мне не пишет?

Аркадий — брату, 7 сентября 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

Даю заказ. Список велик, но это, разумеется, на тот случай, если многого не удастся найти, чтобы у тебя был выбор и чтобы не искать много и долго. Что из этого попадет, то и бери. Итак:

ЖЕНСКОЕ:

куртка поролоновая (как у тебя, коричневая) 54 разм.,

брюки, брючный костюм 44 разм. 3-й рост,

кофта шерстяная, свитер 44 разм.,

туфли, босоножки, сапоги 36 разм.,

сумка хозяйств. и дамская,

белье (короткое) 55/56 разм. и 44 разм.

МУЖСКОЕ:

костюм темного цвета 56 разм. 5-й рост,

джинсы, не менее 56 разм. 5-й рост,

домашние туфли 45 разм.,

ботинки зимние, туфли на толстой подошве, широкие 44 разм.,

шапка меховая 64 разм.,

большой хороший рюкзак.

Теперь так. Есть идея. Как тебе известно, я должен тебе 630 руб. Как ты смотришь на то, чтобы взять эти деньги из моей доли в польском гонораре? Если гонорара не хватит, чтобы покрыть долг, возьмишь, сколько хватит, остальное останется на мне. Если хватит с избытком, купишь что-нибудь на избыток. Как считаешь? Отпиши.

Еще одно важное обстоятельство. Получая гонорар, обязательно (обязательно) возьми в издательстве справку, что ты получил гонорар за свои книги. Справку возьми в двух экземплярах. Один у тебя отберут польские таможенники, другой — наши. Иначе начнется неприятная мура при возвращении с вещами. Такое уже случалось, у одного нашего просто отобрали часть вещей, да еще обвинили в контрабанде. А у него была справка, но в одном экзе, и он отдал ее польским таможенникам. Как он, сердяга, ни вопил, ему не поверили или не захотели верить.

Всё.

Целую, твой Арк. Привет Адке.

Борис — брату, 7 сентября 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо с доверенностью. Будем надеяться, что этой бумажки хватит. На мой взгляд, она совершенно правильно составлена.

1. ПвК, конечно, присылай. Раз ты хочешь встречаться только в конце октября, у меня будет время поработать над рукописью. Правда, я думал, что мы вместе над нею поработаем, но ведь и это не исключено, как ты полагаешь? Насколько я помню, там таки есть над чем поработать.

2. Звонил сегодня Брандису насчет рецензии на НВ. Он, натурально, ничего не знает (Бела не подумала ни звонить, ни, упаси бог, писать ему), но он, конечно же, готов соответствовать, если его попросят из МолГв.

3. Кстати, ты ни слова не пишешь о ПнО у Севки. Слышно там что-нибудь?

4. 67 руб. сертификатами — это прекрасно. Буду ждать. Что касается ферлагов, то, наверное, надо терпеть уж до конца года, а потом разразиться соответствующим письмом.

5. Повторяю, что 522 р. ты получил именно за М+В. Я тут был в Лендетгизе, относил первую корректуру М, и редактор сказала мне, что через месяц, вероятно, начнем работу над М+В. Ты не забыл, что для этого потребуется еще экз ПХХПВ? Имей в виду, а то у меня только один остался.

6. Обязательно пришли барахольные списки и напиши вразумительно, куда и на сколько вы с Ленкой едете. Прислать письмо еще успеешь — я взял билеты в Варшаву на ночь 17-го.

7. Восьмой номер «Авроры» я получил, и мама тебе уже выслала пять экзов. Кстати, получил ли ты экзы седьмого номера? Ни хрена ведь не пишешь об этом ни мне, ни маме. Между прочим, приедешь в октябре, захвати второй чемодан: тебе ведь придется тащить в Москву больше 100 экзов!

8. Не пытался ли ты возобновить переговоры с «СовРоссией» насчет переиздания? А почему бы не попытаться? Тебе деньги не нужны, что ли?

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет!

Борис — брату, 12 сентября 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Не думал уже тебе больше писать до отъезда, но случились кое-какие события, о коих и сообщаю.

1. Только что звонил Брандис. Ему звонила Бела. Сказала, что звонит по поручению Авраменко. Что Авраменко просит Брандиса написать развернутую рецензию на сборник Стругацких с тем, чтобы впоследствии эта рецензия превратилась в предисловие. Что рецензия должна быть объективной, благожелательной, но содержала бы в себе и разумную критику. И наконец, что сделать это нужно на протяжении двух-трех недель. Брандис взялся за эту работу с удовольствием, но тут возникла куча затруднений. Ведь если исключить М, то прочие повести корезжились, сокращались, переделывались и пр<очее>. Как быть? Пока мы договорились, что я дам ему оригинал ПнО, а ДоУ он будет анализировать по «Юности». Но ведь в «Юности» сокращенный вариант. Что ты дал в МолГв? Хорошо бы было переслать Брандису сборник именно в том виде, в котором он лежит в МолГв. Может, займешься? Брандис несомненно прав, когда робко настаивает именно на оригинальном материале. Он хочет написать развернутую рецензию, с цитатами (правильными), дать свои предложения (нужна же «разумная критика») и т. д.

2. Снова звонили из «Ленфильма». Молодой способный режиссер Авербах давно интересуется фантастикой вообще и ф<антасти>кой Стругацких в особенности. Я им дал ПнО — по его просьбе. Он прочел и считает вещь интересной, но лишенной кинематографического конца. Я возразил, что был бы договор, а уж насчет конца мы позаботимся. В общем, сейчас он уехал в Москву добывать свой последний фильм, и мы договорились, что встретимся в начале октября. Я думаю, что ты не против очередных пятидесяти процентов и дашь мне полномочия на переговоры. Разумеется, эту работу я беру целиком на себя. От тебя потребуются разве что конструктивные советы. (Хотя, конечно, черт его знает: Авербах не Герман, как с ним работать — неизвестно. Впрочем, в начале октября все выяснится.)

3. Список барахла получил. Постараюсь, но очень не рассчитывай. Больно много ты написал. На два чемодана. Впрочем, там видно будет. А насчет своего долга не беспокойся ты, ради бога. Сочтемся так, как тебе будет удобно. И когда тебе будет удобно. Ты думай о долгах посторонним людям, а не брату родному. Меня, кстати, очень огорчает, что дадут нам так мало — Ирена обещала 20–30 тыс. злотых. И это — за три книги! Володьке Кунину дали 40 за одну. Правда, он был под покровительством Пшимановского — ихний генерал и гений (см<отри> «Четыре танкиста и собака»). Ладно. Что дадут — и на том спасибо.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет и поцелуи!

Аркадий — брату, 12 сентября 1972, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. ПвК пошлю, как только возьму с машинки. Кстати, сказка пойдет в «Мультфильм» в качестве второго варианта для оправдания 10%. Думаю, когда вернешься из Польши, экз будет уже у тебя, ты с ним поработаешь и вернешь мне, чтобы я успел передать его Нине, как только она вернется из отпуска.

2. Получив твое письмо, позвонил Беле насчет Брандиса. Она сказала, что напишет или позвонит ему немедленно. Впрочем, всё опять не к спеху: Осипов уехал, и Авраменко тоже уехала.

3. О ПнО у Севки ничего не знаю, ибо застать Севку при моих телефонных возможностях (и его тоже) совершенно невозможно. Но я бы на твоём месте не очень надеялся.

4. Экз ПХХПВ у меня найдется. В крайнем случае, украду где-нибудь.

5. После тщательного рассмотрения обстановки мы с Ленкой решили податься отдыхать куда-нибудь под Москву зимой. Так что раньше января или февраля выезжать не будем.

6. Обе бандероли с «Авророй» получил, о чем маме написал.

7. В середине августа отнес в «Сов<етскую> Россию» заявку на ПкБ+ТББ+ОО. Вряд ли что-нибудь получится. По уговору буду звонить туда в конце сентября.

8. Сегодня получил письмо от Кана, в котором он просит разрешения передать в «Мир» сборник Брауна. Позвони ему и скажи, что я разрешил.

Вот всё.

Да, пересылаю тебе письмо от какого-то шведского издателя, пришедшее месяц назад. Полагаю, разберешься. По-моему, безнадюга. Если хочешь, ответь по своему разумению.

Целую, жму. Твой Арк. Привет Адке.

Борис — брату, 14 сентября 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Исходя из того, что

- 1) со всяким издателем надлежит стремиться встать в строго договорные отношения;
- 2) м<исте>р Лундвал может вполне оказаться мелкой шавкой, с коей и связываться-то нечего;
- 3) конкретно послать ему мы ничего (кроме ОО) не можем, — я предлагаю следующий вариант ответа:

Уважаемый м<исте>р Лундвал!

В ответ на Ваше любезное письмо от 31.07.1972 мы имеем сообщить Вам следующее.

1. Изданием произведений советских авторов за рубежом ведает организация под названием «Международная книга». Ее адрес: СССР, Москва Г-200, Всесоюзное объединение «Международная книга». Все переговоры об издании наших произведений надлежит вести с этой организацией. Насколько нам известно, в случае заключения договора «Межкнига» может выслать Вам соответствующие произведения и, возможно, даже оказать содействие в переводе этих произведений на нужный язык.

2. Нам не хотелось бы особо рекомендовать Вам какие-либо из наших рассказов: все они написаны давно и давно уже перестали нравиться самим авторам. Из повестей последних лет мы рекомендуем Вам очень популярные в СССР повести «Трудно быть богом» и «Обитаемый остров» (о столкновениях жителей Земли отдаленного будущего с варварскими и тоталитарными режимами на других планетах), повесть «Хищные вещи века» (о страшных последствиях изобилия для потребительского общества), а если говорить о юморе и сатире, то повести «Понедельник начинается в субботу», «Сказка о Тройке» и «Второе нашествие марсиан». Все эти повести переведены на различные европейские языки, но на английский, насколько нам известно, переведена только повесть ВНМ (Сборник Vortex, изд<ательст>во MacGibbon & Kee, London), причем перевод оказался плохим.

3. Для ознакомления посылаем Вам экземпляр нашей последней книги.

С уважением, А. и Б.

Я не пишу об издании на английском ТББ, так как ничего об этом не знаю. Если ты знаешь — добавь. Экземпляр ОО надо послать хотя бы просто из вежливости. Если тебе жалко — гарантирую впоследствии возмещение (у меня их еще штук 20). И хорошо было бы перевести это письмо на аглицкий, раз он по-русски не петрит. Займись, а? Потеря времени не так уж велика, а воспоследовать что-нибудь может. Аванс, то, се.

Письмо мистера я оставляю пока у себя, адрес его переписываю:

SAM J. LUNDWALL <...> Bromma, Sweden.

Новостей у меня, в общем, не прибавилось. Был у Брандиса, обсудили рецензию. Разъяснил ему замысел ДоУ, рассказал про подзаголовок (кстати, надо будет подзаголовок все-таки поставить: и автору предисловия раздолье, и вообще). Беседовал по телефону с Дмитревским. Очень он нас убеждает написать ура-повесть. Рассказывал про какой-то скандальчик с последним романом Ефремова. Журнал «МолГв», вроде, начал печатать и вдруг оборвал без объяснений. И в проспекте собрания сочинений Ефремова последний его роман почему-то не фигурирует. В романе, по его словам, ничего такого нет — эпоха Александра Македонского, — но очень много бедер, грудей и жадных губ.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет.

P. P. S. Запутал ты меня со своим отпуском. Совсем уже теперь не понимаю, на когда заказывать путевки. Ладно. Вернусь — разберемся.

Борис — брату, 28 сентября 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Вот я и дома. Съездил прекрасно, очень доволен, с удовольствием съезжу еще при первом удобном случае.

По поводу нашей дальнейшей жизни вообще и работы (по которой я страшно соскучился) в частности имею следующие соображения. Поскольку:

а) здесь накопилась куча твоего барахла (миллион экзов «Авроры» и то барахло, что я купил в Польше);

б) хочется пораньше получить сертификаты;

в) надо поговорить и обсудить; и — главное —

г) черновик сказки, на мой взгляд, требует тщательной работы — работы именно вдвоем, а не прогулки пером мастера;

исходя из всего этого, я предложил бы встретиться в рабочем порядке в Москве — ненадолго, на недельку, скажем, а может быть, и меньше, прежде чем основательно собираться в Комарове. Ленку мы постараемся не обременять, а ночевать я готов — и с радостью — на кухне.

Если ты в принципе не возражаешь против этого плана, то учти, пожалуйста, следующие обстоятельства:

а) где-то через десять дней должен разродиться Калям, и мне придется выполнять свой тяжкий долг — топить котят;

б) где-то в середине октября нагрянут в гости родственники, и было бы в высшей степени желательно сократить до минимума сроки нашего совместного пребывания.

Поэтому, если ты, повторяю, в принципе не против встречи, то напиши мне письмо, из которого следовало бы, что ты рад меня видеть, но не раньше 15-го и не позже 20-го. Объяснение придумай сам. (А можешь, конечно, и не придумывать: ты вовсе не обязан объяснять мне свои семейные и деловые обстоятельства.)

Было бы очень хорошо, если бы ты согласился. Я бы привез тебе часть экзов и барахло — его не много, не надейся, но все же кое-что, всем сестрам по серьгам. И сказку бы мы привели в должный вид (соображений — конкретных — у меня пока нет, но будут, это я гарантирую). И решили бы наконец, что же нам писать в Комарове.

Новостей же у меня (за исключением польских, о которых — при личной встрече) никаких пока нет: приехал несколько часов назад, еще ничего не знаю.

Вот пока и всё, крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет. Купил ей очень хорошую куртку — антик с мармеладом, а не куртка! Вот только придется ли впору?

Аркадий — брату, 3 октября 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

Письмо твое получил с запозданием на два дня (судя по штемпелям). Сволочи почтовые, по обыкновению барахлят.

Итак:

Решительно необходимо, чтобы ты явился в Москву на предмет доработки ПвК. Но весь гвоздь в том, что Нина уже сдает альманах в производство. Я сегодня отвезу ей черновой экз и попробую уговорить ее попридержать всё хотя бы до 15-го, а там, может быть, удастся дотянуть и до 20-го, но во всяком случае было бы КРАЙНЕ желательно, чтобы ты был у меня не позже 12–13-го. Иначе либо сказка пойдет в черновом виде, либо придется вынимать ее из альманаха, что недопустимо ни по этическим (этим мы страшно подведем Нину), ни по практическим (они же денежные) соображениям.

Относительно удобств можешь не беспокоиться: будешь ночевать в кабинете на роскошной раскладушке с матрасом. В худшем случае будет немного холодновато, но мы в Комарове к этому привыкли, так? Никого ты здесь не стеснишь, наши пять дней в неделю на работе с утра до семи, гуляй — не хочу.

Лучше всего было бы, если бы ты выехал немедленно по потоплении Калямова потомства, т. е., как я понимаю, числа 8–10-го, и тогда мы успели бы пожить здесь и поработать недели две, ибо, уверяю тебя, работы накопилось очень много и за одну неделю нам не справиться. Тут и сказка, тут и полученный нами заказ на статью о японской фантастике в Советском Союзе (по материалам издания «Мира», до 400 ру за лист), тут и проработка третьего варианта сценария. Так что уж будь любезен, приезжай как можно скорее и рассчитывай на срок не менее двух недель.

Это первое.

Второе:

23-го в Болшеве начнется симпозиум сценаристов-мультипликаторов, на котором мне совершенно необходимо быть. Продлится он до 3-го ноября. Я не знаю, как у нас дела с Комаровым, но желательно было бы, если бы тебе удалось приспособить нашу ноябрьскую встречу к этому условию. Что касается декабря, то с начала этого месяца я уволю Ленку отдыхать в Малеевку, иначе у нее горит отпуск.

Ленка очень рада, что ты приедешь и мы поработаем не в Комарове, а у нас. С энтузиазмом расписывала, как нам тут будет неплохо.

Вот всё пока.

Жму, целую, твой Арк. Привет Адке и Росшеперу. Ну и бас у него, по телефону я подумал, что это ты.

Маме письмо отправляю.

Борис — брату, 14 октября 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Представляю себе, как ты там медленно стерженеешь, не слыша от меня ни гласа, ни вздыхания, как рушатся твои планы, седеют волосы и т. п. Но черт меня побери совсем! Что я могу сделать, если подлец Калям и не думает рожать, хотя все сроки давно прошли. Ведь все было рассчитано. Девятого Калям рождает, я сразу же беру билет на 15-е и даю тебе телеграмму. Я даже не писал тебе, потому что не видел в этом никакого смысла. Однако сегодня уже 14-е, стервец ходит как бочка, но в ус не дует, и только время от времени принимается с диким воем гоняться за мухами, совершая чемпионские прыжки как в длину, так и в высоту. Уже пятый день я сижу абсолютно бездельно — все дела в поте лица уконтрапупил до 9-го, хотя пришлось бегать без памяти, чтобы успеть. Была надежда на сегодняшнюю ночь — нет, опять ничего. И я решил все-таки тебе написать.

В общем, я по-прежнему жду родов (другого выхода нет), потом беру билет на через день и сразу отбиваю тебе телеграмму. А ты уж извини, что так по-дурацки все получается.

Мне тут от безделья пришла в голову идея: а что, если дать ПвК под псевдонимом? Детгизу это довольно-таки все равно, а мы могли бы потратить на доводку и шлифовку гораздо меньше времени и энергии. Вот подумай-ка об этом и посоветуйся с Ниной. На самом деле: возиться с ПвК по-серьезному никакой охоты у меня нет (а у тебя, полагаю, и того меньше), работа эта, в общем, неблагоприятная, ибо ни особых денег, ни тем более славы эта сказка нам не принесет, а о чем серьезно подумать — у нас таки есть. Ноябрь на носу, а идей — ноль. Я тут прочитал — так уж совпало — сразу две книжки о фантастике (Н. Черной из Киева и А. Урбана из Ленинграда, обе привезу) — там о нас много написано, много и хорошо, я как-то особенно почувствовал нашу ответственность и пр<очее>, а тут — ПвК. Смешно даже.

А больше новостей никаких нет. Брандис, вроде, закончил и отослал рецензию. Деньги в «Авроре» дали (очередные 200 с лишним), тебе обещали выслать еще в прошлую пятницу... хотя нет, в эту пятницу, 13-го. Кинорежиссер, намеревавшийся заняться ПНО, исчез, как это обычно бывает с кинорежиссерами. (А я из-за него, подлеца, раньше времени уехал из Польши.) Вот, пожалуй, и все новости.

Привезу тебе, кроме барахла, 35 экзов «Авроры» (гады, изуродовали третью главу, без спроса, без звонка, сами, засранцы, не сумели отстоять перед начальством), две книжки про ф<антасти>ку и ГО, как ты просил.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке привет и извинения за опоздание и общую неопределенность.

Борис — брату, 2 ноября 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Надеюсь, ты уже прибыл. Надеюсь, съездил не совсем зря. Я тут эти дни носился по городу, как самашедший. Имею сообщить следующее:

1. Путевки взяты. Первый день — 10-е; последний — 22-е. Нумера 18 и 20. Обязательно телеграфируй приезд.

2. В «ЛенПравде» некий Гребенщиков (бывший замглавного, впоследствии уволенный из штатов за приверженность, ныне преподаватель фак<ультета> журналистики) обложил нас за ПНО. Большой такой подвал — «Журнальное обозрение». Всех направо и налево хвалят, за исключением какой-то поэтессы, допустившей в своих стихах цыганщину, и, натурально, нас. Но, в общем, не очень. Не хватает, мол, социально-политического осмысления событий грядущего. Мрачный, зловещий мир. Социально-политический фон безлик и невнятен, так что трудно говорить об общественно значимой направленности обличения этого мира. Прозрение Шухарта не подготовлено логикой, а также очень абстрактно и аморфно по своей сущности. Да и написана повесть стилистически небрежно и торопливо. В таком вот аксепте. Ну, я пошел в «Аврору» за экзами, повстречал там Андрея Островского, обложил его за произвол, он клялся, что его не было в это время, что мне наверняка звонили, а меня тоже не было (это, видимо, правда), «ты же понимаешь, старик!..», а что касается Гребенщикова, то это чепуха, традиционная ругань, в каждом таком обозрении обязательно хвалят прозу «Звезды» и «Невы» и ругают прозу «Авроры», нет, никакое это не указание свыше, конечно, тащите повесть, если у вас есть, только небольшую, листа на три-четыре... Народу набежало меня обнимать, улыбки, улыбки, экзы уже готовы, пожалуйста, Б. Н., будьте добры автограф, Б. Н., передай Аркадию привет и скажи, чтобы не обижался, вы ведь нам тираж подняли за два года на тридцать тысяч (т. е. на 30%!), пойдем с нами обедать, старик... и т. д. Конечно, они чувствуют себя весьма неловко, но «ты же должен понимать, старик!..». Одним словом, в Ленинграде эта статья как указание, видимо, не рассматривается, а вот в Москве? По-моему, наши хилые шансы стали еще хилее.

3. Кстати, я совсем забыл про ПХХПВ. Не забудь раздобыть и привезти.

4. Звонил на «Ленфильм». Режиссер наш, оказывается, срочно доснимает фильм, а как только освободится, тотчас кинется с нами беседовать. Я послал их в конец ноября. Повидался с Лешкой Германом. Он слегка уже оклемался, повеселел. Симонов пригласил его экранизировать свою последнюю повесть. Лешка берется, ибо для него это единственный шанс реабилитироваться с честью. Очень хотел бы снимать ТББ, но полагает, что сейчас сочетание Герман–Стругацкие может привести только к приступу падучей у начальства. Хотел я подсунуть ему сценарий ПНвС, а потом раздумал. Зачем? Ужо подсуну Авербаху.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Привет Леночке и Машке.

Аркадий — брату, 11 ноября 1972, М. — Л.

Дорогой Борик.

Вот как оно получилось. Впрочем, если принять во внимание, что ничего срочного мы не планировали, и если исключить некоторые морально-этические муки, которые тебе, несомненно, пришлось принять в возне со сдачей путевок, страшного произошло мало. Так что не огорчайся — всяко бывает. Причины же, подвигшие меня на такое решение, следующие.

1. В последние дни в Болшеве я коротко сошелся с ребятами из украинского научпопа и мультипликации, которые с большим энтузиазмом рассмотрели заявки на «Встречу миров», «Пришельца» и «Невидимок». В частности, это их главный редактор и руководитель студии Евгений Петрович Загданский и ведущий мультипликатор Володя Дахно. Знающие люди сказали мне, что, в отличие от Довженки, это всё люди серьезные и влиятельные. Они при расставании пообещали мне, что рассмотрят заявки с местным начальством (в Комитете) в течение недели-двух и, если все будет о-кей, срочно будут вынуждены вызвать меня в Киев для уточнений и гонорарных дел — срочно потому, что у них горят планы и это необходимо им самим.

2. По договоренности с Хитруком я по делам ПвК был вчера в студии, куда нам назначено было директором и главным редактором, чтобы двигать затянувшееся дело наше. Заявку на новый вариант («Предатели Земли») они приняли с энтузиазмом, но опять встал проклятый вопрос: новый договор заключать нельзя, пока не запущен или не закрыт старый, а для запуска старого нет режиссера, для закрытия же его нет оснований. Впрочем, сказку ПвК в прозе они приняли с восторгом как второй вариант. Прели мы в директорском кабинете два с лишним часа, и тут Хитрук нашел сильное решение: провести «Предатели Земли» как госзаказ. Если это удастся, тогда: а) договор переделывается из расчета 3 тыс. на расчет 5–6 тыс. с выплатой разницы аванса и, м<ожет> б<ыть,> еще 10%; б) студия откажется от всех прав на прежний вариант ПвК. В понедельник мне идти в студию составлять расширенный вариант заявки под руководством зав<едующего> сценарным отделом для предоставления в Комитет (Хитрук с директором отправятся с нею к Павленку и к Баскакову). Если дело выгорит, мы на коне.

3. Позавчера у меня состоялась встреча с Инной Туманян (ее, между прочим, должен знать Леша Герман, они, по ее словам, в хороших отношениях). Главный студии им<ени> Горького призвал ее с просьбой сделать детский или юношеский фильм в двух-трех сериях для телевидения и предложил обратиться прямо к нам. Свела нас Наташа Венжер, руководитель семинара в Болшеве. Договорились встретиться снова через неделю, когда она прочитает ДоУ, М и ПвК. Здесь речь идет об игровом фильме. Эта Инна мне понравилась, у нее хорошая репутация среди наших друзей, а на студиях репутация человека, который ни шагу не ступает без оплаты.

Заметь, все это может оказаться пустышкой, потому что сам знаешь, какое положение сейчас в кино. Но может что-то и выгореть. Если в результате мы получим хоть несколько сотен, я буду считать, что дело сделано.

Мне от тебя срочно, как можно скорее нужно:

10 экземпляров «Авроры» № 10.

Экземпляр сценария ПНвС.

Экземпляр сценария ДоУ.

Постарайся, не задерживай.

В случае если и когда что-нибудь выгорит, я приеду сразу в Ленинград на дня 3–4, чтобы уточнить с тобой детали, а потом уже в Малеевке, куда надеюсь попасть с Ленкой в декабре, займусь черной работой.

Вот пока всё. Жму, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу. Поцелуй маму. Ленка и Машка шлют тебе сердечные приветы.

Борис — брату, 14 ноября 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Наконец-то пришло твое письмо. Я уж было начал беспокоиться, тем более что письмо маме пришло уже позавчера.

1. Очень рад, что у тебя там разворачивается такая бурная деятельность. Если в результате образуется даже по 500 на рыло, и то будет хорошо. А путевки я сдал, и стоило это мне лишь десяток насильственно-веселеньких улыбок да несколько удержанных рублей. Если все будет хорошо, поедем в январе — заявление я уже подам.

2. Главное, что я тебе завещаю: НЕ ЗАБЫВАЙ О ПСЕВДОНИМЕ! Псевдоним в «Мире приключений» обязателен. Псевдоним в мультяшках крайне желателен. Обоснования мы уже сформулировали: а) нежелание привлекать внимание начальства; б) новая для нас и особая форма деятельности. Будь, пожалуйста, настойчив и тверд.

3. «Аврору» тебе мамочка уже выслала. Что касается сценариев ДоУ и ПНвС, то я позволю себе подождать подтверждения о необходимости высылки, ибо и то и другое у нас в единственном экземпляре, и рисковать посылать такие вещи по почте можно лишь в действительно необходимых случаях.

4. Я тут тоже ходил давеча на «Ленфильм», встречался с режиссером Авербахом. Встреча носила прощупывающий характер. Он мне понравился: умный, совершенно современный и деловой человек Лешкиного возраста, столь же талантливый, но более умелый и потому заканчивающий сейчас уже третий фильм (хотя все три его фильма не стоят, кажется, одного Лешкиного). Он давно хочет иметь дело с нами, причем привлекает его воссоздание на экране какого-нибудь из наших миров. Миры ему наши нравятся, понял? В общем, договорились, что к 1 декабря он заканчивает свой фильм и начинает вплотную думать над ПнО или ХВВ. Или над чем-то средним из всех наших вещей. Результат встречи, как видишь, жиденький, но я убедился, что он действительно хочет работать с нами и задача только в том, чтобы придумать финт. Человек он совершенно деловой и даром работать не намерен.

5. Причитается нам по 200 с лишним за ПнО. Я еще не получил — опоздал, пойду получать числа 20-го и заодно проверю, послали ли тебе. Кстати, предыдущую выплату ты получил?

6. Звонил Никольский из «Авроры», снова просил что-нибудь листа на 3–4, «но можно и больше». Я ответил неопределенно.

7. Напоминаю еще раз, что хорошо бы мне иметь экз ПХХПВ. Пока еще не требовали, но могут скоро потребовать в Лендетгизе.

8. Звонил Брандис. Он получил письмо от Белы, где сказано: «Ваша рецензия хороша и вполне может составить основу для будущего предисловия». Хорошо бы тебе наведаться в МолГв, узнать, как там. Кроме того, Брандис спрашивал, нет ли у тебя знакомств в московских журналах, где он мог бы устроить переделанную из рецензии статью о ДоУ, М и ПнО. Подумай. Может быть, 3–С, где Подольный? Или «Смена», где С. Абрамов? Или еще где-нибудь? И он заработает, и нам польза.

9. Хорошо было бы также, если бы ты заглянул в Межкнигу и напомнил о нас. Вполне допускаю, что деньги там лежат, а нам ничего не сообщают.

10. Сегодня получил письмо от Ирены Левандовской. С ДоУ она покончила и сдала перевод; издание можно ожидать весной. ПнО намерена закончить к февралю-марту. Передает тебе привет от себя и от своего мужа Витольда <Домбровского>.

11. Был тут у меня Юрка Манин, наш простой советский Валентин Пильман. Отлично посидели за чайком часа три. И без никаких спиртных напитков!

12. Можешь передать Нине (когда будешь напоминать ей насчет псевдонима), что ключ, который я ей прочил, оказался без всяких надписей. Штопор в ём есть, а надписей нет.

13. Что слышно о ПнО в «Знании»? Не подгадила ли ЛенПравда?

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].
P. S. Леночке и Машенции — привет!

Борис — брату, 16 ноября 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Пишу тебе внеочередным образом вот по какому поводу. Адку отправляют в командировку в Москву. Это будет где-то в начале недели, в начале 20-х чисел. Ненадолго — день-два. Так вот, не могла бы она у вас ночь-две переночевать? Уходить будет рано, приходиться поздно, хлопот с нею никаких, а? Телеграфируй, пожалуйста, ваше решение, и если будет «да», то Адка телеграфирует в свою очередь, когда возьмет билеты (не для того чтобы ее встречать, а чтобы вы точно знали, когда она у вас появится). Тогда бы я вместе с нею отправил рукописи сценариев, а то страшно.

Новостей у меня никаких не появилось.

Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке привет!

Аркадий — брату, 20 ноября 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

Теперь моя очередь восклицать: наконец-то пришло твое письмо! Долго идут письма — ты опустил свое 14-го, а пришло оно (вместе с письмом об Адке) только вчера — 19-го. Ладно, что сетовать.

1. О псевдониме не забыто и уже договорено. А. Ярославцев. Это твердо. В процессе (верстка, сверка и пр<очее>) добавочно прослежу.

2. «Аврору» получил, передай маме большое спасибо. Пустил в дело. Сценарии буду ждать с Адкой. Надо бы их перепечатать. Будет время — так и сделаю.

3. Предыдущую выплату по ПнО получил, последнюю еще нет, точнее не был еще в сберкассе.

4. Экз ПХХПВ непременно достану.

5. Беле звонил. Она обещала попытаться повернуть договор на нынешней неделе, до ухода Жемайтиса в отпуск (это 26-го). Только я им мало верю. Справлюсь еще. Что касается Брандиса и его статьи, то можно сделать попытку к Ревичу в «Лит<ературное> обозрение» или в «Смену» к Сереже Абрамову. Попробую.

6. В Межкнигу днями звонил, ничего нет.

7. Насчет ПнО в «Знании» знаю только, что рукопись на рецензии у Рима Парнова. Очень интересно, каков будет исход. О статье в ЛенПравде здесь не знает никто.

8. С 1 декабря и до 24-го мы с Ленкой будем в Малеевке, путевки нам дали-таки. Сейчас ползу в поликлинику высвечивать кишки. А там поблизости живет Агранович, зайду к нему и начну всех обзванивать.

9. Был у меня интересный разговор с Ильиным. Всё подробно перескажу Адке, а тогда она тебе, и посмотрим, что по этому поводу делать. Дело, коротко говоря, аналогично позапрошлогоднему, только теперь уже насчет ГЛ.

Кажись, всё. Жму и целую, твой Арк.

Привет своим. Поцелуй мамочку.

Борис — брату, 20 ноября 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Сценарий ПНвС высылаю с Адочкой. Что же касается сценария ДоУ, то у меня его, оказывается, нет. Только сейчас я вспомнил, что свой единственный экз я в свое время

передал тебе, а ты кому-то сунул, кто не вернул. Так что последняя надежда, что остался экз у Лешки. Сейчас это не проверишь — Лешки нет в городе, — но буде возникнет настоятельная необходимость, найдем.

Так я и не дождался от тебя письма, которое ты обещал прислать (по словам Дмитревского). Так что зачем тебя вызывал Ильин и что именно в порядке (по твоим словам со слов Дмитревского) — остается для меня жгучей тайной.

У меня всё по-прежнему. Отпихиваюсь от приглашений выступить, пишу письма читателям, копаюсь в марочках и жду новостей от тебя.

На всякий случай рутинные вопросы:

1. Что в МолГв?
2. Что с ПнО у Севки?
3. Был ли ты в Межкниге?

Пользуюсь случаем напомнить:

1. Не забудь обеспечить псевдоним в Детгизе.
 2. Не забудь экз ПХХПВ. Можешь передать его с Адкой.
- Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Привет Леночке и Машке.

P. P. S. Было бы также очень неплохо, если бы ты прислал с Адкой рукописный экз УНС.

Аркадий — брату, 24 ноября 1972, М. — Л.

Дорогой Борик!

Хотел все нижеследующее передать с Адкой на словах, однако тут выяснилось, что память у твоей супруги — ой-ёй-ёй. Так что главное доверяю бумаге, а ты уж сам усмотри, сжигать ее по прочтении аль нет. И вообще насчет всевозможных мер касательно твоих преступных связей.

1. В понедельник 13-го я был у Ильина. Перед этим (вот совпадение!) я отнес в «Мир» рецензию, и тут Девис, криво ухмыляясь и глядя в угол, рассказал: во Франкфурте-на-Майне имела состояться выставка книгопродукции издательств ФРГ, всяких там ферлагов. От нас выставку посетили Мелентьев (ныне зам<еститель> председателя Г<осударственного> К<омитета> по печати) и руководство «Мира» и «Прогресса». Добрались до стенда издательства «Посев». Выставлено пять книг: Исаич <т. е. Солженицын> «1914-й», двухтомник Окуджавы, реквизируемый Гроссман, «Семь дней творения» В. Максимова и Мы с Тобой «ГЛ». Поверх всего этого — увеличенные фотопортреты авторов вышеперечисленных и якобы подпись: «Эти русские писатели не примирились с существующим режимом». (Гроссману-то легко не примиряться!) Ну, прямо от Девиса пошел я, судьбою палимый, к Ильину. Думаю, быть мне обосрану, а нам — битыми. Ан нет. Встретил хорошо, даже за талию, по-моему, обнял, не за стол — в интимные угловые креслица усадил и принялся сетовать на врагов, которые нас так спровоцировали. Ласков был до чрезвычайности. Коротко, все сводится к тому, что нам надобно кратко и энергично, с политическим акцентом отмежеваться. Эту бумагу должен составить ты, перешлешь ее мне (это не опасно, сам понимаешь), а я уж понесу ее к Ильину и буду тянуть. Правда, честно говорю, обозлился я очень. Далее. Ильин, оказывается, нашу позапрошлогодную бумагу либо вообще не подавал в Литературку, либо ему ее завернули. Она у него в моем досье. У всех писателей досье как досье — тоненькая корочка с десятком бумажек, а у меня — в три пальца толщиной. Да. Затем он решил показать мне образцы изданий «Посева» и «Граней» и вытащил было из сейфа целую кипу книг, но тут в кабинет с воем и рыданиями ввалилась куча ужасных старух и навалилась на него. Требовали, чтобы В. Инбер хоронили на Новодевичьем, а не на Ваганьковском. Шум начался ужасный, и Ильин, поглядевши на меня, руки развел. Я удалился.

2. Как стало достоверно известно, Петр Якир, просидев на площади около месяца, вдруг затребовал свидания с дочерью и, оное получив, велел передать ей, что в корне изменил свои убеждения и просит всех своих прежних сторонников своим сторонником его, Петра Якира, не считать. После этого он принялся закладывать ВСЕХ. Повторяю: ВСЕХ. Московские диссиденты сидят по углам и трясутся от страха и злости. Это мне показалось важным, прошу тебя иметь это в виду и, если есть у тебя основания, сделать выводы.

3. В эти дни, по-видимому, решается судьба сборника в МолГв. В понедельник С. Жемайтис вторично подписал наш договор (впервые он подписал его в прошлом году, но его завернули). Снова дожидаются какого-то идиотского обсуждения плана 74-го года, от которого якобы все зависит.

Вот пока все главное. Срочно отпиши, а то я уезжаю в Малеевку. С трудом наскреб денег на путевку, нынче иду выкупать.

Жду письма. Целую, жму, твой Арк.

P. S. С Адкой посылаю «УнС». «Полдень» дошло до конца месяца.

P. P. S. Ышшы и скорее высылай сценарий ДоУ. Должон быть!

Борис — брату, 25 ноября 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Предлагаю следующий текст заявления в ЛитГаз:

«Как нам стало известно, антисоветское издательство «Посев» опубликовало недавно нашу фантастическую повесть «Гадкие лебеди». Эта акция, произведенная без ведома и согласия авторов, явно преследует провокационные политические цели и являет собою образец самого откровенного литературного гангстеризма. Мы категорически протестуем против использования нашего творчества названным издательством. Мы с полной определенностью заявляем, что не желаем иметь с названным издательством ничего общего. Мы самым решительным образом требуем, чтобы подобные провокационные акции, мешающие нашей нормальной работе, не повторялись впредь».

Некоторые соображения: а) Мне кажется, не стоит упоминать о том, что ГЛ не опубликованы. Кто это знает, тот знает, а кто не знает, тому и знать не надо. б) Фразу «мешающие нашей нормальной работе» очень хотелось бы сохранить. Выпад «Посева» — это не только антисоветский выпад, это еще и выпад против нас лично, и соответствующий акцент должен иметь место в заявлении. в) Данный вариант, мне кажется, должен Ильина удовлетворить. Если же будут замечания и исправления, сообщи их мне, а сам уж поезжай отдыхать. Я буду формулировать дальше. Методом последовательных приближений. «Медленно и методично», как говорил ареолог Ливанов.

2. Удивительная, скажу тебе, история с Дмитревским! Он позвонил мне 16-го и сообщил примерно следующее. «Сижу я с такими-то и такими-то в ЦДЛ. Тут входит Аркадий, бледный и красивый. Нервный. Я говорю ему, что не приезжаешь в Ленинград? Он говорит, а чего я там не видел? Я обиделся и говорю ему, что не надо плевать в колодезь, что издают вас пока только в Л<енингра>де и пр<очее>. Тут он говорит мне — передайте Борису, что я был у Ильина и что всё в порядке, а подробно я ему напишу в письме». Ну, мы с Дмитревским поломали головы, ничего не придумали, а потом пришло твое короткое письмо, о чем я Дмитревскому и сообщил при его втором звонке где-то в районе 22–24-го. Он очень сочувствовал, клял «с-сволочей» и снова советовал написать оптимистическую повесть (он как раз составляет сейчас сборник для Лениздата). Советовал также обратиться в Москве к Косаревой, которая сейчас курирует от ЦК как раз студию детско-юношеских фильмов и «Мультфильм». Это, между прочим, идея неплохая, ты подумай. Но как все-таки могло получиться, что ты (по словам Адки) ничего не помнишь об этом разговоре. Тут одно из двух: или ты был пьян, как Банев, или наш Дмитревский — ба-альшой хитрец!

3. Так я и не понял: получил ты деньги за СЕНТЯБРЬСКИЙ, 9-й, номер «Авроры»? Вроде бы пора и получить. За октябрьский номер деньги тебе переведены 19 ноября — что-то вроде 215 руб.

4. Что-то ты ничего не пишешь про киношные дела. Видно, дело дрянь. А меня тут Лешка подбивает на кой-какую халтурку. Может быть, и соглашусь. Деваться-то некуда.

5. Сценарий ДоУ я, конечно, искать буду. Лешка говорит, что у него должен быть, правда, только первый вариант. Так что достану я в ближайшую неделю ДоУ-С. Но сейчас посылать его, наверное, не имеет смысла, раз ты уезжаешь. Сообщи мне все-таки, действительно ли это так серьезно и нужно. Если да, то я постараюсь найти машинистку и за это время распечатать. Я ведь чего боюсь: прочтут они сценарий, нос отворотят и — в сторону. Да еще и последний экз затеряют. А ведь договор можно и под повесть заключить, если есть желание и возможность.

6. Что-то мне Адка смутное говорила, что ты, вроде, и в январе не поедешь в Комарово. Ты что это, брат? Саботаж? А? И уж во всяком случае предупреди заранее.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Большой привет Ленке и Машке.

И спасибо, что Адку так хорошо приняли. Ей очень у вас понравилось.

Аркадий — брату, 28 ноября 1972, М. — Л.

Дорогой Борик.

Утром получил твое письмо, напечатал наше послание «Литературке» и сел за ответ.

1. Был в Межкниге. Мюнхенское издательство «Вильгельм Гейне Ферлаг» напечатало наш ТББ массовым тиражом в покетбуковской серии, мне вручили два экз, из коих я один сегодня же переправляю тебе вкупе с ПХХПВ. Оказывается, Фомин наш не перешел на другую работу, а находится в длительной командировке в ФРГ. Я настойчиво спрашивал хмыря, с которым разговаривал, насчет денег, он только мычал и отделялся утверждениями о своей некомпетенции. Ну, ты их знаешь. Тем не менее у меня создалось впечатление, что они нас водят за нос. Я предлагаю незамедлительно писать во все эти ферлаги с требованием договорных сумм, сам же я намерен сейчас же написать заведующему западной конторой Межкниги возмущенное письмо (возмущенное в адрес упомянутых ферлагов) с просьбой совета, не написать ли нам письмо хотя бы в «Шпигель», разоблачающее финансовые махинации акул ротационных машин. Посмотрим, что он ответит. Все-таки не исключено, что акулы есть акулы и платить действительно не торопятся. А если это не так и деньги зажилены этими пройдохами, то он должен предотвратить скандал каким-то образом. Ты же немедленно пиши в ферлаги. Думаю, к концу декабря картина прояснится.

2. Одновременно высылаю тебе рукопись сценария «Трижды смертник». Поясняю. Это та самая рукопись, которая была похерена в Кишиневе. Как ты, вероятно, знаешь, все кишиневское руководство полетело. С другой стороны, как я только что узнал, в Г<осударственном> К<омитете> по кино первого января заканчивается закрытый конкурс на сценарии на рабочую и колхозную тему. Наши друзья настоятельно посоветовали нам кинуть туда этот сценарий («Принимают сценарии и куда худшие, у вас хоть литература настоящая»), и они же побеспокоятся насчет блата в жюри. Твоя задача: пройтись по сценарию рукой мастера, перепечатать в трех экзах, один экз оставить себе, а два первых отправить безымянно по адресу: Москва, Гнездиновский переулок, Государственный комитет по кино, на конкурс. Никаких фамилий, только девиз. Девиз не спутай, по нему нас узнают: «Будущее с нами». Вероятно, можно было бы придумать лучше, но нет времени. Обратного адреса, естественно, тоже не давай. Отправь заказным. Понимаю, работа тяжелая, скука смертная, но жить-то надо. Перемогись. Пошли не позже пятнадцатого декабря, а то рукопись опоздает, и все будет впустую. Да, еще: измени как-нибудь название и сообщи мне по адресу: г. Руза Московской области, Дом творчества

им<ени> А. С. Серафимовича. По этому же адресу будешь вести со мной переписку до 24 декабря.

3. Где-то в январе-феврале будет конкурс на лучшее кино для юношества. Наши друзья нас в этот конкурс включили. Думай. Я тоже буду думать.

4. Французский журнал «___» (что-то вроде ихнего литобозрения) опубликовал статью «Убить время» некоего Пьера Феррана, в которой сообщается, что издательство «___» выпустило нашу УнС. Судя по тому, что в книге нашей только 210 стр. и судя по отзыву, они опубликовали опять-таки только перецовскую часть. Отзыв очень похвальный. И тут же обматерили Артура Кларка. О нас, в частности, пишут: совершенно непривычное для западного читателя сочетание печального юмора Гоголя с полностью современным мировоззрением.

Вот, кажется, всё. Не забудь, сценарии, получившие премии, будут ставиться в обязательном порядке. Хотя бы и под псевдонимом. А премии уже и сами по себе аппетитные.

Всё. Бегу к Ильину.

Жму, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

П<осле> Н<аписанного>. Нынче принимают в союз Сержа Абрамова, он очень просил быть. Там я с ним заодно поговорю и насчет Брандиса.

Что касается истории с Дмитриевским, то я решительно не понимаю, в чем тут дело. Я очень редко напиваюсь в ЦДЛ, а уж так напиться, чтобы не помнить встречи с человеком... Не знаю. Не знаю.

Борис — брату, 13 декабря 1972, Л. — Руза

Дорогой Аркашенька!

Одновременно с этим письмом высылаю сценарий на конкурс. Об «пройтись рукой мастера» здесь не могло быть и речи. Ни рука, ни нога, ни более даже мощные и плодотворные органы какого-либо мастера не способны были за столь короткий срок исправить этого Горбатого. Надо сказать, затея твоя изначально показалась мне бредовой (ну пусть, ну ладно, но какое все это имеет отношение к конкурсу на РАБОЧУЮ и КОЛХОЗНУЮ тему?!), но я понял, что спорить бесполезно и даже бестактно, что твои трепливые друзья снова тебя убедили в чем-то несусветном, а посему, не проходясь никакой рукой, исправил срочно хорошее название на совсем уж говенное («Товарищ Павел») и стал искать машинистку. Сейчас вот выправил экзы, напечатал титульный лист, наклеил на папку бумажку соответствующего содержания (что, мол, на конкурс такой-то при девизе таком-то) и пошлю заказным. (Еще неизвестно, как у меня примут заказную бандероль без обратного адреса.) Идея моя такова: если чудо свершится и этот Горбач получит шанс на экранизацию — сядем вдвоем (или с режиссером втроем) и приведем в более приличный вид: выправим, сколько возможно, позвоночник, соскрежем лишай, наведем косметику и пр<очее>. А нет — так нет.

Что касается конкурса на лучшее кино для юношества, то я бы дал им ТББ. А вдруг? Больше идей не имею. А ты?

Письмо в «Марион фон Шрёдер ферлаг» послал еще 1.12.72. Посмотрим. А ты послал письмо зав. западной конторой или только грозился?

Очень интересно было получить от тебя информацию о том, что французский журнал «___» опубликовал статью об УнС, выпущенной изд<ательст>вом «___». Мать, мать и м-мать! Что в кавычках?!?! Что?!?! Кстати, объем 210 страниц, вообще говоря, еще не означает, что выпущена только перецовская часть. В дорогом немецком издании ТББ 212 стр., в покетбуковском же — 158, так что все зависит от издания. Да и объем полной УнС не больше ТББ.

Давеча звонили из ЛитГаз — тебя не нашли и попросили у меня разрешения изменить дату в нашем отмежевании. Отмежевание, как я понял, должно быть опубликовано сегодня, 13-го. Я еще не видел газеты.

Сашка <Копылов> подал здравую идею: нам следовало бы возбудить против «Посева» судебное дело о нанесении ущерба и соответствующем возмещении убытков. Выигранные деньги передать в Фонд Мира.

На меня тут напали те же волгоградские орлы, что терзали тебя в твоих Рузах. Уморительнейшая была сцена — прямо как в ПНвС на лекции Выбегалло: с одной стороны снимают фотоаппаратиком, с другой — киноаппаратиком, а посередине я начитываю в магнитофон отрывок из УнС. Славные ребята, но очень уж настырные.

У меня тут вдруг заиграл сюжет «Октопуса» — целую ночь не спал, всё записывал. Получилась довольно стройная картина. Если хочешь, опишу, а то — в Комарове обсудим. До конца-то разработать у меня пороху не хватило, некоторые дыры в схеме так и остались, но это уж дело техники.

Получил через «Аврору» редкое письмо от читателя — ругательное. Не стыдно ли де вам после УнС было печатать ПнО? Да, надо сказать, ПнО подвергается критике. Вот Захар у меня был, Файнбург, тоже ругал.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].

P. S. Ленуське — привет!

Как отдыхается? Как бездельничается?

Аркадий — брату, 18 декабря 1972, Руза — Л.

Дорогой Борик!

1. О «Товарище Павле» — конечно, ручаться нельзя и на 1%, но будем уповать. В конце концов, расход в 20 р. (не больше?) нас не разорил, а шанс не использовать было бы нехорошо. Хотя бы по суеверным соображениям.

2. ТББ для детского конкурса вряд ли подойдет. Конечно, надо еще посоветоваться с Венжер, которая в руководстве конкурса. Я бы предложил что-нибудь «Малыш»овое. Например, «Мальчик из преисподней», как наши звездолетчики спасли из пожара мировой войны на другой планете подростка и о приключениях одного подростка на нашей коммунистической Земле. Здесь провести идею: как этот подросток влияет на наших подростков в смысле агрессивности и прочих энтропийных явлений.

3. Письмо зав. западной конторой не послал. Надо его сформулировать поточнее. Хочу посоветоваться с юристом.

4. Что ты раскудахтался из-за названий журнала и издательства? Ну, забыл я в спешке. Так что — тебе яйца грозят из-за этого вырезать? Ужо пришло, изволь: журнал «La Quinzaine», стр. 27, издательство наше — «du Champ Libre». Что часть только перецовская — видно из пересказа содержания в этой статье.

5. Идея о процессе против «Посева» представляется мне бредовой. Для возбуждения судебного дела требуется изложить, какие убытки мы понесли. Если материальные — изложить, как нас отказывались печатать из-за их публикации. Сам понимаешь, как это прозвучит. Если моральные — дескать, заблевали нам мундиры советских писателей — не уверен, что нам нужна такая гласность.

6. Сюжет «Октопуса» заиграл — это, конечно, хорошо. При встрече обсудим. Кстати, полагаю, независимо от Комарова, приехать в Л<енингра>д денька на три в первую декаду января. Думаю, к этому времени прояснится с условиями конкурса на детские фильмы.

7. Ругательных читателей, особенно сравнивающих ПнО с УнС, видел там-то и в таком-то виде. В частности, Файнбурга, который вообще требовал, чтобы мы не путались с беллетристикой, а конструировали бы ЕМУ социологические схемы.

8. Отдыхается ничегё. Грязно, слякотно, дождливо. Но — гуляем.

Пока всё. Обнимаю, твой Арк.
Привет Адке и Росшеперу.
След<ующее> письмо пиши в Москву. 24-го будем там.

Борис — брату, 23 декабря 1972, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!
Получил твое письмо. Спешу ответить.

Из-за Адкиной болезни я тут основательно оторвался от реальности, и новостей у меня практически нет.

1. Лендетгизовский сборник на подходе. В декабре, впрочем, они его выпустить не успеют; речь идет о «начале года». На днях была последняя сверка. Между прочим, на конец 73-го они намечают еще один сборник. Звонил Брандис, просил что-нибудь — «хоть листов на пять». Я отвечал неопределенно, а сам подумал, что сюжет, который ты прочишь для детского кино, можно было бы дать в виде повестушки. Правда, детали для меня туманны. Если события будут происходить в «преисподней», начнутся аллюзии и ассоциации; если на комземле — розовая бодяга при халтурном подходе и невероятные трудности при подходе серьезном (например, чем этот ребенок из преисподней будет так уж существенно отличаться от ребят из рая? Разве, если взять оголодавшего блокадного дикаря или беспризорника...). В общем, надо подумать. Возможен ведь и такой сюжет: космолетчика берет в плен мальчишка типа вервольфа, который сидит в доме на окраине с ракетным ружьем, один, и ждет вражеские танки. И один день, который они проводят вместе. Опять, впрочем, аллюзии...

2. Жалко, что не написал ты зав. западной конторой. А ведь настроен был так решительно. Цитирую: «...сам же я намерен сейчас же написать зав. западной конторой Межкниги возмущенное письмо ... с просьбой совета, не написать ли нам письмо хотя бы в «Шпигель», разоблачающее финансовые махинации акул ротационных машин» (твое письмо от 28.11.72). Вот и написал бы. На кой хрен тебе еще какой-то юрист? Работы на 20 минут, а в результате может быть хороший куш. Кстати, пора, кажется, уже выяснять, что там думают венгры с ОО. У меня, к сожалению, нет экза этого договора, но, по-моему, уже время им либо издавать и платить, либо просто платить. Это, конечно, не сертификаты, но это по 700–900 рублей на рыло — есть из-за чего сходить в Межкнигу и выяснить. Рекомендую заняться. Это тебе не сомнительные сценарии писать: полчаса хлопот и — живые денежки.

3. О процессе против «Посева» поговорим при встрече. Сейчас хочу только разъяснить, что речь здесь должна идти не о возмещении убытков (это — дело десятое), а о нарушении наших, ЛИЧНЫХ, ЧАСТНЫХ авторских прав. Изд<ательст>во без ведома и согласия авторов использовало материалы, которые являются ЛИЧНОЙ, ЧАСТНОЙ собственностью.

4. Я очень рассчитываю еще до Нового года получить от тебя информацию о положении дел: а) с ПНО в «Знании»; б) с договором в МолГв; в) с гонорарами в Межкниге.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись].
P. S. Леночке и Машке приветы!

Аркадий — брату, 31 декабря 1972, М. — Л.

Дорогой Борик.
Поздравляю и прочее.

1. Относительно лениздатовского сборника на конец года. Тебе там виднее. Пока насчет условий конкурса ничего неизвестно, там никак не могут установить, кто будет

курировать юношеское кино, а без куратора, сам понимаешь, конкурс не в конкурс. Так что мы можем брать любой сюжет, какой заблагорассудится. Да и при любых условиях можно брать любой сюжет. Если говорить серьезно, ребенок из преисподней может очень отличаться от детей из рая. Но это для серьезного разговора. Короче, я готов споспешествовать любыми средствами в поставлениях Лениздату литературы. Можешь заключать договор на что угодно.

2. Насчет западной конторы. Я позвонил и имел приятный шок. Нам прислано около тысячи (1000) марок. Подробности выясню после Нового года. Думаю, марок по двести на рыло придется.

3. Звонил в УОАП насчет венгров. Просмотрели документы, поразились. Обещали немедленно написать туда. Просили снестись с ними в конце января, раньше-де ответ не придет.

4. Относительно процесса против ПОСЕВА по-прежнему не понимаю. КАК ОЦЕНИВАТЬ УБЫТКИ?

5. Про ПНО в «Знании» не знаю. Нынче иду пьянствовать с Ревичем. М<ожет> б<ыть,> удастся из него ч<то>-л<ибо> вытянуть. Кстати, он пишет в «Литературное обозрение» (он теперь там отв<етственный> секретарь) статью о нас, ему благожелательно разрешили в ЦК.

6. С договором в «Мол<одой> гв<ардии>» странно. Пока был в Малеевке, получил рукопись и письмо, кое прилагаю с присовокуплением устного руководства Белы, что это-де не обязательно принимать к сведению, ибо просто копия письма — у Авраменки, которая сейчас якобы сражается за договор. Я лично не очень верю. Грубо говоря, возможно, просто видимость деятельности.

7. 2 января условился звонить Косаревой в ЦК договариваться о встрече, явный повод — наш сценарий на «Мультфильме», заодно поговорю и об остальном.

8. Мои личные планы. Собираюсь поступать в Институт мировой литературы, буду защищать диссертацию по Акутагаве. Дело, кажется, на мази. Наши дела останутся неизменными (два дня в неделю), только придется работать не в Комарове, а в Переделкине.

Зело страдаю флюсом.

Адке сердечный привет наш с Ленкой. Если в связи с этим не встретимся в январе — не огорчайся. Всё впереди.

Жму, целую. Арк.

Борис Стругацкий Письма матери, 1972

Борис — матери, 9 августа 1972, Гагра — Л.

Дорогая мамочка!

Вот мы и на месте. Устроились прекрасно — номер с верандой на море, сравнительно прохладно, номер большой, в коридоре — душ, в номере — рукомойник. До моря минута ходьбы. Погода, к счастью, не слишком жаркая, с утра была даже гроза, облачность, так что мы обгорели для первого дня не слишком сильно.

Знакомых, к сожалению, нет. Вообще здесь, по-моему, писателей никаких нет, зато огромное количество грузин с женами и детьми.

После обеда мы подрыхли, потом в 5 часов Андрей меня разбудил, я принял душ и сел тебе писать.

Кормят вкусно и обильно. Сегодня, например, был роскошный украинский борщ — исключительной, почти домашней, вкусности; на второе — жареная осетрина (!); на третье — арбуз. Жить можно! Как только мы худеть будем?

Одним словом — все в порядке. Писать особенно не о чем. Следующее письмо накаета тебе дней через 5–7, когда (и если) купим билеты.

Крепко тебя целую, привет от Адочки, твой [подпись].

Борис — матери, 22 августа 1972, Гагра — Л.

Дорогая мамочка!

Наконец-то пришло от тебя письмо (шло оно, между прочим, семь дней!). Спешу ответить, больше уж, наверное, не буду писать до самого отъезда.

Ну-с, у нас, в общем, все по-прежнему. Мы с Андрюшкой отболели, настала очередь Адочки — чих, сопли, кашель. Ох уж этот юг! А жара стоит — 30–35° днем, 25° утром. Вода теплая, но коварная, долго сидеть в ней нельзя.

Скука здесь, конечно, смертная. Целыми днями валяемся и читаем библиотечные книжки. Вечером иногда кино, иногда — арбуз: прекрасное развлечение.

Андрюшка ведет себя удовлетворительно, хотя и надоедает порой своим нытьем. Но мы ему спуска не даем. Накупил билетов местной лотереи, ждет розыгрыша 25-го.

Из Киева прислали уже несколько писем, там все боль-менее в порядке.

Бедная ты, мамочка, с этими распроклятыми гостями! Вот ведь напасть. Ну, ничего, скоро все это кончится, и заживем как встарь! Эх, чайку бы сейчас. Твоего. С батончиками!

Не знаю, получила ли ты мое предыдущее письмо. На всякий случай повторяю: мы вылетаем 31-го, рейс 8582, вылет в 6 часов, прибытие в 10 часов (по расписанию). Сообщи об этом Копыловым.

Ну, вот пока все. Привет от Адочки.

Крепко тебя целую, твой [подпись].

Борис Стругацкий Письмо супруге, 1972

Борис — супруге, 21 октября 1972, М. — Л.

Дорогая Адонюшка!

Во первых строках моего письма поздравляю тебя с двадцатилетием и крепчайше целую. Жить тебе до ста, съездить в сто стран, опубликовать сто работ и получить сто рублей прибавки к жалованью!

Хотел положить в это письмо сертификат, да убоился. И Аркашка не советует. Ладно, привезу уж все разом.

У нас тут все ОК. Подарки, в смысле покупки, пришлись, кажется, по вкусу и по размеру. Квартира прекрасная и очаровательно полупустая — почти как в наши добрые времена, когда ели мы на табуретках. Основная жизнь проходит на огромной кухне, оборудование которой почти закончено. Кухня у них — это столовая, гостиная и даже спальня. В кабинете только работают, там даже гостей не принимают, потому что гостям больше нравится на кухне или в комнате у Машки <Стругацкой>. Из окон — великолепный вид. Рядом с домом — а он второй от края Москвы — тут же, по другую сторону шоссе, развалилась очаровательная деревушка с кричащими по ночам петухами и шестиглавая красная церквушка — необычайно эффектно. А дальше — рыжие леса, голубые доли, безумно далекий синий горизонт, где-то там — Шереметьево.

Работы, а точнее — дел, оказалось много. Вряд ли я приеду раньше, чем в следующую субботу. Всю неделю будем по утрам вкалывать, а после обеда и вечерами ходить по разным местам. Возможно, придется даже съездить на пару дней в Болшево, где

проходит семинар кинематографистов-мультиашикинцев и где нас просили выступить с чем-то вроде доклада.

Надеюсь, у вас все в порядке. Следи за Андрюхой: уборка комнаты и алгебра. Передавай привет родителям и извинись, что мне пришлось уехать, их не дождалась. Позвони Ал<ександре> Ив<ановне> <Стругацкой> и скажи ей от нас привет и что на днях мы ей напишем особо.

Поздравь Андрея Иосифовича <Карпелюка>. Я же постараюсь отстукать ему телеграммку в понедельник.

Еще раз крепко тебя целую, мою хорошую, твой [подпись].

Ленка и Арк передают приветы! Арк поставил сапоги на стеллаж и утверждает, что это не просто вещь, а произведение искусства.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Рабочий дневник, 1971–1987

13.01.72

Прибыли в Комарово писать сценарий ПНвС.

14.01.72

Сделали 8 стр.

Вечером сделали 2 стр. (10)

1. Зачем он здесь (опасается ущерба для Саши).
2. Представляется как тот самый Киврин.
3. Что такое НИИЧАВО и маги.

[Сбоку фигурная скобка обводит 2-й и 3-й пункты и помета: «Где-то о Хоме Бруте и о Хунте».]

4. Что ожидается от Саши как машинника.
5. Вопрос о диване — и сон.

15.01.72

Сделали 8 стр. (18)

Вечером сделали 2 стр. (20)

Была Адка.

Бобслеи:

1. Эпизод с [«Хунтой» — перечеркнуто] Кивриным, восстановление сожженной книги.
2. Эпизод с бухгалтером рыбзавода.
3. Эпизод: Хунта подключается к машине. В глазах Хунты цифры, на ленте текст.
- 4.

16.01.72

Сделали 3 стр. (23)

Вечером сделали 4 стр. (27)

17.01.72

Сделали 9 стр. (36)

Вечером сделали 1 стр. (37)

Хома просит: «Выпить бы...» Жалуется, что гитару пропили.

1. Омоложение Наины.

2. Излечение Хома.

3. Упражнения Саши по магии: сотворение яблока.

18.01.72

Сделали 8 стр. (45)

Вечером сделали 2 стр. (47)

Люди слабы; и свобода, которая им нужна, не есть свобода для силы — это свобода для слабости. Или две свободы — для сильных и для слабых, только слабых больше.

19.01.72

Сделали 4 стр.

И ЗАКОНЧИЛИ НА 51-й СТР.

Он отдал дань обаянию моей личности.

20.01.72

Обдумывали сценарий мультяшки.

21.01.72

Трепались.

В магазине продается «Ойло союзное», 2 р. с чем-то.

22.01.72

Обдумывали сценарий мультяшки. Была Адка.

23.01.72

Переводили Адке статью. Б. страдает брюхом.

24.01.72

Б. страдает брюхом.

[Запись БНС между встречами]

Человек в жеваном костюме, на голове ушанка — агент.

12.04.72

Прибыли в Комарово. Ком<наты> № 7, 23.

1. Правка ПНО. [Вычеркнуто.]
2. Заявка в Детгиз.
3. Подумать над сказкой (оч<ень> подробный план).

В ГО последняя часть делится на 2 части:

- 1) Город статуй, ужас, попытки бунта, катапульты с планерами, гибель полковника. Солдаты уходят, Андрей остается с Изей. Злоба к устройству мира.
- 2) Последние мили. Изю тащит на спине. Встреча с двойником.

До начала 1-й главы:

7 d<ay>	350 км	а) [«Предыдущий разведотряд Гейгера» — перечеркнуто, затем подчеркнуто, сверху надписано «эмигранты»] (до переворота посланный), решивший остаться там навсегда. Столкновение, перестрелка.
15 d	750 км	б) Люди с вырезанными языками. Непонятно — кто.
11 d	550 км	в) Концлагерь, столы. г) Поле боя.
9 d	450 км	д) Хилая община, сгрудившаяся вокруг источника. е) Дворец Изобилия.
19 d	950 км	ж) Ракетодром, обгорелые стартовые площадки, ржавые ракеты.

Третий спутник — человек без языка.

«А я человек непрестижный. Посмотри, какие у меня ботинки». «Грибины». «Рыба-фиш». «Ауф айн припечек брент а файерл».

13.04.72

Состав экспедиции:

нач<альни>к Андрей,

зам<еститель> по воен<ным делам> — Сент-Джеймс, полковник,

зам<еститель> по науке — Изя,

зам<еститель> по геологии — Кехада,

зам<еститель> по технике — инж<енер->тран<спортник> Эллизауэр,

денщик полковника Даган,

сержант [«Гордон» — перечеркнуто],

солдаты — 4 чел.,

картографы — 2 чел., один из них фельдшер,

водители — 4 чел.

Присоединившиеся:

Немой,

из старого разведотряда — кореец Ни, бывш<ий> враг Гейгера, хочет удрать или выслужиться.

50 км/сутки.

Начало событий — через 30 d, от Города — 1000 км (за счет больших привалов).

На волокушу:

3 т солярки (из расчета 100 кг на 100 км),

1 т питьевой воды (1,5 л на человека на 60 дней),

1,5 т жратвы,

боеприпасы, приборы, образцы.

[Итого:] Ок<оло> 6,5 т на волокушу.

Угнетающие факторы:

- 1) однообразная еда, скверная вода,
 - 2) болезни: понос, нарывы и сыпь,
 - 3) усталость,
 - 4) однообразие: тащатся по мертвому городу; тишина, тлен, сгоревшие кварталы,
 - 5) разочарование: разжиться не удалось — воды нет, ископаемых нет, наблюдения солнца мало что дают: скачки,
 - 6) животные: насекомые, змеи, волки — наглые,
 - 7) страх — вырезанные языки, легенды, рассказанные одиночками, встреченными по дороге. Доволен только Изя — он купается в документации. Он делает почти все ценные находки,
 - 8) раздражает дисциплина.
- М<ожет> б<ыть>: множество свидетельств «рай где-то впереди». А<ндрей> становится противен себе в желании вернуться к нагретому месту.

14.04.72

Статуя — солдаты серут у ее ног. Ругань из-за Мымры.

1. Описание комнаты: одна из загадок, ибо эта часть древнего города не более древняя, чем старые жилые дома в гейгерской части. Внизу перекликаются солдаты, гремят котелки и т. д. Денщик убирает посуду. Перелистывает журнал экспедиции. Приведем одну из записей.

2. Появление сержанта с сообщением, что солдаты просят повернуть назад.

3. Рапорт: выступают начальники частей. Положение плачевное. Полковник болен. Время от времени то один, то другой уходят срать. Андрей тоже. Все засрано. Как тень идет за ним Немой. Часть квартир пуста, а часть — забита. В забитых — кости.

4. Рапорт окончен, но тут поднимается Кехада и требует возвращения, ссылаясь на: геологич<еские> результаты равны нулю; космографические результаты — неуверенные; картография проводится из-за спешки небрежно; да и толку от нее нет. И дает себя знать все больше неподготовленность экспедиции: нетренировка личного состава; скверная обувь; недостаток медицинского оборудования; неготовность к массовым заболеваниям.

5. Все высказываются, ибо Андрей молчит и слушает. Эллизауэр за Кехаду, ссылаясь на изношенность техники и на опасность бунта, про Мымру. Изя против. Полковник не имеет точки зрения, но бунт берет на себя. Угнетающая жара, чего тоже не было предусмотрено.

6. Все расходятся. Андрей ложится. Зудят мои, дела просят. Реминисценции. (Изя еще просится посидеть, здесь лампа хорошая, но Андрей высылает его вместе с лампой.) Засыпает. Конец 1-й главы.

Мымра — недели две назад ее завалили солдаты, поплелась следом за экспедицией. Все ее пользуют.

Впоследствии увяжется за Андреем, Изей и Немым и погибнет во Дворце Изобилия.

Андрей, Изя и Немой идут на разведку, задерживаются, а когда возвращаются — экспедиция уже погибла. Полковник мертв, все убиты.

Задержка: Андрей попадает председателем на сборище статуй. [Этот пункт перенесен ниже — отмечено *.]

Побоище из-за Мымры.

Запись в журнале, свидетельствующая о том, что не 6 часов, а трое суток. Дневник обрывается на полуслове. Писал Кехада.

[*]

Когда выходят из здания, страшно хочется жрать. Андрей ругает Изю, что тот еврей, а не знает про грибины и рыбу-фиш.

Вожделение, потемнело в глазах. Разве что в самых бесстыдных снах.

15.04.72

Сделали 5 стр. (261) 5.

Вечером сделали 2 стр. (263) 7.

Приезжала Адка, пили джин.

После ругани с Кехадой:

1. Плюнуть на всё и разделить экспедицию.
2. А почему, собственно? Почему кому-то должно быть легче, чем мне?
3. Долг перед Гейгером, долг перед собственным чином.
4. А если и когда перестанут подчиняться? Страх перед неподчинением.
5. Происхождение моей власти, мое право на власть.
6. Происхождение и право на власть Гейгера. Боится ли Гейгер неподчинения?
7. Вообще: разница между Гитлером и Николаем II.

Самозванцев нам не надо, командовать буду я!

Вперед — из-за раздутого самолюбия и из стремления доказать свое право на свой чин. Если я честный перед собой человек, то я должен от своего чина и от власти отказаться. В беседе с Наставником.

16.04.72

Сделали 6 стр. (269) 13.

Вечером сделали 1 стр. (270) 14.

17.04.72

Сделали 6 стр. (276) 20.

Вечером сделали 1 стр. (277) 21.

1. Сранье.
2. Кореец Ни (стычка, слухи).

18.04.72

Сделали 6 стр. (283) 27.

Вечером сделали 1 стр. (284) 28.

19.04.72

Сделали 6 стр. (290) 34.

Вечером сделали 1 стр. (291) 35.

20.04.72

Сделали 7 стр. (298) 42.

Арк уезжает в город.

21.04.72

Сделали 6 стр. (304) 48.
Вечером сделали 1 стр. (305) 49.

22.04.72

Не работали: Арк страдает брюхом.

23.04.72

Вернулись к маме.

[Запись БНС между встречами]

Ввполсвиста́.

21.05.72

Ком<наты> 29, 35.
Прибыли в Комарово писать ГО.

История про новосела-рабочего: у него работают интеллигенты — циклевщик, грузчик, водопроводчик. Все застревают в квартире: циклевщик защебил палец в паркете, грузчика заставили шкафом, водопроводчик хлебнул вместо спирта эликсиру и стал невидимым. И еще домовой. И строитель, замурованный в вентиляционной шахте. И домовой. И приходит девица.

22.05.72

Сделали 7 стр. (312) 7.
Вечером сделали 2 стр. (314) 9.

23.05.72

Сделали 7 стр. (321) 16.
Вечером сделали 1 стр. (322) 17.

24.05.72

Сделали 7 стр. (329) 24.
Арк уезжает в город.

25.05.72

Сделали 5 стр. (334) 29.
Вечером сделали 1 стр. (335) 30.

[Рисунок: схема расположения трупов членов экспедиции при возвращении Андрея и Изи из рекогносцировки. Надписи по пути маршрута: Ни, геолог, Пермяк, Тевосян, Фогель, Кехада, волокуша, неопознанный труп, полковник, Даган, Эллизауэр, геолог, картограф.]

[Черновик письма к Г. Гречко]

Жора, дружище!

Раз уж ты вспомнил об этом письме, значит, дела у вас там идут неплохо: контакт есть там, где он быть должен, и его нет там, где быть ему не положено. Кстати о контактах. Вот ты теперь Герой, и мы гордимся этим и рады этому. И особенно мы рады тому, что ты Герой настоящий, а не герой современной фантастики. Будь ты героем фантастики, ты бы сейчас, вместо того чтобы заниматься делом, отмахивался бы лазерной пушкой от лезущих на abordаж псевдоразумных квазиклопов из системы FU Ориона. Ты бы отмахивался, а они бы поливали тебя кошмарными ипсилон-лучами, от которых волосы по всему телу начинают расти внутрь. И ты знаешь, Жора, совладали бы они с тобой, уволокли бы они тебя в специальный зал и учинили бы тебе контакт третьей степени на предмет выяснения потенциалов человеческих мозгов. Впрочем, все бы кончилось благополучно (иначе такую бодягу и вовсе бы не напечатали). Эхе-хе, плохо жить фантастам, Жора. Всю-то свою жизнь сочиняют они о космосе, а сами космоса в глаза не видели и, надо понимать, не увидят — по причине своих эмфизем, хронических холециститов и злокачественного пристрастия к неорганическим окислителям. А вот ты видишь космос. Своими глазами. Ладно, потом расскажешь. Ты будешь рассказывать, а мы — хлопать себя по бедрам, завистливо сопеть и приговаривать: «Эхе-хе!»

Хватит, однако. Чует наше сердце, что пришла тебе пора включать восемнадцатый тумблер «Б» либо выключать сто тридцать пятый тумблер «Н». Либо принимать пищу. Либо наоборот. Давай, давай, не стесняйся.

Мы желаем тебе всего наилучшего и ждем твоего возвращения. С победой. Сердечный привет твоим товарищам.

С гордостью и любовью...

26.05.72

Сделали 7 стр. (342) 37.

Вечером сделали 1 стр. (343) 38.

Оч<ень> важное открытие.

Всех не перестреляешь. Укоротившаяся память (слово нельзя сжечь). Кета — дочка.

27.05.72

Сделали 10 стр.

И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 353-й СТРАНИЦЕ.

23.06.69–28.06.69 МСК, план.

19.02.70–3.03.70 К<омарово>, начали писать.

7.04.70–23.04.70 <Комарово>.

15.12.70–27.12.70 <Комарово>.

2.12.71–13.12.71 <Комарово>.

12.04.72–23.04.72 <Комарово>.

21.05.72–27.05.72 <Комарово>.

28.05.72

Арк — мультик. Б. поехал в город.

29.05.72

Думали над мультотом.

30.05.72

Арк — мультот. Б. — правка ПНО.

31.05.72

Трепались. Уехали в город.

1.06.72

Обсуждали СНО.

2.06.72

Приехали к маме.

3.06.72

Арк уехал в М<о>ск<ву>.

[Запись БНС между встречами]

«Человек — это душонка, обремененная трупом». Эпиктет (М. Туровская «Герой безгеройного времени», стр. 234).

«Любовь ленинградцев...» Л<енинградская> П<равда>, 19.01.51, пятница.

В главу о технократии:

1. Разврат, наркотики, безмыслие, религиозные дебаты.
2. Бунт молодежи, требование возврата к Эксперименту.
3. Разговор с Гейгером о власти: чего он хочет; для чего ему власть? («Власть имущие делают не то, что они хотят, а то, что можно сделать, оставаясь у власти. Так меняются принципы, мировоззрение власть имущих. Все власть имущие — оппортунисты».)

Для ГО: уголовник с наколкой на лбу: «Раб Хрущева». Как ему делали пластич<еские> операции (Пермяк).

Если у еврея отобрать его религию, а у русского — веру в доброго царя, они становятся способны черт знает на что.

19 октября 72 года

Москва. Борис приехал.

Рассказывал о Варшаве.

Готовить:

1) Новосел,

2) Menzura Zoili.

Дневник палача — в ГО.

20–23.10.72

Болтовня и выпивки.

24–28.10.72

Идеи:

1) Утопия и антиутопия à la разные реалисты сегодня (Кочетов, Софронов, Солженицын [последнее — под вопросом]).

2) Человек (фокусник), которого приняли за пришельца.

29.10.1972

Борис уехал.

[Запись БНС между встречами]

Для ГО: «Цветок душистых прерий — Л<аврентий> П<алыч> Б<ерий>».
«А цветочек-то посадили...»

«Трижды предатель».

Предал отца (Л<енинград>, блокада, хищение, суд, следствие, расстрел).

Предал друга (в училище, в Актюбинске, минометчики).

Предал родину (плен под Курском. Русская осв<ободительная> армия, служба во Фр<анции>).

(Вспом<инания> о родине: «Утро красит...», Нева, ранняя весна — и совсем другая Родина со стороны: ошетиленная, грозная, жалкая.)

Предательство чел<овечес>тва. Что это такое?

Начало: «А какое мне, собственно, дело до них до всех?» Фото Земли со спутника. Блик на океане. Остров — мушиная погадка, я — микроб на этой погадке, и еще 3×10^9 микробов по лицу Земли.

Легенда о Демоне Зла, удравшем в расщелину. Архангел ищет стража. I — не поверил, он был дурак. Арх<ангел> его уничтожил, не оставив костей. II — поверил, но испугался — он был трус. Арх<ангел> и его уничт<ожил>, не оставив и пыли. III — поверил, не испугался, но у него были жена и дети — он был равнодушный. Тоже уничтожен. А IV согласился. И Архангел заплакал (?). Не трус, не дурак, не равнодушный — но ты будешь предателем. А сам Архангел умирает от ран. А как остановить Демона? Ты узнаешь, когда он полезет наружу.

Племя охраняло расщелину, считая, что племя — это мир. Конкретные задачи. А у героя задача абстрактная. Что ему до человечества? Хотелось бы оберегать конкретно — друга, жену, сына. А ничего нет.

На о<стро>в прибывают:

1. Наследник в поисках клада. Все гибнут, убитые заразившимся приживальщиком.
2. Следователь, он же агент Тайного комитета по борьбе с вторжением извне.
3. Ученый.

Герой ощущает окруж<ающий> мир как теплый, уютный, прекрасный. Пена, в кот<орой> приятно нежиться. Плоды пальм. Краски острова. Воздух. Живет с собакой. Пьет для усиления похоти или чтобы вывести ее. (Но очень хочет уехать! Тут некое противоречие. Впрочем, так и надо: в одной главе — одно состояние духа, в другой — противоположное.)

Он пропитан «эманацией», сам стал частью спрута. Останавливает его, положив, например, руки на огонь. Убить спрута — убить себя. Убить себя — убьешь ли спрута? Миллионер набил самолет взрывчаткой и разбился, взорвался на атомы. Результат — гнилое болото на западе лагуны. Язва на теле героя, он ее лечит, болото оживает.

«Зараженного» можно узнать по «татуировке» на лице. Туземцы страшно боятся заразы. Одного ученого сожгли дотла на глазах потрясенной экспедиции, и потом зачинщики покорно приняли арест и каторгу.

Миллионер — псих, помешанный на ф<антасти>ке. Его логика — логика SF. Принял спрута за сигнал из космоса и поставил здесь радиотелескоп.

Туземцы ловят заразившихся и уговаривают их стать на стражу. Если те отказываются — убивают. Потому это племя вымирает, многих выбили японцы. Во время войны сюда попал и миллионер. Потом стал миллионером, заразился, построил обсерваторию. Рассказал и герою.

Кто-нибудь, напр<имер> ученый, видит, как спрут идет на прорыв — ночь, страшно, гудит паяльная лампа в хижине, и дико кричит от боли герой, запершись внутри. (А м<ожет> б<ыть,> не в хижине, а в спец<иально> оборудованной лаборатории — с током и пр<очим>.)

Вариант конца: предательство, герой, увидев бомбардировщик, с криком «Живи! Жить хочу! Живи!» выпускает спрута. Бомбежка, удары в тело: обморок. Потом тишина, блаженство, опустошенность — свобода и легкий стыд. А м<ожет> б<ыть>, ученый его убивает и берет бремя на себя?

Это повесть о том: суц<ествует> ли связь между человеком и человечеством? Ответственность за человечество? Ответственность перед человечеством?

«К этому предательству меня вынудили обстоятельства. Ну и что? Так всегда и бывает. Можно подумать, что бывают предатели, действующие для собств<енного> удовольствия... Не верьте предателю, когда он оправдывается, когда он хамит, когда он похваляется своими делами. Он всегда знает, что совершил гадость... Хотя, конечно, существуют дураки. Либо дурак, либо подлец. Но люди предпочитают подлеца. И оправдываются...»

«Я ничего не помню. Это было как во сне. Я жил скорее, чтобы все прошло. И ничего не запомнил».

Рассказ «Страшный суд» (следствие перед СС; заставляют копать на других, система подслушивания господ бога).

Рассказ о городе-планете. Машина времени, кот<орая> всех отправляет в будущее (м<ожет> б<ыть,> даже насильно — всё дальше и дальше в будущее).

Контакт НИИЧАВО с магами другого мира.

Пришелец из чужого будущего и мальчик.

«Мальш рассказывает». «Ковчег» с т<очки> зр<ения> Мальша.

Аркадий Стругацкий Дневник, 1971–1973

1972 год
Год Мыши

2 января 1972 г.

Вчера весь день читал рукописи для рецензий и смотрел телевизор. Нынче пишу письма.

Пришло письмо от Бориса с доверенностью.

Отправил письма: маме, Борису, Алпатову и Енчмыку — простым, авось дойдет.
Вечером славно погуляли у Володи и Светланы Марковых.

4 января 1972 г.

Был у Ларина. 10-го, возможно, получим аванс за мультфильм, а тут на сберкнижку пришел аванс из Довженки и плата за «Аврору».

Вечером были на дне рождения у Марка Соболя.

5 января 1972 г.

Читал «Карьеру Кэшея Байрона». Встретился с Каппе. Он сказал, что пристроил детектив в «Дружбу народов».

За это время как-то отправил (3 января) тестя к Маркману в больницу. Ему уже лучше.

Ходит слух, что в «Вечерке» было сообщение, что Стругацкие с Хитруком ставят мультфильм.

Дочь Григорьева Григория Моисеевича будет директором нашей «Встречи миров». Но до нее я не дозвонился.

Получены от Межкниги рецензии из ФРГ.

6 января 1972 г.

Отпечатал рецензию на «Королеву брильянтов» и написал рецензию на «Сына Розовой Медведицы». Приехал Каппе, дал ему ГЛ в Ригу, поехали к Бобрам.

Пришло письмо от изд<ательств>ва Кошут (Венгрия) и три экза ПНвС и ТББ в переводе на венгерский.

Телеграмма от Бориса: начало путевки 13-го, конец 25-го.

7 января 1972 г.

Отпечатал рецензию на «Сына Розовой Медведицы».

До Майи Григорьевны <Григорьевой> никак не могу дозвониться.

Звонил Сева Ревич. Зав. редакцией прочитала ПнО, и ей понравилось. Так она и сказала главному редактору. Тот заявил, что взять на себя ответственность не может и должен проконсультироваться. С кем — Сева не знает, полагает, что в ЦК.

К 15.00 закончил всё с рецензиями.

Звонил Боря Ивченко и робко осведомлялся, когда будет сценарий. Я ему ответил, что привезу сценарий 27-го. Пора за дело!

13 января 1972 г.

Прибыли в Комарово. Борис недоволен, что придется писать сценарий ПНвС, а не ГО. Но сейчас, кажется, смирился. Беседовали о сценарии, решили писать детективный сюжет о воровстве времени и об исчезновении профессора Выбегаллы.

Одолжил: Ларину — 100 руб., Марику <Ткачеву> — 50 руб.

Отдал Борису его 350 за аванс мультфильма.

Ну, кажется, завтра начнем благословясь. Делать бы страниц по 8–10 в день — всего-то надо страниц 80.

Комнаты 22, 23.
2-й этаж, центр.

Здесь: Варшавские, Шефнер, Горы, Руфь <Зернова> с Ильей Захарычем <Серманом>.

Отмечали у Зерновой и Сермуса старый Новый год. Отправили фото в ФРГ.

14 января 1972 г.

<...>

Сделали 10 стр<аниц> сценария ПНвС.

Прочитал рукопись манинского шефа «Наука о поведении животных и людей».

Вечером говорили о ПНвС. Затем посидели допоздна у Долининых.

Дозвонился Алпатову, поеду в воскресенье вечером.

15 января 1972 г.

10 стр. сценария ПНвС.

Письмо Ленке <Воскресенской>.

Приехала Адка <Стругацкая>, сидели, трепались. Завтра трудный участок.

Телеграмма от Ткачева и Ларина с адресом Калины.

16 января 1972 г.

Сделали 7 стр<аниц> сценария ПНвС. Имели место трудности, но схема выработалась.

Ездил к Алпатову.

17 января 1972 г.

Сделали 10 стр. Вторая часть «Эксперимент профессора Выбегаллы» оканчивается на 38-й стр<анице>. Очень кратко. Но м<ожет> б<ыть,> при развернутом писании это будет как раз то, что нужно?

Узнал у Алпатова: Идриси не был принцем, он был потомком малагского халифа и знаменитым естествоиспытателем, объездившим весь свет, в частности — географом. По поручению Рожера II Сицилийского (первого норманнского короля Сицилии) составил либо блюдо, либо семь листов серебра, либо глобус и присовокупил географическое сочинение, перевод коего до сих пор хранится в королевской б<иблите>ке в Париже. Труд был закончен в год смерти Рожера II — 1154-й.

18 января 1972 г.

Сделано 10 стр<аниц> ПНвС. Письмо Крысе.

Холодно.

Вечером сидели у Долининой, пили чай. Трепались о современной молодежи.

19 января 1972 г.

Закончили сценарий ПНвС на 51-й стр<анице> (~ 60+ нормальных).

20 января 1972 г.

Говорили о сценарии мультяшки. Убедил Бориса, что кража земли может представиться наглядно.

21 января 1972 г.

Трепались.

22 января 1972 г.

Трепались, обсуждали подробности мультяшки. Приехала Адка.

23 января 1972 г.

Переводил для Адки статьи с англ<ийского>. Читал Гора «Изваяние».

28 января 1972 г.

Вчера вечером вернулся в Москву. Сразу навалились дела:

- 1) Договориться с Маркманом об операции тестю.
- 2) Добыть географа-репетитора для Машки <Стругацкой>.
- 3) Узнать, что было вчера на собрании кооператива.
- 4) Упросить Шилейко попридержать место для Эдика <Фошко>.

А тут еще:

- 1) Работать со сценарием ПНВС с Ивченко.
- 2) Писать сказку для мультфильма.
- 3) Разузнать, как дела со сборником «Незначенные встречи», пойдет ли он в «Сов<етской> России» или в МолГв.

4) Когда пойдет (и пойдет ли) ПНО в сборнике «Знания» или «Мол<одой> гв<ардии>»?

- 5) Как насчет договора с Детгизом?
- 6) Деликатно уклониться от договора с научпопом.
- 7) Что с ГЛ в «Юности»?
- 8) Как насчет «Фитиля»?

А также всё, что потребуется впредь.

Очки! Очки! Ни черта не вижу вблизи, не могу читать.

Звонил Ларин. Он а) подружился с Бирюковой из студии Горького; б) сообщил, что Борис Степанцев жаждет с нами работать и что в этой связи необходимо срочно дать хотя бы 1-й вариант «Погони в Космосе»; в) подружился с Турковым, и тот обещался помогать нам, где только можно.

Звонил Озеровой: Полевой и Преображенский рукопись зарубили начисто. Нынче же поеду забирать.

Звонил Шуткиной, обещали через неделю репетитора.

Звонил Маркману. Он сообщил, что окулисты будут смотреть тестя в начале след<ующей> недели.

Звонил Шилейке, будем встречаться.

Созвонился с Ивченко. У него завтра день рождения, там, видимо, и встретимся.

Был в МолГв у Белы <Клюевой>. Прописывают ПНО в сборник «Фант<астика>-72» и договор на «Незначенные встречи» на 73-й год.

Звонил Валентине Михайловне Кургановой в СовПис. Встречаемся во вторник.

Звонил Нине <Берковой>. Будем встречаться.
<...>

29 января 1972 г.

Письмо Борису.

Звонил Ромке Сефу (1484310), договорились встретиться после моего разговора с Кургановой.

Вечером в рест<оране> «Спутник» отмечали день рождения Бориса Ивченко. Передал ему папку со сценарием.

30 января 1972 г.

Был у Нины Матвеевны. Договорились, что она передаст ММ <Калакуцкой> заявку на сборник «Тахмасиб». Ленинградский Детгиз, оказывается, выдал в плане 73-го года «Малыша» отдельным изданием. Это надо прекратить. Напишу Борису.

Звонил вечером Ивченке, он сказал, что сценарий понравился, но есть отдельные и т. д. Завтра встречусь и поговорю.

31 января 1972 г.

С утра позвонил Татьяне Сергеевне. Пришлось срочно везти ей паспорта на прописку (она отвезет в исполком). Это влечет за собой некоторые осложнения: паспорта вернут дней через двадцать, след<овательно,> о поездке в Комарово в старые намеченные сроки не может быть речи. Соответственно, тут же будут вручать ордер и ключ, и надобно будет с ходу врезать замок, получать предметы для санузла и проч. Буду писать Борису.

Был у Шуткиных. Накормлен, обласкан, всех обласкал. Договаривались насчет репетитора.

Был в больнице у Маркмана, видел тестя. Здоровее стал дед, опять не сидит на месте, бегает. Маркман в ответ на мой выпад о благодарности потребовал полное собрание сочинений.

До Ивченки не дозвонился. Оказывается, у него испортился телефон (а может, и врет?). Будет мне звонить, встреча послезавтра.

1 февраля 1972 г.

Звонил Ларин. Вечером в Мультистудии просмотр. Надо пойти.

Звонила Куневская с радио. В четверг в 12.00 пойду на переговоры.

Звонил Владимир Павлович Ковалевский, географ. Предлагает участвовать в альманахе «На суше и на море» — точнее, в сборнике, основанном на этом альманахе. На той неделе встретимся. Приглашал с Ленкой.

Был у Громовой. Говорил с аспирантом из ФРГ — баварец по имени Ганс (Ханс), а фамилии его не знаю.

С «Сов<етской> Россией» не повезло: зашел, а Кургановой не оказалось — на редсовете. Ну-ну...

Встретил Курганцева и Витю Сановича: первый сообщил, что Миёси пойдет в № 6 «Африки и Азии», и предложил набросать статью о японской фантастике. Санович же сказал, что скоро понадобится для гослитиздатовского издания.

Созвонился с Ивченкой: он просит переделать сценарий ПНвС в повесть. Я согласился, а вечером Ленка задала вопрос: на кой черт повесть нужно превращать в сценарий, а сценарий обратно в повесть? И она права.

Вечером был на просмотре в «Мультфильме». Показывали «Бэмби» и пяток небольших мультипликаций.

2 февраля 72 г.

Приехал из Горького Гамов. Просил увидеться. Завтра будет звонить опять.

Звонил Леша Шилейко. Страдает гриппом.

Звонила Куневская с радио. Попросила завтра позвонить Татьяне Борисовне Красиной, 2903374, затем перезвонить ей.

Ездил в Литфонд, затем вернулся домой.

Звонили из УОАП, пришли деньги из Венгрии. Перечислят на сберкнижку.

3 февраля 72 г.

Был Гамов. Созвонились с Красиной на 16.00.

Говорил с Красиной. Обещала дать прослушать несколько материалов, чтобы разобраться в механике. Речь же пойдет о ПНвС.

4 февраля 72 г.

Отвез фотографию в К<раткую> Л<итературную> Э<нциклопедию>. Вечером с Крыской выпили.

5 февраля 72 г.

Письма маме и Борису. Завтра принимаюсь за сценарий.

12 февраля 72 г.

С 6-го по 8-е бешено писал сценарий. Закончил 8-го к вечеру, оброс бородой, сломал машинку. 9-го съездил к Бобрам и отвез машинку Володе чинить. 10-го Ивченко забрал сценарий, прочитал и сообщил, что доволен. Завтра едет в Киев, через неделю надобно ждать первых известий от редсовета.

Вопрос о включении ПНО в «Фантастику-72» завис на волоске. Сейчас дали на прочтение Ганичеву. Обещают, что окончательно известно это будет в понедельник.

Письмо от Бориса, письмо от Енчмыка из Польши и приглашение приехать за гонораром.

10-го был на радио, слушал четыре радиопостановки. Кажется, ничего особенно трудного здесь нет. Красина и Куневская склоняются делать ПНвС, я их уговариваю дать это в три отдельные передачи.

Получил деньги из АПН. Мизер: 27 руб. Вот обжулили!

Средне-Уральское книжное издательство прислало сборник «Только один старт» с «Человеком из Пасифиды».

Письмо Борису.

16 февраля 1972 г.

Почему-то непреодолимое отвращение к дневнику. Болею. Вчера весь день просидел дома. Сегодня тестю делают операцию.

Получены какие-то деньги из Вильнюса — ок<оло> 700 р.

Ванслова звонила, говорит, что книга напечатана и что выписывают деньги, велела от Бориса взять справку, что он просит за предисловие деньги перечислить на меня.

Марик болен. Тоже простуда. Звонил Ларин, требует, чтобы я взял бюллетень. Всё деньги.

Письмо маме.

Все никак не соберусь в Инокомиссию по поводу Польши.

18 февраля 1972 г.

Паршиво себя чувствую. Болят зубы, и все время хочется лежать.

Вчера письмо от Бориса.

Звонили:

Синельниковы — предлагают встретиться.

Красина и Куневская из радиокомитета: что-то движется с постановкой по ПНвС. Видимо, будем говорить в понедельник.

Ларин: на носу разговор с Бирюковой; по «Малышу»; якобы есть уже и редактор.

Отвез и вручил Виктору Максимовичу Борисову письмо с приглашением из Польши. Рассчитывать придется, видимо, на апрель-май.

Надо:

для «Мира» — письмо от имени Бориса с просьбой перечислить гонорар за предисловие на меня;

для «Сов<етской> России» — заявку на ПкБ, ОО и ТББ;

для «Мульты» — сказку «Погоня в Космосе».

Звонил сейчас Беле: 1) Авраменко в наших же интересах не рекомендует давать ПнО в сборник, и рукопись передана Ревичу обратно; 2) Ганичев заболел и рукописи не читал; 3) Договор будет заключаться в марте, когда и если план издательства будет вторично, в исправленном и дополненном виде, одобрен в ЦК ВЛКСМ. Такие пироги.

Пробовал звонить Татьяне Сергеевне. Но она ушла и сегодня больше не будет.

Звонил Марину и Ларину. Там всё на поправку.

21 февраля 1972

Написал заявку в «Сов<етскую> Россию» и заявление в «Мир» от имени Бориса.

Вчера отправил письмо Борису.

Начал сказку «Погоня в Космосе». Уже 5 стр<аниц> (из 50?).

Красина (радио) заболела. Так что сегодня дело не решится.

23 февраля 1972 г.

Только что закончил 11 стр<аниц> сказки. Так сказать, интродукцию.

Звонил Фомин, сообщил, что в ФРГ вышел ОО.

Детгиз выплатил за рецензии.

Татьяна Сергеевна сообщила, что вселяется 3-й подъезд.

Позавчера был в «Мире», видел сигнал «Экспедиции “Тяготение”».

27 февраля 1972 г.

Сегодня еду в Киев на обсуждение сценария.

Письмо от Бориса и Борису.

25-го были у географа Ковалевского с Ленкой, изрядно повеселился.

Виделся с Красиной: договорились, что к моему возвращению из Комарова она договорится с Литвиновым. Берман, видимо, будет режиссером. ПНВС будет в 3 передачах, по 20–24 стр<аниц> и 350–500 р.

6 марта 1972 г.

С 28-го по 3-е в Киеве на «Довженке». Сценарий утвердили как 1-й вариант официально (с выплатой 10%) и практически одобрили окончательный вариант, кот<орый> я сделал на месте по замечаниям совещания (зам. главного студии Ковтуна Владимира Гавриловича). С тем и вернулся, а дома уже ждало приглашение Татьяны Сергеевны получить ордер.

Ордер получен. Ключи будут с 10 утра в четверг, т. е. 9 марта.

Отпросился у Бориса отложить встречу до середины апреля. Думаю, за это время с квартирными делами будет покончено.

В четверг не забыть пригласить Бобров врезать замок, а в субботу с раннего утра работяги начнут циклевать полы.

Вчера послал письма Борису и маме.

Сказку писать надо! Сказку!

14 марта 1972 года

Письмо от Бориса и Борису.

Письмо из Польши от Роберта Штиллера с предложением переводить УНС (Кандида).

Но главное! Квартира.

Сегодня мы с Крысой убрали и прибрали всё, что могли сами. Я получил ключи, расписался в получении смесителя и дюжины дверных ручек и... всё. Чистота и порядок.

Крыса — настоящая волшебница.

15 марта 1972 г.

Вчера день триумфа человека над г...

Необходимо успеть устроить с переездом до 1 апреля. В крайнем случае — до 2–3-го.

Итак: 18–19–20-го циклевка и лакировка полов.

(80 руб. + стоимость материала 35 руб.)

20-го — обивка дверей.

21–24-го мебель. Необходимо!

Сейчас еду за лаками и растворителями. Предварительно зайду в «Мир».

6 июня 1972 г. (ВТ)

Большой перерыв.

Итак: окончился еще один рабочий сезон. Окончен черновик ГО; сдан в МолГв, «Аврору» и НФ законченный чистовик ПНО. В «Авроре» как будто всё на мази, были гранки, начало ожидается в июле. В «Мол<одой> гв<ардии>» был вчера, говорил с Белой, Жемайтисом и Инной Федоровной Авраменко. Выходит так: сборник «Незначенные встречи» (ДоУ, М и ПНО) стоит в резерве, договор на него будет добиваться с начала июля. Значит, здесь ждать еще месяц. А вот Ревич по НФ утверждал вчера по телефону, будто там ПНО идет уже в набор. Это было бы прекрасно. Но насколько это правда? Пока это означает только — выплатить машинисткам за перепечатку. А где деньги? Крыса ведь

заняла 50 р<ублей> у родителей, но это надо срочно отдать, а я пока навалился на Аронэ. Обещал достать сотню на днях.

Одно утешение — квартира наша. Простор, свет, отличная мебель. Правда, из сортира г...цом пованивает, на кухне слышимость на все 16 этажей, и двери перекосило, но — квартира! Я живу теперь в ней безвыездно.

Итак, вчера был в МолГв, говорил с Белой <Клюевой>, Сергеем <Жемайтисом> и Авраменко, потом получил от Альки <Лобановой> большой кус бумаги, дай бог ей здоровья. Была мысль получить какой-никакой переводик детектива английского или японского. Не знаю, может быть, еще и займусь, но Лариса <Беспалова>, которая составляет эти сборники, разговаривает со мной сквозь зубы и отвернувшись, так что ну ее к аллаху. Лучше уж к Девису на поклон пойти.

Был у Соколова Олега, затем зашел к Татьяне <Чеховской>, и мы договорились сегодня встретиться с Биленкиными и Ревичами у нас: поскольку денег нет, водка ихняя.

Затем отправился на «Мультфильм» и отдал Хитруку сценарий «Погоня в Космосе». Он, видно, очень обрадовался. М<ежду> п<рочим,> отозвал меня в коридор и шепотом сообщил, что добивается оплаты за полнометражный мультсценарий такой же, как за натурный. Это всё хорошо, а вот не лезет ли он в соавторы? Пусть. Договорились, что буду звонить ему утром в пятницу или субботу.

Обедал в ЦДЛ, встретился с Лариным и Ткачевым. У Веры Феоновой умер новорожденный сын.

В зале встретился с Андреем Тарковским, он подошел ко мне после того, как мы долго бросали друг на друга нерешительные взгляды через весь зал. Очень мило перекинулись любезностями, он пообещал пригласить меня на просмотр в «Мосфильм».

Потом был у Аронэ. Тоже сидит в галоше с деньгами, но обещался помочь.

Звонил Манину. Будет сегодня у меня днем.

Звонил Шилейке, буду перезванивать сегодня утром.

Звонил Куневской, попросил назначить Берману на среду в 10–11.00, буду звонить ей утром.

А солнце сейчас — вовсю!

Теперь следует подсчитать, что нам надо и что мы имеем (как сделано это было мною 2 сентября 1971 года).

Долги:

Манину — 1000 р.

Борису — 500 р.

Ек<атерине> Евг<еньевне> <Ошаниной> — 300 р.

Литфонд — 300 р.

Итого — 2100 р.

Необходимо на прожитие на июнь–декабрь 1972 г. 200 р. х 7 = 1400 р.

Поездки в ДТ (окт<ябрь>–дек<абрь>). 100 р. х 3 = 300 р.

Поездка в Польшу. 200 р.

Итого — 1900 р.

+ за квартиру апрель–декабрь 50 х 9 = 450 руб.

Всего до января 1973 г. искл<ючительно> требуется 4000 руб. + 450 руб.

До декабря нужно 4500 руб.

Актив:

ПнО («Аврора») ~ 400 р.

ЧиП («Фантастика-72») ~ 250 р.

Джекобс (Мир прикл<ючений>») ~ 600 р.

М (Ленингр<адский> сборник) ~ 1400 р.

[Сбоку дописано: Рецензии. Переводы ~ 100 р./м<еся>ц — 700 р.]
 [Итого:] 2650 р. + предисловие к тому Акутагавы — 500 р.
 Ленкина зарплата 150 х 6 — 900 р.
 [Итого:] 3550 р. + 500 ≈ 4000 руб.

Возможности:
 ПнО в НФ ~ 2400 р.,
 договор на НВ ~ 1000 р.,
 мультфильм ~ 350 р.,
 радио ~ 150 р.
 [Итого:] 4000 р.?
 Венгрия ~ 500 р.
 ФРГ?

Звонил Куневской. Завтра в 11.00 в Радиокomiteте встреча с Берманом.
 Был Юра Манин. Ели сосиски, пили чай. Жарили картошку и тоже ели.
 Договорились на будущей неделе встретиться с Хржановским.
 Написал почти все рецензии.
 Были Ревичи и Биленкины. Сева сказал, что ПнО идет в производство в НФ, но выйдет, возможно, только в будущем году.

7 июня 72 г.

Написал последнюю рецензию. Остается перепечатать.
 Письмо Борису и Мальцеву. Сейчас еду в Радиокomiteт.
 Встретился с Берманом. Договорились, что он приедет ко мне в среду, если позволят обстоятельства. Связь через Куневскую.
 Был у Бобров, выпили, обещали достать мне денег р<ублей> 300–400.
 Вечером были у нас Шилейки — Лешка и Тамара.

8 июня 72 г.

Перепечатал все рецензии. Материал обработан в количестве 709 стр.
 Звонил Берковой. Завтра после 14.00 отведу ей рецензии. Читаю «Четверо с пятой планеты» Лейнстера. М<ожет> б<ыть,> пойдет для перевода? А пока надо написать несколько рецензий для Девиса.
 Звонил Ковалевскому. Договорились встретиться на той неделе. И так, на той неделе:
 12-го (понедельник): Звонить Мальцевой, а вечером идти к Хржановскому.
 14-го (среда): Ждать с утра Бермана.
 И еще: встретиться с Ковалевским и Леной Соколовой и побывать у Берковой.

9 июня 72 г.

Закончил читать Лейнстера и написал рецензию.
 Был у Берковой. Отдал ей рецензии, она выписала счет на кассу и обещалась, что 18-го получу деньги. Взял у нее еще порцию рукописей. М<ежду> п<рочим,> рассказал ей про мультяшку ПвК для Хитрука, а она предложила мне в течение месяца сделать просто сказку листа на 2–3, которую она поместит в альманах на 73-й год. Попытаемся. Рассказала про подлые глупости Ариадны <Громовой>, как она за спиной у Нины пыталась воздействовать на партийное и административное начальство, чтобы заключили договор на ненаписанную книгу «об охране природы» и хапнуть аванс.

Живу сегодня один. Прочитал первую рукопись.

10 июня 1972 г. (сб)

Написал и отпечатал рецензию на «Владика из Древней Греции».

Звонил из автомата Хитруку. Он ждет меня у себя в 16.00. Ленинск<ий> проспект 41 кв. 317 (напротив Дома обуви).

Был у Хитрука. Неутешительно. Все, что написано, — не годится. Видно, не поняли друг друга, либо он только позже оформил свою муть в определенную идею. Короче: это будет фильм о предателях Земли, шайке, которая сбывает втридорога участки нашей Земли инопланетным покупателям. Как в «Продавце воздуха». Но здесь суть в том, что шайка эта — в строгих рамках закона. База на Луне. И вот странная безжизненная Луна — она стала такой, потому что ее распродали. А когда-то была цветущей и полной жизни. Детектив остается, острый сюжет и пр<очее>.

Договорились, что к концу месяца я набросаю скелет нового сюжета и дам ему на утверждение. Если ему подойдет — хорошо, будем продолжать писать. Он еще выразил желание показать этот скелет в Комитете по кино, пойти туда со мной. Пролонгацию он устроит сам.

Обо всем я рассказал Ларину, а тот — Борису Степанцеву. Степанцев порекомендовал все-таки готовый вариант отнести в студию и заявление о пролонгации подать официально.

Машка сдавала физику, получила четверку.

Сижу дома один. Ленка с детьми на Бережковке.

Прочитал «Монах» Кубанцева и начал «В медвежьем углу» Файбышенко.

11 июня 1972 г. (вс)

Дочитал Файбышенко.

Сидел до 12 ночи, читал, писал рецензии. Хорошо работается. Наварил и сожрал целую кастрюлю баранины с картошкой. Желудок расстроил.

12 июня (пн) 72 г.

Надо сразу: три рецензии, письмо маме, план на сегодня.

Был в «Мире», сдал рецензию на Лейнстера.

Написал рецензии, письмо маме послал, был в ЦДЛ, виделся с Марьяном <Ткачевым>.

Был у Коржавина, взял 300 руб.

13 июня (вт)

Дочитал повесть Росоховатского. Хорошая идея, но написано из рук вон. Приходила Нина. Затем сидел до вечера на Бережковке. Машка получила по литературе 4. Зашел к Емцеву.

Мама прислала телеграмму, что приедет 17-го.

14 июня (ср)

Сидел дома, не работал. Читал Мегрэ.

Был у Неизвестного, отвез ему ПнО. Вечером читал Росоховатского. Повесть «Неудачник» — очень неплохо. Поздно вечером зашел Миша Емцев, поболтали.

15 июня 72 г.

Был у Ковалевского, много разговаривали. Он заверил меня, что сделает для Машки всё. След<овательно>, с точки зрения географии — порядок. Надо дозвониться до Манина и Соколовой. Был дома на Бережковке, пили, веселились, ругались. Вечером читал Адамова. Вот занятие!

16 июня 72 г.

Написал и отнес на «Мультфильм» заявление на пролонгацию ПвК до 1 октября. Снесарев очень благосклонно взял и отнес по начальству. Встретился и поговорил с Хитруком, пошли и посмотрели фильм Андрея Хржановского «Бабочки». НичеГё.

Потом встретился и провел вечер с нашим венгерским переводчиком д<окто>ром Дьёрдем Геллертом, Будапешт, XI район ул. Шомлои 50/А (Dr. Gellert György, Budapest XI Somlói út 50/A). Пили албанский коньяк, трепались о фантастике. Отлично говорит по-русски. Обещал высылать ему ПНО по мере выхода. Рассказал, что мы в Венгрии очень популярны.

17 июня 72 г.

Весь день готовились к маминому приезду. В основном шлялись за продуктами. Приехала мама, а лифт не работает. Во казус!

18 июня 1972 г. (вс)

С мамой были у тети Мани <Теселько>. Потом зашел к Витьке Суднику, там веселились.

Вечером забежал Саша Горбовский.

19 июня 1972 г.

Написал рецензию на Росоховатского. Всего в этот заход сделано рецензий на 927 стр<аниц>. Отнес рецензии в Детгиз Нине, оказалось, денег не дадут, ждать до 3-го. Взял еще две рукописи — Нина сказала, что последние. Допоздна читал «Золотой век» Ю. Тупицына — интересно, неумелый «Трудно быть богом» + ХВВ.

20 июня 1972 г.

Третий (или четвертый?) день «сухого закона», но, по-моему, ничто не изменилось. Пьют и кушают, как прежде.

Был в «Мультфильме». И что же! Аркадий Снесарев, прочитав сценарий ПвК, пришел в восхищение. Ему очень понравилось. Короче, не знают они и не знаю я, что будет дальше. Ларин считает, что надо добиваться 10% и затем за неделю догнать до остальных 15%. Создать положение, при котором Хитруку придется либо отказаться от этого сценария, либо делать его. Я в щекотливом положении. Ну что же, в крайности я могу предложить им заключить договор еще на один сценарий, по хитруковскому замыслу.

21 июня 72 г. (ср)

Письма: Борису и Лене Соколовой.
 Был у Смагина.

22 июня 72 г. (чт)

Читал и дочитал «Earthjacket» Хартриджа (для Девиса). Был на Бережковке, обедал с мамой, потом отвез ее к тете Мане.

23 июня 72 г. (пт)

Читал «Яп<онскую> литературу» Логуновой и Григорьевой — на предмет статьи об Акутагаве. Написал рецензию на Хартриджа.

Был на «Мультфильме», отнес Снесареву Достоевского с подпиской. Он утверждает, что под мой вариант ПвК обязательно выплатят 10%, что вообще, независимо от позиции Хитрука, фильм будет поставлен. Дай-то бог!

Вечером с Крысой пировали. Водки в магазинах нет, публика ошеломлена, нервное веселье.

24 июня 72 г. (сб)

Встали рано, пили и ели, потом Крыса затеяла уборку. Я спустился и позвонил Леше Симонову, как он просил. Встречаемся у него в 12.00. Везу заявку на «Встречу миров».

Забыл упомянуть: 1) Снесарев не разрешил писать для Хитрука новое либретто. 2) Взял в биб<лиоте>ке ЦДЛ много книг для статьи об Акутагаве.

Миша Курганцев рассказал историю о зашитии: раньше — сядь на край и ногами болтай, а теперь суешь концом, а он кольцом.

Побывали на Бережковке, вернулись с водочкой и пили, я прочел Кима «Три дома напротив соседних два». Бойко и очень интересно написано.

Был у Симонова, поговорили насчет подробностей сюжета. Обещался в понедельник представить заявку по начальству.

25 июня 72 г.

С утра читал статью Конрада о первом периоде буржуазной литературы в Японии. Интересно, очень увлекся.

Написал рецензию на Кейта Ломера «Дом в ноябре» (для Девиса). Итого лежат уже две рецензии. А когда я их, интересно, отнесу?

Начал перевод биографии Акутагавы.

26 июня 72 г. (пн)

Проснулся в половине пятого и больше не мог спать. Вчера на ночь читал Эйдуса. До чего беспомощно все это! Так и остается непонятным «чудо Мэйдзи».

Переводил биографию Акутагавы.

Пришла мама, я оставил ее и поехал сниматься с военного учета и становиться на оный. Вечером был у паспортистки. Она велела оформляться как можно скорее. Надо: выписать паспорт и взять справку из ССП.

Был у Микавы, говорил с Ковалевским, с Шуткиной, со Смагиным. <...>

3 июля 72 г. (пн)

Пытался уладить дело с пропиской. Подонки из Киевского ЖЭКа не дали Ленкин паспорт — де неизвестно, на каком основании снята с учета. Сегодня бедной Крысе предстоит мотаться по военкоматам.

Был у Девиса, получил у него три книжки на рецензию. Прочел пока одну — «Операцию “Хаос”» Андерсона. Это он расширил «Операцию “Ифрит”». Ничего, читается не без интереса.

Из Японии пришло приглашение на международную конференцию японоведов. Не знаю, стоит ли откликаться. Какой я там японоведа!

Хорошо бы получить сегодня в Детгизе деньги.

Пришло от Бориса письмо с анкетой Литгазеты. Хорошо написал.

Перепечатал анкету, но не передал.

Письмо Борису.

Был в Детгизе. Калакуцкая сказала, что, увы, плановый отдел не дает заключить договор. У них уже 60 договоров не прошли. Получил за рецензии 139 р<ублей>.

Виделся со Смилгой: насчет физика для Машки.

Крыса оформила военный билет.

4 июля 72 г.

По поводу ГО [вставлено: «Отношение к Эксперименту»]: Андрей — возмущен, что над ним эксперимент. А Изя — нет, он сам экспериментатор.

6 июля 72 г. (чт)

Завтра у Машки начало экзаменов: математика. Вчера виделся с Шилейкой — с Эдиком неважно, партком осуществляет свою власть над администратором. У Эрика Неизвестного разговор с Мишей <Фишгойтом>, художником-оператором «Красной палатки». Интересно рассказывал. А тем временем Вика <Бобринская> принесла от Крейндлины условия завтрашней игры.

Сегодня был у Крейндлины, занес ему рукопись ПнО. Потом у Горбовских. Вечером приходил Миша Емцев, принес ПнО для 25-го тома.

7 июля 72 г. (пт)

Машка сдавала экзы по математике. Из 5 примеров решила 4. Пятый же не смогли одолеть ни Смагин, ни Эдик.

8 июля 72 г.

Отдал наконец все документы на прописку. Ждать недели две.

Перевел 6 стр<аниц> из материалов по дипломатической истории Тибета (англ.), которые Ленка взяла для перевода.

Чудовищная духота и жара. К вечеру буря и ливень. Потом опять жара. Пьем вино со льдом и компотом.

9 июля 72 г. (сб)

Перевел остальные 6 стр<аниц> из документации о дип<ломатической> истории Тибета. Закончилось на Монгольско-Тибетском договоре 1913 г. Что за имена! Дочитал

«Planet of the Voles» by Charles Platt. Пил много черничного компота с вином. Непомерная жара, и очень плохо все себя чувствуют.

Письмо от Борецкого.

10 июля 72 г.

Письма маме и Борецкому. Написал рецензию на «Операцию “Хаос”» П. Андерсона.

Встретил в едальне Парнова и Курганцева. Настояли, чтобы я написал вводную статью для трех японских рассказов в октябрьском № «Азии и Африки».

Звонил Ларину. Он был на дне рождения Веры Семеновны <Бирюковой>. Сказал, что директору сценарий тоже нравится, что в четверг я должен с ним увидеться.

12 июля 72 г.

Какая-то досада в университете. Машкину работу не опознали, из-за этого буза и неразбериха.

Вечером пришел к Леве Минцу на плов, позвонил Кренделям, и пришлось сразу мчаться домой, узнавать Машкиного экз<амениационного> листа № и опять звонить Кренделям, и пр<очее>.

Жара, духота, ночью грóзы. Крыса нынче плакала. Меня грызет тоска. Ничего не могу делать. Завтра к 11.00 в «Мультфильм» к директору.

13 июля 72 г. (чт)

Был на Мульте. Присутствовали: Арк<адий> Снесарев, директор Мих<аил> Мих<айлович> <Вальков>, Хитрук, его два художника и аз. Все обошлось отлично. Сценарий превознесен, Хитрук от него отказался, заявка (устная) на сценарий для него сделана. Во вторник идти к Снесареву, отглядеть стилистику рисунка и, возможно, дать Хитруку либретто на мелкометражную репетицию большой вещи. Тема — сделка с дьяволом.

Сидел у Бобриков, связь с Кренделями. У Машки тройка. Кошмар.

17 июля 72 (пн)

У Машки необратимая тройка по математике. В субботу ездил с нею в университет подавать апелляцию — без успеха. Страховка называется. Познакомился с Татьяной Владимировной Вороновой — географичка. Обещает помочь. Вчера Машка писала литературу: «Патриотизм в произведениях Маяковского». Бог знает, как там у нее будет.

Жара убивающая. Работать не могу (не хочу?).

Написал рецензии на «Яму времени» и «Планету воли». Отнес в «Мир». Там была только Ира Хидекель. Отдала мне «Star Shine» F. Brown'a — чтобы переводил «Принцип Иегуды».

20 июля 72 г. (чт)

Машка получила тройку по литературе. Таня Воронова утешает, говорит, еще не все потеряно. Позавчера был на дне рождения у Евтушенки. Было занято. Виделся с Эриком Неизвестным.

Вчера написал и отнес Снесареву на «Мультфильм» либретто «Самый средний» для Хржановского и «Сделка с дьяволом» для Хитрука. Дела с ПвК паршивые — нет

режиссера, ergo¹, нет поправок, ergo, нет 10%. Впрочем, он велел сегодня звонить, может быть, в понедельник все же выпишут?

Заходил в МолГв, виделся с Биленкиным и Соколовым, а Белы не было, я хотел вернуть ей 1-ю главу ПнО, отказаться от публикации в 25-м томе. Вечером встречался с Татьяной, договаривались насчет Машки, а со Смилгой ничего не получилось, сегодня он уплывает по Сев<ерному> мор<скому> пути. Крейндлины все в трауре, оплакивают своего друга.

Дочитал сборник рассказов Грешнова: экая пошлятина! Но надо писать рецензии. И надо писать письма.

Написал письма маме и Алпатову.

Машка внезапно получила по физике 5. Странно и прекрасно. Всем кагалом были на Бережковке.

23 июля 72 г. (вс)

Марья ушла на последний экзамен. Тошно. Ленка сходит с ума.

<...>

14.30. Ждем. Марьи все нет.

Написал рецензии на Тупицына и Грешнова, всего 500 стр<аниц>. Это последняя моя задолженность по рецензиям. Теперь — за предисловие.

Марья схватила тройку, след<овательно,> не поступила. Мне было очень горько смотреть, как они скисли с Ленкой. Но очень быстро оправались. Я предложил, чтобы Машка год отдыхала и читала, готовилась к след<ующему> раунду.

24 июля 72 г.

Новая эра началась. Перевел 5 стр<аниц> из «Китайской мысли» Гун-Син Вана.

Отвез в «Сов<етскую> Россию» рукопись Симонова и свою заявку на сборник ПкБ, ТББ, ОО. Отвез в Детгиз Нине рецензии на рассказы Грешнова и «Золотой век» Тупицына. Нина очень соболезнует насчет Машки. Был в МолГв, говорил с Белой и Жемайтисом. Обнадеживают, что в августе заключат договор. Жемайтис, правда, уныло разговаривал насчет Немцова, который шляется в ЦК как в сортир и все там гадит. Не знаю, не знаю.

Был в «Мультфильме». Это важно. Деньги получил — 266 р<ублей>. Но главное — Снесарев свел меня с режиссером на ПвК — Василием Борисовичем Ливановым. Он показал мне свою «Синюю птицу» — очень впечатляет, хотя сюжетно неважно. Встречаемся с Ливановым 3 августа.

И был у Орьева. Надо к зав. отделом внеш<их> сношений УОАП: Горелик Регина Марковна 2316716.

Пришел поздно. Крыска плакала от растерянности и не знала, что делать.

25 июля 72 г. (вт)

Письма маме и Борьке.

27 июля 72 г.

Мои на даче. Живу один. Вчера гулял с кобелем и встретил генерала Ашмарина. Он, оказывается, живет в д. 113 кв. <...>. Договорились встретиться в воскресенье.

¹ Следовательно (лат.).

Перевожу «Китайскую мысль», сделал 18 стр<аниц>. Остается по моим расчетам ок<оло> 40.

30 июля 72 г. (вс)

В субботу вернулся с дачи Крыс. Был я у Луконина, звонил Ларину. Ливанов, говорит, от мульты отказался. Снесарев просил прийти в понедельник, а Ларин велел зайти до разговора к нему. «Китайской мысли» сделано на сегодня 30 стр<аниц>.

1 августа 72 г. (вт)

Перевод не двигается. Был в понедельник на студии. Предложено писать новый сценарий по старому договору, а в компенсацию дать «Сделку с дьяволом» за 1 тыс<ячу> руб<лей>. Не знаю, что из этого будет.

Ездил в Детгиз, есть договор на «Погоню в Космосе» по сценарию. Буду писать.

Звонил Борису, отказался ехать в Польшу. Борис очень недоволен и возмущен. Но перебьется. Боже, сколько накопилось работы!

2 августа 72 г. (ср)

Написал развернутый сценарий — заявку на «Сделку с дьяволом». Нынче же отнесу.

Отнес, после чего сходил в УОАП, говорил с Региной Горелик. Полагает, что наши гонорары из ФРГ зажаты «Межкнигой». Тут же выяснилось, что мы получили небольшой гонорар за ТББ из США.

Жара удручающая. Письмо от Бориса.

Были у тестя с тещей на праздновании.

3 августа 72 г. (чт)

Сделал с утра 5 стр<аниц> «Китайской мысли».

Делать надо:

Предисловие к Акутагаве — 24 стр<аницы>.

«Погоня в Космосе» для Детгиза — 72 стр<аницы>.

Перевод «Китайской мысли» — 25 стр<аниц>.

Закончил перевод биографического очерка об Акутагаве.

4 августа 72 г. (пт)

Был Вайсброт с Женькой. Подписали трудовое соглашение. Сделал 5 стр<аниц> «Китайской мысли». Осталась глава о Лаоцзы — 18 стр<аниц>. Занимался Акутагавой.

5 августа 72 г. (сб)

Сделал 5 стр<аниц> «Китайской мысли». Занимался Акутагавой, написал 1-ю главу предисловия.

6 августа 72 г. (вс)

5 стр<аниц> «Китайской мысли». Переписал и перепечатал 1-ю главу предисловия к Акутагаве.

8 августа 72 г. (вт)

Вчера был у Марика, попрощались. Звонил: Снесареву — он просил позвонить в среду в 14.00, Горелик — сказала, что говорила с Фоминым, и тот ответил, что эфэрговские изд-ва отчитываются по договору раз в полгода, а сейчас отчета еще нет.

Был в Детгизе. 92 р<убля>.

Был у Маркмана.

Сегодня к 10.00 закончил перевод «Китайской мысли». Получилось 58 стр<аниц>.

Который день под Москвой горит торф! Гарь, воздух тяжелый, дымка мешает видеть на километр. К 6 пошел небольшой дождь, вихрь, прояснело, и стало видно, что в стороне Внукова огромные клубы дыма. Мы сидели, пили вино — Наташка с Эдиком <Фошко>, Крыса и я — и смотрели, как по мере смеркания там разбухает багровое зарево. Это очень далеко, и ничего не было слышно, только чудовищное зарево с медлительными выбросами столбов багрового пламени и малоподвижные клубы дыма. И ни одного самолета.

9 августа 1972 г. (ср)

Гарь, гарь! Звонил Снесареву, просил принести сценарий. Ларин объясняет, что там мордобой по поводу «заумных» фильмов.

Звонил Беле Ключевой. Сообщает, что возня по заключению договора идет, условились, что я отвезу ей для знакомства № «Авроры».

Слух: гонорар 300 р<ублей за авторский лист> будет платиться только авторам, пишущим на современные темы. Остальным 225 р<ублей за авторский лист>.

Да, закончил 2-ю главу Акутагавы и напечатал оную.

10 августа 72 г. (чт)

Разрабатывал 3-ю главу Акутагавы. Отнес в «Мультфильм» сценарий и «Аврору» в «Мол<одую> гв<ардию>».

<...>

Вечером с Крысой выпили и легли спать.

11 августа 72 г. (пт)

Написал 3-ю главу Акутагавы. Еще писать пять-шесть глав, а уже 19 стр<аниц>.

12 августа 72 г. (сб)

Был с Маниным у Хржановского. Славно посидели и побеседовали. Мне бы этого режиссера.

Из Детгиза пришел договор на «Погоню в Космосе».

13 авг. 72 г. (вс)

Письмо маме.

17 авг. 72 г. (чт)

На сегодняшний день:

1. Предисловие к Акутагаве — 24 стр<аницы>. Предполагаемое название «Четыре открытия Акутагавы Рюноскэ».

2. Взят с машинки сценарий ПвК. Вероятные кандидатуры в режиссеры — Котеночкин и Хржановский.

3. Получено сертификатов из Ам-Рос по 67 р. 54 к. на нос.

4. Решено немедленно расплатиться с Коржавиным. Сегодня должен заехать Юра Каппе, отвезти меня к нему.

Тогда долги мои:

Манину — 1000 р.,

Борису — 633 р.,

Ек<атерине> Евг<еньевне> — 300 р.,

Литфонд — 300 р.

[Итого:] 2233 р.

+ Квартплата апрель–август 250 р.

[Итого:] ~ 2500 р. на сегодня.

Начал работать со сказкой, напечатал 3 стр<аницы>.

«Гнать нетленку». «Пусть земля горит под ногами алкоголиков» — по поводу пожаров торфа. «Господи, — молил сказочник, — дай мне лгать безо всяких намеков, а уроки да получают добры молодцы на комсомольских собраниях!»

20 авг. 72 г. (вс)

Вчера и сегодня сделал по 10 стр<аниц> ПвК. Всего на сегодня 30 стр<аниц>. Жарко, очень болят зубы, с трудом могу есть и трудно глотать.

30 авг. 72 г. (ср)

Закончил «Погоню в Космосе», 71 стр. До этого с субботы и по вчерашний день праздновал день рождения. Было куплено много джина и тоника. Завтра Нина Беркова явится и заберет рукопись.

Плохо себя чувствую, мношно, болят зубы.

Взял в долг у Ковалевского 100 р<ублей>. До середины ноября.

С «Мультфильмом» ничего нового.

Беле предложили получить на сборник рецензию. Она хочет Брандиса, а тот в заграницах, но скоро будет.

Вчера договорился с Грибановым, что предисловие предоставлю ему к 15 сент<ября>.

31 авг. 72 г. (чт)

Была Нина, забрала экз<емпляр> ПвК для художника и попросила попробовать увеличить ПвК на пол-листа. Велела зайти завтра, взять на рецензию Кличку (26 а. л. = > 100 р.). Кстати, встречусь с Томаном насчет путевки в Гагру.

Переводил (вчерне) опровержение заявления против нашего патента. Вайсброт просил срочно сделать. Пока сделал 4 стр<аницы>. Буду по 4 стр<аницы> в день, глядишь — дня через 3 завершу и перепечатаю. Всего 12 стр<аниц>. Позорище ужасное, сквозит наша отсталость в патентном деле.

Выпал шатавшийся зуб.

Начал переводить Брауна.

Был с Ю. Маниным у Хржановского. Договорились, что он будет пробивать ПНвС, а ПвК передаст молодым. Вечером пили с Крысой виски.

1 сентября 72 г. (пт)

Взял с книжки 200 р. Отложил Борису 130. Получено (вероятно, из «Авроры») 522 р. Отдать 300 р. теще, 200 р. за квартиру. Тогда из суммы долга 2500 р. — 130 р. — 300 р. — 200 р. = 1870 р. Вру. Еще 100 р. Ковалевскому. 1970 р.

4 сентября 72 г. (пн)

Были вчера у Шилейки, договорились, что Машка пойдет к нему во вторник.

Письмо от Бориса. И письмо Борису со вложением доверенности. Переводил материал от Вайсброта.

Вечером вчера прибежал взмыленный Гречко, вернул ГЛ и СоТ. Сегодня вечером заходил Вл<адимир> Александр<ович> Рытченков. Договорились, что я расширю заявку на «Встречу миров». Его тел. 1310577.

5 сентября 72 г.

Вчера получено 522 рубля — 50% за лендетгизовский сборник «Малыш + Возвращение». Вчера же отдал теще 300 ру. Сегодня заплатил за квартиру 200 р. (за 4 месяца — по июль включ<ительно>.) Итого долгов осталось:

Манину — 1000 руб.

Борису — 500 руб.

Литфонд — 300 руб.

Ковалевскому — 100 руб.

Квартплата авг<уст> + сент<ябрь> — 100 руб.

[Итого:] 2000 руб.

Закончил переводить и перепечатал материал Вайсброта. Дочитал сборник Клички, хорошо бы сегодня набросать рецензию.

6 сентября 72 г. (ср)

Заходил с утра Исай Лукодянов. 3 часа трепались. Ценного сказано лишь то, что вышел уже № 8 «Авроры». На радостях подарил ему экз. № 7.

Написал и перепечатал рецензию на Кличку.

Приезжали от Вайсброта, забрали его матерьял.

8 сентября 72 г. (пт)

Письмо маме. Письмо Алпатову.

Был Муля <Левин> с редактрисой с телевидения. Познавательная передача для детей: Муля, Миша и робот.

Вернулся из Бельгии Влад <Чесноков>. Рассказывал интересно.
Отвез в Детгиз рецензию на Кличку. Нина говорит, что заплатят 3-го.

11 сентября 72 г. (пн)

Вчера написал еще 6 стр<аниц> к Акутагаве. Осталась последняя главка. Были у Бобринских.

Письмо от Бориса.

12 сентября 72 г. (вт)

Написал 2 стр<аницы> Акутагавы. Господи, когда же это кончится! И денег снова нет ни хрена.

Были у Маркмана. Отвез ему «гонорар». Схватило брюхо — видимо, чем-то отравился. Едва приполз домой.

Письмо Борису с ответом Кану. И послал ему еще письмо от шведского издателя.

13 сентября 72 г. (ср)

Закончил статью «Три открытия Акутагавы Рюноскэ» на 38-й странице. Ох и скандал будет!

14 сентября 72 г. (чт)

1. Отвез в Детгиз ПвК на перепечатку. Обещают готовность в среду после обеда 20 сент<ября>.

2. Отвез Сановичу в Гослитиздат статью об Акутагаве. Видел и Грибанова Бориса Тимофеевича. Кажется, Санович с Грибановым действительно не в ладах. Санович сообщил, что включил «Луну в тумане» в сборник «Японской классической прозы» и добивается у Тамары <Редько> перевода «Кота» Нацумэ. И еще обещал выписать на вторник деньги за статью. Хорошо бы.

3. Был в Инокомиссии, обедал. Звонил Биленкину: у него 21-го или 22-го день рождения.

4. Был у Марика. 22-го бракосочетание. Как бы изгильнуться и попасть к Биленкину и к ним?

19 сент. 72 г. (вт)

Сегодня закончил «Принцип Иегуды» Ф. Брауна.

Был у Сановича, получил у него распечатанную рукопись предисловия к Акутагаве. Он замечает по началу и по концу: не энергичное начало и произвольный конец (не надо учить Акутагаву, как жить). Получил деньги 50% от 600 руб.

Вчера письмо от Бориса с текстом письма в Швецию. Надо завтра в Инокомиссию, сделать перевод на английский.

20 сент. 72 г. (ср)

Забрал у машинисток ПвК = 16 руб. Отдал им перевод Брауна: на понедельник. Сообщил Вансловой, что работа сделана. Жду от нее открытку.

Отослал Борису экз. ПвК.

23 сентября 72 г. (сб)

Вчера бракосочетание Марика. Отослал Брандису экземпляр ПкБ. Салганик сделала перевод письма к шведу. Ларин сказал, что новый пред<седатель> комитета по кино отдал приказ о совместных работах с ГДР, Польшей и Венгрией и что, возможно, наш сценарий подпадет под этот приказ.

25 сентября 72 г. (пн)

Вчера весь день читал «Покупщика детей», Крыса спала, а вечером были у Биленкина на дне рожд<ения>. Слегка выпили. Севка переходит ответредактором в журнал «Литературное обозрение» — в тот самый, в который мне заказали статью о японской фантастике.

Странное ощущение — ни перед кем нет никаких обязательств. Сегодня еду отдать Ларину ПвК, а Нилу в клубе УнС. Надлежит еще связаться с Фельдман и еще с Ковалевским, и еще ... ох. Да, а у машинисток взять перевод Брауна. Тоже рублей пять, поди.

30 сентября 72 г. (сб)

Вчера Машка получила первую посылку. Сегодня празднуем. Борис вернулся из Варшавы, намерен побывать у нас неделю с середины октября. ПвК он почел за черновик. Поделом мне. Выяснилось, что отпуск Крысы проведем в декабре. Буду стараться — в Малеевке.

2 окт. 72 (пн)

Съездил в Литфонд, дал заявку на Малеевку на начало декабря. Позвонил в Союз кинематографистов, согласился участвовать в семинаре с 23 октября. Никак не могу взяться за дело. А что — дело? Перевод? Пьеса, вот что нужно писать.

Забавно, перечитал, что было ровно год назад. А время-то идет. Но я в своей квартире. Крепость.

Машке нездоровится. Взял водки, выпил. Пили вино и предвкушали приезд Бориса. Встретил Гуревича в метро. Подарил мне книгу. А где моя книга?

3 окт. 72 (вт)

Письма от Бориса и мамы. Написал им тоже. Сходили с Крысой за жратвой. Машка больна, а бюллетеня никак не получит. Дрянь у нас все это. Чистая дрянь. Никогда сразу толку не добьешься.

10 ноября 72 (пт)

Вчера:
 постригся;
 послал Борису телеграмму, что в Комарово не еду;
 пытался попасть к Ильину — по его же просьбе, но не попал;
 был на мультстудии, где мучительно пытались найти выход из ситуации; в конце концов склоняются на то, чтобы оформить Госзаказ, а там видно будет;
 вечером со Смагиным — Машке репетиторство.

Нынче еду к Венжерам встретиться с Туманяншей. М<ожет> б<ыть,> из ПвК выйдет многосерийка для телевидения?

11 ноября 72 (сб)

Вчера говорил у Венжер с Инной Туманян. Договорились, что она прочтет ДоУ, М и ПвК и даст мне знать.

Письмо Борису, письмо Алпатову.

Рецензия на «Покупщика детей».

Завтра: в «Мир» с рецензией;

к Нине Берковой;

попытаться к Ильину;

на обсуждение Биленкина.

Т. е. не завтра, а в понедельник.

После поездки Бориса в Варшаву долгу у меня 1500 руб.

14 ноября 72 (вт)

Вчера:

1. Был в «Мире». Дж. Херси, оказывается, несколько лет назад печатался где-то в Ленинграде. Впрочем, Девис оплатит рецензию. Ванслова сказала, что рассказ Брауна ей нужен до Нового года. По рассказу Девиса, недавно во Франкфурте-на-Майне была выставка немецкой книги. Там был Мелентьев и администрация «Мира». На стенде «Посева» — книги Солженицына, Окуджавы, Максимова, Гроссмана и Стругацких. И над всем этим — наши увеличенные портреты. Понятно, что Ильин меня вызывает.

2. Был у Нины, рассказал ей всё. Вопрос о псевдониме больше не дискутируется: А. Ярославцев.

3. Был у Ильина. Принял он меня любезно. Предложил писать протест. А наш протест насчет СоТ остался у него, он его не передавал, лежит в моем досье. Досье претолстое. Намекнул, что окажет помощь с «Мол<одой> гв<ардией>».

4. Говорил с Белой. Брандис прислал хорошую рецензию, но к начальству они намереваются пробиваться только через неделю. Знаю я их. А с 26-го у Жемайтиса отпуск. Так и пойдет.

5. Встретил Красину Татьяну Борисовну (радио). Договорились, что сегодня занесу сценарий ПвК.

Сейчас иду к Снесареву. Наверное, зря.

Был у Снесарева, написал расширенную заявку.

Отдал в радиокомитет экз<емпляр> сценария ПвК.

Публицист «Юности» предложил написать статью о фантастике на 12–16 стр<аниц>. Дал ему адрес, пусть напишет, если не передумают.

21 ноября 72 г. (вт)

Сегодня приезжает в командировку Адка. Завтра с утра — за курортными картами, черт бы их подрал.

Пришло письмо от Рытченкова — это по поводу «Встречи миров». Денег нет.

27 ноября 72 г. (пн)

Долгов:

1000 р. — Манину,

300 р. — Литфонд,

100 р. — Стругацкому,

100 р. — Ковалевскому,

220 р. — родителям,

50 р. — Аграновичу,

100 р. — Э. Неизвестному.

[Итого:] 1870 р.

С... из «Авроры» по сё не прислали денег.

Путевки есть, выезжаем 1-го (по 24-е).

28 ноября 72 г. (вт)

Письмо Борису. Отослал ПХХПВ и немецкое издание ТББ, а также «Трижды смертник». Перепечатал и отнес Ильину протест. Он зачитал мне избранные места из «Нового журнала», статья Дж. Гелла (?). Принимали в СП Серезу Абрамова, да так и не приняли. Писал возражение как рекомендатель.

3 декабря 72 г. (ср)

3-й день в Малеевке. Гл<авный> корпус, ком<ната> 32, стол 5. Отоспались. Крыса принимает душ Шарко. Гуляем. Грязь непролазная, ботинки мокрые. По вечерам смотрим фильмы: «Цветок персика», «Майерлинг».

5 декабря 72 г. (вт)

Вчера смотрели «Встреча в горах». Сегодня Крыса гуляла с Сонькой Хохловой, после чего Соня уехала.

Письмо маме. Да, родители деньги вернули. Итого, долгов: $1870 - 220 = 1650$ р.

6 декабря 72 г. (ср)

Письма маме, Алпатову, Романенко в «Лит<ературное> обоз<рение>».

Ходили за Москва-реку, устали. Прикупили бутылочку. Крыса звонила домой — пришла бандероль от мамы, вероятно с «Авророй».

Сценарий «Мальчик из преисподней».

Космонавты случайно спасают на другой планете мальчишку, попавшего в разгар ужасной битвы. Привозят домой. Что делать? Отдают в интернат. Подростки, тринадцать–пятнадцать лет. Учитель — бывший звездолетчик-десантник. Мальчишка дик до ужаса. Первая драка — подлое избиение, но его, конечно, одолевают. Ребята — могучие, физически высокоразвитые. Шефство: троица — двое ребят и девушка. Мальчишка, чтобы усыпить бдительность, подлизывается и подличает. Затем ночью, сделав гадость, удирает. Сначала ищут всем интернатом. Шефы находят, но скрывают по просьбе мальчишки. Когда готовится всепланетный розыск — раскрывают тайну. Учитель разрешает драку между шефом и главой оппонентов. Моральная правота на стороне обоих, а эмоции кипят, надо дать им выход. Но до драки не доходит. Девушка приводит мальчишку. Здесь бы гвоздик какой-нито... а?

Там робот такой самодвижущийся. В конце фильма: робот, обшитый листом жести, с брандспойтом вместо пушки, движется на ребят, а они забрасывают его гранатами. Учитель поражен. В чем дело, что за забавы? «Мы вернемся на Борнео!»

Вечером Крыса дала идею поступить в Институт мировой литературы.

7 декабря 72 г. (чт)

Перевел 6 страниц «Этаина Шрдлу». Смотрели «Тайна фермы Мессе» — отличный фильм с Жаном Габеном, богатая идея — столкновение фермера с гангстерами на его земле; гангстеры, конечно, политически безграмотны, иначе они бы знали, что на фермерах ломали шею целые правительства. Здесь угнетающей жестокости городского бандита противостоит зоологическая жестокость мелкого собственника, консерватора по определению, конформиста.

Гангстеры по сравнению с ним — прогрессисты. Они — порождение нового, меняющегося мира, который фермер так ненавидит. Они вторгаются в его застывший, прошлый мир и, конечно, погибают.

8 декабря 72 г. (пт)

Смотрели «День, когда всплыла рыба». Смачно. Не работал, гулял полтора часа с Крысой до продмага. Купили водочки, полакомились закуской — консервы нототении в томатном соусе 73 коп. в красивой банке.

9 декабря 72 г. (сб)

Ленка звонила домой. Выяснилось: надо дозвониться срочно до Белы и звонили из «Литературки». На «Литературку», впрочем, плевать, а Беле я дозвонился (телефон узнал у Юры Давыдова — 15 коп.). Она посылает мне формальное письмо; рукопись; с конца января рукопись начнем готовить в печать. Все это потому, что Инна Федоровна Авраменко идет к Ганичеву добиваться нам договора.

Наши соседи по столу Инна и Миша Андраша, писатель-юморист. Подарил мне книгу.

Смотрели «Гений дзюдо» 2 серии. Смачннссимо!

Сделал 7 страниц «Этаина Шрдлу». Беда с техническим жаргоном.

10 декабря 72 г. (вс)

Выпал обильный снег и начал сразу таять. Гуляли за рекой три часа. Сделал 5 страниц «Этаина». Смотрели пошлятину: «Каждый вечер в 11» (телефон, он и она).

13 декабря 72 г. (ср)

Сегодня в ЛГ наш протест. Очень неприятное ощущение: будто всенародно в чем-то оправдываешься. В чем?

Вчера смотрели «Три мушкетера». Сегодня — великолепный венгерский детектив «Подозреваются все».

Закончил «Этаина», по энциклопедии определил большинство терминов. Машинка есть — дала библиотечарша. А вот бумаги достать негде. Завтра попробую обратиться в контору. Глеб Голубев дал копирку.

14 декабря 72 г. (чт)

Русское отступление — 4 часа прогулки, из них 2.5 тяжелого хода из ст<анции> Рузы по гористому западному берегу Москва-реки.

Смотрели «Замороженный» — восхитительную фантастическую комедию.

15 декабря 72 г. (пт)

Погода поистине богомерзкая. Ленка гуляла с Андраша, а я остался дома. Письма Алпатову и маме. Хотели выпить, но продмаг был закрыт. Смотрели «Хлеб, любовь и фантазия» с молодой Лоллобриджидой. Жена Голубева привезла бумагу, дай бог ей здоровья. Теперь печатать.

16 декабря 72 г. (сб)

Гуляли, сорвались на водочку. Смотрели «Этот безумный... мир». Мне понравилось, Крысе — нет.

20 декабря 72 г. (ср)

В воскресенье смотрели «Марыся и Наполеон». Закончил перепечатывать «Этаина», машинку брал у Глеба Голубева. Было письмо от Бориса и письмо Борису. Много выпивали. Осталось 5 руб<лей>. Вчера смотрели «Не оглядывайся назад» — болгарский, про партизан.

26 декабря 72 г. (вт)

Вернулись без приключений 24-го вечером — точно в 22.00. Машка уже нас ждала.

Вчера виделся со многими и многим звонил. В общем картина довольно безотрадная. Но вечером встретился с директором конкурса на сценарий о раб<очем> классе [вставлено: «Раиса Ивановна Куприенко. 2299912 д. 6б»] и сообщил ей приметы. «Будущее за нас» и «Товарищ Павел». Посмотрим.

Хуже всего обстоит с деньгами. Сегодня снял с книжки последние 90 р<ублей>. Думаю предложить Ковалевскому библиотечку английской фантастики — и в счет долга, и наличными, даст бог, что-либо отломится.

Ближайшие планы:

27-го:

— 12.00 к Венжер в Дом кино, 3 эт. ком. 17.

— 14.00 в «Японский альманах».

28-го:

— 11.00 к Игельницкой.

— 14.00 к Ковалевскому.

29-го:

— в Детгиз за рукописью Лукодянова и Войскунского, не забыть № 10 для Нины и комплект для ММ <Калакуцкой>.

— в «Мол<одую> гв<ардию>» верстку ПНО для БВФ.

— связаться с Мариком Ткачевым.

Следует иметь еще в виду 6-е творческое объединение «Мосфильма» (писательское), редактор Нина Земленко, 1439130.

Зашел Миша Емцев, занес верстку 1-й главы ПНО для БВФ. Когда и если выйдет — что-то по 800 р. на нос получить должно.

27 декабря 72 г. (ср)

Еще позавчера отнес «Этаин» Вансловой. Хотел взять у Девиса что-либо на рецензию, но его не было.

Сегодня виделся с Венжер. Она утверждает, что если будет с нами потепление, то студия Горького с нами будет сильно иметь дело. Настоятельно предлагала попросить приема у Косаревой и поговорить о судьбе мультфильма. Ее слово решает.

Письмо от Бориса.

Прощупывал ходы насчет Института мировой литературы и Института Дальнего Востока. Все лазы упираются в Курганцева.

29 декабря 72 г. (пт)

Намечается какой-то поворот.

1) Звонил Косаревой. Очень любезно предложила позвонить 2 января и условиться о встрече.

2) Звонил в УОАП. Обещали выяснить с Венгрией к концу января.

3) Звонил Лиде и Мише Грозовым, а также Томашевскому. Будут хлопотать обо мне в ИМЛ.

4) Звонил в Межкнигу. Нам вышел большой гонорар. Посмотрим.

Аркадий Стругацкий
Записная книжка, 1972–1973

[30.01.72] (вс)

15.00 — к Нине Берковой.

[31.01.72]

10.00 к Шуткиной, Литфонд.

Вечер к Ивченке по поводу сценария.

[1.02.72]

11.00 к Грозовой.

15.00 к Кургановой.

[2.02.72]

С утра (10.00 звонить Шилейке).

К 14.00 в Литфонд.

[3.02.72]

Ок<оло> 12.00 в радио на Качалова.

[6.02.72] (вс)

Позвонить Ковалевскому, договориться о встрече.

[9.02.72]

10.00–12.00 в «Сов<етскую> Россию».

[10.02.72]

15.00 на радио, 6-я дикторская.
В АПН за гонораром.
Позвонить и встретиться с Ковалевским.
Берман Феликс Соломонович.

[11.02.72]

АПН — гонорар.

[12.02.72]

Новоселье у Ревича.

[14.02.72]

12.00 к Владим. Павловичу <Ковалевскому>. Малый Вузовский 8/2 кв. <...>.
М. Кировская, ост<ановка> Воронцово поле.

[15.02.72]

В Инокомиссию, выяснить насчет Польши.

[22.02.72]

Вера Игельницкая — 998678.

[24.02.72]

Работа с Лариным.

[25.02.72]

К Ковалевскому 18.00–19.00 с Ленкой.

[28.02.72]

Приезд в Киев. Обсуждение сценария. Принят 1-й вариант.

[29.02.72]

Работа над сценарием.

[1.03.72]

Работа над сценарием.
Беседа с Ковтуном и дополнительная правка. Банкет в «Охотнике».

[2.03.72]

Беседа с Кувыком (глав<ный> ред<актор>).
Ожидание денег. Директор подписал заключение только к вечеру.

[6.03.72]

Отъезд в Ленинград.

[14.03.72]

Уборка сортиров и ванны.

[15.03.72]

~ 40 руб. за материал для лакировки.

[19.03.72] (вс)

80 руб. за циклевку и лакировку полов.

[20.03.72]

Перевезли книги.
~ 10 руб. за такси, 10 угощение ребятам.

[21.03.72]

Полный переезд и первая ночевка на квартире.
5 руб. за такси.

[22.03.72]

25 р. за обивку двери.
Очень много возни с замком.

[26.03.72]

14.00 звонить Нине Берковой.

[28.03.72]

Куплен и доставлен холодильник «Минск-5».
265 р. + 60 р. за покупку прав и доставку.

[29.03.72]

С Крысой купили лежбище для кухни и 4 табуретки. 110 + 16 + 10 за перевозку.

[30.03.72]

Купил стол 45 р. и 4 стула по 14 р., всего 101 р. + 26 р. за перевозку и наценки.

[31.03.72]

Поездка в Калугу. Петя Вегин, Дина Анатольевна Терещенко, Юрий Михайлович Ройзен. Выступления: Дом культуры железнодорожников, областная библиотека.

[2.04.72]

Выезд в Обнинск.

[7.04.72]

11.00 — отвезти «Аврору» в ЦДЛ.

19.00 — М. «Измайловский парк», передний вагон. Аронэ.

[11.04.72]

10.00 — «Знание».

Отъезд в Л<енингра>д.

Заявка на радио!

[24.04.72]

Гессен [иероглифами «день рождения»].

[30.04.72]

Покупка «Россарио».

1300 р. = 1200 р. номинал + 100 р. в лапу + 15.80 за перевозку.

[3.05.72]

«Россарио» доставлен: 10 р. грузчиком. Недовольны. А собирали стенку мы с Крысой!

[4.05.72]

Отъезд в Киев.

[7.05.72]

Проводка телеантенны — 20 руб.

[14.05.72]

Начал писать сценарий ПвК.

[15.05.72]

Отослал билет в Киев.

[5.06.72]

Принести Нине сказку «Погоня в Космосе».

[11.06.72]

Позвонить Крысе — № диплома.

[13.06.72]

Вторник. Приедет Нина — 11.00–12.00.
Машке: паспорт, клей.

[18.06.72]

Котеночкин.
Звездный бульвар 12 <...>.

[26.06.72] (пн)

К 11.00 приедет мама.

[30.07.72]

Ашмарин, в гости, д. 113 кв. <...>. 20.00.

[14.08.72] (пн)

В «Мультфильм» за рукописью с машинки и к Беле <Клюевой> в «Мол<одую> гв<ардию>».

[16.08.72] (ср)

15.00 — <к> Ковалевскому, взять Лейнстера.

[Недатированная запись]

Какой же был я деревенщиной,
Каким же был я дурачиной,
Считая Карпову женщиной,
А Вознесенского мужчиной.

Аркадий Стругацкий Рабочие записи, 1972

Рукопись, найденная при странных обстоятельствах.

Планы романа научно-фантастического, изложенные как фактические происшествия.

1.10. Вызывают.

2.10. Был. Понравилось. Угощали бутербродами с так называемой красной икрой. Где-то читал о ней или слышал. Действительно, очень вкусно.

Анекдоты принимает за действительные происшествия и поражается.

Выступление в Доме ученых. Про Захарченко. «Мой друг Брэдбери, мой друг Саймак». Так и ждали «Мой друг Саваоф».

Роман, который пишет: как на некоей планете эвакуируют насильственно людей в будущее. От первого лица. Размышления и переживания. Описание планеты.

Анекдот № 1. Про артиста, предлагающего номер: кошка играет на рояле, собака поет. На поверку поет тоже кошка.

О людях: Странные люди. Странный народ, эти люди. «О люди, жалкое отродье крокодилов!» и т. д. «Человек создан для счастья, как птица для полета».

В город привезли льва, гориллу и попугая. Лев с гориллой немедленно составили заговор с целью поднять мятеж и захватить город, но попугай все подслушивал и передавал людям. За день до мятежа льва и гориллу разлучили и отправили в разные города, а попугая подарили старой деде.

1. Человек, который, умирая, усилием воли может взять в себя душу любого другого человека; тот умирает, а герой оживает — но в нем что-то прибавляется от умершего. И так далее. Первое воскрешение — еще ребенком, не зная, что творит, — взял душу доктора или родителя, а потом уже, много позже, догадался и стал действовать соответственно. Гвоздь в том, что берет души врагов и набирается вражеских мировоззрений, превращается во врага прежних идей, а потом все идет наоборот.

2. Человек, попавший в нечеловеческий мир, à la лагерь. Все невероятно по душевным и физическим ощущениям. Не обязательно мучения, создать общую модель.

3. Революционер и его психология. Непосредственный импульс — не свержение существующего строя с целью осчастливить человечество, а месть. Дать в морду городовому — о, блаженство! — задушить шпика, разбить голову домохозяйину и мастеру на заводе. В результате — нарком путей сообщения.

[«Мензура Зоили», Комарово 23.05–3.06.72]

Действующие лица:

Изобретатель.

Абсолютно хороший писатель.

Его любовница.

Старый пионер.
 Продажный критик.
 Искренний критик-дурак.
 Относит<ельно> хорошая писательница.
 Абс<олютно> плохой писатель.
 Ответственный товарищ.
 Директор д<ома> т<ворчества> (или сестра-хозяйка?).
 Коридорная-дежурная.
 Редактор крупного издательства (зав<едующий> редакцией).
 Старуха-классик (орет из-за кулис, появляется только в конце, ей все время носят то жратву, то лекарства)¹.

Абсолютная художественная ценность.

Относительная общественная ценность.

[Две последние строки обведены справа фигурной скобкой с пометой «конфликт».]

Два конфликтующих положительных героя.

Один — а la Изя Кацман, элитист, «храмовник».

Второй — адепт преобразующей и воспитательной роли литературы.

Соответственно, подходы:

а) элитарный,

б) утилитарный.

«А мы будем воспитывать читателя таким образом, чтобы элитарная литература была ему неинтересна, а читал бы он запоем литературу дидактическую».

Для наших целей ваша эта menzura Zoili бесполезна и даже вредна.

Цель литературы — сама литература; исследование жизни и воплощение ее в образах.

А зачем? На кой ляд ее воплощать в образах?

Да, если говорить честно — Гамлет нам не нужен и вреден. Сейчас не 19-й век. Время грозное. Нужно искать средства управлять массами. Гамлет — мешает.

Один из персонажей, уверенный в своем таланте из-за успеха в читательской среде (как Г. Николаева) и обласканный властями, померяв свою книгу на мензуре и увидев, что истинная цена ей — дерьмо, пытается покончить самоубийством.

Символично, что разрушил мензурю дурак — старый пионер, спутав ее с обычными весами.

¹ В первом варианте список был таков:

1. Изобретатель.

2. Большой писатель, не признанный (не печатаемый).

3. Его любовница.

4. Старый пионер.

5. Критик.

6. Писатель-дурак.

7. Популярная писательница.

8. Плохой популярный писатель.

9. Ответственный товарищ.

10. Сестра-хозяйка.

11. Коридорная.

12. Зав<едующий> редакцией крупного издательства.

13. Старуха-классик (ей носят обеды, она орет за кулисами, появляется только в конце).

Внешний ход: показать, как изменяется отношение действующих лиц к мензуре. Сначала восторг и удивление, затем озадаченность, опаска и ужас, затем ненависть.

Идея о том, что абсолютная художественная ценность — абсурд. Она всегда относительна — в отношении кого?¹

В конце — убийство изобретателя мензуры. Ночью, на раскладушке. Три удара ножом.

В эпилоге: пустая раскладушка, с нее свешивается окровавленная простыня.

День рождения Николаевой: с близрасполож<енного> завода дарят цветы, идут телеграммы, сообщают, что роман ... подан на соискание гос<ударственной> премии.

К наст<оющему> писателю приезжает любовница, а la А...ва. Она влюбляется в изобретателя.

Товарищ сверху (про убийство): «Что ж, это упрощает. Его все равно пришлось бы убить. В науке есть запретные области. И эта — одна из них (а еще — эксперименты над людьми и т. д.).»

Николаева должна быть очень обаятельна. Ну, как Руфь Александровна <Зернова>, скажем.

О социальном: хор<оший> писатель — пьяница и распутник, т. к. обществу не нужны его шедевры; плох<ой> писатель — потому что он знает, что он — г..., комплекс неполноценности, он же тоже не нужен обществу². А вот Николаева знает, что она нужна обществу. К кризису ее подвело ошеломительное открытие, что ее вещи — очень не шедевры. И, далее, что общество в шедеврах не нуждается, а нуждается в ее дерьме. И тут психологические шоры: раз это не соответствует моим убеждениям и мнению общества, значит, его нужно уничтожить³.

Я хороший писатель? Я творец?

Да, о да, безусловно!

Но если я хороший писатель и меня читают и зачитываются миллионы, а абсолютная худ<ожественная> ценность моих вещей равна нулю, то...

Антиномия. Столкновение противоположных равноправных сил.

А может быть, не убийство, а изгнание Кацмана?

Он могучий интеллект, но безвольный, извиняющийся человек, наивный и запуганный.

Все изгоняют его. Даже хор<оший> писатель и А...ва. Он никому не нужен и всем вреден. Или уходит к А...вой? Как ее пара — у нее тоже что-то подобное...

Хор<оший> писатель: Раньше я сомневался, талант ли я. Теперь не сомневаюсь — мои вещи талантливы. Но я и раньше не сомневался, что они никому не нужны. И теперь в

¹ В первом варианте последняя фраза такова: «Она всегда относительна. — В отношении чего? — А в отношении чего абсолютна?»

² В первом варианте фрагмент был таков: «Большой писатель — пьяница и брызга, так как обществу его шедевры не нужны, так его уверяют. Плохой писатель — тоже пьяница и брызга, так как знает, что его никто не читает, хотя его и издают».

³ В первом варианте имелось дополнение: «Успокаивающая идея: если шедевры существуют, но не нужны обществу... да мало ли что существует, но не нужно обществу?»

ужасающей наготе передо мной предстает факт: вещи талантливы, но не нужны. От этого только спиться можно¹.

Литература должна давать модели поведения².

Борис Стругацкий Дневник, 1969–1974

7.02.72

За последнюю неделю:

1. Передал Н марки.
2. Общался с Никольским — он обещал сделать пометки на этой неделе.

12.02.72

Работаю над ПНО; из 116 замечаний учел 82.

Пришло письмо из М<arion> v<on> S<chröder>. Фото опоздало, но надеются использовать.

Рецензии присылать будут. Новые повести читают.

14.02.72

Написал Арку.

Отнес ПНО в Авр<ору>. Ник<ольский> обещал (если все будет ОК) одобрение к 7.03.

15.02.72

Получил какие-то 691.36 из Вильнюса.

22.02.72

Звонил Никольский. Еще 2–3 замечания. Косарева больна, все будет решать Островский.

Написал Арку.

29.02.72

Звонил Островскому. Обещал позвонить и встретиться до 6-го.

3.03.72

Пришла ДР из ГДР.

¹ В первом варианте фрагмент был таков: «Большой писатель: Раньше никто мне не верил, что я талантлив. Теперь это доказано объективно. Но я и раньше не сомневался, что я талантлив, а вещи мои никому не нужны. И теперь передо мной во всей наготе ужасный факт: талант никому не нужен. От этого спиться можно».

² В первом варианте на обороте одного из листов имелась запись: «Негры! Обязательно!»

Островский назначил свидание 6-го в 14.30.

6.03.72

Общался с Островским. Еще куча замечаний. Я обещал учесть в течение недели. Он обещал выписать одобрение, не дожидаясь, деньги в 20-х числах.

7.03.72

Дмитр<евский> готовит на след<ующий> год совещ<ание> по ф<антасти>ке в Ленингр<аде>. Основной доклад — Ефремова.

Ответил Арку.

14.03.72

Отнес ПНО в «Аврору». 35% вроде выписаны.

Получил письмо от Дагана. Рецензии носят общий характер. К. Эмис.

Посылаю <Дагану> ПНВС и предлагаю «<Песенку про> нечисть» Высоцкого.

15.03.72

Написал письмо Арку.

25.03.72

Написал Арку.

3.04.72

Арку деньги из «Авроры» перевели. Мне — зайти в Лениздат, комн<ата> 438, 6 апр<еля> (Марг<арита> Петровна).

25.04.72

Адка отослала телеграмму в Польшу. Назначен выезд на сентябрь.

4.05.72

Отнес заявку на «ПХХПВ» и «М» в Детгиз.

Отдал ООН — Н (225–250).

5.05.72

Отослал репродукции Д. Был в ОВИРе.

6.05.72

Послал Арку письмо.

11.07.72

Послал Арку письмо; Заикину — ГЛ.
Звонили из «Костра», просили иметь в виду — рассказ, повесть.
Плюснина обещает устроить договор. Звонить ей завтра после 11.

14.07.72

Подписал проект договора в Л<ен>Д<ет>Г<из> — на 20 а. л. М<ожет> б<ыть> придется сократить ПХХПВ листа на 3–4.

29.07.72

Письмо Арку.

12.09.72

История с ПНО в «Ленфильме». Света <Пономаренко>: Авербах прочитал, но сомневается в кинематографичности финала. Будет звонить в первых числах октября.

Звонил Брандис. Бела <Клюева> предложила ему (по поручению Авраменко) написать рецензию, переходящую в предисловие (объективно, доброжелательно, но критически). Дала срок 2–3 недели. Дикая путаница с рукописями.

Письмо Арку.

30.10.72

Экзы в «Авроре» есть. Путевки с 10-го есть. Авербах доснимает фильм, занят. Гребенщиков <...>, не принятый в СП, обложил ПНО в «Лен<инградской> пр<авде>» за недостаточную соц<иально>-полит<ическую> заостренность.

2.11.72

Письмо Арку.

8.11.72

Брандис получил письмо от Белы: «Рец<ензия> хороша, м<ожет> б<ыть> основой для предисловия в дальнейшем».

9.11.72

Звонил Никольский, просил выступить и заявку на что-нибудь.

12.11.72

Свидание с Авербахом 13-го в 11.30.

13.11.72

Беседа с Авербахом. Нравятся наши миры (УнС, ПнО). Реальных предложений нет. Встретимся после 1 декабря. Он за это время прочтет ХВВ и ГЛ.

14.11.72

Письмо Арку.

16.11.72

Дмитр<евский> передал таинств<енные> слова Арка о посещении Ильина. Обижен, по-моему.

Косарева курирует детск<ие>, юнош<еские> и мультфильмы.

Предложения Демичеву по поводу Ефремова: улица, корабль, премия.

22.11.72

Получил деньги за ПнО. Арку перевели 19-го.

25.11.72

Письмо Арку.

1.12.72

Отправил заказное в MvS-verlag.

5.12.72

Отдал в распечатку «Трижды <смертник>».

8.12.72

Звонили из ЛитГаз, просили изменить дату отмежевания. Обещают дать 13.12.72.

13.12.72

Послал:

1) Письмо Арку.

2) Сценарий в Г<осударственном> К<омитете по> К<инематографии>.

3) Письмо Дагану.

4) Шефнера Дагану.

29.12.72

Письмо из Econ Classen.

Тексты подготовлены: В. Курильский

IV. Приложения

Необходимые пояснения

Этот том собрания сочинений содержит следующие приложения: Комментарии и примечания, Библиография, Указатель имен, Указатель заглавий произведений и их аббревиатур.

Комментарии и примечания касаются специальных терминов, реалий прошлых лет, явных и скрытых цитат, авторских неологизмов и пр. Прослежены пересечения между дневниковыми записями и собственно художественными произведениями Стругацких.

В примечаниях использован ряд ранее опубликованных материалов из следующих источников:

Миры братьев Стругацких. Энциклопедия: В 2 т. / Сост. В. Борисов. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»»; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

Курильский В. Комментарии // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 10 т. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006, 2007.

Подробная информация о библиографии, очередной фрагмент которой предлагается вниманию читателей, содержится в томе 1. Здесь же упоминается лишь самое существенное, что следует знать для поиска нужной информации.

Библиография разделена на фрагменты в соответствии с периодом времени, охватываемым тем или иным томом. Фрагмент может включать до четырех разделов: первый рассматривает художественные произведения Стругацких, второй — их статьи, интервью, выступления и т. п., третий — работу в качестве переводчиков, а четвертый — редакционно-составительскую деятельность. В первых двух разделах произведения, созданные Стругацкими вместе и по отдельности, находятся в разных подразделах. Если фрагмент библиографии охватывает несколько лет, то материал в соответствующих разделах и/или подразделах разбивается по годам и нумеруется независимо. Таким образом, каждая библиографическая позиция имеет уникальный в пределах данного года, раздела и подраздела номер, состоящий из трех частей, разделенных точками.

Указатель имен относится только к реальным персоналиям, упомянутым в художественной прозе Стругацких, их публицистике и переписке. Характеристики даются вынужденно краткие, но позволяющие заинтересованному читателю отыскать в специальной литературе и Интернете более подробную информацию. Определения «российский», «русский», «советский» опущены.

Братья Стругацкие в переписке предпочитали использовать вместо полных заглавий своих произведений аббревиатуры. Указатель таких аббревиатур и ранних (впоследствии измененных) названий поможет читателю ориентироваться в весьма обширном и сложном их массиве.

Следует также отметить, что в комментариях и указателях всех томов широко используется уже традиционное для любителей творчества Стругацких сокращение имен авторов до аббревиатур: А. и Б. Стругацкие — АБС, А. Н. Стругацкий — АНС, Б. Н. Стругацкий — БНС.

Комментарии и примечания

Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу

Машинопись из папки «Чародеи».

Написано в 1972 г.

Первые публикации — журнальная: Уральский следопыт (Свердловск). — 1990. — № 5; книжная: Собрание сочинений; Т. 1 дополнительный. — М.: Текст, 1993.

С. 3–6. *Лукоморье, изба на куриных ногах, дуб, кот, Наина, чудеса, сказки, песни* — развернутая реминисценция «Руслана и Людмилы» А. Пушкина.

С. 3. *Изба на куриных ногах* — **БНС**, офлайн-интервью от 10.03.2004: *Вопрос*: ...на вопрос о Бабе Яге прозвучало следующее — то, что ИЗБА, которая строилась в те времена на четырех столбах, окуривалась ДЫМОМ, так как это был какой-то древний обряд. Поэтому изба называлась на КУРЬИХ ножках. Но в сказках (в том числе и в Вашей ПНвС) мы встречаем избушку на КУРИНЫХ ногах. Объясните, пожалуйста, где здесь истина! *Ответ*: Истина, я полагаю, в КУРЬИХ ногах, а ноги куриные — более поздняя и, следовательно, вторичная выдумка. Мы взяли ноги

куриные, во-первых, потому что это привычнее, а во-вторых — потому что смешнее. **Сост.:** См. также в т. 6 записную книжку БНС 1960–1962 гг.: «История архитектурных излишеств», гл. I. Курьи ножки».

С. 4. *По здорову ли, баушка Наина свет Киевна?* — На вопрос «По здорову ли?» в средневековой Руси полагалось отвечать: «Дай Бог тебе здоровья на многие лета: по благодати Божией и твоей милости по здорову». Формула «по здорову ли» использовалась многими беллетристами, изображавшими «старое житье». Ср., например, в относительно близкой хронологически к ПНВС «России молодой» Юрия Германа: «По-здорову ли дошли, детушки? — спросил дед Мокий, радостно оглядывая статных, плечистых рыбаков...» (...) Отчество «Киевна», отсылающее, опять же, к временам «Руслана и Людмилы», встречается и у А. Н. Толстого, в «Хождении по мукам»: «Елизавета Киевна». (Прочитирован Живой Журнал О. Лекманова, сетевая ссылка: <http://alik-manov.livejournal.com/144955.html>)

С. 4. *Атомиум, Брюссель* — сооружение А. Ватеркейна, спроектированное к открытию Всемирной выставки 1958 г. в Брюсселе, представляющее собой модель фрагмента кристаллической решетки железа, увеличенного в 165 миллиардов раз.

С. 4. *А не надо ~ а позолоти ручку, яхонтовый...* — Контаминация стандартной советской анкеты с цыганским гаданием.

С. 6. *Бывали-живали царь да царица... У царя, у царицы был один сын... (...) «Ха-ха-ха! Будет чем полакомиться: конь — на обед, молодец — на ужин...» (...) Три головы долой, Иван вынимает три сердца и...* — Русская народная сказка «Притворная болезнь».

С. 6. *Кря-кря, мои деточки (...) Кря-кря, голубяточки! (...) Я слезой вас отпаивала... Вернее, выпаивала... (...) Сладок кус не доедала!* — Русская народная сказка «Белая уточка».

С. 8. *Умклайдет* — **БНС**, онлайн-интервью от 27.05.1999: *Вопрос:* Подскажите, пожалуйста, почему «умклайдет» из повести-сказки «Понедельник начинается в субботу» и сценария «Чародеи» был назван именно так, а не иначе? *Ответ:* Насколько я помню, название это возникло так: я взял немецко-русский словарь, раскрыл его наугад и наткнулся на слово *umkleiden*. Звучание нам понравилось, мы поиграли этим словом так и сяк — образовался «умкляйдет». Никакого смысла в это слово мы не вкладывали. **Сост.:** *Umkleiden* означает «переодевать», а также «обивать, обтягивать» и «окружать».

С. 9. *Хома Брут* — персонаж повести Н. Гоголя «Вий», а также ПНВС.

С. 11. *Смазные сапоги* — деталь русской купеческой или деревенской одежды XIX–XX вв.

С. 13. *Мальчик-с-пальчик в сапогах* — контаминация заглавий сказок Ш. Перро «Мальчик-с-пальчик» и «Кот в сапогах».

С. 14. *Ифрит* — см. «Краткое послесловие и комментарий Привалова» к ПНВС: Ифрит — разновидность джинна. Как правило, ифриты — это хорошо сохранившиеся дубли крупнейших арабских военачальников. В институте используются М. М. Камноедовым в качестве вооруженной охраны, так как отличаются от прочих джиннов высокой дисциплинированностью. Механизм огнеметания ифритов изучен слабо и вряд ли будет когда-либо изучен досконально, потому что никому не нужен.

С. 15. «*Уравнения математической магии*» — пародируется название раздела математики «Уравнения математической физики».

С. 15. *...распределяет машинное время.* — Борьба за дефицитное машинное время на больших компьютерах — реалья научных учреждений 1960–1980 гг.

С. 16. *Ничего, ничего, это не товарищи (...) / — Ну, граждане... / — И не граждане...* — В Советском Союзе наряду с общепринятым обращением «товарищ» бывало и более официальное — «гражданин», употреблявшееся чаще в сферах внутренних дел, в судебной и сфере исполнения наказаний. Здесь — игра слов: Привалов подразумевает, что дубли — это не совсем люди, «человек с портфелем» — что в очереди перед ним ограниченно-свободный контингент.

С. 18. *Мы, конечно, стираем противоречия... между умственным и физическим...* — Набор идеологических клише. Ср., например, слова В. Ленина из статьи «Великий почин»: «Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда».

С. 20. *...у его внутри.* — Автоцитата из СОТ.

С. 20. *Покой у нас, как и полагается быть, относителен, движение у нас абсолютно.* — «Движение абсолютно, покой относителен» — тезис диалектического материализма.

С. 20. «*Мы с милым расставались, клялись в любви своей...*» — «За дальнею околицей», слова Г. Акулова, музыка Н. Будашкина: «Мы с милым, расставаясь, клялись в любви своей».

С. 21. *Старая «Волга», новая «Волга»* — бытовые именованья моделей ГАЗ–21 и ГАЗ–24 соответственно.

С. 22. *Глиняный Голем из сказок* — в еврейской мифологии — человек из глины, оживленный с помощью тайных каббалистических знаний. Распространена легенда о средневековом раввине, создавшем Голема для защиты Пражского гетто.

С. 23. *Генератор Ван де Граафа* — электростатический генератор, способный создавать высокое напряжение.

С. 24. *Мы здесь посоветовались с народом, и есть мнение...* — Фразы «Мы <тут/здесь> посоветовались с народом» и «есть мнение» часто употребляются при передаче речи И. Сталина в художественной и документальной литературе.

С. 25. *...рвет из бороды волосок...* — Аллюзия на сказку Л. Лагина «Старик Хоттабыч».

С. 28. *Нынче многие по конторам наладились спать с открытыми глазами.* — Приблизительная автоцитата из СОР.

Из архива

Аркадий Стругацкий. Сделка с дьяволом

Либретто короткометражного мультфильма. Машинопись из папки «Миниатюры, заявки».

Написано в июле 1972 г. См. записи от 13.07 и 20.07.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Чародеи

Машинопись из папки «Киносценарии АНС».

Написано в 1978 г. Доработано в 1979 г.

Публикуется впервые.

С. 33. *Маврикиевна* — возможно, отсылка к эстраднему персонажу «Вероника Маврикиевна» (в исполнении актера В. Тонкова, работавшего в паре с Б. Владимировым в 1971–1985 гг.).

С. 33. *Дядька Беломор* — переделанное имя персонажа вступления к поэме А. Пушкина «Руслан и Людмила» («дядька Черномор»).

С. 34. *Я пригласил вас ~ Что значит — ревизор?* — Слегка измененное начало пьесы Н. Гоголя «Ревизор».

С. 34. *АКАДЕМСНАБ* — здесь: управление снабжения Академии наук СССР.

С. 34. *Ву компрэзэ (...)?* — Искаженное «Вы понимаете?» (*фр.*).

С. 37. *Хома Брут* — см. примечание к с. 9.

С. 40. *Ай тэйк саммер фром зай харт энд пут уинтер онту им!* — I take summer from thy heart and put winter onto it! (*англ.*)

С. 45. *Пьексы* — от финск. *pieksu* — лыжные ботинки с загнутыми кверху носами, которые не дают ботинку выскочить из поперечной петли; были распространены в начале XX века.

С. 48. *Антр ну* — *entre nous* — между нами (*фр.*).

С. 50. *...превращать воду в вино...* — Отсылка к Евангелию от Иоанна (гл. 2, ст. 1–11).

С. 52. *Кое-какеры* — неологизм Стругацких. Впервые использован в «Стажерах». Использован также в ОЗ.

С. 53. *Манишка* — нагрудник, как правило, белый, пришиваемый или пристегиваемый под верхнюю одежду вместо сорочки.

С. 59. *...и обязанностью своей как патриотов почитаем заботиться, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...* — Реминисценция «Ревизора» Н. Гоголя: «Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...» (действ. 2, явл. 8).

С. 61. *Солнцедар* — марка дешевого крепленого вина крайне низкого сорта.

С. 63. *...сорок семь копеек...* — Очень дорого. По стабильным советским ценам, в столовой яйца стоили 13 копеек за штуку, хлеб — 1 копейка кусок, чай — 3–4 копейки.

С. 65. *Взыскать посмертно!* — Ср. УНС, проект Директивы о привнесении порядка: «Осуждение, либо взыскание, в этом случае производится посмертно».

С. 72. *Бецалель, Джян бен Джян.* — Упоминаются в ПНВС.

С. 82. *...безешку влепить!* — Возможно, реминисценция романа Н. Гоголя «Мертвые души»: «Да, Чичиков, уж ты не противься, одну безешку позволь напечатлеть тебе в белоснежную щеку твою!» (т. 1, гл. 8).

С. 83. *...Нам удалось вернуть в лоно семьи одного нашего сотрудника, филателиста-тиффоци...* — Ср. в СОР-2: «С помощью этого опытного реморализатора Эдику удалось излечить одного филателиста-тиффоци, вернуть в лоно семьи двух слетевших с нарезки хоккейных болельщиков и ввести в рамки застарелого клеветника».

С. 88. ...*все человеческое мне не чуждо*. — «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» (лат. Homo sum, humani nihil a me alienum puto) — фраза из комедии римского писателя Теренция «Самоистязатель» (1, 1, 25), которая является переделкой комедии греческого писателя Менандра.

Варианты рукописей и изданий

Сценарии «Понедельник начинается в субботу» и «Чародеи»

С. 93. «Без гнева и пристрастия» — Sine ira et studio (лат.). Впервые встречается в «Анналах» Тацита.

С. 93, 95. ...*в письмах второй половины 1971 года...*; ...*запись в дневнике АНС от 7 мая 1971 года...* — Переписку и дневники за 1971 г. см. в т. 17.

С. 94. АНС, сообщая брату 13 октября 1960 года... — Переписку за 1960 г. см. в т. 4.

С. 94. АНС 10 января 1961 года писал брату... — Переписку за 1961 г. см. в т. 5.

С. 94. ...*через пару лет в переписке АБС появляется фраза: «Как мы ни крутились, а нам придется заняться кино»...* — См. в т. 7 письмо АНС от 18.09.63.

С. 94. БНС писал 21 августа 1964 года... — Переписку за 1964 г. см. в т. 8.

С. 94. ...*в письме БНС от 4 ноября 1965 года...* — Переписку за 1965 г. см. в т. 9.

С. 94. В начале 1966 года (...). 24 января БНС пишет... — Переписку за 1966 г. см. в т. 10.

С. 95. ...*чехословацкие события 1968 года...* — 1 августа 1968 г. в Чехословакию были введены войска стран Варшавского Договора для подавления так называемой «Пражской весны».

С. 95. В начале 1970 года в переписке Авторов... — Переписку за 1970 г. см. в т. 16.

С. 95. ...*интервью «Нам всегда хватало славы» («Коммерсант-daily», 1997, 16 октября)...* — См. раздел публицистики т. 30.

С. 95. «Евангелие от Робеспьера» — Гладилин А. Евангелие от Робеспьера. — М.: Политиздат, 1970.

С. 95. «Технология власти» — неопубликованная в то время книга А. Авторханова.

С. 97. ...*уэллсовский обыватель получает дар творить чудеса...* — Отсылка к рассказу «Человек, который мог творить чудеса».

С. 97, 101. Изба на Курьих Ногах; Изба на куриных ногах — см. примечание к с. 3.

С. 97. Хома Брут — см. примечание к с. 9.

С. 99, 116. Мы не Декарты, не Ньютоны мы ~ Хватаем звездочки с небес (...) В целях природы обуздания ~ И тупо смотрим, что к чему... — Использован «Веселый марш монтажников» из к/ф «Высота». Слова В. Котова, музыка Р. Щедрина. См. также в т. 6 «Сочинения времен ГАО».

С. 99. Вы нас не подбросите до Соловца? — БНС, офлайн-интервью от 27.11.2010: Вопрос: Много бывал в Карелии и навсегда ее полюбил. Городок Соловец имеет какой-то конкретный прототип (может быть, карельский Олонец? или Повенец?) или это собирательный образ? Ответ: Я тоже много раз бывал в Карелии и тоже ее люблю. Соловец наш, конечно, образ собирательный и несколько фантастический. Но если отвлечься от деталей вроде НИИЧАВО, то «все так оно и было в начале 60-х».

С. 100. Путешествую по собственным надобностям... — «Путешествующие по собственной/казенной надобности» — стандартная формула подорожной в начале XIX века в Российской империи.

С. 100. А перевод мы вам в два счета оформим — имеется в виду перевод из одной организации в другую, избавлявший работника от многих бюрократических сложностей, связанных с увольнением и последующим трудоустройством на новую работу, и позволявший сохранить так называемый «непрерывный трудовой стаж» — важный фактор для начисления пенсии.

С. 101. Не полтинник же вам совать... — Не такая уж маленькая сумма: даже в конце 1960-х в Ленинграде за 50 копеек можно было проехать на такси от Московского вокзала до Смоленского кладбища на Васильевском острове.

С. 101, 126. Изба на куриных ногах, Лукоморье, кот, дуб, Наина; русалка — см. примечание к с. 3–6.

С. 101. По здорову ли, баушка Наина свет Киевна! — См. примечание к с. 4.

С. 102. Атомуум, Международная выставка в Брюсселе — см. примечание к с. 4.

С. 102. А не надо ~ а позолоти ручку, яхонтовый... — См. примечание к с. 4.

С. 103. Мы устали, мы устали, наши пальчики писали. — Школьная рифмовка, сопровождавшая разминку пальцев: «Мы писали, мы писали, / наши пальчики устали, / мы немножко отдохнем / и опять писать начнем».

С. 103. «Волк и семеро козлят» — м/ф 1957 г., реж. П. Носов.

- С. 103. *Высоцкий, «Песня о несчастных лесных жителях»* — она же — «Лукоморья больше нет...».
- С. 104. *...бывший лейтенант из синих гусар...* — «Синие гусары» — название стихотворения Н. Асеева. Здесь в значении «из сотрудников КГБ» (по цвету погон).
- С. 105. *...в записи рабочего дневника от 9 апреля 1975 года...* — См. т. 21.
- С. 105. *Встречаясь с читателями в 1985 году в Саратове, АНС говорил...* — См. в разделе публицистики т. 25 материал «И снова встреча».
- С. 105. *БНС сообщает 9 июня 1974 года...* — Переписку за 1974 г. см. в т. 20.
- С. 105. *В письме АНС от 5 апреля 1976 года...* — Переписку за 1976 г. см. в т. 21.
- С. 105. *...восхитительный телефильм «Буратино»...* — «Приключения Буратино» — т/ф 1975 г. по сказке А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», реж. Л. Нечаев.
- С. 107. *Осенью 1977 года в дневнике АНС...* — Дневники за 1977 г. см. в т. 22.
- С. 107. *Причастие буйвола* — выражение из романа Г. Бёлля «Бильярд в половине десятого». Перевод Л. Черной.
- С. 107. *На это 2 января 1978 года последовало...* — Дневники за 1978 г. см. в т. 23.
- С. 108. *...чтобы дать Косте возможность закончить с Велтистовым*. — Речь о будущем к/ф 1980 г. «Приключения Электроника», реж. К. Бромберг.
- С. 108. *Панург, Пантагрюэль, Гаргантюа, Грангузье* — персонажи романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».
- С. 108. *Дюрандаль* — меч Роланда, персонажа многочисленных французских средневековых легенд и литературных произведений, включая «Песнь о Роланде».
- С. 108. *Хоттабович, Кувшин* — аллюзия на сказку Л. Лагина «Старик Хоттабыч».
- С. 109. *Беломор* — см. примечание к с. 33.
- С. 110. *Доброе дело, хорошее дело.* — Цитата из стихотворения Э. Багрицкого «Контрабандисты».
- С. 111. *Ин-ког-ни-то? Знаю. Читал. Товарища Гоголя сочинение.* — Комедия «Ревизор». Последнее предложение — аллюзия на фразу «...господина Загоскина сочинение» из этой комедии.
- С. 115. *Так и есть... Уже празднуют... Это и не удивительно, они находятся на той стороне от линии перемены дат. У них сейчас ночь с тридцать первого на первое, а у нас здесь — еще с тридцатого на тридцать первое.* — На самом деле в Западном полушарии дата не опережает, а отстает от даты в Восточном, где, очевидно, находится Панург.
- С. 116. *...тупо глядя перед собой.* — Автоцитата из ПХХІВ.
- С. 117. *Пьексы* — см. примечание к с. 45.
- С. 121. *...претворять воду в вино на всю зарплату...* — См. примечание к с. 50.
- С. 124, 138. *Солнцедар* — см. примечание к с. 61.
- С. 126. *«Белоснежка»* — «Белоснежка и семь гномов» — амер. м/ф 1937 г. студии У. Диснея.
- С. 126. *Мелисинда* — персонаж пьесы Э. Ростана «Принцесса Греза».
- С. 127. *Чтобы для приезжающих... для руководящих приезжающих особенно... чтобы все было на уровне.* — Ср. словоупотребление «проезжающих» в «Ревизоре» (действ. 2, явл. 4 и 6).
- С. 128. *...возомнивший о себе хам...* — Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (ч. 1, гл. 14).
- С. 128. *Шефская помощь* — работники промышленного предприятия или организации, учебного или научного учреждения (в данном случае — НИИЧАВО) обязаны были работать в качестве неквалифицированной рабочей силы по «разнарядкам» партийных органов на предприятиях, как правило, сельскохозяйственных, испытывавших дефицит рабочей силы.
- С. 128. *Порицание посмертно.* — См. примечание к с. 65.
- С. 135. *14 сентября 1978 года АНС пишет брату...* — Переписку за 1978 г. см. в т. 23.
- С. 137. *Согласно дневнику АНС...* — Переписку и дневники за 1979 г. см. в т. 24.
- С. 140. *Акстафа* — марка азербайджанского крепленого вина.
- С. 142. *«Знак Зорро»* — название нескольких амер. к/ф.
- С. 142. *«Таинственный знак»* — название в советском прокате амер. к/ф 1940 г. «Знак Зорро» («The Mark of Zorro»), реж. Р. Мамулян.
- С. 143. *...пушкинское «Трусоват был Ваня бедный».* — Зачин стихотворения А. Пушкина «Вурдалак» (Песни западных славян, 13).
- С. 145. *АНС писал брату 5 марта 1980 года...* — Переписку за 1980 г. см. в т. 24.
- С. 145. *Позже в статье «Этот увлекательный мир фантастики»...* — См. в разделе публицистики т. 27.
- С. 145. *...7 января 1981 года АНС пишет брату...* — Переписку за 1981 г. см. в т. 25.
- С. 146. *«Лед тронулся, господа присяжные»* — цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

С. 147. «НО ЧТО СТРАННЕЕ ВСЕГО, ЧТО НЕПОНЯТНЕЕ ВСЕГО, ЭТО ТО, КАК АВТОРЫ МОГУТ БРАТЬ ПОДОБНЫЕ СЮЖЕТЫ, ПРИЗНАЮСЬ, ЭТО СОВСЕМ УЖЕ НЕПОСТИЖИМО, ЭТО ТОЧНО... НЕТ, НЕТ, СОВСЕМ НЕ ПОНИМАЮ...» (...) Н. ГОГОЛЬ... — Цитата из гл. 3 повести «Нос».

С. 147. У лукоморья дуб зеленый, / Златая цепь на дубе том (...) И днем и ночью кот ученый / Все ходит по цепи кругом. / Идет направо — песнь заводит... — Цитата из поэмы А. Пушкина «Руслан и Людмила» (песнь 1).

С. 152. «Уи сан дот» — разумеется (фр.).

С. 152. Черномор — персонаж поэмы А. Пушкина «Руслан и Людмила».

С. 154. ...к нам едет ревизор... — Цитата из комедии Н. Гоголя (действ. 1, явл. 1).

С. 156. Гусли яропчаты — чаще «яровчаты» (от слова «явор», клен белый, порода дерева, из которой изготавливался корпус гуслей); упоминаются в былинне о гусляре Садко.

С. 159. Ария Фарлафа — из оперы М. Глинки «Руслан и Людмила» (по одноименной поэме А. Пушкина).

С. 161. «Добро в жизни можно делать только из зла, больше его не из чего делать» — приблизительная цитата из романа Р. П. Уоррена «Вся королевская рать». Точная цитата: «Ты должен сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать» использована АБС в качестве эпиграфа к ПНО. Приведена первая редакция перевода В. Голышева («Новый мир», 1968, №№ 7–11; М.: Мол. гвардия, 1968).

С. 162. ...«искупаться в молоке и двух водах» по рецепту конька-горбунка... — См. сказку П. Ершова «Конек-Горбунок».

С. 163. «Паяцы» — опера Р. Леонкавалло.

С. 164. «Песнь торжествующей любви» — заглавие рассказа И. Тургенева.

С. 168. «Александр Невский» — к/ф 1938 г., реж. С. Эйзенштейн, Д. Васильев.

С. 170. Меня не запугаешь древней чертовщиной! (Из «Аэлиты».) — Приблизительная цитата из романа А. Н. Толстого: «...Не заставишь... Не замолчу!.. (...) Я знаю — ты посвящен в древнюю чертовщину...» (гл. «Тускуб»).

С. 170. «Волга-Волга» — к/ф 1938 г., реж. Г. Александров.

С. 171. «Снежная королева» — сказка Г. Х. Андерсена.

С. 171. «Берегите мужчин» — «Берегите мужчин!» — статья демографа Б. Урланиса в «Литературной газете» (1968, 24 июля). Выражение стало крылатым.

С. 171. Песенка Красной Шапочки — песня А. Рыбникова на слова Ю. Михайлова (псевдоним Ю. Кима) из к/ф 1977 г. «Про Красную Шапочку», реж. Л. Нечаев.

С. 171. ...«Сказка братьев Стругацких»... — Тексты песен Ю. Кима доступны по сетевой ссылке <http://romantiki.ru/blog/2007/11/09/yuliy-kim-pesni-dlya-telefilma-charodei/>

С. 171. НичеГё — БНС, 17.07.2010: Словечко «ничеГё» придумано было и имело хождение у нас в ГАО, в компании 18-й комнаты. Кто придумал, теперь уже и не вспомнить. По-моему, оно плавно перешло в реальность из известного анекдота: «...А не испить ли нам кофейкЮ, граф?... ОтчеГё же...»

С. 172. Аматин — аллюзия на скрипичного мастера XVII века Н. Амати.

С. 185. Знаменитая ария о клевете — ария Дона Базилио из 1-го акта оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник».

С. 188. Ай да Сатанеев! — сказал он. — Ай да сукин сын! — Аллюзия на слова письма А. Пушкина П. Вяземскому от (около) 7 ноября 1825 г.: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

С. 193. «В зобу дыхань сперло» — цитата из басни И. Крылова «Ворона и Лисица».

С. 193. Головокружение от успехов — заглавие статьи И. Сталина.

С. 218. «МНУ», «ГНУ», «ПНУ», «РВУ», «ТРУ», «РЖУ», «ЛАЮ», «БИМ», «БОМ», «САМ», «ХАМ» — см. в т. 9 аналогичные «значащие» номерные знаки в дневнике поездок БНС 1965 г.

С. 218. План по валу! — Краткое именование основного показателя советской плановой экономики — планового задания по валовому объему производства.

С. 220. Приходите, тараканы, я вас чаем угощу... — Строки стихотворения К. Чуковского «Муха-Цокотуха».

С. 232. В начале 1982 года (...) еще несколько дневниковых записей. 2 февраля... — Дневники за 1982 г. см. в т. 25.

С. 232. «В подвале у Романа», «Такой сложный жанр» — см. в разделе публицистики т. 25.

С. 233. Булгаковский Бегемот — персонаж романа «Мастер и Маргарита».

С. 234. «Душа (...) обязана трудиться...» — Цитата из стихотворения Н. Заболоцкого «Не позволяй душе лениться!»

С. 235. «Года промчались, страсти улеглись» — «Года минули, страсти улеглись» — цитата из стихотворения Н. Некрасова «Памяти Добролюбова».

Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Предисловие

Рукопись не сохранилась. Предисловие АБС к сборнику произведений Х. Клемента, одно из которых, «Экспедиция “Тяготение”», было переведено АНС.

Написано в июне 1971 г. См. запись от 29.06.71 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется по изданию: Клемент Х. Экспедиция «Тяготение». — М.: Мир, 1972.

С. 236, 237. *Капитан Немо*; «*Наутилус*» — персонаж романов Ж. Верна и название его подводной лодки.

С. 236. *Экспедиция Барсака* — отсылка к роману Ж. Верна «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака».

С. 237. *Артур Кларк достаточно хорошо известен советскому читателю как автор двух больших повестей — «Лунная пыль» и «Большая глубина»...* — Соответственно, журнал «Вокруг света» (1964, №№ 8–12), антология «Лунная пыль. Я, робот. Стальные пещеры» (М.: Дет. лит., 1969) и авторский сборник «Большая глубина. Рассказы» (М.: Мол. гвардия, 1966). Рецензию АНС на повесть «Лунная пыль» см. в разделе публицистики т. 8.

С. 237. *Хол Клемент знаком советскому читателю по научно-фантастической повести «Огненный цикл», опубликованной в одноименном сборнике, который был выпущен в свет издательством «Мир» в 1970 году.* — Повесть вышла в переводе АБС.

С. 237. *...секреты могущественного императора Магеллановых Облаков...* — Возможно, аллюзия на повесть Э. Гамильтона «Звездные короли».

С. 237. *...отыскивает клады, искусно упрятанные давно вымершей расой разумных существ на отдаленной планете...* — Возможно, аллюзия на повесть А. Нортон «Саргассы в космосе».

С. 240. *Насколько нам известно, Клемент написал всего три книги.* — Фактически, к моменту написания рецензии, — восемь романов, а также повести и рассказы.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. В редакцию «Литературной газеты»

Черновик заявления — машинопись в переписке АБС. Написано в связи с публикацией повести «Гадкие лебеди» в западногерманском издательстве «Посев».

Написано БНС 25.11.72, отредактировано АНС и послано по инстанциям 28.11.72. По просьбе «Литературной газеты» дата изменена на 8.12.72. См. письма АНС от 24.11, 28.11.72, письма БНС от 25.11, 13.12.72, записи от 14.11, 28.11, 13.12.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг., запись от 8.12.72 в дневнике БНС 1969–1974 гг.

Публикуется по изданию: Литературная газета (М.). — 1972. — 13 дек.

С. 240. *...антисоветское издательство «Посев»...* — Издательство «Посев» принадлежало Народно-трудовому союзу российских солидаристов, ведшему активную антисоветскую пропаганду.

Из архива

Аркадий Стругацкий. Рецензия на детективную повесть М. Стейги и Л. Вольфа «Шах королеве бриллиантов»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 3.01.72. См. запись от 6.01.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Повесть М. Стейги и Л. Вольфа была опубликована под заглавием «Дело Зенты Сакум» в антологии «Приключения 1972–1973» (М.: Мол. гвардия, 1973).

С. 241. <Заглавие> — Steiga M., Volf L. Šahs briljantu karalienei. — Rīga: Liesma, 1971.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на научно-фантастические рассказы и повесть Евгения Ларина

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 5.01.72.

Публикуется впервые.

Рассказ Е. Ларина «Ответ» был опубликован под заглавием «Отвечает Земля» в 17-м выпуске альманаха «На суше и на море» (М.: Мысль, 1977). Остальные рассказы, вероятно, не публиковались.

С. 242. ...в лаборатории доктора Туркина, Сыча тож... — Здесь: он же — Сыч. (Вероятно, «Сыч» — прозвище Туркина.) Возможно, реминисценция поэмы Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: «...Горелова, Неелова — / Неурожайка тож...» (ч. 1, пролог).

С. 243. ...учиться, учиться и учиться. — Лозунг, восходящий к статье В. Ленина «Лучше меньше, да лучше».

Аркадий Стругацкий. Рецензия на второй вариант приключенческого романа В. Чернова «Сын Розовой Медведицы»

Рукопись из папки «Рецензии АНС». Рецензию на первый вариант романа см. в разделе публицистики т. 15.

Датировано 5.01.72. См. записи от 6.01 и 7.01.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Роман В. Чернова был опубликован в издательстве «Детская литература» в 1976 г.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Л. Пироговой «Тайна вещей граней»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 6.06.72.

Публикуется впервые.

Повесть Л. Пироговой не была опубликована.

С. 244. «Черные полковники» — военная диктатура правого толка в Греции в 1967–1974 гг.

С. 244. Лавры джек-лондоновского «межзвездного скитальца»... — Персонаж одноименного романа (англ. «The Star Rover»), другое название — «Смирительная рубашка».

Аркадий Стругацкий. Отзыв на научно-фантастический рассказ Валентина Рича «Вася»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 6.06.72.

Публикуется впервые.

Рассказ В. Рича был опубликован в журнале «Химия и жизнь» (1972, № 1).

Аркадий Стругацкий. Рецензия на научно-фантастический рассказ Р. Подольного «Партия в пинг-понг»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 6.06.72.

Публикуется впервые.

Рассказ Р. Подольного не был опубликован.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Владимира Михановского «Гвоздика»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 6.06.72.

Публикуется впервые.

Повесть В. Михановского была опубликована под заглавием «Фиалка» в сборнике «НФ. Выпуск 12» (М.: Знание, 1972).

С. 246. Война во Вьетнаме — боевые действия в 1957–1975 гг., начавшиеся как гражданская война в Южном Вьетнаме. Позднее в них были вовлечены США и Северный Вьетнам, получавший поддержку СССР и КНР.

С. 246. «После нас хоть потоп» — крылатое выражение, принадлежащее маркизе де Помпадур.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Владимира Малова «Я — шерристянин»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 6.06.72.

Публикуется впервые.

Повесть В. Малова была опубликована во втором выпуске альманаха «Мир приключений» за 1973 г.

С. 247. *Человек, который мог творить чудеса* — отсылка к одноименному рассказу Г. Уэллса.

С. 247. *...дядюшки Бенедикта из Жюль Верна*. — Кузен Бенедикт — персонаж романа «Пятнадцатилетний капитан».

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Виктора Болдырева «Геутваль»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 7.06.72.

Первая публикация — Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012.

Первая часть повести публиковалась под заглавием «В тисках» в первом выпуске альманаха «Мир приключений» за 1973 г. Полностью — под заглавием «Полуостров загадок» в одноименном авторском сборнике (Саратов: Приволжское книжное издательство, 1973).

С. 248. *...когда мне пришлось «доводить» в Детгизе первую часть его трилогии, «Гибель Синего Орла»*. — АНС являлся ответственным редактором изданий повести в Детгизе в 1962 и 1963 гг.

Аркадий Стругацкий. Отзыв на рассказ Лена Грея «Приключение Герби и большого Сола»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 8.06.72.

Публикуется впервые.

Рассказ Л. Грея был опубликован под заглавием «Приключения Большого Сола» в журнале «Смена» (1990, № 12).

Аркадий Стругацкий. Рецензия на научно-фантастическую повесть Мюррея Лейнстера «Четверо с пятой планеты»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Написано 9.06.72. См. записи от 8.06, 9.06, 12.06.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Повесть М. Лейнстера была опубликована в 2003 г.

С. 249. <Заглавие> — Leinster M. Four from Planet 5. — NY: Gold Medal Books, 1959.

С. 249. *...двигалось в атмосфере (...) со скоростью в несколько махов...* — Здесь: единица скорости, равная скорости звука.

С. 249. *Имплозия* — взрыв, направленный вовнутрь.

С. 250. *Трехпалые лошади* — или гиппарионы — вымерший род непарнокопытных млекопитающих из семейства лошадиных. Ископаемые формы известны с верхнего миоцена.

С. 250. *Ганоидные рыбы* — или хрящекостные рыбы — подкласс лучеперых рыб. Ископаемые формы известны с конца силурийского периода.

С. 250. *Пятая планета, обращавшаяся по орбите между орбитами Марса и Юпитера, по каким-то причинам распалась на мелкие обломки*. — Гипотеза о существовании такой планеты, разорванной притяжением Солнца и Юпитера и породившей своим распадом пояс астероидов, является сюжетообразующим элементом многих фантастических произведений.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Виктора Бабкина «Владик из Древней Греции»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 10.06.72. См. запись от этой даты в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Повесть В. Бабкина не была опубликована.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Г. Кубанского «Монах»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 11.06.72. См. запись от 10.06.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Повесть Г. Кубанского не была опубликована.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Юлия Файбышенко «В медвежьем углу»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 11.06.72. См. записи от 10.06 и 11.06.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Повесть Ю. Файбышенко не была опубликована.

С. 253. *Антик* — здесь: устаревшие или необычные привычки, манеры, поведение.

С. 253. *Антанта* — тройственный союз Англии, России и Франции, воевавший в Первую Мировую войну против Германии и ее союзников.

С. 253. *Это* — вторая его повесть, с которой я знакомлюсь. — Вероятно, первая — «Дело часовщика» (альманах «Мир приключений», 1969 г.).

Аркадий Стругацкий. Отзыв на рассказы В. Морочко «Сод» и «Бой на восходе солнца»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 11.06.72.

Публикуется впервые.

Рассказы В. Морочко не были опубликованы.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть В. Фирсова «И жизнь, и смерть»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 12.06.72.

Публикуется впервые.

Повесть В. Фирсова была опубликована в сборнике «Фантастика, 1973–1974» (М.: Мол. гвардия, 1975).

Аркадий Стругацкий. Рецензия на рассказы Н. Селецкого «ЭСКОЛ–4791», «И через сто лет», «Они не вернулись»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Написано между 12.06 и 19.06.72.

Публикуется впервые.

Рассказ Н. Селецкого «И через сто лет» был опубликован в журнале «Уральский следопыт» (1967, № 11). Остальные рассказы, вероятно, не публиковались.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и рассказов И. Росоховатского «Что такое человек?»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 19.06.72. См. записи от 13.06, 14.06, 19.06.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Произведения И. Росоховатского были опубликованы: «Пусть сеятель знает» — сборник «Талисман» (Л.: Дет. лит., 1973); «Неудачники» — журнал «Уральский следопыт» (1973, №№ 1, 2); «Сигом и создатель» — журнал «Искатель» (1967, № 6); «По образу и подобию» — «Искатель» (1974, № 2); «Фантастика», «Азы» — авторский сборник «Утраченное звено» (Киев: Радянський

письменник, 1985); «Учитель» — сборник «НФ. Выпуск 20» (М.: Знание, 1979); «Что такое человек?» — «НФ. Выпуск 23» (М.: Знание, 1980).

С. 258. *Гаврош* — Гаврош Тенардьё — персонаж романа В. Гюго «Отверженные».

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Ответы на анкету «Наука и общество» «Литературной газеты»

Машинопись из переписки АБС.

Написано БНС 23.06.72. См. письма АНС от 20.06 и 3.07.72, письмо БНС от 23.06.72 и запись от 3.07.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Первая публикация — Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012.

С. 258. «*Весомо, грубо, зримо*» — цитата из поэмы В. Маяковского «Во весь голос».

С. 259. *Удивительные открытия этологов...* — Этология — наука, исследующая врожденное поведение, инстинкты.

С. 259. *Но больше всего нам хотелось бы увидеть разработанной и готовой к приложению теорию воспитания человека (...) На наш взгляд, создание такой теории является сегодня научной задачей номер один — не только по важности, но, к сожалению, и по сложности.* — К теме воспитания как важнейшего фактора в изменении к лучшему человеческого общества АБС обращались неоднократно как в своих художественных произведениях (ПХХИВ, Стажеры, ХВВ, ОЗ), так и в публицистике. Огромное внимание уделял этому вопросу БНС в офлайн-интервью, которое он вел в 1997–2012 гг.

С. 259. *Известны случаи и более сильного влияния (Достоевский и Эйнштейн, например)...* — А. Эйнштейн говорил, в частности, об этом влиянии: «Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс!» Вероятно, источником информации БНС послужили книги Б. Кузнецова «Эйнштейн» (М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962, 1963; М.: Наука, 1967) и «Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие» (М.: Наука, 1972).

Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Дж. Хартриджа «Спящие пробуждаются»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 23.06.72. См. записи от 22.06 и 23.06.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Повесть Дж. Хартриджа на русском языке не публиковалась.

С. 260. *Jon Hartridge «Earthjacket»* — London: Macdonald, 1970.

С. 260. *Таков «исторический» фон новой «карты ада»...* — Отсылка к заглавию книги К. Эмиса «Новые карты ада».

Аркадий Стругацкий. Рецензия на научно-фантастическую повесть К. Ломера «Дом в ноябре»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 25.06.72. См. запись от этой даты в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Повесть К. Ломера на русском языке не публиковалась.

С. 261. *Keith Laumer «The House in November»* — NY: G. P. Putnam's Sons, 1970.

С. 262. *«Нашествие демонов»* — возможно, имеется в виду роман 1965 г. «A Plague of Demons».

Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Пола Андерсона «Операция “Хаос”»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 10.07.72. См. записи от 3.07 и 10.07.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Повесть П. Андерсона была опубликована в авторском сборнике «Три сердца и три льва; Операция “Хаос”» (Харьков: Основа, 1991).

С. 262. *Poul Anderson «Operation Chaos»* — NY: Lancer Books, 1971.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Брайана Болла «Яма во времени»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 17.07.72. См. запись от этой даты в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Повесть Б. Болла на русском языке не публиковалась.

С. 264. *Brian Ball «Timepit»* — London: Dennis Dobson, 1971.

С. 265. *Демон Максвелла* — см. «Краткое послесловие и комментарий Привалова» к ПНВС: «Демон Максвелла — важный элемент мысленного эксперимента крупного английского физика Максвелла. Предназначался для нападения на второй принцип термодинамики. В мысленном эксперименте Максвелла демон располагается рядом с отверстием в переборке, разделяющей сосуд, наполненный движущимися молекулами. Работа демона состоит в том, чтобы выпускать из одной половины сосуда в другую быстрые молекулы и закрывать отверстие перед носом медленных. Идеальный демон способен таким образом без затраты труда создать очень высокую температуру в одной половине сосуда и очень низкую — в другой, осуществляя вечный двигатель второго рода. Однако только сравнительно недавно и только в нашем институте удалось найти и приспособить к работе таких демонов».

С. 265. ...повесть является, видимо, второй частью трилогии, ни первый и ни третий том которой нам неизвестен. — Трилогия «Timepiece»: «Timepiece» (1968), «Timepivot» (1970), «Timepit» (1971).

Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Чарльза Платта «Планета волян»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 17.07.72. См. записи от 9.07 и 17.07.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Повесть Ч. Платта на русском языке не публиковалась.

С. 265. *Charles Platt «Planet of the Voles»* — NY: G. P. Putnam's Sons, 1971.

С. 266. «*Саргассы в Космосе*» — повесть А. Нортон.

С. 266. *Полагаю, что лучше использовать бумагу для чего-либо более существенного.* —

Бумага в СССР распределялась по специальным фондам, так как производство ее не покрывало потребности.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник научно-фантастических рассказов и памфлетов Михаила Грешнова «Фантастика»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 23.07.72. См. записи от 20.07, 23.07, 24.07.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Произведения М. Грешнова были опубликованы: «Гарсон», «Лицо фараона» «Должен вам рассказать», «Слушайте все!», «Малыш» — авторский сборник «Лицо фараона» (Ставрополь: Кн. изд-во, 1971); «Обратная связь» — одноименный авторский сборник (Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1967); «Бог Сашка и бог Андрей» — авторский сборник «Одно апельсиновое зернышко» (Краснодар: Кн. изд-во, 1975); «Тринадцатое июня, пятница» — альманах «На суше и на море» (М.: Мысль, 1972); «Учебный рейс» — альманах «Мир приключений» за 1974 г.; «Диверсия ЭлЛТ–73» — авторский сборник «Волшебный колодец» (М.: Мол. гвардия, 1974).

С. 266. *Баальбекская веранда* — грандиозное древнее сооружение на территории Ливана, постройка которого иногда приписывается пришельцам.

С. 266, 267. *Летающее блюдо; летающие тарелки* — от англ. Flying saucers — ироническое именование НЛО (неопознанных летающих объектов).

С. 267. ...убежден в конечной победе парапсихологов над Китайгородским... — Имеются в виду книги проф. А. Китайгородского «Реникса» (М.: Мол. гвардия, 1967) и «Невероятно — не факт» (М.: Мол. гвардия, 1972), высмеивающие псевдонаучные заблуждения.

С. 268. *Ян Ларри, «Загадка простой воды»* — рассказ публиковался в газете «Пионерская правда» с 24 июня по 16 июля 1939 г.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастический роман Ю. Тупицына «Золотой век» («Операция будет опасной»)

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 23.07.72. См. записи от 19.06, 23.07, 24.07.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Роман Ю. Тупицына был опубликован под заглавиями «Далийский вариант» в журнале «Урал» (1975, №№ 8–10) и «В дебрях Даль-Гея» в издательстве «Детская литература» в 1978 г.

С. 269. *Евгеника* — учение о селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств. В СССР считалась буржуазной псевдонаукой.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник повестей и рассказов для школьников среднего возраста «Ночной орел»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 6.09.72. См. записи от 31.08, 5.09, 6.09, 8.09.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Произведения А. Ломма были опубликованы (за исключением «Восстания муравьев») в авторском сборнике «Ночной орел» (М.: Дет. лит., 1973). «Восстание муравьев» (в виде рассказа «Муравьиный царь») — в журнале «Пионер» (1965, №№ 2–4), в виде повести — в 2008 г.

С. 270. *Агасфер* — также «вечный жид» — легендарный персонаж, по преданию обреченный на вечные странствия по земле до Второго пришествия Христа. Фигура «вечного жида» весьма часта в сюжетах европейской литературы и живописи.

С. 270. *«Старик Хоттабыч»* — повесть-сказка Л. Лагина.

С. 271. ...*приключенческая повесть «В темном городе»*. Поскольку рецензент в бытность свою редактором Детгиза лет десять назад сам принял ее и редактировал для альманаха «Мир приключений»... — Повесть была опубликована в десятом выпуске альманаха в 1964 г. Титульными редакторами являлись Н. Беркова и М. Сальникова. (АНС к моменту выхода книги уже уволился из издательства.)

С. 271. *«Приключения Неуловимых»* — кинотрилогия режиссера Э. Кеосаяна: «Неуловимые мстители» (1966), «Новые приключения неуловимых» (1968), «Корона Российской империи, или Снова неуловимые» (1971).

С. 271. *«Шагреневая кожа»* — роман О. де Бальзака.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Дж. Херси «Покупщик детей»

Рукопись из тетради «Рецензии АНС».

Датировано 25.10.72. См. записи от 25.09, 11.11, 14.11.72 в дневнике АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

Повесть Дж. Херси была опубликована до написания рецензии в журнале «Звезда» (1965, №№ 10, 11).

С. 272. *John Hersey «The Child Buyer»* — NY: Bantam Books, 1966.

С. 272. *Джон Херси, «Возлюбивший войну»* — Херси Д. Возлюбивший войну. — М.: Худож. лит., 1970.

С. 273. *«Пан Сатирус»* — повесть Р. Уормсера. Из переписки АНС известно, что он рецензировал эту книгу для издательства «Мир» (вышла там в 1966 г.).

Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1972

Письма АБС — как машинописные, так и рукописные. Одно письмо не датировано. Его датировка была выполнена составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в тексте письма в угловых скобках.

Первая публикация — Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012.

С. 274. *«Затемнение в Грэтли»* — Пристли Дж. Затемнение в Грэтли. — М.: Гослитиздат, 1943; Л.: Гослитиздат, 1944.

С. 274. АРТИСЮС — Венгерское управление по охране авторских прав.

С. 274. *Сертификаты* — они же чеки Внешторгбанка или Внешпосылторга, служили средством оплаты в сети специализированных магазинов «Березка». По ним можно было приобрести товары, отсутствовавшие в свободной продаже в СССР.

С. 274. *Экс-президент клуба любителей ф<ант>астики МГУ <М. Ковальчук> прислал мне вырезку из «Московского комсомольца», где они провели викторину по ф<ант>астике. — Кто первый сказал слово «робот»? Итоги викторины по научной фантастике. — Моск. комсомолец. — 1971. — 14 нояб.*

С. 274. *Зелененькие* — автоцитата из ПНО, где это слово — синоним денежных знаков.

С. 274. *Годувать* — кормить (укр.).

С. 274. *Гром пошел на кухне.* — Ср. цитату из повести Н. Гоголя «Пропавшая грамота»: «Гром пошел по пеклу...»

С. 275. *В «Юности» полнейший разгром. На нижнем уровне вещь приняли на ура, но прочитал Полевой и объявил, что это никуда не годится...* — В ноябре 1971 г. АНС передал в «Юность» рукопись ГЛ.

С. 275. *«Она плакала и говорила, что звуки гобоя напоминают ей о покойнике-муже, которого у Новой Гвинеи съели акулы».* — Приблизительная цитата из повести Дж. К. Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки»: «Я знавал одного молодого человека, который учился играть на волынке. (...) Тогда моему знакомому разрешили упражняться днем на кухне, закрыв все двери. Но, несмотря на эти предосторожности, наиболее удачные пассажи были все же слышны в гостиной и доводили его мать чуть ли не до слез. Она говорила, что при этих звуках вспоминает своего бедного покойного отца (бедняга был проглочен акулой во время купанья у берегов Новой Гвинеи, — что общего между акулой и волынкой, она не могла объяснить)» (гл. 14). Перевод М. Салье.

С. 276. *Никогда не надо торописса, / Никогда не надо волновасса: / Можно под трамваем очутисса / Или под машиной оказасса!* — Использовано в ПП.

С. 276. *А когда я рассказал Андрею, кто такой Манин, сын мой совсем обалдел. Он принял его, между прочим, за англичанина.* — Ср. описание в ЗМЛДКС внешности и манер Вечеровского, одним из прототипов которого послужил Ю. Манин.

С. 277. *Пришли деньги из Северо-Уральского издательства...* — Точнее, из Средне-Уральского книжного издательства за сборник «Только один старт» с ЧИП.

С. 277. *Присылали из «Энциклопедии» статью о нас Громовой. ~ Пойдем мы в 7-м томе.* — Статья о Стругацких в будущем издании: Краткая литературная энциклопедия / [Т.] 7. — М.: Сов. энциклопедия, 1972.

С. 278. *В первом номере «Авроры» — статья Брандиса о ленинградских фантастах.* — Брандис Е. Проблемность и многообразие // Аврора (Л.). — 1972. — № 1.

С. 279. *Когда (и если) будешь куда-нибудь давать ПНО, ОБЯЗАТЕЛЬНО замени в интервью Пильмана слова «Восточная Сибирь, Южная Атлантика...» на слова «Гоби, Ньюфаундленд...».* Это связано с задачей определения радианта Пильмана. Объясню при встрече — сейчас неохота об этом длинно писать. Но заменить надо, иначе получится математическая чушь. — В журнальной публикации замена была произведена.

С. 279. *В «ЛенПравде» появилась статья о ленинградской фантастике.* — Соловьев В. Сквозь пространство и время // Лен. правда (Л.). — 1972. — 9 февр.

С. 279, 281. *Фото в «Обитаемый инзель» опоздало...; Получены экзы «Ди бевонте инзеля», «Обитаемого острова» тож, из Марион фон Шрёдер ферлаг.* — Die bewohnte Insel / Übers. v. H. Buchner. — Hamburg, Düsseldorf: Marion von Schröder Verlag, 1972. — Нем. яз.

С. 279. *Ничегё* — см. примечание к с. 171.

С. 279. *«Мастерская, договор и прочее»* — строка песни А. Галича «Вальс-баллада про тещу из Иванова»: «...Ставились искусно многоточия, / А в конце, как водится, оргвыводы: / Мастерская, договор и прочее...»

С. 280. *Из Вильнюса пришли деньги — около 700 ряб. За что, ты не в курсе?* — За следующее издание: Vidurdienis, XXII amžius / Vertė V. Beržinis. — Vilnius: Vaga, 1972. — Лит. яз. — Загл. ориг.: Полдень, 22-й век.

С. 280. *Брандис сказал, что в ГДР вышла ДР и начался перевод М.* — Der ferne Regenbogen / Übers. v. A. Möckel. — Berlin: Verlag Das Neue Berlin, 1971. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Далекая Радуга. Будущее издание: Die dritte Zivilisation / Übers. v. A. Möckel. — Berlin: Verlag Das Neue Berlin, 1975. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Малыш.

С. 281. *...моя роль там сведется к надуванию щек...* — Отсылка к роману И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», ч. 1, гл. 14; ч. 3, гл. 39.

С. 281. *ГО писать, честно говоря, хочется, но странною хотенью.* — Отсылка к строке М. Лермонтова «Родина»: «Люблю отчизну я, но странною любовью!»

С. 281. *...убежать всей этой липы...* — Ср. со словоупотреблением А. Пушкина в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»: «...и тленья убежит...»

- С. 281. *Вышел перевод «Экспедиции “Тяготение”»...* — Роман Х. Клемента (М.: Мир, 1972). Перевод С. Бережкова, предисловие АБС.
- С. 282. *Лакировка действительности* — советская идиома, восходящая к редакционной статье в газете «Правда» от 7 апреля 1952 г. «Преодолеть отставание драматургии».
- С. 284. *...статью Альберта Беляева в «Правде» он рассматривает как явление положительное: дали отпор и защитили советскую н<аучную> ф<антастику>.* — Беляев А. В кривом зеркале «советологии» // Правда (М.). — 1972. — 14 марта. Цитата из статьи: «Только вот зря сия дама от «кремленологии» [Мира Гинзбург, амер. критик. — Сост.] зовет в союзники себе советскую научную фантастику. Эта литература (при всех недостатках, которые порой встречаются в отдельных произведениях) свойственными ее природе средствами служит делу коммунистического строительства, она верна принципам социалистического реализма».
- С. 284. *...двое кандидатов наук обивают мою дверь каким-то особенным дерматином.* — Использовано в ХС.
- С. 285. *Дико хлопотать насчет телефона...* — Домашний телефон в советские времена относился к разряду «дефицита», и зачастую его установка требовала многолетнего ожидания в очереди или «блата».
- С. 286. *...мы не в Чикаго, моя дорогая...* — Цитата из стихотворения С. Маршака «Мистер Твистер»: «Ты не в Чикаго, / Моя дорогая».
- С. 287. *Из «Мол<одой> зв<ардии>» попросили привезти сборник «Встречь»...* — **БНС, 13.01.2007**: Это может быть и описка, и способ выразить свою ненависть к затянувшимся переговорам. А ведь мы тогда и представления еще не имели, какие 8 лет ждут нас впереди!
- С. 287. *ОВИР* — Отдел виз и регистраций МВД.
- С. 288. *...бывший лейтенант из синих гусар...* — См. примечание к с. 104.
- С. 288. *...Чухрая с его сценарием «Сорок первый» (...) выгнали именно со студии Довженко...* — К/ф по одноименному рассказу Б. Лавренева был снят Г. Чухраем в 1956 г. на киностудии «Мосфильм».
- С. 288. *Фрер* — frère — брат (фр.).
- С. 288. *Держит мазу* — здесь: защищает чьи-либо интересы.
- С. 290. *«Библиотека мировой фантастики»* — «Всемирная библиотека современной фантастики» — первоначальное именование «Библиотеки современной фантастики» издательства «Молодая гвардия» в анонсах и рекламном буклете.
- С. 291. *Альманах* — то есть «Мир приключений».
- С. 291. *Исправь, что сочтешь, и посылай в ЛГ.* — См. в разделе публицистики материал «Ответы на анкету “Наука и общество” “Литературной газеты”».
- С. 291. *А дикарем я с ним ехать боюсь из-за холеры.* — Два года назад, летом 1970 г. на многих курортах Черного моря были вспышки эпидемии холеры.
- С. 292. *Ни гласа, ни воздыхания* — от «Не бе гласа, ни послушания»; церковнославянский текст Третьей книги Царств (гл. 18, ст. 26).
- С. 293. *Борис — брату, 29 июля 1972...* — Датировка составителей.
- С. 294. *Вполсвиста* — то есть слегка пьяны. То же — в записи БНС между встречами 23.04 и 21.05.72 в рабочем дневнике АБС 1971–1987 гг. Использовано в ЗМЛДКС и ХС.
- С. 294. *Тугрики* — реминисценция романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (ч. 3, гл. 28–29).
- С. 294. *Вышел библиографический справочник о переводах сописателей за рубежом в 1965–70 гг.* — Произведения советских писателей в переводах на иностранные языки. 1965–1970: Библиогр. указ. — М.: Книга, 1972.
- С. 294. *Оттуда я узнал, что в 65-м г. на венгерском вышло аж два издания С — одно в Будапеште, второе — почему-то — в Братиславе.* — Újonc a világúrbén / Füzesi G. fordítása. — Budapest: Európa Könyvkiadó, 1965. — Венг. яз. — Загл. ориг.: Стажеры. Újonc a világúrbén / Füzesi G. fordítása. — Bratislava: Szlov. Szépirod. Kiadó, 1965. — Венг. яз. — Загл. ориг.: Стажеры.
- С. 294. *А СБТ выходило, оказывается, на сербскохорватском в Белграде и на испанском в Барселоне (!!).* — Фактически, в Загребе: Let na Veneru / Prev. M. Vitrisal-Mulić. — Zagreb: Zora, 1964. — Сербохорв. яз. — Загл. ориг.: Страна багровых туч. В Белграде было газетное издание: Планета пурпурних облака // Политика (Београд). — 1964. — 23 окт. — 23 нояб. — Сербохорв. яз. — Загл. ориг.: Страна багровых туч. Испанское издание: El país de las nubes purpúreas / Trad. de A. S. Fló. — Barcelona: Edhasa, 1966. — Исп. яз. — Загл. ориг.: Страна багровых туч.
- С. 294. *В ГДР издадут в 74-м году сборник ф<антасти>ки о времени, включили туда ЧП и ЗЭ.* — Будущее издание: Das vergessene Experiment / Übers. v. A. Möckel // Fenster zur Unendlichkeit. — Berlin: Das Neue Berlin, 1974. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Забытый эксперимент.
- С. 295. *Отто Фрижа* — персонаж ГО.
- С. 295. *...есть высший суд, наперсники разврата!* — Приблизительная цитата из стихотворения М. Лермонтова «Смерть поэта»: «Но есть и Божий суд, наперсники разврата!»

С. 295. ...нам перевели из США аванс за ТББ... — Будущее издание: *Hard to Be a God* / Transl. W. Ackerman. — NY: Seabury Press, 1973. — Англ. яз. — Загл. ориг.: Трудно быть богом.

С. 298. «Четыре танкиста и собака» — польск. т/сериал 1966–1970 гг. по одноименному роману Я. Пшимановского, реж. К. Наленцкий.

С. 299. ...скандальчик с последним романом Ефремова. Журнал «МолГв», вроде, начал печатать и вдруг оборвал без объяснений. — Позднее публикация романа была продолжена: Ефремов И. Таис Афинская // Молодая гвардия (М.). — 1972. — №№ 7, 9–11.

С. 301. ...полученный нами заказ на статью о японской фантастике в Советском Союзе (по материалам издания «Мира»... — Два сборника издательства «Мир» в серии «Зарубежная фантастика»: «Времена Хокусая» (1967) и «Продается Япония» (1969).

С. 301. ...книжки о фантастике (Н. Черной из Киева и А. Урбана из Ленинграда... — Черная Н. В мире мечты и предвидения. — Киев: Наук. думка, 1972; Урбан А. Фантастика и наш мир. — Л.: Сов. писатель, 1972.

С. 302. ...как самашедший. — «Самашедшие деньги» — слова из сценки А. Райкина «А голова человеку на что?», входившей в спектакль «Светофор» Ленинградского театра миниатюр. Текст М. Жванецкого.

С. 302. В «ЛенПравде» некий Гребенщиков (...) обложил нас за ПНО. — Гребенщиков А. Мир, в котором мы живем // Лен. правда. — 1972. — 29 окт.

С. 302. В таком вот аксепте. — **БНС, 9.08.2012**: Это было обычное у нас словоговорение. Не помню, как это называется «по науке»: нарочито неправильное произношение слов для придания оттенка простонародности, нарочитой безграмотности и пр. Как сейчас в И-нете пишут «аффтар» вместо «автор». **Сост.**: Использовано в ПНВС.

С. 302. Повидался с Лешкой Германом. (...) Симонов пригласил его экранизировать свою последнюю повесть. — Будущий к/ф 1976 г. «Двадцать дней без войны» по одноименной повести К. Симонова, реж. А. Герман.

С. 304. Валентин Пильман — персонаж ПНО.

С. 305. О псевдониме не забыто и уже договорено. А. Ярославцев. — Окончательный вид псевдонима — С. Ярославцев, где инициал «С» соответствует фамилии Авторов, как и в иных их псевдонимах: С. Бережков, С. Победин, С. Витин, С. Витицкий. (Единственное исключение — перевод «Старых капитанов» У. Джекобса, подписанный А. Н. Бережковым.)

С. 306. Реквизированный Гроссман — контаминация слухов об изъятом у автора романе «Жизнь и судьба» (переправленном на Запад в середине 1970-х гг. и изданном там в 1980 г.) и реально напечатанном в 1970 г. издательством «Посев» сборнике В. Гроссмана «Все течет...».

С. 306. Гроссману-то легко не примириться! — В. Гроссман умер в 1964 г.

С. 306. ...пошел я, судьбою палимый... — Реминисценция стихотворения Н. Некрасова «Размышления у парадного подъезда»: «...И пошли они, солнцем палимы...»

С. 306. Ласков был до чрезвычайности. — Ср.: «пушист до чрезвычайности», И. Ильф и Е. Петров, «Двенадцать стульев» (ч. 2, гл. 23).

С. 306. ...изданий «Посева» и «Граней»... — Издательство «Посев», журнал «Грани» — органы ведущего активную антисоветскую пропаганду Народно-трудового союза российских солидаристов.

С. 307. ...Петр Якир, просидев на площади около месяца... — Имеется в виду: в тюрьме КГБ. Фактически П. Якир был арестован 21 июня 1972 г.

С. 307. Ышшы и скорее высылай сценарий ДоУ. Должен быть! — Отсылка к анекдоту «Ишши, должен быть!»

С. 307. «Медленно и методично», как говорил ареолог Ливанов. — Отсылка к «Стажерам».

С. 307. Бледный и красивый — цитата из стихотворения Н. Гумилева «Влюбленная в дьявола»: «Что за бледный и красивый рыцарь / Проскакал на вороном коне».

С. 307. ...пьян, как Банев... — Отсылка к ГЛ.

С. 308. А меня тут Лешка подбивает на кой-какую халтурку. — Вероятно, речь идет о написанных совместно А. Германом и БНС для киностудии «Союзмультфильм» сценариях «От Ромула до наших дней» и «История одного изобретения».

С. 308. Мюнхенское издательство «Вильгельм Гейне Ферлаг» напечатало наш ТББ массовым тиражом в покетбуковской серии... — *Es ist nicht leicht, ein Gott zu sein* / Übers. v. N. Buchner. — München: Wilhelm Heyne Verlag, 1972. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Трудно быть богом.

С. 308. Акулы ротационных машин — приблизительная цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: «Эти акробаты пера, — восклицал он, — эти виртуозы фарса, эти шакалы ротационных машин...»; «Эти акробаты фарса, эти гиены пера! Эти виртуозы ротационных машин!» (ч. 1, гл. 13).

С. 309, 310. Французский журнал «_____» (что-то вроде ихнего литобозрения) опубликовал статью «Убить время» некоего Пьера Феррана, в которой сообщается, что издательство «_____» выпустило нашу УНС.; ...журнал «La Quinzaine», стр. 27, издательство наше — «du

Champ Libre». — Статья: Ferran P. Assasiner la dureé // La Quinzaine littéraire (Paris). — № 16. — 1972. — 30 sept. Издание: L'Escargot sur la pente / Trad. par M. Pétris. — Paris: Champ Libre, 1972. — Фр. яз. — Загл. ориг.: Улитка на склоне.

С. 309. *Об «пройтись рукой мастера» здесь не могло быть и речи. Ни рука, ни нога, ни более даже мощные и плодотворные органы какого-либо мастера не способны были за столь короткий срок исправить этого Горбатого.* — Аллюзия на исторический анекдот. Во время войны И. Сталину часто жаловались на генерала А. Горбатова, известного своей резкостью и непримиримостью. Однажды Сталин пошутил: «Горбатова только могила исправит».

С. 309. *В дорогом немецком издании ТББ 212 стр., в покетбуковском же — 158...* — Первое — Es ist nicht leicht, ein Gott zu sein / Übers. v. H. Buchner. — Hamburg, Düsseldorf: Marion von Schröder Verlag, 1971. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Трудно быть богом.

С. 311. *...мальчишка типа вервольфа...* — «Werwolf» — «оборотень», здесь: член одной из подпольных организаций немецкого ополчения в конце и после окончания Второй мировой войны.

С. 312. *Кстати, он пишет в «Литературное обозрение» (он теперь там ответственный> секретарь) статью о нас, ему благожелательно разрешили в ЦК.* — Будущая публикация: Ревич В. Позднее прозрение рыжего Шухарта. — Литературное обозрение (М.). — 1973. — № 2.

Борис Стругацкий. Письма матери, 1972

Подборка писем БНС Александре Ивановне за 1972 г. Одно письмо не датировано. Его датировка была выполнена составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях.

Публикуется впервые.

С. 312. *Борис — матери, 9 августа 1972...* — Датировка составителей.

Борис Стругацкий. Письмо супруге, 1972

Единственное письмо БНС Аделаиде Андреевне за 1972 г. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в тексте письма в угловых скобках.

Публикуется впервые.

С. 313. *А дальше — рыжие леса, голубые доли, безумно далекий синий горизонт, где-то там — Шереметьево.* — Вероятно, БНС имел в виду другой аэропорт, Внуково.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочий дневник, 1971–1987

Представлены записи в дневнике за 1972 г.

Первая публикация — Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012.

С. 314. *Бобслеи* — монтажный прием в кино и на телевидении, когда короткие по длительности кадры стремительно сменяют друг друга. **БНС, 1.11.2008**: Это слово принес в компанию АН. Взял напрокат у знакомых киношников.

С. 315. *«Ойло Союзное»* — **БНС**, офлайн-интервью от 17.01.1999: «Ойло Союзное» — вполне профессиональное название некоего восточного лакомства типа рахат-лукума. Довольно часто встречалось в кондитерских магазинах 60–70-х годов. **Сост.**: Использовано в ХС в качестве прозвища персонажа. См. также в т. 25 запись БНС между встречами 30.11.81 и 8.01.82 в том же рабочем дневнике: «У Манохина привычка: всем встречным и поперечным дает клички (мысленно, конечно). «Ойло союзное»».

С. 316. *Грибины* — от «грибенкес» — гусиные или куриные шварки с луком (*идиш*). Слово использовано в ДСЛ.

С. 316. *«Ауф айн припечек брент а файерл».* — «Алеф-бейс» (или по начальным словам «Афн припечек») — песня на идиш на слова и музыку М. Варшавского. Использовано в ПП.

С. 319. *Вполсвистá* — см. примечание к с. 294.

С. 319. *История про новосела-рабочего: ~ И приходит девица.* — Использовано в ХС.

С. 320. *[Черновик письма к Г. Гречко]* — **БНС, 7.11.2006**: К нам обратился журналист, кажется, <Владимир> Губарев, — попросил написать что-нибудь для развлечения Жоры на орбите. Мы с удовольствием написали, но Жора тогда не полетел. Читал ли он вообще эту записку, не знаю, а точнее — не помню. **Сост.**: С октября 1971 по июль 1972 г. Г. Гречко вместе с А. Губаревым проходил подготовку к полету на Долговременную орбитальную станцию ДОС–2 в качестве бортинженера третьего (резервного) экипажа. Полет был отменен из-за аварии ракеты-носителя при выведении на орбиту ДОС–2.

С. 320. *Кета* — дочка. — См. в ГО: «Изя вдруг спросил: / — А ты кету едал? ~ А вот мои дочки ее уже не пробовали».

С. 321. «Человек — это душонка, обремененная трупом». Эпиктет (М. Туровская «Герой безгеройного времени», стр. 234). — Туровская М. Герой «безгеройного времени» (заметки о неканонических жанрах). — М.: Искусство, 1971. Фраза из «Бесед Эпиктета (записанных Флавием Аррианом)» процитирована в книге Марка Аврелия «Наедине с собой. Размышления» (перевод С. Роговина). Эта цитата была любима Авторами и использована в ГО, ХС, ОЗ и ПП.

С. 321. «Любовь ленинградцев...» Л<енинградская> П<равда>, 19.01.51, пятница. — Заголовок передовицы «Любовь ленинградцев к товарищу Сталину безгранична» из газеты «Ленинградская правда» от 19 января 1951 г. использован в финальной сцене ГО.

С. 322. Человек (фокусник), которого приняли за пришельца. — Использовано в ХС.

С. 322. «Цветок душистых прерий — Л<аврентий> П<алыч> Б<ерий>» — вариация песенки Джима из мюзикла «Роз-Мари». Музыка Р. Фримля и Х. Стотхарта, либретто О. Харбаха и О. Хаммерстайна, рус. переделка В. Типота и А. Феона, перевод песни — Б. Тимофеева. Использовано в ХС.

С. 322. «Утро красит...» — «Москва майская», слова В. Лебедева-Кумача, музыка бр. Дан. и Дм. Покрасс.

С. 322. «А какое мне, собственно, дело до них до всех?» — Приблизительная цитата из песни «Тяжелым басом гремит фугас...» («Какое мне дело до всех до вас, / А вам до меня?») из к/ф «Последний дюйм». Слова М. Соболя, музыка М. Вайнберга.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1971–1973

Фрагмент дневника за 1972 г.

Публикуется впервые.

С. 324. «Карьера Кэшлия Байрона» — роман Б. Шоу.

С. 324. Встретился с Каппе. Он сказал, что пристроил детектив в «Дружбу народов». — Речь о переводе Ю. Каппе повести М. Стейги и Л. Вольфа.

С. 324. Ходит слух, что в «Вечерке» было сообщение, что Стругацкие с Хитруком ставят мультфильм. — Санина И. Погоня в космосе // Вечерняя Москва. — 1972. — 4 янв.

С. 324. Отпечатал рецензию на «Королеву бриллиантов»... — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на детективную повесть М. Стейги и Л. Вольфа “Шах королеве бриллиантов”».

С. 324. ...написал рецензию на «Сына Розовой Медведицы». — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на второй вариант приключенческого романа В. Чернова “Сын Розовой Медведицы”».

С. 324. Пришло письмо от изд<ательст>ва Кошут (Венгрия) и три экз ПНЭС и ТББ в переводе на венгерский. — Nehéz istennek lenni; A hétfő szombaton kezdődik / Gellért G. fordítása. — Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1971. — Венг. яз. — Загл. ориг.: Трудно быть богом, Понедельник начинается в субботу.

С. 325. Отмечали у Зерновой и Сермуса старый Новый год. — Оговорка (возможно — нарочитая, Сермус — персонаж «Испытания СКИБР»), нужно — Серман.

С. 325. Прочитал рукопись манинского шефа... — Научным руководителем Ю. Манина был проф. И. Шафаревич.

С. 326. Читал Гора «Изваяние». — Гор Г. Изваяние // Нева (Л.). — 1971. — №№ 7, 8.

С. 326. А также всё, что потребуется впредь. — Отсылка к роману И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 2, гл. 19.

С. 327. ...Миёси пойдет в № 6 «Африки и Азии»... — Фактически рассказ был опубликован в 11-м номере журнала «Азия и Африка сегодня» за 1973 г.

С. 328. «Бэмби» — амер. м/ф 1942 г., реж. У. Дисней.

С. 329. Ванслова звонила, говорит, что книга напечатана... — См. примечание к с. 281.

С. 331. В зале встретился с Андреем Тарковским ~ он пообещал пригласить меня на просмотр в «Мосфильм». — Вероятно, на премьеру «Соляриса».

С. 332. Предисловие к тому Акутагавы — будущая публикация: Три открытия Акутагава Рюноскэ // Акутагава Рюноскэ. Новеллы. — М.: Худож. лит., 1974. — (Библиотека всемирной литературы; Т. 129).

С. 332. Закончил читать Лейнстера и написал рецензию. — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на научно-фантастическую повесть Мюррея Лейнстера “Четверо с пятой планеты”».

С. 333. Написал и отпечатал рецензию на «Владика из Древней Греции». — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на фантастическую повесть Виктора Бабкина “Владик из Древней Греции”».

С. 333. «Продавец воздуха» — повесть А. Беяева.

С. 333. Прочитал «Монах» Кубанцева и начал «В медвежьем углу» Файбышенко. — См. в разделе публицистики материалы «Рецензия на повесть Г. Кубанского “Монах”» и «Рецензия на повесть Юлия Файбышенко “В медвежьем углу”».

С. 333. Читал Мегрэ. — То есть некий детектив Ж. Сименона.

С. 334. ...фильм Андрея Хржановского «Бабочки». — Точнее, «Бабочка», м/ф 1972 г.

С. 334. Написал рецензию на Росоховатского. — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и рассказов И. Росоховатского “Что такое человек?”».

С. 334. Третий (или четвертый?) день «сухого закона», но, по-моему, ничто не изменилось. Пьют и кушают, как прежде. — Речь об антиалкогольной кампании под лозунгом «Пьянству — бой!», начавшейся 16 мая опубликованием Постановления Совмина СССР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма».

С. 335. Читал «Яп<онскую> литературу» Логуновой и Григорьевой... — Григорьева Т., Логунова В. Японская литература. Краткий очерк. — М.: Наука, 1964.

С. 335. Написал рецензию на Хартриджа. — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на фантастическую повесть Дж. Хартриджа “Спящие пробуждаются”».

С. 335. ...прочел Кима «Три дома напротив соседних два». — Ким Р. Три дома напротив, соседних два. (Описание лит. Японии). — М.: Сов. лит., 1934.

С. 335. С утра читал статью Конрада о первом периоде буржуазной литературы в Японии. — Конрад Н. Первый этап японской буржуазной литературы // Труды Института востоковедения АН СССР. — 1932. — № 1.

С. 335. Написал рецензию на Кейта Ломера «Дом в ноябре»... — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на научно-фантастическую повесть К. Ломера “Дом в ноябре”».

С. 335. Вчера на ночь читал Эйдуса. — Эйдус Х. История Японии с древнейших времен до наших дней. Краткий очерк. — М.: Наука, 1968.

С. 336. «Операция “Ифрит”» — Anderson P. Operation Afreet // The Magazine of Fantasy and Science Fiction, September 1956.

С. 336. ...разговор с Мишей <Фишгойтом>, художником-оператором «Красной палатки». — Советско-итал. к/ф 1969 г., реж. М. Калатозов. М. Фишгойт был художником-постановщиком картины.

С. 337. Написал рецензию на «Операцию “Хаос”» П. Андерсона. — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на фантастическую повесть Пола Андерсона “Операция “Хаос”»».

С. 337. Настояли, чтобы я написал вводную статью для трех японских рассказов в октябрьском № «Азии и Африки». — Публикация не состоялась.

С. 337. Написал рецензии на «Яму времени» и «Планету воли». — См. в разделе публицистики материалы «Рецензия на фантастическую повесть Брайана Болла “Яма во времени”» и «Рецензия на фантастическую повесть Чарльза Платта “Планета волян”».

С. 337. Brown F. Star Shine — NY: Bantam, 1956.

С. 337. «Принцип Иегуды» — рассказ Ф. Брауна «The Yehudi Principle».

С. 338. Написал рецензии на Тупицына и Грешнова... — См. в разделе публицистики материалы «Рецензия на фантастический роман Ю. Тупицына “Золотой век” (“Операция будет опасной”)» и «Рецензия на сборник научно-фантастических рассказов и памфлетов Михаила Грешнова “Фантастика”».

С. 338. ...свел меня с режиссером на ПвК — Василием Борисовичем Ливановым. Он показал мне свою «Синюю птицу»... — М/ф 1970 г.

С. 342. Написал и перепечатал рецензию на Кличку. — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на сборник повестей и рассказов для школьников среднего возраста “Ночной орел”».

С. 343. Санович сообщил, что включил «Луну в тумане» в сборник «Японской классической прозы»... — Фактически в том 18 «Библиотеки всемирной литературы» «Классическая проза Дальнего Востока» (М.: Худож. лит., 1975) сборник новелл Уэда Акинари, переведенный З. Рахимом и А. Стругацким, не вошел.

С. 344. Встретил Гуревича в метро. Подарил мне книгу. — Гуревич Г. Месторождение времени. — М.: Дет. лит., 1972.

С. 345. Рецензия на «Покупщика детей». — См. в разделе публицистики материал «Рецензия на фантастическую повесть Дж. Херси “Покупщик детей”».

С. 345. А наш протест насчет CoT остался у него, он его не передавал... — См. в разделе публицистики т. 17 материал «В редакцию “Литературной газеты”».

С. 346. «Новый журнал» — или «The New Review» — литературно-публицистический журнал русского зарубежья, печатается на русском языке в Нью-Йорке с 1942 г.

С. 346. ...*статья Дж. Гелла (?)*. — Глэд Дж. Возрождение антиутопии в произведениях А. и Б. Стругацких // Новый журнал (Нью-Йорк). — 1970. — № 98.

С. 346. «*Цветок персика*» — точнее, «*Цветок граната*» («Саят-Нова»). К/ф 1968 г., реж. С. Параджанов.

С. 346. «*Майерлинг*» — франко-англ. к/ф 1968 г., реж. Т. Янг.

С. 346. «*Встреча в горах*» — к/ф 1966 г., реж. Н. Санишвили.

С. 347. *В конце фильма: робот, обшитый листом жести, с брандспойтом вместо пушки, движется на ребят, а они забрасывают его гранатами. Учитель поражен. В чем дело, что за забавы? «Мы вернемся на Борнео!»* — Возможна связь с фрагментом романа Л. Леонова «Дорога на Океан»: «В этой первобытной мгле, спустившейся на материк, белая мать из Дублина оплакивала желтых детей с Борнео. Утром массы потребовали военного выступленья. Они дефилировали по улицам с ужасными муляжами отрубленных голов и рук, с лозунгами: хотим на Борнео» (гл. «Мы проходим через войну»).

С. 347. «*Тайна фермы Мессе*» — название в советском прокате франко-итало-герм. к/ф 1970 г. «La Horse», реж. П. Гранье-Дефер.

С. 347. «*День, когда всплыла рыба*» — амер.-англо-греческ. к/ф 1967 г., реж. М. Какояннис.

С. 347. ...*Беле я дозвонился (телефон узнал у Юры Давыдова — 15 коп.)*. — Минута разговора в междугородных телефонах-автоматах оплачивалась монетой достоинством 15 копеек.

С. 347. ...*Миша Андраша, писатель-юморист. Подарил мне книгу*. — Андраша М. Воспоминания бывшего ребенка. — М.: Мол. гвардия, 1972.

С. 347. «*Гений дзюдо*» — название в советском прокате японских к/ф-в 1943 и 1945 гг. «Сугата сансиро» и «Дзоку сугата сансиро», реж. А. Куросава.

С. 347. «*Каждый вечер в 11*» — «Каждый вечер в одиннадцать», к/ф 1969 г., реж. С. Самсонов.

С. 347. «*Три мушкетера*» — возможно, франко-итал. к/ф 1961 г., реж. Б. Бордери.

С. 347. «*Подозреваются все*» — название в советском прокате венг. к/ф 1971 г. «Убийца в доме», реж. Р. Бан.

С. 348. «*Замороженный*» — франко-итал. к/ф 1969 г., реж. Э. Молинаро.

С. 348. «*Хлеб, любовь и фантазия*» — итал. к/ф 1953 г., реж. Л. Коменчини.

С. 348. «*Этот безумный... мир*» — «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир», амер. к/ф 1963 г., реж. С. Крамер.

С. 348. «*Марыся и Наполеон*» — польск. к/ф 1966 г., реж. Л. Бучковски.

С. 348. «*Не оглядывайся назад*» — болг. к/ф 1971 г., реж. Л. Кирков.

С. 348. «*Японский альманах*» — точнее, «Восточный альманах».

С. 348. ...*в Детгиз за рукописью Лукодьянова и Войскунского...* — См. в разделе публицистики т. 19 материал «Рецензия на научно-фантастический роман Е. Войскунского и И. Лукодьянова «Ур, сын Шама»».

С. 348. *БВФ* — см. примечание к с. 290.

С. 349. *ИМЛ* — Институт мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР. Чаше употребляется аббревиатура ИМЛИ. ИМЛ'ом обычно именовался Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1972–1973

Книжка заполнена разнообразными записями: календарная часть — записями планов и событий 1972–1973 гг., алфавитная часть — адресами и телефонами знакомых. Публикуются записи за 1972 г. Часть записей выполнена иероглифами. Составители признательны Н. Караеву за перевод с японского.

Публикуется впервые.

С. 351. [6.03.72] / *Отъезд в Ленинград*. — Отъезд был отменен.

Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1972

Записи из папок «Блокноты, тетради, тексты» и «Миниатюры, заявки». Представлены записи, предположительно относящиеся к 1972 г. Более ранние наброски к сюжету «Мензура Зоили» см. в т. 17 в записи от 6.11.71 дневника АНС 1971–1973 гг.

Публикуется впервые.

С. 354. «*О люди, жалкое отродье крокодилов!*» — Неточная цитата из драмы Ф. Шиллера «Разбойники»: «Люди, люди! лживое, коварное отродье крокодилов!» (действ. 1, сцена 2). Перевод М. Достоевского.

С. 354. «*Человек создан для счастья, как птица для полета*». — Цитата из очерка В. Короленко «Парадокс».

С. 354. [«*Мензура Зоили*» (...)] — сюжет ненаписанной пьесы использован в ХС.

- С. 355. *Изя Кацман* — персонаж ГО, работа над которым шла в то время.
 С. 355. *Гамлет* — персонаж одноименной пьесы У. Шекспира.
 С. 355. *...цена ей — дерьмо...* — Приблизительная цитата из романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны»: «Всеми этому цена дерьмо!» (ч. 1, гл. 1). Перевод П. Богатырева.
 С. 356. *Антиномия* — парадокс, противоречие между двумя суждениями, каждое из которых считается в равной степени обоснованным или логически выводимым в рамках некоторой системы концепций (теории).
 С. 357. *Негры! Обязательно!* — То есть обязательно включить в пьесу тему «литературных негров».

Борис Стругацкий. Дневник, 1969–1974

Тетрадь заполнена датированными и недатированными записями дневникового и творческого характера, цитатами из книг, статистическими подсчетами выдвижений членов Политбюро в Верховный Совет. Публикуются записи за 1972 г.

Публикуется впервые.

- С. 358. *Отдал ООН — Н (225–250)* — **БНС, 20.06.2009**: Коллекцию марок ООН отдал какому-то Н за 225–250 руб. Почти ничего не помню.
 С. 358. *Отослал репродукции Д.* — **БНС, 20.06.2009**: Не помню ничего.
 С. 359. *Подписал проект договора в Л<ен>Д<ет>Г<из>* — на 20 а. л. М<ожет> б<ыть>,> придется сократить ПХХИВ листа на 3–4. — В будущем издании ПХХИВ+М (Л.: Дет. лит., 1975) отсутствовала новелла «Скатерть-самобранка».

В. Курильский, Л. Рудман

Библиография. 1972 г.

1. Художественные произведения

1.1. А. и Б. Стругацких

- 1.1.1. Человек из Пасифиды // Фантастика-72. — М.: Мол. гвардия, 1972. — С. 245—263.
 1.1.2. Пикник на обочине: Фантаст. повесть / Худож. Г. Ковенчук, Ш. Клаич // Аврора (Л.). — 1972. — № 7. — С. 28—43; № 8. — С. 38—51; № 9. — С. 38—51; № 10. — С. 42—51.

2. Статьи, интервью, выступления

2.1. А. и Б. Стругацких

- 2.1.1. Предисловие // Клемент Х. Экспедиция «Тяготение». — М.: Мир, 1972. — С. 6—14. — (Зарубежная фантастика).
 2.1.2. В редакцию «Литературной газеты» // Лит. газета (М.). — 1972. — 13 дек. — С. 9. — [О повести «Гадкие лебеди»].

3. Работа над переводами

- 3.1. Клемент Х. Экспедиция «Тяготение»: Повесть / Пер. с англ. С. Бережкова // Клемент Х. Экспедиция «Тяготение». — М.: Мир, 1972. — С. 15—253. — (Зарубежная фантастика).

Ю. Флейшман

Указатель имен

- Anderson Poul — см. Андерсон Пол.
 Ball Brian — см. Болл Брайан.
 Brown Fredric William — см. Браун Фредрик Уильям.
 Hartridge Jon — см. Хартридж Йон.
 Hersey John — см. Херси Джон.
 Laumer Keith — см. Ломер Джон Кейт.

- Platt Charles Michael — см. Платт Чарльз Майкл.
 Абрамов Сергей Александрович — писатель.
 Абэ Кобо (Кимифуса) — японский писатель.
 Авербах Илья Александрович — режиссер.
 Авраменко Инна Фёдоровна — заместитель главного редактора издательства «Молодая гвардия».
 Агранович Евгений Данилович — сценарист, поэт, журналист.
 Адамов Аркадий Григорьевич — писатель.
 Акутагава Рюноскэ — японский писатель.
 Александр Македонский — царь Македонии, полководец.
 Александр Ярославич Невский — государственный деятель, военачальник.
 Алпатов Михаил Владимирович — искусствовед, историк искусства.
 Андерсон Пол Уильям — американский писатель.
 Андраша (Андрочников) Михаил Яковлевич — писатель, сотрудник редакций.
 Аронэ Михаил Наумович — переводчик.
 Ашмарин Игорь Петрович — биохимик, физиолог, военный медик, одноклассник АНС.
 Бабкин Виктор Сергеевич — журналист, писатель.
 Баскаков Владимир Евтихианович — первый заместитель председателя Госкино СССР.
 Беляев Александр Романович — писатель.
 Беляев Альберт Андреевич — заведующий сектором литературы Отдела культуры ЦК КПСС, позднее — редактор ряда изданий.
 Беляева Тамара Николаевна — редактор ТО «Экран».
 Берия Лаврентий Павлович — политический и государственный деятель.
 Беркова Нина Матвеевна — редактор издательства «Детская литература», критик, писательница.
 Берман Феликс Соломонович — режиссер.
 Беспалова Лариса Георгиевна — редактор издательства «Молодая гвардия», переводчик.
 Бецалель Иегуда Лива (Лёва, Лёба) бен — пражский раввин, талмудист, ученый.
 Биленкин Дмитрий Александрович — писатель, критик, журналист, популяризатор науки.
 Биленкины — Биленкин Дмитрий Александрович, писатель, критик, журналист, популяризатор науки; Притула Татьяна Юрьевна, географ; супруги.
 Бирюкова Вера Семёновна — главный редактор Второго творческого объединения киностудии им. Горького.
 Бобринские (дружески — Бобры) Геннадий Иванович и Виктория — друзья АНС.
 Болдырев Виктор Николаевич — писатель.
 Болл Брайан Невилл — английский писатель.
 Борецкий Юрий Александрович — режиссер.
 Борисов Виктор Максимович — писатель, сотрудник Иностранной комиссии СП СССР.
 Боярский Михаил Сергеевич — актер, певец.
 Боярский Николай Александрович — актер.
 Брандис Евгений Павлович — критик, библиограф, литературовед.
 Браун Фредрик Уильям — американский писатель.
 Бритиков Анатолий Фёдорович — литературовед, критик.
 Бромберг Константин Леонидович — режиссер.
 Брыль Игорь — художник-декоратор к/ф «Чародеи».
 Брэдбери Рэй (Брэдбери Рэймонд Дуглас) — американский писатель.
 Булгаков Михаил Афанасьевич — писатель, драматург.
 Буссенар Луи Анри — французский писатель.
 Вайсброт Евгений Павлович — переводчик, педагог.
 Вальков Михаил Михайлович — директор студии «Союзмультфильм».
 Ванслова Елена Гавриловна — редактор издательства «Мир», переводчик.
 Варшавский Илья Иосифович — писатель.
 Вегин Пётр Викторович — поэт.
 Велтистов Евгений Серафимович — писатель, сотрудник сектора издательств Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС.
 Венжер Наталия Яковлевна — киновед.
 Верн Жюль Габриэль — французский писатель.
 Весник Евгений Яковлевич — актер.
 Вицин Георгий Михайлович — актер.
 Владимир Всеволодович Мономах — великий князь киевский.
 Вознесенский Андрей Андреевич — поэт.
 Войсунский Евгений Львович — писатель, друг АНС.

- Вольф Лазарь — журналист, писатель.
 Воронова Татьяна Владимировна — сотрудница географического факультета МГУ.
 Воронцов Михаил Иванович — актер.
 Воскресенская (урожденная Ошанина, фамилия по первому замужеству; домашнее прозвище — Крыса) Елена Ильинична — супруга АНС.
 Высоцкий Владимир Семёнович — поэт, бард, актер.
 Габен Жан (Монкорже Жан Алекси) — французский актер.
 Гаевский Игнаций — директор польского издательства «Искры».
 Галилей Галилео — итальянский физик, механик, астроном.
 Гамильтон Уильям Роуэн — ирландский математик, физик.
 Гамов Кирилл (псевдоним Мартыановой Людмилы Николаевны) — корреспондент АНС.
 Ганичев Валерий Николаевич — директор издательства «Молодая гвардия».
 Ганс (Ханс) — немецкий аспирант.
 Гансовский Север Феликсович — писатель.
 Гашек Ярослав — чешский писатель.
 Гелл — ошиб., см. Глэд.
 Геллерт Дьёрдь — венгерский переводчик.
 Герман Алексей Юрьевич (Георгиевич) — режиссер, сценарист.
 Гессен — либо Арнольд Ильич, писатель, литературовед, либо Эстер Яковлевна, переводчик, редактор, невестка А. Гессена.
 Гитлер Адольф — немецкий политический и государственный деятель.
 Глэд (ошиб. Гелл) Джон — американский славист, литературовед, переводчик, педагог.
 Гоголь Николай Васильевич — писатель, драматург.
 Головань Ирина Павловна — главный редактор киностудии «Ленфильм».
 Голубев Глеб Николаевич — писатель, журналист, публицист.
 Гор Геннадий (Гдалий) Самойлович — писатель.
 Горбовский Александр Альфредович — историк, писатель.
 Горелик Регина Марковна — заведующая отделом внешних сношений УОАП.
 Гребенщиков Алексей Яковлевич — журналист.
 Грей, Грэй Лен — американский писатель.
 Гречко Георгий Михайлович — космонавт, друг АБС.
 Грешнов Михаил Николаевич — писатель.
 Грибанов Борис Тимофеевич — заместитель главного редактора издательства «Художественная литература», заведующий редакцией «Библиотеки всемирной литературы».
 Григорьев (Абрамсон) Григорий Моисеевич — синолог, дипломат, сотрудник разведки, преподаватель ВИИЯ, составитель словарей.
 Григорьева Майя Григорьевна — сотрудница киностудии «Центрнаучфильм», дочь Г. Григорьева.
 Григорьева (ранее, в дневнике АНС 1958–1959 гг., — Топеха) Татьяна Петровна — филолог, переводчик.
 Гринько Николай Григорьевич — актер.
 Громов Михаил Петрович — литературовед.
 Громова Ариадна Григорьевна — писательница, критик.
 Гроссман Василий Семёнович (Иосиф Соломонович) — писатель.
 Грошев Герман Александрович — главный редактор ТО «Экран».
 Гукасян Фрижетта Гургеновна — главный редактор Второго объединения киностудии «Ленфильм».
 Гун-Син Ван — автор статьи, переведенной АНС.
 Гуревич Георгий Иосифович — писатель.
 Давыдов Юрий Владимирович — писатель.
 Даган Дэвид Т. Дж. — английский славист, педагог.
 Дахно Владимир Авксентьевич — режиссер, сценарист, художник-аниматор.
 Девис Евгений Артурович — заведующий редакцией научно-популярной и научно-фантастической литературы издательства «Мир».
 Декарт Рене — французский математик, философ.
 Дербенёв Леонид Петрович — поэт.
 Джекобс Уильям Уаймарк — английский писатель.
 Дмитриевский Владимир Иванович — писатель, литературовед, критик.
 Долинина Наталия Григорьевна — писательница.
 Домбровский (Сокол-Домбровский) Витольд — польский поэт, переводчик, супруг И. Левандовской.
 Достоевский Фёдор Михайлович — писатель.

- Дуров Лев Константинович — актер, режиссер.
 Евстигнеев Евгений Александрович — актер.
 Евтушенко (Гангнус) Евгений Александрович — поэт.
 Емцев Михаил Тихонович — писатель, редактор.
 Енчмык Лех — заведующий редакцией советской литературы польского издательства «Искры», журналист.
 Ефремов Иван Антонович (Антипович) — писатель, палеонтолог.
 Жемайтис Сергей Георгиевич — заведующий редакцией издательства «Молодая гвардия», писатель.
 Журавлёв Василий Николаевич — режиссер.
 Загданский Евгений Петрович — сценарист, киновед, редактор.
 Заикин Борис Сергеевич — любитель фантастики.
 Захарченко Василий Дмитриевич — главный редактор журнала «Техника — молодежи».
 Земленко Нина — редактор 6-го творческого объединения киностудии «Мосфильм».
 Зернова (Зевина) Руфь Александровна — писательница, переводчик, супруга И. Сермана.
 Золотухин Валерий Сергеевич — актер.
 Ивченко Борис Викторович (ошиб. Дмитриевич) — режиссер, актер.
 Ивченко Виктор Илларионович — режиссер, сценарист.
 Игельницкая Вера Ильинична — переводчик.
 Идриси (ал-Идриси, Абу Абдаллах Мухаммед ибн Мухаммед ибн Абдаллах ибн Идрис ал-Хаммути ал-Хасани) — арабский географ, картограф, путешественник.
 Ильин Виктор Николаевич — секретарь по организационным вопросам МО СП СССР.
 Ильинский Игорь Владимирович — актер, режиссер.
 Инбер Вера Михайловна (Шпенцер Вера Моисеевна) — писательница, поэтесса.
 Кагарлицкий Юлий Иосифович — литературовед, критик.
 Калакуцкая Мария Михайловна — заведующая редакцией издательства «Детская литература».
 Калина Александр Исаевич — физик, изобретатель.
 Кан Вениамин Липманович — физик, критик, библиограф, переводчик.
 Каппе Юрий Семёнович — переводчик.
 Кармалита (Борщаговская) Светлана Игоревна — сценарист, режиссер, супруга А. Германа.
 Карпельюк Андрей Иосифович — тесть БНС, генерал в отставке.
 Карпова Валентина Михайловна — главный редактор издательства «Советский писатель».
 Катасонов Владимир Логинович — сотрудник Центрального телевидения.
 Ким Роман Николаевич — писатель.
 Ким Юлий Черсанович — поэт, бард.
 Киндинов Евгений Арсеньевич — актер.
 Киселёв Илья Николаевич — директор киностудии «Ленфильм».
 Китайгородский Александр Исаакович — физик, популяризатор науки.
 Кларк Артур Чарльз — английский писатель, футуролог.
 Клемент Хол (Стаббс Гарри Клемент) — американский писатель.
 Кличка Вацлав (псевдоним — Ломм Александр Йозефович) — чешский, русский писатель.
 Клюева Бела Григорьевна — редактор издательства «Молодая гвардия».
 Ковалевский Владимир Павлович — географ, писатель.
 Ковальчук Михаил Андреевич — критик, литературовед.
 Ковтун Владимир Гаврилович — заместитель главного редактора киностудии им. Довженко.
 Конрад Николай Иосифович — востоковед, филолог, переводчик, педагог.
 Коржавин (Мандель) Наум Моисеевич — поэт.
 Коротич Виталий Алексеевич — поэт, публицист, журналист, сценарист, главный редактор журнала «Огонек».
 Косарева Нина Сергеевна — инструктор Отдела культуры ЦК КПСС, ранее — главный редактор журнала «Аврора».
 Котёночкин Вячеслав Михайлович — режиссер-аниматор, сценарист, художник.
 Кочетов Всеволод Анисимович — писатель, главный редактор журнала «Октябрь».
 Красина Татьяна Борисовна — редактор Главной редакции литературно-драматического вещания Всесоюзного радио.
 Крейндин (псевдоним — Крелин; дружески — Крендель) Юлий Зусманович — писатель, врач.
 Крылатов Евгений Павлович — композитор.
 Крыса — см. Воскресенская Елена.
 Кубанский (ошиб. Кубанцев) Георгий Владимирович — писатель.
 Кубанцев — ошиб., см. Кубанский.

Кувик, Кувик Пётр Петрович — организатор кинопроизводства, сценарист, главный редактор киностудии им. Довженко.

Кульчицкая Татьяна Владимировна — сотрудница киностудии им. Довженко.

Куневская Екатерина Александровна — редактор Главной редакции литературно-драматического вещания Всесоюзного радио.

Кунин Владимир Владимирович — писатель, сценарист.

Купер Джеймс Фенимор — американский писатель.

Куприенко Раиса (ошиб. Рита) Ивановна — редактор Центральной сценарной студии Госкино СССР.

Курганова Валентина Михайловна — редактор издательства «Советская Россия».

Курганцев (Грисман) Михаил Абрамович — заместитель главного редактора журнала «Азия и Африка сегодня».

Лавуазье Антуан Лоран — французский химик.

Лагин (Гинзбург) Лазарь Иосифович — писатель.

Ладос — легендарный спартанец, участник Олимпийских игр, упавший мертвым после победного забега.

Лао-цзы — древнекит. философ, основатель даосизма.

Ларин (Эпштейн) Борис Абрамович — сценарист, друг АНС.

Ларин Евгений Степанович — писатель.

Ларионова (Тидеман) Ольга Николаевна — писательница.

Ларри Ян Леопольдович — писатель.

Левандовска Ирена — польский переводчик, журналист.

Левин Эммануил (дружески — Муля) — актер театра «Современник».

Лейнстер Мюррей (Дженкинс Уильям Фитцджеральд) — американский писатель.

Лем Станислав — польский писатель, философ.

Лемхин Михаил Абрамович — фотохудожник, журналист, знакомый БНС.

Лесс Александр Лазаревич — журналист, фотограф.

Ливанов Борис Николаевич — актер, режиссер.

Ливанов Василий Борисович — режиссер, актер, сценарист.

Литвинов Александр Зиновьевич — редактор Главной редакции литературно-драматического вещания Всесоюзного радио.

Лобанова Альбина Захаровна — младший редактор издательства «Молодая гвардия».

Логунова Вера Васильевна — филолог, переводчик.

Лоллобриджида Джина (Луиджина) — итальянская актриса.

Ломер, Лаумер Джон Кейт — американский писатель.

Ломм Александр Йозефович — псевдоним В. Клички.

Ломоносов Михаил Васильевич — ученый-естествоиспытатель, поэт.

Лукодянов Исая Борисович — писатель.

Луконин Михаил Кузьмич — поэт.

Лундвал Сам Торе Йерри — шведский писатель, редактор, издатель, критик, переводчик.

Лурье Самуил (дружески — Саша) Аронович — критик, литературовед, редактор журнала «Нева».

Майн-Рид — см. Рид.

Максим Хайрем Стивенс — английский изобретатель, конструктор-оружейник.

Максимов Владимир Емельянович (Самсонов Лев Алексеевич) — писатель, публицист.

Малов Владимир Игоревич — писатель, журналист, популяризатор науки.

Манин Юрий Иванович — математик, друг АБС.

Маргарита Петровна — бухгалтер Лениздата.

Маркман Александр Соломонович — врач, знакомый АНС.

Марковы — Мясников Владимир Степанович, историк, востоковед, синолог; Маркова Светлана Даниловна, филолог, синолог; супруги.

Маркузе Герберт — немецкий, американский социолог, философ.

Мелентьев Юрий Серафимович — первый заместитель председателя Госкомпечати СМ СССР.

Миёси Тору — японский писатель.

Микава Николай Маркович (Маркозович) — писатель.

Минц Лев Миронович — географ, этнограф, журналист.

Михановский Владимир Наумович — писатель, поэт, переводчик.

Морочко Вячеслав Петрович — писатель.

Нацумэ Сосэки (Нацумэ Кинноскэ) — японский писатель.

Неизвестный Эрнст Иосифович — скульптор, теоретик искусства.

Немцов Владимир Иванович — писатель.

- Нечаев Леонид Алексеевич — режиссер.
 Никишихина Елизавета Сергеевна — актриса.
 Николаева (Волянская) Галина Евгеньевна — писательница.
 Николай II (Романов Николай Александрович) — император.
 Никольский Борис Николаевич — заведующий отделом прозы журнала «Аврора», позднее — главный редактор журнала «Нева».
 Нил — неустановленное лицо.
 Новопашенный Виктор Борисович — астроном.
 Ньютон Исаак — английский физик, математик, астроном.
 Обручев Владимир Афанасьевич — геолог, палеонтолог, географ, писатель.
 Озерова Мэри Лазаревна — заведующая отделом прозы журнала «Юность».
 Окуджава Булат Шалвович — поэт, писатель, бард.
 Оорт Ян Хендрик — нидерландский астроном.
 Орьев Александр Иванович — председатель правовой комиссии при СП СССР, юрисконсульт.
 Осипов Валентин Осипович — главный редактор издательства «Молодая гвардия».
 Островский Андрей Львович — писатель, заместитель главного редактора журнала «Аврора».
 Ошанина-Фортулатова Екатерина Евгеньевна — теща АНС.
 Павленок Борис Владимирович — заместитель председателя Госкино СССР.
 Парнов Еремей Иудович — писатель.
 Пирогова Людмила Ивановна — писательница.
 Платт, Плэтт Чарльз Майкл — английский, американский писатель, художник, редактор.
 Плюснина Анна Ивановна — заведующая редакцией Ленинградского отделения издательства «Детская литература».
 Подольный Роман Григорьевич — писатель, журналист, популяризатор науки.
 Полевой (Кампов) Борис Николаевич — писатель, главный редактор журнала «Юность».
 Пономаренко Светлана Андреевна — редактор киностудии «Ленфильм».
 Попов Андрей Алексеевич — актер, режиссер, педагог.
 Преображенский Сергей Николаевич — редактор журнала «Юность».
 Пушкин Александр Сергеевич — поэт, писатель.
 Пшимановский Януш — польский писатель.
 Ревич Всеволод Александрович — журналист, кинокритик, литературовед, друг АНС.
 Ревичи — Ревич Всеволод Александрович, журналист, кинокритик, литературовед, друг АНС; Чеховская Татьяна Петровна, журналист, редактор журнала «Знание — сила»; супруги.
 Редько Тамара Прокофьевна — переводчик, заведующая редакцией издательства «Художественная литература».
 Рид Томас Майн — английский писатель.
 Рич (Рабинович) Валентин Исаакович — писатель, сотрудник редакции журнала «Химия и жизнь».
 Ришельё Арман Жан дю Плесси — французский церковный и государственный деятель.
 Рожер II Отвиль — король Сицилии.
 Ройзен Юрий Михайлович — поэт.
 Рольникайте Мария Григорьевна — писательница.
 Романенко Александр Данилович — переводчик, литературовед, редактор журнала «Литературное обозрение».
 Росоховатский Игорь Маркович — писатель.
 Рохлин Яков Нисонович — главный редактор Третьего творческого объединения киностудии «Ленфильм».
 Рытченков Владимир Александрович — режиссер киностудии «Центрнаучфильм».
 Саймак Клиффорд Дональд — американский писатель.
 Салганик Мира (Мириам) Львовна — переводчик, индолог.
 Санович Виктор Соломонович — редактор издательства «Художественная литература», переводчик.
 Селецкий Натан Маркович — писатель.
 Серман Илья Захарович — литературовед, супруг Р. Зерновой.
 Сеф Роман Семёнович (Фаермарк Роальд Семёнович) — писатель, поэт, драматург, переводчик.
 Сименон Жорж Жозеф Кристиан — французский писатель.
 Симонов Алексей Кириллович — журналист, режиссер.
 Симонов Константин (Кирилл) Михайлович — поэт, писатель.

Синельников Леонид Яковлевич — сотрудник, позднее — директор табачной фабрики «Ява».

Смагин Борис Иванович — физик, журналист, писатель.

Смелков Юлий Сергеевич — критик, искусствовед.

Смилга Вольдемар Петрович — физик, популяризатор науки.

Снесарев Аркадий Георгиевич — сценарист, главный редактор студии «Союзмультфильм».

Соболь Марк Андреевич — поэт.

Соколов Олег Игоревич — журналист, редактор журнала «Вокруг света».

Соколова Елена Петровна — литературовед, педагог.

Солженицын Александр Исаевич — писатель, правозащитник.

Софронов Анатолий Владимирович — писатель, поэт, драматург, главный редактор журнала «Огонек».

Стейга Миермилис (Фридман Илья Григорьевич) — юрист, писатель.

Степанцев Борис Павлович — режиссер-аниматор.

Столпник Светлана Прокофьевна — редактор издательства «Знание».

Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНС.

Стругацкая Александра Ивановна — мать АБС, педагог.

Стругацкий Андрей Борисович — сын БНС.

Судник Виктор Казимирович — двоюродный племянник АБС, внук М. Теселько.

Сытин Виктор Александрович — писатель, заместитель главного редактора Госкино СССР.

Тарковский Андрей Арсеньевич — режиссер, сценарист.

Татарский Евгений Маркович — режиссер.

Татьяна Сергеевна — сотрудница жилищно-строительного кооператива.

Терещенко Дина Анатольевна — поэтесса.

Теселько Мария Ивановна — тетья АБС, сестра А. И. Стругацкой.

Ткачёв Мариан Николаевич — переводчик, писатель, друг АНС.

Ткаченко Павел Дмитриевич (Антипов Яков Яковлевич) — деятель молдавского рабочего движения.

Толстой Алексей Николаевич — писатель.

Томан Николай Владимирович — писатель, критик.

Томашевский Николай Борисович — литературовед, переводчик.

Туманян Инна (Туманянц Инесса Суреновна) — режиссер, сценарист.

Тупицын Юрий Гаврилович — писатель.

Тургенев Иван Сергеевич — писатель.

Турков Андрей Михайлович — критик, литературовед, поэт.

Туровская Майя Иосифовна — театровед, критик, сценарист.

Урбан Адольф Адольфович — критик, литературовед.

Уэллс Герберт Джордж — английский писатель.

Файбышенко Юлий Иосифович — писатель.

Файнбург (Альпер) Захар Ильич — социолог, исследователь научной фантастики.

Фельдман-Конрад Наталья Исаевна — филолог, переводчик, составитель словарей.

Феонова Вера Борисовна — переводчик.

Ферран Пьер — французский писатель, литературовед, преподаватель.

Фирсов Владимир Николаевич — писатель, журналист.

Фишгойт Михаил Григорьевич — художник, сценарист, режиссер.

Фомин Олег Николаевич — сотрудник ВО «Международная книга».

Фошко (урожденная Воскресенская) Наталия Дмитриевна — приемная дочь АНС.

Фошко Эдуард Львович — зять АНС, супруг Н. Воскресенской.

Хаггард Генри Райдер — английский писатель.

Хартридж Йон — английский писатель.

Хейфец Михаил Рувимович — литератор, историк, друг БНС.

Херси Джон Ричард — американский писатель.

Хидекель Ирина Яковлевна — редактор издательства «Мир».

Хитрук Фёдор Савельевич — режиссер-аниматор, художник.

Хохлова Софья Владимировна — редактор издательства «Художественная литература».

Хржановский Андрей Юрьевич — режиссер-аниматор, сценарист.

Хрущёв Никита Сергеевич — политический и государственный деятель.

Циолковский Константин Эдуардович — основоположник теоретической космонавтики, писатель, философ.

Чапек Карел — чешский писатель.

Чёрная Наталия Ильинична — критик, литературовед.

Чернов Виталий Михайлович — писатель.

Чернышёва Татьяна Аркадьевна — литературовед.

Чесноков Владислав Фёдорович — переводчик, сотрудник Иностранной комиссии СП СССР.

Чехов Антон Павлович — писатель, драматург.

Чеховская Татьяна Петровна — журналист, редактор журнала «Вокруг света», супруга В. Ревича.

Чистяков Юрий Николаевич — астроном, друг БНС.

Чухрай Григорий Наумович — режиссер.

Шекли Роберт — американский писатель.

Шефнер Вадим Сергеевич — писатель, поэт.

Шилейко Алексей Вольдемарович — физик, популяризатор науки, друг АНС.

Штиллер Роберт — польский переводчик.

Шуткина Нина Григорьевна — сотрудница Литфонда.

Эйдус Хаим Тевелевич — филолог, японист.

Эйнштейн Альберт — немецкий, американский физик, общественный деятель.

Эмис Кингсли Уильям — английский писатель, поэт, литературовед.

Эпиктет — древнегреческий философ.

Юрский Сергей Юрьевич — актер, режиссер, писатель.

Якир Пётр Ионович — историк, общественный деятель, правозащитник.

В. Курильский

Указатель заглавий произведений и их аббревиатур

Menzura Zoili — замысел.

В — Возвращение.

Ваш покорный слуга кот — замысел второго перевода АНС повести Нацумэ Сосэки.

ВДС — Высокие договаривающиеся стороны.

Веселые волшебники — см. Чародеи.

Веселые чародеи — см. Чародеи.

Возвращение.

Встреча миров — либретто научно-художественного фильма.

Встречи — см. Неназначенные встречи.

Второе нашествие марсиан.

Высокие договаривающиеся стороны — замысел продолжения повести «Понедельник начинается в субботу».

Гадкие лебеди.

ГЛ — Гадкие лебеди.

ГО — Град обреченный.

Гость из полудня — сценарий АНС.

Град обреченный.

Далекая Радуга.

Дело об убийстве — см. Отель «У Погибшего Альпиниста».

Дни Кракена.

ДОУ — Дело об убийстве.

ДР — Далекая Радуга.

Жук в муравейнике.

Злоумышленники — новелла из повести «Полдень, XXII век».

Исчезновение профессора Выбегаллы — замысел продолжения повести «Понедельник начинается в субботу».

Кандид — часть «Лес» из повести «Улитка на склоне».

Китайская мысль — перевод АНС статьи Гун-Син Вана.

Кот — см. Ваш покорный слуга кот.

Кракен — см. Дни Кракена.

Луна в тумане — перевод З. Рахима и АНС повести Акинари Уэда.

М — Малыш.

Малыш.

Мальчик из преисподней — замысел, позднее — сценарий, повесть.

НВ — Неназначенные встречи.

Неназначенные встречи — название планируемого сборника.

Новосел — замысел.

Обитаемый остров.

ОО — Обитаемый остров.

- Отель «У Погибшего Альпиниста». Вариант заглавия: Дело об убийстве.
 Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.
 ОУПА — Отель «У Погибшего Альпиниста».
 ПХХІІВ — Полдень, XXII век.
 Парень из преисподней.
 ПВК — Погоня в Космосе.
 Пикник на обочине.
 ПКБ — Попытка к бегству.
 ПНВС — Понедельник начинается в субботу.
 ПНО — Пикник на обочине.
 По следам «Космического Негодяя» — либретто мультфильма.
 Погоня в Космосе — либретто мультфильма, повесть.
 Полдень, XXII век.
 Понедельник начинается в субботу.
 Попытка к бегству.
 Предатели Земли — либретто мультфильма.
 Принцип Иегуды — перевод АНС рассказа Ф. Брауна.
 Пятеро в одном «Рафике» — замысел коллективного сценария АНС, Д. Биленкина и В. Ревича.
 Риф Октопус — см. События на рифе Октопус.
 Самый средний — либретто мультфильма.
 СБТ — Страна багровых туч.
 СВД — Суета вокруг дивана.
 Сделка с дьяволом — либретто мультфильма.
 Сказка о Тройке.
 СНРО — События на рифе Октопус.
 События на рифе Октопус — замысел.
 СОТ — Сказка о Тройке.
 СС — Страшный суд.
 Сталкер — сценарий кинофильма.
 Страна багровых туч.
 Страшный суд — замысел.
 Суета вокруг дивана — заглавие первой части повести «Понедельник начинается в субботу».
 ТББ — Трудно быть богом.
 Товарищ Павел — см. Трижды смертник.
 Три открытия Акутагавы Рюноске — статья-предисловие АНС.
 Трижды предатель — сюжет, возможно, связанный с замыслом «События на рифе Октопус».
 Трижды смертник — сценарий АНС. Вариант заглавия: Товарищ Павел.
 Трудно быть богом.
 Улитка на склоне.
 УНС — Улитка на склоне.
 ХВВ — Хищные вещи века.
 Хищные вещи века.
 Хромая судьба.
 Чародеи — сценарий по повести «Понедельник начинается в субботу». Варианты заглавия: Веселые волшебники, Веселые чародеи.
 Человек из Пасифиды.
 ЧИП — Человек из Пасифиды.
 Экипаж «СКИФа».
 Экспедиция в преисподнюю.
 Экспедиция «Тяготение» — перевод АБС повести Х. Клементя.
 Этаоин Шрдлу — перевод АНС рассказа Ф. Брауна.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу 3
 ИЗ АРХИВА

Аркадий Стругацкий. Сделка с дьяволом 32

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Чародеи 32

ВАРИАНТЫ РУКОПИСЕЙ И ИЗДАНИЙ

Сценарии «Понедельник начинается в субботу» и «Чародеи» 93

II. ПУБЛИЦИСТИКА

ОПУБЛИКОВАННОЕ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Предисловие 236

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. В редакцию «Литературной газеты» 240

ИЗ АРХИВА

Аркадий Стругацкий. Рецензия на детективную повесть М. Стейги и Л. Вольфа
 «Шах королеве бриллиантов» 241

Аркадий Стругацкий. Рецензия на научно-фантастические рассказы и повесть
 Евгения Ларина 242

Аркадий Стругацкий. Рецензия на второй вариант приключенческого романа
 В. Чернова «Сын Розовой Медведицы» 243

Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Л. Пироговой
 «Тайна вещей граней» 244

Аркадий Стругацкий. Отзыв на научно-фантастический рассказ Валентина Рича
 «Вася» 245

Аркадий Стругацкий. Рецензия на научно-фантастический рассказ Р. Подольного
 «Партия в пинг-понг» 245

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Владимира Михановского «Гвоздика» 246

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Владимира Малова «Я — шерристянин» 247

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Виктора Болдырева «Геутваль» 248

Аркадий Стругацкий. Отзыв на рассказ Лена Грея «Приключение Герби и
 большого Сола» 248

Аркадий Стругацкий. Рецензия на научно-фантастическую повесть Мюррея
 Лейнстера «Четверо с пятой планеты» 249

Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Виктора Бабкина
 «Владик из Древней Греции» 251

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Г. Кубанского «Монах» 251

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть Юлия Файбышенко «В медвежьем углу» 253

Аркадий Стругацкий. Отзыв на рассказы В. Морочко «Сод» и «Бой на восходе
 солнца» 254

Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть В. Фирсова
 «И жизнь, и смерть» 254

Аркадий Стругацкий. Рецензия на рассказы Н. Селецкого «ЭСКОЛ–4791»,
 «И через сто лет», «Они не вернулись» 256

Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник научно-фантастических повестей и рассказов И. Росоховатского «Что такое человек?»	256
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Ответы на анкету «Наука и общество» «Литературной газеты»	258
Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Дж. Хартриджа «Спящие пробуждаются»	260
Аркадий Стругацкий. Рецензия на научно-фантастическую повесть К. Ломера «Дом в ноябре»	261
Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Пола Андерсона «Операция “Хаос”»	262
Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Брайана Болла «Яма во времени»	264
Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Чарльза Платта «Планета волян»	265
Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник научно-фантастических рассказов и памфлетов Михаила Грешнова «Фантастика»	266
Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастический роман Ю. Тупицына «Золотой век» («Операция будет опасной»)	269
Аркадий Стругацкий. Рецензия на сборник повестей и рассказов для школьников среднего возраста «Ночной орел»	270
Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастическую повесть Дж. Херси «Покупщик детей»	272

III. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ. ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1972	274
Борис Стругацкий. Письма матери, 1972	312
Борис Стругацкий. Письмо супруге, 1972	313
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочий дневник, 1971–1987	314
Аркадий Стругацкий. Дневник, 1971–1973	323
Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1972–1973	349
Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1972	354
Борис Стругацкий. Дневник, 1969–1974	357

IV. ПРИЛОЖЕНИЯ

Необходимые пояснения	361
Комментарии и примечания	361
Библиография. 1972 г.	381
Указатель имен	381
Указатель заглавий произведений и их аббревиатур	388